Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН

КАВКАЗ И СТЕПЬ НА РУБЕЖЕ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

**Материалы международной научной конференции,
посвященной памяти
МАРИИ НИКОЛАЕВНЫ ПОГРЕБОВОЙ**

Москва, 25–27 апреля 2016 г.

Москва
2016

УДК 903'15: 930.27: 94(35): 94(395.1)

Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН

Ответственные редакторы:
А. С. Балахванцев, С. В. Кулланда

Рецензенты:
В. П. Андросов, доктор исторических наук
А. К. Аликберов, кандидат исторических наук

К12 **Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа:** материалы международной научной конференции, посвященной памяти Марии Николаевны Погребовой (Москва, 25–27 апреля 2016 г.) / отв. ред. А. С. Балахванцев, С. В. Кулланда. — М.: Институт востоковедения РАН, 2016. — 264 с., ил.

В сборник включены материалы научной конференции, посвященной памяти выдающегося отечественного ученого М. Н. Погребовой. В конференции приняли участие ученые из ведущих научных центров России, Украины, Абхазии, Грузии, Армении, Азербайджана.

ISBN 978-5-89282-696-9

© Ин-т востоковедения РАН, 2016
© Авторы статей, 2016

Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences

THE CAUCASUS AND THE STEPPES IN THE LATE BRONZE — EARLY IRON AGE

Proceedings of the International Scholarly Conference Dedicated to the Memory of Maria Nikolaevna Pogrebova

Moscow, April 25–27, 2016

Edited by Archil Balakhvantsev and Sergey Kullanda

Moscow
2016

Л. А. Чвырь

М. Н. ПОГРЕБОВА: МОНОГРАФИЯ И ЕЁ АВТОР (ИЗ АНТРОПОЛОГИИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ)

Исходный постулат статьи: помимо исторического содержания каждая монография содержит ещё и информацию об индивидуальных особенностях аналитики её автора. Далее следует попытка охарактеризовать творческий стиль и ментальность М. Н. Погребовой, опираясь на анализ её монографии.

The author holds that not only the historical content but individual peculiarities of the author`s analytics as well can be found in an archaeological monograph. So M. N. Pogrebova`s creative style and way of thinking are characterized in this paper.

Организаторы конференции предложили мне немного рассказать о М. Н. Погребовой, поскольку мы работали с ней в одном секторе более сорока лет. Я, конечно, сразу согласилась, но вскоре поняла, что сделать это нелегко, поскольку непонятно, о чем конкретно я могу рассказать вам, ведь почти все присутствующие на конференции знали её лично, и каждый по-своему уважал, любил или просто хорошо к ней относился, ибо она была замечательным человеком и настоящим ученым. Кстати, этот эпитет у меня прочно ассоциируется со всем образом М. Н.: она была настоящим ученым, но также и настоящей женщиной, настоящей матерью и хозяйкой дома, настоящим другом, одним словом — она была настоящим человеком!

У каждого из нас есть свой круг друзей и коллег, которые всю жизнь или в какое-то важное время поддерживают тебя и в повседневной жизни, и в научной деятельности. У М. Н. в этот круг входило много людей. С одними она тесно работала как соавтор (с И. В. Яценко, Э. А. Грантовским, Играром Алиевым, С. А. Есаяном, Д. С. Раевским); с другими — дружила и сотрудничала (с В. Б.Ковалевской, К. Х. Кушнаревой, М. Г. Мошковой и др.); для многих людей М. Н. была поддержкой и опорой в самые тяжелые периоды их жизни (вспомним Е. Е. Кузьмину, С. Б.Певзнера, Н. Л. Членову). И это лишь те, о ком я знаю, их наверняка гораздо больше.

На конференции, посвященной памяти коллеги, трудно не впасть в одический, «хвалебный» тон, тем более что именно сейчас он как никогда уместен, но меня смущает одно обстоятельство: М. Н. очень не любила пафоса вообще и уж тем более непосредственно на неё направленного (всякий, знавший её, подтвердит это!). Поэтому мое сообщение не носит ни апологетического, ни мемуарно-психологического характера, его цель иная: рассказать об Ученом, опираясь главным образом на ее академические труды (точнее — на последнюю опубликованную в 2011 г. монографию) и отчасти на мои личные наблюдения. Всё нижесказанное ни в коем случае не рецензия, это всего лишь попытка разглядеть за типичным научным сочинением его автора.

Монографии пишут для того, чтобы сообщить читателям некую новую историческую информацию, стараясь всеми средствами убедить их в своей правоте — и демонстрацией собранного материала, и подобранными аргументами, и логичностью умозаключений. При этом автор, как правило, меньше всего заботится о том, как сам выглядит на этом фоне, и уж тем более не задумывается об особенностях своего сознания, о присущем ему типе мышления и т. п., но зато это чрезвычайно показательно с точки зрения другой науки — антропологии.

Современная отечественная этнология сейчас переживает период интенсивного обновления. Уже возникло множество новых направления и отраслей (например, *антропология права*, *антропология движения*, … *рынка*, … *спорта*, … *моды*, … *бизнеса*, … *туризма*, … *религии*, … *политики* и т. п.). Среди них формируется и *антропология академической жизни*, к которой примыкает эта заметка.

Обычно археолог особо не контролирует, как конкретно оперирует своим материалом, а это качество научного творчества как раз очень ярко демонстри-

рует некоторые его личностные черты, необязательно уникальные, но довольно разнообразные, которые и комбинируются по-разному (индивидуально). Выбор тех или иных тем и проблем для изучения, определение конкретных тактических и стратегических принципов построения исследования, отношение к своим достижениям, своим ошибкам и сомнениям — всеми этими чертами *научного поведения* каждый автор сознательно или чаще бессознательно как бы создаёт свой *автопортрет*.

Однако после публикации любой текст (и научный в том числе) существует уже независимо от воли его создателя. Главной фигурой становится читатель со своим интересом, вольный выбирать свой аспект чтения, свой подход к тексту. Большинство, естественно, пытается понять историческое содержание, то, ради чего монография была задумана и написана, но помимо этого существуют и иные контексты восприятия книги. Например, рассмотрение избранной автором проблемы в общем «историографическом потоке», или — наблюдение за развитием авторской культурно-исторической концепции, выяснение места и роли данного сочинения в «линии жизни» и в творчестве автора и т. п. И только использование научного текста как источника для воссоздания *творческого образа и стиля автора* у нас пока не очень принято. Вот об этой грани личности М. Н. я и попытаюсь немного рассказать.

* * *

Последняя прижизненная монография М. Н. Погребовой (2011 г.) — «История Восточного Закавказья. Вторая половина II — начало I тыс. до н. э.» — во многих смыслах *итоговая*. Знаменательно, что она посвящена памяти В. Р. Кулланды, мужа и друга М. Н., что конечно свидетельствует об особой значимости именно этого труда для неё. Она считала его завершающим (для себя) этапом в разработке проблем, над которыми размышляла (в постоянном диалоге с коллегами) на протяжении почти всего своего творческого пути. В этом легко убедиться, заглянув в раннюю публикацию «Иран и Закавказье в раннем железном веке» (1977). Масштаб и координаты анализа там, естественно, были значительно уже, но именно тогда уже был намечен круг проблем, впервые сформулированы некоторые предположения и приведены оригинальные наблюдения над археологическим материалом, свидетельствующие об этнокультурных взаимодействиях внутри огромного кавказско-иранского ареала. Не пересказывая итогов первой монографии, упомяну лишь некоторые её ключевые положения, чтобы примерно обозначить концептуальные рамки и последней книги (2011 г.), но одновременно и для того, чтобы выделить характерные черты самого автора.

Ранняя монография содержит ряд тонких замечаний о своеобразии общерегиональных культурных взаимодействий. Например, в материальной культуре Закавказья и Ирана изучаемого периода были отмечены двухсторонние заимствования, но их *распределени*е оказалось разным: в Иране они были сосредоточены лишь на определенных памятниках, а в Закавказье «иранские» элементы рассредоточивались (1977, 168–169). Это наблюдение, в свою очередь, уже давало основания судить (или осторожно предполагать) о характерных чертах этого обмена между двумя регионами: он, несомненно, был длительным, постоянным, и задействованы в нем были преимущественно рядовые, массовые вещи. Но иногда, помимо этой общей региональной тенденции, М. Н. были выявлены и своеобразные случаи взаимодействия — между отдельными локальными центрами Ирана и Закавказья, когда в обмен вовлекали ещё и редкие «предметы искусства и роскоши»; впоследствии в этих областях даже появлялись местные имитации привозных артефактов, что свидетельствует уже о другом качестве обмена (не только изделиями определенной формы, но и технологиями их изготовления).

Различение качественно разных связей по археологическим данным — едва ли не центральная проблема, занимавшая М. Н. постоянно. Обратив внимание на неравноценность хронологически одновременных связей Ирана с Закавказьем в разных локальных зонах изучаемого ареала, она продолжала держать в фокусе своего сознания почти одновременные, но своеобразные процессы — и региональные, и локальные. Согласитесь, что такая оптика редка, трудоемка и доступна отнюдь не всем, но авторскому видению М. Н. она была присуща.

Личностные свойства автора хорошо проявляются при оценке собственного сочинения. М. Н. видела значение достигнутых в первой монографии результатов в том, что они полезны «для исследования последующих эпох», для периода перед скифскими походами на Кавказ (1977, 173), что, несомненно, важно — с исторической точки зрения. А что «рассказывают» эти выводы о самом авторе? Во-первых, они демонстрируют явное ощущение у М. Н. её причастности к большому, общему делу: она постоянно упоминает и тщательно ссылается на мнения коллег, существуя как бы в постоянном диалоге (полилоге?) с ними. Во-вторых, заключение книги ясно проявляет способность М. Н. видеть относительность своих достижений и умение ставить перед собой очередные задачи. Например, она пишет, что по археологическим материалам этническая принадлежность «контактирующих» групп населения» по-прежнему остаётся трудноуловимой, а

критерии для отслеживания миграций — недостаточно определёнными. Подобные констатации типичны для исследовательского стиля М. Н.: она никогда не «вуалирует» трудности, наоборот, выделяет вопросы, всё ещё остающиеся без ответов, включает в выводы не только очевидные (после соответствующего анализа) результаты, но иногда и напоминания о возможности этнокультурных процессов, пока ещё окончательно не выявленных в материальной культуре (1977, 171). И тем не менее уже книга 1977 г. оставляет впечатление предварительного (о чем говорила и она сама!), но уже вполне вырисовывающегося силуэта *обобщенной* историко-культурной картины развития региона.

* * *

Но вернёмся к монографии 2011 г. Пытаясь реконструировать историко-культурную динамику огромного региона — Восточного Закавказья и сопредельных стран — автор первые полкниги посвящает проблемам датировки, пытаясь преодолеть существовавшую разноголосицу мнений на этот счет, и в результате конструирует *хронологически единообразную систему* памятников, выделив пять основных периодов. Оценка этой системы не входит в мою задачу и тем более компетенцию, но в любом случае именно она и стала фундаментом, каркасом всей книги.

Следующий логический шаг в разработке основной проблемы — выяснение *культурных соотношений* разных памятников (или целых их групп) по выделенным периодам. По сути это многосложное, поэтапное сравнение всех категорий вещей и иных археологических признаков на памятниках большого региона. За полученными результатами — соотношениями групп памятников — археологи обычно видят реальные «взаимодействия» соответствующих групп местного и пришлого населения.

За полученными результатами — соотношениями групп памятников — археологи справедливо усматривают реальные «взаимодействия» соответствующих групп местного и пришлого населения. В зависимости от качества и интенсивности конкретных вариантов взаимодействий автор выделяет разные *типы контактов*, обусловленные, в свою очередь, разными историко-культурными процессами. Таким образом, начав с выяснения вариантов соотношений материальных вещей, автор выходит на следующий таксономический уровень — создание сводной и динамичной картины развития целого региона.

Такой порядок работы над проблемой, естественно, не нов, скорее типичен, но сейчас нам важны не исторические выводы монографии, а то *как именно* эти шаги-этапы исследования осуществлялись.

Начинает М. Н. всегда с *конкретики:* рассматриваются основные категории археологических материалов, взятые последовательно изо всех конкретных локальных ареалов региона, их сравнивают по конкретным периодам, в каждом случае имея в виду конкретное, довольно пестрое население… Обработанные данные таким образом подготовлены к *обобщениям*, то есть к главному объекту (моего) интереса. Насколько они убедительны (с исторической точки зрения) опять-таки решат профессионалы, археологи (возможно, и на этой конференции). Допускаю частичные или даже некоторые принципиальные несогласия с концепцией М. Н., хотя в таких случаях придется опровергать все представленные в книге аргументы, а их немало и они взаимосвязаны! Но сейчас дело не в них: предстоит понять, как именно автор приходит к этим обобщениям, каковы характерные приемы и принципы её аналитики.

Изложенная в книге обобщенная картина историко-культурного развития Закавказья указанного периода убеждает прежде всего своей *цельностью*, т. е. сочетанием внутренней логики огромной реконструированной картины и скрупулезной проработкой и учетом всех археологических фактов, установленных наукой на сегодня. Чтобы убедить читателя в своей правоте, автор отнюдь не «прячет концы в воду», наоборот, М. Н. очень нацелена на поиск слабых мест в собственной гипотезе и при первой возможности (появлении новых археологических или историко-лингвистических данных) смело возвращается к трудным или сомнительным моментам.

Например, проблема датировок. Всем понятно, что согласование разнообразных частных датировок — работа колоссально трудоемкая, морально тяжелая и непопулярная (из-за понятного недовольства некоторых коллег). И надо видеть, как деликатно М. Н. справляется с этим: с каким пиететом и уважением излагает идеи своих учителей и предшественников (даже не всегда соглашаясь с ними), как вдумчиво и внимательно прислушивается к выводам и мнениям коллег. Но вместе с тем твердой рукой профессионала М. Н. отбирает наиболее доказательные и аргументированные (с её точки зрения) предположения по каждой конкретной исторической ситуации или локальному району, и, опираясь на них**,** *ищет своё в**и**дение* более масштабных историко-культурных процессов не только во всём изучаемом регионе, но и даже вокруг него. Это помогает ей подойти к максимально полному представлению о структуре и качественном своеобразии региона.

М. Н. была исследователем пытливым и очень целеустремленным (достаточно сравнить проблематику первой и последней её книг). Особенно примечателен её постоянный, неугасающий интерес к *теории и методике* изучения историко-культурного процесса

вообще. Но не подумайте, что это хоть сколько-нибудь походило на отвлеченное философствование. Все теоретические и методические вопросы она воспринимала сквозь призму кавказского археологического материала, они были необходимы для его обобщения на «уровне мировых стандартов». Иными словами, М. Н. шла не просто от археологического материала, но ещё и активно вовлекала его в новейшие теоретические координаты.

Манера поведения ученого, включая и его прирожденный темперамент, и благоприобретенную воспитанность, часто и ярко проявляются в устной форме, то есть во время доклада или какого-либо обсуждения. В таких ситуациях, как известно, мы часто сталкиваемся с азартом, напором, упрямством, даже яростью участников (иногда человек перестает слышать оппонентов!) или, наоборот, наблюдаем очень редкую ныне внимательную, спокойную и вменяемую реакцию на замечания и пожелания. Такими обычно были доклады М. Н. — защита своей точки зрения только аргументами — деловито, без какой-либо аффектации, без повышения голоса, почти всегда элегантно! Эти же свойства — исследовательский азарт и эмоциональная сдержанность — рельефно представлены и в письменном творчестве, в монографиях М. Н.

Но, пожалуй, ведущим, определяющим (с моей точки зрения) свойством всего научного творчества М. Н. была её *склонность к обобщениям*.

Историко-культурное обобщение, как известно, особый жанр научной литературы и работы, необходимость которого, казалось бы, очевидна. Сделанные на разных этапах разработки проблемы, обобщения всегда условны и временны, но они ориентируют в море современной информации и тех, кто принимает написанное, и тех, кто утверждает иное; они способны выявлять спорные, сомнительные или парадоксальные моменты в сложившейся ситуации расследования, и, соответственно, формулировать новые, требующие изучения вопросы.

Такого рода работа, как известно, интересна отнюдь не всем, многие предпочитают конкретные темы, однозначную проблематику, круг определенных вопросов и ожидаемых ответов, а любое обобщение — это ответственность и сплошная неоднозначность, а как следствие — часто напряженные отношения с коллегами. Некоторые исследователи вообще испытывают нечто вроде когнитивного диссонанса, пытаясь сопрягать в одно целое, на первый взгляд, мало совместимые или противоречивые процессы и тенденции, — и просто не хотят в это углубляться. Но люди другого склада ума, напротив, ощущают такую ситуацию как вызов, как побудительный мотив для дальнейших действий.

Склонность к обобщениям проявляется у М. Н. в виде способности, с одной стороны, разглядеть (предугадать?) в самом разнородном и смешанном материале едва проступающие черты или контур *цельной* (пусть пока и неполной) картины, а с другой — она сказывается в умении ученого выделить в самой проблеме новые, не только привычные аспекты.

Всякое научное обобщение очевидно опирается не только на знание исходного материала, но ещё и на совершенно определенные качества и навыки у самого автора.

а) Например, ничто не может гарантировать по-настоящему цельного, обобщенного в**и**дения проблемы, если автор не обладает *общекультурным кругозором*. Кругозор — это совершенно определенный навык восприятия мира, в том числе учитывающий одновременное наличие разных процессов и факторов и их взаимовлияние; научная эрудиция во многом тоже обусловлена общекультурным горизонтом исследователя (и читателя).

б) Ещё одно бросающееся в глаза исследовательское качество М. Н. — неизбывно *живой интерес* к достижениям коллег. Он, конечно, тоже связан с общим кругозором и научной эрудицией, но у М. Н. он ещё дополняется удивительным *умением слушать и слышать* чужие мнения, аргументы, суждения. Часто такое качество объясняют воспитанием, полученным в детстве, в семье, что верно лишь отчасти, здесь я вижу у М. Н. ещё и *веру* в чужие таланты, способности, возможности окружающих людей и связанную с этим необычную по нынешним временам *деликатность* в обращении с людьми. Подобные человеческие качества ныне, увы, редки, но для М. Н. они были абсолютно естественной *нормой*.

Кстати, о деликатности. Она вовсе не исключает (а даже предполагает) критическое отношение к разным высказываниям. Непримиримость в научных спорах у М. Н. тоже была, но не по отношению к конкретному человеку, оппоненту, а к противоположной точке зрения. Иное мнение стимулировало поиск новых аргументов, подтверждавших её позицию. В этом отношении она была настоящим борцом (но не «пламенным», а скорее «планомерным»!), и книга 2011 г. тому подтверждение. Впрочем, выражение «боевой дух» как-то мало вяжется с образом хрупкой, элегантной дамы, скорее в текстах М. Н. доминирует установка на поиск солидарных мнений и идей, а не на противоборство.

в) Способность к критическому мышлению — это, конечно, особый дар, который люди используют по-разному. Одни склонны акцентировать в чужом высказывании преимущественные негативные моменты, что свидетельствует об определенном складе ума и характера. Но есть другие критики, способные выделить плюсы и минусы у оппонента, разглядеть отдельные полезные для воссоздания целостной картины идеи, соображения, детали, факты, и умеющие их

использовать в своей реконструкции *общей картины*. М. Н. всегда внимательно следила за различными, часто противоречивыми тенденциями в толковании археологического материала, старалась не упустить ничего, так что в итоге в её изложении масштабный процесс регионального развития не выглядит ни единообразно монолитным, ни тем более однолинейным, а в отдельных случаях он даже необязательно логичен. Но таков археологический материал и таково в**и**дение исторических региональных процессов автором.

Всё сказанное выше явно указывает на *особый, своеобразный склад мышления* М. Н., как исследователя. Обратите внимание, я не оцениваю его, считая это неуместным, само по себе мышление ни хорошо, ни плохо, просто у одних людей оно *такое*, у других способ мыслить *другой*. Но согласно нейропсихологической классификации, такое мышление, которое называется *дивергентным*, обычно выражается в способности человека к генерации одновременно множества идей, в умении исследователя сопрягать разные точки зрения и, отходя от стереотипов, порождать нетривиальные мысли.

Все перечисленные качества, на мой взгляд, явно просматриваются во всех исследованиях М. Н., они составляют самую сердцевину её творческого метода. И всё это запечатлено в монографии-2011.

В сознании читателя автор жив и после своей кончины не только плодотворностью привнесённых и защищаемых при жизни идей, но ещё и своим неповторимым *способом думать*, который запечатлен в его письменных текстах, но также и в нашей устной памяти (пока мы живы).

Литература

Погребова М. Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977.

Погребова М. Н. История Восточного Закавказья. Вторая половина II — начало I тыс. до н. э., М., 2011.

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ М. Н. ПОГРЕБОВОЙ

1. Памятники эпохи бронзы Унцукульского р-на ДагАССР // ТД научной сессии Ин-та истории, языка и литературы ДагФАН СССР. Махачкала, 1959.
2. Бронзовый кинжал переднеазиатского типа из Кедабекского могильника в Северном Азербайджане // Труды ГИМ. Вып. 37. М., 1960.
3. Ирганайский склеп эпохи бронзы // Материалы по археологии Дагестана. Т. 2. Махачкала, 1961.
4. Некоторые формы закавказского оружия раннескифского времени // КСИА. Вып. 89. М., 1962.
5. Вооружение и войско народов Центрального и Восточного Закавказья эпохи поздней бронзы и раннего железа. Автореф. канд дисс. М., 1965.
6. Несколько иранских кинжалов на Кавказе // КСИА. Вып.103. М.,1965.
7. Восточно-закавказские кинжалы эпохи поздней бронзы и раннего железа (по фондам ГИМ) // Труды ГИМ. Вып. 40. М., 1966.
8. Урартские мечи из Закавказья// СА. 1967. № 2.
9. Проблемы истории Индии и археология // Вопросы истории. 1968. № 9.
10. Исследования в районе Кисловодска // АО-1969. М., 1970.
11. Железные топоры скифского типа в Закавказье// СА. 1969. № 2.
12. Иран и Закавказье в конце II — нач. I тыс. до н. э. (Некоторые проблемы абсолютной и относительной хронологии) // ТД Всесоюзной конференции по искусству и археологии Ирана. М., 1969.
13. Кавказский кинжал, найденный в Китае (в соавторстве с Н. Л. Членовой) // Древняя Сибирь. Вып. 3. 1970.
14. Иран и Закавказье в конце II тыс. до н. э. (некоторые проблемы абсолютной и относительной хронологии) // Искусство и археология Ирана. М., 1971.
15. К вопросу о связях Восточного Закавказья и Ирана в конце II — нач. I тыс. до н. э. // История иранского государства и культуры. М., 1971.
16. Поселение эпохи бронзы у с. Ирганай Унцукульского р-на (Предварит. сообщение) // Материалы по археологии Дагестана. Т. 3. Махачкала, 1973.
17. Об этнических процессах на территории Вост. Азербайджана и Зап. Ирана в конце II — начале I тыс. до н. э. (в соавторстве с И. Г. Алиевым) // Международный симпозиум по этнич. проблемам древней истории Центр. Азии. ТД советских ученых. М., 1977.
18. Новые находки кольцевидных пряжек в Армении (в соавторстве с С. А. Есаяном) // Вестник общественных наук АН АрмССР. 1978. № 11.
19. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977.
20. К вопросу о миграции ираноязычных племен в Восточное Закавказье в доскифскую эпоху // СА. 1977. № 2.
21. Дохараппская керамика Калибангана // Средняя Азия в древности и средневековье (История и культура). М., 1977.
22. Кавказ и Луристан // ТД 8-й Всесоюзн. Конференции по Древнему Востоку. М., 1979.

23. Палочки-застежки в закавказских и скифских памятниках (в соавторстве с С. А. Есаяном) // Вестник общественных наук АН АрмССР. 1980. № 1.

24. Об этнических процессах в областях Восточного Закавказья и Западного Ирана в конце II — начале I тыс. до н. э. (в соавторстве с И. Г. Алиевым) // Этнические проблемы истории Центр. Азии в древности (II тыс. до н. э.). М., 1981.

25. О некоторых общих элементах в культуре Закавказья и Ближнего Востока II– I тыс. до н. э. // Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье. ТД конференции. М., 1981.

26. Памятники скифской культуры в Закавказье // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981.

27. Скифские мечи и кинжалы, обнаруженные в Закавказье (в соавторстве с С. А. Есаяном) // Вестник общественных наук АН АрмССР. 1981. № 9 (на арм. яз. с русским резюме).

28. Роль инокультурных влияний в культурном развитии // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. ТД Всесоюзной конференции. Ереван, 1982.

29. О некоторых сюжетах скифо-сакского звериного стиля // Бактрия-Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. ТД конференции. М., 1983.

30. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984.

31. Кобанская пряжка «восточного типа» // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.

32. О некоторых комплексах второй четверти I тыс. до н. э. Закавказья, Северного Кавказа и Восточной Европы (Опыт исторической интерпретации межкультурных связей) (в соавторстве с Д. С. Раевским) // Душетская научная конференция, посвященная проблеме взаимоотношений между горными и равнинными регионами (Аннотации) Тб., 1984.

33. Закавказье и его этнические и культурные связи с Ираном (XIII–VI вв. до н. э.). Автореф. докт. дисс. М., 1985.

34. Скифские памятники Закавказья (в соавторстве с С. А. Есаяном). М., 1985.

35. Памятники сакского звериного стиля из Восточного Туркестана (в соавторстве с Б. А. Литвинским и Д. С. Раевским) // ТД научной конференции “Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии (26–29 мая 1985 г., Дальверзин-тепе). Ташкент, 1985.

36. К ранней истории саков Восточного Туркестана (в соавторстве с Б. А. Литвинским и Д. С. Раевским) // Народы Азии и Африки. 1985. № 5.

37. Этногенез скифов: проблема согласования письменных и археологических данных (в соавторстве с Д. С. Раевским) // Античная балканистика 6. ТД. М., 1988.

38. Ранний железный век (в соавторстве с Д. С. Раевским) // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Очерки истории. М., 1988.

39. К вопросу об отложившихся скифах (Herod., IV, 22) (в соавторстве с Д. С. Раевским) // ВДИ. 1989. № 1.

40. К локализации зоны формирования скифского звериного стиля (в соавторстве с Д. С. Раевским) // ТД областной конференции «Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья», посвященной 90-летию со дня рождения проф. Б. Н. Гракова. 1. Запорожье, 1989.

41. К изучению межплеменных связей населения Закавказья в I тыс. до н. э. на материале бронзовых поясов (в соавторстве с Д. С. Раевским) // Междисциплинарные исследования культурогенеза и этногенеза Армянского нагорья и сопредельных областей (Сборник докладов). Ереван, 1990.

42. On the “Breakaway Scythians” (Herod., IV, 22) (in coop. with Raevsky D. S.) // Orpheus. 1991. 1.

43. О роли луристанских бронз в формировании скифского звериного стиля (в соавторстве с Д. С. Раевским) // Культура Востока: проблемы и памятники. Краткое изложение докладов, посвященных памяти В. Г. Луконина. СПб, 1992.

44. О позднем компоненте в составе «клада Зивие» (в соавторстве с Д. С. Раевским) // Северная Евразия от древности до средневековья. ТД конференции к 90-летию со дня рождения М. П. Грязнова. СПб., 1992.

45. О природе евразийского культурного единства скифской эпохи (в соавторстве с Д. С. Раевским) // Культурно-историческое единство Евразии и Великий шелковый путь. Вып. 1. М., 1992.

46. Ранние скифы и древний Восток. К истории становления скифской культуры (в соавторстве с Д. С. Раевским). М., 1992.

47. Ранние скифы (К методике поиска археологического эквивалента нарративной традиции) (в соавторстве с Д. С. Раевским) // Труды V Международного конгресса по фракологии. София, 1992.

48. Жаботинские костяные пластины как аргумент в дискуссии о сложении раннескифского звериного стиля (в соавторстве с Д. С. Раевским) // Культурно-историческое единство Евразии и Великий шелковый путь. Вып. 2. М., 1992.

49. Ранние скифы в свете письменной традиции и археологических данных (в соавторстве с Д. С. Раевским) // ВДИ. 1993. № 4.

50. Скифские походы в Переднюю Азию и некоторые аспекты хозяйственно-культурной характеристики ранних скифов (в соавторстве с Д. С. Раевским) // Международное сотрудничество археологов на великих торговых и культурных путях древности и средневековья. Кисловодск, 1994.

51. Памятники Закавказья эпохи поздней бронзы как источник для реконструкции этнокультурных процессов // Древность: историческое знание и специфика источника. ТД конференции, посвященной памяти Эдвина Арвидовича Грантовского (25–27 сентября 1996 г.). М., 1996.

52. Закавказские бронзовые пояса с гравированными изображениями (в соавторстве с Д. С. Раевским). М., 1997.

53. Савроматы и скифы (Некоторые аспекты проблемы происхождения савроматов в свете этнокультурной истории Восточной Европы) (в соавторстве с Д. С. Раевским) // Сарматы и Скифия. Сборник научных докладов III международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» (Донские древности, вып. 5). Азов, 1997.

54. Киммерийцы в Передней Азии (по поводу монографии: A. I. Ivantchik. Les Cimmériens au Proche-Orient. Fribourg, Suisse-Göttingen, 1993. Русское издание: А. И. Иванчик. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII веках до н. э. М., 1996). (в соавторстве с Э. А. Грантовским и Д. С. Раевским) // ВДИ. 1997. № 4.

55. Киммерийская проблема (По поводу книги: А. Ю. Алексеев, Н. К. Качалова, С. Р. Тохтасьев. Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. Публикации Информационно-исследовательского института «Ермаков», Малая серия, вып.1, СПб, 1993) (в соавторстве с Д. С. Раевским и И. В. Яценко) // ВДИ. 1998. № 3.

56. К культурно-исторической интерпретации памятников звериного стиля из Жаботинского кургана № 2 (в соавторстве с Д. С. Раевским) // Евразийские древности. 100 лет Б. Н.Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999.

57. Митаннийские печати из Закавказья // Древние геммы и камни Востока. ТД конференции. М., 1999.

58. Закавказье и евразийские степи в конце II — начале I тыс. до н. э. // Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н. э. ТД Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Б. Н. Гракова. М., 1999.

59. Южный Кавказ в конце II тыс. до н. э. (к проблеме взаимоотношения археологических данных и этноса) // Древность: историческое знание и специфика источника. Материалы конференции, посвященной памяти Эдвина Арвидовича Грантовского (3–5 октября 2000 г.). М., 2000.

60. Печати митаннийского стиля из Закавказья как исторический источник // ВДИ. 2000. № 4.

61. Рец.: С. Л. Дударев. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками юго-восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир, 1999. // Донская археология. 2000. Вып. 3–4.

62. К локализации «страны Гамир» ассирийских текстов // Ethnic and cultural Heritage of Caucasian Albania. International Scientific Conference. Baku, 2001.

63. Закавказье и киммерийцы ассирийских текстов конца VIII в. до н.э. // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М., 2001.

64. Transcaucasia and the Middle East in the early 1st millennium BC // Second International Congress on Black Sea Antiquities. Abstracts of Papers. Ankara, 2001.

65. «Уйгаракский аргумент» в контексте проблемы генезиса звериного стиля скифской эпохи (в соавторстве с Д.С. Раевским) // РА. 2001. № 4.

66. Киммерийцы в Центральной Азии: рождение мифа (в соавт. с Д.С. Раевским) // Петербургский Рериховский сборник: вып. V. СПб., 2002.

67. К формированию культуры эпохи бронзы в Восточном Закавказье // История и языки древнего Востока. СПб., 2002.

68. The Emergence of Chariots and riding in the South Caucasus // 8-th EAA Annual Meeting. Abstracts Book. Thessaloniki, 2002.

69. Сакасена и археологическая реальность // Scripta Gregoriana, М., 2003.

70. Звериный стиль как компонент полиэтничной культуры евразийских степей в скифскую эпоху (в соавторстве с Д.С. Раевским) // Центральная Азия. Источники, история, культура. Тезисы докладов конференции, посвященной 80-летию Е.А. Давидович и Б.А. Литвинского. М., 2003.

71. The Emergence of Chariots and Riding in the South Caucasus // Oxford Journal of Archaeology. 2003. Vol. 22 (4).

72. Степи Евразии и древний Ближний Восток в киммерийско-скифскую эпоху (в соавторстве с Д.С. Раевским) // История древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй. М., 2004.

73. Образцы поэтики звериного стиля в раннескифских древностях Прикубанья (в соавторстве с Д.С. Раевским) // XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа, М., 2004.

74. Элементы узды евразийского типа из Закавказья // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. Т. 2. Новосибирск, 2005.

75. Звериный стиль скифской эпохи как lingua franca евразийских степей (в соавторстве с Д.С. Раевским) // Центральная Азия. Источники, история, культура. М., 2005.

76. Scythian Campaigns in the Near East // Third International Congress on Black Sea Antiquity (Pontic Congress). Abstracts of papers and posters. Prague, 2005.

77. Центральноазиатская гипотеза происхождения скифской культуры и этноса // Древности скифской эпохи. М., 2006.

78. Иранский мир и скифы Причерноморья (в соавторстве с С.В. Кулландой) // Ирано–Славика. 2006. № 2 (20).

79. Ритуал конских захоронений в Закавказье II–I тыс. до н.э. // Первая абхазская международная археологическая конференция. Материалы конференции. Сухум, 2006.

80. Значение общеарийского наследия в изучении культуры скифов Причерноморья (в соавторстве с Д.С. Раевским и С.В. Кулландой) // Вестник РГНФ. 2006. № 4.

81. Рец.: Д.С. Раевский. Мир скифской культуры. М., 2006 // Вестник Евразии. № 4 (38). М., 2007.

82. The Origins of Scythian Culture: Animal Style (в соавторстве с Д.С. Раевским) // Scythian, Sarmatians, Alans. Iranian-speaking Nomads of the Eurasian Steppes. International and Interdisciplinary Conference. Autonomous University of Barcelona, 7–10 May 2007. Barcelona, 2007.

83. Восточное Закавказье в конце эпохи поздней бронзы/раннего железа // Международная научно-практическая конференция «Восток в эпоху древности. Новые методы исследований: междисциплинарный подход, общество и природная среда». Тезисы. М., 2007.

84. Рец.: Владимира Петренко. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. Москва; Берлин; Бордо, 2006 // РА. 2008. № 2.

85. Iran and the Adjacent Countries in Antiquity: The Interaction of Cultures // The 2nd International Congress of Society of South Asian Archaeology (SOSAA). Shiraz, 2008.

86. Дмитрий Сергеевич Раевский (1941–2004) // Вестник Евразии. № 4(38). М., 2007.

87. Рец.: В. Р. Эрлих. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников. М.,: Наука, 2007. // ВДИ. 2009. № 1.

88. Конец эпохи поздней бронзы/раннего железа в свете раскопок А. А. Ивановского // Материалы Международной научной конференции 11–12 сентября 2008 г. Кавказ. Археология и этнология. Баку, 2009.

89. The Caucasus between the nomads and the Near East // 4th International Congress on Black Sea Antiquities. Istanbul 14–18 September 2009. Summaries of Papers. Istanbul, 2009.

90. Памятники лчашенского типа. Особенности культуры восточного ареала // Древность: историческое знание и специфика источника. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Э. А. Грантовского и Д. С. Раевского. Вып. IV. М., 2009.

91. Д. С. Раевский, ученый и человек. // Stratum plus. № 3. 2005–2009.

92. A Near-Eastern Impetus of the South Caucasian Late Bronze Age // 2nd International Congress of Eurasian Archaeology. East Anatolian and Caucasian Bronze Age Cultures. Abstracts. Tire, 2010.

93. К началу эпохи поздней бронзы в междуречье Куры и Аракса // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси, 2010.

94. Об освоении коня древними народами Южного Кавказа // Проблемы истории и культуры Древнего Востока. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Г. М. Бонгард-Левина. М., 2010.

95. Особенности конских захоронений и конского убора в памятниках VIII — первой половины VII вв. до н. э. правобережья Куры // Археология, этнология, фольклористика Кавказа. Международная научная конференция. Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси 2011.

96. История Восточного Закавказья. Вторая половина II — начало I тыс. до н. э. (по археологическим данным). М., 2011.

97. Кони в древней погребальной обрядности населения Южного Кавказа // Древность: историческое знание и специфика источника. Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Э. А. Грантовского и Д. С. Раевского. Вып. V. М., 2011.

98. К происхождению и эволюции одного типа орнамента на сосудах Южного Кавказа (конец II — начало I тыс. до н. э.) // Изкуство & идеология. София, 2012.

99. Визуальный фольклор. Поэтика скифского звериного стиля (в соавторстве с Д. С. Раевским и С. В. Кулландой). М., 2013.

100. The Caucasus — between the nomads and the Near East // BAR Intern. Series 2517. Oxford, 2013.

101. Иранский мир и Кавказ в I тыс. до н. э. (на материале конских погребений) // Иранский мир II–I тыс. до н. э. Материалы международной научной конференции, посвященой памяти Э. А. Грантовского и Д. С. Раевского. Вып. VI. М., 2013.

102. Кони в древней истории Кавказа // Последний энциклопедист. К юбилею со дня рождения Б. А. Литвинского. М., 2013.

103. Кавказ и скифы // Этногенез и этническая история осетин. Материалы Международного научного конгресса «Этногенез и этническая история осетин» (Владикавказ 21–22 мая 2013 г.) Владикавказ, 2013.

104. Рец.: А. А. Иерусалимская. Мощевая Балка: необычный археологический памятник на северокавказском шелковом пути. СПб, 2012 (в соавторстве с В. Б. Ковалевской) // РА. 2014. № 3.

105. О конях, оленях и колесницах Южного Кавказа // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях. Сборник памяти Елены Ефимовны Кузьминой. Барнаул, 2014.

Составитель *С. В. Кулланда*

А. С. Балахванцев

АБСОЛЮТНАЯ ХРОНОЛОГИЯ АРХАИЧЕСКОЙ СКИФИИ: ВОСТОЧНЫЕ РЕПЕРЫ

В статье рассматривается вопрос о роли восточных реперов в разработке абсолютной хронологии архаической Скифии. Определение даты падения Урарту ок. 640 г. до н. э. и создания рысайкинской надписи в конце VIII до н. э. позволяет представить раннескифскую хронологию в следующем виде: появление скифов на Северном Кавказе не позднее середины VIII до н. э.; скифские вторжения в Закавказье и Северо-Западный Иран в конце VIII до н. э.; произведения скифского звериного стиля и предметы вооружения из разрушенных урартских центров относятся к периоду не позднее середины VII до н. э.

The article discusses how eastern chronological benchmarks can contribute to the absolute chronology of archaic Scythia. Given the dates of the fall of Urartu (ca. 640 BC) and the Rysaikino inscription (the late 8th century BC), the early Scythian chronology shows up as follows: the Scythians appeared in the North Caucasus as early as in the mid-8th century BC; they invaded Transcaucasia and the north-western Iran in the late 8th century BC; articles executed in the Scythian animal style and weapons from the destroyed centres of Urartu should be dated to the mid-7th century BC at the latest.

Скифская археология добилась больших успехов в деле построения относительной хронологии почти всех элементов, составляющих раннескифский археологический комплекс. Однако для перевода относительных дат в абсолютные первые должны быть связаны с какой-либо древней шкалой времени (Бикерман 1975, 9). Поскольку скифское общество не имело ни своей собственной письменной традиции, ни своего летосчисления, то его памятники следует датировать по *совстречаемости* с артефактами и археологическими комплексами тех культур, где оба этих явления — письменность и хронология — были налицо. Применительно к эпохе скифской архаики речь может идти об античной керамике и слоях разрушения урартских городов, а также еще одном — поистине уникальном — предмете: костяном псалии с арамейской надписью из Рысайкина.

Считается, что для установления хронологии раннескифского периода античные импорты имеют более важное значение, чем переднеазиатские артефакты (Эрлих и др. 2015, 76). Что можно заметить по данному поводу? Относительная хронология восточногреческой керамики — именно она в основном и поступала в бассейн Черного моря — базируется на стратиграфии находок, их археологическом контексте и стилистическом анализе (Cook, Dupont 1998, 8; Kerschner, Schlotzhauer 2005, 7). Но даже античная керамика — подобно любому другому археологическому источнику — не содержит в себе какие-либо определенные календарные даты. Они появились в распоряжении исследователей лишь благодаря находкам греческой керамики в ближневосточных центрах, о датах разрушения которых известно из *письменных* источников (Cook, Dupont 1998, 9; Kerschner, Schlotzhauer 2005, 7, anm. 24). Именно последнее обстоятельство и превратило античные сосуды в хроноиндикаторы, используемые для датировки степных древностей. Однако при этом необходимо принимать во внимание следующее.

Во-первых, слои разрушения ближневосточных центров с присутствующими там античными сосудами относятся к концу VII — началу V вв. до н. э. (Cook, Dupont 1998, 9; Kerschner, Schlotzhauer 2005, 7, anm. 24). Поэтому более ранняя керамика эпохи архаики (SiA I a–c по системе М. Кершнера и У. Шлотцауера) датируется на основе стилистического анализа, а приводимые авторами календарные даты не претендуют на точность (Kerschner, Schlotzhauer 2005, 9).

Во-вторых, о чем, собственно, говорят находки восточногреческой керамики (стиля MWG II по Р. Куку и П. Дюпону), например, в израильском форте Мецад Хашавьяху, разрушенном между 609 и 598 гг. до н. э. (Cook, Dupont 1998, 9)? Этот факт безусловно доказывает использование стиля MWG II в это время, но он

не может ответить на вопрос, насколько раньше разрушения крепости появился данный стиль, и как долго после этого он еще существовал.

В-третьих, античная керамика начинает поступать в Северное Причерноморье только в первой половине — середине VII в. до н. э. (Kerschner 2006, 237–239) и в основном концентрируется на городищах и поселениях лесостепи (Дараган 2011, 590–595). Ее самые ранние находки в погребениях номадов с сопутствующим инвентарем относятся к 650–630 гг. до н. э. (Kerschner, Schlotzhauer 2005, 17) и могут быть буквально пересчитаны по пальцам. В ряде наиболее важных для характеристики раннескифской культуры могильников, например, Келермесском, ее нет вообще[1]. Все это вынуждает исследователей к построению сложных, многозвенных цепочек, рост числа звеньев в которых закономерно приводит к прямо пропорциональному снижению точности датировок.

«Отсутствие надежных [античных — А. Б.] реперов для… первой половины VII в. до н. э., не говоря уже о VIII в. до н. э.» (Алексеев 2013, 351) требует от специалистов обратить самое пристальное внимание на те скифские древности, которые имеют непосредственное отношение к Ассирии и Урарту. Начнем с последней. Находки раннескифских вещей и оружия в слоях разрушения крепостей Тейшебаини (Пиотровский 1950, 57, рис. 61), Аргиштихинили (Тирацян 1978, 111, рис. 6), Айянис (Muscarella 2006, 154–159), Бастам, Топраккале, Чавуш-тепе (Дараган 2011, 587–588) позволяют *напрямую* связать их со временем гибели урартских центров и крушения самой державы. Уже с 50-х гг. XX в. в советской науке, несмотря на критику со стороны Р. Барнетта и Т. Сулимирского (Barnett, Watson 1952, 134–142; Sulimirski 1954, 299, 313; Barnett 1956, 114), падение Урарту было отнесено к началу VI в. до н. э. (Пиотровский 2011, 156–157; Дьяконов 1951, 29–31). Эта датировка основывалась на упоминаниях Урарту в хронике нововавилонского царя Набопаласара под 610/9 г. до н. э. и пророчестве Иеремии 594/3 г. до н. э., а также на реконструкции списка урартских царей, составленного из лиц, упоминавшихся на найденных в Тейшебаини буллах с титулом ^{LÚ}A.ZUM-*li*, который И. М. Дьяконов переводил как «сын царицы».

Однако исследования, проведенные в урартских крепостях Бастам и Айянис, заставили отказаться от прежней даты. Прежде всего, стало ясно, что Тейшебаини, Бастам и Айянис были построены царем Русой, сыном Аргишти и не пережили конца его правления, погибнув около 655 г. до н. э. (Erdem, Batmaz 2008, 69; 74)[2]. Обнаруженные в этих крепостях, а также — в Топраккале оттиски печатей с титулом ^{LÚ}A.ZUM-*li* принадлежали современникам царя Русы. К тому же выяснилось, что надпись читается как ^{LÚ}A.NIN-*li* и обозначает высокопоставленных чиновников, надзиравших за орошением (Helwag 2005, 94–96). Еще один возможный правитель Урарту второй половины VII в. до н. э. Руса, сын Эримены, в настоящее время относится исследователями либо к концу 50-х гг. VII в. до н. э. (Salvini 2012, 133), либо даже к концу VIII — первой половине VII в. до н. э. (Fuchs 2012, 149; Seidl 2012, 181; Kroll 2012, 183–186; Roaf 2012, 216). Таким образом, заполнять лакуну между последним урартским царем Сардури, известным по надписи Ашшурбанипала в 646–642 гг. до н. э., и предполагаемой датой падения Урарту в 590–585 гг. до н. э. стало просто некем.

Что же касается письменных источников конца VII — начала VI вв. до н. э., то они упоминают об Урарту только в качестве области Мидийского царства (Медведская 1992, 100–101; Дьяконов 1994, 115; Иванчик 2006, 153–155).

Наряду с уже приводившимися в литературе данными, свидетельствующими о гибели Тейшебаини не позднее конца 50-х гг. VII в. до н. э., а всего Урарту — около 640 г. до н. э., следует обратить внимание на еще одно важное обстоятельство. Речь идет о той роли, которую сыграл в крушении Урартского царства его северо-западный сосед — Кулха.

Исследователи по-разному отвечают на вопрос о судьбах царства Кулха после VIII в. до н. э. Одни полагают, что Кулха вряд ли пережила конец VIII в. до н. э., будучи разгромлена киммерийцами (Меликишвили 1962, 325; Ломоури 1975, 485; Меликишвили 1989, 212; Тодуа 1990, 33; Иванчик 2005, 63)[3], другие же считают, что нашествие скифов и киммерийцев Колхиды практически не коснулось (Микеладзе 1973, 148; Лордкипанидзе 1989, 220). Необходимо отметить, что столь радикально отличающиеся друг от друга мнения по сути являются производными от взглядов их авторов на локализацию Кулха. Так, исследователи из первой группы единодушно размещают Колхиду в бассейне р. Чорохи, в то время как их антагонисты полагают, что Кулха или, во всяком случае, его центры, изначально находились в долине р. Риони. Разумеется, подобного

[1] На мой взгляд, это обстоятельство, скорее всего, свидетельствует в пользу сооружения всей курганной группы еще до начала поступления на Северный Кавказ греческой керамики, самые ранние образцы которой в этом регионе датируются последней четвертью VII в. до н. э. (Петренко и др. 2000, 239–241; Рябкова 2015, 368–369).

[2] Новые находки в Айянисе подтвердили этот вывод (Batmaz 2014, 131).

[3] Отдельно следует остановиться на якобы имеющемся в «хеттской иероглифической надписи середины VIII в. до н. э. из Каркемиша» упоминании о разгроме царства Кулха киммерийцами (Артамонов 1974, 27), в чём сомневался ещё И. М. Дьяконов (Дьяконов 2008, 249). Действительно, просмотр лувийских иероглифических надписей из Каркемиша показал, что ничего подобного там нет. См.: Hawkins 2000, 80–223.

рода «географическая» аргументация — в условиях, когда точные маршруты движения киммерийцев через Большой Кавказ нам неизвестны — не может иметь сколько-нибудь доказательной силы. Между тем, более углубленное изучение уже давно известных науке источников позволяет пролить свет на эту запутанную проблему.

В тридцать третьей книге своего энциклопедического сочинения Плиний Старший сообщает о царе колхов Савлаке: «Рассказывают, что у него [были — А. Б.] позолоченные своды, посеребренные балки и колонны, а также пилястры, [отнятые — А. Б.] у побежденного Сезостриса, царя Египта, настолько надменного, что передают, будто [тот — А. Б.] имел обыкновение ежегодно запрягать в колесницу [отобранных — А. Б.] по жребию отдельных царей из покоренных и так следовать в триумфальном шествии»[4]. Почти все исследователи, занимавшиеся историей древней Колхиды, проходили мимо этого свидетельства римского автора, явно считая его абсолютно фантастическим[5]. Однако следует ли с порога отвергать возможность существования в рассказе Плиния исторического зерна?[6]

В данном сообщении особый интерес вызывают две детали, одна из которых встречается и у других древних авторов — Диодора Сицилийского (*Diod.* I. 58. 2) и Марка Аннея Лукана (*Luc.* BC. X. 276–277): колесница с запряженными в нее покоренными царями. Эта информация поистине уникальна, так как ни один из египетских (Burton 1972, 177–178), урартских, нововавилонских, персидских или эллинистических царей никогда не делал ничего подобного. Практически единственным исключением является царь Ассирии Ашшурбанипал, который, как сообщается в редакции A его «анналов» (*BIWA* A x 17–39)[7], в 645 г. до н. э. во время празднования Нового года запряг в ярмо своей колесницы захваченных в плен трех эламских царей — Паэ, Умманалдаша, Таммариту — и одного арабского — Уайте, и так проследовал в храм Иштар Ниневийской (Potts 1999, 285)[8]. Другая надпись Ашшурбанипала из храма Набу в Ниневии также описывает эту сцену, но вместо Уайте называет еще одного бывшего эламского царя Умманникаша (Walters 2000, 80). На всем Древнем Востоке в деле организации подобной церемонии Ашшурбанипал имел лишь одного предшественника — Хаттусилиса I, который в своих анналах хвастался тем, что запряг в повозку царя города Хахху (*KBo* 10.1 Rs. 24–25)[9]. Однако отсутствие у Хаттусилиса последователей в самом Хеттском царстве, а также тысяча лет, отделявшая его от Ашшурбанипала, на мой взгляд, свидетельствуют против того, что последний мог заимствовать идею данной церемонии у хеттов. Никакого отношения к празднеству в Ниневии не имела и постулируемое в ряде работ существование у индоевропейских народов обычая использовать пленных воинов в качестве тягловых животных[10].

В той же редакции A, а также в редакциях B[11], C[12], F[13] сообщается о том, что после взятия Фив около 663 г. до н. э. (Grayson 1993, 144) наряду с другой добычей в руки Ашшурбанипала попали и были отправлены в Ассирию две колонны, «отлитые из блестящего *zaḫalû*», общим весом 2,5 тыс. талантов (*BIWA* A ii 41–42; F i 53–54; B ii 33–34; C iii 57–58). Употребленный в тексте термин *zaḫalû* неоднократно упоминается в царских надписях VII–VI вв. до н. э. и означает «серебряный сплав» (CAD, Z, 12–13). Считается, что в высоту каждая колонна достигала 6,9 м (Aynard 1957, 23–25; Spalinger 1974, 325).

Легко заметить, что между сведениями, почерпнутыми из царских надписей Ашшурбанипала, и сообщением Плиния Старшего наблюдается поразительное сходство. Однако прежде чем утверждать, что у Плиния речь идет о победе Савлака над последним великим царем Ассирии, необходимо, во-первых, разобраться в механизме формирования египетской традиции о Сезострисе[14], и, во-вторых, ответить на вопрос об источниках, лежащих в основе сообщения Плиния.

---

[4] *Plin.* NH. XXXIII. 52: et illius aureae camarae, argenteae trabes et columnae atque parastaticae narrantur victo Sesostri, Aegypti rege tam superbo, ut prodatur annis quibusque sorte reges singulos e subiectis iungere ad currum solitus atque ita triumphare.

[5] Меликишвили 1959; Лордкипанидзе 1989, 9, 219–272; Тодуа 1990, 9; Braund 1994, 145; Инадзе 2003, 306, 312. Только Т. К. Микеладзе, отождествив Сезостриса с Рамзесом II, отнес царствование Савлака к XIII в. до н. э. (Микеладзе 1973, 133, 153). Отдавая должное смелости этого предположения, следует все же признать его совершенно бездоказательным.

[6] Предварительная разработка этого вопроса: Балахванцев 2009, 21–23, Balakhvantsev 2010, 45–48.

[7] Редакция A датируется 644–642 гг. до н. э. См.: Spalinger 1974, 317; Иванчик 1996, 271; Reade 1998, 256–257; Walters 2000, 66, not. 61.

[8] О возможности отражения этого события на рельефах Северного дворца Ашшурбанипала в Ниневии см.: Weidner 1939, 53.

[9] См.: Devecchi 2005, 56–57; Дьяконов 1988, 130.

[10] Scharfe 1978, 219–221; Иванов 1985, 14. Невозможно согласиться с утверждением о том, что сдача и проход воинов под реальным или символическим ярмом превращали их в рогатый скот победителя и обрекали на роль тягловых животных (Scharfe 1978, 219). Как следует из повествования Тита Ливия, после провода под ярмом пленные сразу же отпускались домой (*Liv.* III. 23. 5, 28. 10–11; IX. 6. 1–4).

[11] Редакция B датируется 649–648 гг. до н. э. См.: Spalinger 1974, 317; Иванчик 1996, 107.

[12] Редакция C датируется 647–646 гг. до н. э. См.: Spalinger 1974, 317; Иванчик 1996, 107; Reade 1998, 256.

[13] Редакция F датируется 646–645 гг. до н. э. См.: Spalinger 1974, 317; Иванчик 1996, 268; Reade 1998, 256–257.

[14] Задача существенно облегчается благодаря тому, что сравнительно недавно этот вопрос был обстоятельно изучен А. И. Иванчиком (Иванчик 2005, 190–220), хотя не со всеми его выводами я могу согласиться.

Греческий читатель познакомился с египетской традицией о великом завоевателе Сезострисе благодаря Геродоту, который дополнил услышанные им в Египте рассказы своими собственными наблюдениями и умозаключениями (*Hdt.* II. 102–110). К последним, безусловно, относятся приводимые «отцом истории» доказательства родства между колхами и египтянами (*Hdt.* II. 104–105), а также присутствия Сезостриса во Фракии, Скифии и Малой Азии (*Hdt.* II. 103, 106). После исключения этих мест можно прийти к выводу, что еще до Геродота в египетской традиции содержались, в частности, утверждения, будто армия Сезостриса добралась до скифов и колхов. Именно упоминание двух этих народов позволяет установить время и место возникновения легенды о Сезострисе.

Начнем со скифов. А. И. Иванчик объясняет появление разбивших персов и ставших благодаря этому известными в Египте скифов в перечне покоренных Сезострисом народов стремлением фольклорной традиции продемонстрировать превосходство египетского фараона над персидским царем Дарием (Иванчик 2005, 198). Однако А. И. Иванчик не учитывает здесь того, что скифы стали известны египтянам на сто лет раньше, когда фараон Псамметих дарами и просьбами сумел предотвратить их нападение на Египет (*Hdt.* I. 105), поэтому необходимости датировать возникновение *всей* традиции о Сезострисе временем правления Дария I не существует[15]. Еще более интригующим является то, какое важное место в рассказах о Сезострисе — как в повествовании Геродота, так и у других античных авторов — занимают колхи, которые не только никогда не соприкасались с египтянами[16], но и не могли стать им известными через посредство персов. Последнее объясняется тем, что колхи находились на периферии интересов Ахеменидов и вообще не упоминались в официальных персидских источниках.

Поэтому я склонен предположить, что легенда о завоеваниях Сезостриса была лишь испечена в египетской печке, а заквашена в Ассирии[17]. Благоприятные условия для возникновения этой традиции сложились в середине — второй половине VII в. до н. э., когда Египет сначала был частью мировой ассирийской державы, а затем вступил с нею в союз против Вавилона и даже приютил последнего ассирийского царя Ашшурубаллита, бежавшего на египетскую территорию с остатками двора и армии. В этой ситуации убежденность египтян в своем праве на ассирийское наследие наряду с воспоминаниями о годах унизительного чужеземного господства — по закону психологической компенсации — с неизбежностью должны были привести к формированию легенды о египетском фараоне — завоевателе всего мира, благо рассказы ассирийцев о былом величии их державы давали для этого богатейший материал[18]. Замечу, что такое «присвоение» чужеземных завоевателей имело место в египетской традиции неоднократно (Кинжалов 1962, 542, прим. 23; Иванчик 2005, 206, прим. 65), что приводило к ее трансформации под воздействием новых реалий, порожденных персидским или греко-македонским господством.

Итак, толчком к возникновению египетской легенды о фараоне Сезострисе стало заимствование у беглых ассирийцев преданий о могуществе Ашшурбанипала, в частности, об устроенном им беспрецедентном празднестве в Ниневии. В пользу последнего свидетельствует то, что данный факт был известен Диодору Сицилийскому и Лукану. Однако почему о нем умалчивает Геродот? На мой взгляд, дело заключается в том, что подобное деяние в системе нравственных оценок Геродота и его читателей не могло именоваться иначе, чем ὕβρις (гордыня), за которой должна была последовать неминуемая расплата (Лурье 1947, 39–40, 42). Все это не укладывалось в тот строго положительный образ Сезостриса, который представлен в сочинении Геродота, и поэтому не нашло у отца истории никакого отражения.

Однако сообщение Плиния Старшего явно не зависит от египетской традиции, в которой Сезострис просто не мог потерпеть поражения, и, в конечном счете, должно восходить к рассказу самих колхов. Видимо, в этом рассказе говорилось о победе царя Савлака над могущественным противником, из образа которого местная устная традиция, как это обычно и бывает, удержала лишь самые яркие, но отнюдь не самые важные детали (Тохтасьев, Якобсон 2008, 29) — обладание несметными богатствами (серебряными колоннами) и проезд в колеснице, влекомой побежденными царями. Затем, не ранее конца V в. до н. э. эта информация попала в сочинение неизвестного греческого автора[19],

[15] Еще Д. Ашери считал, что историческая встреча египтян и скифов на юге Палестины могла подтолкнуть развитие легенды о Сезострисе (Asheri 1990, 152). А. И. Иванчик, не приведя никаких аргументов, категорически отверг это мнение (Иванчик 2005, 211, прим. 76).

[16] Предположение о наличии в Колхиде во времена Геродота населения египетского происхождения, депортированного туда персами (Del Castillo 1984, 10, not. 4), не имеет под собой никаких оснований.

[17] Ср. с высказанным более 30 лет назад утверждением о месопотамском и даже ассирийском влиянии на формирование легенды о Сезострисе (Armayor 1980, 57–58). К сожалению, автор не сумел привести в поддержку своего предположения веские аргументы (Иванчик 2005, 190–191, прим. 1), и оно так и осталась на уровне простой догадки.

[18] Не лишним будет напомнить, что в Египте широкое распространение получили литературные произведения, сюжеты которых — если не они сами — заимствованы из Ассирии VII в. до н. э. См.: Клочков 1977, 3–10; Steiner, Nims 1985, 60–81.

[19] Одним из передаточных звеньев между этим писателем и Плинием Старшим мог быть Помпей Трог, в сочинении которого содержались сведения о происхождении и деяниях царей колхов (*Trog.* Prol. XXXVII).

хорошо знакомого с геродотовским логосом о Сезострисе, благодаря чему соперник Савлака и получил это имя[20].

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что у Плиния Старшего (*Plin.* NH. XXXIII. 52) речь в действительности идет о победе царя Колхиды Савлака над ассирийским царем Ашшурбанипалом. Это событие могло произойти не ранее 645 г. до н. э., запомнившегося современникам и потомкам проездом царя по Ниневии, и не позднее 630 г. до н. э., когда долгое правление Ашшурбанипала подошло к концу. Битва между двумя армиями могла состояться только на территории бывшего Урарту, что еще раз свидетельствует в пользу гибели последнего около 640 г. до н. э.

Последним — по счету, но не по важности — разбираемым здесь восточным репером является раннескифский псалий, верхний конец которого представляет собой скульптурную головку грифобарана (баранoптицы). Он происходит из разграбленного крестьянами большого кургана возле с. Рысайкино (Самарская обл., Похвистневский р-н.) и был приобретен Государственным Эрмитажем в феврале 1932 года[21]. Через пятьдесят лет после поступления псалия в Эрмитаж хранитель Е. Ф. Чежина обнаружила, что на его спинке, несколько ниже затылка грифобарана, находится остававшаяся прежде незамеченной надпись (рис. 1)[22].

Чтение и перевод надписи, оказавшейся арамейской, были опубликованы мною в 2012 году (Балахванцев 2012, 358–361), однако аргументация в части хронологии успела устареть еще до выхода сборника со статьей в свет. Это, а также появление как одобрительного (Рябкова 2014, 207, прим.2), так и критических откликов (Erlikh et al. 2013, 39; Эрлих и др. 2015, 78) на мою публикацию предопределили необходимость нового обращения к данной теме.

Напомню, что надпись читается «*hadīq li/a wald*». Глагол *hdq* имеет значение «плотно прилегать, плотно пригонять» (Sokoloff 2002, 363). Арамейский предлог *l-* употребляется для выражения цели предпринимаемого действия (Винников 1962, 150). Существительное *wld* означает «детеныш животного» (Sokoloff 2002, 395). Таким образом, всю надпись можно перевести как «крепко пригнанный (прилаженный) для жеребенка», что очень хорошо соответствует сути предмета, на который она была нанесена. Не исключено, впрочем, что слово *wld* является именем собственным и тогда его, как считает А. П. Мошинский, следует понимать как кличку лошади — «Малыш». Отмечу, что арамейское *wld* может быть переводом древнеиранского *kuruš* — «дитя, детеныш, молодой самец, герой» (Абаев 1971, 270).

Что можно сказать о дате надписи, основываясь на ее палеографических признаках? Словоразделитель в виде вертикального штриха[23] неоднократно встречается в арамейских надписях конца IX–VIII вв. до н. э. из Афиса (Amadasi Guzzo 2009, 341, 345), Хамы (Gibson 1975, 6–7, fig. 2B), Зинджирли (Pardee 2009, 53; Struble, Herrmann 2009, 16) и Букана (Lemaire 1998, 17), на стеле I из Сфире (Dupont-Sommer, Starcky 1958, 91, pl. XIII, *6–7*), на бронзовом кувшине из Луристана (Dupont-Sommer 1964, 109, fig. 1), но потом снова заменяется точкой (Dupont-Sommer 1964, 113, fig. 2). Представленный на рысайкинском псалии курсивный *хе* появляется в последней четверти VIII в. до н. э. (Naveh 1970, 11, fig. 2, *2*; Herr 1978, 14, № 8) и бытует на протяжении VII–IV вв. до н. э. (Naveh 1970, 19, fig. 2–11; Dupont-Sommer 1964, 116, fig. 3; Fales 1986, 112, pl. XIII–XIV; Kwasman 2000, 276, fig. 1; 280–281, fig. 2–3; Fales, Attardo 2005, 663, № 55; Attardo 2005, 668, not. 226). Наиболее близкая аналогия с Рысайкино обнаруживается на табличке времени Асархаддона (февраль/март 680 г. до н. э.) из Верхней Месопотамии (Lemaire 2001, 31–32, fig. 2a; Lipiński 2002, 250). Курсивный *коф* в арамейской графике начиная с последней четверти VIII в. до н. э. имеет несколько разновидностей (Naveh 1970, 11, fig. 2, *2*; Fales 1986, 116; Attardo 2005, 669). Вариант, использованный в рысайкинской надписи, полностью совпадает с начертанием *коф* на табличке из Ниневии, датируемой 680–670 гг. до н. э. (Fales 1986, 126, pl. V, fig. 13). Аналогичный рысайкинскому курсивный *вав* появляется уже в середине VIII в. до н. э. на стеле I из Сфире (Dupont-Sommer, Starcky 1958, 6, pl. III,*7*) и часто встречается в VII в. до н. э. (Herr 1978, 11, № 2; Fales 1986, pl. V, fig. 13; Lemaire 2001, fig. 1b, 3e, 3d, 10d).

Ламед в рысайкинской надписи используется дважды, но в различных начертаниях: у первого нижняя часть ствола загибается вправо, у второго вертикальная гаста соединяется с горизонтальной под прямым углом. Аналогичное сочетание встречается на стеле I из Сфире

[20] Трудно сказать, могло ли повлиять на складывание письменной традиции то обстоятельство, что развалины Северного дворца Ашшурбанипала в Ниневии — из которых происходят содержащие редакцию А его «анналов» цилиндр Рассама и «присма А» — были доступны для любознательных посетителей вплоть до поздней античности. Об этом свидетельствует греческое имя, вырезанное на стенном рельефе в комнате R (Reade 2001, 188, 190, fig. 2–3).

[21] В июне 2014 года в ходе археологической разведки возле села Рысайкино был обнаружен курган с явными следами ограбления. Высота кургана 2,2–2,5 м, диаметр насыпи 45 м. Судя по космоснимку, вокруг кургана находился заплывший и заросший травой ров шириной ок. 10–11 м. Разумеется, вопрос о связи эрмитажного экспоната с этим курганом может быть решен только после проведения раскопок памятника.

[22] Рис. 1 размещён на цветной вклейке.

[23] В более ранний период, как это видно по надписи из Тель Дана, словоразделитель имеет форму точки (Biran, Naveh 1995, fig. 9–10). В надписи из Ёрдекбурну (ок. 820–760 гг. до н. э.) используется как точка, так и штрих (Lemaire, Sass 2013, 97, 107, 126).

(Dupont-Sommer, Starcky 1958, pl. III, *10*; pl. X, *29*) и на относящемся к середине VII в. до н. э. остраконе из Ашшура (Naveh 1970, fig. 2, *7*). Эти же формы *ламеда* присутствуют на печатях, датируемых серединой VIII — серединой VII вв. до н. э. (Herr 1978, 12, № 3; 32, № 56; 43, № 86; 48, № 100). Наиболее близкую аналогию первому рысайкинскому *ламеду* содержат надписи царя Барракиба (733/2 — ок. 720 гг. до н. э.) на серебряных дисках из Зинджирли (Tropper 1993, 151–152).

Ключевую роль в определении времени и места появления рысайкинской надписи играет *далет*. Дело в том, что в арамейских памятниках IX–VIII вв. до н. э. используется только «закрытая» форма *далета* (Naveh 1970, 10), существовавшая в двух вариантах: в первом буква представлена в виде треугольника (Herr 1978, 40, № 78; 47, № 97; Bordreuil 1986, 77, № 87; Abou-Assaf, Bordreuil, Millard 1982, 89; Dupont-Sommer, Starcky 1958, pl. III, *11*; pl. X, *30*), во втором правая грань опускается вниз и образует ножку, длина которой могла сильно варьировать (Dupont-Sommer, Starcky 1958, pl. III, *7–8*; Herr 1978: 18, № 16; 20, № 24; 31, № 52; 36, № 68; 39, № 75; Eph'al, Naveh 1989, 192, fig. 2; Biran, Naveh 1995, fig. 9; Fitzmyer 1995, pl. XIII, *1*; Aufrecht, Shury 1997, 64; Lemaire, Sass 2013, 125, fig. 20–21).

В конце VIII в. до н. э. треугольная головка *далета* стала раскрываться (Naveh 1970, fig. 2, *3*; Herr 1998, 59) и на смену «закрытой» пришла «открытая» форма, напоминающая арабскую цифру «четыре», которая и заняла монопольное положение в памятниках VII–VI вв. до н. э. (Naveh 1970, 19; Attardo 2005: 668). Просмотр около двух сотен арамейских надписей VII–VI вв. до н. э. (Herr 1978, 12–44; Pritchard 1985, 86, fig. 175:1; Bordreuil 1986, 80–96; Fales 1986, 111, pl. XIII–XIV; Porten, Yardeni 1986, A1.1; Porten, Yardeni 1993, C3.1, C3.2; Bordreuil, Briquel-Chatonnet 1996–1997, fig. 11; Porten, Yardeni 1999, D11.1; Kwasman 2000, 274–283; Lemaire 2001; Radner 2002, № 7, 10, 29, 39, 43, 44, 45, 53, 54, 60, 62, 65, 66, 69, 117, 121, 133, 134, 142, 143; Fales, Attardo 2005, 650–667; Fales, Radner 2005, 623–650; Naveh 2009, 28) позволил мне обнаружить лишь два исключения из этого правила: на табличке из Тиль-Барсипа (Bordreuil, Briquel-Chatonnet 1996–1997, fig. 9), найденной вместе с клинописными документами 80–50 гг. VII в. до н. э. (Dalley 1996–1997, 66), *далет* имеет как открытую, так и закрытую форму с ножкой; на табличке из Дур-Катлимму 643 г. до н. э. *далет* изображен в виде треугольника с очень короткой ножкой (Radner 2002, № 51)[24].

Однако оба *далета* рысайкинской надписи представляют собой треугольник, левая грань которого поднимается выше его верхушки. Такая форма абсолютно не характерна для арамейской эпиграфики, но постоянно встречается в древнееврейских надписях VIII–VI вв. до н. э. (Cross 1983, 60; Renz, Röllig 1995, taf. 5, 11, 25, 29–33; Naveh 2009, 25).

Что стоит за использованием древнееврейской формы *далета* в арамейской надписи? Хотя скифский поход в Палестину (Asheri et al. 2007, 154) в 20-х гг. VII в. до н. э. мог затронуть и Иудею, эти события вряд ли имели какое-нибудь отношение к рысайкинскому псалию: форма словоразделителя не позволяет уводить надпись в VII в. до н. э., к тому же, будь она исполнена в Ханаане, ее язык и палеография были бы древнееврейскими[25]. Поэтому наиболее логичным объяснением данного обстоятельства является создание рысайкинской надписи на подконтрольных Ассирии мидийских землях, куда в 720 г. до н. э. Саргон II депортировал часть жителей Израиля (Oded 2000, 97–98; Якобсон 2004, 359). Следует также учесть, что переселенцы сравнительно быстро растворились среди местного арамейскоязычного населения. Это доказывается как распространившейся сразу после депортации практикой наречения их детей аккадскими теофорными именами (Oded 2000, 92, 94), так и полным отсутствием данных об использовании ими древнееврейского языка (Коган, Лёзов 2009, 298)[26].

Анализ палеографии рысайкинской надписи и исторической обстановки, в которой она появилась, приводит к неизбежному заключению, что используемые в ней формы букв и словоразделителя могли встретиться на одном предмете *только* в конце VIII в. до н. э.

Все это не позволяет согласиться с выдвинутым недавно предположением, согласно которому «… нельзя исключить сохранение навыков старых начертаний арамейских букв до второй четверти — середины VII в. до н. э. — времени, когда, по нашим представлениям, сформировался образ грифобарана / баранoптицы» (Эрлих и др. 2015, 78), так как оно не соответствует имеющимся фактам.

Какие же выводы можно сделать из представленного материала?

Первое. До недавнего времени самые ранние ассирийские свидетельства о появлении скифов в Передней Азии датировались 677–676 гг. до н. э. (Иванчик 1996, 82). Надпись на псалии из Рысайкина позволяет

[24] Ввиду того, что к качеству копий, приводимых в работе (Fales 1986), предъявляются серьезные претензии (Müller-Kessler 2004, 273), я сознательно не ссылаюсь здесь на табличку из Ниневии ок. 680 г. до н. э. (Fales 1986, 126, pl. III, fig. 7, pl. XIII, 7).

[25] Формы словоразделителя, а также букв *хе* и *вав* рысайкинской надписи не совпадают с начертаниями этих знаков в древнееврейской эпиграфике конца VIII–VI вв. до н. э. (Cross 1983, tab. X, *4*; Renz, Röllig 1995, taf. 11–33, XIV, XVII–XIX, XXII, XXIV, XXVI–XXIX, XXXI, XXXIII, XXXIV, XXXVII, XXXVIII, XLII, XLIV–XLVI, XLIX–LIII, LVI, LVIII).

[26] Единственным, кроме рысайкинской надписи, исключением, возможно, является фрагмент каменной плитки из Тиль-Барсипа, где вместо арамейского *br* (сын) использован его западный эквивалент *bn* (Bordreuil, Briquel-Chatonnet 1996–1997, 103, fig. 13).

говорить о нахождении скифов на границах Ассирии, видимо, в Манне и Мидии, уже в конце VIII в. до н. э. Это, в свою очередь, укрепляет доверие к свидетельству Геродота (*Hdt.* IV. 1. 2, 12. 2–3), согласно которому скифы вторгаются в Азию непосредственно вслед за киммерийцами, впервые упоминающимися в ассирийских источниках в 714 г. до н. э. (Иванчик 1996, 57) или между 710 и 707 гг. до н. э. (Fuchs 2012, 155–157).

Второе. Вторжение скифов в Закавказье и Северо-Западный Иран в конце VIII в. до н. э. предполагает их присутствие на Северном Кавказе не позднее середины VIII в. до н. э. (Балахванцев 2013, 356).

Третье. Гибель Урарту не позднее середины — начала второй половины VII в. до н. э. (Kohl, Kroll 1999, 246; Kroll, Roaf, Zimansky 2012, 446) позволяет с уверенностью отнести найденные при раскопках ее крепостных центров скифские артефакты к этому или более раннему времени.

Четвертое. Определение *terminus ante quem* для рысайкинского псалия наряду с находками из Аргишти-хинили и Чавуш-тепе позволяет внести большую ясность в вызывавший многочисленные споры вопрос о времени складывания образов грифобарана (бараноптицы) и барана в раннескифском искусстве (Медведская 1992, 87–88; Иванчик 2001, 34–35; Скаков, Эрлих 2005, 35; Иванчик 2006, 148; Могилов 2011, 127). Теперь ясно, что первый сформировался не позднее конца VIII в. до н. э., а второй — середины VII в. до н. э.

Литература

Абаев В. И. Из иранской ономастики // История иранского государства и культуры / Б. Г. Гафуров (ред.). М., 1971.

Алексеев А. Ю. «Центростремительная» и «центробежная» хронология скифских древностей Северного Причерноморья // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрёстке. СПб., 2013.

Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы. Л., 1974.

Балахванцев А. С. К реконструкции истории древней Колхиды во второй половине VII в. до н. э. // Древность: историческое знание и специфика источника. Вып. IV / А. С. Балахванцев (ред.). М., 2009.

Балахванцев А. С. Арамейская надпись из Рысайкино (к вопросу о скифских походах в Переднюю Азию) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения М. П. Грязнова. Кн. 2 / В. А. Алёкшин (ред.). СПб., 2012.

Балахванцев А. С. К вопросу о времени и обстоятельствах появления скифов в Юго-Восточной Европе // Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрёстке. СПб., 2013.

Винников И. Н. Словарь арамейских надписей // Палестинский сборник. Вып. 9. М. — Л., 1962.

Дараган М. Н. Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи. Киев, 2011.

Дьяконов И. М. Последние годы Урартского государства // ВДИ. 1951. № 2.

Дьяконов И. М. Хеттское царство и эгейский мир // История древнего Востока: зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2. Передняя Азия. Египет. М., 1988.

Дьяконов И. М. Киммерийцы и скифы на Древнем Востоке // РА. 1994. № 1.

Дьяконов И. М. История Мидии. СПб., 2008.

Иванов Вяч. Вс. Античное переосмысление архаических мифов // Жизнь мифа в античности. Материалы научной конференции «Випперовские чтения — 1985». Вып. XVIII. Ч. 1. М., 1985.

Иванчик А. И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII вв. до н. э. М., 1996.

Иванчик А. И. Киммерийцы и скифы. М., 2001.

Иванчик А. И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М., 2005.

Иванчик А. И. Раннескифская хронология в свете древневосточных данных // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Кн. 1. М., 2006.

Инадзе М. Легенда и историческая действительность в сведениях о Колхиде Плиния Старшего // Труды ТГУ имени Ив. Джавахишвили. Т. 349. История. Археология. Искусствоведение. Этнология. Тбилиси, 2003. (на груз. яз.).

Кинжалов Р. В. Легенда о Нектанебе в повести «Жизнь и деяния Александра Македонского» // Древний Мир. Сборник статей / Н. В. Пигулевская (ред.). М., 1962.

Клочков И. С. «Повесть об Ахикаре»: историчность литературного героя // ВДИ. 1977. № 3.

Коган Л. Е., Лёзов С. В. Древнееврейский язык // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М., 2009.

Ломоури Н.Ю. Возникновение Древнеиберийского (Картлийского) государства // Проблемы античной культуры / А.В. Урушадзе, Р.В. Гордезиани (ред.). Тбилиси, 1975.

Лордкипанидзе О.Д. Наследие древней Грузии. Тбилиси, 1989.

Лурье С.Я. Геродот. М. — Л., 1947.

Медведская И.Н. Периодизация скифской архаики и Древний Восток // РА. 1992. № 3.

Меликишвили Г.А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.

Меликишвили Г.А. Кулха (Из древней истории Южного Закавказья) // Древний Мир. Сборник статей / Н.В. Пигулевская (ред.). М., 1962.

Меликишвили Г.А. Скифо-киммерийские вторжения. Разгром Южно-Колхидского царства // Очерки истории Грузии. Т. I. Тбилиси, 1989.

Микеладзе Т.К. К вопросу о периодизации истории Древней Колхиды // Вопросы древней истории (Кавказско-ближневосточный сборник, IV). Тбилиси, 1973.

Могилов А.Д. Раннескифские наконечники псалиев юга Восточной Европы // Археологические вести. Вып. 17. СПб., 2011.

Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное-II // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология / В.И. Гуляев, В.С. Ольховский (ред.). М., 2000.

Пиотровский Б.Б. Кармир-Блур I. Ереван, 1950.

Пиотровский Б.Б. История и культура Урарту. СПб., 2011.

Рябкова Т.В. Три костяных псалия из Прикубанья в коллекции Эрмитажа // Археологические вести. Вып. 20. СПб., 2014.

Рябкова Т.В. Поселение Тарасова Балка — памятник раннего железного века в Закубанье (предварительная публикация) // Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. ТГЭ. Т. 77. 2015.

Скаков А.Ю., Эрлих В.Р. О хронологии киммерийских и раннескифских древностей // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья / В.И. Гуляев (ред.). М., 2005.

Тирацян Г.А. Урартский Армавир (По данным археологических раскопок) // Культура Востока. Древность и раннее средневековье / В.Г. Луконин (ред.). Л., 1978.

Тодуа Т.Т. Колхида в составе Понтийского царства. Тбилиси, 1990.

Тохтасьев С.Р., Якобсон В.А. Предисловие // И.М. Дьяконов. История Мидии. СПб., 2008.

Эрлих В.Р., Канторович А.Р., Маслов В.Е. Спорные вопросы хронологии Архаической Скифии // Вестник РГНФ. 2015. № 1.

Якобсон В.А. Ассирийская держава. Новоассирийский период // История древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй. М., 2004.

Abou-Assaf A., Bordreuil P., Millard A.R. La statue de Tell Fekherye et son inscription bilinque assyro-araméenne. P., 1982.

Amadasi Guzzo M.G. Un fragment de stèle araméenne de Tell Afis // Orientalia. 2009. Vol. 78.

Aynard J.M. Le prisme du Louvre AO 19.939. P., 1957.

Armayor O.K. Sesostris and Herodotus' Autopsy of Thrace, Colchis, Inland Asia Minor, and the Levant // HSCP. 1980. Vol. 84.

Asheri D. Herodotus on Thracian Society and History // Hérodote et les peuples non Grecs. Entretiens sur l'Antiquité Classique. T. 35. Genève, 1990.

Asheri D., Lloyd A., Corcella A. A Commentary on Herodotus. Books I–IV. Oxford, 2007.

Attardo E. Paleographical analysis of the Aramaic inscriptions // Tell Shiukh Fawqani: 1994–1998. Vol. II. Padova, 2005.

Aufrecht W.E., Shury W.D. Three Iron Age Seals: Moabite, Aramaic and Hebrew // IEJ. 1997. Vol. 47.

Balakhvantsev A.S. Colhis in the Second Half of the 7th Century BC // Georgian Archaeology at the Turn of the 21st Century: Results and Perspectives. Summaries. Tbilisi, 2010.

Barnett R.D., Watson W. Russian Excavations in Armenia // Iraq. 1952. Vol. XIV.

Barnett R.D. The Treasure of Ziwiye // Iraq. 1956. Vol. XVIII.

Batmaz A. Recent Archaeological Research at Ayanis Fortress (Van, Turkey) // Б.Б. Пиотровский и археология / А. Пилипосян (ред.). Ереван, 2014.

Biran A., Naveh J. The Tel Dan Inscription: A New Fragment // IEJ. 1995. Vol. 45.

Bordreuil P. Catalogue des sceaux ouest-sémitiques inscrits de la Bibliothèque Nationale, du Musée du Louvre et du Musée biblique de Bible et Terre Sainte. P., 1986.

Bordreuil P., Briquel-Chatonnet F. Aramaic Documents from Til Barsib // *Abr-Nahrain*. 1996–1997. Vol. 34.

Braund D. Georgia in Antiquity: a history of Colchis and Transcaucasian Iberia (550 BC — AD 562). Oxford, 1994.

Burton A. Diodorus Siculus. Book I. A commentary. Leiden, 1972.

Cook R. M., Dupont P. East Greek Pottery. L., New York, 1998.

Cross F. M. The Seal of Miqnêyaw, Servant of Yahweh // Ancient Seals and Bible / L. Gorelick, E. Williams-Forte (eds.). Malibu, 1983.

Dalley S. M. Neo-Assyrian tablets from Til Barsib // *Abr-Nahrain*. 1996–1997. Vol. 34.

Del Castillo A. Precisiones sobre el sentido de las conquistas de Sesostris–Ramsés en Heródoto y Tácito // Estudios humanísticos (Univ. de Léon). 1984. 6.

Devecchi E. Gli Annali di Ḫattušili I nella versione accadica. Pavia, 2005.

Dupont-Sommer A. Trois inscriptions araméennes inédites des bronzes du Luristan. Collection de M. Foroughi // Iranica Antiqua. 1964. Vol. IV.

Dupont-Sommer A., Starcky J. Les inscriptions araméennes de Sfiré (stèles I et II). P., 1958.

Eph'al I., Naveh J. Hazael's Booty Inscriptions // IEJ. 1989. Vol. 39.

Erdem A. Ü., Batmaz A. Contributions of the Ayanis Fortress to Iron Age Chronology // ANES. 2008. Vol. 45.

Erlikh V., Kantorovich A., Maslov V. Debatable Issues of the Chronology of the Archaic Scythia of the Northern Black Sea Region // Fifth International congress on the Black Sea Antiquities. Summaries of papers. Belgrade, 2013.

Grayson A. K. Assyria 668–635 B. C.: the reign of Ashurbanipal // CAH^2. Vol. 3 (2). 1993.

Fales F. M. Aramaic Epigraphs on Clay Tablets of the Neo-Assyrian Period. Roma, 1986.

Fales F. M., Attardo E. Tablets in Aramaic alphabetic script // Tell Shiukh Fawqani: 1994–1998. Vol. II. Padova, 2005.

Fales F. M., Radner K. Tablets in Neo-Assyrian cuneiform script // Tell Shiukh Fawqani: 1994–1998. Vol. II. Padova, 2005.

Fitzmyer J. A. The Aramaic inscriptions of Sefire. Roma, 1995.

Fuchs A. Urartu in der Zeit // Biainili — Urartu. The Proceedings of the Symposium held in Munich 12–14 October 2007 (Acta Iranica 51). Leuven, 2012.

Hawkins J. D. Corpus of Hieroglyphic Luwian Inscriptions. Vol. 1. Inscriptions of the Iron Age (Studies in Indo-European Language and Culture 8/1). Berlin; New York, 2000.

Helwag U. ^{LÚ}A.ZUM-*li* versus ^{LÚ}A.NIN-*li*: some thoughts on the owner of the so-called *Prinzensiegel* at Rusa II's court // Anatolian Iron Ages 5. Proceedings of the Fifth Anatolian Iron Ages Colloquium held at Van, 6–10 August 2001 / A. Çilingiroğlu, G. Darbyshire (eds.). Ankara, 2005.

Herr L. G. The scripts of ancient Northwest Semitic seals. Missoula, 1978.

Herr L. G. The Palaeography of West Semitic Stamp Seals // BASOR. 1998. № 132.

Kerschner M. Zum Beginn und zu den Phasen der griechischen Kolonisation am Schwarzen Meer // Eurasia Antiqua. 2006. Bd. 12.

Kerschner M., Schlotzhauer U. A new classification system for East Greek pottery // Ancient West & East. 2005. Vol. 4.

Kohl Ph., Kroll St. Notes on the Fall of Horom // IA. 1999. Vol. 34.

Kroll St. Rusa Erimena in archäologischem Kontext // Biainili — Urartu. The Proceedings of the Symposium held in Munich 12–14 October 2007 (Acta Iranica 51). Leuven, 2012.

Kroll St., Roaf M., Zimansky P. Afterword: The future of Urartu's past // Biainili — Urartu. The Proceedings of the Symposium held in Munich 12–14 October 2007 (Acta Iranica 51). Leuven, 2012.

Kwasman T. Two Aramaic Legal Documents // BSOAS. 2000. Vol. 63.

Lemaire A. Une inscription araméenne du VIIIe siècle av. J.-C. trouvée à Bukân (Azerbaïdjan iranien) // Studia Iranica. 1998. T. 27.

Lemaire A. Nouvelles tablettes araméennes. Genève, 2001.

Lemaire A., Sass B. The Mortuary Stele with Sam'alian Inscription from Ördekburnu near Zincirli // BASOR. 2013. № 369.

Lipiński E. New Aramaic Clay Tablets // BiOr. 2002. J. LIX.

Müller-Kessler Ch. Review: Lemaire A. Nouvelles tablettes araméennes. Genève, 2001 // ANES. 2004. Vol. 41.

Muscarella O. W. Bronze Socketed Arrowheads and Ethnic Attribution // The Golden Deer of Eurasia. Perspectives on the Steppe Nomads of the Ancient World / J. Aruz, A. Farkas, V. E. Fino (eds.). New York, 2006.

Naveh J. The Development of the Aramaic Script. Jerusalem, 1970.

Naveh J. Studies in West-Semitic Epigraphy. Jerusalem, 2009.

Oded B. The Settlements of the Israelite and Judean Exiles in Mesopotamia in the 8th–6th Centuries BCE // Studies in historical geography and biblical historiography / G. Galil, M. Weinfeld (eds.). Leiden; Boston; Koln, 2000.

Pardee D. A New Aramaic Inscription from Zincirli // BASOR. 2009. № 356.

Porten B., Yardeni A. Textbook of Aramaic Documents from Ancient Egypt. Vol. 1. Jerusalem, 1986.

Porten B., Yardeni A. Textbook of Aramaic Documents from Ancient Egypt. Vol. 3. Jerusalem, 1993.

Porten B., Yardeni A. Textbook of Aramaic Documents from Ancient Egypt. Vol. 4. Jerusalem, 1999.

Potts D. T. The archaeology of Elam: formation and transformation of an ancient Iranian state. Cambridge, 1999.

Pritchard J. B. Tell Es-Saʿidiyeh: excavations on the Tell, 1964–1966. Philadelphia, 1985.

Radner K. Die neuassyrischen texte aus Tall Šēh Hamad. Berlin, 2002.

Reade J. E. Assyrian eponyms, kings and pretenders, 648–605 BC // Orientalia. 1998. Vol. 67.

Reade J. E. More about Adiabene // Iraq. 2001. Vol. 63.

Renz J., Röllig W. Handbuch der althebräischen Epigraphik. Bd. 3. Darmstadt, 1995.

Roaf M. Could Rusa son of Erimena have been King of Urartu during Sargon's Eighth Campaign? // Biainili — Urartu. The Proceedings of the Symposium held in Munich 12–14 October 2007 (Acta Iranica 51). Leuven, 2012.

Salvini M. Das Corpus der urartäischen Inschriften // Biainili — Urartu. The Proceedings of the Symposium held in Munich 12–14 October 2007 (Acta Iranica 51). Leuven, 2012.

Scharfe H. Oxen with Men's Feet // JIES. 1978. Vol.6 (3–4).

Seidl U. Rusa son of Erimena, Rusa son of Argišti and Rusahinili/Toprakkale // Biainili — Urartu. The Proceedings of the Symposium held in Munich 12–14 October 2007 (Acta Iranica 51). Leuven, 2012.

Sokoloff M. A Dictionary of Jewish Babylonian Aramaic of the Talmudic and Geonic Periods. Jerusalem, 2002.

Spalinger A. Assurbanipal and Egypt: A Source Study // JAOS. 1974. Vol. 94.

Steiner R. C., Nims C. F. Ashurbanipal and Shamash-Shum-Ukin: A Tale of Two Brothers from the Aramaic Text in Demotic Scripts // Revue Biblique. 1985. T. 92.

Struble E. J., Herrmann V. R. An Eternal Feast at Sam'al: The New Iron age mortuary Stele from Zincirli in Context // BASOR. 2009. № 356.

Sulimirski T. Scythian Antiquities in Western Asia // Artibus Asiae. 1954. Vol. XVII (2).

Tropper J. Die inschriften von Zincirli. Münster, 1993.

Walters M. W. A Survey of Neo-Elamite History. Helsinki, 2000.

Weidner E. F. Die Reliefs der assyrischen Könige: 1. Die Reliefs in England, in der Vatican-Stadt und in Italien (Archiv für Orientforschung. Bhft. 4). Berlin, 1939.

О. А. Брилева

ОБРАЗ ВСАДНИКА И ВСАДНИЦЫ В АНТРОПОМОРФНОЙ ПЛАСТИКЕ КАВКАЗА

В статье рассматривается вопрос появления сочетания изображения человека и лошади в бронзовой скульптуре Кавказа. Показана трансформация изображений от колесничих (XV–XIV вв. до н. э.) к всадникам (с VIII в. до н. э.). Обозначено время существования бронзовых фигур всадников и всадниц и выделены предметы, им сопутствующие. Высказано предположение о возможности выделения потенциальных фигур всадников из существующего пласта бронзовой антропоморфной пластики, изображенных сидя на стуле без ножек, а также с Ω-образным абрисом ног без перемычки между стоп.

The article discusses the appearance of the combination of human and horse image in the bronze sculpture of the Caucasus. It is shown that the images of charioteers of the 15th – 14th centuries BC had been supplanted by those of horsemen from the 8th century BC). The timespan of existence of bronze figurines of horsemen/women is determined and items related to them highlighted. It is suggested that bronze anthropomorphous figurines showing males and females with bent legs without any seat as well as those whose legs are Ω-shaped without any cross piece between their feet may also depict horsemen/women.

Совместное изображение лошади и человека в бронзовой скульптуре впервые фиксируется в образе колесничих, украшавших навершия культовых жезлов с шаровидным шарниром. Из находок в археологическом контексте следует полифункциональное использование наверший. Они зафиксированы либо как лежащие рядом с повозкой (могильник Лчашен, кург. 1, 10), либо в месте крепления дышла с ярмом (могильник Лчашен, кург. 9). В одном случае зафиксирована находка подобного навершия с изображением воина со львом в правой руке погребенного (мог. Ширакаван, погр. 17). Для двух предметов место положения в археологическом контексте неизвестно: в мог. Лори-Берд курган был ограблен; из описания раскопок кург. 1 мог. Гараджамирли местоположение предмета неясно. Всего известно 4 изображения колесничих, относящихся к периоду конца XV–XIV вв. до н. э. Их объединяет сочетание пары фигур в колеснице и наличие объекта (олень, лань), за которым гонится пара запряженных лошадей (в 3 из 4 случаев).

После исчезновения фигур колесничих на Южном Кавказе встречено первое изображение фигуры всадника на пряжке из погр. 65 Трельского могильника. Оно происходит из грунтового погребения с каменной обсыпкой, относящегося к периоду XIII — первой половины XII вв. до н. э. Пряжка уникальна формой и наличием инкрустации серебром и красным стеклом и на сегодняшний день не находит аналогий и продолжения среди кавказских материалов.

С VIII в. до н. э. появляются парные изображения фигур всадников. В статье В. Б. Ковалевской, публикуемой в данном сборнике, приводится информация о методике перехода от колесниц к всадничеству. Первоначально всадники передвигались попарно, так же как и в колесницах. При этом один человек выполнял функции воина, а второй — возничего, направляя обеих лошадей. Такие парные скачки продолжались не продолжительное время, однако нашли свое отражение в нескольких скульптурах парных всадников на Кавказе: на навершии кинжала из погр. 37 мог. Адайдон; на навершии кинжала (?) из высокогорных районов Дагестана; на обухе топора из с. Сулори. Все они относятся к VIII в. до н. э.

На протяжении VIII в. парные фигуры всадников сменяются одиночными. Причем впервые появляются изображения не только всадников, но и всадниц.

Скульптуры всадниц зафиксированы лишь на территории Западной Грузии в могильниках с вторичным обрядом погребения (5 экз.). Они относятся к периоду со второй половины VIII по VII в. до н. э. Их находили: в могильной яме 1 могильника Цаиши (три рядом лежащие фигурки); на нижней площадке мог. Мухурча; мог. Эргета III, погр. яма 4. Все изображения схожи между собой боковой посадкой. Одна из всадниц

из могильника Цаиши изображена максимально подробно: она сидит на особой формы боковом сиденье со скругленной спинкой и подставкой для ног. Левой рукой всадница прижимает к себе младенца, а правую руку с рогом протягивает вперед. Это первая зафиксированная в археологическом контексте фигурка с рогом. К тому же, это самое раннее изображение женщины с ребенком среди бронзовой антропоморфной пластики Кавказа. Остальные фигурки выполнены более схематично. Фигурка всадницы с ребенком, схожая с описанной, происходит из храма Геры на острове Самос (Voyatis 1992, fig. 5), где она воспринимается как явный импорт с Кавказа. Известно еще одно изображение всадницы, происходящее из Гигатлинского клада, найденного в высокогорных районах Дагестана. Однако она изображена без сиденья и в совершенно другой стилистической традиции. Вероятно, она связана с кругом памятников албано-сарматского периода и должна рассматриваться отдельно.

Изображения всадников многочисленнее (30 экз.) и существовали более продолжительное время. Известны: всадник во фригийском шлеме с булавой, зафиксированной за спиной с помощью пояса, из клада в Лечхумском районе Грузии (VIII в. до н. э.); случайная находка из окрестностей оз. Севан всадника с луком; всадник на навершии булавки из окрестностей с. Кобань; всадник на лисе (?) из погр. 32 мог. Борнигеле; всадник с луком и стрелой на животном семейства кошачьих (?) из с. Алаверди Ахметского района Грузии; всадник на животном (?) из окрестностей Нор-Баязед (находка Е. А. Залаяна); всадник на лошади из с. Самашки Ачхой-Мартановского района Чечни; всадник на олене из собрания К. И. Ольшевского в с. Камунта Ирафского района Северной Осетии; человек и баран, закрепленные с помощью сомкнутых ног воина из собрания Г. Д. Филимонова в с. Химой Итум-Калинского района Чечни; всадник из мог. Брили, погр. 15 за 1939 г. (VI–V вв. до н. э.); всадники на умбоновидной бляхе с прорезным бубенцом (7 экз.), а также наконечник культового жезла с фигурой всадника, стоящего на голове тура (1 экз.), в составе Казбегского клада (VI–V вв. до н. э.); всадник в сопровождении собаки на эгретке из погребения «воина-жреца» в окрестностях Эшерского городища в Абхазии (вторая — третья четверть IV в. до н. э.); всадник на эгретке из погр. на Бамборской поляне близ г. Гудаута в Абхазии (вторая четверть V в. до н. э.); парное изображение всадников на эгретке, вероятно, происходящее из погребения на Бамборской поляне (вторая четверть V в. до н. э.); всадник на умбоне, купленный в 1930 г. у М. Калебжана; всадники на культовом навершии жезла из грунтового погр. мужчины в с. Кончавети 1960 г. (VI–IV вв. до н. э.); навершие в виде всадника на коне, стоящего на голове барана, из ограды церкви в с. Садгезури (V–IV вв. до н. э.); удила в форме всадника, покупка у М. Калебжана в 1930 г.; подвеска в виде всадника из сборов Ж. де Мурье в Цунтинском районе Дагестана; ажурная поясная пряжка с фигурой всадника из погр. 1 Урсдзуарского могильника в Южной Осетии (I–II вв. н. э.); ажурная поясная бляха с всадником на «тяни-толкае» из с. Геби в Грузии; подвеска в виде человека, стоящего на «тяни-толкае»-лошади, покупка С. П. Бруней 1929 г.; ажурная поясная пряжка в виде женщины, сидящей на лошади из погр. 12 Сохтинского мог. Южной Осетии.

Помимо цельнолитых скульптур всадника известен один случай самостоятельных фигур воина и козла (барана), которые держатся вместе лишь за счет сведенных вместе стоп всадника из собрания Г. Д. Филимонова в с. Химой Итум-Калинского района Чечни. Вероятно, могли существовать скульптуры людей, которых сажали на животное (не обязательно лошадь) во время особых церемоний. Для этого могли использовать отдельные фигуры животных из бронзы или других материалов (дерево, кость, глина). Фигуры «потенциальных» всадниц и всадников можно встретить среди женских и мужских изображений. К ним можно отнести синхронную всадницам из Цагери сидящую фигурку из погребальной ямы 3 мог. Уреки с ногами, согнутыми под потенциальное сиденье, и прижимающую к себе левой рукой младенца. Правая рука у неё обломана (могла быть изображена с рогом). Фигура «винопийцы» из с. Инашаури VI–V вв. до н. э., помещённая на схожем сиденье, что и женщина из Уреки, могла также иногда изображать всадника во время особых церемоний. У стоящей скульптуры женщины с ребенком из Бамборского клада VI–V вв. до н. э. ноги изображены с Ω-образным абрисом без перемычки между стопами. Вероятно, со временем традиция могла трансформироваться, и женщин стали сажать на лошадь так же, как и мужчин. К потенциальным фигурам всадников могут быть отнесены близкие по стилистике скульптуры, изображенные сидящими на воображаемом сиденье или стоящие с Ω-образным абрисом без перемычки между стопами. Например, к ним можно отнести фигуру в шлеме с кистью правой руки, загнутой в крюк, из коллекции А. А. Бобринского. Таким образом, вполне возможно, что количество потенциальных всадников гораздо больше, чем считалось ранее.

В дальнейшем человека стали изображать не только сидящим верхом на животном (не обязательно лошади), но и стоящем на его туловище и даже голове. Вероятно, это связано с трансформацией образа всадника в образ хозяина зверей (Мошинский 1996, 111–113).

Фигуры всадников изображены с разной посадкой, иногда вооружены булавой, луком и стрелами, их поза чаще динамична. Видна преемственность традиции

изображения всадника от VIII в. до н. э. к первым векам н. э. К. Р. Рамишвили, изучая малую зооморфную пластику Кавказа первой половины I тыс. н. э., приходит к выводу о том, что с принятием христианства в IV в. н. э. «кавказский звериный стиль» с символикой, основанной на старых представлениях, «большей частью потерял свое значение и вышел из употребления» (Рамишвили 2007, 62), при этом «с эллинистической эпохи усилился культ святого всадника и лошади» (Рамишвили 2007, 68). По наблюдениям Н. А. Аладашвили, длительная традиция в области художественной обработки металла и скульптуры малых форм облегчила переход к христианской скульптуре и сюжетной тематике. Среди грузинского народа и после установления христианства продолжали существовать пережитки древних языческих верований, к которым христианская церковь была вынуждена приспособиться. В Грузии, как и в других странах, принявших христианство, имел место процесс приспособления и переосмысления элементов местных языческих культов. Результатом этого процесса ассимиляции языческих представлений является всеобщее распространение в христианском искусстве образов животных, среди них — фантастических животных, которые занимают полноправное место на стенах христианских храмов рядом с церковными сюжетами (Аладашвили 1977, 6–7). Действительно, даже среди икон XI в. можно найти изображения на деталях предалтарного креста конного Георгия из Цхумар (Чубинишвили 1959, ил. 239), Лагами (Чубинишвили 1959, ил. 241), Муркмер (Чубинишвили 1959, ил. 242). Они схожи с ажурными бронзовыми бляхами с изображениями всадников I–II вв. н. э. из Рачи, Они и Южной Осетии. Изображение лошади с поднятой передней ногой по стилистике схоже с изображениями лошади в кобано-кобанском графическом искусстве. Но к XII–XIII вв. стилистика изображения конного Георгия полностью меняется и на иконах из Муркмер (Чубинишвили 1959, ил. 439), Лемсиа (Чубинишвили 1959, ил. 440) и Бечо (Чубинишвили 1959, ил. 441) всадники не имеют общих черт с «кавказской звериной символикой».

Таким образом, можно найти преемственность в образе изображения всадника от VIII в. до н. э. до XI в. н. э., что иллюстрирует невероятную устойчивость языческих верований, трансформирующихся вместе с обществом на протяжении тысячелетий.

Литература

Аладашвили Н. А. Монументальная скульптура Грузии. Фигурные рельефы V–XI вв. М., 1977.

Мошинский А. П. Образ хозяина зверей в кобанской пластике // Между Азией и Европой. Кавказ в VI–I тыс. до н. э. Материалы конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Александра Александровича Иессена. СПб., 1996.

Рамишвили К. Р. Памятники малой пластики нагорья восточной Грузии первой половины I тыс. до н. э. Тб., 2007. (на груз. яз.).

Чубинишвили Г. Н. Грузинское чеканное искусство. Исследование по истории Грузинского средневекового искусства. Иллюстрации. Тб., 1959.

Voyatzis M. Votive riders seated side-saddle at early Greek sanctuaries // The Annual of the British School at Athens. 1992. Vol. 87.

С. Б. Вальчак

ПРЕДСКИФСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И НЕКОТОРЫЕ ПАМЯТНИКИ ЗАКАВКАЗЬЯ

В статье рассматриваются погребения воинов и всадников с бронзовыми коническими шлемами в составе инвентаря, а также случайные находки подобных шлемов на Северном Кавказе и в Закавказье. Северокавказские находки датируются автором, как и многими другими исследователями, концом VIII – первой половиной VII в. до н. э. и связываются с военными походами киммерийцев в Закавказье. Автор считает, что датировка закавказских находок в пределах XII–IX вв. до н. э. и ранее является ошибочной. Эти шлемы являются подражаниями литым шлемам Урарту и Ассирии и не могли возникнуть ранее сражения киммерийцев с войском Русы I в конце VIII в. до н. э. Следовательно, приоритет в датировании этих находок остается за хронологией предскифского периода Восточной Европы.

The paper investigates the burials of warriors and horsemen with bronze conic helmets among grave goods as well as stray finds of similar helmets in the North Caucasus and Transcaucasia. The author, like many other researchers, dates North Caucasian finds to the late 8th– first half of the 7th BC and relates them to Cimmerian military campaigns in Transcaucasia. The author holds that the dating of Transcaucasian finds within the limits of the 12th–9th centuries BC and earlier is erroneous. These helmets are imitations of cast helmets of Urartu and Assyria, and therefore could not emerge before the battles of the Cimmerians against the army of Rusa I at the end of the 8th century BC. Thus, these finds should be dated according to the chronology of the Prescythian period of Eastern Europe.

Исследование археологических памятников времени перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку в Восточной Европе как отдельного хронологического отрезка, получившего наименование «предскифский период», насчитывает около 70 лет. В 1950–1970-х годах концептуальные работы А. А. Иессена, Е. И. Крупнова, Н. В. Анфимова, А. И. Тереножкина, А. М. Лескова и других позволили выделить пласт предскифских древностей из массива более ранних и более поздних памятников, сформировать основные подходы и методы их изучения, разработать базовые схемы относительной и абсолютной их периодизации. Ведущую роль в формировании самой концепции предскифского периода занимало изучение погребальных комплексов Северного Кавказа, как наиболее многочисленных, содержащих разнообразный, яркий и информативный инвентарь, в большинстве случаев качественно и количественно превышающий информационную составляющую комплексов из прилегающих с севера степного и лесостепного регионов. Активное изучение памятников северокавказских культур предскифского времени, классификация основных категорий археологического материала позволили в 1990–2000-х годах ряду российских исследователей создать достаточно близкие между собой хронологические периодизации памятников Восточной Европы (Дударев 1991; 1999; Эрлих 1991; 1994; 2007; Лесков, Эрлих 1999; Вальчак, Скаков 2002; 2003; Скаков, Эрлих 2005; Вальчак 2005; 2009), которые сегодня приняты большинством исследователей, изучающих северокавказские и закавказские памятники. По мере накопления знаний о предскифских и раннескифских памятниках Северного Кавказа и Восточной Европы в целом, внимание исследователей обращалось и к вопросу их связи с памятниками археологических культур различных регионов Закавказья и Передней Азии, предпринимались попытки синхронизации памятников и интерпретации характера, причин и обстоятельств таких связей в двух обширных регионах. Эти исследования основывались на комплексах Восточной Европы, в которых встречались характерные для той или иной культуры импорты или предметы, созданные под влиянием какой-либо из закавказских культур. Существуют и другие концепции, основанные на иных подходах к интерпретации материала и методах его хронологического членения (Козенкова 1996; Полин 1998; Иванчик 2000; 2001).

Памятники раннескифского времени в Закавказье оказались хорошо диагностированы благодаря характерным категориям вооружения, конского снаряжения и украшений в зверином стиле, а наши знания о них

основаны, в том числе, на базовых работах М. Н. Погребовой и её соавторов (Погребова 1984; Есаян, Погребова 1985; Погребова, Раевский 1992). Анализу взаимосвязи памятников Закавказья и Передней Азии периода поздней бронзы — начала раннего железного века Закавказья также посвящён целый ряд работ М. Н. Погребовой (Погребова 1977; 2011; Погребова, Раевский 1997 и другие статьи). Намного более сложной является проблема выделения и периодизации предскифских памятников в Закавказье, так как характерные для Восточной Европы категории артефактов предскифского периода здесь практически не представлены.

Одной из примечательных и важных для синхронизации с памятниками Закавказья и Передней Азии является немногочисленная группа северокавказских погребений предскифского времени, в которых были встречены бронзовые шлемы определённого типа. Именно на этой категории находок, а также на комплексах, где они встречены, хотелось бы остановиться подробнее.

Бронзовые головные уборы, получившие в археологической литературе разнообразные наименования: шлемы «ассирийского» или «ассиро-урартского типа», «передневосточные» или «киммерийские шлемы», являются одной из довольно заметных находок в памятниках предскифского времени Северного Кавказа и Закавказья, которые неоднократно привлекали внимание исследователей.

Шлемы эти имеют конусовидную форму, тулья в нижней части расширяется и ей придана полушаровидная или полуэллиптическая форма, повторяющая форму головы. Изделия обычно скроены из одного, реже двух бронзовых кованых листов (толщиной менее 1 миллиметра), свёрнутых в конус, края листа (листов) соединены внахлёст, перекрывают друг друга и скреплены несколькими бронзовыми прямоугольными скобами или, что встречается намного реже, заклёпками. Расширение тульи в нижней части, видимо, выколачивалось по уже скреплённому полуфабрикату. Все хорошо сохранившиеся шлемы имели цельнокроеные с тульей науши, которые сужаются в средней части и округло расширяются в нижней. В тех случаях, когда науши не сохранились, обычно имеются их фрагменты или следы слома на боковых сторонах края тульи. Шлемы несколько отличаются между собой количеством и характером расположения отверстий на тулье, её крае и наушах. Изредка на нижней части тульи шлемов и наушах встречается рельефный орнамент. Высота шлемов от края тульи до вершины обычно составляет около 30 см, при сохранившихся наушах она несколько превышает 40 см. При рассмотрении находок, становится ясно, что все они относятся к одному типу, который можно охарактеризовать как конический с округлой нижней частью тульи и наушами, не имеющий полей, козырька и назатыльника. Подобная форма шлемов является одной из наиболее распространённых у самых различных народов древности (Окшотт 2006, 48–53, 74; 2009, 44–49, 66).

Отдельные находки таких шлемов стали известны в первой половине XX века (Уварова 1900; Стражев 1926). К настоящему времени на Северном Кавказе известно три комплекса с подобными шлемами, все они относятся к памятникам кобанской культуры и находятся в Кисловодской котловине: это п.186 и разрушенное погребение 1987 года грунтового мог. Клин-Яр III (рис. 1, *1, 2*) и п.1 мог. Нарзанный-2 (рис. 2) (Белинский 1990, 190–195, рис. 3; Дударев 1991, 52–54, табл. 17; Белинский, Дударев 2013, 181–216, рис. 16–19). Кроме того, в научном обороте находятся известные ранее случайные северокавказские находки и опубликованы некоторые новые. Это два шлема из мог. Фаскау в Северной Осетии[1] (рис. 1, *4, 5*), не менее двух шлемов из кобанского мог. Заюково 3 в Кабардино-Балкарии[2] (рис. 1, *3*). На сегодняшний день стало известно о находках не менее восьми подобных шлемов и их фрагментов, происходящих из грабительских раскопок последних десятилетий, которые также найдены на Северном Кавказе, но места и контекст находок остались неизвестными[3] (рис. 3)[4]. Различные по полноте сведения имеются о 14 северокавказских находках. Все эти данные позволяют считать рассматриваемые шлемы не такой уж редкой находкой для предскифских памятников Северного Кавказа. Кроме того, исследователи вновь обратили внимание на давно известные закавказские находки из с. Приморского в Абхазии, п.13 мог. Бешташени в Грузии (рис. 4) и фрагменты трёх шлемов из к.1 Арчадзора в Нагорном Карабахе (Иванчик 2001, 230–232; Ivantchik, Moshinskii 2001, 293, 294; Дударев 2011а, 134–145; 2011б, 9–15). О форме последних, как и о ещё двух закавказских шлемах точных сведений нет (см. ниже).

К 1990-м гг., версия о появлении различных категорий защитного вооружения в Восточной Европе в начале раннескифского периода (Черненко 1968, 155) во многом уже стала устаревшей (Эрлих 1994, 119), хотя, хронологическая разница между шлемами «урартийскими» и раннескифскими «кубанского типа» отмечалась исследователями и ранее (Черненко 1968, 150; Галанина 1985).

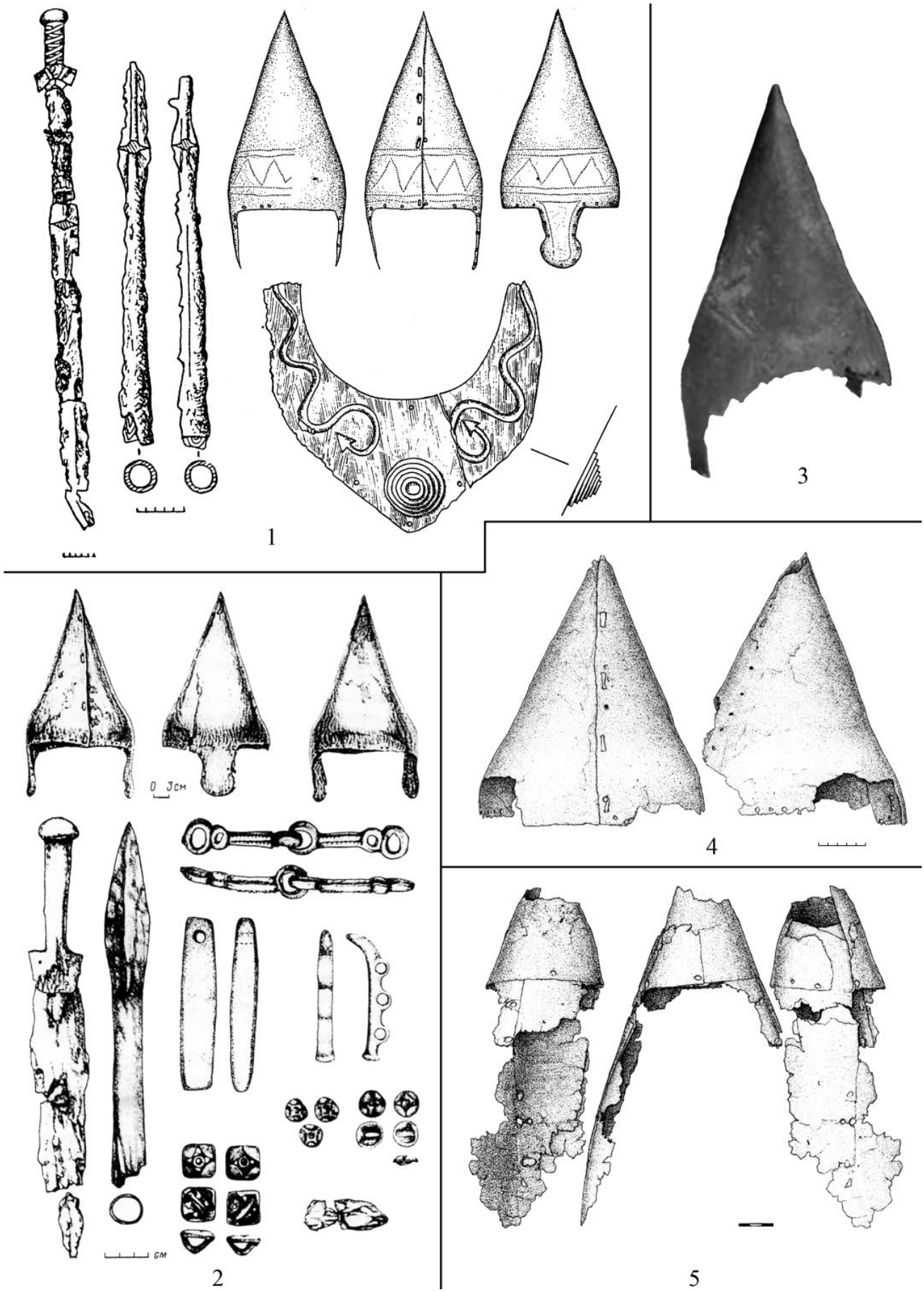
---

[1] Один из них был опубликован ранее как предположительно происходящий из Чми, сейчас недоразумение устранено А. П. Мошинским, которому я благодарен за это устное сообщение на прошедшей конференции.

[2] Фрагменты одного из них поступили в ГИМ. Сердечно благодарен А. Н. Кадиевой за информацию.

[3] Собраны в различных Интернет-сайтах, представляется, что подобных находок может быть и больше (Дударев 2011а).

[4] Рис. 3 размещён на цветной вклейке.

1 — Клин-Яр III, разр. п. 1987 г.; *2* — Клин-Яр III, п.186; *3* — Заюково 3; *4, 5* — Фаскау (Галиат)

Рис. 1. Комплексы и случайные находки шлемов

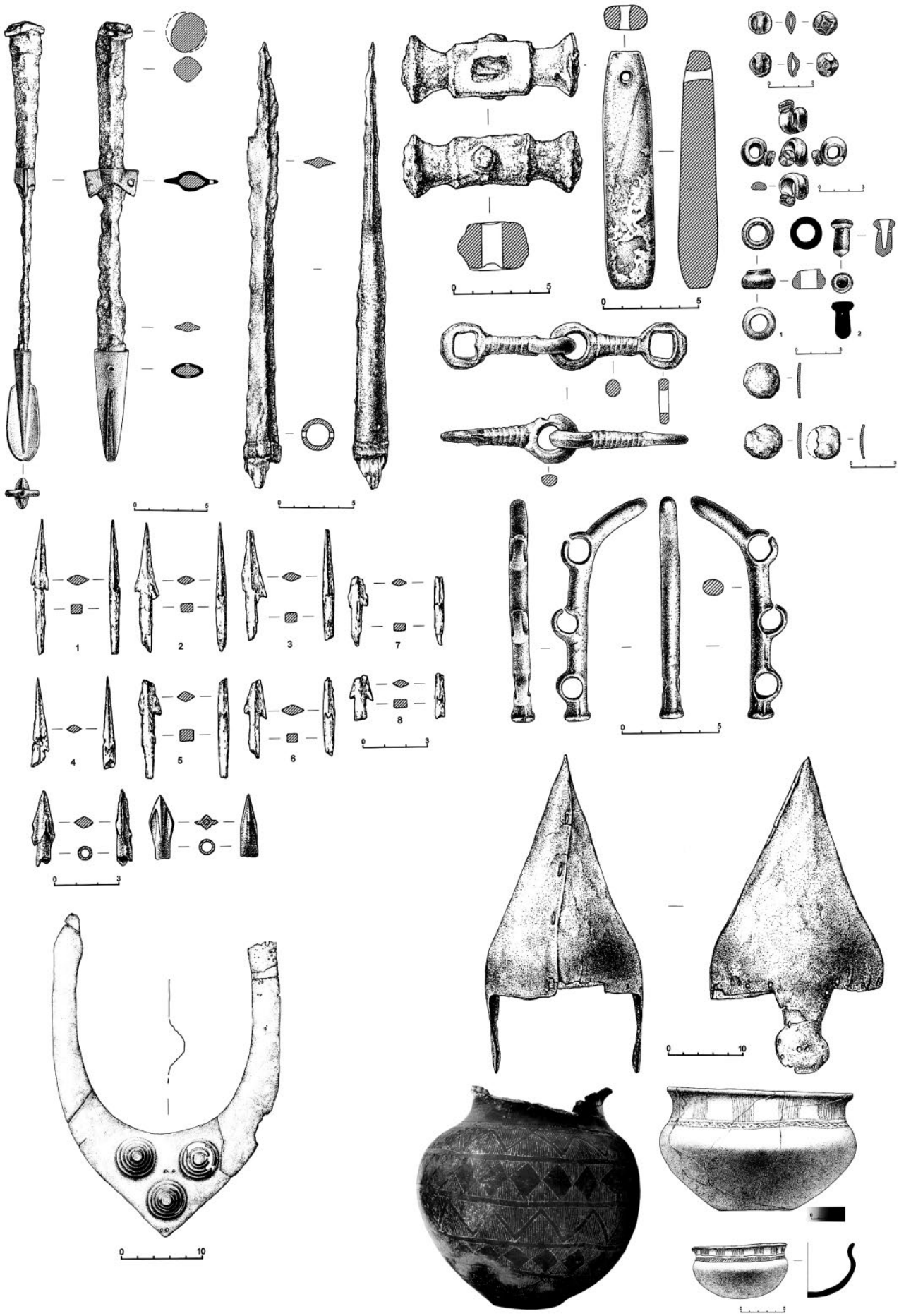
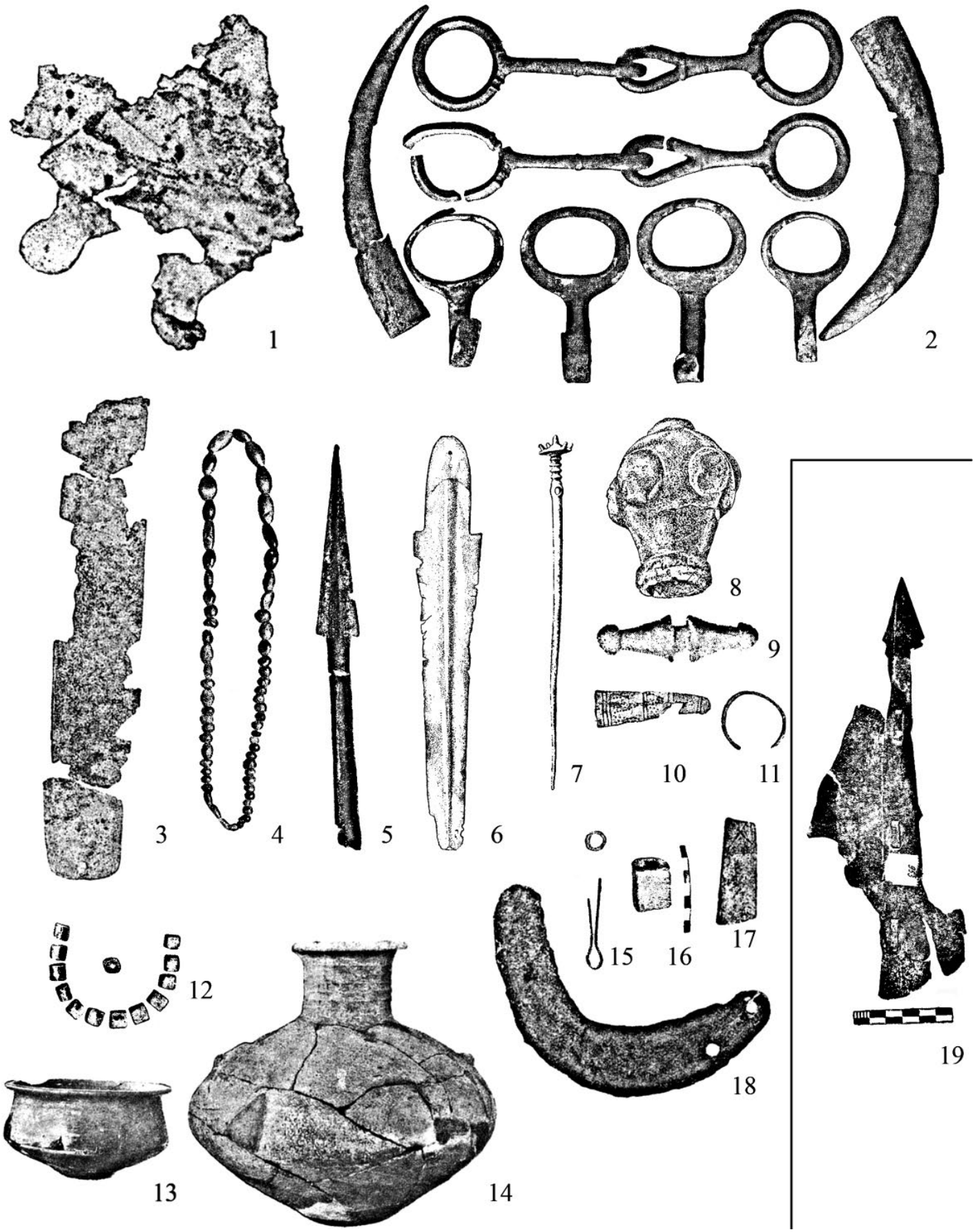

Рис. 2. Комплекс Нарзанный-2, п. 1

1–18 — Бешташени, п. 13 (масштаб разный); *19* — Приморское

Рис. 4. Находки шлемов в Закавказье

В опосредованную связь с находками шлемов на Северном Кавказе, исследователями в 1990-х гг. были поставлены и другие новации, не имевшие генетической связи с материальным комплексом восточноевропейских археологических культур финального этапа эпохи бронзы (X–IX вв. до н. э.), но обнаруженные в погребениях с характерными формами вооружения, конского снаряжения и украшений позднейшего хронологического этапа предскифского периода — «новочеркасской группы памятников» (конец VIII–VII вв. до н. э.). В число таких находок вошли бронзовые кованые шлемы, чешуйчатые панцири — доспех воина, «пекторали» — вероятные украшения нагрудников верховой конской упряжи, цельнолитые бронзовые уздечные комплекты, детали тягловой (колесничной) упряжи и некоторые другие категории находок. Появление этих предметов, как и некоторых изменений в погребальной обрядности, было связано исследователями с известными по нарративным источникам походами киммерийцев в Закавказье и Переднюю Азию, предшествующими скифской экспансии в эти регионы, а методом перекрёстных аналогий — с достоверными погребениями позднейшего этапа предскифского периода (Белинский 1990, 195; Дударев 1991, 51–54; 1995, 31–33; Эрлих 1991; 1992; 1994, 64, 65, 83–87; Вальчак 1993, 23–29; Скорый 1999). Количественно и качественно, по набору различных категорий наступательного и оборонительного вооружения, конского снаряжения, их эффективности, с раннескифским (келермесским) воинско-всадническим материальным комплексом может быть сравним только аналогичный комплекс позднего (классического) новочеркасского этапа предскифского периода на юге Восточной Европы, который и может претендовать на название «киммерийский» (Вальчак 2009, 93, 94).

Шлем, который был найден в погребении 186 могильника Клин-Яр III, сначала датировался рубежом VIII/VII — серединой VII вв. до н. э. (Белинский 1990, 190–195, рис. 3) (рис. 1, *2*). Датировку шлемов, на основании изучения Т. Мэдхлумом ассирийских рельефов, В. Р. Эрлих определил как относящуюся ко времени не ранее последней четверти — конца VIII в. до н. э. Исследователь принял точку зрения Т. Мэдхлума, который считает, что изображения ассирийских шлемов на рельефах периода правления ассирийских царей Тиглатпаласара III и Саргона II (744–705 гг. до н. э.) свидетельствуют об изготовлении их совместно с наушами, «из одного куска металла». На более поздних шлемах, времени Синаххериба и Ашшурбанипала (704–635/27 гг. до н. э. — даты по: Бикерман 2000, 188), науши, видимо, изготовлялись отдельно и были приклёпаны к тулье. В. Р. Эрлих пришёл к несколько парадоксальному заключению, что на рельефах Тиглатпаласара III «мы находим шлемы, по форме идентичные клин-ярским», отметив, что контур этих шлемов «несколько иной». Время правления Тиглатпаласара III (744–727 гг. до н. э.) не всегда совпадает с предлагаемыми В. Р. Эрлихом вариантами датировки северокавказских шлемов: середина — последняя четверть или в пределах последней четверти — конца VIII в. до н. э. (Эрлих 1992, 177–179; 1994, 64, 65, 90). Тем не менее, можно полностью согласиться с тезисом, что «погребения (со шлемами в составе инвентаря — С. В.) могильника Клин-Яр III маркируют самое начало военных контактов населения Северного Кавказа с Закавказьем и Передней Азией», а шлемы, как и другие новации «могли появиться только благодаря знакомству с военным делом Переднего Востока» (Белинский, Эрлих 1994, 68, 69). Таким образом, «киммерийские шлемы» на Северном Кавказе должны были появиться несколько позднее начала доскифских походов в Закавказье.

Исходя из этого, в качестве первой из вероятных причин появления шлемов рассматривались «военные контакты». До недавнего времени «ассиро-урартское», «ассирийское», «закавказское», «переднеазиатское или закавказско-западноазиатское» происхождение рассматриваемых находок, предложенное Б. Б. Пиотровским (Пиотровский 1944, 308) и поддержанное другими исследователями, под сомнение не ставилось.

В упоминавшихся работах А. Б. Белинского и В. Р. Эрлиха речь шла о создании северокавказских экземпляров на месте, под влиянием образцов-прототипов или их «идеи» из Закавказья и Передней Азии. Л. К. Галанина, вслед за исследованием Б. З. Рабиновича, предположила, что шлем из Фаскау «представляет собой копию конических кованых (что ошибочно — С. В.) ассиро-урартских наголовий, но выполненную в характерной для кобанской культуры технике клёпки (правильно было бы «ковки» — С. В.)» (Галанина 1985, 180, 181). С этой трактовкой вопроса о происхождении северокавказских шлемов согласился и С. А. Есаян (Есаян 1986, 31, 32). С. Л. Дударев, датируя появление предметов «закавказско-западноазиатской паноплии» концом VIII — началом VII в. до н. э., допускает, что эти изделия могли быть трофеями (Дударев 1991, 53, 54). Не соглашаясь со столь поздней датировкой этих находок, А. Ю. Алексеев, тем не менее, признал, что северокавказским «киммерийским» шлемам наиболее близки по пропорциям изображения на рельефах Синаххериба (705–681 гг. до н. э.), но усомнился в том, «были ли эти предметы в действительности военными трофеями» (Алексеев 1992, 82, 83; 2003, 145). Констатируя практически полное отсутствие предскифских «новочеркасских» древностей к югу от Большого Кавказского хребта, отсутствие в этих комплексах «пышного разнообразия, столь характерного для скифских памятников, […] несомненно связанных

с Передней Азией исторически», А. Ю. Алексеев считает, что проникновение определённо закавказских новаций, «как в случае со шлемами», отличить «от последствий контактов иного типа практически невозможно» (Алексеев 1992, 83, 84).

До работ С. Л. Дударева и А. Ю. Алексеева в начале 1990-х гг., от рассмотрения находок шлемов в качестве «трофеев» исследователи воздерживались. Более обтекаемо, обозначил своё понимание материала С. В. Полин: «из Закавказья от урартов или их противников шлемы ассирийского типа опосредованно поступали на Кавказ. Здесь также могли изготовляться и местные подражания импортным образцам» (Полин 1998, 54). При этом исследователь не уточнил, каковой была подобная «опосредованность», в результате чего и когда могло произойти само событие.

Так сформировалось определение второй из возможных причин появления шлемов, не вполне аргументированные — «контакты иного рода». Мнение А. Ю. Алексеева разделяет и В. И. Козенкова, которая, не отрицая привнесённый характер «ассирийских шлемов», высказала справедливое соображение, что появились они в памятниках кобанской культуры Северного Кавказа «значительно раньше, чем скифские элементы», датировав это событие без какой-либо аргументации «от 888 г. до н. э. и позднее», но «не позднее рубежа VIII–VII вв. до н. э.» (Козенкова 1995, 98; 1996, 99). В последующей работе В. И. Козенковой появление шлемов уже объясняется «внутренними региональными взаимодействиями (между населением Северного Кавказа и Закавказья — С. В.) военного характера конца IX — первой половины VIII в. до н. э.» (Козенкова 1998а, 53).

Такие же даты предложил для рассматриваемых шлемов и С. В. Полин, отметив некоторые второстепенные отличия между известными шлемами. Форма тульи, на мой взгляд, и вопреки мнению С. В.Полина, практически одинакова у всех известных нам экземпляров. Сшивка шлемов из одного или двух листов сама по себе является типологическим, хронологическим и частным технологическим приёмом. Для аргументации своей датировки С. В. Полин акцентировал внимание на внезапном появлении «шлемов с нащёчниками на рельефах времени Тиглатпаласара III в достаточно большом количестве и в разных вариантах», что, по мнению исследователя, «указывает на относительно долгий период их развития в конце IX — первой половине VIII в. до н. э.» (Полин 1998, 53, 54). К сожалению, С. В.Полин в своём пассаже не уточнил, что это развитие проходило на территории Передней Азии (Ассирия), далеко за пределами Северного Кавказа и территорий, непосредственно прилегающих с юга к Большому Кавказскому хребту. Тиглатпаласар III, как известно, произвёл значительную военную реформу ассирийского войска, но к северокавказским и закавказским находкам шлемов эта реформа никакого отношения не имеет. «Внезапное появление» изображений различных шлемов на ассирийских рельефах времени Тиглатпаласара III (744–727 гг. до н. э.) выглядит не таким уж внезапным, учитывая констатацию С. В. Полиным того факта, что «для второй половины IX — первой половины VIII в. до н. э. ассирийские рельефы неизвестны». Противоречивыми выглядят и ссылки на датированные этим же временем археологические находки шлемов в Урарту (Полин 1998, 53, 54). Есть шлемы из внекомплексных находок на территории Урарту и Ассирии, но нет датированных рельефов. На Северном Кавказе у нас также нет достоверных археологических источников, с которыми мы могли бы связать находки первой половины VIII, не говоря уж о IX в. до н. э. и ранее. Находки похожих, но не аналогичных шлемов с надписями урартских царей, Аргишти I (781–760 гг.) и Сардури II (760–730 гг. до н. э.) имеются только в Закавказье. Есть и шлемы Ассирии довольно широкого временного диапазона (IX–VII вв. до н. э.), форма тульи которых, по мнению не только С. В. Полина, но и других исследователей, в целом сходна со шлемами «киммерийского типа» (Пиотровский 1950, 63, рис. 40; 1952, 38, 39, табл. 11; 1955, 24–26, рис. 16; 1970, кат. 43, 44, 48, 121; Полин 1998, 53; Born, Seidl 1995, Abb. 1, 25; Taf. I, II, IX, X), но это не даёт оснований для датирования северокавказских шлемов только первой половиной VIII в. до н. э. и ранее.

К мнению о ранней датировке северокавказских шлемов присоединился и А. И. Иванчик, который предпринял попытку ещё более удревнить их, считая «что клин-ярские, как и другие сходные с ними, кавказские шлемы не могут быть связаны с засвидетельствованными письменными источниками походами киммерийцев (и тем более скифов), начало которых нет оснований датировать значительно ранее 714 г до н. э.» (Иванчик 2000, 220). Исследователь выдвинул тезис, что «этот вид оборонительного вооружения никак не может считаться новацией на Кавказе, связанной с киммерийскими или скифскими походами конца VIII–VII вв. до н. э.». Вслед за В. И. Козенковой, исследователем предполагаются некие связи с Закавказьем «гораздо более ранние, чем эти походы» (Иванчик 2001, 234). Предполагаемое наличие таких связей более раннего времени, в результате которых в северокавказском регионе появляются различные инновационные категории защитного вооружения и конского снаряжения, некоторых типов украшений, оказывается ничем не подтверждённым, кроме общих рассуждений, не сопровождающихся детальной классификацией находок и линий их развития. Похоже, здесь мы можем видеть только настойчивое стремле-

ние В. И. Козенковой, С. В. Полина, А. И. Иванчика и др. придать бóльшую древность всем восточноевропейским находкам предскифского периода, следовать установкам популярной ныне, но далеко не повсеместно принятой очередной «обновлённой хронологии» памятников Средней Европы.

В работах большинства исследователей, сопоставление северокавказских шлемов производилось, за редкими исключениями, с изображениями подобных на каменных рельефах и предметах торевтики, но не с реальными находками шлемов на территории древних Урарту и Ассирии. Осталось практически незамеченным методически верное замечание А. Б. Белинского, что изображения шлемов на рельефах «позволяют лишь подтвердить их соответствие по форме и времени существования» (Белинский 1990, 195), но не дают возможности, что следует из логического посыла исследователя, авторитетно рассуждать о деталях их конструкции и выстраивать генетические линии. Работы исследователей по поиску сходства формы северокавказских с изображениями переднеазиатских шлемов и способа крепления наушей интересны, но никак не послужили уточнению изначально предложенной хронологической позиции северокавказских шлемов в широких рамках второй половины VIII — первой половины VII в. до н. э. Ведь на Северном Кавказе нам известны только шлемы однообразной формы и с цельнокроеными наушами.

Эту ситуацию попытался исправить А. И. Иванчик, который провёл сопоставление рассматриваемых находок не только с изображениями на рельефах, но и с известными многочисленными находками шлемов в Закавказье и Передней Азии. Исследователь вновь рассмотрел важные для типологии вопросы о соответствии форм шлемов, о наличии или отсутствии наушей и способов их крепления к шлемам, несколько других соображений, впервые обозначенных отчётливо, но не представил никакой классификации находок (Иванчик 2000, 203–224; 2001, 228–247). А. И. Иванчик лишь констатировал давно известный специалистам факт (Галанина 1985, 180, 181) существенных различий в способе изготовления кавказских и переднеазиатских шлемов — «все кавказские шлемы сделаны из листов бронзы и скреплены заклёпками (что не вполне верно — С. В.), все переднеазиатские бронзовые шлемы — литые». Это позволило А. И. Иванчику высказать суждение «о независимости кавказских шлемов от переднеазиатских» (Иванчик 2000, 215; 2001, 238).

Рассматриваемые здесь кавказские («киммерийские») шлемы и не могли быть иными, они изначально отличаются от урартийских и ассирийских образцов в своём материальном воплощении, хотя бы потому, что технология литья крупных объёмных, полых изделий, можно сказать — «ёмкостных», не была известна на Северном Кавказе, в Закавказье (исключая территорию государства Урарту) и в Северном Причерноморье ни в эпоху поздней бронзы, ни в предскифское время. Все подобные литые изделия (котлы бештаугорского типа, шлемы «кубанского типа») были найдены в северокавказских комплексах с типичными экземплярами конского снаряжения и вооружения воинов финала «классического новочеркасского» этапа предскифского (Бештау), но чаще «келермесского» (раннескифского) хронологического горизонта, который традиционно датируются многими исследователями не ранее 1-й пол. VII. до н. э. Технология эта, вероятнее всего, была привнесена в Восточную Европу пришлой группой населения, изначально проживавшего намного восточнее Волги (нынешние районы Восточного Казахстана, Северной Монголии и Китая, Южная Сибирь), в регионах, где литые котлы и шлемы находят ближайшие аналогии в среде синхронных (VIII–VII вв. до н. э.) и более ранних археологических культур (Алексеев 1992, 36–38; 2003, 45–50; Вальчак 2004, 43, 44; Вальчак, Демиденко 2006, 178). Например, С. В. Демиденко, один из ведущих исследователей технологии изготовления бронзовых изделий, в частности, котлов Северной Евразии, выделяет несколько типов клёпаных котлов Северного Причерноморья, являющихся копиями литых восточных экземпляров, датирующихся в целом VIII — началом VII в. до н. э. и отличающихся от более ранних позднебронзовых форм (Демиденко 2005, 93–103). Е. В. Черненко всегда считал кованые шлемы более ранними, «доскифскими типами» и пришел к выводу, что литые шлемы «кубанского типа» появляются в раннескифский период, не ранее второй половины — конца VII в. до н. э. (Черненко 1968, 76, 150; 2004, 98–100). Производство различных изделий из листовой бронзы, как и скрепление их частей при помощи заклёпок, являлось характерной для предскифского времени технологией изготовления северокавказской (кобанской) и закавказской бронзовой посуды (миски, чаши, кружки, ситулы-вёдра и т. п.) вплоть до VI в. до н. э. включительно (Козенкова 1996, 47–49; 1998б, 107–111). Заклёпки на рассматриваемых «киммерийских» шлемах отмечены редко (2 случая из 15 известных), а сшивающие скобы, но не «прошитые бронзовой тесьмой швы», как это представляется А. И. Иванчику (Иванчик 2001, 230), встречаются на большинстве экземпляров. К тому же, технологический приём скрепления бронзовых листов скобами пока не удалось найти ни на каких других изделиях эпохи поздней бронзы — раннего железного века Кавказа. Определённо, что эта технология пока непосредственно связана с уникальной категорией находок — коваными «киммерийскими» шлемами Кавказа.

Для «киммерийских шлемов», как и много десятилетий назад, приводится только один вероятный про-

тотип с Северного Кавказа — литой шлем с надписью урартского царя Аргишти I (781–760 гг. до н. э. по: Бикерман 2000, 192; ок.786–764 гг. до н. э. по: Иванчик 2000, 215; 2001, 240), найденный при неясных обстоятельствах на могильнике Верхняя Рутха в Северной Осетии. Л. К.Галанина допускала для раннескифского времени, что «обладая богатым опытом, местные (северокавказские — С. В.) литейщики вполне могли освоить выпуск шлемов, ориентируясь на импортные древневосточные образцы» и считала, что эта находка фиксирует «довольно раннее проникновение на Северный Кавказ древневосточных шлемов, вызвавших местные подражания» (Галанина 1985, 181). Соглашаясь с этим фактом, А. И. Иванчик справедливо замечает: «неясно, однако, ни каким путём, ни когда это происходило» и приходит к справедливому выводу, что «в любом случае шлем из Верхней Рутхи ничего не даёт для датировки остальных кавказских шлемов» (Иванчик 2000, 219; 2001, 246). Как было показано выше, любое вероятное знакомство предскифских племён с образцами закавказско-переднеазиатского вооружения и сбруи приводило только к заимствованию «идеи» вещи, частично её формы, но не технологии и стиля изготовления. Свидетельством подражательности северокавказских находок является наличие выполненного в пуансонной технике орнамента на тульях двух шлемов: геометрического (Клин-Яр–1987) и в виде двух фигур фантастических животных «гвери» (рис. 1, *1*; 3, *6*), явно восходящего к орнаментальным фризам литых урартийских и ассирийских шлемов.

Теперь рассмотрим находки кованых конических шлемов из листовой бронзы в Закавказье. Неоднократно привлекавшая внимание исследователей находка фрагментов шлема у села Приморское в Абхазии (рис. 4, *19*) традиционно и ошибочно считается комплексной (Иванчик 2001, 230). На самом деле, вместе с обломками шлема, при случайных обстоятельствах, были найдены и другие бронзовые вещи (кинжал, наконечники копий, топоры, украшения), а также фрагменты двух крупных глиняных сосудов, использованных как урны, находки из которых и были совокупно опубликованы Б. А. Куфтиным (Стражев 1926, 106, 107, 112, № 26; Куфтин 1949, 139, 141, табл. X). Следовательно, весь набор вещей представлял собой инвентарь не менее двух разрушенных погребений, совершенных в урнах, поэтому контекст этой находки не может является достоверным (Вальчак, Скаков 2003, 118, 119). Соответственно, никакого значения для установления хронологической позиции рассматриваемых шлемов этот псевдо-комплекс не имеет. Фрагментарность шлема (сохранилась верхняя часть тульи со швом и скрепляющими скобами, несколько мелких обломков) позволяет лишь относить его к «киммерийским», но не даёт возможности судить обо всех его конструктивных деталях и использовать как основу для хронологических построений (Иванчик 2000, 204–207; 2001, 230–232; Ivantchik, Moshinskii 2001, 293, 294). Ю. Н. Воронов датировал шлем из Приморского временем не ранее конца VIII — первой половины VII в. до н. э. (Воронов 1980, 207, 208), что представляется наиболее реальной хронологической позицией этой находки.

М. М. Иващенко осторожно предполагал наличие остатков ещё одного «шлема или колчана» среди обломков листовой бронзы, на одном из которых «сохранилось скрепление посредством бронзовой пластинки», из находок в трёх разрушенных урновых погребениях мог. в сел. Эшера у Сухума в Абхазии, где был собран разнообразный и разновременный материал (Иващенко 1935, 58–63, № 23). Если предположить, что «бронзовая пластинка» аналогична скобе на рассматриваемых шлемах, то это свидетельство можно было бы посчитать возможным, но не достоверным (Вальчак, Скаков 2003, 118, 119).

В погребении 13 могильника Бешташени в Грузии, среди многочисленных находок различных категорий из бронзы, кости и керамики (детали конского снаряжения, вооружение, украшения и сосуды) был найден в буквально расплющенном виде и шлем с наушами, изготовленный из бронзового листа. Это был первый в закавказской археологии факт обнаружения шлема рассматриваемого типа в достоверном контексте других археологических находок (рис. 4, *1–18*). К сожалению, детальное описание комплекса, как и самого шлема в публикации отсутствуют. О его форме можно судить только по фотографии погребения (Куфтин 1941, 68, табл. XL; Иванчик 2001, 230, 234; Ivantchik, Moshinskii 2001, 300). Очень сложным является вопрос об относительной и абсолютной дате погребения 13 из могильника Бешташени, которое содержит множество разнообразных по форме и назначению вещей. Это погребение было отнесено А. И. Иванчиком к XIII–XII вв. до н. э. (Иванчик 2000, 207–208; 2001, 232, 233). Можно констатировать большое сходство шлема с северокавказскими находками из предскифских погребений в Кисловодске по форме и характерному абрису наушей, но ничего невозможно сказать о технологии его производства. Очевидно, только то, что изготовлен шлем из листовой бронзы, как и аналогичные северокавказские экземпляры. Датировка этого шлема, как и всего комплекса погребения 13 мог. Бешташени может быть построена только на параллелях с находками других категорий из комплексов с северокавказскими «киммерийскими» шлемами, но не с литыми шлемами Урарту или Ассирии.

Существующие хронологические концепции памятников закавказской археологии, сформированные много десятилетий назад, иногда скорректированные

в наши дни, по-прежнему вызывают множество вопросов. Часто одни и те же памятники Северного Кавказа и Закавказья датируются с разницей в столетие и более, а периодизации закавказских памятников предлагают дату для конкретных комплексов в несколько столетий (Погребова 2011). Обосновывая дату бешташенского погребения имеющимися архаичными для региона по форме предметами вооружения, А. И. Иванчик не уделил должного внимания некоторым другим находкам, например, деталям конского снаряжения, некоторым предметам вооружения, «роликовой» застёжке и предложил для всего комплекса наиболее раннюю дату из вероятно возможных (Куфтин 1941, табл. XLVI, XLVII; Иванчик 2000, рис . 4, *3*; 2001, 232, 233, рис. 78, *3*, *15–17*, *19*).

Роликовые застёжки (рис. 4, *9*), подобные найденной в погребении 13 могильника Бешташени, отнесены С. А. Есаяном и М. Н. Погребовой к типу I и, по мнению этих исследователей, встречаются в памятниках Закавказья с конца II тыс., вплоть до VII–VI вв. до н. э., постепенно сменяясь застёжками типа II, обычными в памятниках скифского времени (Есаян, Погребова 1980, 79–88; Черненко 1981, 36–42). Практически аналогичная костяная застёжка была обнаружена в погребении 14 могильника Шесхарис близ Новороссийска (Дмитриев 1973, 35, фото 118). В этом же погребении присутствовал бронзовый двулопастный наконечник стрелы с короткой втулкой и узкой удлиненно-ромбической головкой. Наиболее ранними комплексами с подобными наконечниками являются погребения в курганах близ селений Квитки и Ольшана на Украине и Белоградец в Болгарии (Ковпаненко, Гупало 1984, 49, рис.9, *42*; Скорый 1999, 33, 34, рис.11, *28*; 12, *2*; Tončeva 1980, Pl. X, *2*). Комплексы эти содержат позднейшие формы развития бронзовых уздечных принадлежностей предскифского времени: двукольчатые удила с многорядно-прямоугольным рельефом на стержнях, трехпетельчатые псалии классического варианта типа Новочеркасск, производный от них цельнолитой уздечный комплект типа Константиновка 376 — Енджа. Железный кинжал с рукоятью прямоугольного сечения (отдел 2, подотдел 1, группа 4, тип 2) из к. 4 у Белоградца относится к позднейшим формам клинкового оружия предскифского периода (Вальчак 2005, 148, 155–157). Синхронизируются все эти комплексы и по наличию бронзовых наконечников стрел новочеркасского типа. Ряд исследователей датирует данные памятники не ранее конца VIII до н. э. (Эрлих 1991, 39–42; 1994, 98–123; Скорый 1999, 57–65; Дударев 1999, 159–169; Вальчак 2009, 89–97). Такие же двухлопастные наконечники стрел, как и в Шесхарисе, с короткой втулкой и узкой удлиненно-ромбической головкой, чаще встречаются в более поздних раннескифских памятниках Северного Кавказа: курган 9 у хутора Красное Знамя, курган 20 могильника Нартан, курган 41 могильника Фарс/Клады, погребение 1 кургана 4 могильника Холмский I (Петренко 1990, 62–65, рис.1, В 1–5, Д 2–4; Батчаев 1985, 41, табл. 48, *28*; Эрлих 1988; Лесков, Эрлих 1999, 27, 28, 35, 36, 69, 70, Рис. 39, *17*, *18;* Василиненко, Кондрашев, Пьянков 1993, 30, рис. V, *18–23*, *27*, *28*).

Навершия булав (рис. 4, *8*), как в комплексе из Бешташени (Куфтин 1941, рис. 81, табл. XLVII), даже по признанию А. И.Иванчика, «использовались и позже» (Иванчик 2001, 32). Исследования археологов Закавказья подтверждают бытование подобных булав в широком диапазоне IX–VIII вв. до н. э. (Мартиросян 1964, табл. XXXVI, III, *17*).

Найденные в Бешташени 13 роговые псалии с крупными прямоугольными центральными отверстиями (рис. 4, *2*), явно изначально предназначенными для напускного соединения с бронзовыми удилами, крепились в ременном внешнем соединении с удилами, что видно на фотографии погребения (Куфтин 1941, табл. XLIII, XLVI; Иванчик 2001, рис. 78, 15, 19), и имеют достаточно широкую дату. По мнению И. Н. Медведской, напускное соединение удил и псалиев в уздечных комплектах становится менее используемым во второй половине VIII и выходит из употребления в VII в. до н. э. (Медведская 2005, 120). Что касается бронзовых однокольчатых удил из этого погребения (Куфтин 1941, табл. XLVI; Иванчик 2001, 232, 233), то заявленное их сходство с удилами из п.79 могильника Артик только общее, как и с множеством других разновременных удил этого типа (Вальчак 2009, 26–29). Необычность положения in situ удил и псалиев в Бешташени на широком фоне аналогий специально рассматривалась И. Н. Медведской, которая справедливо отметила зависимость длины удил от разъёмного ременного или напускного их соединения с псалиями (Медведская 2005, 120–122). Если говорить об удилах из Бешташени, то длина стержней у них довольно мала, что не позволяло использовать напускное соединение, псалии здесь лежали поверх удил (Куфтин 1941, табл. XLIII, XLVI). А. И. Иванчик неудачно приводит комплекс п. 79 Артика только для обоснования ранней даты шлема из Бешташени (Иванчик 2001, 232, 233). Роликовые застёжки, аналогичные найденной в Бешташени, были зафиксированы и в достаточно поздних памятниках раннескифского времени. Типологически близкие застежки известны в курганном комплексе из Сарычобана (Азербайджан) и п.41 (содержит разновременный материал) могильника Нареквави в Грузии (Джафаров 1993, рис. 5, *50*, *51*; Mtskheta 1999, 112, Table XXXIV, *456*). По застежкам и деталям узды данные комплексы синхронизируются с курганами Мингечаура, датируемыми IX — началом VII (Погребова 1984, 44–46), но не с самыми ранними из них.

Безусловно, комплекс погребения 13 могильника Бешташени содержит ряд достаточно архаичных по облику предметов, но вопрос об абсолютной датировке, времени их создания, бытования и времени попадания в комплекс пока остается открытым. Даже сторонники «длинной» хронологии предскифских и раннескифских древностей Восточной Европы относят данное погребение к IX–VIII вв. до н. э. (Полин 1998, 54), следовательно, датировать шлем из погребения в Бешташени временем «не позже XII в. до н. э.», как это представляется некоторым исследователям, (Иванчик 2000, 214; 2001, 238) нет никаких убедительных оснований (Погребова 2011, 147).

Из коллективной гробницы в кургане 1 близ селения Арчадзор в Нагорном Карабахе, который был раскопан Э. Реслером в первой половине 1890-х гг., происходят три бронзовых шлема. В описании погребения, сообщается, что на черепах двух из четырёх погребённых находились «остатки бронзового шлема», а на третьем — «остатки убора из листовой бронзы» (Кушнарева 1957, 137, 140, рис. 1; Иванчик 2000, 209; 2001, 233, рис. 113). Приведенный в публикации К. Х. Кушнаревой план Э. Реслера крайне схематичен, так что точно соотнести изображенные на нём конические головные уборы с рассматриваемыми в этой статье шлемами невозможно. Кроме того, в разрушенном кургане 3 (1893 г.) Арчадзора, Э. Реслер нашел остатки ещё одного бронзового шлема (Кушнарева 1957, 136), но все эти находки, при любой из вероятных датировок курганов Арчадзора, при имеющемся качестве полевой документации и без специального изучения коллекции, не могут быть достоверно отождествлены с рассматриваемыми шлемами «киммерийского типа». Комплекс кургана 1 Арчадзора М. Н. Погребова отнесла к четвёртому хронологическому периоду памятников Восточного Закавказья, который, в широком диапазоне, занимает конец XII–IX в. до н. э. Исследователь заметила, что «в датировке Арчадзорских курганов шлем вряд ли может играть решающую роль, так как судить о его форме не приходится, а самый факт использования головного защитного доспеха не имеет столь узкой даты, тем более в Закавказье» (Погребова 2011, 147). Пятый же период своей классификации М. Н. Погребова отнесла к концу IX — первой половине VII в. до н. э., куда были включены курганы Мингечаура и другие памятники, находки в которых имеют некоторое соответствие и с курганами Арчадзора (Погребова 2011, 295–298).

Датировать курган 1 Арчадзора стоит и с учётом найденной в нём пряжки, состоящей из двух цельнолитых рамок: кольцевидной с зооморфным шпеньком и трапециевидной (Кушнарева 1957, рис. 2, *14*). Пряжка эта относится к очень редкому (2 экз.) в Закавказье и Передней Азии второму типу, но исследователи предполагают его местное происхождение, хотя и сравнивают с экземплярами восточных регионов (Есаян, Погребова 1978, 77, 81, 82, табл. I, *7*). Представляется, что этот тип пряжек (единичны подобные находки и на Северном Кавказе), является производным от многочисленных вариантов округлофигурных пряжек Средней Азии, Алтая и Южной Сибири (Марсадолов 1998, 12, 13) и должен рассматриваться в контексте других новаций, источником которых являлись культуры этих регионов. Точные аналогии с восточно-азиатскими изделиями находит сходная пряжка из «клада» 1951 г. на горе Бештау, подражанием в традициях кобанской металлообработки является пряжка из разрушенного погребения 1950 г. у Лермонтовского разъезда (гора Бештау) (Иессен 1954, 122–125, рис. 12–14). Арчадзорская пряжка является подражанием в закавказской технике с элементами зооморфизма: шпенёк приобретает вид птичьей головы, подтрапециевидная рамка становится треугольной, имитируя птичий хвост. На мой взгляд, все эти комплексы логично рассматривать в одном контексте, а датировать с учётом содержащихся в северокавказских памятниках новаций (пряжки, котёл бештаугорского типа, пекторали, железные меч и кинжал), не ранее конца VIII — первой трети VII в. до н. э. (Вальчак, Демиденко 2006, 178).

Поражение киммерийцами армии урартийского царя Русы I (время правления: 730–705 гг до н. э.) у северных границ Урарту (Редер 1947, 266–268; Иванчик 1996) является первым из известных нам фактов боевых и победных (!) столкновений киммерийцев с одной из сильнейших армий государств Древнего Востока. Армия Урарту была экипирована вооружением, аналогичным экземплярам с именем какого-либо царя, сохраняемым в особых кладовых или храмах, которое и могло стать трофеем. В контексте рассматриваемых исторических событий, очевидно, что на Северный Кавказ подобные образцы могли попасть только после, но не в момент первого упоминания киммерийцев в письменных источниках, связанным с поражением армии Русы I, которое произошло около конца VIII в. до н. э. (Пиотровский 1944, 109–111; Иванчик 1996, 23–28; Алексеев 2003, 94). Попытки освоения северных территорий от границ тогдашнего государства Урарту не предпринимались при правлении Русы I, что аргументировано и убедительно было показано М. Н. Погребовой (Погребова 2001, 317–330; 2011, 201–208). Расположенные к северу от оз. Севан территории были неведомы урартам. Следовательно, любые закавказско-переднеазиатские прототипы рассматриваемых конических шлемов могли быть привнесены в воинский комплекс населения южных, тем более северных, склонов Большого Кавказского хребта только после начала киммерийских походов, не ранее

упомянутого сражения в период правления Русы I. Абсолютное сходство формы, размеров и технологии изготовления большинства из «киммерийских» шлемов Северного Кавказа, в тех случаях, когда мы можем достоверно судить об этом, свидетельствует не в пользу определения периода их существования на протяжении нескольких столетий, как это представляется некоторым исследователям (Иванчик 2000, 214, 215; 2001, 234, 238), а позволяют отнести их к относительно небольшому временному отрезку, связанному с событиями военного характера, в которые было вовлечено население северокавказского и закавказского регионов.

При относительной и абсолютной датировке конических шлемов из листовой бронзы ведущими, как это ни парадоксально, в настоящий момент являются материалы закрытых археологических комплексов Северного Кавказа, а не Закавказья. С учётом перекрёстных аналогий в других категориях предметов материальной культуры, найденных вместе с «киммерийскими» шлемами, на их датировку не ранее последней четверти — конца VIII в. до н. э., а то и на протяжении первой половины VII в. до н. э., указывает и большое количество находок в воинско-всадниических комплексах предскифского времени на юге Восточной Европы.

Литература

Алексеев А. Ю. Скифская хроника (Скифы в VII–IV вв. до н. э.: историко-археологический очерк). СПб., 1992.

Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н. э. СПб., 2003.

Батчаев В. М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. / М. П. Абрамова, В. И. Козенкова (ред.). Нальчик, 1985.

Белинский А. Б. К вопросу о времени появления шлемов ассирийского типа на Кавказе // СА. 1990. № 4.

Белинский А. Б., Дударев С. Л. Богатое погребение со шлемом ассирийского типа из могильника Нарзанный-2 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. XI. / А. Б.Белинский (ред.). М., 2013.

Белинский А. Б., Эрлих В. Р. О хронологии нижнего горизонта могильника Клин-Яр III // XVIII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. / И. М. Чеченов (ред.). Кисловодск, 1994.

Бикерман Э. Хронология Древнего мира. Ближний Восток и античность. Сретенск, 2000.

Вальчак С. Б. О некоторых цельнолитых уздечных комплектах предскифского времени на юге Восточной Европы // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ 1989–1990 гг. Материалы семинара по скифо-сарматской археологии. / Ю. Л. Щапов, И. В. Яценко (ред.). М., 1993.

Вальчак С. Б. Конская упряжь Приаралья и юга Восточной Европы: сходство и отличия // Археологические памятники раннего железного века юга России. МИАР. № 6. / Л. Т. Яблонский (ред.). М., 2004.

Вальчак С. Б. Классификация, вопросы происхождения, развития и хронологии некоторых кинжалов и мечей предскифского периода // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В. С. Ольховского / В. И. Гуляев (ред.). М., 2005.

Вальчак С. Б. Конское снаряжение в первой трети I тыс. до н. э. на юге Восточной Европы. М., 2009.

Вальчак С. Б., Демиденко С. В. Комплекс 1951 года с горы Бештау: вопросы хронологии // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 8 / А. С. Скрипкин, Л. Т. Яблонский (ред.). Волгоград, 2006.

Вальчак С. Б., Скаков А. Ю. Клад из Мехчис-Цихе в контексте хронологии некоторых археологических памятников Юго-Западного Закавказья // РА. 2002. № 2.

Вальчак С. Б., Скаков А. Ю. Дигорские «пекторали» предскифского периода // РА. 2003. № 3.

Василиненко Д. Э., Кондрашев А. В., Пьянков А. В. Археологические материалы предскфского и раннескифского времени из Западного Закубанья // Древности Кубани и Черноморья. Понтийско-кавказские исследования. Вып. I / Б. А. Раев (ред.). Краснодар, 1993.

Воронов Ю. Н. О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур // Скифия и Кавказ / А. И. Тереножкин (ред.). Киев, 1980.

Галанина Л. К. Шлемы кубанского типа (вопросы хронологии и происхождения) // Культурное наследие Востока / Ю. В. Бромлей (ред.). Л., 1985.

Демиденко С. В. К вопросу о происхождении клёпаных «киммерийских» котлов Северного Причерноморья // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В. С. Ольховского / В. И. Гуляев (ред.). М., 2005.

Джафаров Г. Ф. Курган эпохи поздней бронзы вблизи Сарычобана // РА. 1993. № 4.

Дмитриев А. В. Отчет об археологических разведках в районе Новороссийска в 1973 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 5823.

Дударев С. Л. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный, 1991.

Дударев С. Л. К проблеме взаимодействия племён Северного Кавказа с ранними кочевниками в предскифскую эпоху. Армавир, 1995.

Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху. Армавир, 1999.

Дударев С.Л. Блеск и горечь древней бронзы (о новых находках у селения Заюково) // XVI-ые чтения по археологии Средней Кубани. / С.Л. Дударев (ред.). Армавир, 2011а.

Дударев С.Л. К вопросу о хронологии ассирийских шлемов с остроконечной тульей и их кавказских подражаний // Сборник научных работ Сергея Леонидовича Дударева: статьи, материалы, рецензии. К 60-летию со дня рождения / В.Б. Виноградов (ред.). М., 2011б.

Есаян С.А. Доспех Древней Армении. Ереван, 1986.

Есаян С.А., Погребова М.Н. Новые находки кольцевидных пряжек в Армении // Вестник общественных наук АН Арм. ССР. 1978. № 11.

Есаян С.А., Погребова М.Н. Палочки-застёжки в Закавказских и скифских памятниках // Вестник общественных наук АН Арм. ССР. 1980. № 1.

Есаян С.А., Погребова М.Н. Скифские памятники Закавказья. М., 1985.

Иванчик А.И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII веках до н.э. М., 1996.

Иванчик А.И. О так называемых «передневосточных» шлемах, найденных на Кавказе // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. / В.С. Ольховский (ред.). М., 2000.

Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени // Степные народы Евразии. Т. II. М., 2001.

Иващенко М.М. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии // Известия НИИ кавказоведения. Вып. 3. Тифлис, 1935.

Иессен А.А. Некоторые памятники VIII–VII вв. до н.э. на Северном Кавказе // Вопросы скифо-сарматской археологии. / Д.Б. Шелов (ред.). М., 1954.

Ковпаненко Г.Т., Гупало Н.Д. Погребение воина у с. Квитки в Поросье // Вооружение скифов и сарматов. / Е.В. Черненко (ред.). Киев, 1984.

Козенкова В.И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ. Вып. В2–5. М., 1995.

Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996.

Козенкова В.И. Кобанские древности в малоизвестных европейских собраниях // Международные XX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа (тезисы докладов). Ставрополь, 1998а.

Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племён. Западный вариант // САИ. Вып. В2–5. М., 1998б.

Куфтин Б.А. Археологические раскопки в Триалети. Т. I. Тбилиси, 1941.

Куфтин Б.А. Материалы к археологии Колхиды. Т. I. Тбилиси, 1949.

Кушнарева К.Х. Некоторые памятники эпохи поздней бронзы в Нагорном Карабахе // СА. 1957. XXVII.

Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс/Клады. М., 1999.

Марсадолов Л.С. Основные тенденции в изменении форм удил, псалиев и пряжек коня на Алтае в VIII–V вв. до н.э. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. / Ю.В. Кирюшин, А.А. Тишкин (ред.). Барнаул, 1998.

Мартиросян А.А. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван,1964.

Медведская И.Н. Сиалк B и Хасанлу IV: вопросы хронологии // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского. / В.И. Гуляев (ред.). М., 2005.

Окшотт Э. Археология оружия. От бронзового века до эпохи Ренессанса. М., 2006.

Окшотт Э. Оружие и воинские доспехи Европы. С древнейших времён до конца Средневековья. М., 2009.

Петренко В.Г. К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья // Проблемы скифо-сарматской археологии / А.И. Мелюкова (ред.). М., 1990.

Пиотровский Б.Б. История и культура Урарту. Ереван, 1944.

Пиотровский Б.Б. Кармир-Блур. I. Результаты раскопок 1939–1949 годов. Ереван, 1950.

Пиотровский Б.Б. Кармир-Блур. II. Результаты раскопок 1949–1950 годов. Ереван, 1952.

Пиотровский Б.Б. Кармир-Блур. III. Результаты раскопок 1951–1953 годов. Ереван, 1955.

Пиотровский Б.Б. Кармир-Блур. Л., 1970.

Погребова М.Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977.

Погребова М.Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984.

Погребова М.Н. Закавказье и киммерийцы ассирийских текстов конца VIII в. до н.э. // Древние цивилизации Евразии. История и культура. / А.В. Седов (ред.). М., 2001.

Погребова М.Н. История Восточного Закавказья: вторая половина II — начало I тыс. до н.э.: (по археологическим данным). М., 2011.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и древний Восток: К истории становления скифской культуры. М., 1992.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. Закавказские бронзовые пояса с гравированными изображениями. М., 1997.

Полин С.В. О хронологии раннескифской культуры (по И.Н.Медведской) // РА. 1998. № 4.

Редер Д.Г. Восточные тексты // ВДИ. 1947. № 1.

Скаков А.Ю., Эрлих В.Р. О хронологии «киммерийских» и раннескифских древностей // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского / В.И. Гуляев (ред.). М., 2005.

Скорый С.А. Киммерийцы в Украинской лесостепи. Киев-Полтава, 1999.

Стражев В.И. Бронзовая культура в Абхазии // Известия Абхазского научного общества. Вып. 4. Сухум, 1926.

Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // МАК. VIII. М., 1900.

Черненко Е.В. Скифский доспех. Киев, 1968.

Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев, 1981.

Черненко Е.В. Древнейшие скифские шлемы // Від Кіммерії до Сарматії. 60 років відділу скіфо-сарматської археології (Матеріали Міжнародної наукової конференції). / С.А. Скорий (ред.). Київ, 2004.

Эрлих В.Р. Бронзовые наконечники стрел и проблема хронологического распределения комплексов раннескифского времени Среднего Закубанья // Материальная культура Востока. Ч. I. М., 1988.

Эрлих В.Р. Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии комплексов предскифского и раннескифского времени Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 1991.

Эрлих В.Р. О времени появления и характере «восточных» элементов в культуре Северного Кавказа конца VIII — первой половины VII вв. до н.э. // Северная Евразия от древности до средневековья. Тез. конф. / В.М. Массон (ред.). СПб., 1992.

Эрлих В.Р. У истоков раннескифского комплекса. М., 1994.

Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. М., 2007.

Born H., Seidl U. Schutzwaffen aus Assyrien und Urartu. Sammlung Axel Guttmann. Bd. IV. Mainz am Rhein, 1995.

Ivantchik A.I., Moshinski A. Two Bronze North-Caucasian Helmets from the State Historical Museum (Moscow) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Vol.7. No. 3–4. Leiden-Boston-Koln, 2001.

Mtskheta. 1998. Narekvavi. I. Tbilisi, 1999.

Tonceva G. Necropole tumulaire près du village Belogradec du VII-e s. av. n. ère // Thracia. V. Sofia, 1980.

М.Ю. Вахтина, М.Т. Кашуба

РАННЕСКИФСКИЕ ЗЕРКАЛА С БОКОВОЙ РУЧКОЙ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ: ГРЕЧЕСКОЕ ИЛИ МЕСТНОЕ ПРОИЗВОДСТВО?[1]

Статья посвящена проблеме появления и распространения бронзовых зеркал с боковой ручкой в материальной культуре ранних скифов Северного Причерноморья. Авторы обратились к этой теме благодаря новым данным, полученным в ходе обработки материалов из старых раскопок Немировского городища на Южном Буге. В частности, в статье рассматривается ручка бронзового зеркала. Само изделие найдено в верхнем слое заполнения землянки № 1, которая отнесена к колонизационной фазе раннескифской культуры или Немиров-III.1.3, по новой периодизации Немировского городища. В придонной части жилища был обнаружен фрагмент сосуда, который, вероятно, вышел из одной мастерской с ойнохоей из кургана Темир-Гора и датируется тем же временем – 650–630 гг. до н. э. Эти данные и остальные находки из жилища позволяют отнести его строительство ко второй четверти VII в. до н. э., но уже в последней трети, не позднее конца VII в. до н. э. его котлован был засыпан. Этим же временем – не позднее конца VII в. до н. э. – может быть датирована и ручка зеркала. Хотя по ряду признаков она близка к так называемым зеркалами ольвийского типа, однако у немировской ручки каннелюры-ребра располагаются лишь на одной стороне, а сама она завершается не зооморфной фигуркой, а щитком в виде овала. Ручка зеркала из Немирова уникальна не только по своим морфологическим особенностям, но также является одной из редчайших находок зеркал, происходящих из раскопок поселений. Как правило, находки зеркал связаны с погребальными или ритуальными комплексами, причем это наблюдение справедливо как для Северного Причерноморья, так и для областей Эгеиды в раннем железном веке. Как представляется, предположению о том, что бронзовое зеркало из Немирова относится к предметам греческого импорта, не противоречит его ранняя датировка. Нельзя также полностью исключать версию о производстве немировского зеркала мастером-скифом, хотя она выглядит наименее вероятной.

The article deals with the problem of appearance and distribution of bronze mirrors with side handles in Early Scythian material culture of the North Pontic Region. The authors' interest to this topic has been triggered by a handle of a bronze mirror encountered amid the materials from old excavations of the Nemirov city-site on the Southern Bug. It was found in the upper level of the filling of dugout 1, attributed to the colonization phase of the Early Scythian culture or phase Nemirov-III.1.3 according to the new periodization of Nemirov. In the near-bottom part of the dwelling a fragment of a Greek vase was found, produced probably at the very workshop where the famous Temir-Gora oinochoe was manufactured. The fragment belongs to the same period as the Temir-Gora vessel – ca. 650–630 BC. These data and the whole complex of finds from the dwelling allow us to date it to the second quarter of the 7th century BC. Not later than in the last quarter of the 7th century BC the foundation ditch of the dwelling was filled up. Thus, the mirror handle can be dated to the late 7th century BC. On the one hand, the handle has common features with the so-called "mirrors of Olbian type", but on the other it seems to be different owing to its unique morphological features. The handle from Nemirov has longitudinal cannelures/ribs only on one side; its end is shaped not into a zoomorphic image but into a flat oval shield. The Nemirov handle is also a rare example of archaic mirrors recovered from habitation sites; usually such finds are connected with burial or ritual complexes. That holds true both for the North Pontic Region and the Aegean area in the Early Iron Age. The assumption that the Nemirov mirror belonged to the objects of Greek import does not contradict its early dating. The version that the mirror was produced by a Scythian craftsman cannot be completely excluded, though it does not seem very likely.

Введение

В Северном Причерноморье бронзовые зеркала с боковой ручкой представляют собой характерные изделия 3-го этапа раннескифской культуры (РСК-3), или середины VII — рубежа VII/VI вв. до н. э., с поправками — начало-середина VI в. до н. э. (Kossack 1987, 75; Медведская 1992, 90–91). Находки зеркал с элементами звериного стиля в лесостепной части Северного Причерноморья в свое время С. В. Полин отнес к атрибутам скифской архаики (Полін 1987, 23–25; 1996, 121). Скифские зеркала с зооморфным оформлением являются составной частью погребального инвентаря как из курганов лесостепи Днестровского и Днепровского бассейнов (Reichl 1936, 139–162, tab. V, *1*, *2*; VI-VII; XI, *11*; Бондарь 1955, 65; Онайко 1966, 34, табл. XIX, *1*, *8*; XXV, *36–38*; Ильинская 1975, 154, табл. II, *28*; XII, *20*), так из некрополя Ольвии, не говоря уже

1 Работа над этой темой велась при поддержке РГНФ, грант № 13-00016а.

о единичных находках на Березани (Скуднова 1962; 1988, 26–27, кат. 87, 136, 170, 174, 258; Скржинская 1984, 115–123, рис. 2, *6–8*). При этом скифские зеркала ольвийского некрополя, главным образом, происходят из могил второй половины VI в. до н. э., в виде исключения начала V в. до н. э. Эти абсолютные хронологические определения базируются на датах найденной вместе с ними греческой посуды и других категорий греческого инвентаря. Произошедшие в последние полтора десятилетия важные изменения как в понимание культурно-исторического развития в раннем железном веке на территории Северного Причерноморья, так и в подходе к изучению отдельных категорий изделий, вновь обращают взоры исследователей к известным находкам. Речь идет о ручке бронзового зеркала из старых раскопок Немировского городища, новая датировка которого позволяет нам поставить вопрос о распространении в «скифской среде» зеркал с боковой ручкой.

Ручка зеркала из Немировского городища

В 1990-х гг. при изучении материалов из старых раскопок Немировского городища Г. И. Смирнова выделила ряд хронологических индикаторов скифских типов, среди которых была ручка зеркала. Рассматривая ее в рамках этапа РСК-3, она склонялась к его ранней датировке — ранее рубежа VII/VI вв. до н. э., еще в пределах VII в. до н. э. (Смирнова 2002, 224–226). Отметим, что в то время греческая расписная керамика из землянки № 1 датировалась последней третью VII — рубежом VII/VI вв. до н. э. (Вахтина 1998, 135, fig. 6), что допускало попадание ручки зеркала в культурный слой после этого хронологического порога. Г. И. Смирнова тогда предположила, что изготовление сломанного в древности зеркала и его бытование могло относиться к более раннему периоду, чем рубеж VII/VI вв. до н. э.

Контекст, находка, датировка. Боковая ручка бронзового зеркала (рис. 1)[2] была найдена в верхнем слое заполнения — при зачистке уровня в поисках контуров землянки № 1 на глубине 1,2 м (рис. 2–3).

Контекст. Землянка № 1 была открыта в ЮВ части зольного холма Замчистко — центральной части Немировского городища. Северная половина этого жилища была обнаружена еще в траншее 1946 г., о чем в своем отчете писал М. И. Артамонов, первоначально полагая, что эта землянка имела четырехугольное очертание (Артамонов 1998, 66 сл., рис. 4). Доследовано это жилище в 1948 г. (рис. 2). О значении этих открытий на Немировском городище М. И. Артамонов в свое время написал, что скифские круглые землянки явились первыми памятниками такого рода, ставшими известными науке (Артамонов 1948, 178).

Землянка № 1 — округлая в плане, диаметром 5,5 м (С-Ю) × 6 м (З-В), гл. — 1,1 м (0,7 м — в материке). Стенки котлована вертикальные (высотой 1,5 м), с восточной стороны они срезаны двумя поздними ямами древнерусского времени. Пол — плотно утрамбованная глина с втоптанными в нее угольками, золой, мелкими камнями и керамикой. Пол был покрыт глиняной обмазкой серо-зеленого цвета. В центре обнаружены следы столба в виде ямки (диаметр 0,3 м, глубина 0,28 м), на который могло опираться конусовидное перекрытие этой постройки. В каркас перекрытия или наземных деревянных стен могли входить деревянные жерди, ямки от которых зафиксированы возле западной стенки южной половины котлована. В разных местах основания жилища зачищено еще несколько сравнительно крупных округлых и овальных в плане ямок диаметром до 0,36 м, а также множество маленьких ямок, выявленных после вторичной расчистки пола, когда было снято его специальное покрытие (рис. 2, *2*). В центральной части обнаружен развал *очага*, высотой выше пола на 0,3 м, размерами 0,6 × 0,7 м, пол — глиняный, сильно обожженный. Вокруг очага разбросаны необработанные камни из гранита. К СЗ от очага, в северной половине постройки, на полу найдено скопление обожженных колотых камней и золы. Здесь же возле камней обнаружено наибольшее для северной части жилища скопление фрагментов простых/кухонных горшков и 3 фрагмента греческих сосудов.

В процессе работы в последние несколько лет с архивными материалами, отражающими различные этапы изучения Немировского городища, авторы обнаружили несколько весьма важных полевых чертежей. Учитывая общее состояние полевой документации, принятое нами как данность при работе с материалами этого памятника, обнаружение любых свидетельств такого рода помогает хотя бы частично восстановить стратиграфическую ситуацию тех или иных комплексов. Обнаруженный чертеж 1948 г. — это разрез северной стенки скифской землянки, раскоп З II, квадраты III, IV и V (рис. 3). Этот разрез совпадает с профилем землянки № 1 по линии А–А1, опубликованным без малого 20 лет назад, и является стенкой бровки между раскопами 1946 и 1948 гг., которая в широтном направлении (З-В) прошла по центральной части этого жилища (Смирнова 1998, рис. 3).

В изданной посмертно работе М. И. Артамонова была опубликована северная часть этого жилища и южный разрез стенки раскопа 1946 г., который показал неоднородность заполнения котлована жилища (рис. 2). Согласно разрезам 1946 и 1948 гг. (рис. 3), и

[2] Рис. 1, 3–5 размещены на цветной вклейке.

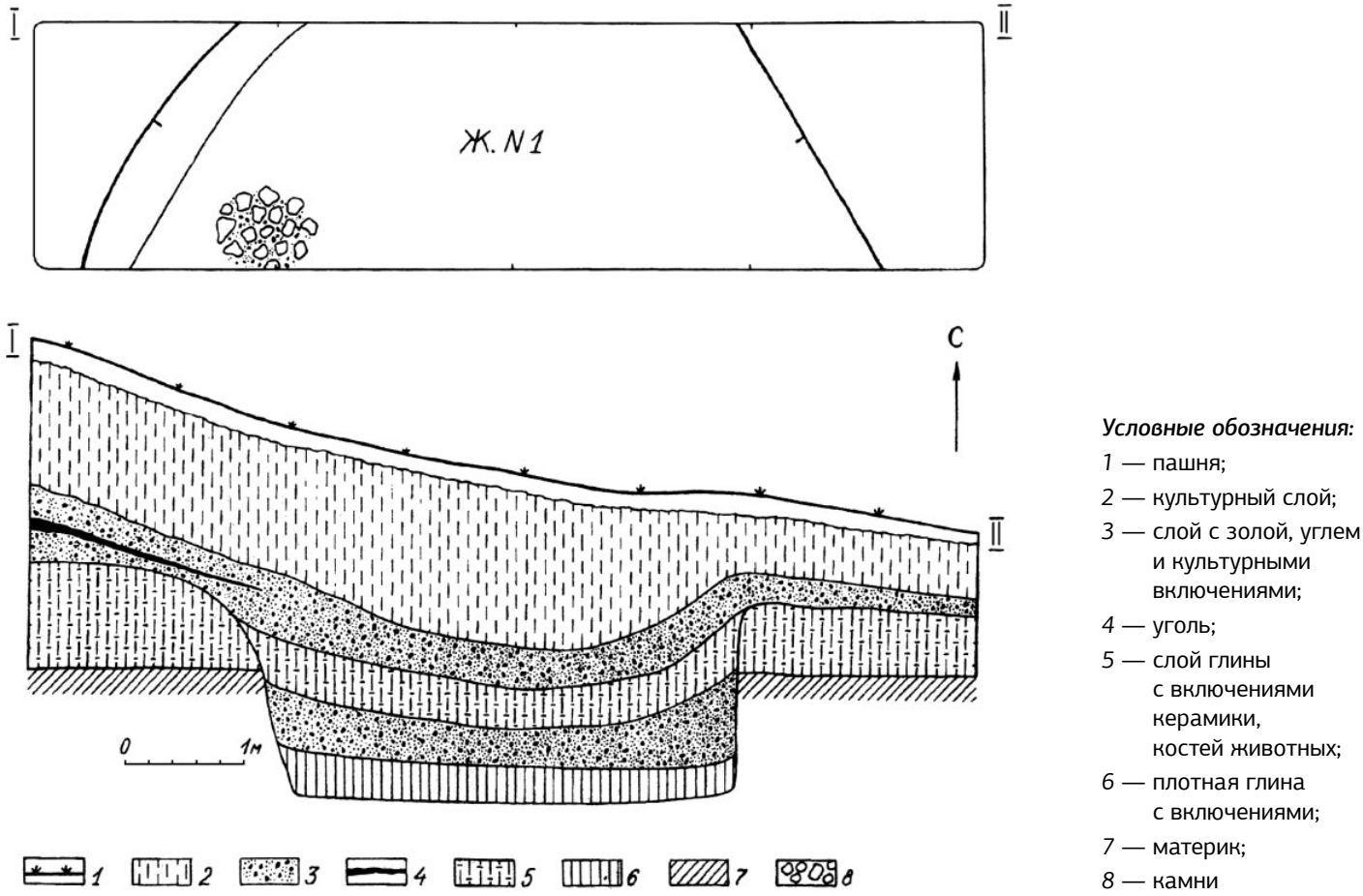

Рис. 2. Немировское городище, план и разрез части жилища № 1, раскопки 1946 г.
(по: Артамонов 1998, рис. 4)

в этой землянке имели место, как минимум, 2 жилых горизонта, что прослеживается по тонким пластам желтой глины в заполнении придонной части (рис. 2; 3). Сохранившиеся описания позволили нам отметить на чертеже 1948 г. примерное место находки ручки зеркала, а также обозначить зону обнаружения фрагментов греческих сосудов (рис. 3).

Находка: боковая ручка от зеркала с бортиком по краю диска. Ствол ручки имеет с одной стороны три продольных ребра, из которых среднее ребро более высокое по сравнению с двумя боковыми ребрами. Ручка слегка сужается к концу и завершается плоским щитком неправильной овальной формы. Размеры: длина ручки — 11,5 см, ширина ручки в средней части — 2,5 см, толщина ручки — 0,4 см, диаметр диска — 18 см, толщина диска — 0,55 см, размеры щитка 3 × 1,9 см, высота боковых ребер и бортика — 0,37–0,4 см, высота среднего ребра — 0,5 см (рис. 4).

В фондах Государственного Эрмитажа эта ручка долгое время хранилась как сделанная из белого металла, предположительно, из низкопробного серебра. Понадобилась специальная экспертиза, проведенная С. В. Хавриным, которая показала, что изделие отлито из оловянно-свинцовой бронзы, что придало ему характерный серебристый цвет[3]. Т. В. Кузнецова в системе разработанной ей классификации отнесла немировское зеркало к I классу, II отделу, V типу (Кузнецова 1987, 36; 2002, 207–208, рис. 28).

Материалы: большую часть принятых на хранение материалов составляет керамика. Среди местной простой/кухонной посуды преобладают как типичные для фазы РСК-2 профилированные сосуды с коротким венчиком, налепным валиком, расчлененным пальцевыми вдавлениями под краем и наколами, а также бочонковидные, с расчлененным валиком по тулову и сравнительно широким невыделенным дном. Встречены также котловидные сосуды с широким устьем, украшенные под краем и по тулову на перегибе расчлененным валиком и проколами под венчиком.

В составе лощеного/столового набора выделяются корчагообразные сосуды, восходящие к сосудам типа Вилланова, миски, черпаки и кубки (рис. 5, *1–5*). Эта категория посуды изготовлена из хорошо отмученной глины, поверхность ее тщательно обработана — лощеная, преимущественно черная, блестящая, нередко с

[3] Авторы приносят благодарность с. н.с Отдела научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа С. В. Хаврину за любезно предоставленные сведения о результатах экспертизы.

металлическим блеском, либо тусклая, но сглаженная. Среди элементов декора на корчагах — горизонтальные гладкие валики и вертикальные рельефные выступы-упоры (рис. 5, *5*). Найдены миски с широким развернутым наружу краем, который иногда украшался короткими косыми налепами или широкими горизонтальными каннелюрами (рис. 5, *3, 4*). Среди черпаков известны сосуды «немировского типа» с низкой чашечкой и резким перегибом на переходе венчика в тулово и округлым дном с умбоном (рис. 5, *1*). Высокая ручка на перегибе снабжалась фигурным выступом (рис. 5, *2*).

На полу и в придонной части жилища № 1 было собрано 9 фрагментов разных *греческих расписных сосудов* (рис. 5, *6–12*), которые являются надежным хронологическим индикатором. Новое изучение этого материала позволило высказать ряд соображений о формах, времени и месте изготовления сосудов, внеся отдельные поправки к высказанным ранее предположениям (Вахтина 1998; 2000). Эти поправки касаются, преимущественно, датировок ряда фрагментов, вызванных удревнением «стиля дикого козла» (Wild Goat Style) в хронологической системе, разработанной М. Кершнером и У. Шлотцауэром (Kerschner, Schlotzhauer 2005). Среди найденных в этом жилище обломков присутствуют фрагменты закрытых столовых сосудов, расписанных в ориентализирующем стиле. На них сохранились части фризов с изображениями животных. Стилистические особенности, высокое качество лака и ангоба, четкость рисунка позволяет отнести их к периоду SiA Ib (по хронологии М. Кершнера и У. Шлотцауэра), рамки которого определяются 650–630 гг. до н. э. (Kerschner, Schlotzhauer 2005, 8, 17–25). Важно, что в придонной части был обнаружен фрагмент сосуда (рис. 5, *12*), который, вероятно, вышел из одной мастерской с ойнохоей из Темир-Горы (Копейкина 1972, рис. 5b) и датируется тем же временем — 650–630 гг. до н. э. Этот фрагмент был обнаружен на глубине 1,75 м, близко ко дну землянки (рис. 3).

Датировка жилища. По совокупности находок из заполнения, а также датировке восточногреческой керамики, землянка № 1 была отнесена к колонизационной фазе раннескифской культуры или Немиров-III.1.3, по новой периодизации Немировского городища. В этой землянке ранняя античная керамика (рис. 5, *6–12*) встречена вместе с качественной лощеной гальштаттской посудой (рис. 5, *1–5*) и типичными местными лесостепными формами. Сооружение землянки № 1 можно датировать, по меньшей мере, второй четвертью VII в. до н. э., чему не противоречит весь остальной комплекс находок, в том числе не очень выразительные изделия из глины и камня. Имеющийся в нашем распоряжении разрез северной стенки котлована этого жилища (рис. 3) также показывает сравнительно длительное функционирование комплекса, включавшего несколько фаз обитания. Совокупность имеющихся данных позволяет считать, что где-то в последней трети, не позднее конца VII в. до н. э. котлован землянки был засыпан.

О находках зеркал с боковой ручкой в регионе

Найденная в землянке № 1 ручка принадлежала к классу зеркал, у которых диск и ручка составляли единое целое. Изготовление таких зеркал было достаточно простым: их отливали в форме вместе с ручкой или выковывали из одного куска металла (Билимович 1976, 38). Т. М. Кузнецова отнесла немировский экземпляр к I классу, объединяющему зеркала, которые она называла односоставными (Кузнецова 2002, 31 сл.).

Как было отмечено выше, ствол ручки зеркала имеет три продольных ребра (рис. 4). Такие каннелюры свойственны скифским бронзовым зеркалам так называемого ольвийского типа с боковой ручкой и фигурками зверей (Скуднова 1962, 5 сл.; 1988, 26). В отличие от них, конец немировской ручки завершается не зооморфной фигуркой, а щитком в виде овала. Округлое завершение нижней части ручки сближает немировское зеркало с группой зеркал, ручки которых имеют «медальоны» на концах (Онайко 1966, табл. 20; Билимович 1986, 39). Исследователи обращали внимание на сходство ручки немировского экземпляра с «ольвийскими» зеркалами, отмечая в то же время и отличия (Кузнецова 2002, 207–208).

Действительно, по некоторым признакам (массивность зеркала, его размеры, выступающий вертикальный край диска, ребра вдоль ручки) немировское зеркало демонстрирует близость зеркалам с боковой ручкой, украшенной в зверином стиле. Однако обращают на себя внимание существенные отличия вертикальных каннелюр на ручке немировского зеркала по сравнению с орнаментом на ручках «классических» зеркал так называемого ольвийского типа. Ручка немировского зеркала с одной стороны была украшена 3 весьма внушительными, рельефными «ребрами», разделенными подпрямоугольными, сужающимися к нижней части промежутками. Каннелюры были весьма выразительны и, по-видимому, служили главным украшением изделия. Они располагались лишь на одной поверхности ручки, тогда как большинство зеркал «ольвийского» типа имеют «ребра» на обеих сторонах. В монографии Т. М. Кузнецовой приведен лишь один экземпляр с вертикальными каннелюрами на одной стороне ручки (Кузнецова 2002, 195, рис. 18).

Как нам представляется, ручка зеркала из Немирова уникальна не только по своим морфологическим особенностям. Это — одна из редчайших находок зеркал,

происходящих из раскопок поселений. Как правило, находки зеркал связаны с погребальными или ритуальными комплексами, причем это наблюдение справедливо как для Северного Причерноморья, так и для областей Эгеиды в раннем железном веке.

Конечно, очень важен вопрос о месте производства зеркала, обнаруженного в заполнении немировской землянки. В свое время одна из авторов этой работы, М. Ю. Вахтина, в устной беседе с Г. И. Смирновой обсуждала возможность античного производства немировского зеркала. Уточненный контекст находки и датировка ручки зеркала из Немирова в пределах VII в. до н. э. позволяет предположить, что этот экземпляр может относиться к древнейшим греческим металлическим изделиям, обнаруженным на территории Скифии. Показательно, что Т. М. Кузнецова в своей обобщающей монографии, посвященной скифским зеркалам, отметила его близость, как к пелопонесским зеркалам, так и к зеркалам «ольвийского» типа (Кузнецова 2002, 207–208). Одним из важных признаков зеркал пелопонесского типа является круглый щиток на конце ручки, снабженный отверстием в центре (Билимович 1976, 39, рис. 2; 3). Однако точные аналогии овальному щитку, как на ручке из Немирово, отсутствуют.

Греческие архаические зеркала обычно имели довольно крупные размеры, диаметр дисков большинства из них превышал 15 см. Как и античные зеркала этого времени, немировское зеркало было большим, оно могло отражать погрудное изображение человека и, несомненно, являлось дорогой, элитарной туалетной принадлежностью. Интерес вызывает и то обстоятельство, что долгое время ручка зеркала считалась отлитой из низкопробного серебра. Хотя серебристый оттенок изделие могло приобрести из-за образования естественной патины, не исключено, что оно изначально было изготовлено «под серебряное», чтобы придать ему дополнительную ценность. С другой стороны, высокое содержание в металле олова характерно для многих металлических изделий из античных центров Северного Причерноморья и Средиземноморья (Островерхов 1978, 3 сл., 15; Ольговский 2014, 227 сл.).

Недавно увидело свет исследование С. Я. Ольговского, в котором автор представил свое видение проблемы наличия и развития в Скифии собственного металлообрабатывающего ремесла. В частности, он приводит многочисленные свидетельства скифской металлообработки и неоднократно сетует, что скифологи находились «в плену стереотипных взглядов о приоритете античной металлообработки в Северном Причерноморье и Поднепровье» (Ольговский 2014, 175 сл.). Интересующие нас зеркала «ольвийского» типа он упоминает несколько раз: в историографическом разделе, а также в связи с находкой бронзового зеркала с приклепанной железной ручкой и бронзовой фигуркой пантеры на конце из кургана № 2 могильника Скоробор, датирующегося VI в. до н. э. и находящегося в ближайшей округе Бельского городища на Левобережье Днепра (Ольговский 2014, 195 сл., рис. 74). Он и сам отметил, что этот экземпляр отличается от зеркал «ольвийского» типа, и справедливости ради привел мнение Б. А. Шрамко, который относил это зеркало к предметам античного импорта, «не допуская мысли, что оно могло быть изготовлено местными мастерами» (Ольговский 2014, 197). В отдельной главе своей книги он более подробно остановился на зеркалах «ольвийского» типа и тщательно разобрал историю их изучения (Ольговский 2014, 207–235). Он привел мнения сторонников ольвийского и скифского происхождения таких зеркал, склоняясь к их производству местными скифскими мастерами (Ольговский 2014, 221 сл.). Отрицая греческое происхождение этих изделий, С. Я. Ольговский утверждает, что при отсутствии подтверждений использования зеркал в архаической Греции «нет никаких оснований называть эту категорию изделий важной статьей экспорта в Северное Причерноморье, как в только что основанные колонии, так и в Скифию» (Ольговский 2014, 225). Без сомнения, интересное исследование С. Я. Ольговского заслуживает отдельного рассмотрения, однако, как мы неоднократно писали выше, зеркало из Немирова имеет много признаков, которые отличают его от «классических» зеркал так называемого ольвийского типа. Собственно, и сам С. Я. Ольговский не видит доказательств не только производства в Ольвии зеркал с элементами звериного стиля, но также и пишет о том, что «нет прямых доказательств изготовления их в конкретных скифских ремесленных центрах» (Ольговский 2014, 234).

Считается, что в Греции зеркала с боковыми ручками начинают распространяться с VI в. до н. э. (Lamb 1929, 125; Скуднова 1962, 6; Билимович 1976, 38; Скржинская 1984, 110). Они производились мастерскими Пелопонесса (Коринф, Аргос) и Лаконии (Спарта). «Классическое» раннеархаическое зеркало было цельнолитым, оно имело круглый диск и прямоугольную боковую ручку, заканчивающуюся округлым диском или «медальоном» (Strøm 1998, 76). Полагают, что первые бронзовые зеркала появились в Греции под влиянием Египта; находки бронзовых египетских зеркал с боковыми ручками известны в архаических святилищах (Jantzen 1972, taf. 34). Однако в последние десятилетие начала распространяться точка зрения, согласно которой, обращаясь к вопросам, связанным с распространением бронзовых зеркал в Греции архаического времени, следует учитывать и позднемикенскую традицию (Strøm 1998). Хорошо известны ручки металлических зеркал, найденные на Крите и Кипре, изготовленные из слоновой кости (Demargne 1947, 190, 197, fig. 23; 25). Бронзовые зер-

кала известны в микенских и минойских гробницах, в том числе, и в материковой Греции (Paschalidis 2012, 550–555). Небольшие бронзовые зеркала встречаются в памятниках материковой Греции, по крайней мере, с позднегеометрического времени. Одно такое зеркало было обнаружено в детском погребении VIII в. до н. э. в Дельфах, не исключены датировки VII в. до н. э. зеркал из Аргосского Герайона (Strøm 1998, 75–76, fig. 34, 35, not. 223). Возможно, в будущем появятся основания отнести к более раннему времени находки зеркал и в других святилищах Греции, например, на Самосе или в Перахоре. Поэтому, как нам представляется, предположению о том, что бронзовое зеркало из Немирова относится к предметам греческого импорта, не противоречит его ранняя датировка.

Версию о том, что немировское зеркало могло быть изготовлено в одной из мастерских Нижнего Побужья, конечно, нельзя исключать полностью, однако, если принять новую, удревненную датировку этого изделия, она все же представляется маловероятной. Гораздо более вероятно отнести зеркало к предметам, привезенным из более отдаленных областей греческого мира. Нельзя, по всей видимости, и полностью исключать версию о производстве немировского зеркала мастером-скифом, хотя она и представляется наименее вероятной.

Отметим также, что некоторые комплексы архаической Скифии, датирующиеся раннеархаическим временем, также имеют в составе инвентаря бронзовые зеркала различных типов, что, вероятно, дает основания для того, чтобы несколько «удревнить» начало распространения этой категории вещей в варварской среде. Так, например, три зеркала с боковыми ручками происходят из гробницы 2 кургана Репяховатая могила в на днепровском лесостепном Правобережье, датированной концом VII — началом VI вв. до н. э. (Полін 1987, 17–36) или же концом VII в. до н. э. (Алексеев 2003, 295). Одно из них — цельное, с боковой ручкой и диском, имеющим бортик (Ильинская и др. 1980, 48, рис. 20, *2*; Ковпаненко и др. 1989, 70, рис. 15, *1*). Цельнолитое бронзовое зеркало с боковой ручкой было обнаружено в комплексе кургана Перепятиха, комплекс которого относится к концу VII в. до н. э. (Скорый 1990, 68; Алексеев 2003, 295). Анализ металла позволил высказать предположение об его «азиатском» происхождении с территорий Монголии и Северного Казахстана (Алексеев 2003, 46–47).

Из всего сказанного становится очевидным, что происходящие из лесостепной Скифии зеркала, в том числе и «ольвийского типа», в некоторых случаях можно датировать более ранним временем, чем найденные в Ольвии. Такие выводы, в свою очередь, на наш взгляд, служат серьезным подтверждением давно существующей точки зрения о происхождении и месте производства зеркал с фигурками зверей, которую более полувека назад высказала и наиболее основательно аргументировала В. М. Скуднова. По ее представлениям, такие зеркала являлись изделиями скифских мастеров, и нет веских оснований утверждать, что они все сделаны в Ольвии (Скуднова 1962, 22–25). Стоит добавить, что свое время сторонники неольвийского происхождения зеркал с элементами звериного стиля связывали решение этой проблемы с уточнением хронологии раннескифских памятников (см., например, Ольговский 1987, 110; 2014). Последние хронологические разработки как будто работают на эту версию.

Таким образом, обращение к находке фрагмента зеркала из Немирова ставит нас перед целым кругом проблем, связанных с появлением и распространением бронзовых зеркал с боковой ручкой в материальной культуре ранних скифов Северного Причерноморья. Ручка бронзового зеркала из землянки № 1 является уникальной и не находит полных аналогий среди известных в настоящее время зеркал, можно говорить лишь об аналогиях отдельным элементам ее декора. Пока невозможно однозначно определить центр изготовления немировского зеркала. Однако из двух предположений — о производстве его греческим мастером либо об изготовлении этого предмета мастером-скифом — последнее представляется наименее вероятным.

Литература

Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб., 2003.

Артамонов М. И. Археологические исследования в Южной Подолии (Винницкая область) в 1948 г. // Вестник ЛГУ. 1948. Вып. 11.

Артамонов М. И. Немировское городище: анализ полевой документации из раскопок 1909–1910 гг. // МАИЭТ VI / А. И. Айбабин (отв. ред.). Симферополь, 1998.

Билимович З. А. Греческие бронзовые зеркала эрмитажного собрания // ТГЭ. 1976. Вып. XVII.

Бондарь Н. Н. Торговые сношения Ольвии со Скифией в VI–V вв. до н. э. // СА. 1955. Вып. XXIII.

Вахтина М. Ю. Основные категории греческой импортной керамики из раскопок Немировского городища // МАИЭТ VI / А. И. Айбабин (отв. ред.). Симферополь, 1998.

Вахтина М. Ю. Греческая столовая керамика VI в. до н. э. из раскопок Немировского городища в Побужье // Syssitia. Памяти Юрия Викторовича Андреева / В. Ю. Зуев (отв. ред.). СПб., 2000.

Вахтина М. Ю., Кашуба М. Т. Находки ранней греческой керамики в варварских памятниках Северного Причерноморья и время появления постоянных античных поселений в регионе // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии / В. Н. Зинько, Е. А. Зинько (ред.-сост.). Керчь, 2014.

Ильинская В. А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев, 1975.

Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ / А. И. Тереножкин (отв. ред.). Киев, 1980.

Кашуба М. Т., Вахтина М. Ю. Новые аспекты в изучении материалов раннего железного века из старых раскопок Немировского городища // Ранний железный век Евразии от архаики до рубежа эр. Центры, периферия и модели культурных взаимодействий»: Материалы III научной конференции «Археологические источники и культурогенез». 23–27 ноября 2015 г., г. Санкт-Петербург / Д. Г. Савинов (отв. ред.). СПб., 2015.

Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А. Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного Правобережья. Киев, 1989.

Копейкина Л. В. Расписная родосско-ионийская ойнохоя из кургана Темир-Гора // ВДИ. 1972. № 1.

Кузнецова Т. М. Зеркала из скифских памятников VI–III вв. до н. э. (классификация и хронологическое распределение) // СА. 1987. № 1.

Кузнецова Т. М. Зеркала Скифии. Т. 1. М., 2002.

Медведская И. Н. Периодизация скифской архаики и Древний Восток // РА. 1992. № 3.

Ольговский С. Я. Происхождение зеркал с элементами зооморфного оформления // Актуальные проблемы историко-археологических исследований: VI Респуб. конф. молодых археологов / Е. В. Максимов и др. (отв. ред.). Киев, 1987.

Ольговский С. Я. Цветная металлообработка Северного Причерноморья VII — V вв. до н. э. По материалам Нижнего Побужья и Среднего Поднепровья. М., 2014.

Онайко Н. А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье. М., 1966 (САИ, вып. Д1–27).

Островерхов А. С. Экономические связи Ольвии, Березани и Ягорлыцкого поселения со Скифией (VII — середина V вв. до н. э.). Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Киев, 1978.

Полін С. В. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. 1987. Вип. 59.

Полін С. В. Про хронологію ранньоскіфської культури // Археологія. 1996. № 4.

Скорий С. А. Курган Переп'ятиха (До етнокультурної історії Дніпровського Лісостепового Правобережжя). Київ, 1990.

Скржинская М. В. Зеркала архаического периода из Ольвии и Березани // Античная культура Северного Причерноморья / С. Д. Крыжицкий (отв. ред.). Киев, 1984.

Скуднова В. М. Скифские зеркала из архаического некрополя Ольвии // ТГЭ. 1962. Вып. VII.

Скуднова В. М. Архаический некрополь Ольвии. Л., 1988.

Смирнова Г. И. Скифское поселение на Немировском городище: общие данные о памятнике // МАИЭТ VI / А. И. Айбабин (отв. ред.). Симферополь, 1998.

Смирнова Г. И. Гальштатский компонент в раннескифской культуре лесостепи Северного Причерноморья (по материалам Немировского городища) // РА. 2001. № 4.

Смирнова Г. И. Немировское городище в хронологической схеме скифской архаики Северного Причерноморья // Северное Причерноморье: от энеолита до античности / Н. А. Кетрару (отв. ред.). Тирасполь, 2002.

Demargne P. La Crète Dédalique. Paris, 1947.

Jantzen U. Ägyptische und Orientalische Bronzen aus dem Heraion von Samos // Samos VIII. Bonn, 1972.

Kerschner M., Schlotzhauer U. A New Classification System for East Greek Pottery // East & West. 2005. 4/1.

Kossack G. Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstils // Skythika / E. Franke (Hrsg.). München, 1987.

Lamb W. Greek and Roman Bronzes. London, 1929.

Paschalidis C. Reflection of Eternal Beauty. The Unpublished Context of a Wealthy Female Burial from Koukaki, Athens and the Occurrence of Mirrors in Mycenaean Tombs // Kosmos. Jewellery, Adornment and Textiles in the Aegean Bronze Age: Proceedings of the 13th International Aegean Conference, University of Copenhagen, Danish National Research Foundation's Centre for Textile Research, 21–26 April 2010 / M.-L. Nosch, R. Laffineur (eds.). Leuven; Liege, 2012.

Reichl I. Zwierciadla podolskiej kultury scytyjskiej // T. Sulimirski. Scytowie na zachodniem Podolu. Lwów, 1936.

Strøm I. Bronze Imports and Archaic Greek Bronzes. The Early Sanctuary of the Argive Heraion and its External Relations (8th — Early 6th Cent. B. C.) // Proceedings of the Danish Institute at Athens. II / S. Dietz & S. Isager (eds.). Aarhus, 1998.

А.В. Вертиенко

«ЛУК МИТРЫ»: ИНФОРМАТИВНОСТЬ АВЕСТИЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ ДЛЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье рассмотрена младоавестийская лексика, связанная с терминологией дистанционного оружия древних иранцев, луком и стрелами, на примере *Михр Яшта*. Выявлен широкий спектр её дифференциации. Предложены уточнения к семантике ряда терминов: *tiγråŋhō-* («*острые*» – определение концов лука), *aštaiiō-* («*четыре* (*локтя*)» (?) – позиция рук при натянутом луке) (*Яшт* 10, *113*); *ϑanuuarətan-* («*струна лука*» – эпитет тетивы) (*Яшт* 10, *128*); *sruuī.staii-*, *aŋhaēna sparəγa-* («*рого-зубцовый*», «*костяные отростки*» – описание рогового хвостовика стрелы) (*Яшт* 10, *129*). Проведенный анализ, дает возможность утверждать, что значение некоторых терминов могут прояснять вопросы, связанные с древней военной историей и археологией.

The paper analyses the Young Avestan vocabulary of archery from the *Mihr Yasht*. The wide range of its differentiation is revealed. The additions to semantics of several terms are offered: *tiγråŋhō-* («*sharp*» – the designation of bow tips), *aštaiiō-* («*four* (*cubit length*)» (?) – the position of hands with a tight bow) (*Yt* 10, *113*); *ϑanuuarətan-* («*bow-stretcher*» – the epithet of a bow-string) (*Yt* 10, *128*); *sruuī.staii-* , *aŋhaēna sparəγa-* («*horn-tooth*», «*sprouts made of bone*» – the designation of a horn notch of an arrow) (*Yt* 10, *129*). This analysis has given the chance to assert the meaning of some terms that could clarify the questions connected with the ancient military history and archeology.

Терминология, связанная с оружием, сохранившаяся в *Младшей Авесте* до сих пор не лишена ряда дискуссионных вопросов. Из-за противоречивости толкования мест в текстах, к примеру, в описании *стрелы* в *Яште* 10, *129*[1], имеющиеся данные могут не браться в расчет при анализе военной истории Центральной Азии (Литвинский, Пьянков 1966, 41). Однако насколько разнятся переводы, и в чём причины «фантастичности» в описании вооружения, попробуем разобраться на примере *Яшта* 10 (*Михр Яшта*) в предложенной статье.

Мы сосредоточимся на «неатрибутивном» вооружении Митры, а именно дистанционном оружии — *луке* и *стрелах*, точнее их составных частях.

Как правило, Митра описывается как колесничий, в *Яште* 10, *123–125* идет речь о его транспортном средстве, а боевой арсенал составляет наступательное вооружение, перечисленное в 10, *128–132*. Самым последним в этом перечне выступает его атрибутивное оружие — *vazra-*, под которым понимают дубину, булаву или жезл (Bartholomae 1904, 1392 ('Keule, Haukeule'); Malandra 1973, 281–283, 288). Оружие *vazra-* упоминается лишь в двух местах этого *Яшта* (*96* и *132*), но подчеркивается, что это мощнейшее из всех оружие и, видимо, именно по этой причине оно присутствует в единичном экземпляре, тогда как все другие виды (стрелы, копья, топоры, ножи, дубины) упоминаются в тысячном количестве.

В ***Яште* 10, *113*** Митра, возможно, выступает в образе *всадника*, и имеет в руках два орудия — нагайку-*aštrā* и *лук* (буквально термин отсутствует, но упоминается его неотъемлемая составляющая — *тетива*):

[…] *aštrå kahuuąn* ***jiiå*** *nauuiϑiiąn* ***tiγråŋhō aštaiiō*** […][2]

«[…] *нагайки засвистят*, ***тетивы*** *заскрипят по* ***острым (при натягивании) в четыре (локтя)*** (?) […]»

Термин ***jiiā-*** имеет перевод «тетива» и употребляется еще раз в *Яште* 10, *128*, который мы рассмотрим ниже. Слово ***tiγråŋhō*** в тексте употреблено во множественном числе с окончанием *-åŋhō*, где основа ***tiγra-***

[1] Мы частично касались этой темы в докладе, прочитанном на конференции «XIX Сходознавчі читання А. Кримського. До 120-річчя від дня народження А.П. Ковалівського» (г. Киев, 16–17 октября 2015 г.) (Вертієнко 2015, 71–72).

[2] По рукописи E1, fol. 271r (Kotwal, Hintze 2008, 331).

имеет значение «острый» (Bartholomae 1904, 651; Skjærvø 2003, 17). По нашему мнению, в данном пассаже дано описание частей лука и, следовательно, под ***tiγrâŋhō*** мы понимаем не *острые стрелы*, а *острые* ***концы лука***.

Для термина ***ašti-*** предлагалось три значения: *вестник*, *стрела* и *мера длины* (Bartholomae 1904, 261). У. У. Маландра склонен интерпретировать его именно как «стрелу» (Malandra 1973, 271). Вместе с тем, И. Гершевич сравнивает его с др.-инд. ***apāṣṭá-*** (‘barb of an arrow’) и ***aṣṭi-*** (‘reaching’) (Gershevitch 1959, 131, 265, 285). В этимологическом словаре иранских языков Расторгуевой–Эдельман, ***ašti-*** имеет толкование как «мера длины (в четыре пальца)» (Расторгуева, Эдельман 2000, 252), исходя из этимологии ***ašti-*** от и.-е. основы ****aṣṭá-*** «четыре» (Mayrhofer 1992, 142, 143). Однако, базируясь на этой же этимологии, можно предположить, что речь идет о мере длины скорее не в четыре пальца, а в четыре локтя, которую составляет позиция рук лучника при натянутом луке.

«*Тетивы*» и *стрелы* фигурируют первыми в перечне вооружения Митры в *Яште* 10, *128–129*. Отдельно термин лук не упоминается, но ***ϑanuuar-*** является составной частью слова ***ϑanuuarətinąm***, которое, очевидно, представляет собой эпитет тетивы в ***Яште* 10, *128***:

[…] *hazaŋrəm* ***ϑanuuarətinąm*** *asti Yō* ***gauuasnahe snāuiia jiia*** […][3]

«[…] *тысяча* ***«струн лука»*** (?), *что есть* ***из жил оленя тетива*** […]»

Четыре манускрипта, E1 (1601 г.), L18 (1672 г.), K15 и H4, зафиксировали это слово в форме *ϑanuuarətinq(/ą)m*. Форма *ϑanuuarə**it**inąm* дана в рукописях Pt1 (1625 г.) и F1 (1591 г.) как исправление (*prima manu*) формы *ϑanuuarət**a**nąm*. Рукопись B6 содержит написание *ϑanuuarət**a**nąm*[4]. Манускрипты P13 и H3 также имеют данную форму, но выписанную как два отдельных слова — *ϑanuuarə t**a**nąm* (Geldner 1889, 152).

Хр. Бартоломе для этого слова предлагает значение «лук» (‘Bogen’) (Bartholomae 1904, 785), склоняется к такому переводу и П. О. Шерве (Skjærvø 2007, 99). Однако И. Гершевич предложил рассматривать его как двухкомпонентное прилагательное ***ϑanuuar-tan-*** — ‘stretching, i. e. bending, the bow’, или как существительное ‘bow-stretcher’. Вторую основу ***tani-*** он считает эпитетом или синонимом к слову ***jiiā-***, где ****tan(a)-***, возможно имеет значение, приближенное к осетинскому ***tæn*** — «струна (музыкального инструмента)»[5], которое, в свою очередь, возможно, имеет исходную и.-е. основу ****ten-*** — «натягивать» (Gershevich 1959, 137, 279–280; ср.: Абаев 1979, 262). Следующее словосочетание, *asti Yō gauuasnahe snāuiia jiia*, вероятно служит для разъяснения *ϑanuuarətinąm* и детализирует материал, из которого сделана *тетива*[6].

Ниже в ***Яште* 10, *129*** дано детальное описание *стрел*:

[…] *hazaŋrəm ašunąm* ***kahrkāsō.paranąm zaraniiō.zafrąm sruuī.staiiąm*** *asti Yā aŋhaēna sparəya hukərətanąm* […][7]

«[…] *тысяча стрел* ***ястребо-перьевых***, ***злато-пастных***, ***рого-зубцовых***: *что есть с костяными отростками, хорошо-сделанных* […]»

Что касается термина ***išu-*** «стрела» (Bartholomae 1904, 374)[8], то он имеет следующие разночтения: в рукописи F1, E1, Pt1 и K15 он выписан как *ašunąm*, а в B6, L18, P13, J10, K40, H3 и H 4 — как *aṣaonąm*. Но нам хотелось бы уделить больше внимание трём прилагательным в этом фрагменте, которые, по нашему мнению, могут указывать на три составных части, дополняющие древко, необходимые для создания стрелы. Это *оперение*, *наконечник* и *хвостовик*. Но прежде всего, предложим сравнительную таблицу имеющихся переводов (табл. 1).

Итак, первое прилагательное ***kahrkāsō.paranąm*** уточняет, перо какой птицы применяется для оперения стрел Митры. Доказано, что это хищная птица семейства ястребиных (*Accipitridae*), но уточнить вид, т. е. это коршун, ястреб или гриф, доподлинно крайне сложно (Bartholomae 1904, 452; Hinz 1975, 149).

Следующее прилагательное ***zaraniiō.zafrąm*** И. М. Стеблин-Каменский поэтично передает как «златоустых», где первая часть указывает на материал. Э. Джексон предложил «gold-notched» с буквальным значением «gold-jawed» (Jackson 1894, 105). Вместе с тем, под ***zafar-*** можно понимать не только «уста» или «челюсти», но также и «пасть» (Bartholomae 1904, 1680), что придает переводу несколько иной оттенок. Исходя из того, что термин ***ϑrizafan-*** («трёхпастный») использовался при описании змея Захаки (*Ясна* 9, *7–8*; *Яшт* 5, *29*, *34*; 14, *40*; 15, *19*; 19, *37*, *47*, *49*, *50*), можно предположить, что в ***Яште* 10, *129*** подразумевается именно *змеиная пасть*, что, тем самым, могло указывать, что наконечники *ядовиты*[9] (Вертиенко 2015, 94–95).

Третье прилагательное ***sruuī.staiiąm*** является наиболее дискуссионным. Его первая часть преимущественно понимается как «рог». Касательно второй части существуют несколько мнений. Первое, это

[3] По рукописи E1, fol. 275v (Kotwal, Hintze 2008, 336).

[4] По данным Avestan Digital Archive (http://ada.usal.es/).

[5] Заметим, что в некоторых индоевропейских языках термин для обозначения тетивы имеет буквальное значение «струна для лука»: англ. «bow-string», фр. «corde (d’arc)», ит. «corda (dell’arco)», исп. «cuerda (del arco)».

[6] Предположительно из жил оленя или лани (Расторгуева, Эдельман 2000, 207–208), или же газели (Skjærvø 2007, 99).

[7] По рукописи E1, fol. 275v (Kotwal, Hintze 2008, 336).

[8] См. также: Вертиенко 2015, 92–93.

[9] Ср.: Ригведа VI, 75, *15* (Ригведа 1999, 176).

Табл. 1

Варианты перевода *Яшта* 10, *129*

Яшт* 10, *129* (по E1):** […] *hazaŋrəm ašunąm* ***kahrkāsō.paranąm zaraniiō.zafrąm sruuī.staiiąm asti Yā aŋhaēna sparəya hukərətanąm […]	
Fr. Spiegel (Spiegel 1864, 72)	[…] a thousand arrows, **feathered with vulture's feathers**, **with golden points, horn shafts** with iron notches, well made […]
C. de Harlez (Harlez 1881, 466)	[…] un millier de traits **aux plumes d'aigles**, **à la pointe d'or, au pied de corne**, au manche de fer, bien faits […]
J. Darmesteter (Darmesteter 1883, 153)	[…] a thousand **vulture-feathered** arrows, **with a golden mouth, with a horn shaft**, with a brass tail, and well-made […]
A. V. W. Jackson (Jackson 1894, 105)	[…] a thousand **vulture-feathered**, **gold-notched [*lit.* gold-jawed], lead-poised** arrows [the barb is of iron] […]
Fr. Wolff (Wolff 1910, 218)	[…] Tausend **mit Geierfedern** versehener Pfeile **mit goldener Spitze, mit hörnernem Widerhaken**, wohlgefertigter. <Es kommt vor, daß eiserne Sprossen (dran) sind> […]
В. С. Соколова (1950-е) (Соколова 2005, 339)	[…] тысяча стрел / **с перьями орла**, — / **с золотыми наконечниками**, / **с роговыми древками**, / из железного прута, хорошо-сделанных […]
И. Gerchevitch (Gershevitch 1959, 137)	[…] a thousand well-made **vulture-feathered** arrows, **golden-mouthed, each having as barbs two (small) horns —** that is two sprouts made of bone […]
И. М.Стеблин-Каменский (Авеста 1997, 305)	[…] Стрел тыща **златоустых** / Хороших, с опереньем **Из перьев хищной птицы** / **С шипами роговыми** / (*С отростками двумя*) […]
E. M. F. Kanga (Kanga 2001, 137)	[…] a thousand (arrows) of the arrows **vulture-feathered**, **gold-notched, with a horn-shaft**, with the edge-blade of iron, well-made […]
P. O. Skjærvø (Skjærvø 2007, 99)	[…] a thousand arrows, well-made, **with vulture feather***, some of which have stems made of bone […]

* *В переводе пропущена одна строка с прилагательными zaraniiō.zafrąm sruuī.staiiąm*

то, что *staii-* это «древко» (стрелы), и так считали Фр. Шпигель, Ш. де Арле, Дж. Дармстетер, Э. Канга, В. С. Соколова и П. О. Шерве. Иного мнения придерживались Э. Джексон, Кр. Бартоломе[10], В. Вольф, И. Гершевич, И. М. Стеблин-Каменский, которые понимали под этим словом элемент наконечника, а именно «крючок» или «шип», что делает такие наконечники более боеспособными и результативными на охоте (см.: Табл. 1).

Со своей стороны хотелось бы сконцентрировать внимание на технологическом аспекте, который не допускает расхождения в материале наконечника и шипа. Если наконечник по тексту «золотой»[11], то и шипы тоже должны быть из аналогичного метала. И наоборот — если утверждать, что шипы роговые, то и наконечник должен быть из рога. В том случае, если материал разнится, что мы видим в нашем случае, то это только может указывать на разные части стрелы. В качестве примера, укажем на бронзовые наконечники с шипами, характерные, в частности, для раннескифской культуры (рис. 1)[12].

Как и в предыдущем *Яште* 10, *128*, фраза *asti Yā*[13] ***aŋhaēna*** *sparəya — «что есть с костяными отростками»*, скорее всего, употреблена для разъяснения предыдущего ***sruuī.staiiąm*** «*рого-зубцовых*», который мы, в отличие от других переводчиков, предлагаем отнести к характеристике *хвостовика* стрелы.

Отдельно остановимся на разночтениях прилагательного ***aŋhaēna*** в этом предложении. В рукописях F1, E1, Pt1, L18, K15, H3, H4 имеем *aŋhaēna*; в двух поздних манускриптах K12 и J10 — *aŋhən* (Geldner 1889, 153), а в рукописи B6 выписано *aŋhaina*. Лишь в одном случае в Ml2[14] дано ***aiiaŋhaēna*** (Geldner 1889, 153). Впрочем, именно последняя форма, под которой определяли материал как «железный», благодаря «исправлению» Н. Л. Вестергора, стала использоваться для переводов вплоть до 1950-х годов. В результате, стрела получила «странную» характеристику наподобие «*с роговыми древками, из железного прута*» в переводе В. С. Соколовой (Соколова 2005, 239).

Однако, И. Гершевич пересмотрел перевод данного слова и опираясь на и.-е. основу **os-* «кость», доказал, что речь идет именно о «кости», как материале, из

[10] См.: Bartholomae 1904, 1650.

[11] Можно даже предположить, что подразумевается не столько золото, как бронза.

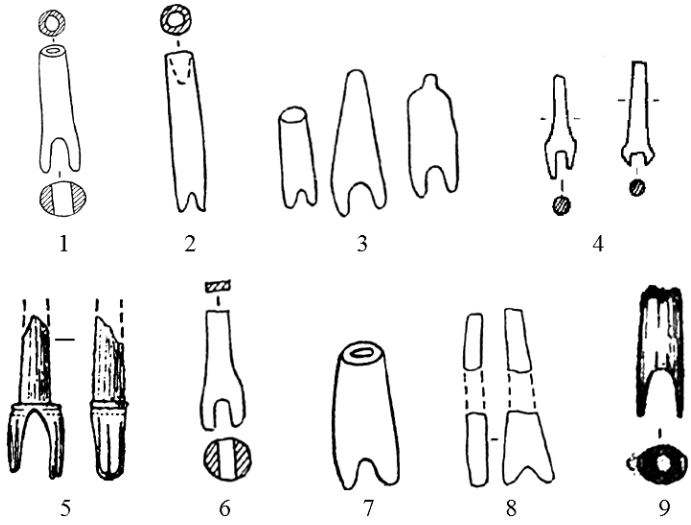
[12] Рис. 1, 3 и 5 размещены на цветной вклейке.

[13] К значению см.: Bartholomae 1904, 272.

[14] Компилятивная рукопись XIX ст., Manekji Limji Hataria, Teheran/ Bombay (Geldner 1896, XI).

которого изготовлены, с его точки зрения, «отростки» наконечников (Gerchevich 1959, 280–281). Мы принимаем такой перевод прилагательного ***aŋhaēna*** как «костяной», но все же склоняемся к пониманию под *костяными отростками* не зубцов наконечников, а костяных **хвостовиков**, что не идет в разрез технологическому процессу изготовления наконечника. И таким образом, текст *Яшта* 10, *129* описывает все три необходимые элемента стрелы, а не только два — наконечник и оперение.

Впервые на территории Евразии костяные хвостовики (или втоки) появляются в эпоху поздней бронзы (конец II — начало I тыс. до н. э.) у стрел срубной и сабатиновской культур (Малов 1991, 15–42), в скифской культуре раннего железного века, а в дальнейшем имеют распространение до средневековья[15] (рис. 2, *1–9*).

1 — Сувар, поздняя бронза (по: Медведев 1966, табл. 11, *10*; Черненко 1981, 27, рис. 16, *2*). **2** — Сабатиновское поселение около с. Ильичевка, поздняя бронза (по: Черненко 1981, 27, рис. 16, *3*). **3** — с. Черебаево (Поволжье), срубная культура, поздняя бронза (по: Черненко 1981, 27, рис. 16, *4*). **4** — курган № 1 около с. Песочное, Поволжье, покровская культура, поздняя бронза (по: Семенова 2000, 187, рис. 5, *1*). **5** — позднесрубное поселение Безымянное 2, Приазовье, поздняя бронза (по: Клочко 2006, Рис. 87, *6*). **6** — район строительства Волгоградской ГЭС, поздняя бронза (по: Черненко 1981, 27, рис. 16, *5*). **7** — курган около ур. Дарьевка, скифская культура, IV в. до н. э. (по: Черненко 1981, 27, рис. 16, *1*). **8** — курган № 67, п. 1, около станицы Елизаветовской, скифская культура, IV в. до н. э. (по: Черненко 1981, 27, рис. 16, *6*). **9** — погребение около с. Фрумушика, Молдова, раннее средневековье (гуннский период)

Рис. 2. Костяные хвостовики стрел
(по Гросу 1981, Рис. 2).

Специально выделенные хвостовики стрел, вероятно, костяные, можно найти на античных изображениях скифских лучников (рис. 3; 4) и на монетах Боспорского царства[16].

Рис. 4. Изображение скифа со стрелой на электровом перстне из Пантикапея, IV в. до н. э., Государственный Эрмитаж, Инв. № П.1854.26
(по: Вертиенко 2015, 92, ил. 5)

Гипертрофированные хвостовики показаны на золотой пластине IV в. до н. э. из кургана около с. Гюновка (рис. 5).

Приведенные примеры демонстрируют важность и значимость хвостовика для визуализации образа стрелы в древних культурах ираноязычных народов и, следовательно, письменный текст, подобно рассмотренному 10-му *Яшту*, здесь не может быть исключением.

При переводе данного фрагмента 10-го *Яшта* нередко приводят параллель из Ригведы (VI, 75, *11*), где дано такое описание стрелы: «*Она одевается у орла. Антилопа — её зуб. Подпоясанная коровьими (сухожилиями) летит она, когда (её) выпускают*»[17]. В комментарии к этому отрывку разъясняется, что её оперение орлиное, а наконечник сделан из зуба антилопы (Ригведа 1999, 612, прим. 11а).

[15] См.: Медведев 1966, табл. 11, *11–14*.

[16] Боспорские тетрахалки с изображениями стрелы, 300–275 гг. до н. э. (Абрамзон, Иванина 2010, 238, табл. 88, рис. 199; 239, табл. 89, рис. 207).

[17] Перевод Т. Я. Елизаренковой (Ригведа 1999, 176).

Безусловно, во время формирования текста Ригведы существовали костяные, возможно даже сделанные из зубов хищных животных, наконечники. Но если обратить более пристальное внимание на форму зубов антилопы[18], которая является жвачным животным, то вряд ли уместно было делать из них наконечники, поскольку они имеют форму, более пригодную, при незначительных доработках, для изготовления хвостовика. К тому же, ниже по тексту дается отдельное описание наконечника стрелы: «*Та, что обмазана ядом, чья голова-олень, а чьи уста — железо*» (VI, 75, *15*) [19]. Таким образом, в частях Ригведы VI, 75, *11* и VI, 75, *15* можно предположить наличие описания трех компонентов стрелы: оперения, хвостовика и наконечника.

Подводя итог, отметим, что рассмотренные фрагменты 10-ого *Яшта* сохранили достаточно широкий спектр терминологии для обозначения дистанционного оружия и его элементов:

- концы лука: ***tiγrāŋhō*** — «*острые*» (?) (*Яшт* 10, *113*);
- позиция рук лучника при натянутом луке: ***aštaiiō*** — «(*при натягивании*) *в четыре (локтя)* (?)» (*Яшт* 10, *113*);
- *тетива*: ***jiiā-*** (*Яшт* 10, *113*, *128*);
- метафора тетивы: ***θanuuarətan-*** — *«струна лука»* (*Яшт* 10, *128*);
- составные элементы стрелы — *наконечник*: ***zaraniiō.zafar-*** — *«золото-пастный»* (метафора); *оперение*: ***kahrkāsō.parana-*** — *«ястребо-перьевое»*; *хвостовик*: ***sruuī.stī-*** — *«рого-зубцовый»; **aŋhaēna sparəγa*** — *«костяные отростки»* (*Яшт* 10, *129*).

Из приведенного списка, по нашему мнению, наиболее важной является выделенная терминология для обозначения хвостовика стрелы. Это позволяет предположить, что описание дистанционного оружия в данном тексте может отвечать определенным историческим реалиям и, следовательно, оно не должно исключаться из числа источников при реконструкциях.

[18] См. напр.: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Tragoportax_amalthea_Teylers_2.JPG (челюсти антилопы породы *Tragoceras amaltheus*).

[19] Перевод Т. Я. Елизаренковой (Ригведа 1999, 176).

Литература

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. Л., 1979.

Абрамзон М. Г., Иванина О. А. Античные монеты: из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Ч. 2. Киев, 2010.

Авеста — Авеста в русских переводах (1861–1996) / И. В. Рак (сост., общ. ред., прим., справ. разд.). СПб., 1997.

Вертієнко Г. В. Нетипова зброя Мітри за 10-м *Яштом* // XIX Сходознавчі читання А. Кримського. До 120-річчя від дня народження А. П. Ковалівського. Тези доповідей міжнародної наукової конференції, м. Київ, 16–17 жовтня 2015 р. Киев, 2015.

Вертиенко А. В. Стрела: этимология термина и археология // Археология без границ. Коллекции, проблемы, исследования, гипотезы / Труды Государственного Эрмитажа. Вып. LXXVII. СПб., 2015.

Гросу В. И. Погребение у с. Фрумушика // Археологические исследования в Молдавии (1974–1976 гг.). Кишинев, 1981.

Клочко В. І. Озброєння та військова справа давнього населення України (5000–900 рр. до Р. Х.). Київ, 1996.

Литвинский Б. А., Пьянков И. В. Военное дело у народов Средней Азии в VI–IV вв. до н. э. // ВДИ. 1966. № 3.

Малов Н. М. Погребения с булавами и втоками из Натальинского могильника // Археология Восточно-Европейской степи. Ч. 2. Саратов, 1991.

Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. / Свод археологических источников СССР. Вып. Е1–36. М., 1966.

Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 3. М., 2000.

Ригведа — Ригведа. Мандалы V–VIII / Т. Я. Елизаренкова (пер., ред. и сост.). М., 1999.

Семенова А. П. Погребальные памятники срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.

Соколова В. С. Авеста. Опыт морфологической транскрипции и перевод / И. А. Смирнова (подготовка материалов к изданию и редактирование). СПб., 2005.

Черненко Е. В. Скифские лучники. Киев, 1981.

Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg , 1904.

Curtis J., Tallis N. (Eds.). Forgotten Empire. The World of Ancient Persia. L., 2005.

Darmesteter J. The Zend-Avesta. Part II: The Sîrôzahs, Yasts, and Nyâyis. The Sacred Books of the East XXIII, Oxford, 1883.

Geldner K. Avesta. The Sacred Books of the Parsis. Vol. II: Vispered and Khorda Avesta. Stuttgart, 1889.

Geldner K. Avesta. The Sacred Books of the Parsis. Vol. I : Yasna. Stuttgart, 1896.

Gershevitch I. The Avestan Hymn to Mithra. Cambridge, 1959.

Harlez C. de. Avesta. Livre sacré du zoroastrisme / Bibliothèque Orientale. T. V. P., 1881.

Hinz W. Altiranishes Sprachgut der Nebenüberlieferungen / P.-M. Berger, G. Korbel, A. Nippa (Mitarbeit) / Göttinger Orientforschungen. Bd. III, 3. Wiesbaden, 1975.

Jackson A. V. W. Herodotus VII. 61, or the Arms of the Ancient Persians illustrated from Iranian Sources // Classical Studies in Honour of H. Drisler. N. Y. — L., 1894.

Kanga E. M. F. Yasht-Bā-Maāni. Bombay, 2001.

Kotwal F. M., Hintze A. The Khorda Avesta and Yašt Codex E1. Facsimile Edition / Iranica 16: Corpus Insciptionum Iranicum. Supplementary Series. V. Wiesbaden, 2008.

Malandra W. W. A glossary of terms for weapons and armor in Old Iranian // Indo-Iranian Journal. 1973. Vol.15. No. 4.

Mayrhofer M. Etymologisches Wörterbuch des Altindoarischen. Bd. I. Heidelberg, 1992.

Reeder E. D. (ed.). L'Or des Rois Scythes. P., 2001.

Skjærvø P. O. An Introduction to Young Avestan. Harvard, 2003. (URL: http://www.fas.harvard.edu/~iranian/Zoroastrianism/)

Skjærvø P. O. Introduction to Zoroastrianism. Harvard, 2007. (URL: http://www.fas.harvard.edu/~iranian/Zoroastrianism/)

Spiegel Fr. Avesta. The Religious Books of the Parsees. Vol. III : Khordah-Avesta. Hertford, 1864.

Wolff Fr. Avesta. Die Heiligen Bücher der Parsen. Strassburg, 1910.

Геюшева Тукезбан Низами гызы

БРОНЗОВЫЙ ОРНАМЕНТИРОВАННЫЙ ПОЯС ИЗ ГЕДАБЕКА

В 2012 г. в Гедабекский районный краеведческий музей поступил бронзовый орнаментированный пояс, найденный на территории села Еникенд в погребении типа каменный ящик, разрушенном во время земляных строительных работ. В нем, наряду с поясом, находились различные керамические сосуды, предметы вооружения и украшения из бронзы. В могиле рядом со скелетом человека находился и череп козла. Вместе с поясом в музей были переданы выявленные в этом погребении четыре керамических сосуда и небольшой бронзовый браслет.

Пояс изготовлен из листовой бронзы толщиной около 0,1 см, имеет 90 см в длину и 14 см в ширину. В результате поломки пояс состоит из двух приблизительно равных частей, а некоторые фрагменты середины пояса отсутствуют. Оба конца пояса имеют овальные формы и снабжены тремя отверстиями для шнуров, с помощью которых пояс затягивался и крепился со стороны спины.

В целом, композиционный принцип орнаментации пояса отчетливо прослеживается. Её основу составляют четыре группы различных животных. Две из них расположены на концах пояса, а две другие – изображены в два ряда в центральной части пояса, в шествующем друг за другом положении. Это различные по размерам изображения грифона, львов, оленей, горных козлов и птиц. По всему краю пояса проходит полоса с несколькими линиями спиралевидного орнамента. Аналогичная орнаментальная кайма проходит по всей длине по центру пояса. Вся поверхность пояса покрыта разнообразным орнаментом в виде уже отмечавшихся спиралей, ромбов, косичек и сетчатого орнамента.

В статье дается детальный семантический анализ образов животных и раскрывается астральное значение и смысловая нагрузка орнаментов и знаков, присутствующих на этом поясе.

В статье обоснован вывод о том, что в рассматриваемый исторический период (конец II – начало I тыс. до н. э.) в Азербайджане и на всем Кавказе культ Солнца получает широкое распространение. Это находит отражение в изобразительном искусстве, как в виде астральных знаков, так и в образах различных животных.

Выявление таких художественно-орнаментированных поясов в мужских погребениях с богатым разнообразным инвентарем, технологически сложный процесс их изготовления и религиозно-культовая тематика образов, знаков и орнаментов на них, свидетельствует о том, что они, для своего времени, были очень ценными предметами, употреблявшимися высшими привилегированными слоями общества – главными жрецами, вождями племен, старейшинами родов и знатными прославленными воинами.

A bronze belt delivered in May 2012 to the Gadabey History and Ethnography Museum was found in 2008 in a stone-box grave destroyed in the course of construction works at the Yenikend (former Quldurlu) village of the Gadabey district of Azerbaijan.

Besides the belt the burial yielded a large number of pottery, bronze articles and weapons. According to the report, a goat's head was found in the tomb along with a human skeleton. In addition to the belt, 4 pieces of pottery and a small bronze bracelet recovered from the same grave were given to the museum.

The bronze belt is 90 cm long and 14 cm wide, the bronze layer is 0.1 cm thick. The belt is broken into two parts. Half-oval ends of the belt have three holes to pass strings. Four groups of animal images form the composition of the belt's decoration. Two of them are placed at the ends of the belt while the two others make up two rows in its central part. They consist of figures of a griffin, lions, deer, mountain goats and birds of different dimensions arranged in file. The belt is bordered with several spiral-shaped lines. A similar decorative band runs along the central part from end to end. All the surface bears geometric patterns, i. e. spirals, lozenges, etc.

During the Late Bronze and the Early Iron Ages the worship of the Sun was widespread in the Caucasus, and was embodied in pictorial art by various astral signs as well as images of horses, oxen, deer, lions and some fabulous animals.

The discovery of decorated bronze belts in men's graves rich in goods, complex manufacturing methods and the religious content of images engraved on them imply that they were highly valued and worn by high-ranking society members, e. g. the tribe heads, warriors and priests.

Как показали ведущиеся с конца XIX в. археологические раскопки в зоне Малого Кавказа, жившие здесь автохтонные племена создали в конце II — начале I тыс. до н. э. яркую и во многом своеобразную Ходжалы-Гедабекскую культуру. Отличительной чертой этой археологической культуры является высокий уровень развития металлургии в целом и художественной металлообработки в частности. Это подтверждается многочисленными находками разнообразных металлических орудий труда и предметов вооружения, широким спектром художественно оформленных украшений и аксессуаров для одежды. Но, пожалуй, наибо-

лее яркими и сложными среди металлических изделий Ходжалы-Гедабекской культуры в плане художественно декоративного оформления, по сути, её «визитной карточкой», являются бронзовые орнаментированные пояса. Их исследования позволяют выявить глубокие корни и историческую преемственность изобразительного искусства азербайджанского народа. В сложных композиционных сюжетах и в отдельных орнаментальных элементах этих поясов находят отражение богатый и яркий эстетический вкус, мировоззренческая система восприятия окружающего мира, религиозно-космогонические представления племен Азербайджана на рубеже II–I тыс. до н. э.

Тематика изобразительных мотивов на бронзовых орнаментированных поясах включает образы людей, реальных и фантастических животных сцены природы, охоты и боевых действий, орнаментальные сюжеты, а также отдельные геометрические фигуры и астральные знаки. Орнаментальные бронзовые пояса, выявленные в Азербайджане, по сложности и разнообразию изображенных на них сюжетов и их технического исполнения заметно отличаются от бронзовых орнаментированных поясов, выявленных в других регионах Южного Кавказа. Это свидетельствует о том, что на Кавказе было несколько производственных очагов по изготовлению бронзовых поясов. Обращает на себя внимание и тот факт, что большая часть выявленных на Кавказе бронзовых орнаментированных поясов происходит из Азербайджана. С конца XIX до начала XXI вв. на территории Азербайджана выявлено более 80-ти бронзовых поясов. Большая часть этой коллекции в настоящее время хранится в музеях зарубежных стран (России, Франции, Германии и др.). В музеях Азербайджанской республики хранятся бронзовые пояса, выявленные, начиная с 30-х годов XX в. (Геюшева 2004, 82–89; 2009, 54–55). Один из этих поясов в 2012 г., анализу которого и посвящается настоящая статья (рис. 1)[1] был передан в Гедабекский районный краеведческий музей.

Пояс был выявлен в результате строительных земляных работ в местности Еникенд Гедабекского района и происходил из случайно разрушенного погребения типа каменный ящик. Наряду с поясом в могильной камере были найдены керамические сосуды, бронзовые украшения и предметы вооружения. По полученным сообщениям, в могиле наряду со скелетом человека находилась и голова козла. К сожалению, данных о размерах могилы и ее планово-конструктивных особенностях нет. Наряду с бронзовым поясом, в музей были переданы и обнаруженные вместе с ним четыре керамических сосуда и небольшой бронзовый браслет, на внешней стороне которого находится врезная линия (рис. 2, *1*). Все четыре сосуда представлены следующими типами:

1. Широкогорлый горшок черного цвета (рис. 2, *2*).

2. Небольшой лощеный узкогорлый кувшин темно-серого цвета с петлевидной ручкой, соединенной с венчиком. Корпус сосуда украшен орнаментом черного цвета в виде зигзагов и треугольников (рис. 2, *3*).

3. Узкогорлый коричневатого цвета кувшинчик с петлевидной ручкой, соединенной с венчиком, и украшенный елочным орнаментом (рис. 2, *4*).

4. Глубокая чаша с петлевидной ручкой на корпусе (рис. 2, *5*)

Бронзовый пояс имеет длину — 90 см, ширину — 14 см и толщину — 0,1 см. Пояс сломан посередине и состоит из двух частей, концы которых имеют овальную форму и снабжены тремя отверстиями для продевания шнуров. С помощью этих шнуров пояс затягивался и крепился со стороны спины (рис. 3). Рассматриваемый бронзовый пояс по всем основным характеристикам относится к группе Южно-Кавказских поясов. Но, в то же время, как и любой другой орнаментированный бронзовый пояс Южного Кавказа, он по-своему оригинален. Так, отличительной чертой данного пояса является то, что здесь основной композиционный мотив из группы животных расположен на концах пояса, а в центре его в двух рядах на небольшом отрезке изображены шествующие друг за другом животные. Большая часть поверхности этого пояса украшена сложным спиралевидным орнаментом. Некоторые фрагменты пояса отсутствуют, но в целом композиционный принцип орнаментации отчетливо прослеживается. По внешнему краю всего пояса проходит сетчатая кайма, внутри которой — четыре линии спиралевидного волнообразного орнамента. Аналогичная кайма проходит и по всему центру пояса от одной композиционной группы животных до другой, но с пятью спиралевидными линиями. В центре композиции из животных на левом конце пояса находится крупное изображение грифона с открытой пастью и загнутым кверху заостренным хвостом. На спине грифона изображение в виде согнутой ноги животного. Под ногами грифона изображены шествующие друг за другом горный козел с большими рогами, лев и птицы (возможно, гусь или журавль). Еще две аналогичные птицы изображены впереди грифона и над его спиной, а под крупом грифона находится еще одно изображение горного козла.

В композиции из животных на другом конце пояса также центральное место отведено изображению грифона. У его передних ног изображена птица, а под ногами небольшие по размерам изображения льва, горного козла и крупнотелой птицы с распущенным хвостом (павлин?). За грифоном дано изображение горного козла, птицы и еще одного горного козла над

[1] Рис. 1 и 2 размещены на цветной вклейке.

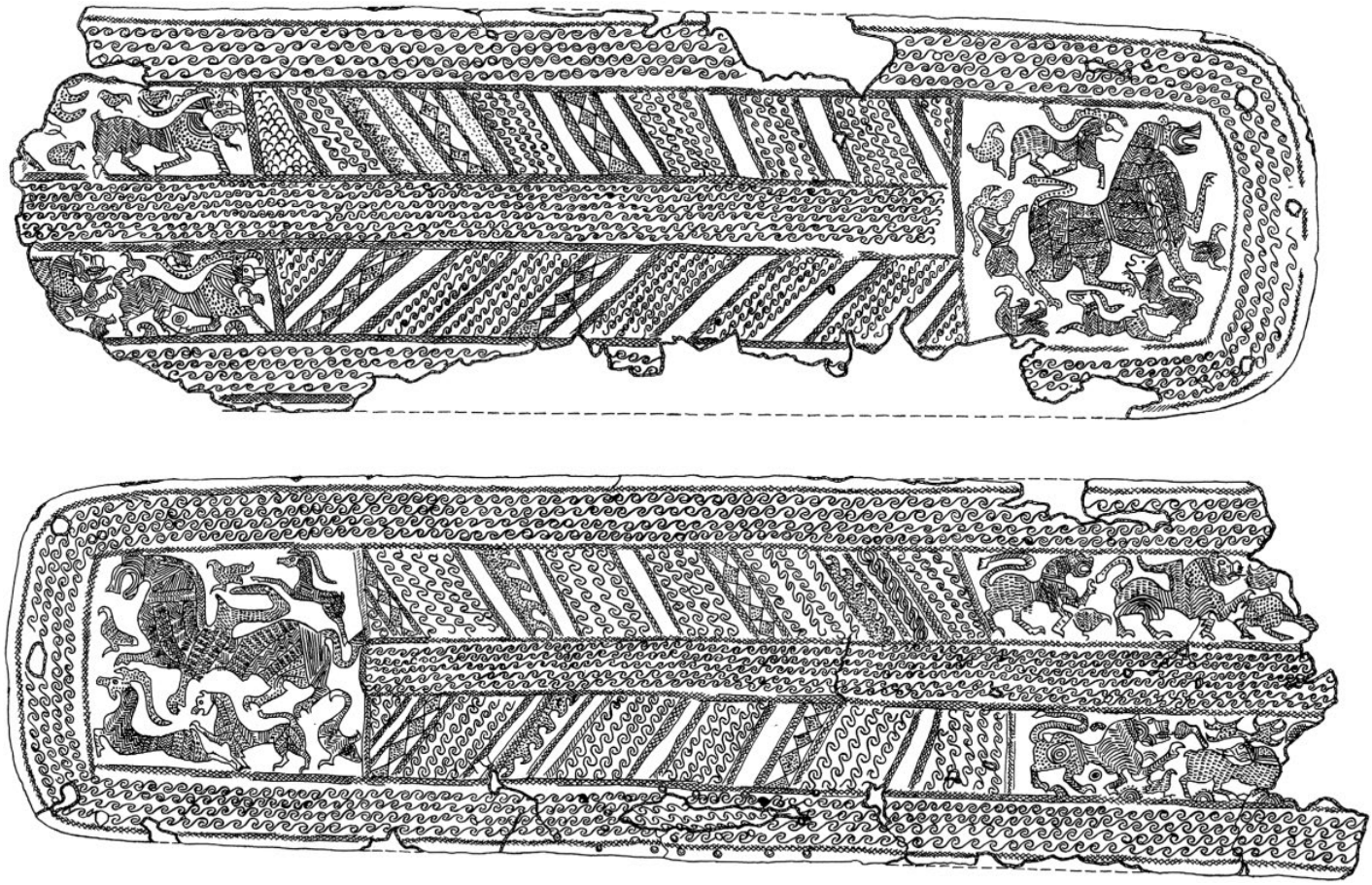

Рис. 3. Бронзовый пояс (прорисовка)

спиной грифона. Композиция построена по принципу вращения изображаемых животных вокруг грифона.

Упоминавшаяся выше срединная кайма с пятью спиралевидными волнообразными линиями конструктивно делит пояс на верхнюю и нижнюю части. В обеих частях в вертикальном положении изображены орнаментальные мотивы в виде косичек, ромбов, сети, спиралей и буты (популярного в изобразительном искусстве Азербайджана миндалевидного изображения с слегка загнутым концом).

В верхней части пояса в центре слева направо изображены шествующие друг за другом лев, грифон, олень и горный козел. Под ногами льва, грифона и оленя изображены по одной, а над спиной козла — две птицы. По стилю изображения все птицы одинаковы и принадлежат к одному виду.

В нижнем ряду в той же последовательности изображены идущие друг за другом лев, олень с большими ветвистыми рогами, еще один лев и горный козел. Образ первого льва передан в динамике, а олень изображен с повернутой назад головой. Изображение второго льва приходится на место слома, и от него сохранилась лишь часть морды. Возле пасти обоих львов имеется не вполне понятное изображение в виде фрагмента ноги копытного животного. У передних лап второго льва, а также в зонах спины, рогов и ног горного козла имеются изображения птиц.

На круге замыкающего шествие льва нижнего ряда имеются изображения расположенных один в другом астральных знаков. Над спиной и над челюстью этого же льва имеются дуговидные знаки, а под животами льва и горного козла имеются знаки в виде кругов. У передних и задних ног оленя в нижнем ряду изображены дуговидные знаки. У задних ног этого льва и у козла в нижнем ряду имеются еще и крючковидные знаки. Вне всякого сомнения, все эти знаки имеют астральное значение.

Таким образом, как видно из вышеприведенного описания, животные на данном поясе представлены образами грифона, льва, оленя, козла и птиц. Все образы изображены в динамике. Поверхность тела всех животных заполнена ёлочным, точечным, дугообразным и чешуйчатым штриховым орнаментом.

Доминирующими образами животных на этом поясе являются изображения льва и грифона. Всего на поясе изображены восемь львов. Образы львов известны на целом ряде бронзовых поясов, выявленных на Южном Кавказе, но чаще всего этот образ встречается на поясах из Гедабека. И хотя эти изображения выполнены порой в разном стиле, у них име-

ются и некоторые общие черты. У всех без исключения львов пасть изображена в открытом виде, а выступы на голове обозначают уши. У всех зверей изображены большие когти и приподнятый согнутый хвост с заостренным концом. Во многих случаях львы замыкают шествие других животных. Но встречаются и другие композиционные построения. Так, на бронзовом поясе из погребения № 47 могильника Джаннат галасы (Райская крепость) изображена сцена противостояния двух пар львов. Львы, изображенные слева, даны в боевой позе с приподнятыми передними лапами и стремятся подмять под себя противостоящего льва (Вирхов б. г., 38, табл. II, *3*; Нагель, Штромменгер 1999, 81). На еще одном бронзовом поясе из погребения № 95 того же могильника, наряду с образами других животных, изображены пять львов, двигающихся в разных направлениях (Нагель, Штромменгер 1999, 118; Вирхов б. г., 49). На бронзовом поясе из Ходжалинского кургана № 2 дано изображение борьбы человека со львом. В знак победы человека над хищником лев изображен обезглавленным (Virchov 1895, табл. II, № 24; Халилов 1962, 79). Можно отметить и бронзовый пояс из Апшерона, на котором имеются изображения двух львов. У одного из них очень длинный согнутый хвост с заостренным завершением (Асланов 1964, 9). Под поднятыми вверх передними лапами этого льва в треугольнике изображена голова еще одного льва. Аналогичное изображение львиной головы мы встречаем на бронзовой тарелке из погребения № 49 Гедабека (Нагель, Штромменгер 1999, табл. 84).

В целом, изображения львов на бронзовых поясах, как правило, сопровождают астральные знаки, символизирующие солнце. На бронзовом поясе из могилы № 95 Гедабека перед львами имеется парное спиралевидное изображение, а на поясе из погребения № 36 того же могильника, позади изображения льва помещена свастика (Ивановский 1911, 107–120). На фрагментах бронзового пояса из погребения № 98 могильника Джаннет галасы, над головой льва имеется символизирующий солнце точечно выколотый круг (Нагель, Штромменгер 1999, 119–120). На композиционных сюжетах бронзовых поясов из погребения № 47 могильника Джаннет галасы (Нагель, Штромменгер 1999, 81), Ходжалинского кургана № 2 и погребения № 13 на Апшероне, наряду с изображениями львов имеются и множество различных астральных знаков, в том числе и тех, что символизируют солнце.

На рассматриваемом поясе, в анималистической композиции нижнего ряда, перед пастью львов имеются изображения, встречающиеся на некоторых других бронзовых поясах. Дж. А. Халилов считает это изображение — пестовидным орудием (Халилов 1962, 82), а И. Н. Авшарова — фрагментом ноги копытного животного (Авшарова 2007, 97). Следует отметить, что и на бронзовом поясе из погребения № 419 Тлийского могильника среди образов различных животных, геометрических фигур и знаков, имеется аналогичное изображение фрагмента ноги копытного животного (Техов 2002, 217, табл. 93–95). По нашему мнению во всех случаях мы имеем дело с изображением фрагмента ноги быка.

Помещение в могилу наряду с человеком и ноги животного (быка) зафиксировано в кургане № 150 в Ханларе (Гуммель 1992, 5–15) в кургане Хасансу в Акстафинском районе (Мусеибли 2007, 161) и в каменном ящике Гедабекского могильника (Геюшева 2008, 50).

Можно предположить, что в погребальную обрядность ряда племен Южного Кавказа входил обычай жертвоприношения животного (быка), туша которого использовалась для поминального обеда или раздачи людям, а одну из ног клали в могилу. Вероятно оба факта — и погребение в могиле ноги животного (быка) и изображение ноги животного на бронзовых поясах имеют общие корни, связанные с представлениями племен Южного Кавказа, в том числе и тех, которые проживали и на территории Азербайджана, о потустороннем мире, как составного элемента их религиозных взглядов.

В эпоху бронзы, вследствие развития различной хозяйственной деятельности (охоты, скотоводства, земледелия, ремесла) у племен на территории Азербайджана сложились культы быка, барана, козла, собаки и т. д. В связи с их религиозно-космогоническими представлениями, наряду с различными солярными небесными знаками, появляются и образы животных: льва, лошади, оленя, змеи, как инкарнации различных небесных святил — солнца, луны, звезд и т. д.

На рассматриваемом поясе среди изображений реальных животных имеется семь изображений козла. Этот образ чаще всех встречается на поясах из Гедабека. В большинстве случаев практикуется парное изображение козлов, но иногда встречаются и одиночные образы. Чаше всего они изображаются с двумя, а иногда одним рогом. В большинстве случаев козлы изображаются в положении динамичного движения в разные стороны, часто с повернутой назад головой и лишь изредка встречается изображение козла в статичной форме. Изображения чаще всего отличаются реализмом. Исключением из этого правила можно считать стадо козлов, схематически изображенное на бронзовом поясе из погребения № 190 могильника Джаннет галасы (Нагель, Штромменгер 1999, 155). Такой способ изображения не характерен для бронзовых поясов, но его часто можно встретить среди изображений козлов и других животных на керамических сосудах эпохи поздней бронзы и раннего железа (Гусейнова 1989, 124).

Образы козлов на бронзовых поясах часто даны в окружении астральных знаков, что говорит о связи образа козла с солнцем и астральным миром в целом. Связь изображений козла с астральным миром можно увидеть и на наскальных рисунках, керамических сосудах, бронзовых украшениях, где они присутствуют совместно с солярными знаками. На сегодняшний день самые ранние изображения козлов в окружении астральных знаков выявлены в Иране и в Передней Азии (Антонова 1983, 13–31).

Среди образов реальных животных изображенных на бронзовых поясах преобладают изображения оленей. Это один из широко распространенных на Кавказе образов, связанных с культом Солнца.

Образ оленя, в основном, преобладающий на бронзовых поясах из Гедабека, встречается также на поясах из Апшерона и Хачбулага. При этом образы оленей в каждом случае специфичны и не повторяют друг друга. Все олени изображались с широкими ветвистыми рогами и коротким хвостом. На исследуемом поясе, так же как и на поясе из Гедабекского погребения № 95 могильника Джаннет галасы, олень изображен с повернутой назад головой. Рога оленей в обоих случаях изображены с большим реализмом. На других поясах олени изображены в порядке шествия друг за другом или в шествии за другими реальными или фантастическими животными. На бронзовом поясе из могилы № 6 Галакенда изображены более 15 оленей (Вирхов б. г., 34; Нагель, Штромменгер 1999, 35), а на отмечавшемся выше бронзовом поясе из могилы № 95 Гедабека композиционное построение сюжета иное. Здесь, наряду с изображениями различных животных, в два ряда друг под другом изображены олени, а за ними дано изображение человека с луком (Есаян, Мнацаканян 1977, 103–107). На бронзовом поясе из Хачбулага олень изображен однорогим (Кесаманлы 1966, 124, рис. 3). По обеим сторонам рога изображены треугольники, а над ними — круги. Следует отметить, что изображение рога в форме треугольника встречается только на поясах из Азербайджана. И на этом поясе дается изображение человека с луком и стрелой, но в данном случае он изображен не за оленями, а впереди них и с натянутым и готовым к стрельбе луком. И еще на одном поясе из Апшерона среди основных изображенных семи животных присутствует олень (Асланов 1964, 9; Геюшева 2008, 167–172). Исследовавший в свое время бронзовые пояса из Азербайджана Дж. А. Халилов на основе внешнего облика выделил три группы изображений оленей на этих поясах (Халилов 1962, 81).

За пределами территории современной Азербайджанской республики бронзовые пояса с изображениями оленя встречается на территории Грузии (Техов 1977, 130, рис. 13; Техов 2002, 377–378; Иремашвили 1981, 213–216; Урушадзе 1984, 35–39, рис. 20, 21, 22), современной Армении (Есаян, Мнацаканян 1977, 279–281, рис. 1-а; Погребова, Раевский 1997, 31, табл. VI), а также в Турции и в Иране, в частности, в Южном Азербайджане (Погребова, Раевский 1997, 68).

Как на азербайджанских поясах с изображениями оленей, так и на этих поясах имеются изображения людей (охотника или воина), целящихся из лука в оленя. Тела оленей на тлийских бронзовых поясах украшены астральными и геометрическими фигурами, а на поясах из других грузинских памятников заштрихованы в шахматном порядке. В качестве близкой аналогии к изображениям оленей на бронзовых поясах Южного Кавказа можно отметить изображения оленей на таких предметах кобанской культуры Северного Кавказа, как бронзовый топор и поясная пряжка (Доманский 1984, 11–12). Украшающие бронзовые пояса из Азербайджана орнаментальные сюжеты, композиции, образы и отдельные элементы можно встретить и на художественно оформленных изделиях из бронзы кобанской культуры. Но образы оленей на изделиях кобанской культуры отличаются от изображений оленей на бронзовых поясах из Азербайджана оформлением рогов. Так, на кобанских изделиях рога оленей изображены более реалистично и в вертикальном направлении, а на поясах из Азербайджана они чрезмерно ветвисты и разведены в сторону. На одном из бронзовых топоров и кобанского погребения на спину изображенного на нем оленя нацелена стрела (Доманский 1984, 25).

Как показывают исследования, образ оленя на всем Кавказе был связан с культом Солнца и Плодородия (Равдоникас 1957, 30).

На рассматриваемом бронзовом поясе имеются 17 изображений птиц. Ни на одном на сегодня известных бронзовых поясов такого количества изображений птиц нет. За исключением птиц, изображенных на композициях сцен на концах пояса, все остальные птицы изображены одинаково и, вероятно, относятся к одному виду. Птица, изображенная в нижнем правом углу в композиции на левом конце пояса, имеет крупное тело и длинную шею. Вероятно, это гусь или журавль. На композиции в противоположном правом конце пояса в левом нижнем углу изображен, скорее всего, павлин.

На известных нам бронзовых поясах обычно встречается три — пять изображений птиц. В редких случаях их число доходит до 10, и только на поясе из Апшерона изображены 13 птиц. На бронзовых поясах изображены различные по видам и размерам птицы. По некоторым характерным чертам, с большой долей вероятности можно предположить, что изображались вороны, перепелки, гуси, павлины и др. Обычно мелкими изображениями птиц заполняли пустующие пространства под ногами животных, над их спинами, внутри них и т. д.

Абсолютное большинство мнений, выдвинутых в научной литературе о семантике изображений птиц

на бронзовых поясах, связывает их образ с солнцем. В одном из древних шумерских сказаний птица Анзейд переносит души умерших людей в другой мир. С этой точки зрения большой интерес вызывает птица Зумруд, присутствующая в азербайджанских сказках. Древние тюрки считали птицу Симург символом солнечного божества.

На рассматриваемом бронзовом поясе имеются и несколько астральных знаков, символизирующих солнце. Следует отметить, что практически на всех известных орнаментированных бронзовых поясах из Азербайджана мы встречаем изображения астрального характера. Изображения солнца обычно даны в виде круга, заполненного спиралевидным и точечным орнаментом, а также лучевидными или поперечными прямыми линиями (Геюшева 2009, 3–8).

Одним из основных изобразительных элементов на бронзовых поясах являются изображения спиралей, которые вообще в период поздней бронзы и раннего железа являются одним из наиболее распространенных элементов художественно-декоративного оформления изделий из керамики, металла, кости, украшений и т. д.

О связи спиралевидного орнамента с водой и ирригацией в научной литературе имеется ряд мнений (Рыбаков 1965, 29, 23, 56). Спирали, начавшие распространяться в качестве художественно-орнаментального мотива уже с периода ранней бронзы, в эпоху поздней бронзы и раннего железа широко используются для украшения образов небесных тел. О происхождении самого спиралевидного орнамента существует ряд мнений, изложенных в достаточно обширной научной литературе. Следует отметить, что спиралевидный орнамент, столь широко распространенный в изобразительном искусстве Кавказа, абсолютно не характерен для изобразительного искусства Ирана и Месопотамии (Крупнов 1964, 26–43). По мнению Б. А. Куфтина, истоки спиралевидного орнамента связаны со Средиземноморьем (Куфтин 1944, 73–127). Иную точку зрения высказывает Г. Исмаилов, который, не без основания, на наш взгляд, видит истоки спиралевидного орнамента в развитии космологических взглядов местных племен, порожденных местными условиями (Исмаилов 1978, 50). Семантический анализ образов, знаков и орнаментов, зафиксированных на бронзовых поясах, имеет большое научное значение.

Исследователи связывают многие изображения и орнаменты на бронзовых поясах с религиозными представлениями и мировоззрением населения, жившего на Южном Кавказе в период поздней бронзы — раннего железа.

Изображения и узоры, знаки и геометрические фигуры на бронзовых поясах по отдельности нашли свое отражение и на других предметах материальной культуры того времени — керамических и металлических изделиях, оружии и украшениях, а также на наскальных рисунках. Но композиции со сложным сюжетом на бронзовых поясах не встречаются ни на одном из перечисленных образцов материальной культуры.

Композиции на бронзовых поясах основаны на исторических реалиях Кавказского региона. В рассматриваемый исторический период в Азербайджане и на всем Кавказе получает широкое распространение поклонение Солнцу. Эти религиозно-космогонические представления находят свое выражение в изобразительном искусстве, как в виде астральных знаков, так и в образах коня, быка, оленя, льва и различных фантастических зверей.

Сравнительный анализ изобразительных мотивов на бронзовых поясах из Азербайджана с их аналогами из других регионов Кавказа и Передней Азии показывает наличие у племен, создававших эти пояса, сложившихся культурных традиций и религиозного мировоззрения.

Выявление бронзовых орнаментированных поясов в мужских погребениях с богатым и разнообразным могильным инвентарем, технологически сложный процесс их изготовления, религиозно-культовая тематика имеющихся на них изображений свидетельствуют о том, что эти пояса для своего времени были очень ценными предметами.

Анализ рассматриваемого бронзового орнаментированного пояса в сочетании с ранее исследованными другими многочисленными аналогичными поясами позволяют нам прийти к выводу, что выявленные на территории Азербайджана в погребениях периода поздней бронзы и раннего железа бронзовые пояса были составным элементом мужского одеяния, особенно военного назначения. У носителей Ходжалы-Гедабекской культуры эти пояса были связаны с Солнцем как главным образом их религиозно-космогонических представлений. Они вручались жрецами вождям племен, полководцам и военным за проявленное в борьбе с врагами мужество, и призваны были в качестве религиозно культового предмета, оберегать их от невзгод, злых духов, порчи и сглаза и помогать одерживать победы над врагами.

Учитывая сложность проблемы семантического анализа бронзовых орнаментированных поясов, мы вполне осознаем во многом сугубо предварительный характер сделанных нами ряда положений и выводов. Вне всякого сомнения, что исследователи, по мере дальнейшего накопления фактического материала и совершенствования методики исследований, еще неоднократно будут возвращаться к данной проблематике и предлагать новые интерпретации образов, запечатленных на бронзовых поясах.

Литература

Авшарова И.Н. Изобразительные бронзовые изделия племен Ходжалы-Кедабекской культуры (XIV–VII вв. до н.э.). Баку, 2007 (на азерб. яз.).

Антонова Е.В. Мургабские печати в свете религиозно-мифологических представлений первобытных обитателей юга Средней Азии // Средняя Азия, Кавказ и Зарубежный Восток в древности / Б.А. Литвинский (ред.). М., 1983.

Асланов Г.М. Отчет об археологических раскопках 1963 года на Апшероне (на азерб. яз.). // Научный архив Института Археологии и Этнографии НАНА. 1964. № 5782.

Вирхов Р. О культурно-историческом значении Кавказа. Перевод О.Куна с немецкого на русский // Научный архив Институт Истории. № . 3869.

Геюшева Т.Н. Бронзовые пояса в музейных коллекциях Азербайджане // Международная научная конференция «Археология, этнология и фольклористика Кавказа». Тбилиси, 2004.

Геюшева Т.Н. Астральные изображения на бронзовых поясах, выявленных в Азербайджане // Научное Обозрение. Ежеквартальный сборник статей. Вып. № 46. Махачкала, 2009.

Геюшева Т.Н. О бронзовом поясе из Апшерона // Международная научная конференция «Археология, этнология и фольклористика Кавказа». Шамкир, 2008.

Геюшева Т.Н., Бабаева Т.В. Археологические исследования некрополя Дарюрд Кедабекского района // Археологические исследования в Азербайджане. Баку, 2008 (на азерб. яз.).

Гуммель Я.И. Раскопки к юго-западу от Ханлара в 1941 г. // ВДИ. 1992. № 4.

Гусейнова М.А. Керамика Восточного Закавказья эпохи поздней бронзы и раннего железа (XIV–IX вв. до н.э.). Баку, 1989.

Доманский Я.В. Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. М., 1984.

Есаян С.А., Мнацаканян А.О. Бронзовые пояса из Лчашена и Степанавана // Историко-филологический журнал. 1977. № 3.

Ивановский А.А. По Закавказью // МАК. 1911. Вып. VI.

Иремашвили Ш.А. Бронзовый пояс из Набаргеби // Сообщения АН Груз. ССР. 1981. Т. 102 (1).

Исмаилов Г.С. Археологическое исследование древнего поселения Баба-Дервиш. Баку, 1978.

Кесаманлы Г.П. Погребение с бронзовым поясом из Хачбулага (Азерб. ССР) // СА. 1966. № 3.

Крупнов Е.И. Древнейшая культура Кавказа и Кавказская этническая общность // СА. 1964. № 1.

Куфтин Б.А. Археологические раскопки в Триалети. Опыт периодизации памятников. Тбилиси, 1941.

Куфтин Б.А. Урартский «Колумбарий» у подошвы Арарата и «Кура-Аракский энеолит» // ВГМГ. 1944. Вып. XIII-в.

Мусеибли Н.А., Данялов Я. Курган Гасансу эпохи средней бронзы // Международная научная конференция «Археология, этнология и фольклористика Кавказа». Тбилиси, 2007.

Нагель В., Штроммингер Е. Галакент. Археологические находки периода раннего железа Южного Кавказа на территории Кировабада (Елизаветполь). Баку, 1999 (на азерб. яз.).

Погребова М.Н., Раевский Д.С. Закавказские бронзовые пояса с гравированными изображениями. М., 1997.

Равдоникас В.И. Элементы космических представлений // СА. 1957. № 4.

Рыбаков Б.А. Космогония и мифология земледельцев энеолита // СА. 1965. № 1.

Техов Б.Б. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. (по материалам Тлийского могильника). М., 1977.

Техов Б.Б. Тайны древних погребений. Владикавказ, 2002.

Урушадзе Н.Е. К семантике прикладного искусства древнего Кавказа и Закавказья // СА. 1973. № 1.

Урушадзе Н.Е. Бронзовая летопись древней Грузии. Тбилиси, 1984.

Халилов Дж. Бронзовые пояса, найденные из Азербайджана // Материальная культура Азербайджана. Баку, 1962 (на азерб. яз.).

Virchov R. Über die Culturgeschichtliche Stellung des Kaukasus, unter besonderer berucksichtiging der ornamentirten Bronzegürte aus Transkaukasischen Grabern. Berlin, 1895.

М. Н. Дараган

О КОЛЧАННОМ НАБОРЕ РАННЕСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ 1, КУРГАНА 4 У С. ГЛАДКОВЩИНА[1]

Статья посвящена анализу наконечников стрел из колчанного набора погребения 1, кургана 4 у с. Гладковщина. Выделены и описаны характерные особенности наконечников. На основании изучения отдельных наконечников, а также их групп устанавливается круг наиболее близких колчанных наборов. Хронология колчанного набора предлагается в пределах последней четверти VII – рубежа VII/VI вв. до н. э. Поднимается вопрос о происхождении отдельных типов наконечников.

This paper is devoted to the analysis of arrowheads from a set recovered from Burial 1 of Kurgan 4 near the village of Gladkovshchina. Characteristic features of arrowheads were marked and described. The circle of the closest quiver sets is recognized on the basis of a study of separate arrowheads and their clusters. The sets are dated to the last quarter – the turn of the 7th century BC. The issue of the provenance of various types of arrowheads has been raised.

Вводные замечания

Общеизвестно, что для эпохи скифской архаики наконечники стрел являются одним из важнейших хронологических маркеров. Соответственно актуальным является уточнение времени бытования отдельно взятых их типов. Однако хронологические выводы часто упираются в проблему типологической атрибуции наконечников, что наглядно проявляется при установлении подобия наконечников из различных комплексов в рамках уже известных их типов (например, новочеркасских, жаботинских, келермесских). Формальное сопоставление наконечников не всегда дает надежные результаты. Краеугольной является проблема типологической атрибуции отдельно взятых образцов[2]. Основным критерием для выделения типа втульчатого бронзового наконечника является форма его головки (сечение головки, форма пера и оформление ударной части). И на эти же параметры ориентируются исследователи при помещении новых находок в те или иные типологические ячейки.

Но еще Б. Н. Граков обращал внимание, что на конечное определение типа наконечника влияет его отливка и заточка. Разная степень заточки наконечников, даже изготовленных в одной литейной форме, часто приводит к тому, что выглядят они различно и могут быть, по формальным показателям (абрису головки), отнесены к разным типам[3]. С другой стороны, абрис наконечников, отлитых в разных литейных формах, часто похож, но при этом наконечники имеют иные, весьма существенные отличия, например, оформление втулки и наличие нервюры, определяемые разным способом литья (Дараган, 2015а, 158). К сожалению, как правило, в прорисовках и в описаниях важные детали, указывающие на эти различия, часто не отражены. Следствием их незнания нередко являются и некорректные выводы хронологического и историко-культурного характера[4].

При типологических построениях, а также для установления хронологической позиций и наблюдений за ареалом распространения наконечников важным является выявление серий наконечников стрел, отли-

[1] Работа выполнена при поддержке фонда Александра фон Гумбольдта.

[2] Работающая доныне типология скифских наконечников стрел А. И. Мелюковой базировалась на ограниченном фонде источников. Она не исчерпала себя, однако накопленный после 1964 г. огромный материал предполагает ее коррекцию.

[3] Экспериментальными работами установлено, что в ходе многократной заточки возможна типологическая трансформация наконечников стрел (Никитин 2007, 157–158)

[4] Только два примера: С. В. Махортых считает аналогичными наконечники из погребения 5 Высокой Могилы и поселения Каман-Калехуюк, и использует это как аргумент для обоснования присутствия в Передней Азии киммерийцев, носителей предскифского комплекса Северного Причерноморья (Махортых 1999, 190). А. Хельмут понижает дату Имирлера до начала VIII в. до н. э., сопоставляет наконечники из Имирлера с найденными в кургане Аржан-1 (Hellmuth 2008, 107).

тых в одной литейной форме (Черненко 1981, 99–100) или «близкородственных» формах. При анализе серий наконечников нужно определять, во скольких литейных формах они отливались, и какие при этом наблюдаются различия[5].

Актуальным является создание базы данных по наконечникам стрел, в которой, помимо рисунков, представлены были бы их фотографии и отмечены характерные технологические и метрологические данные каждого конкретного образца (Дараган 2015а, 127–170; 2015б, 69–84).

В настоящей работе приводится характеристика колчанного набора одного сравнительно недавно введенного в научный оборот комплекса — погребения 1, кургана 4 у с. Гладковщина.

Колчанный набор погребения 1, кургана 4 у с. Гладковщина

В 1983 и 1988 гг. В. П. Григорьев исследовал несколько погребений раннескифского времени у с. Приднепровское и с. Гладковщина, что в в Террасовой Лесостепи. Погребение 3 кургана 1 у с. Гладковщина и погребение в кургане Роблена Могила у с. Приднепровское были опубликованы (Григор'єв 1995, 58–67). Погребение 1 кургана 4 у с. Гладковщина было введено в научный оборот С. А. Скорым уже после преждевременной гибели В. П. Григорьева. В этой же статье продублирована публикация погребения 1 кургана 3 (Григорьев, Скорый 2012, 452).

С послевоенного времени в Украинской Лесостепи было исследовано только восемь погребений раннескифского времени с непотревоженными (или сравнительно полными) колчанными наборами. Два колчанных набора найдено в погребении 2 Репяховатой могилы, один — в погребении 1 Репяховатой могилы, и также по одному в Малой Офирне, в кургане у с. Лихачевка, в погребении 1 кургана 10, погребении 2 кургана 12 и погребении 2 кургана 15 и у с. Купьеваха. Еще шесть колчанных наборов было исследовано в раннескифских погребениях Западной Подолии: 2 колчана в кургане 2 у с. Перебыковцы, по одному в кургане 2 у с. Долиняны, в кургане 1 у с. Круглык, в курганах у с. Шутнивцы и Текливка.

И, наконец, еще один непотревоженный колчанный набор был найден в Террасовой Лесостепи в погребении 1 кургана 4 у с. Гладковщина. В этом же погребении, несмотря на ограбление, сохранился и другой выразительный для раннескифского времени инвентарь: железный акинак, костяные ворворки, глиняная посуда местного производства, каменное блюдо, серьга, булавки.

В колчане находилось 80 бронзовых, 4 железных и 2 костяных наконечников стрел. Стрелы лежали стопкой шириной 16 см. Деревянные древки прослеживались в длину не более чем на 3–5 см. Под стрелами сохранился остаток колчана, представлявший собой небольшой фрагмент бересты, пропитанный окислами (Григорьев, Скорый 2012, 452) (рис. 1). В публикации погребения, представляющей собой собственно воспроизведение полевого отчета, приводится взятый оттуда же рисунок наконечников и их описание (Григорьев 1983). Всего на рисунке воспроизведено 37 наконечников (рис. 2) (Григорьев, Скорый 2012, рис. 14, *1–37*). Однако воспроизведенный в публикации рисунок не в полной мере отражает морфологические характеристики стрел этого колчанного набора.

Материалы из погребения 1 кургана 4 у с. Гладковщина хранятся в Черкасском краеведческом музее и в настоящее время экспонируются в экспозиции музея. Из 86 наконечников колчанного набора, указанных в отчете, в экспозиции (и на хранении в музее) находится 57 наконечников, из которых 3 железных, 2 костяных, остальные — бронзовые[6].

Наконечники бронзовые двухлопастные — 13 экз. Согласно публикации двулопастные наконечники отнесены к трем основным типам: а) с широкой лавролистной головкой и в разной степени выступающей втулкой, высота 3,2–4,3 см, диаметр втулки 0,4–0,5 см (8 экз.) (Григорьев, Скорый 2014, 453, рис. 1, *1–7*[7]); б) аналогичной формы, но с шипом в нижней части, высота 3,5 см, диаметр втулки аналогичный (5 экз.) (Григорьев, Скорый 2014, 453, рис. 1, *8–10*); в) двулопастный наконечник с лавролистной головкой, небольшой выступающей втулкой и одной опущенной

[5] В раннескифскую эпоху, по всей видимости, не существовало проблемы восполнения наконечников. Многочисленные находки наконечников на поселениях, в том числе и в слоях разрушений, найденные кучно, показывают, что их не подбирали, т. е. была возможность, каким-то образом восполнять утраты. К этому нужно добавить, что часто многие наконечники, найденные в погребениях, до этого не использовались. Их специально отливали для погребений. Например, такие наконечники были в колчанных наборах Репяховатой Могилы (Клочко 1977, 52), кургана 524 у с. Жаботин (Рябкова 2014, 380). Наконечники с плохо удаленными литниками и обломанными верхними окончаниями головок найден в кургане 2 урочища Марченки (Махортых и др. 2006, 9, рис. 5, *2–4*; 13, *2*).

[6] Искренне признательна заведующей отделом археологии Черкасского краеведческого музея Ларисе Григорьевне Сиволап и старшему научному сотруднику отдела археологии Тамаре Сергеевне Кургиной-Коваленко за всестороннюю помощь при работе с коллекцией наконечников стрел.

При формировании скифской экспозиции в 1984 г. наконечники были приклеены на картонную основу и, по этой причине, обрабатывались (фотографировались, измерялись, осматривались) прямо на планшете. К сожалению, это не позволило получить всестороннее представление о них, поскольку в трехлопастных видимыми были только 2 грани и одна сторона двухлопастных, так же не был измерен их вес и, возможно, что учтены не все метки.

[7] В настоящей публикации это рис. 2.

Рис.1. Колчанный набор из погр. 1 к. 4 у с. Гладковщина

лопастью в виде шипа (шиполистный), высота 4 см, диаметр втулки аналогичный (Григорьев, Скорый 2014, 453, рис. 14,*11*).

Представленные в коллекции стрелы отлиты в различных 11 или 12 литейных формах. Наконечники отличаются размерами и формой лопасти.

Наконечники двухлопастные без шипов. 8 экз.

№ 1. Длинной 4 см с большой массивной овальной головкой и укороченной втулкой. Край втулки рваный, образует скол, похожий на шип (рис. 3, *1*)[8].

№ 2–3. Длиной 4 см с овальной головкой и втулкой длиной 1, 2 см (рис. 3, *2*) и длиной 3,4 см с листовидной головкой и длинной втулкой (рис. 3, *3*). Эти наконечники отлиты в одной литейной форме, но лопасти второго сильно сточены, что и определяет их значительную визуальную разницу.

№ 4. Длиной 4,1 см с узкой листовидной головкой и длинной втулкой (рис. 3, *4*).

№ 5. Длиной 4,1 см. Так же с узкой листовидной головкой, и удлиненной втулкой. Однако лопасти внизу на переходе к втулке имеют более резкий (не округлый) переход (рис. 3, *5*).

[8] Рис. 3, 4, 5, 6 размещены на цветной вклейке.

№ 6–7. Длиной 3, 6 см и длиной 3, 3 см с остролистной головкой и короткой втулкой (рис. 3, *6–7*).

№ 8. Длиной 3,1 см, с лопастями, подрезанными под углом. На одной из лопастей в ее срединной части нанесена метка — угол, направленный вершиной к втулке наконечника (угол вправо) и параллельной ему линии, начерченной сверху (рис. 3, *7*).

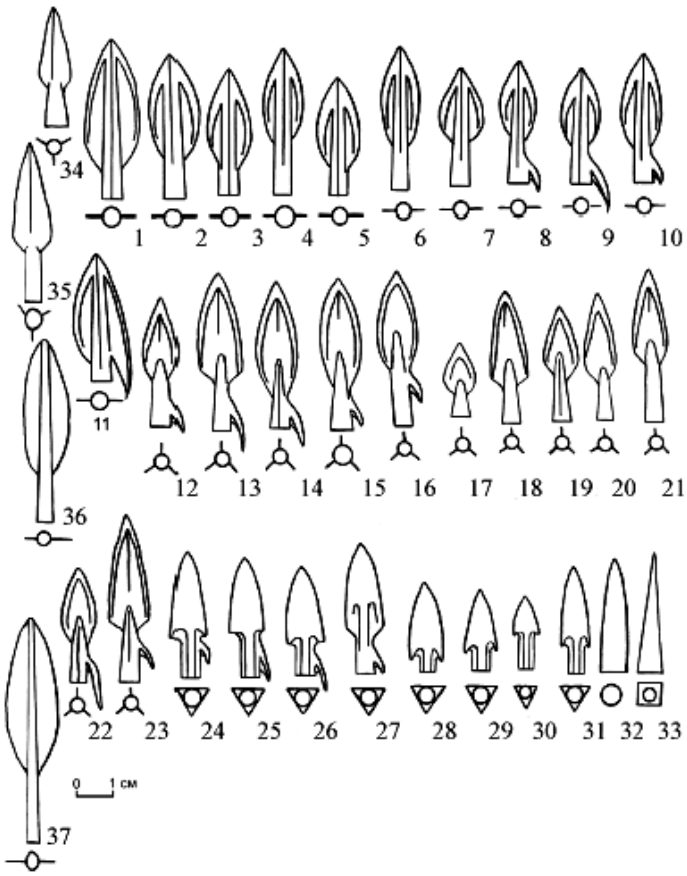

Рис. 2. Колчанный набор из погр. 1 к. 4 у с. Гладковщина (*рис. по: Григорьев, Скорый 2014*)

Наконечники бронзовые двухлопастные с шипами — 5 экз.

№ 9–10. Длиной 3,6 см с остролистной головкой, втулкой и шипом, начинающимся у основания втулки (рис. 3, *9, 10*).

№ 11. Длиной 3,5 см с узкой овальной головкой и шипом (рис. 3, *11*) . Возможно, отлит в той же форме, что и предыдущие.

№ 12. Длиной 3, 5 см с более широкой остролистной головкой, втулкой и длинным шипом (рис.3, *12*).

№ 13. Длиной 3,3 см. Одна лопасть наконечника переходит в шип, вторая имеет внизу выемку — надпил (рис. 3, *13*).

Наконечники бронзовые трехлопастные. Трехлопастные наконечники согласно публикации и отчету отнесены к четырем типам: а) наконечники с лавролистной головкой, довольно длинной втулкой, снабженной шипом, высота 4 см, диаметр втулки 0,5–0,6 см (17 экз.) (Григорьев, Скорый 2014, 453, рис. 14, *13–16*), б) аналогичной формы, но меньших размеров, высота 3,5, диаметр втулки 0,4 см (6 экз.) (Григорьев, Скорый 2014, 453, рис. 14, 12, 22), в) наконечники с остролистной головкой и в основном длинной втулкой, высота их 2–3,7 см, диаметр аналогичный (17 экз.) (Григорьев, Скорый 2014, 453, рис. 14, *17–21*), г) наконечники с остролистной головкой, длинной втулкой, снабженной шипом, высота 4,6 см, диаметр втулки 0,4 см (2 экз.) (Григорьев, Скорый 2014, 453, рис. 14, *23*).

Наконечники бронзовые трехлопастные с шипами.

№ 14–19. С остролистным пером, расширенным в нижней части, с обрезанными под углом краями лопастей, длинной втулкой с шипом расположенным на середине длины втулки. Длина наконечников 4,4 см, 4,5 см и 4,6 см. Кажется, что они отлиты в одной литейной форме (рис. 3, *14–19*).

№ 20. С симметричным остролистным пером, плавным очертанием лопастей, втулкой средней длины и с длинным шипом, расположенным у основания втулки. Длина наконечника 4, 2 см (рис. 3, *20*).

№ 21. С симметричной остролистной головкой, плавным очертанием лопастей, длинной втулкой и длинным шипом, расположенным на середине основания втулки. На середине длины втулки — раковина. Длина наконечника 4,5 см (рис. 3, *21*).

№ 22. С симметричным остролистным пером, плавным очертанием лопастей, втулкой средней длины и с длинным шипом, расположенным у основания втулки. Длина наконечника 3,2 см. На одной из лопастей наконечника прочерчена метка: перечеркнутые крест-накрест линии, заключенные в горизонтальное поле (рис. 3, *22*).

№ 23. С асимметричным остролистным пером, втулкой средней длины и с длинным шипом, расположенным у основания втулки. Длина наконечника 3, 8 см (рис. 3, *23*).

Несмотря на то, что наконечники № 22 и № 23 визуально весьма похожи, отлиты они в разных формах, на что указывает характер расположения шипа и морфология втулки.

№ 24–25. С остролистным пером, с обрезанными снизу под углом краями лопастей, втулкой средней длины и с шипом средней длины, расположенным у основания втулки. На середине длины втулки — раковина. Длина наконечников 3,5–3,8 см (рис. 3, *24, 25*).

№ 26. С остролистным пером, втулкой средней длины и с шипом средней длины, расположенным у основания втулки. Длина наконечника 3,5 см. На одной из лопастей наконечника прочерчены три параллельные наклонные линии (рис. 3, *26*).

№ 27–28. С остролистным пером, длинной втулкой шипом (у одного шип обломан), расположенным у основания втулки. Длина наконечников 4–4,2 см (рис. 3, *27–28*). На лопасти одного из наконечников, прочерчено пять параллельных линий (рис. 3, *27*).

Наконечники бронзовые трехлопастные без шипов.

№ 29–32. С остролистным пером, с обрезанными снизу под углом краями лопастей, длинной втулкой. Длина 3,8 см, 4 см, 3,8 см, 3,6 см (рис. 3, *29–32*). У одного из наконечников на одной из лопастей процарапаны три наклонные параллельные линии (рис.3, *30*).

№ 33–34. С остролистным треугольным пером, с обрезанными снизу под углом краями лопастей, втулкой средней длины. Длина 3,8 см (рис. 3, *33–34*). У одного наконечника окончание одной из лопастей образует небольшой шиповидный напуск.

№ 35. С остролистным треугольным пером, с ровно обрезанными снизу краями лопастей, втулкой средней длины. Длина 3,7 см (рис. 3, *35*).

Наконечники бронзовые трехгранные. Согласно публикации трехгранные наконечники относятся к трем типам: а) наконечники со сводчатой головкой, шиповидными остро обрезанными гранями и короткими втулками, высота 2,3–2,5 см, диаметр втулки 0,5 см (4 экз.) (Григорьев, Скорый, 2014, 453, рис. 14, *28–29*), б) со сводчатой головкой, слегка приостренными концами граней и сравнительно длинными втулками, высота 2–3 см, диаметр втулки 0,5 см (6 экз.) (Григорьев, Скорый 2014, 453, рис. 14, *30–31*), в) подобные наконечники, но с шипом и более крупных размеров, высота 3–3,6 см, диаметр втулки аналогичный (14 экз.) (Григорьев, Скорый 2014, 453, рис. 14, *24–27*).

№ 36–39. С треугольно-сводчатой трехгранной головкой с гранями с небольшим шиповидным напуском, длинной втулкой и шипом (в некоторых экземплярах он обломан), расположенным у основания втулки. У основания граней заметны небольшие ложки. Опущенные края одной из граней сливаются с литейным швом втулки. Длина наконечников 3,6–3,7 см (рис. 3, *36–39*).

№ 40. С треугольно-сводчатой трехгранной головкой, с гранями с небольшим шиповидным напуском, более короткой втулкой, чем у предыдущих наконечников и длинным шипом, расположенным у основания втулки. Длина наконечника 3,5 см (рис. 3, *40*).

№ 41. С треугольно-сводчатой трехгранной головкой, удлиненной втулкой с шипом, расположенным у основания втулки. Края граней подрезаны, но по линии литейных швов образуют небольшие затеки. Между шипом и втулкой — пролив металла. Длина наконечника 3,4 см с шипом, выходящим за втулку (рис. 3, *41*).

№ 42. С треугольно-сводчатой трехгранной головкой, с гранями с шиповидным напуском чуть большим, чем у предыдущих наконечников, и более короткой втулкой, чем у предыдущих наконечников и шипом, расположенным у основания втулки. У основания граней небольшой ложок. Длина наконечника 3,5 см (рис. 3, *42*).

№ 43. С треугольно-сводчатой трехгранной головкой и краями жалец переходящими (слившимися) с литейными швами. Тем самым грани как бы затекшие, по краям образующими небольшие выемки-ложки. Длина 3,6 см (рис. 3, *43*).

№ 44. С треугольно-сводчатой трехгранной головкой, удлиненной втулкой с шипом (обломанным), начинающимся у основания головки. Края граней ровно подрезаны, но на переходе к втулке образуют небольшие ложки. Длина 3, 2 см (рис. 3, *44*).

№ 45–46. С треугольно-сводчатой трехгранной головкой, с остро обрезанными концами граней в виде шипов и выступающей втулкой. Длина одного наконечника 3,3 см (рис. 3, *45*), второго 2,3 см (рис. 3, *46*) и меньший его размер объясняется сильной сточенностью его граней.

№ 47–49. С треугольно-сводчатой трехгранной головкой. Грани ровно подрезаны. Длина одного 3, 2 см, второго 2, 6 см, третьего 2,5 см (рис. 3, *47–49).* Разница в размерах головки объясняется ее сильной сточенностью у двух последних экземпляров. В нижней части втулки одного наконечника прямо на линии литника находится небольшое отверстие правильной круглой формы (рис. 3, *48*).

№ 50. С треугольно-сводчатой трехгранной головкой, опущенными в виде жалец концами лопастей и небольшими ложками у основания бойка. На одной из граней — большая овальная раковина. Длина наконечника 2,5 см (рис. 3, *50*).

№ 51. С треугольно-сводчатой трехгранной головкой. Это сильно сточенный наконечник с трехгранной головкой и длинной выступающей втулкой. Длина 2,2 см (рис. 3, *51*).

№ 52. Наконечник с комбинированным типом лопастей, длиной 3,8 см. У наконечника две стороны — граненные (трехгранной формы), а одна лопастная (листовидной формы). Внизу трехгранных головок имеются характерные выемки — ложки, а их жальца переходят в грани. На втулке у основания головки имеется шип. С лопастной стороны наконечника, по линии втулки, большая овальная раковина (рис. 3, *52*).

Наконечники железные двухлопастные.

№ 53. Длиной 6,2 см, удлиненной вытянутой головкой и длинной выступающей втулкой (рис. 3, *53*).

№ 54. Длиной 4,7 см, длина втулки 1,3 см, головка наконечника венчается прямым выступом длиной 0,3 см (рис. 3, *54*).

Наконечники железные трехлопастные.

№ 55. Длиной 4,1 см с выступающей втулкой. Одна из лопастей с сегментовидным «вырезом» (рис. 3, *55*).

Согласно отчету и публикации, трехлопастных наконечников было два (Григорьев, Скорый 2014, 453)

Наконечники костяные втульчатые.

№ 56. Пулевидный, длиной 3, 2 см (рис. 3, *56*).

№ 57. Четырехгранный в сечении, длиной 3, 2 см (рис. 3, *57*).

В рассматриваемом колчанном наборе представлены наконечники, как весьма типичные (но не идентичные) и для других колчанных наборов раннескифского времени, так и уникальные образцы. Среди бронзовых наконечников стрел, выделяются двухлопастные 11 разновидностей, отлитые в разных литейных формах; трехлопастные с овальной головкой 7-ми или 8-ми разновидностей, так же отлитые в разных литейных формах; трехгранные, как минимум, 6-ти разновидностей, отлитые в различных литейных формах и один трехлопастно-трехгранный наконечник, для литья которого использовалась комбинированная форма. Обращает внимание, что в этом наборе нет наконечников трехлопастных с треугольной сводчатой головкой и с опущенными жальцами.

Аналогии наконечникам колчанного набора погребения 1 кургана 4 у с. Гладковщина.

Двухлопастные бронзовые наконечники: особенности, маркировка. Все обработанные наконечники не серийные. Только четыре наконечника отлиты в двух различных литейных формах. Подобные по абрису, но не идентичные гладковщинским, наконечники с овальной и листовидной головкой представлены в большинстве опубликованных колчанных наборов раннескифского времени. Некоторые наконечники весьма похожи на найденные в Китайгородке (Ромашко, Скорый, Филимонов 2014, рис. 4, *6*). Наконечник под № 2 вполне может оказаться из одной литейной формы с одним из наконечников из кургана 38 у с. Гуляй-Город[9] и так же похож на один образец из погребения 1, кургана 25 у хут. Хапры (рис. 4, *18*).

Выделяется наконечник, у которого одна лопасть переходит в шип, вторая имеет внизу выемку — надпил. Подобные наконечники, сравнительно немногочисленные в массиве раннескифских памятников Лесостепи, как правило, всегда представлены в колчанах единичными экземплярами. Не идентичные, но похожие наконечники найдены в: погребении 4 кургана 7 гр. Высочино I (Кореняко, Лукьяшко 1982, рис. 4, *1*; Беспалый, Лукьяшко 2008, табл.VII, *8*), в погребении 25, кургана 1 у Хапров (Максименко 1983, рис. 9, *13*), в погребении № 13 Каратаевского могильника (Ильюков 2002, рис. 17, *4*), в кургане 6 у с. Новозаведенное (Петренко, Маслов, Канторович 2006, рис. 10), в кургане 13/5 могильника Красногоровка III (Рябкова 2000, 19, рис. 1, *г-6*), в погребении 2 кургана 12 и погребения 2 кургана 15 у с. Купьеваха (Бойко, Берестнев 2001, рис. 20, *11*; 32, *8*). Они есть в кургане у с. Цукур-Лиман, в погребении 8 кургана 11 могильника Лебеди V [10], в кургане Старшая Могила и в кургане 38 у с Гуляй-Город, в кургане 2 у с. Константиновка (Ольговский 2014, 100), в курганах у с. Новоселка — Грымайловская и с. Дуплиски (Бандрівський 2010, рис. 4, *15–16*; 6, *7*), а также они связаны со слоем разрушения городища Смоленице-Мольпир (Hellmuth 2006, 53, abb.30; taf. 2, *11–13*).

Известны они и в закрытых поселенческих комплексах Украинской Лесостепи: в зольнике № 10 Западного Бельского городища (Шрамко 2009, 324, рис. 1, *4*), в яме 1 раскопа 24 Жаботинского поселения (Дараган и др. 2011, рис. 1, *9*; Дараган 2015, 141, Илл.11, *4*) и среди сборов на Ягорлыцком поселении (Островерхов 1981, рис.3, *11–12*).

У одного из наконечников, на одной из лопастей нанесена метка «угол вправо» и параллельная ему линия вверху (рис.3, *8*). Подобная метка, но с линией, расположенной внизу, присутствует на трехлопастных наконечниках колчанного набора № 2 погребения 2 Репяховатой Могилы, на наконечнике, найденном в слое разрушения городища Смоленице-Мольпир (Дараган 2015, ил. 14, *15–17*; 10, *30*) и на наконечнике из колчанного набора кургана у с. Лихачевка. Отдельные же метки в виде угла и линий встречаются на многих раннескифских наконечниках (см. сводку Дараган 2015а, 161–164, ил. 9–10).

Трехлопастные бронзовые наконечники: особенности, маркировка. Образцы, подобные № 14–19 (рис. 4, *14–19*), представлены среди наконечников из колчанного набора кургана 38 у с. Гуляй-Город (Дараган 2015а, рис. 16, *1–3*), погребения 2 кургана 12 у с. Купьеваха (Бойко, Берестнев 2001, рис. 20, *19–24*), найдены в слое разрушения Трахтемировского городища (Фиалко, Болтрик 2000, рис. 21) и в обоих колчанных наборах кургана 2 у с. Перебыковцы (Смирнова 1993, рис. 8, *7–8*, *10–12*, 18; рис. 9, *7–11*). Близки им

[9] К этому следует добавить, что двухлопастный наконечник с шипом, найденный в погребении 1 кургана 3 у с. Гладковщина (Григорьев 1995, мал. 2, *6*; Григорьев, Скорый 2014, рис. 7, *4*) очень похож на серию двухлопастных наконечников из погребения 8, кургана 7 у с. Новоалександровка (рис. 4, *6*).

[10] Колчанный набор не опубликован, но часть его материалов экспонируется в экспозиции Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Фелицына (см, например, http://www.liveinternet.ru/journalshowcomments.php?jpostid=375328363&journalid=900679&go=next&categ=0).

массивные трехлопастные наконечники из кургана 5 могильника Новозаведенное II (Петренко 1990, рис.2, Л, *1–10*). Все эти наконечники сближает характерное оформление нижней части лопасти, а у образцов из Гладковщины и Трахтемирова — также явная асимметрия в подрезке лопастей.

Наконечники № 22–23 (рис. 3, *22–23*) также с подрезанными под углом краями лопастей и длинным шипом весьма похожи на найденные в колчанном наборе кургана Китайгородка (Ромашко, Скорый, Филимонов 2014, рис. 3, *34–43;* 4, *8*) и в погребении 108 могильника «Крест» (Прокофьев 2014, рис. 33, *20, 25, 28*). А № 24 весьма близок наконечникам из погребения 8, кургана 7 у с. Новоалександровки (рис. 4, 3). № 29–30 похожи на наконечники из слоя разрушения городища Смоленице-Мольпир (Hellmut 2006, taf.5).

На лопастях четырех трехлопастных наконечников обнаружены метки в виде линий. В трех случаях это метки в виде трех параллельных линий: у одного наконечника они нанесены строго горизонтально (рис. 3, *20*), у двух других наклонены (рис. 3, *26, 30*). Еще у одного наконечника нанесена метка в виде пяти параллельных линий (рис. 3, *27*).

Метки из трех параллельных линий, нанесенные на лопасти двух и трехлопастных наконечников, самые распространенные среди известных (Дараган 2015а, 163). У некоторых трехлопастных наконечников из колчана кургана 1 у с. Лихачевки такие метки нанесены на две лопасти (Дараган, Подобед 2011, рис. V. 45, *25–33*). В двух случаях подобные метки расположены на втулках трехлопастного наконечника (из Малой Офирны) и двухлопастного (из Эфеса) (Дараган 2015а, илл.12, *14;* 10, *31*).

На лопасти еще одного наконечника нанесена метка в виде крестовидной фигуры (X) ограниченной сверху и снизу горизонтальными линиями. Идентичная метка нанесена на лопасть трехлопастного наконечника из слоя разрушения городища Смоленице-Мольпир (Hellmuth 2006, abb.107). Подобными знаками помечены двухлопастные наконечники, найденные в Богазкее и в Астраханском Заволжье (Дараган 2015а, Ил. 9, *28–29*). Метки в виде только крестовидной фигуры нанесены на наконечники, найденные в Смоленице-Мольпир, Глинище, в кургане у с. Лихачевка и в Среднем Поднепровье (Дараган 2015а, илл. 9, *32–33;* 10, *1, 26*; 11, *2*)

Трехгранные бронзовые наконечники: особенности. Всего среди обработанных наконечников представлены типы, отлитые, как минимум, в шести различных формах (№ 36–42 (1); № 43 (2); № 44 (3); № 45–46 (4); № 47–48 (5); № 59 — сточенный, возможно, вариант предыдущих; № 50 (6); № 51 — сильно сточенный наконечник). Различия между ними как метрические, так и морфологические.

Трехгранные образцы известны далеко не в каждом колчанном наборе раннескифского времени. Как правило, они представлены единичными экземплярами. Наиболее представительная выборка из 52 наконечников двух разновидностей обнаружена в колчанном наборе из кургана 1 у с. Текливка: 42 с трехгранной треугольной головкой и выступающей втулкой высотой 2,8–3 см и 10 — с остролистной головкой с небольшими ложками у основания граней (Гуцал, Гуцал, Могилов 2011, 115, рис. 2, *1–10*).

Наконечники подобные № 36–42 найдены в колчане погребения 1 кургана 10 Купьевахского могильника (Бойко, Берестнев 2001, рис. 14, *16*), в колчане № 1 кургана 2 у с. Перебыковцы (Смирнова 1979, рис. 15–16), в погребении 108 могильника «Крест» (Прокофьев 2014, рис. 33, *35*), а также на городище Смоленице-Мольпир (Hellmuth 2006, 121, abb. 91). Напоминает наконечник № 46 образец из лихачевского колчанного набора (Моруженко 1986, рис. 3, *16*). Стрелы, подобные № 47–49, представлены в колчанных наборах погребения 108 могильника «Крест» (Прокофьев 2014, рис. 33, *34*), в кургане 1 у с. Лихачевка (Моруженко 1986, рис. 3, 14–18; Дараган, Подобед 2011, рис. V. 45, *51*) и в комплексе кургана 1 у с. Ленковцы (Смирнова 1993, рис. 1, *8*).

Наконечник, аналогичный № 43, найден в колчанном наборе № 1 кургана 2 у с. Перебыковцы (Смирнова 1979, рис. 8, *15–16*). И подобный, но сильно сточенный наконечник, известен в колчанном наборе кургана Малая Офирна (Дараган 2015, илл.12, *11*).

Наконечники с треугольно-сводчатой трехгранной головкой, опущенными в виде жалец концами лопастей и небольшими ложками у основания бойка, подобные № 50, напоминают образцы из кургана 2 у с. Долиняны (Смирнова 1977, рис. 4, *1,2*), из колчанного набора № 1 и № 2 кургана 2 у с. Перебыковцы (Смирнова 1979, рис. 8, *20–21;* рис. 10, *6*), кургана 3 Шутнивцов (Гуцал, Гуцал, Могилов 2012, рис. 2, *12*), погребения 108 могильника «Крест» (Прокофьев 2014, рис. 33, *36*), кургана 1 у с. Круглык.

Подобные № 45–46 — с треугольно-сводчатой трехгранной головкой с остро обрезанными концами граней в виде шипов и выступающей втулкой представлены в колчанном наборе № 1 погребения 2 Репяховатой могилы (но они меньшего размера и с более короткой втулкой) (Дараган 2015, рис. 14, *I, 1, 2*). И такие же наконечники найдены в колчанном наборе кургана 1 у с. Круглык (Смирнова 1968, рис. 3, *12*).

Вариации трехгранных наконечников подобные гладковщинским найдены и в кургане 1 у с. Текливка (Гуцал, Гуцал, Могилов 2012, рис. 4, *2–11*). Можно предположить, что они имеются среди наконечников могильника Железнодорожный-2 (2/20 и 2/8) (Бочковой, Лимберис, Марченко 2014, рис. 4, *12–17*), в слое

разрушения городища Смоленице-Мольпир (Hellmuth 2006, taf. 17–18) и в курганах 13 и 16 могильника Новозаведенное (Петренко, Маслов, Канторович 2000, рис. 1, *3-а, г*).

Следует обратить внимание на весьма редкий тип наконечника с комбинированной формой головки (№ 52). Мне известны только два комплекса, в колчанных наборах которых представлены подобные образцы. Пять подобных наконечников, отлитых в одной литейной форме, найдены в кургане 8 у с. Васильевка[11]. У наконечников две стороны — граненные, одна — лопастная. Длина наконечников 4 см, 3,7 см, 3, 8 см, 3, 9 см, 3,7 см длина грани 1, 7–1,8 см, диаметр втулки 0,6–0,7 см. Вес — 6,17, 5, 41 г, 5, 59 г, 5,13 г, 5, 48 г. В основании втулок трех наконечников — литейные раковины (рис. 5)

19 наконечников этой разновидности входили в состав колчанного набора № 1 кургана 2 у с. Перебыковцы. Две стороны их также трёхгранные, с треугольной головкой, грани гладкие с симметричными выемками у основания, а одна грань лопастная. Длина наконечников от 3,6 до 2,6 см. Втулка наконечников длинная. У четырёх экземпляров имеются отверстия в нижней части гладкой грани; у трех — отверстия на втулках. Края втулки у многих стрелок повреждены (рис. 6)[12] (Смирнова 1979, 46, рис. 8, *13–14*).

Все перечисленные наконечники (из Гладковщины, Васильевки и Перебыковцев), формально близки типологически, но различаются морфологически и метрически, т. е. изготовлены в разных мастерских разными мастерами.

Трехлопастно-трехгранный наконечник — это явный эксперимент. Он состоит фактически из двух различных типов наконечников: классического трехлопастного, весьма широко распространенного и представленного в различных вариациях, по сути, во всех колчанных наборах раннескифского времени и значительно более редкого типа трехгранного наконечника с головкой лавролистной или ромбовидной формы и с углублениями-выемками в основании граней. Встречаются такие наконечники с шипами и без шипов. Значительной серией «трехгранные с остролистной головкой, со скругленными или слабоприостренными гранями и выступающей втулкой с шипом» представлены в Южной гробнице кургана 1 могильника Красное Знамя. Наконечники без шипа единичны (Петренко 2006, 64, 129, кат. 73). Они различаются также оформлением ложка или же его отсутствием. В. Г. Петренко отмечает, что в Центральном Предкавказье подобные наконечники составляют значительную часть наборов в курганах 2, 13, 16 Новозаведеного II и 12, 16, 21 Нартанского могильника (Петренко 2006, 64). Варианты наконечников без шипов присутствуют в курганах 2/В, 1–4/Ш и 24 Келермесского могильника (Галанина, Алексеев 1990, рис. 5, 31–35), в погребении 1, кургана 4 могильника Холмское (Василенко, Кондрашев, Пьянков 1993, 30, Рис. V, *14–15*), в погребении 2, кургана 12, в погребении 1 кургана 14 и в погребении 2, кургана 15 могильника Купьеваха (Бойко, Берестнев 2001, рис. 20, *25–29;* 27, *6*; 32, *11*). Несколько вариаций подобного рода наконечников представлены в погребении у ст. Хапры (Максименко 1983, 25–26, рис. 9; Ильюков, Пашиньян 1999, 17) и в слое разрушения городища Смоленице-Мольпир (Hellmut 2006, taf. 2, *10; 3, 1–7*). Известны такие наконечники в Лихачевском колчанном наборе (Дараган, Подобед 2011, рис. V. 45, *35–37*) и в погребении у с. Китайгородка (Ромашко, Скорый, Филимонов 2014, 113, рис. 34–43). Мне представляется, что именно они наиболее близки по абрису трехгранной части комбинированного наконечника из Гладковщины[13].

Закономерен вопрос: чем руководствовался мастер-литейщик, отливая подобные наконечники, учитывая, что в этих же колчанных наборах были и «полноценные» трехлопастные и трехгранные наконечники. Если их параметры были совмещены в одном наконечнике, следует полагать, что функции (бронебойные качества), а соответственно и проникающие возможности у этих наконечников были различны? Но возможно, что здесь имело место и взаимозамещение? Могло быть

[11] Искренне признательна директору Дыканьского краеведческого музея им. Д. М. Гармаша Надежде Васильевне Крюченко и главному хранителю Светлане Николаевне Купка за содействие при работе с коллекцией музея.

С идентификацией этих наконечников возникли проблемы. Как найденные в погребении 1, кургана 1 у с.Васильевка они записаны в коллекционной описи музея. Однако в публикации этого комплекса эти наконечники не упоминаются (Кулатова, Луговая, Супруненко 1993, 63–66). Скорее всего, они относятся к комплексу кургана 8 у с. Васильевка. В публикации этого комплекса бронзовые наконечники стрел также не упоминаются, но они воспроизведены на рисунке и в прорисовке одного из них угадываются контуры, характерные именно для публикуемых в настоящей статье наконечников стрел (Кулатова, Луговая, Супруненко 1993, рис. 32, *4*).

[12] Искренне признательна хранителю коллекции Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа Сергею Николаевичу Сенаторову за предоставленные для публикации фотографии наконечников и начальнику отдела Андрею Юрьевичу Алексееву за разрешение использовать эти материалы.

[13] Хочется обратить внимание, что в погребении 8, кургана 7 у с. Новоалександровка представлена «двухлопастная» разновидность таких наконечников. У них нижняя половина головки плоская двухлопастная, а верхняя имеет четырехгранную, ромбическую в сечении форму (Кореняко, Лукьяшко 1982, 159, рис. 10, *11–14*) (рис. 4, *1–2*). Подобные наконечники найдены в погребении 2 у хут. Ленина (Лимберис, Марченко 2012, рис. 110, *6-а-в*). Видимо, появление этого типа наконечников связано с эволюцией двухлопастных наконечников с утяжеленной головкой.

так, что створки одного наконечника в целом подходили к створкам другого?

Железные наконечники. Наконечники из железа встречаются во многих колчанах скифского времени, но, как правило, представлены единичными экземплярами. Они известны как двух, так и трехлопастные, но их типологическое сопоставление, в силу значительной коррозированности металла, более чем затруднено. Между тем, именно эта категория наконечников представляет значительный интерес с точки зрения снабжения ими воинов. Потому что если еще можно предположить восполнение утраты бронзовых наконечников (литье) в «боевых условиях», то изготовление железного наконечника при подобных обстоятельствах затруднительно. Похожие двухлопастные наконечники, насколько об этом можно судить по публикациям, могут быть в кургане 6 могильника Новозаведенное (Петренко, Маслов, Канторович 2006, рис.3, *39–40*) и в колчанном наборе № 2 кургана 2 у с. Перебыковцы (Смирнова 1993, рис. 9, *13–14*). Аналогией трехлопастному образцу может быть наконечник, найденный в погребении 25 кургана 1 у Хапров (Максименко 1983, рис. 9, *15*).

Костяные наконечники. Редкий колчанный набор эпохи архаики обходится без наконечников из кости, где они, как правило, также представлены единичными экземплярами. Правда известны колчанные наборы, где наконечники из кости преобладают, например, в погребении 185 Владимирского могильника (Шишлов, Федоренко 2006, 67, рис. 6) или же представлены в значительном числе, как, например, в погребении 1 и 4 могильника Маришелю (Marinescu 1984, abb.7, a; 9, 1a).

Более типичным является наличие в колчанных наборах костяных пулевидных наконечников. Преимущественно четырехгранные в сечении наконечники найдены в погребении 1 могильника Маришелю (Marinescu 1984, abb. 7,a). Сочетание наконечников пулевидной и четырехгранной формы известно в колчанном наборе Старшой Могилы (Ильинская 1968, табл. II, 2–7) и в кургане 1 у с. Текливка (Гуцал, Гуцал, Могилов 2012, рис. 4).

Обзор аналогий наконечникам из Гладковщины позволяет очертить наиболее близкие по составу колчанные наборы. Вопреки выводам, озвученным в публикации этого комплекса, согласно которым «яркими аналогиями сочетанию типов наконечников, встреченных в колчанном наборе погребения 1, кургана № 4 могут служить колчанные наборы из гробниц № № 1–2 Репяховатой Могилы, кургана № 5 у с. Рыжановка, кургана у с. Малая Офирна и кургана Старшая Могила» (Григорьев, Скорый 2014, 456) это не совсем так. Есть совпадение по отдельным типам (и то не всегда), но нет по вариантам и их сочетаниям. В этом несложно убедиться, сравнив публикацию наконечников из комплексов Репяховатой Могилы и Малой Офирны (Дараган 2015а, илл. 12–14) и наконечники из кургана 5 у с. Рыжановка (Тереножкин 1965, рис. 3, 3–8). Пожалуй, определенные вопросы остаются только по Старшей Могиле, но характер публикации колчанного набора этого комплекса не позволяет провести полноценное сопоставление. Кроме того, если погребения Репяховатой могилы, погребение 1, кургана 4 у с. Гладковщина и, отчасти, Малая Офирна — это комплексы одного временного среза, то курган 5 у с. Рыжановка — относится к более раннему времени. На это указывают различия в наборах керамики Гладковщины, Малой Офирны и обоих погребений Репяховатой могилы и Рыжановки (Дараган, Подобед 2011, 581–582). Однако, с обоими погребениями Репяховатой могилы комплекс погребения 1 кургана 4 у с. Гладковщина, безусловно, коррелируется по ряду других категорий инвентаря (глиняная посуда, каменное блюдо, булавки, заушницы).

Напротив, близкие по составу наконечников колчанные наборы обнаруживаем в кургане у с. Перебыковцы, в погребении 2, кургана 12 и погребении 2 кургана 15 могильника у с. Купьеваха, а также в погребении 1 кургана 25 у хут. Хапры. По своим метрическим характеристикам двухлопастные и массивные трехлопастные наконечники имеют аналогии в коллекции кургана 38 у с. Гуляй-Город[14]. Близкие аналогии трехлопастным наконечникам представлены в слоях разрушений городищ Трахтемировского и Смоленице-Мольпир, а также среди образцов из сборов Ягорлыцкого поселения [15].

О чем свидетельствует разница в колчанных наборах, сказать определенно я не берусь. Искать объяснение нужно в различных направлениях: по линии хронологии, исходя из особенностей производства наконечников, отталкиваясь от функциональных особенностей наконечников и, возможно, от социального статуса владельца колчанного набора. Возможно, определенную перспективу имеет и сравнение гравированных меток на наконечниках. Уже имеющаяся, пусть пока и сравнительно небольшая, база данных (Дараган 2015, 160–164) показывает, что повторяющиеся метки, встречаются на наконечниках разных типов, хронологических горизонтов и различных территорий. Значительная часть типов меток (углы, кресты, линии),

[14] Материалы готовятся к публикации М.Н. Дараган и С.В. Диденко.

[15] Возможно, что в круг близких аналогий входят также некоторые из наконечников колчанных погребений погребения могильников Нартан и Новозаведенное II, но избранная художником манера изображения наконечников не позволяет говорить об этом определенно.

характерные для раннескифского времени в таком же виде продолжали использоваться и на базисных наконечниках[16].

Замечания по хронологии колчанного набора. Поиск аналогий типам наконечников, составляющих колчанный набор из погребения 1 кургана 4 у с. Гладковщина, позволил выделить колчанные наборы наиболее близкие ему. В числе прочих это колчаны из погребения 1, кургана 25 у хут. Хапры и погребения 2 кургана 15 у с. Купьеваха. В этих погребениях, так же как и в погребении 1 кургана 4 у с. Гладковщина найдены похожие небольшие кинжалы с почковидным перекрестьем, гладкой рукоятью[17] и прямым брусковидным навершием. В Гладковщине длина кинжала 31 см (Григорьев, Скорый 2014, 452), хапровский экземпляр длиной 32 см (Максименко, 1983, 104, рис. 9, 3), а кинжал из погребения 2, кургана 15 у с. Купьеваха — 41 см (Бойко, Берестнев 2001, 33). Кроме того, в хапровском погребении была найдена тарная амфора. С. Ю. Монахов относит ее к продукции круга Клазомен и датирует концом VII — первой половиной VI в. до н. э. (Монахов 2003, 54–55), указывая в качестве аналогий, служащих основанием для датировки, на находки профильных частей таких амфор в материалах Ягорлыка и Березани. Ю. Сезгин относит ее к транспортным амфорам типа Ionia. γ.15 (предполагаемое место их изготовления — Теос), но датирует амфору вслед за С. Ю. Монаховым (Sezgin 2012, 287). Клазоменские амфоры были найдены также в погребении 8 кургана 11 могильника Лебеди V и в погребении 1 кургана 16 могильника Купьеваха. С.Ю Монахов датирует их концом VII — началом VI в. до н. э., также в качестве аналогий, служащих основанием для датировки, указывая на донья аналогичных амфор из Ягорлыка (Монахов 2003, 51–52, табл. 32–1). Тем же временем, со ссылкой на С. Ю. Монахова датирует их и Ю. Сезгин (Sezgin 2012, 287). Ю. Бырсеску относит анализируемые амфоры к типу 4 и по комплексам Истрии датирует первой половиной VI в. до н. э., но при этом, также в качестве ближайших аналогий, указывая на находки таких амфор на Березанском и Ягорлыцком поселениях (Birzescu 2012, 98–100). Также концом VII — первой четвертью VI в. до н. э. датируют и амфору круга Клазомен, найденную в объекте 2 кургана 7 могильника Циплиевский кут (Пьянков 2006, 27, рис. 3–1). Вместе с ней обнаружен бронзовый котел, подобный найденным в погребении у с. Круглык и в погребении 2 Репяховатой Могилы (Пьянков 2006, 27, рис. 3–1; Дараган 2009, 191). Не позже рубежа VII–VI вв. до н. э., вероятно, следует датировать милетские амфоры из погребения 2 Репяховатой Могилы и погребения 8, кургана 7 у с. Новоалександровка (Дараган 2009, 175–202). Концом VII — началом VI вв. до н. э. датируют также столовую амфору из кургана Китайгородка (Ромашко, Скорый, Филимонов 2014, 113). И к этому же времени относят расписной сосуд и чашу из кургана 16 могильника Новозаведенное (Maslov 2003, 232–233, taf. 35, *1*, *2*).

Представляется, что абсолютная дата этих комплексов может быть уточнена и ограничена более узким отрезком времени в пределах последней четверти VII — может быть, рубежа VII/VI вв. до н. э. Поскольку мне приходилось уже касаться вопроса датировки амфоры из Репяховатой Могилы хотелось бы повторить одно из принципиальных для меня положений: профильные части милетских амфор, аналогичные амфоре из погребения 2 Репяховатой могилы, известны на Ягорлыцком и Березанском поселениях, основание которых относится еще к VII в. до н. э., но при этом их нет на памятниках, основание которых относится уже к началу VI в. до н. э. (Дараган 2009). Подчеркну, что в исследованных комплексах Ольвийского полиса, время основания которого ныне относится к 620/610–590 гг. до н. э. (Буйских 2013а, 25) они тоже отсутствуют. Среди амфорной тары круга Клазомен, найденной в Ольвии, также отсутствуют образцы, подобные рассмотренным выше. Иными словами, ко времени основания Ольвии и синхронных ей полисов поставки таких амфор в Северное Причерноморье были прекращены. Этот вывод актуален и для группы расписной посуды[18].

[16] Высказывалось мнение, что такие знаки могут быть знаками собственности, метками владельца (Алексеев 2000, 300). В памятниках пазырыкской культуры прослежено, что наконечники стрел с разными знаками найдены в одном погребении, а стрелы с одинаковыми метками — в разных могилах на одном или нескольких могильниках, что послужило основанием для вывода о том, что «эти знаки можно считать символами родовой или этнической принадлежности» (Кочеев 1994; Худяков 2004).

[17] В это время пользуются и кинжалы с другим строением рукояти. Кинжал с двутавровым сечением рукояти найден в слое разрушения Трахтемировского городища (Фиалко, Болтрик 2000). Короткие акинаки с гладкой или фигурной рукоятью и перекрестьем фериджелевского типа известны в могильнике Меришелю (погребения 7, 6, 4) (Marinescu 1984, abb. 12, *2*; 11, *1*; 9, *6*) и Будешти-Финате (погребение 6) (Marinescu 1984, abb. 5, *6*). Интересен кинжал, найденный в кургане 1 у с. Ленковцы. У него гладкая рукоять, брусковидное навершие и перекрестье келермесского типа (Смирнова 1993, рис. 1, *12*). К сожалению, ни в одной из публикации метрические параметры этого кинжала не приведены, но его реконструируемая длина не превышает 30 см.

[18] Следует заметить, что А. В. Буйских, на основе всестороннего анализа архаической расписной керамики из Ольвии, сочла возможным поставку кувшина с волнистым орнаментом по горлу из погребения 2 Репяховатой могилы связать с Борисфеном, отметив, что такой прием декора на сосудах из Ольвии пока не найден. В качестве ближайших аналогий ему она приводит сосуды южномилетского происхождения из самосского Герайона (фазы II — ок. 610 г. до н. э. и III — ок. 590/80 гг. до н. э.) и некрополя на о. Родос (Буйских 2013б, 116)

Аналогичная ситуация наблюдается и с находками бронзовых наконечников стрел, происходящих из архаических комплексов Ягорлыка, Березани и Ольвии. Различные типы раннескифских наконечников стрел, а также их полуфабрикатов, найденные на Ягорлыке и Березани, несомненно, свидетельствуют об их местном изготовлении (Островерхов 1981, 26–28, рис. 1; 3; 4; Борисфен-Березань 2005, кат. 225–228; Доманский, Марченко 2006, рис. 6, *1*; Чистов 2006, илл. 32, *17–19*; Ильина, Чистов 2012, 40, табл. 54, *10–14*; 81, *18–23*). В то же время, в Ольвии за более чем 100-летнюю историю раскопок, количество найденных архаических наконечников стрел исчисляется единицами, тогда как в городских кварталах найдены многочисленные наконечники стрел и их полуфабрикаты, а также детали литейных форм для базисных наконечников второй половины VI — начала V вв. до н. э. (Ольговский 2014, 120; Буйских 2015, 109, 110, рис. 18, *13–17*)[19].

Временной разрыв между основанием Ольвии и более ранними апойкиями равен жизни одного поколения (Буйских 2013а, 25); именно эти первопоселенцы контактировали с аборигенным населением, носителем раннескифского археологического комплекса Северного Причерноморья. Датировка колчанного набора из Гладковщины еще VII в. до н. э. подтверждается и находками схожих типов наконечников на городище Смоленице-Мольпир, слой разрушения которого относят ко второй половине VII в. до н. э. (рубежу Ha C2/Ha D) (Hellmuth 2006, 157). На дату в пределах VII в. до н. э. указывает и «гальштатский импорт» из комплексов Украинской Лесостепи (Дараган 2011, 597–617). Определенную надежду внушает поиск аналогий для шампура из кургана 2 у с. Перебыковцы, безусловно, также относящегося к категории гальштатского импорта (Кашуба 2008, 58).

Заключение. Представленный анализ колчанных наборов раннескифского времени (Дараган 2015а) дает наглядное представление о многообразии используемых типов и вариантов наконечников стрел в раннескифскую эпоху. В ряде случаев можно говорить о типологических сериях, в других же только о единичных находках, эксклюзивных вариантах. Видимое многообразие вариантов стрел, кажется, вполне определенно указывает на отсутствие привязки в их производстве к одному или нескольким центрам, что например, наблюдается со второй половины VI — начала V вв. до н. э. Пока не удалось обнаружить даже двух совпадающих колчанных наборов, что было бы логично, если бы скажем речь шла о некой конкретной группировке скифов, например, возвратившейся из переднеазиатских походов, как и предполагается в отношении погребения 1 кургана 4 у с. Гладковщина (Григорьев, Скорый 2014, 458). Ведь в таком случае можно было бы предположить, что принцип снабжения у группировки был един. Однако обработанные материалы из памятников Днепровской Правобережной и Террасовой Лесостепи, таких как Гладковщина, Репяховатые Могилы и Малая Офирна свидетельствуют скорее о том, что изготавливались все они в различных литейных формах, видимо разными мастерами или в различных центрах. Существенные различия в колчанных наборах имеются как на уровне типов, так и вариантов. Кроме того, репрезентативные колчанные наборы, кажется, всегда имеют в своем составе наконечники, не имеющие прямых аналогий на уровне вариантов с другими колчанными наборами.

Разнообразие вариантов типов двухлопастных, трехгранных и трехлопастных наконечников заставляет задуматься над идеей первичной реализации каждого конкретного типа наконечника, как наконечника с определенными заложенными функциями. При наличии огромного количества модификаций типов, выраженных в различных вариантах, необходимо выяснить, что за этим стоит.

Рассматривая колчанный набор из Гладковщины, например, весьма важно установить, где впервые была реализована «идея» трехлопастных наконечников с овальной (лавролистной, остролистной) головкой — на Ближнем Востоке, где обнаружено уже 4 литейных формы с матрицами таких наконечников (Derin, Muskarella 2001, 195–196; Daragan 2015б, 102–103) или же в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе, где в огромных количествах найдены собственно такие наконечники разных вариаций? Имеет это отношение и к хронологии трехлопастных наконечников, поскольку находка литейной формы из дома Д в Каркемише, разрушение которого относят к 605 г. до н. э., вполне определенно свидетельствует о том, что к этому времени такие стрелы в Передней Азии еще использовались, а вот как дальше — мы просто не знаем. Данных нет.

Также это имеет отношение и к воплощению в бронзе «идеи» трехгранных наконечников, которые,

[19] На всех исследованных поселениях ольвийской периферии найдены наконечники стрел скифских типов, а в ряде случаев зафиксированы следы их производства. Поселения хоры, в силу относительной кратковременности их существования, фиксируют наборы наконечников стрел, приуроченные к небольшим последовательным, частично накладывающимся друг на друга, отрезкам времени, что позволяет проследить динамику смены наконечников. Наконечники стрел раннескифских типов, судя по материалам Ягорлыцкого поселения и поселений побережья Березанского лимана и Ольвии, возникших в начале VI в. до н. э., выходят из употребления в первой четверти VI в. до н. э. Вторая четверть VI — первая четверть V вв. являются временем господства наконечников стрел базисных типов (Полин 1985, 66–67; 1987, 28–29)

судя по доступным мне материалам, не выявлены на Ближнем Востоке[20], хотя повсеместно встречаются в комплексах второй половины VII в. до н. э. Северного Причерноморья и Кавказа[21]. Более того, именно с кругом памятников одного временного среза с Гладковщиной связано возрастание доли различных модификаций трехгранных наконечников, что может объясняться только их особой специализацией[22]. При этом этот процесс не был постепенным. Он был скорее взрывным по своему характеру, на что указывает массовое появление вариантов трехгранных наконечников со второй половины VII в. до н. э. Примечательно, что реализовалась «идея» трехгранных наконечников не в Передней Азии, где, киммерийцы/скифы столкнулись с войском, использующим защитный доспех пластинчатого или ламелярного типа, а уже в Северном Причерноморье, где широкое распространение получил чешуйчатый доспех (Рябкова 2010, 94–99).

[20] Наконечник с головкой трехлопастно-трехгранной формы и шипом найден в Чавуш-Тепе (Erzen 1988, fig. 39, *6*). Он весьма похож на образцы из погребения у с. Малая Офирна и Жаботинского поселения (Дараган 2015б, илл. 11, *9*; 12, *12*). Возможно, что стрелами с подобными наконечниками были вооружены и воины, штурмовавшие Ниневию в 612 г. до н. э. (Pickworth 2005, fig. 35), но качество опубликованной фотографии не позволяет утверждать это определенно.

[21] Весьма показательно, что трехгранных наконечников нет в коллекции стрел из раскопок Тейшебаини. Нет там и трехлопастных наконечников с массивной сводчатой головкой (Рябкова 2014, 328–333).

[22] Форма и размеры различных наконечников зависели от их боевой функции, предназначены ли они для стрельбы по бездоспешному противнику, в целях нанесения ему значительных ран, или для пробивания брони. В. П. Андриенко предполагал, что функция наконечников с трехгранно-трехлопастной головкой и с утяжеленной головкой — пробивать панцирь (Андриенко 2004, 127). Вполне вероятно, что этой же цели более эффективно служили и трехгранные наконечники.

Литература

Андриенко В. П. Об относительной хронологии наконечников стрел из Пожарной Балки (архаический период) // ДАС. 2004. Вып. 11.

Граков Б. Н. Бортничество у отдельных первобытных племён европейской части СССР // Древний Восток и античный мир. М., 1972.

Бандрівський М. Пам'ятки Середньодністровської (Західноподільської) групи ранньозалізного віку в центральноєвропейській хронологічній шкалі та проблеми періодизації // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Вип. 14. Львів, 2010.

Беспалый Е. И., Лукьяшко С. И. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино. Т. 1 (Материалы и исследования по археологи юга России. Вып.1). Ростов-на-Дону, 2008.

Бойко Ю. Н., Берестнев С. И. Погребения VII–IV вв. до н. э. курганного могильника у с. Купьеваха (Ворсклинский регион скифского времени). Харьков, 2001.

Борисфен-Березань. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. К 120-летию археологических раскопок на острове Березань. Каталог выставки. СПб., 2005.

Бочковой В. В., Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Протомеотские погребения из курганов могильника Железнодорожный-2 // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2013.

Буйских А. В. О греческой колонизации северо-западного Причерноморья (Новая модель?) // ВДИ. 2013а. № 1.

Буйских А. В. Архаическая расписная керамика из Ольвии (восточногреческая, лаконская, коринфская, имитации). Киев, 2013б.

Буйских А. В. О датировке бронзолитейной мастерской в южной части Ольвии // Археологія і давня історія України. 2015. Вип. 1(14).

Галанина Л. К. Раннескифские стрелковые наборы из Келермесских курганов // АСГЭ. 1995. № 32.

Галанина Л. К., Алексеев А. Ю. Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время // АСГЭ. 1990. № 30.

Григор'єв В. П. Про етнічну приналежність похованих в курганах рубежу VII–VI ст. до н. е. біля сіл Гладківщина і Придніпровське // Археологічні дослідження на Черкащині. Черкаси, 1995.

Григорьев В. П. Отчёт о раскопках курганов у с. Песчаное и Гладковщина Золотоношского района Черкасской области в 1983 году // НА ИА НАНУ. 174. Ф. 25. № 22275.

Григорьев В. П., Скорый С. А. Курганы у села Гладковщина — памятники эпохи скифской архаики в Левобережной Приднепровской террасовой Лесостепи // Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae, Krakow, 2012.

Гуцал А. Ф., Гуцал В. А., Могилов А. Д. Новые исследования курганов скифского времени на западе Восточноевропейской Лесостепи // Материалы III международной научной конференции «Кадырбаевские чтения — 2012». Актобе, 2012.

Гуцал А. Ф., Гуцал В. А., Могилов О. Д. Теклівські кургани на Західному Поділлі // Древности Восточной Европы. Сборник научных трудов к 90-летию Б. А. Шрамко. Харьков, 2011.

Дараган М. Н. О датировке амфоры из погребения № 2 Репяховатой Могилы // АМА. № 14. Саратов, 2010.

Дараган М.М., Пефтиць Д.М., Підобід В.А., Разумов С.М. Дослідження на Жаботинському поселенні в 2010 р. // Археологічні дослідження в Україні 2011. Київ, 2012.

Дараган М.Н. Наконечники стрел предскифского и раннескифского времени: технология изготовления, метрология и маркировка // Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. ТГЭ. Т. 77. 2015а.

Дараган М.Н. Бронзовые литейные формы для наконечников стрел 8–4 в. до н.э. с территории Евразии // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии. Сборник, посвященный памяти К.А. Акишева / А.З. Бейсенов (ред.). Караганды, 2015б.

Дараган М.Н., Подобед В.А. Хронология горизонта Жаботин III // Дараган М.Н. Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи. Киев, 2011.

Доманский Я.В., Марченко К.К. Отчет о работе Березанской (Нижнебугской) античной экспедиции Государственного Эрмитажа в 2003 г. // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. Т. 1. СПб., 2006.

Иванчик А.И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М., Берлин, 2005.

Ильина Ю.И., Чистов Д.Е. Античный город на Березани. Находки // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. Т. 2. СПб., 2012.

Ильюков Л.С. Каратаевский могильник // Археологические записки. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 2002.

Ильюков Л.С. Костяные палочки-застежки скифского времени с территории Нижнего Дона // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. пам. А. И. Мелюковой (с. Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.). Ростов-на-Дону, 2014.

Ильюков Л., Пашиньян К. На краю Меотиды. Ростов-на-Дону, 1999.

Кашуба М.Т. «Скифы и Гальштат А.А. Спицына в современных исследованиях по Северному Причерноморью // История и практика археологических исследований / Е.Н. Носов, И.Л. Тихонов (ред.). СПб., 2008.

Клочко В.И. Новые данные о типах скифских горитов и колчанных наборах в VI в. до н.э. // Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев, 1977.

Копылов В.П., Русаков М.Ю. О верхней хронологической границе колчанных наборов в погребальных комплексах раннескифского времени // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. пам. А. И. Мелюковой (с. Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.). Ростов-на-Дону, 2014.

Кореняко В.А., Лукьяшко С.И. Новые материалы раннескифского времени на Левобережье Нижнего Дона // СА. 1982. № 3.

Кочеев В.А. Знаки на стрелах (к вопросу о назначении тамгообразных знаков на костяных наконечниках стрел из курганов Горного Алтая скифского времени) // Проблемы изучения культурно-исторического населения Алтая. Горно-Алтайск, 1994.

Кулатова И.Н., Луговая Л.Н., Супруненко А.Б. Курганы скифского времени междуречья Ворсклы и Псла. Москва-Полтава, 1993.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Меотские древности VI–V вв. до н.э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). Краснодар, 2012.

Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов 1983.

Махортых С.В. Об актуальных вопросах раннескифской археологии // Скифы и Сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология / И.В. Гуляев, В.С. Ольховский (ред.). М., 2000.

Махортых С.В., Ролле-Герц Р.А., Скорый С.А., Герц В.Ю., Белозор В.П. Исследования совместной украинско-немецкой археологической экспедиции 2005 г. Киев, 2006.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М. — Саратов 2003.

Моруженко А.А. Скифские погребения в бассейне Ворсклы // Проблемы археологии Поднепровья / И.Ф. Ковалева (ред.). Днепропетровск, 1986.

Никитин А.Ю. О типологической трансформации бронзовых наконечников стрел в ходе многократной заточки: на основе экспериментальной работы // Материалы международной научной конференции «Кадырбаевские чтения — 2007». Актобе, 2007.

Ольговский С.Я. Цветная металлообработка Северного Причерноморья VII–V вв. до н.э. По материалам Нижнего Побужья и Среднего Поднепровья. Москва, 2014.

Ольговський С.Я. Литі монети та ливарництво в Нижньому Побужжі // Археологія. 1999. № 1.

Островерхов А.С. Обробка кольорових металів на античних поселеннях // Археологія. 1981. № 36.

Петренко В.Г. К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья // Проблемы скифо-сарматской археологии / А.И. Мелюкова (ред.). Москва, 1990.

Петренко В.Г. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. М., Берлин, Бордо, 2006.

Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Погребения подростков в могильнике Новозаведенное-II // Древности скифской эпохи / Л.Т. Яблонский, В.Г. Петренко (ред.). М., 2006.

Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное-II // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология / И.В. Гуляев, В.С. Ольховский (ред.). М., 2000.

Полин С.В. Наконечники стрел поселений Ольвийской периферии в связи с вопросами хронологии скифских наконечников стрел VII–V вв. до н.э. // Проблемы исследования Ольвии. Тезисы докладов и сообщений семинара. Парутино, 1985.

Полін С.В. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. 1987. № 59.

Прокофьев Р.В. Раскопки у хутора Дугино в дельте Дона в 2009 году. Ростов-на-Дону, 2014.

Ромашко В.А., Скорый С.А., Филимонов Д.Г. Раннескифское погребение в кургане у села Китайгородка в Приорелье // РА. 2014. № 4.

Рябкова Т.В. К вопросу о хронологии архаических скифских комплексов Нижнего Подонья и Прикубанья // Античная цивилизация и варварский мир (Материалы 7-го археологического семинара. Краснодар, 8–11 июня 1999 г.). Краснодар 2000.

Рябкова Т.В. Наконечники стрел скифского типа из Тейшебаини // Пятая Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 2009.

Рябкова Т.В. Чешуйчатые панцири раннескифского времени // АСГЭ. 2010. № 38.

Рябкова Т.В. Курган 524 у с. Жаботин в системе памятников периода скифской архаики // РАЕ. 2014. № 4.

Смирнова Г.И. Курганный могильник раннескифского времени у села Долиняны // АСГЭ. 1977. № 18.

Смирнова Г.И. Курганы у села Перебыковцы — новый могильник скифской архаики на среднем Днестре // ТГЭ. 1979. Т. XX.

Смирнова Г.И. Памятники Среднего Поднепровья в хронологической схеме раннескифской культуры // РА. 1993. № 2.

Смирнова Г.И. Раскопки курганов у сел Круглык и Долиняны на Буковине // АСГЭ. 1968. № 10.

Тереножкин А.И. Погребения раннего скифского времени у села Рыжановки // Новое в советской археологии. Москва, 1965.

Фиалко Е.Е., Болтрик Ю.В. Напад скіфів на Трахтемирівське городище. Київ, 2000.

Хазанов А.М. Социальная история скифов. Москва, 1975.

Худяков Ю.С. О символике стрел древних и средневековых кочевников Центральной Азии // Этнографическое обозрение. 2004. № 1.

Черненко Е.В. Скифские лучники. Киев, 1981.

Чистов Д.Е. Работы на острове Березань археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2004 г. // Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. Т. 1. СПб., 2006.

Шишлов А.В., Федоренко Н.В. Погребальный обряд племен Северо-западного побережья Кавказа в конце VII–V вв. до н.э. (по материалам Владимирского могильника) // Аргонавт. Черноморский исторический журнал. № 2 (3). Май — август 2007 г.

Шрамко И.Б. Исследование зольника 10 на Западном Укреплении Бельского городища в 2008 г. // Археологічні дослідження в Україні 2008 / П.П. Толочко (ред.). Київ, 2009.

Borzescu I. Histria. Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen herausgegeben im Auftrag des Instituts. XV, Die archaischen und frühklassischen Transportamphoren. Bukarest, 2012.

Derin Z., Muscarella O.W. Iron and bronze arrows // Ayanis I. Ten Years' Excavations at Rusahinili Eiduru-kai 1989–1998 / A. Cilingiroglu, M. Salvini (eds.). Roma, 2001.

Erzen A. Cavustepe 1: Urartian Architectural Monuments of the 7th and 6th centuries B.C. and a Necropolis of the Middle Age. Ankara, 1988.

Hellmuth A. Untersuchungen zu den sogenannten skythischen Pfeilspitzen aus der befestigten Höhensiedlung von Smolenice-Molpir. (Universitätsforschungen zur prähistorischen Archälogie; 128). Bonn, 2006.

Hellmuth A. The Chronological Setting of the so called Cimmerian and Early Scythian Material from Anatolia // ANES. 2008. Vol. 45.

Hellmuth A. Bogenschützen des Pontischen Raumes in der Älteren Eisenzeit: Typologische Gliederung, Verbreitung und Chronologie der skythischen Pfeilspitzen. Bonn, 2010.

Marinescu G. Die jüngere Hallstattzeit in Nordostsiebenbürgen // Dacia. 1984. XXVIII.

Maslov V. The Finds of the North Ionian Pottery from a Scythian Barrow at the Northern Caucasus // Griechische Keramik im kulturellen Kontext. Akten des Internationalen Vasen-Symposions in Kiel vom 24–28.9.2001. Munster, 2003.

Pickworth D. Excavations at Nineveh: the Halzi Gate // Iraq. 2005. № 67.

Sezgin Y. Arkaik Dönem İonia Üretimi Ticari Amphoralar. İstanbul, 2012.

А.И. Джопуа, В.А. Нюшков

СКИФЫ И ДРЕВНЯЯ АБХАЗИЯ. К ПРОБЛЕМЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Данная работа представляет собой исследование, призванное максимально рассмотреть в совокупности весь спектр имеющихся источников, в первую очередь, археологических и этнографических по проблеме этнокультурных связей между скифами и древнеабхазским населением (гениохами). Особо делается акцент на материалах скифской культуры, фиксируемых в древних памятниках Абхазии: Куланурхуа, Гуадиху, Красный маяк, Сухумская гора, Мерхеул, Гагра, Акармара и других. Важно отметить, что все элементы скифской культуры (бронзовые наконечники стрел, конский набор, памятники искусства) встречаются в погребениях Абхазии, датируемых VII–IV вв. до н. э. Интересны находки акинаков – коротких скифских мечей, найденных на Сухумской горе, Гуадиху, Мерхеуле, Акармаре. Так, присутствие скифских вещей из бронзы, железа и кости, выявленных на известных памятниках скифской культуры на территории Абхазии, объясняется временным нахождением скифов на данной территории во время знаменитых скифских походов, меновой торговлей или захватом трофеев в результате дальних походов местных воинов.

This paper summarizes the extant sources, primarily archaeological and ethnographic, pertaining to ethnocultural links between the Scyths and the Proto-Abkhaz population, i.e. the Heniochoi. Scythian materials recovered from such sites as Kulanurkhva, Guadikhu, Krasnyi Maiak, Sukhumskaia Gora, Merkheul, Gagra, Akarmara et al. dating to the $7^{th} – 4^{th}$ centuries BC were emphasized. Those include bronze arrowheads, horse harness, pieces of art, etc. Finds of Scythian short swords, the *acinaces*, at Sukhumskaia Gora, Guadikhu, Merkheul and Akarmara are of particular interest. Scythian bronze, iron and bone articles were either the remnants of a temporary stay of the Scyths in this territory in the time of their Near Eastern campaigns or imports or else the war booty.

Скифы не были единым народом. Вся Скифия представляла из себя несколько больших племен, которые вместе составляли союз. Несмотря на то что скифы говорили на одном языке, имели одинаковые обычаи и вели сходный образ жизни, племена все же значительно отличались друг от друга. Каждое отдельное племя жило относительно самостоятельно. Скифы появились на исторической арене тогда, когда произошли два важнейших события в жизни общества: начало «железного века» и возникновение кочевого скотоводства.

Скифов традиционно локализуют по нижнему течению Дуная и к северу от Чёрного и Каспийского морей. В тоже время, факт их нахождения документируется и в Закавказье, причём не в одном ограниченном районе, а на всём пространстве данного региона между двух означенных морей. Здесь археологами Закавказья было обнаружено довольно много скифских памятников VII–VI вв. до н. э. Не стала исключением и Абхазия. Наиболее ранние материалы скифского облика в Колхиде датируются в рамках конца VII — первой половины VI вв. до н. э. (Воронов 2006, 78). В Абхазии скифские памятники стали известны благодаря находкам М. М. Трапша в с. Куланурхуа Гудаутского района и по раскопкам А. Н. Каландадзе в Сухуми (Пиотровский 1954, 141). В его окрестностях М. М. Трапш исследовал богатое, ахеменидское по времени, погребение, в котором оказалось бронзовое украшение щита в виде стилизованной фигуры орла, удила древневосточного типа и бронзовый браслет.

Как известно, скифская материальная культура, по сравнению с культурами других народов, характеризуется тремя главными элементами (т. н. скифская триада): 1) предметы вооружения; 2) конский убор; 3) памятники искусства («скифский звериный стиль»). Все они, элементы скифской культуры, встречаются в Абхазии, особенно в погребальных комплексах VII–IV вв. Это, прежде всего, двух- и трехлопастные (перые) бронзовые и железные наконечники стрел. Особенно опасным был шипастый наконечник (рис. 1). Он являлся своеобразным предшественником разрывной пули и был рассчитан на тяжелое

ранение. Эти стрелы невозможно вынуть из раны, а медная окись рано или поздно приводила к смерти даже при лёгком ранении (Бгажба, Лакоба 2007, 51). Такие наконечники скифского типа были найдены на могильнике с. Куланурхуа. Это были бронзовые втульчатые наконечники стрел овальной формы с шипом на втулке. Всего на этом могильнике было выявлено до девятнадцати наконечников стрел данного типа раннескифского времени (Трапш 1970, 132). Такие же бронзовые двухлопастные втульчатые с овальной ромбической головкой и шипом на втулке наконечники встречаются в курганах Восточного Приазовья (Шевченко 2014, 265). Аналогично на Красномаяцком могильнике (Сухум) также был обнаружен бронзовый втульчатый наконечник стрелы скифского типа в погребении № 82. Он трёхпёрый, овальной формы (Трапш 1969, 181). Наконечники стрел, сходные с красномаяцким, происходят из грунтовых погребений Самтаврского могильника (Мцхета) (Абрамишвили 1957, 140). Несомненно, наконечники стрел отмеченного типа, встречаемые в комплексах VII–VI вв. до н. э. имели широкое распространение на территории Кавказа и Переднего Востока.

Рис. 1. Основные типы бронзовых втульчатых двупёрых наконечников стрел (Куланурхуа)

Следует отметить, что материалы скифской культуры были обнаружены на всей современной территории Абхазии: в Сухуме (Гуадиху, Красный Маяк), в Гагре, Гудауте, Эшере, Гульрипше, Мерхеуле, Гале (Есаян, Погребова 1985, 35–37), Акармаре (Джантух) (Скаков, Джопуа 2012). Здесь серия предметов свидетельствует о связях древнего населения ущелья реки Галидзги со скифским миром. Серьга или височная подвеска с округлым щитком, имеющим грибовидную форму, находит аналогию в скифских памятниках. Близкими аналогами являются также датируемые концом VI–V вв. до н. э. серьги из таврских памятников Крыма, имеющие грибовидную шляпку, сомкнутые концы и частично утопленную в ней дужку. Также были найдены черешковый трёхгранный наконечник стрелы, фрагмент рукояти акинака (Скаков, Джопуа 2012, 232) (рис 2).

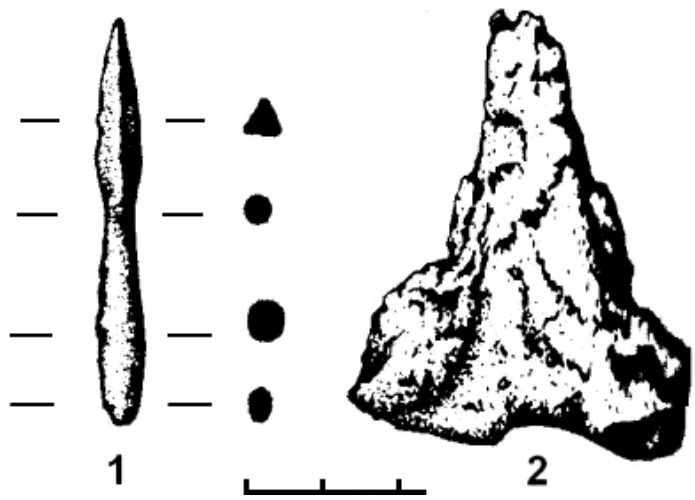

Рис. 2. Черешковый трёхгранный наконечник стрелы (1), фрагмент рукояти акинака (2) (Джантух)

Эти короткие скифские мечи были найдены и в других местах Абхазии, на Сухумской горе, Гуадиху, в Мархяуле. Поскольку у скифов акинак являлся символом бога войны Ареса, в святилищах ему ежегодно приносили в жертву мелкий рогатый скот, лошадей и пленных врагов. Их кровью окроплялось лезвие акинака. Переняв технологию изготовления скифских коротких мечей, древнеабхазские мастера-оружейники отковывали такие же по форме мечи, но затем — в отличие от скифских кузнецов — их подвергали закалке. Подобное различие удалось определить только с помощью металлографического анализа (Бгажба, Лакоба 2007, 51).

В то же время скифы хорошо освоили оружейное дело и даже диктовали моду в нем, а в искусстве оставили свой неповторимый «звериный стиль» (большое внимание при этом уделялось глазам, лапам, когтям, ногам, ушам). В связи с этим вызывает интерес раннеантичное поселение Гюэнос, так как там были обнаружены предметы конской узды, оформленные в прикубанском скифском зверином стиле.

Есть мнение, что благодаря «скифскому культурному элементу», получившему своё распространение, в том числе, к югу от Главного хребта во время скифских походов, повсеместно появляются железные изделия скифского облика. Это влияние проявилось, прежде всего в том, что когда аборигенное население южных склонов Кавказа приступило к массовому изготовлению на собственной базе железных изделий, в облике последних ясно выразилось скифское начало, вытеснившее основные формы скудных железных изделий

местного производства, внедрившихся в кавказскую культуру под влиянием Урарту (Воронов 1980, 217). Мы находим частичное подтверждение этому, в частности, в находках железных кинжалов скифского типа, имевших широкое распространение в Абхазии. Один с деформированным навершием был найден М. М. Трапшем в погребении 8 могильника Гуадиху. Подобный железный кинжал был встречен в 1951 г. в с. Колхида (Псахара) вместе с фрагментированными железными наконечниками копий и посудой. Кинжал находился в уникальных, богато орнаментированных колхидских бронзовых ножнах (Трапш 1969, 61). «Нередкое нахождение в Закавказье железных кинжалов скифского типа даёт основание ставить вопрос о местном производстве таких кинжалов» (Трапш 1969, 62).

Между тем, учитывая то, что преемственность от бронзы к железу, бесспорно, наблюдается в Колхиде, то, со своей стороны мы должны заметить, что и железо в Абхазии появилось раньше, чем на Северном Кавказе. Проникновение под влиянием Урарту первых железных изделий указывает, что распространение железа изначально шло с юга, но массовое появление железных скифских материалов на Кавказе связано, конечно, с появлением скифов. Между тем, самих скифских предметов по всей Абхазии встречается в процентном отношении немного и то как хороший импорт, приобретенный на обмен.

Появление скифов в Закавказье, как справедливо отмечал Б. Б. Пиотровский, связывается с существовавшими многочисленными перевалами, сближавшими Северный и Южный Кавказ (Пиотровский 1959, 245). В этом плане через Абхазию проходят такие жизненно важные перевальные пути как Клухорский, Марухский, Нахарский и др., соединявшие испокон веков народы Северного Кавказа и южных степей России с Закавказьем. Кавказ в итоге стал форпостом и тылом в переднеазиатских походах скифов и был образно назван «скифской дорогой».

Так, один из кавказских путей проходил не только по Дербентскому проходу, но также по «Меото-Колхидской дороге», включая Черноморское побережье Абхазии (Бгажба, Лакоба 2007, 51). Полагают, что по этой дороге шли киммерийцы в Азию, изгнанные из своих обычных мест обитания скифами-кочевниками (*Hdt.* IV. 12. 2–3). Но, в отличие от первых, скифы двигались значительно медленнее и пользовались различными ответвлениями дорог и перевальных троп. Закавказский регион для скифских племён являлся, прежде всего, транзитным коридором. Доказательством проникновения скифов и их культуры на территорию Абхазии и в Колхиду через Прикубанье, по мнению Е. И. Крупнова, представляются погребения VII–VI вв. до н. э. (с типичным скифским инвентарем и с чертами скифского погребального обряда) близ г. Гудаута и т. д. Исследователь, в частности, отмечал, что данные аргументы говорят «в пользу признания и восточно-черноморского пути как одной из возможных дорог, пройденных скифами при их продвижении в Западное Закавказье и в Малую Азию» (Крупнов 1960, 63). Согласно Ю. Н. Воронову, скифы в своих походах на юг до начала VI в. до н. э. Меото-Колхидским путём не пользовались (Воронов 2006, 79). В тоже время наличие самого этого пути А. Ю. Скаков поставил под сомнение, так как, на его взгляд, утверждение о существовании в древности так называемой «Меото-Колхидской дороги» ничем не обосновано (Скаков 2009, 162). Вместе с тем зримым свидетельством киммерийских походов на территорию Абхазии предскифского времени является бляха, некогда являвшаяся частью упряжки колесницы — фрагментом подвижной привески в виде стержня с ушком конца VIII — начала VII вв. до н. э. (Скаков, Джопуа 2012, 223).

Тем не менее, скифы на своём пути в Закавказье, когда они двинулись в поход вслед за киммерийцами, остановились в Прикубанье и в Центральном Предкавказье, частично смешавшись с местными племенами меотов (Смирнов 2012, 70). Соответственно, походы в Закавказье и в Переднюю Азию скифы совершали из предкавказских степей, служивших как и само Закубанье с его прекрасными предгорными пастбищами плацдармом для набегов. Возможно, что именно поэтому на современной территории Абхазии, за исключением отдельных признаков наличия материальной скифской культуры, отсутствуют устойчивые черты их долгого пребывания в виде характерных для них погребальных памятников. Но, опираясь на факты, полностью отрицать нахождение скифского этнического элемента в Абхазии мы тоже не можем.

Ещё в своё время М. М. Иващенко отмечал присутствие в Абхазии собственного скифского элемента (Иващенко 1926, 93). В этой связи следует более подробно остановиться на могильнике в с. Куланурхуа. Могильник расположен на окраине села. Из 12 исследованных грунтовых погребений три содержали скифского типа стрелы (упомянутые выше), топоры, акинаки (погребения № 4, 5, 10). Могила № 4 содержала конское погребение. Лошадь была взнуздана, во рту её помещались бронзовые удила со стремяновидными ушками и железные трёхдырчатые псалии (Трапш 1962; Есаян, Погребова 1985, 36) (рис. 3).

Таким образом, представленный инвентарь скифского типа в некоторых погребениях Куланурхуаского могильника конца VII — первой половине VI в. до н. э. (Трапш 1962, 80) явственно свидетельствует, что древнее население, обитавшее на территории современной Абхазии в это время имело реальную связь со скифами Кубани и Приднепровья, а также

то, что «скифы в этот период могли временно обосноваться в Абхазии и даже частично осесть в отдельных её пунктах, как например, в селе Куланурхуа» (Трапш 1962, 80–81). В частности, в пользу данного мнения может говорить конское захоронение с типично скифским инвентарём. Набор вещей скифского типа и характер погребений на территории Абхазии, с учётом их определенного числа, свидетельствует о том, что этот компонент составляли преимущественно воины, пришедшие без семей и усвоившие местную культуру, но и сохранившие погребальный обряд, связанный с воинским (всадническим) снаряжением (Есаян, Погребова 1985, 134).

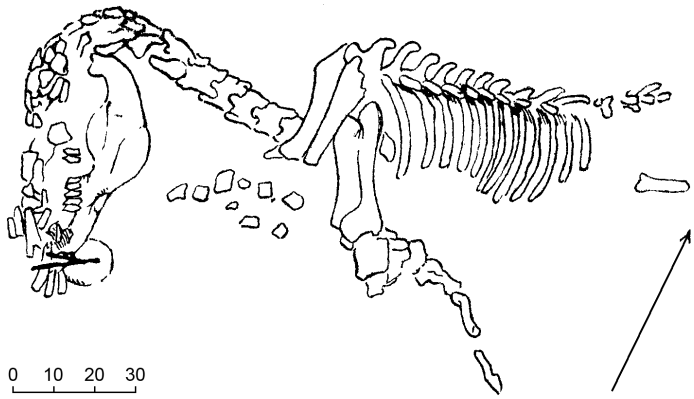

Рис. 3. Конское погребение из погребения № 4 (Куланурхуа)

В то же время мы и не отрицаем того, что скифы имели, возможно, даже тесные двусторонние контакты с древнеабхазскими племенами гениохов, кораксов и т. д., связанные с торговой деятельностью. Также эти связи в материальной и духовной культуре довольно чётко документируется не только археологическим, но и этнографическим материалом. Так, эти связи обнаруживаются в особом отношении к котлу, бычьей шкуре, ивовым и ореховым палочкам для гадания и т. д. В свою очередь, это может указывать на взаимодействие местной и скифской культур (в зоне распространения архаических древностей. Данный факт, на наш взгляд, свидетельствует о вполне мирном сосуществовании скифов и местного населения.

Итак, как заметным было влияние скифов на общий процесс культурно-исторического развития Северного Кавказа, так оно было заметно и на современной территории Абхазии. Присутствие скифских вещей из бронзы, железа и кости, выявленных на известных древних памятниках на территории Абхазии (на могильниках Гуадиху, Красный маяк, Куланурхуа, Колхида, Гудаута, Сухумская гора, Мерхеул, Эшера, Акармара и др), следует объяснить тремя причинами: 1) временным нахождением здесь самих скифов; 2) меновой торговлей; 3) захватом трофеев в результате дальних походов местных воинов. Очевидно, скифская проблема есть проблема всего кавказского региона, и её можно решить лишь путём анализа всех имеющихся скифских материалов на этой территории.

Литература

Абрамишвили Р. М. К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженным в Самтаврском могильнике // ВГМГ. XIX-A и XXI-B. Тбилиси, 1957.

Воронов Ю. Н. О хронологических связях киммерийско-скифской и колхидской культур // Скифия и Кавказ / А. Н. Тереножкин (ред.). Киев, 1980.

Воронов Ю. Н. Колхида в железном веке. Вопросы хронологии и интерпретации памятников VIII в. до н. э. — VIII в. н. э. // Ю. Н. Воронов. Научные труды. Т. 1. Сухум, 2006.

Бгажба С. З., Лакоба С. З. История Абхазии. С древнейших времён до наших дней. Сухум, 2007.

Есаян С. А., Погребова М. Н. Скифские памятники Закавказья. М., 1985.

Иващенко М. М. О местонахождении Диоскурии древних // ИАБНО. IV. 1926.

Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

Пиотровский Б. Б. Скифы и древний Восток // СА. 1954. № XIX.

Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959.

Скаков А. Ю. Некоторые проблемы истории Северо-западного Закавказья в эпоху поздней бронзы — раннего железа // КСИА. 2009. Вып. 223.

Скаков А. Ю., Джопуа А. И. Джантухский могильник эпохи раннего железа в Абхазии (предварительная публикация) // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановной Гущиной. Труды ГИМ. Вып. 191 / Д. В. Журавлёв, К. Б. Фирсов (ред.). М., 2012.

Смирнов А. Скифы. М., 2012.

Трапш М. М. Памятники колхидской и скифской культур в селе Куланурхва Абхазской АССР. Сухуми, 1962.

Трапш М. М. Древний Сухуми // М. М. Трапш. Труды. Т. II. Сухуми, 1969.

Трапш М. М. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии // М. М. Трапш. Труды. Т. I. Сухуми, 1970.

Шевченко Н. Ф. Погребения раннескифского времени в курганах степного Прикубанья // IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Краснодар, 2014.

Л. С. Ильюков

КРЕСТОВИДНЫЕ БЛЯХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ СТЕПЕЙ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Одна из ярких категорий инвентаря в раннескифских погребениях – бронзовые крестовидные бляхи. Они выпускались сериями. Одна из них имеет орлиноголовые окончания (Ольвия, Дугино, Пустошкин, Аксай, Бирсешти, Хотин, Армешоая, Комарно). Они не только украшали колчан, но и являлись застежками его крышки. В восточноевропейских степях крестовидные бляхи датируются VI в. до н. э.

One of the prominent categories of Early Scythian grave goods are bronze cross plaques. They were produced serially. One of them has edges shaped into eagle's head (Olbia, Dugino, Pustoshkin, Aksai, Birzesti, Chotin, Armeşoaja, Komarno). They did not only decorate the quiver, but were also clasps of its cover. Cross plaques from the East European steppes are dated to the 6th century BC.

Среди многочисленных зооморфных изображений скифского времени неоднократно в поле зрения попадают крестовидные бляхи. Они имеют прямую планку, на конце которой с трех сторон (крестовидно) расположены фигурные окончания, а в центре их пересечения помещено еще одно изображение. На тыльной стороне предмета находятся две параллельные скобы для крепления. По мере увеличения количества находок открываются новые аспекты в их изучении.

С их появлением сразу же было высказано предположение, что они являются украшения ремня колчана или пояса (Граков 1947, 32). По мнению Б. Н.Гракова, крестовидная бляха из Ольвии, украшенная бараньими и орлиными головами, была выполнена в греческом архаическом стиле. Судя по трактовке бараньих голов на планке ольвийской находки, вероятно, она была сделана в Ольвии (Граков 1947, 32). В его расположении были три бронзовые находки (Ольвия, Опишлянка, Волковци). Бляха из Опишлянки оказалась обтянута золотым листом (Фармаковский 1913, табл.XII, *2*).

Ольвийская находка 1910 г. (рис.2, *1*)[1] была всесторонне проанализирована С. И. Капошиной (Капошина 1956, 173–189). Кроме ольвийской, автор упоминает крестовидную бляху, найденную у Опишлянки и из коллекции Боткина (Капошина 1956, 188, рис. 26). Версия о том, что она была сделана в ольвийский мастерской греками, вызвал сомнения у ряда исследователей (Скуднова 1988, 27). Стиль изображений на ней совсем иной, нежели у греков, — к такому заключению пришел Ю. Б. Полидович (Полидович 2009, 481). Он признал, что изображения головы барана на ольвийской бляхе характерно для античной изобразительной традиции. Образ хищной птицы с большим круглым глазом, массивным клювом, конец которого загнут в кольцо, желобчатым подклювьем и массивной рубчатой восковицей имеет скифские корни. Стилистический анализ таких блях, свидетельствует об их скифском происхождении. Их истоки связаны с архаичной изобразительной традицией. Крестовидные бляхи, вероятно, олицетворяли идею жертвоприношения (Полидович 2009, 483). Своим происхождением они, возможно, были связаны с левобережной днепровской лесостепью (Ольговський 1995; Полидович 2009, 483). Появление их в карпато-дунайском регионе многие связывают с миграцией скифских племен на запад, где они являлись подражаниями изделий из Причерноморья (Граков 1947). О близости изображений на крестовидных бляхах с келермесскими находками отмечала еще С. И. Капошина (Капошина 1956, 179). В настоящее время типология крестовидных блях успешно разрабатывается Ю. Б. Полидовичем (Полидович 2000; Полидович 2009).

В. Ю. Мурзин, отметив тождественность опишлянской и гусарской (рис. 2, *4*) бронзовых блях, покрытых золотой фольгой, высказал интересное предположение о том, что они «выпускались целыми сериями и, по-видимому, в одних и тех же мастерских» (Мурзин 1977, 59). К ним близки находки из Волковцев и из коллекции Боткина, которые не имели золотого покрытия (Полидович 2000, рис. 1, *4–8*).

[1] Рис. 2 размещён на цветной вклейке.

1 — Ольвия, некрополь, погр.;
2 — могильник Аксай I, курган 3 погр. 3;
3 — х. Дугино;
4 — Бирсешти (Румыния);
5 — Хотин (Словакия);
6 — Армешоая (Румыния);
7 — Комарно (Венгрия).

Рис. 1. Крестовидные бляхи *(по: Ю.Б. Полидович)*

В настоящее время известна серия из крестовидных блях с зооморфными изображениями, окончания которых украшены изображением головы хищной птицы. На тыльной стороне параллельно расположены две прямоугольные петли. Находки происходят из степей Восточной Европы (Ольвия, Дугино, Полушкин, Аксай) и Румынии (Бырсешти). Такие же бляхи есть и к западу от Ольвии (Бирсешти, Хотин, Армешоая, Комарно) (рис. 1) (Полидович 2000, рис. 2, *1–6*).

Одна из крестовидных блях была найденная в 2005 г. в дельте Дона, к югу от хут. Полушкина в Азовском районе[2]. Она обнаружена во время строительных работ на возвышенном песчаном участке в окрестностях указанного хутора, в 5 км к югу от хут. Дугино.

На лицевой поверхности бляхи в центре расположен медальон, который оконтурен валиком. В нем находится изображение свернувшегося кошачьего хищника с вытянутой трехпалой ногой — «пантера». С трех сторон медальон окружают три одинаковых профили хищной птицы с круглым глазом, массивной накосницей и большим загнутым клювом. А с четвертой расположена прямоугольная боковая планка, которая украшена тремя или четырьмя рядами стилизованных изображений животных, а по краю — рубчиком. Конец планки фрагментирован. На тыльной стороне бляхи имеется пара прямоугольных скоб, расположенных по оси. Одна скоба в центре, другая на краю планки. В окислах бронзы в районе скоб отпечатался узкий ремешок шириной 1 см, который был продет через эти петли, а его скругленный конец слегка выступал из них. Он был вставлен в петли со стороны торца этой планки. Сами петли пришивались к поверхности колчанного футляра. Размеры бляхи 8,6 х 8,3 см, ширина пластины 2,2 см (рис.2, *1*). Вероятно, она являлась не только украшением колчанного футляра, но и имела функциональное назначение. При помощи тонкого ремешка, пришитого к краю клапана, застегивалась крышка самого колчанного футляра. Конец этого ремешка вставлялся сверху в паз, образованный двумя скобами бляхи. Небольшой клапан имелся на колчанах персидских воинов на персепольском рельефе. На этих изображениях от крышки колчана вниз опущены два ремешка. Из них короткий ремешок, застегивался колчанной палочкой-застежкой, а длинный — булавкой (?) (Ильюков 2014, цветная вкладка, рис.12, *1–3*).

Крестовидная бляха на поверхности колчана крепилась в вертикальном положении, прямоугольной планкой вверх. Прямая перекладина крестовидной бляхи, по-видимому, была обусловлена принципом застегивания при помощи простой деревянной или костяной палочки с желобком по центру. Реже этот предмет был выполнен из бронзы. Окончания палочек-застежек обычно были скругленными, но нередко они имели коническую форму. В престижных погребениях такие застежки имели зооморфные окончания. Их покрывали золотым или бронзовым листом с оттиснутым изображением головы животного (льва, барана), однако среди них нет птичьих изображений (Ильюков 2014, 64).

В 1984 г. В.В. Чалым была поднята крестовидная бляха в районе хут. Дугино (Дедюлькин 2014, 353, рис.136, *1*; Копылов 1992, 84, рис.1, *5*). В научном отчете по итогам исследований в дельте в 1984 г., который после смерти В.В.Чалого был написан И.В. Гудименко, эта бляха отнесена к «случайным находкам» с территории могильника Дугино (рис.2, *2*) (Чалый 1984).

Бляха, найденная в окрестностях хут. Полушкин, полностью аналогична дугинской находке. Но она худшего качества, у нее имеются литейные дефекты. Часть клюва и конец прямоугольной планки не получились во время отливки. Поскольку, рисунок на дугинской планке сохранился полностью, можно судить о количестве рядов символических изображений животных. Их было четыре. Вероятно, обе пластинки были выполнены по одному заказу.

Заслуживает внимания крестовидная бляха, найденная в могильнике Аксай-I (курган 3, погр. 3). Во впускном погребении при вытянутом скелете, ориентированном черепом на З, находился инвентарь. В этом погребении на запястье левой руки лежала крестовидная бляха. Рядом с ней обнаружена бронзовая втулка длиной 1,2 см, вероятно, ворворка (Дьяченко, Мэйбл, Скрипкин, Клепиков 1999, 96). А.В. Дедюлькин сравнил чертеж этого погребения с полевой фотографией и отметил, что на чертеже расстояние между бляхой и наконечниками стрел оказалось больше, чем на самом деле. По крайней мере, расстояние между наконечниками стрел и бляхой не превышало 40 см. Такое размещение находок позволяет сделать предположение, что бляха находилась в верхней часть колчана и являлась не только его украшением, но и была застежкой клапана колчана. Боковая прямоугольная планка аксайской бляхи не сохранилась. Вероятно, аксайская бляха относится к той же серии находок, что и дугинский и полушкинский экземпляры.

Косвенное подтверждение принадлежности крестовидной бляхи к колчану мы находим в Ольвии (погр.12/ 1910). Там она найдена среди наконечников стрел. Кроме того, «с левой стороны выше бедра найдена медная палочка с нарезками» (Капошина 1956, 173). Вероятно, это была колчанная палочка-застежка, не сохранившаяся в коллекции (Ильюков 2014). Ни в аксайском, ни в ольвийском погребениях не было предметов конской сбруи.

В.Ю.Мурзин считает, что крестовидные бляхи применялись в качестве конского налобного украшения. У всех блях на оборотной стороне есть две петли, одна

[2] Пользуясь случаем, выражаю искреннюю благодарность С.М. Скибину, предоставившему находку для публикации.

расположена в центре бляхи, другая — на конце планки. Такое их расположение вполне оправдано при закреплении бляхи на перекрещенных ремнях, расположенных между наносным и налобным ремнями. Именно такая система крепления была на узде из волковецкого кургана. И далее он отметил, что для колчанных украшений рациональнее было бы более жесткое крепление — например, пришивание бляхи к мягкой основе колчана. Ни одна из блях не имеет отверстий, а двух петель для этих целей было явно недостаточно. Это позволяет оценивать крестовидные бляхи как деталь узды конца VI — середины V в. до н. э. (Мурзин 1977, 60).

Е. В. Черненко осторожно предположил, что через крестовидную бляху из Опишлянки, обложенную золотым листом, проходил ремень, который мог служить для подвешивания колчана (горита) к поясу. В тоже время он допускал, что аналогичная бляха из кургана 2 у с. Волковцы, могла являться украшением конской сбруи (Черненко 1981, 48, рис.27, *1*). Подобные бляхи с территории Румынии В. Васильев считает украшениями горитов.

Вероятно, крестовидная бляха являлась «пуговицей» для застегивания крышки колчана. Конец короткого и узкого ремешка свободно закреплялся в петлях бляшки, пришитой к верхней части колчана. По-видимому, колчан с закрытым клапаном находился в донских комплексах, которые, к сожалению, оказались разрушенными.

Скорее всего своим происхождением крестовидная бляха обязана прямой застежке-палочке, которая иногда имела зооморфные окончания.

Нет никаких данных о наличии поперечного ремня между скобами бляхи. Он должен был охватывать футляр колчана в его верхней части и позволял его носить как персидские воины. Вероятно, в дальнейшем эта бляха была преобразована в колчанный крюк с зооморфным основанием для подвешивания колчана со стрелами.

Третья группа крестовидных блях по классификации Ю. Б. Полидовича, найденная в их западном ареале, претерпела достаточно сильную стилизацию (Полидович 2000, рис.3). В ней были растрачены и трансформированы первоначальные признаки застежек–палочек с зооморфными окончаниями и короткой вертикальной планкой, тоже имевшей зооморфные украшения.

По мнению А. И. Мелюковой, в кургане Опишлянка были найдены остатки горита, сделанного из бересты. В его конструкции были использованы железные прутья. Устье футляра было расширено, чтобы поместить в него лук, что послужило основанием для его интерпретации находки как горита, а не колчана. Верхний край этого футляра был украшен рядом львиноподобных бляшек (Милюкова 1964, 33).

Изменение формы крестовидных блях связано с их хронологией. В аксайском комплексе найдена ионийская амфора, на основании которой погребение датируется первой половиной VI в. до н. э. К этому же времени относится и дугинская бляха (Копылов, Русаков 2015, 93) и бляха и Полушкина. В этих комплексах находки имеют орлиноголовые очертания, тогда как волковецкая крестовидная бляха имеет округлые выступы, на которых изображены хищники кошачьих пород. Те же очертания имеет бляха из Гусарки, которую В. Ю. Мурзин датирует рубежом VI–V вв. до н. э. (Мурзин 1977, 60). В. А. Ильинская комплекс из Волковцов относит к концу VI–началу V в. до н. э. (Ильинская 1968, 77, 78). В монографии В. А. Ильинской в приложении № 1 это погребение датировано V в. до н. э. Изменение мотива в виде хищника, свернувшегося в кольцо, является хорошим хроноиндикатором (Ильинская 1971, 78, рис. 8,*1*).

Контаминация синкретического образа хищной птицы, в чертах которой угадываются признаки кошачьего хищника или копытного животного занимала особое место в скифском искусстве. Трансформация частей тела животного и птицы порождало фантастические ассоциации в воображении кочевников. Особое место занимал образ бараноптицы, который затронул различные элементы жизни кочевых племен раннего железного века в Восточной Европе (Канторович 2007).

Литература

Дедюлькин А. В. Воинское снаряжение скифской эпохи из могильников «Дугино X» т «Крест» в дельте Дона // Прокофьев Р. В. Раскопки у хутора Дугино в дельту Дона в 2009 году. Ростов-на-Дону, 2014.

Граков Б. Чи мала Ольвія торговельні зносинии з Поволжям І Приураллям в архаічну І клачсичну епохи? // Археологія. 1947. Т. І.

Дьяченко А. Н., Мэйбл Э., Скрипкин А. С., Клепиков В. М. Археологические исследования в Волго-Донском междуречье // Нижневолжский археологический вестник. Вып.2. Волгоград, 1999.

Ильинская В. А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев. 1969.

Ильинская В. А. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // СА. 1971. № 2.

Ильюков Л. С. Костяные палочки-застежки скифского времени с территории Нижнего Дона // Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти А. И. Мелюковой (Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.). Ростов-на-Дону, 2015.

Канторович А. Р. Истоки и вариации образа бараноптицы в скифском хверином стиле // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Сборник памяти М. П. Абрамовой. Москва. 2007.

Капошина С. И. О скифских элементах в культуре Ольвии // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху. МИА. 1956. № 50.

Копылов В. П. Новые данные о связях населения дельты Дона в V в. до н. э. // Донские древности. Вып.1. Азов, 1992.

Копылов В. П., Русаков М. Ю. О верхней хронологической границе колчанных наборов в погребальных комплексах раннескифского времени // Война и военное дело в скифо-сарматском мире. Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти А. И. Мелюковой (Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.). Ростов-на-Дону, 2015.

Мелюкова А. И. Вооружение скифов. САИ. Вып. Д 1–4. Москва. 1964.

Мурзин В. Ю. Два раннескифских комплекса и Запорожской области // Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев, 1977.

Ольговський С. Я. Похождення хрестоподібних блях скіфського часу // Археологія. 1995. № 2.

Полідович Ю. Б. Скіфські хрестоподібні бляхи // Археологія. 2000. № 1.

Полидович Ю. Б. Крестовидная бляха из архаического некрополя Ольвии в контексте скифского «звериного стиля» // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб., 2009.

Скуднова В. М. Архаический некрополь Ольвии. Публикация одной коллекции. Ленинград, 1988.

Фармаковский Б. Ф. Архаический период на юге России // МАР. Вып. 34. Петроград, 1914.

Черненко Е. В. Скифские лучники. Киев, 1981.

А. А. Кадиева, С. В. Демиденко

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПЛАСТИКИ МАЛЫХ ФОРМ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИЗ МОГИЛЬНИКА ЗАЮКОВО-3 (ГУНДЕЛЕН) В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

(*ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ПУБЛИКАЦИЯ*)

Статья является предварительной публикацией материалов из могильника Заюково-3 (Гунделен), который находится в Баксанском районе Кабардино-Балкарской республики. К наиболее интересным материалам некрополя относятся женские украшения. Они представлены в виде двух нагрудных уборов, ожерелья и одиночных находок. В состав этих комплексов входят зооморфные подвески в виде голов баранов и медведей и антропоморфная подвеска в виде сидящей беременной женщины. Все материалы датируются VIII–VII вв. до н. э.

This article is a preliminary publication of materials from the cemetery Zayukovo-3 (Gundelen), which is located in the Baksan region of Kabardino-Balkaria. The most interesting materials are women's jewelry including two sets of breast ornaments, necklaces and single finds. These complexes consist of zoomorphic pendants shaped into heads of sheep and bears and anthropomorphic pendants in the form of a sitting pregnant woman. All materials are dated to the VIII–VII centuries BC.

Время перехода от бронзового к железному веку на Северном Кавказе справедливо считается «одной из самых блестящих страниц во всей древней истории» региона (Крупнов 1967, 33). Такой эпитет кобанская эпоха заслужила прежде всего благодаря бронзовым предметам древнего искусства. Наиболее многочисленной группой предметов этой категории являются подвески-украшения, в том числе предметы зоо- и антропоморфной пластики. Однако все исследователи, обращавшиеся к этому материалу, сталкивались с серьезной проблемой хронологической атрибуции и выявления состава комплексов. Дело в том, что подавляющее большинство предметов кобанской бронзовой пластики, хранящихся в коллекциях российских и мировых музеев, происходит из частных собраний конца XIX — начала XX в. или из разрушенных комплексов. Таким образом, ответы на вопросы о датировке украшений, а также о составе уборов и их месте в погребальном обряде могут дать только археологические раскопки, проведенные на современном научном уровне.

Осенью 2015 г. Средневековая Северокавказская экспедиция Государственного исторического музея проводила работы на могильнике Заюково-3 (Гунделен) в Баксанском районе Кабардино-Балкарской республики. Исследуемый памятник подвергается хищническому разграблению. По находкам на грабительских отвалах время функционирования могильника определяется в рамках VIII в. до н. э. – II в. н. э. В 2015 г. исследования проводились на раннем участке некрополя.

На площади раскопа (40 кв. м) было выявлено 25 погребений. Особенностью могильника Заюково-3 является довольно сложная стратиграфическая ситуация. Погребения располагаются непосредственно друг над другом. Часто более позднее погребение прорезает более раннее, оставляя от погребенного в последнем лишь отдельные фрагменты скелета. Также среди традиций населения, оставившего могильник, отмечено преднамеренное разрушение захороненных тел или костяков. Данный обычай прослеживается в погребениях по сохранившемуся погребальному инвентарю, находящемуся среди хаотично разбросанных или компактно уложенных человеческих костей. Предположение о возможном ограблении опровергает также и факт целостности перекрытий погребений в виде каменных закладов или плит. Поскольку большинство погребений имели многоуровневую структуру, каждый уровень зачистки фиксировался отдельно.

Шесть погребений содержали изделия, которые можно отнести к категории зоо- и антропоморфной пластики. Украшения встречаются в трех видах: в составе нагрудных уборов, в виде ожерелий и в виде одиночных находок в погребениях.

Нагрудные уборы, помимо собственно шейных украшений, включают в себя нашивные бляхи, вероятно, крепившиеся к одежде. Таких уборов на исследованном участке обнаружено два.

Убор 1 лежал на дне погребения 25 (рис. 1–3)[1] под костяком погребенной. Погребение представляло собой каменный ящик, перекрытый каменной плитой, расколовшейся от времени. На поверхность перекрытия, очевидно, грызунами, были вынесены спиральная пронизка и подвеска в виде пестика (рис. 2, *1, 2*; 3, *1, 2*). После снятия перекрытия погребения был обнаружен костяк взрослой женщины (?). Костяк лежал скорченно на левом боку с подтянутыми к тазу ногами. Стопы, кости которых лежали в анатомическом порядке, были отделены от ног, вероятно, в результате посмертных манипуляций. Учитывая, что примыкающая к ногам стенка ящика была уничтожена позднейшей могилой, можно предположить, что манипуляции не были целенаправленными. На участке между стопами и берцовыми костями находились фаянсовая бусина синего цвета со штриховым орнаментом (рис. 3, *17*) и бронзовая одночленная фибула с витой спинкой (рис. 3, *18*).

После снятия костяка погребенной на дне каменного ящика был обнаружен нагрудный убор, состоявший из 16 предметов (рис. 2). К нему же, видимо, относятся спиральная пронизь и подвеска в форме пестика, обнаруженные на перекрытии погребения. Помимо них, убор включает в себя еще 8 подвесок в форме пестика (Рис 3, *6–13*), подвеску в виде бараньей головки, прикипевшей к пестиковидной подвеске (рис. 3, *8*), подвеску с расширением в виде раструба (рис. 3, *3*), две ромбовидные нашивные бляшки (рис. 3, *4, 16*), обойму со стеклянной вставкой синего цвета (рис. 3, *5*) и полусферическую сурьмяную бляшку (рис. 3, *15*).

Нагрудный убор 2 был обнаружен в погребении 33 (рис. 4). Погребение представляло собой грунтовую яму, большая часть которой была уничтожена во время сооружения более позднего погребения. От костяка погребенной сохранились только череп с фрагментом позвоночного столба, ключица, плечевая кость правой руки и фрагмент лопатки. Судя по положению сохранившихся костей, погребенная женщина (?) лежала на левом боку со сложенными перед грудью руками. Нагрудный убор, сохранившийся in situ (рис. 5), состоял из двадцати четырех предметов: двух биконических спиральных пронизок, обрамлявших ожерелье по краям (рис. 6, *1, 2*), пяти подвесок в виде пестиков (рис. 6, *3–7*), двенадцати подвесок в виде бараньих головок (рис. 6, *8–19*), одной подвески в виде головы горного козла (рис. 6, *20*). Также в убор входили две полусферические бляхи, более мелкая из которых (Рис 6, *21*) находилась между пронизками, а более массивная (рис. 7, *1*) — под ожерельем в районе грудной клетки погребенной. Кроме того, на дне погребения, в районе, где должны были бы располагаться ноги костяка, находилась булавка с коническим навершием (рис. 7, *2*).

Еще одно ожерелье не представляется возможным соотнести с конкретным погребением (рис. 7, *3–5*). Оно было обнаружено при зачистке профиля раскопа перед завершением работ. Ожерелье состояло из двух подвесок в виде медвежьих голов и разделяющей их втулки.

Помимо уборов и ожерелья на могильнике Заюково-3 были встречены произведения пластики малых форм в виде одиночных экземпляров. Наиболее распространенной находкой являются подвески в виде бараньих головок. Они обнаружены в трех погребениях: две — в погребении 22 (рис. 7, *6,7*), одна — в погребении 24 (рис. 7, *8*) и одна в погребении 29 (рис. 7, *9*). В том же погребении 29 была обнаружена пронизка в виде птички, сидящей на трубочке (рис. 7, *10*). Наконец, в погребении 24 была обнаружена статуэтка сидящей беременной женщины (рис. 7, *11*).

Из перечисленных выше украшений к наиболее многочисленным (19 предметов) относятся подвески в виде бараньих головок (рис. 3, *8*, 6, *8–19*, 7, *6–9*). Все они отлиты по восковой модели, но, несмотря на индивидуальность отливки, имеют достаточно схожих черт, чтобы признать их принадлежность к одной группе, близкой группе II подгруппе 4 по Е. Е. Васильевой (Васильева 2004, 25), и, вероятно, являются вариантом в рамках этой подгруппы. Все подвески имеют несколько устойчиво схожих черт. Петли моделей были сплетены из провощенных шнуров, отчего на готовых изделиях сохранился орнамент в виде косички. В большинстве случаев, на конце петли, противоположном тому, к которому крепится подвеска, сохраняется литник. Петля крепится к затылку бараньей головки. Сами головки миниатюрные, с трапециевидной сильно изогнутой мордой. Глаза изображались в виде едва заметных выступов, либо вовсе не изображались. Рога баранов расположены компактно в полтора или два с половиной оборота.

Хотя на могильнике Заюково-3 подвески в виде бараньих голов довольно многочисленны, аналогии им на других памятниках пока не обнаружены. Вероятно, этот вариант имеет локальное распространение. Из опубликованных на сегодняшний день кобанских изделий с изображением барана наибольшее сходство с находками из Заюкова имеют три бараньи головки на

[1] Все иллюстрации к статье размещены на цветной вклейке.

дуговидной фибуле из Кобанского могильника, хранящейся в Государственном Эрмитаже (Доманский 1984, рис. 56). Фибула датирована Я. В. Доманским второй четвертью I тысячелетия до н. э.

Вторым по частоте встречаемости типом подвесок являются подвески в виде пестиков (14 экземпляров). По форме украшения петли их можно разделить на два варианта. Первый (10 предметов) с петлей в виде косички (рис. 3, *6–13*; 6, *4, 6*). В качестве подварианта можно рассматривать еще один экземпляр, снабженный выпуклой перемычкой у основания петли (рис. 6, *3*). Второй вариант насчитывает три предмета (рис. 3, *2*; 6, *5, 7*), у которых петля представляет собой два или три слепленных друг с другом жгута. Аналогии подвескам в форме пестиков приведены в труде В. И. Козенковой (Козенкова 2013, 37, рис. 16, *21*). По мнению исследовательницы, этот тип привесок «следует отнести к артефактам высокой степени информативности», поскольку они указывают на связи «кобанцев» с населением белозерской археологической культуры и датируются XI–X вв. до н. э.

Ожерелье с медвежьими головами состоит из трех предметов: двух медвежьих голов (рис. 7, *3, 5*) и разделяющей их втулки (рис. 7, *4*). Головы медведей массивны, изображены с раскрытыми пастями, глаза и уши выпуклые. Наблюдается характерная для кобанского искусства некоторая приплюснутость морды. Нижняя сторона подвесок плоская, снабжена треугольными углублениями. Петли располагались в одной плоскости с изображением голов, перпендикулярно по отношению к ним. При формовке моделей петли складывались из гладких жгутиков.

Подвески с головой медведя известны среди кобанской зооморфной пластики (Васильева 2016, 69), однако аналогичные Заюковским подвески были обнаружены только единожды. Это находка из разрушенных погребений в урочище Адай-кол на правом берегу реки Баксан близ села Бедык Баксанского района Кабардино-Балкарской республики. Здесь весной 1979 г. во время прокладки водопровода был разрушен кремационный могильник, который датируется VI–V вв. до н. э. (Батчаев 1985, 11). Среди прочих материалов археологами были собраны 14 литых бронзовых подвесок в виде головок животных, из которых в публикации воспроизводится только одна (Батчаев 1985, 57, табл. 3, *1*). Судя по тому, что никаких дополнительных описаний «головок животных» автором не приведено, подвески были однотипны. В отличие от заюковских, петли головок из Бедыка носят следы моделей, сложенных не из гладких, а из витых жгутов. На сегодняшний день не представляется возможным установить, составляли ли предметы из Бедыка единое ожерелье, или же мы имеем дело с разрозненными украшениями.

Пронизка в виде сидящей на трубочке птички (рис. 7, *10*) относится к четвертому варианту IX типа по В. И. Козенковой (Козенкова 1998, 41), которая датирует этот вид украшений рубежом X–IX вв. до н. э. по аналогии с предметами из Кяфарского клада.

Подвеска в виде человеческой фигуры (рис. 7, *11*) изображает беременную женщину в сидячей позе. Фигурка представляет собой литую подвеску с находящейся в районе лопаток статуэтки петлей. Петля имеет литейный дефект — не отлита до конца — и потому подвеска, вероятнее всего, никогда не использовалась по назначению. Женщина изображена в сидящей позе, однако сиденье, на котором она могла бы располагаться, отсутствует. Голова статуэтки не сохранилась. Шея вытянута, слегка изогнута вперед. Руки согнуты в локтях и подняты, обращены ладонями к лицу. Ладони переданы трапециевидными расширениями. У левой руки проработан большой палец. Ноги короткие, изображены без проработки деталей.

Среди кобанской антропоморфной пластики известны статуэтки, изображенные в сидячей позе (Брилева 2012, 202). О. А. Брилева датирует их IV/III вв. до н. э. – II в. н. э. Однако стилистически статуэтка из Заюкова ничем не напоминает предметы вышеназванной группы, что не позволяет соотнести ее со столь поздним периодом.

Помимо собственно предметов мелкой бронзовой пластики в описанных выше комплексах датирующее значение имеют и иные составляющие.

Биконические витые пронизки, скрученные из широкой проволоки (рис. 3, *1*, 6, *1, 2*), датируются В. И. Козенковой периодом с конца II тыс. по VII в. до н. э. Исследовательница отмечает, что они распространены по всему ареалу кобанской культурно-исторической общности, но в основном концентрируются в его западных регионах (Козенкова 2013, 36).

Пронизка с расширением в виде раструба (рис. 3, *3*) состоит из литой трубочки и расположенного перпендикулярно к ней раструба со сквозным отверстием. Изделие относится к третьему варианту типа IX по В. И. Козенковой (Козенкова 2013, 41), которая очерчивает ареал их распространения территориями современных Карачаево-Черкесии, Кисловодской котловины и Кабардино-Балкарии. Большинство памятников, содержащих пронизки этого вида, датируются III этапом развития кобанской культуры по В. И. Козенковой (второй половиной VII–IV в. до н. э.), единственное исключение составляет Кяфарский клад.

Выпуклые, полые внутри бляшки полусферической (рис. 6, *21*) и ромбовидной (рис. 3, *4, 16*) форм с обратной стороны снабжены перемычкой. В. И. Козенкова считает их пуговицами, однако, по крайней мере, на могильнике Заюково-3 их назначение в качестве бляшек представляется более вероятным. Полусфе-

рические бляшки относятся к варианту 1 типа II по В. И. Козенковой (Козенкова 2013, 36), который в основном бытовал в VIII–VII вв. до н. э. Ромбовидные бляшки составляют тип VI по В. И. Козенковой (Козенкова 2013, 37) и имеют тот же период бытования. К этой же категории относится полусферическая бляшка из сурьмы (рис. 3, *15*). В. И. Козенкова включает подобные бляшки во второй вариант типа V (Козенкова 2013, 37), который встречается только на территории Баксанского ущелья.

Булавка с массивной конической верхней частью (рис. 7, *2*). Верхняя часть булавки существенно превышает по толщине саму иглу. Отверстие в булавке имеет вытянутую щелевидную форму. Булавка относится к типу XXI по типологии В. И. Козенковой (Козенкова 1998, 69), который датируется исследовательницей в диапазоне X–VIII вв. до н. э.

Таким образом, описанные выше материалы из погребений могильника Заюково-3 (Гунделен) можно отнести к концу классического этапа кобанской хронологии (Кобан III) (Козенкова 1990, 82), т. е. к VIII — началу VII в. до н. э. Древности этого периода Баксанского ущелья на сегодняшний день имеют либо грабительское происхождение, либо получены из раскопок весьма малыми площадями. Между тем, уже известные ранее материалы демонстрировали, что на территории ущелья в классическую кобанскую эпоху существовало несколько крупных центров власти. Судя по богатству материала, полученного на могильнике Заюково-3, этот памятник оставлен населением одного из них. Показательно, что нагрудные уборы включают в себя разнотипные предметы, указывая на синхронность их датировки. Дальнейшее изучение памятника может не просто дать богатый материал, но и благодаря сложной стратиграфии некрополя, пролить свет на многие неясные моменты хронологической атрибуции древностей предскифского и раннескифского времени западной кобанской культуры.

Литература

Батчаев В. М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Нальчик, 1985.

Брилева О. А. Древняя бронзовая антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н. э. — X в. н. э.) М., 2012.

Васильева Е. Е. Бронзовые предметы, украшенные скульптурными изображениями животных из памятников Дигории // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Грозный, 2016.

Васильева Е. Е. Основа классификации бронзовых подвесок в виде бараньих головок эпохи поздней бронзы и раннего железного века Северного Кавказа // Альманах молодых археологов. СПб., 2004.

Доманский Я. В. Древняя художественная бронза Кавказа. М., 1984.

Козенкова В. И. Хронология кобанской культуры: достижения, опыт, уточнения, нерешенные проблемы // СА. 1990. № 3.

Козенкова В. И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. М., 1998.

Козенкова В. И. Кобанская культура и окружающий мир. М., 2013.

Крупнов Е. И. Разложение первобытно-общинного строя и зарождение классового неравенства // История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до Великой Октябрьской Социалистической революции Т. 1. М., 1967.

Рис. 1. Фотография и прорисовка надписи на рысайкинском псалии

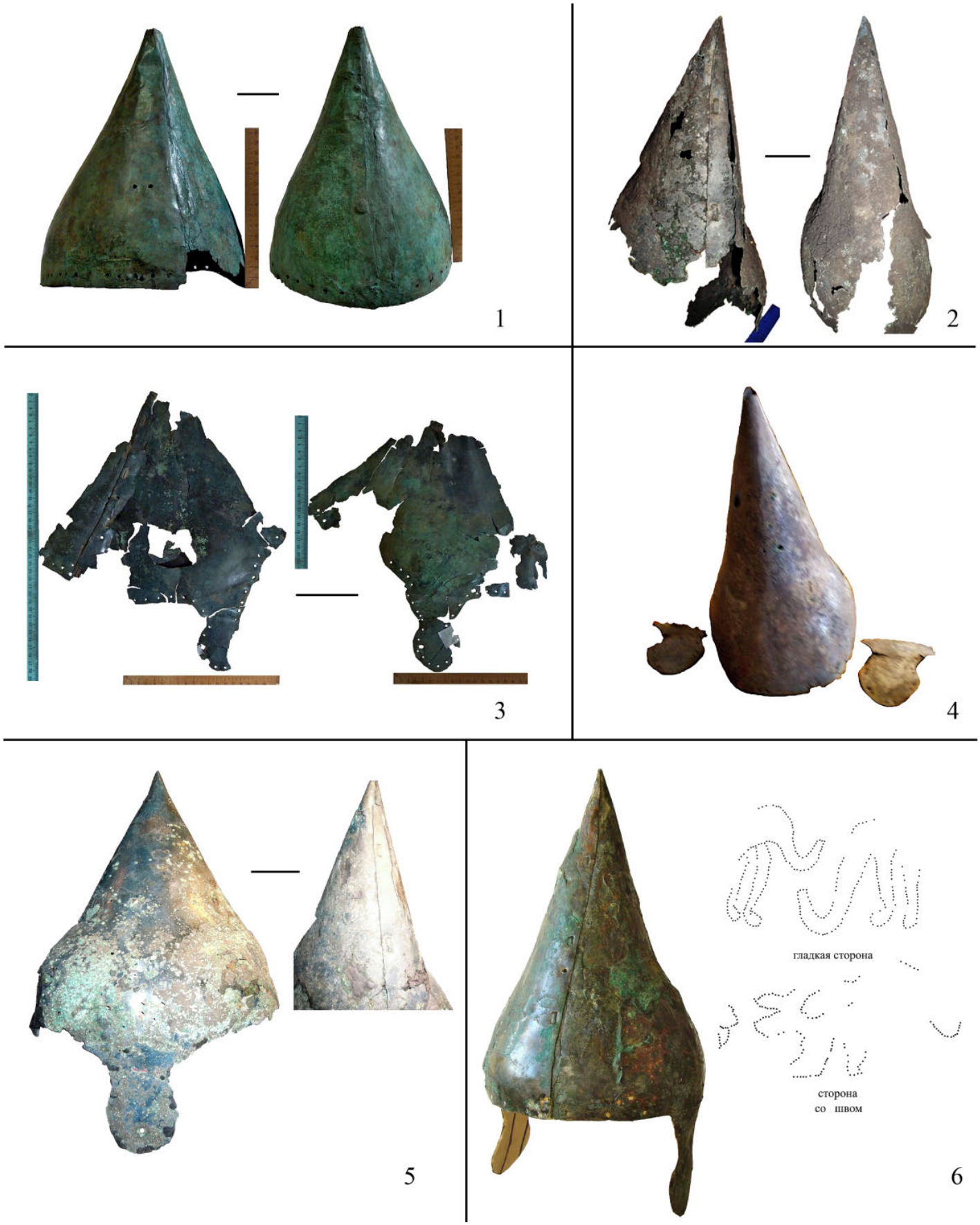
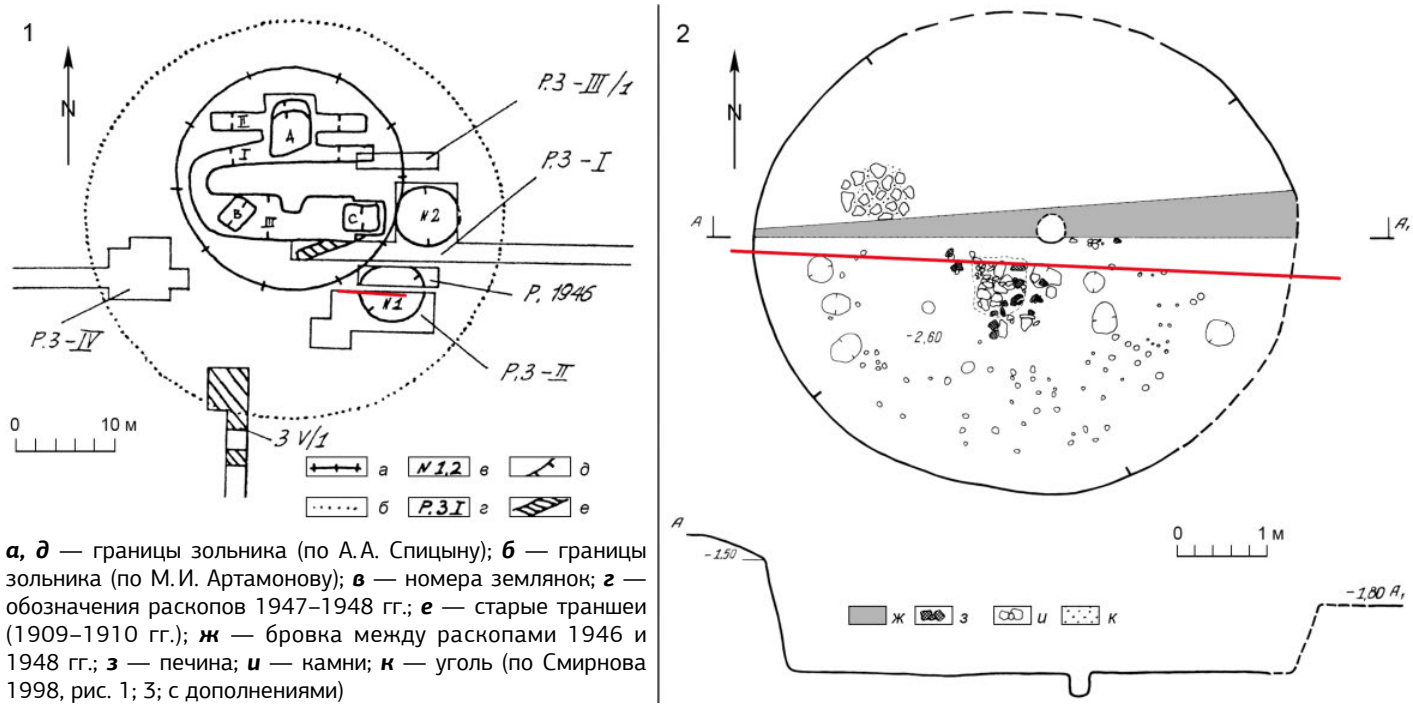

Рис. 3. Внекомплексные находки шлемов на Северном Кавказе (1–6)

а, д — границы зольника (по А.А. Спицыну); ***б*** — границы зольника (по М.И. Артамонову); ***в*** — номера землянок; ***г*** — обозначения раскопов 1947–1948 гг.; ***е*** — старые траншеи (1909–1910 гг.); ***ж*** — бровка между раскопами 1946 и 1948 гг.; ***з*** — печина; ***и*** — камни; ***к*** — уголь (по Смирнова 1998, рис. 1; 3; с дополнениями)

Рис. 1. Немировское городище. ***1*** — сводная схема раскопов на зольнике (по А.А. Спицыну и М.И. Артамонову); ***2*** — землянка № 1, план и разрез, колонизационная фаза раннескифской культуры. На планах красной линией обозначено место разреза северной стенки землянки № 1 по линии квадратов III, IV и V раскопа З-II/1948 г.

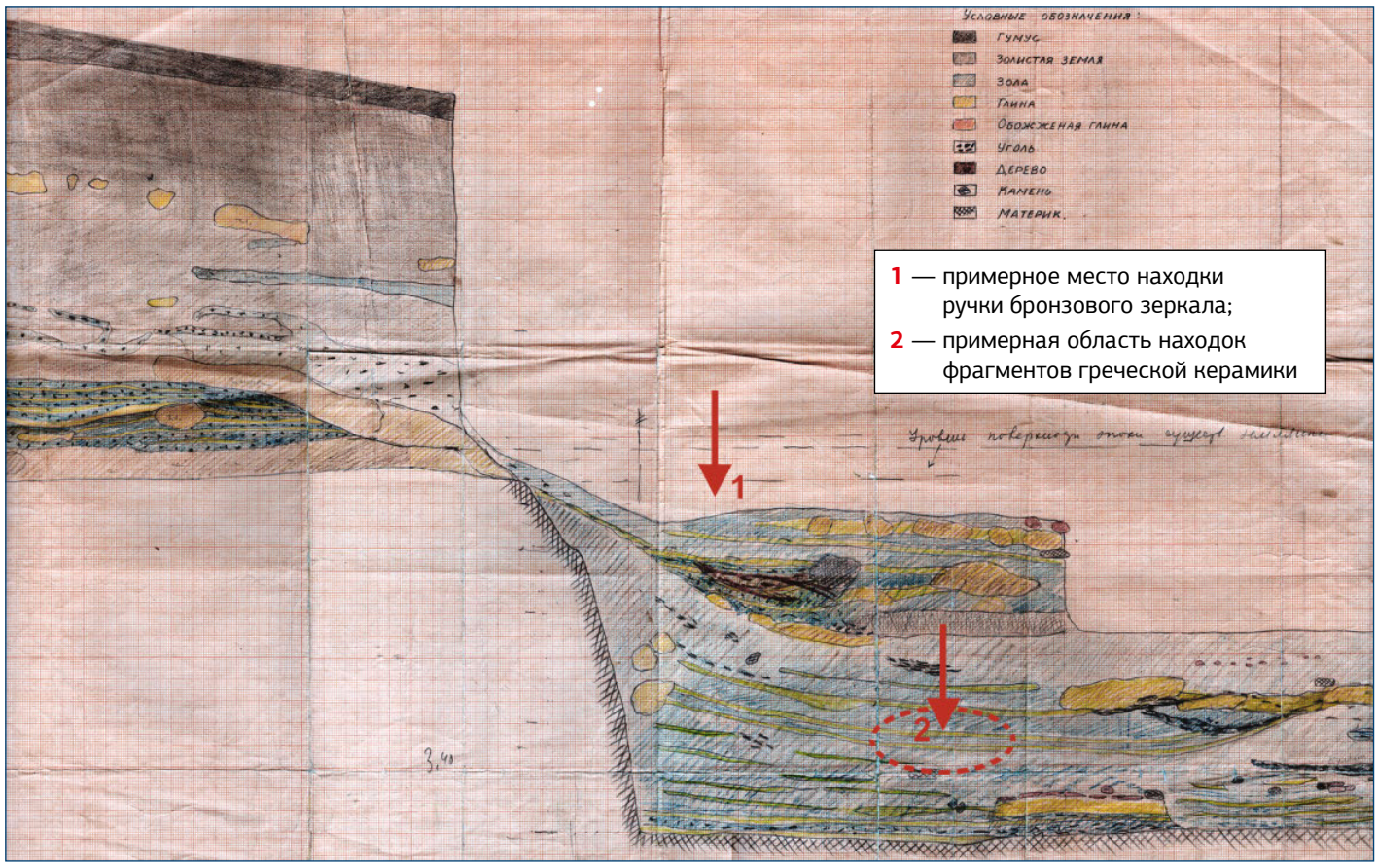

Рис. 3. Немировское городище. Разрез северной стенки скифской землянки, по линии квадратов III, IV и V раскопа З-II/1948 г. Архив ОАВЕС ГЭ, личные фонды М.И. Артамонова и Г.И. Смирновой (публикуется впервые)

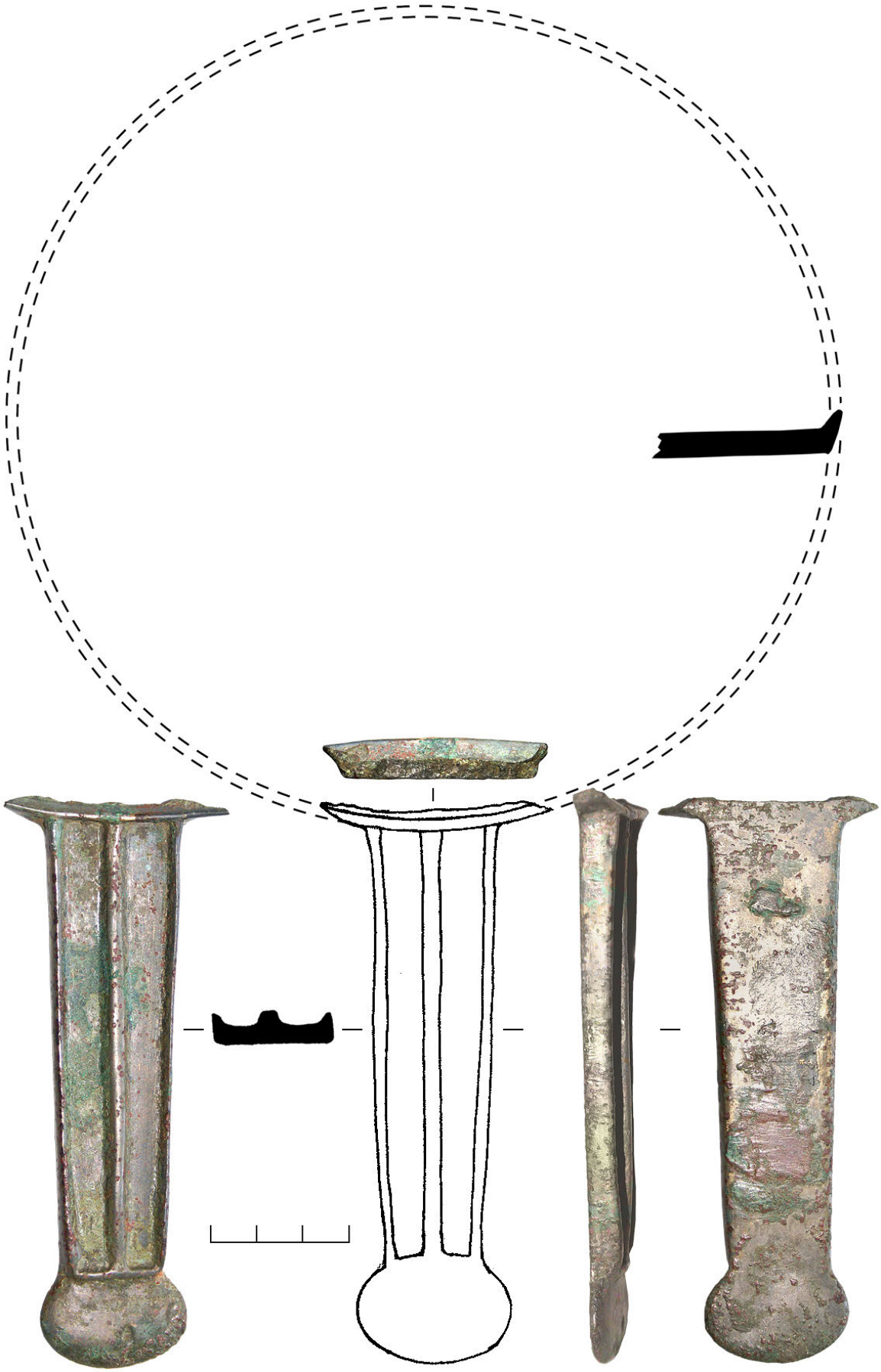
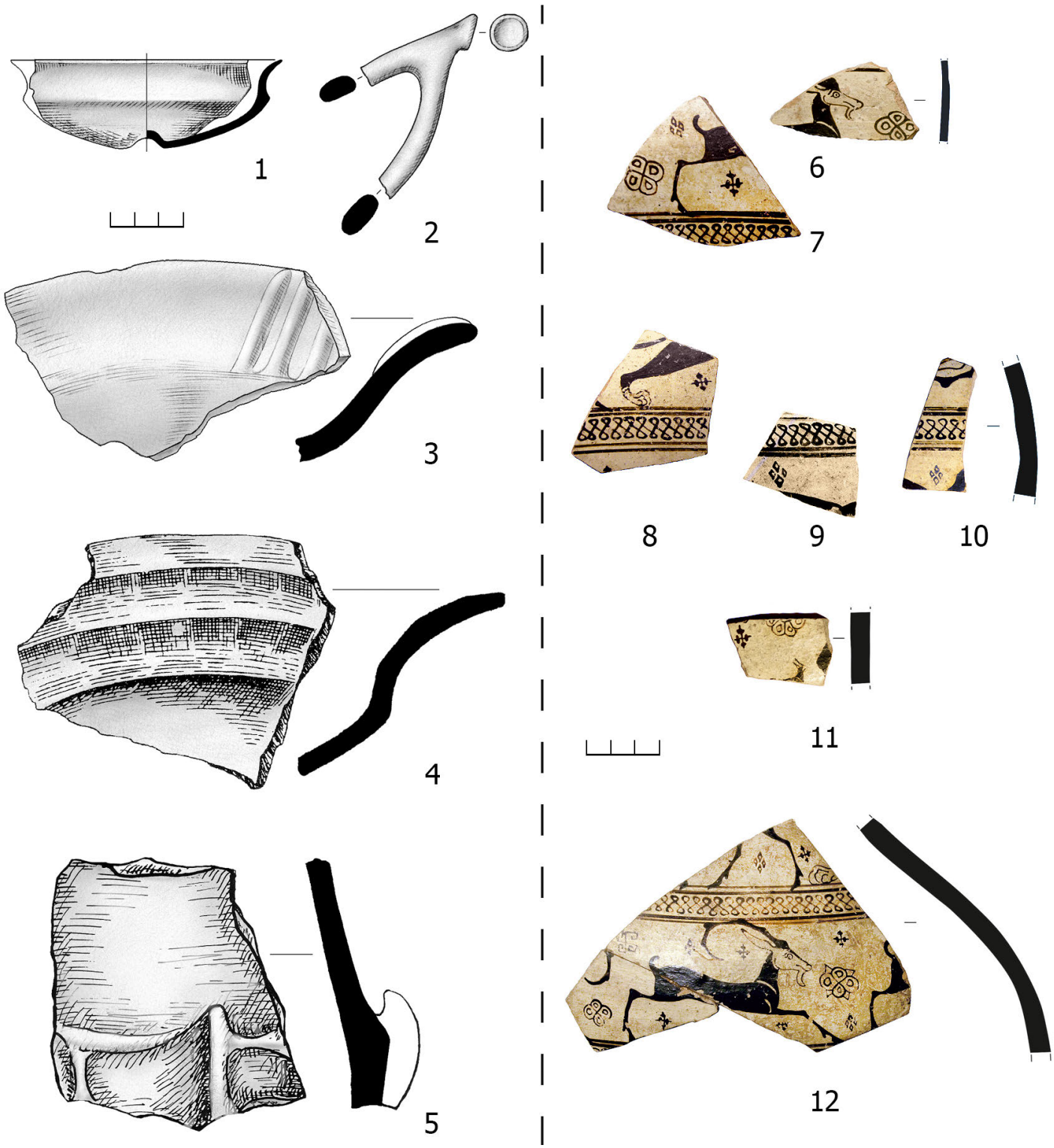

Рис. 4. Немировское городище. Ручка бронзового зеркала (фотография и прорисовка) из культурного слоя, перекрывающего землянку № 1, колонизационная фаза раннескифской культуры или Немиров-III.1.3

1–5 — качественная лощеная керамика; ***6–12*** — греческая керамика (выборочно)

Рис. 5. Немировское городище, землянка № 1, колонизационная фаза раннескифской культуры (*по: Вахтина, Кашуба 2014, рис. 1, с дополнениями*)

Рис. 1. Скифские наконечники стрел с «шипами» (по: Reeder 2001, 116 (13))

Рис. 3. Изображение молодого скифа-лучника на краснофигурном блюде, VI в. до н. э., British Museum GR 1837.6–9.59 (по: Curtis, Tallis 2005, 248, fig. 447)

Рис. 5. Сцена охоты на золотой пластине из Гюновки, IV в. до н. э., Музей исторических драгоценностей Украины, Инв. № АЗС-2926 (по: Reeder 2001, 255 (123))

К статье Геюшевой Тукезбан Низами гызы

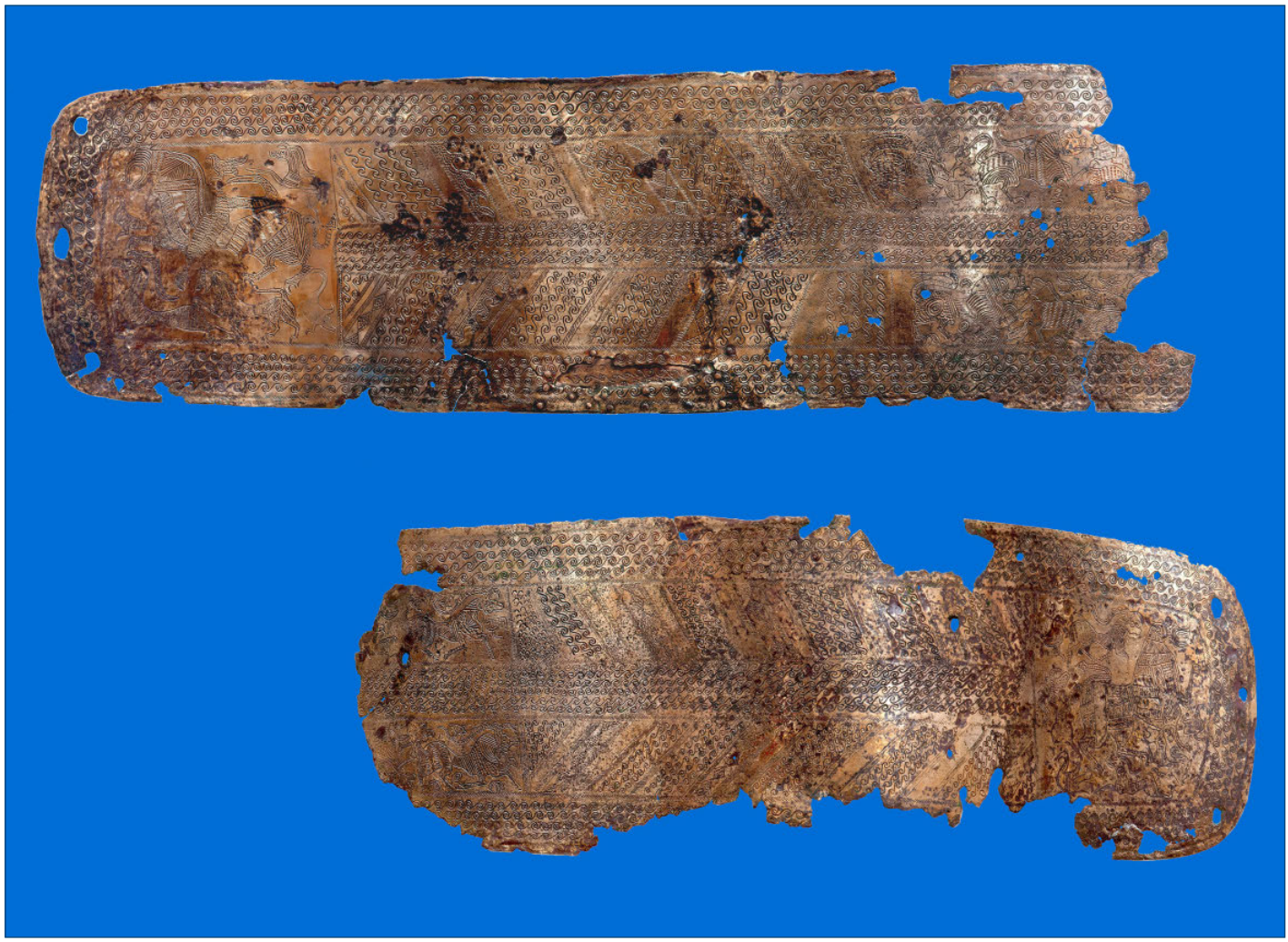
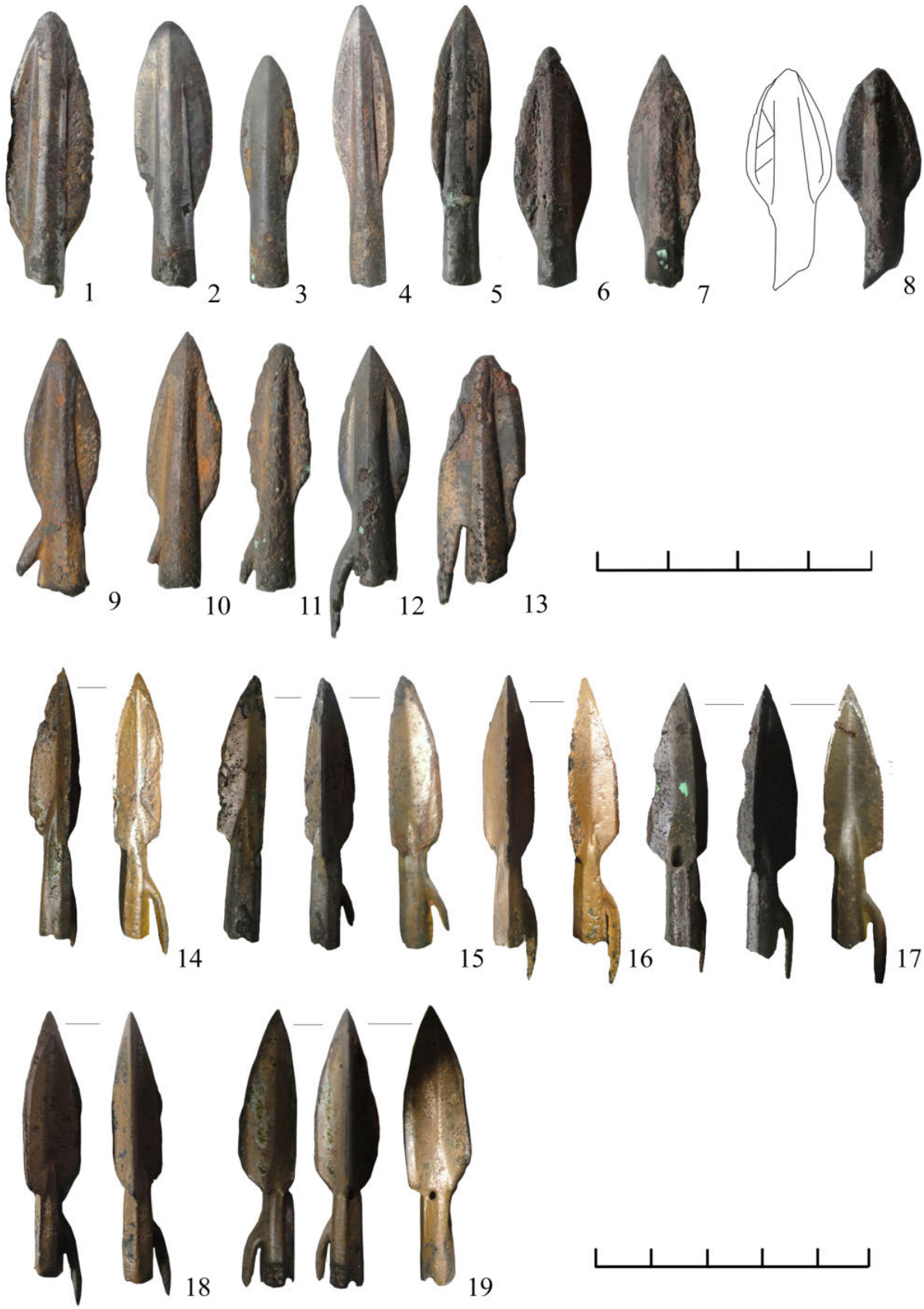

Рис. 1. Бронзовый пояс (фото)

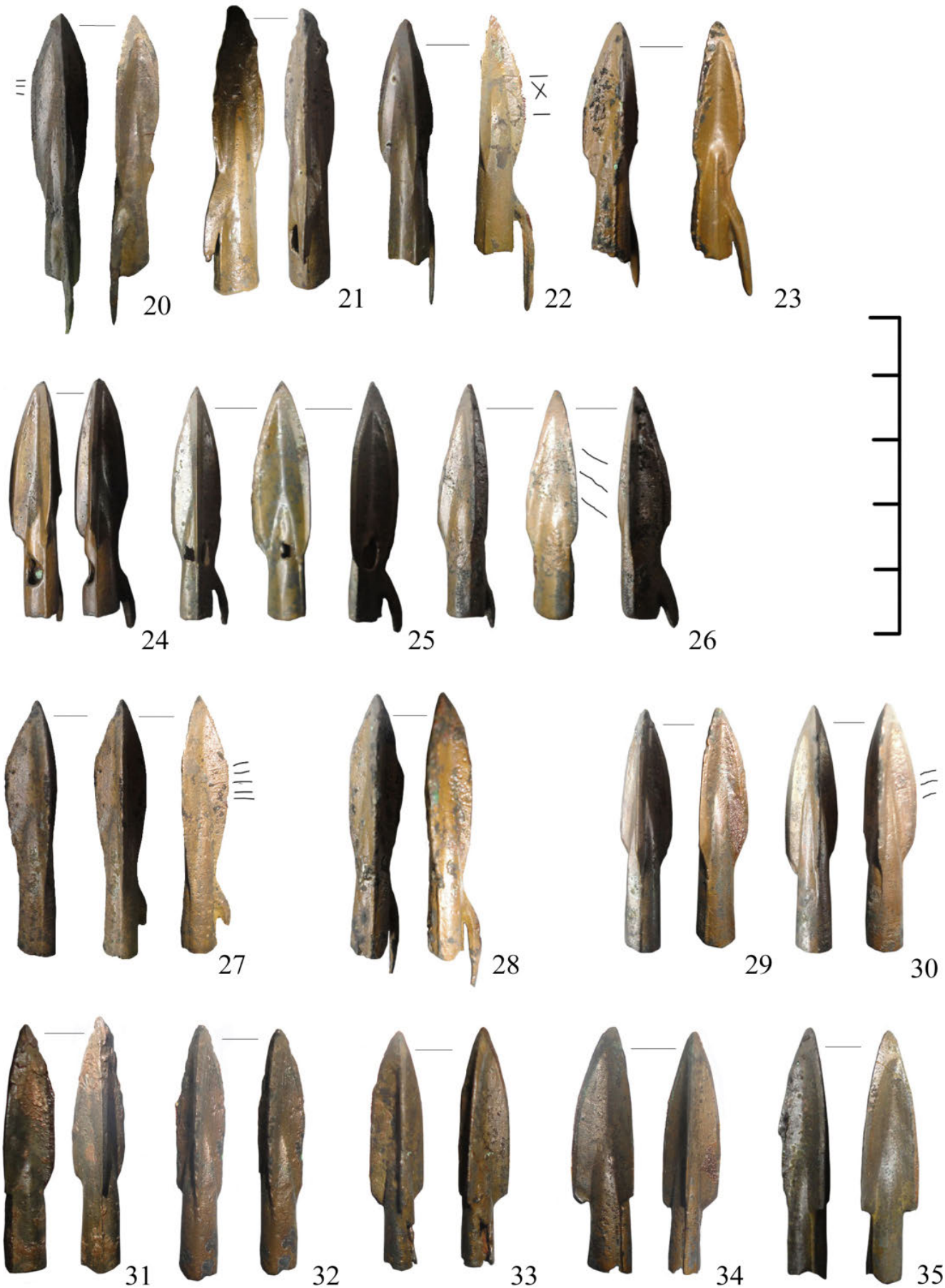
1 — бронзовый браслет; ***2–5*** — керамика

Рис. 2. Сопутствующий инвентарь

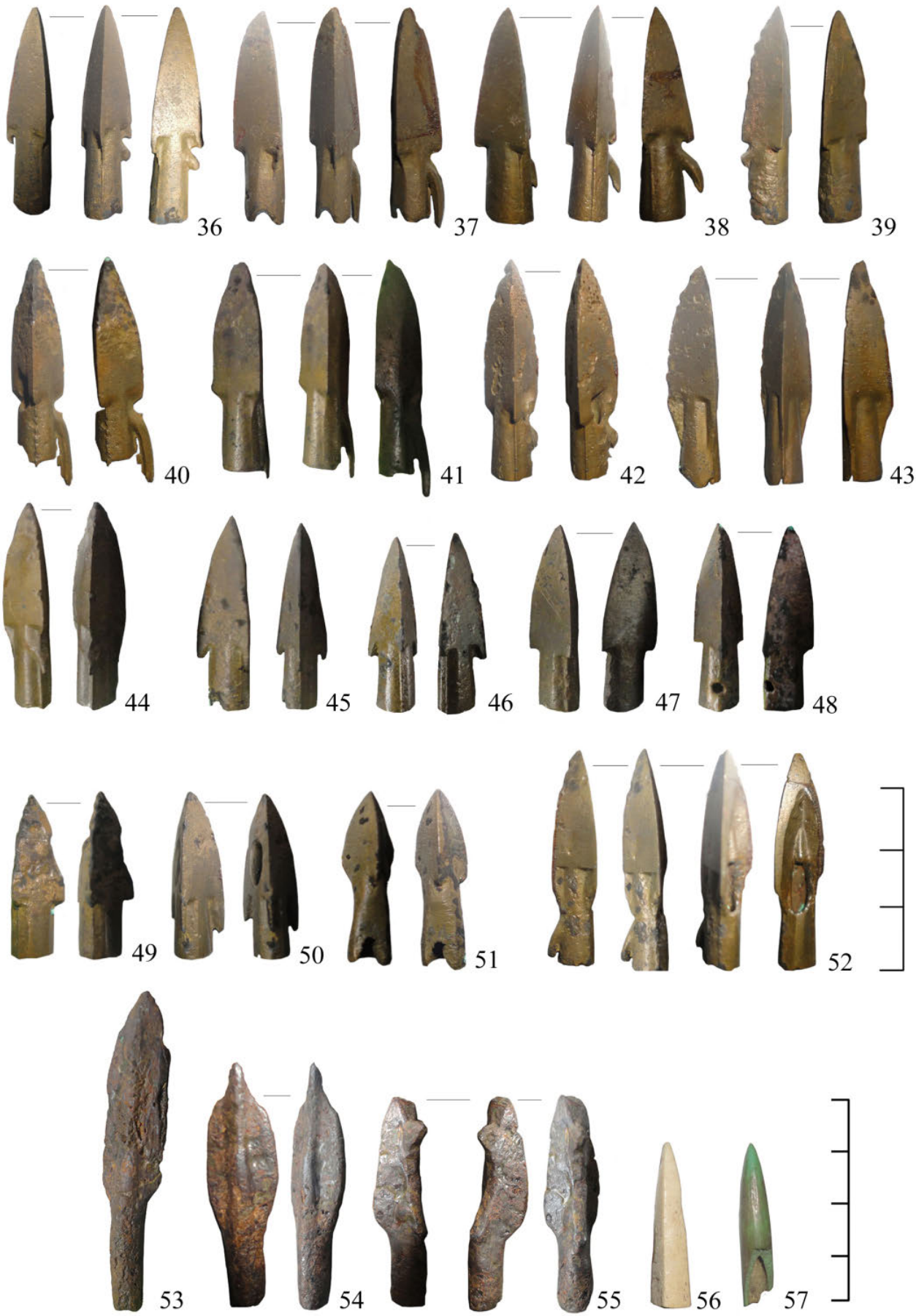
1–8 — бронзовые двухлопастные наконечники без шипов; ***9–13*** — бронзовые двухлопастные наконечники с шипами; ***14–19*** — бронзовые трёхлопастные наконечники с шипами

Рис. 3 (***начало***)**.** Наконечники из колчанного набора погр. 1 к. 44 у с. Гладковщина (фото М.Н. Дараган)

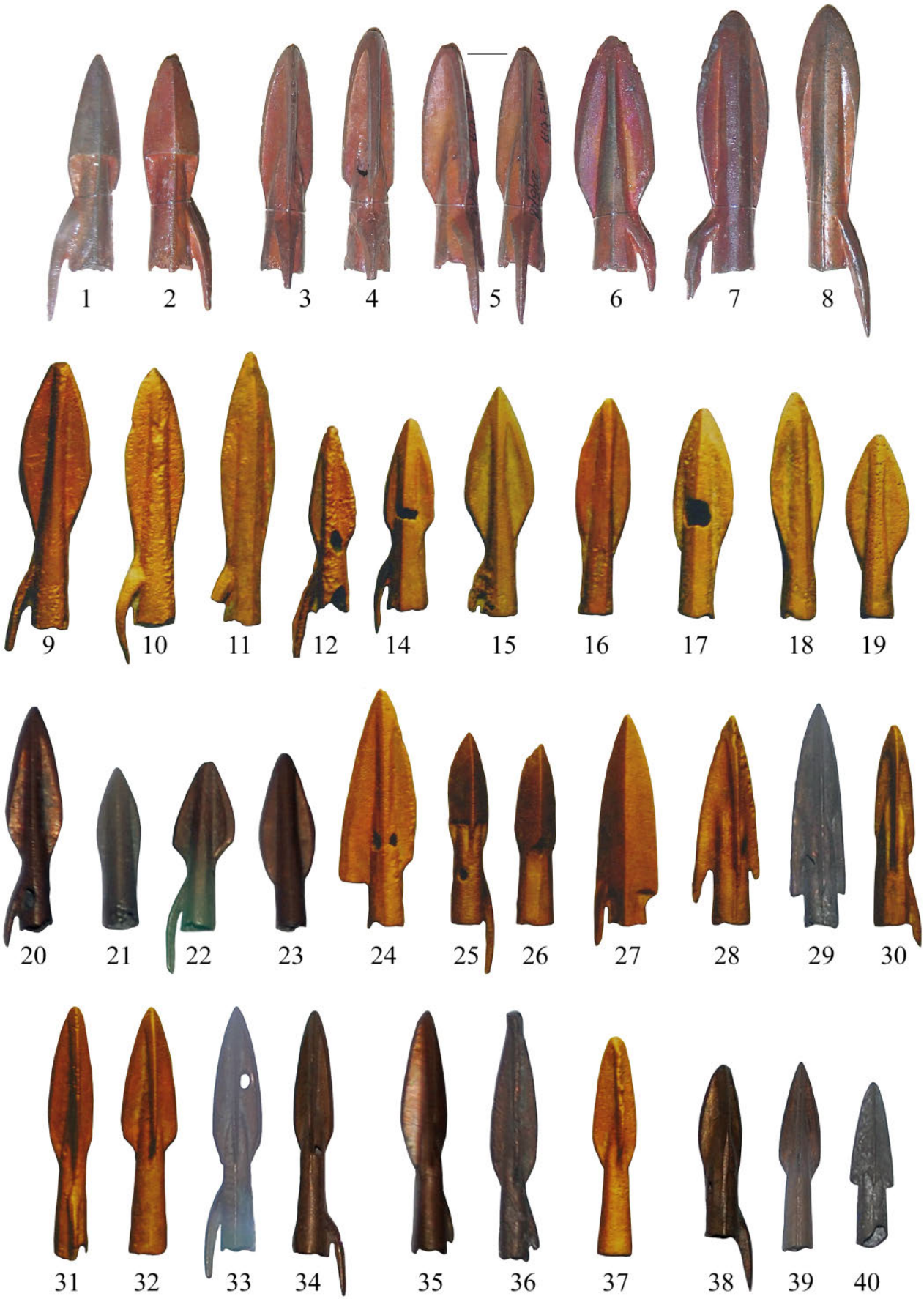
20–28 — бронзовые трёхлопастные наконечники с шипами; ***29–35*** — бронзовые трёхлопастные наконечники без шипов

Рис. 3 (***продолжение***)**.** Наконечники из колчанного набора погр. 1 к. 44 у с. Гладковщина (фото М. Н. Дараган)

36–52 — бронзовые трехгранные наконечники; ***53–57*** — железные и костяные наконечники

Рис. 3 (***окончание***)**.** Наконечники из колчанного набора погр. 1 к. 44 у с. Гладковщина (фото М.Н. Дараган)

1–8 — наконечники из погр. 8, к. 7 у с. Новоалександровка (фото С. В. Полина);
9–40 — наконечники из погр. 1, к. 25 у хут. Хапры (фото по: Ильюков, Пашиньян 1999)

Рис.4

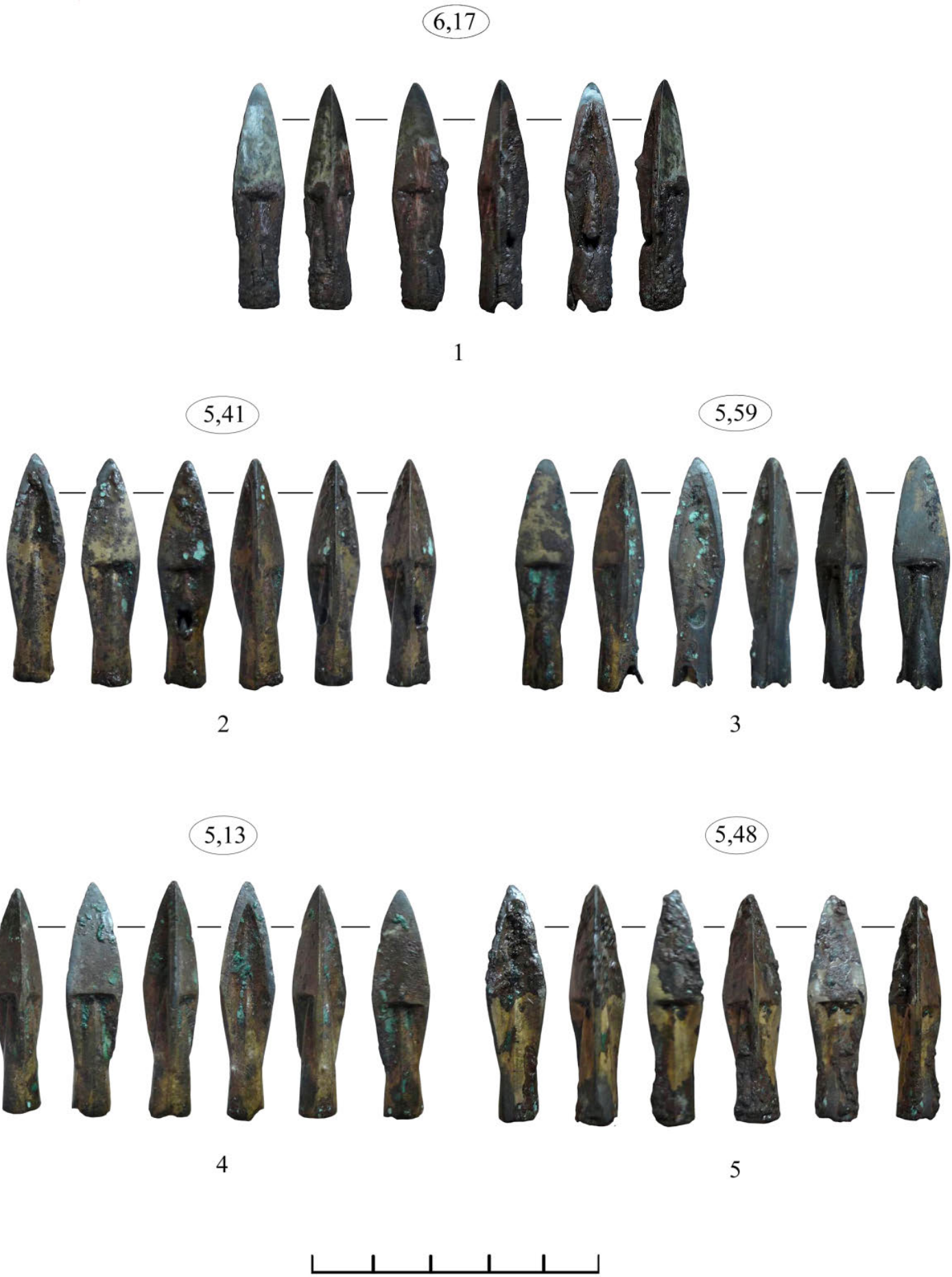

Рис. 5. Васильевка, к. 8 (фото М.Н. Дараган)

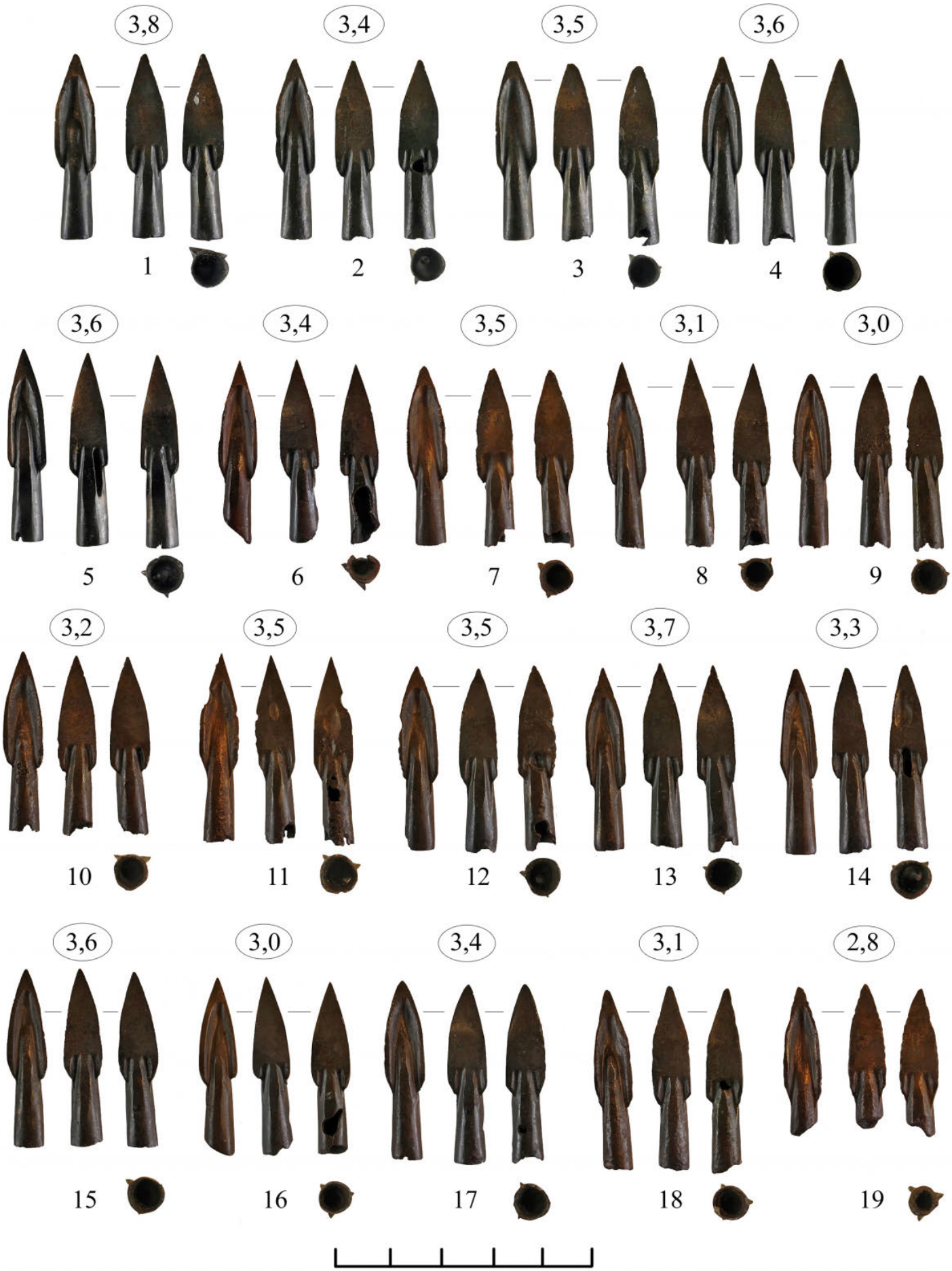

Рис. 6. Перебыковцы, к. 2, колчанный набор № 1 (фото С. Н. Сенаторова)

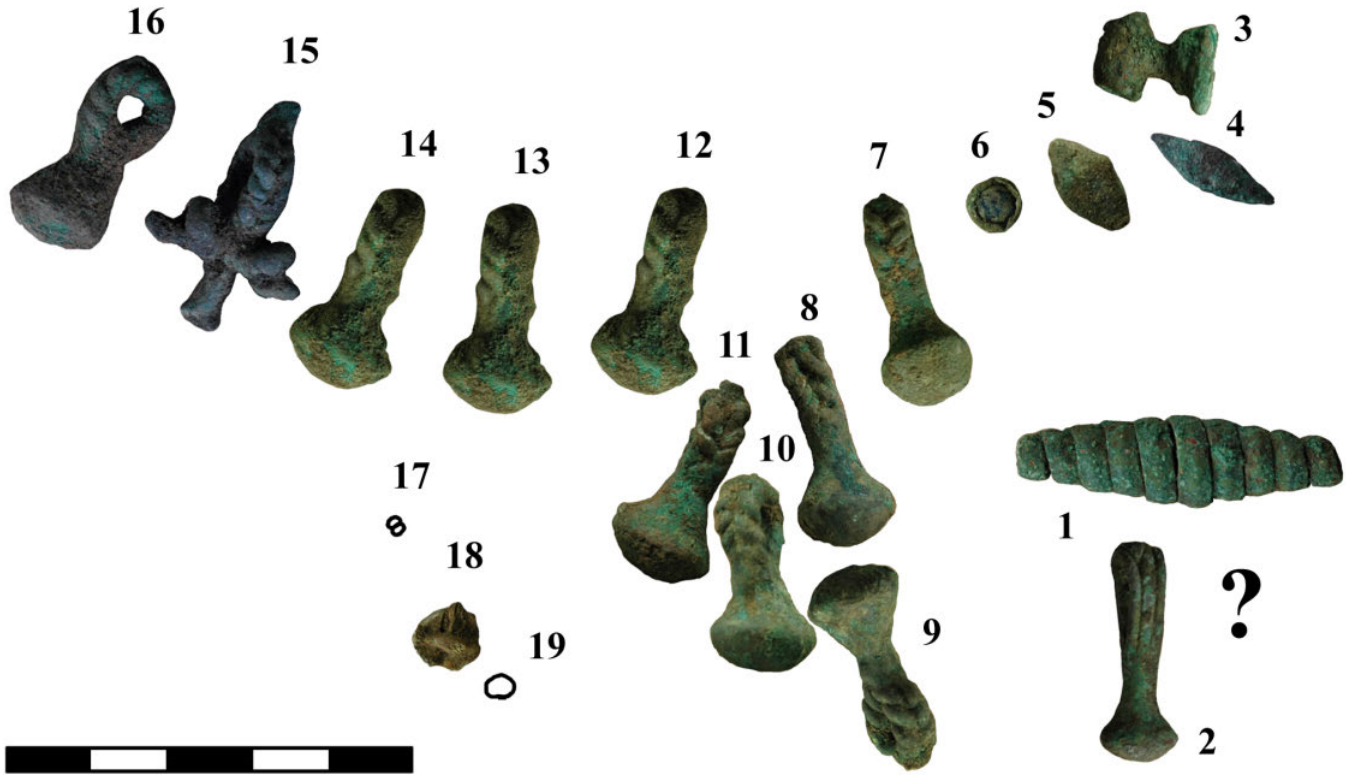

1 — Ольвия, некрополь, погр.; ***2*** — х. Дугино; ***3*** — х. Пустошкин; ***4*** — с. Гусарка

Рис. 2. Крестовидные бляхи

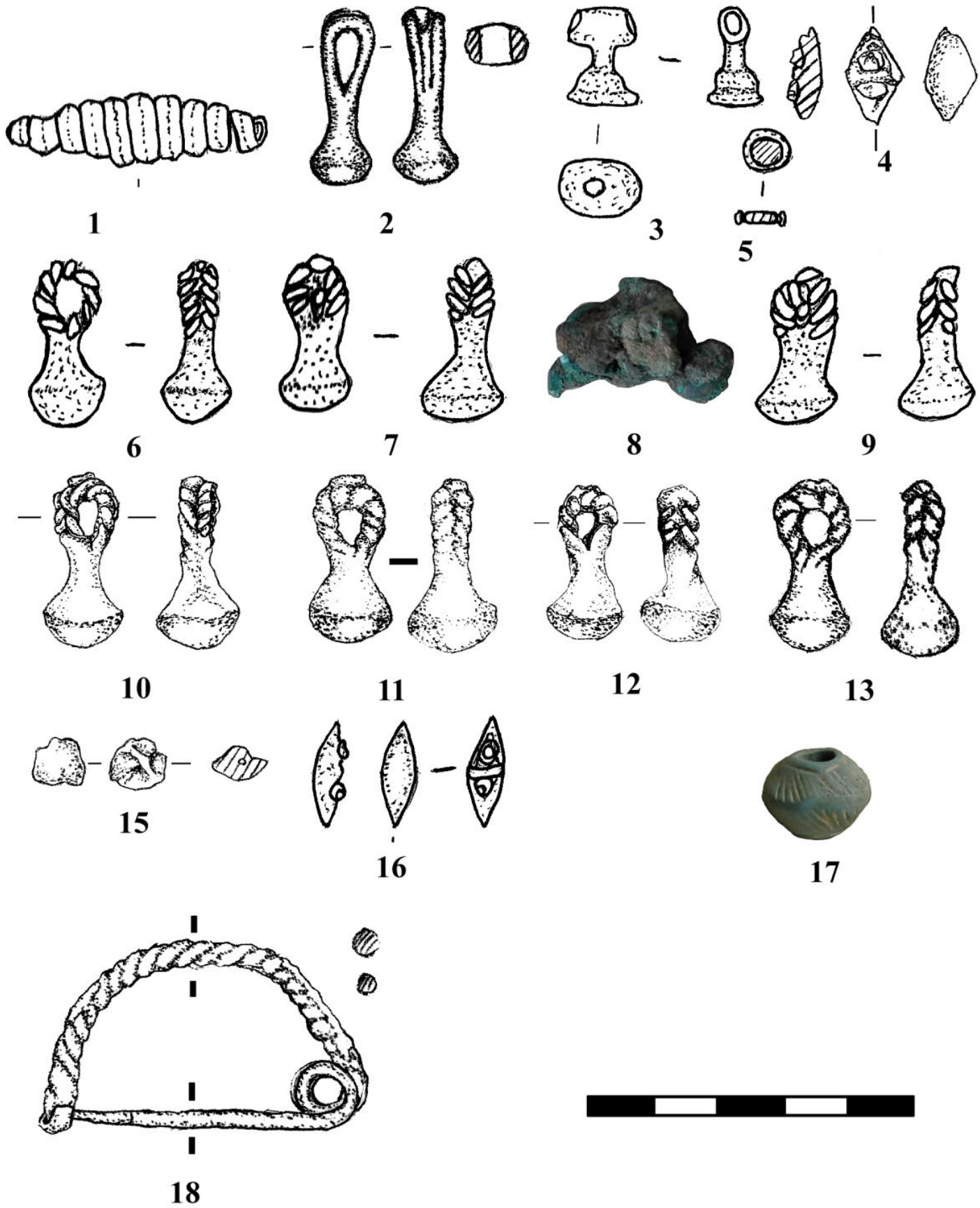

Рис. 1. Погребение 25. Нагрудный убор 1

1 — спиральная биконическая пронизь; ***2, 7–14, 16*** — подвески в виде пестика; ***3*** — пронизка с раструбовидным расширением; ***4, 5*** — ромбовидные нашивные бляшки; ***6*** — округлая обойма с синей округлой вставкой; ***15*** — подвеска в виде бараньей головки; ***17, 19*** — бусины; ***18*** — полусферическая нашивная бляшка. (***1–5, 7–16, 20*** — бронза; ***6*** — бронза, стекло; ***17, 19*** — стекло; ***18*** — сурьма)

Рис. 2. Нагрудный убор 1. Реконструкция

1 — спиральная биконическая пронизь, ***2, 6, 7, 9–13*** — подвески в виде пестиков,
3 — пронизка с раструбовидным расширением, ***4, 5, 15, 16*** — нашивные бляшки, ***17*** — бусина, ***18*** — фибула.
(***1–4, 6–13, 16, 18*** — бронза, ***5*** — бронза, стекло, ***15*** — сурьма, ***17*** — стекло)

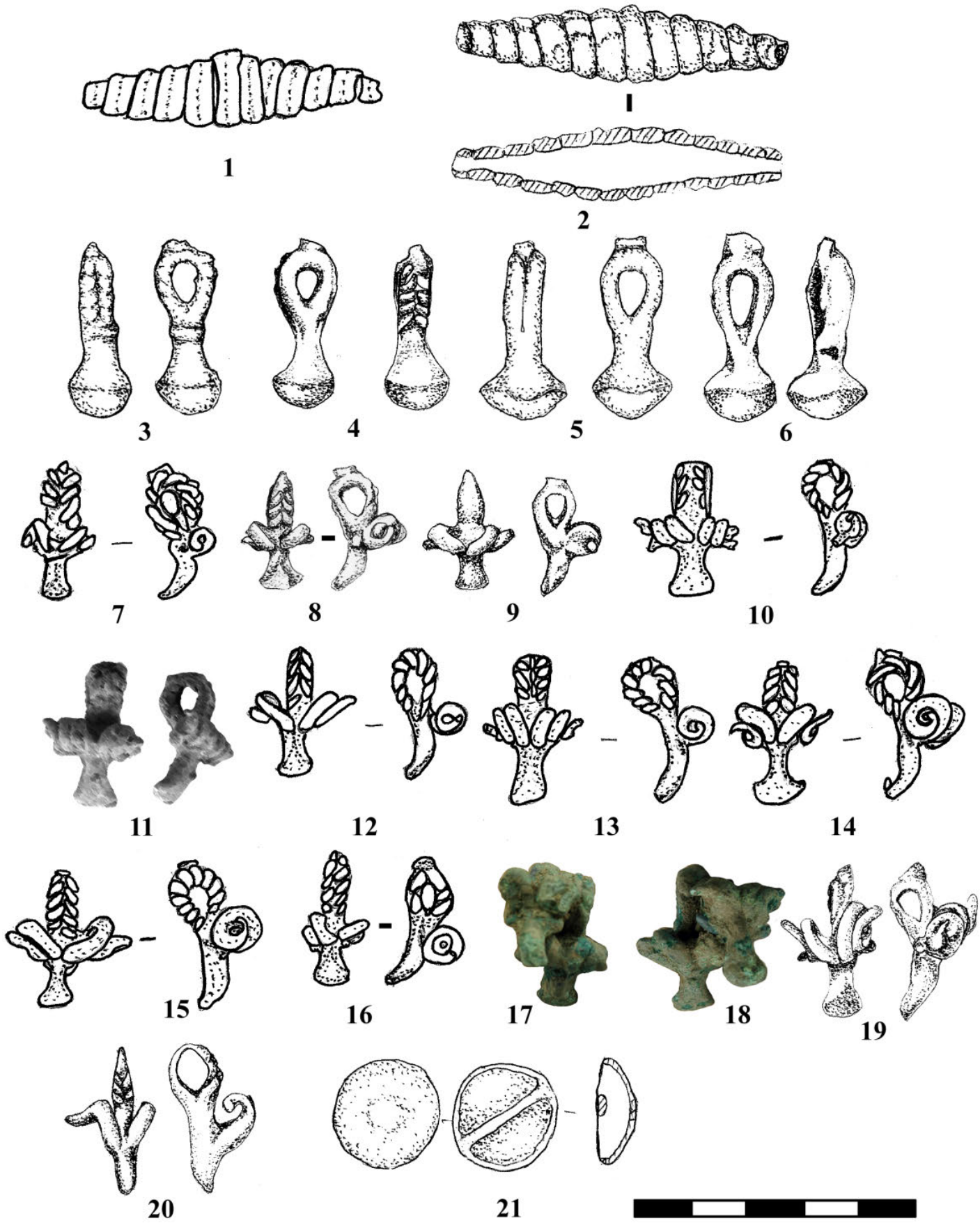
Рис. 3. Состав убора 1 и сопровождающий инвентарь. Рисунки Д. Д. Толстиковой, Д. А. Бариновой

Рис. 4. Погребение 33. Нагрудный убор 2

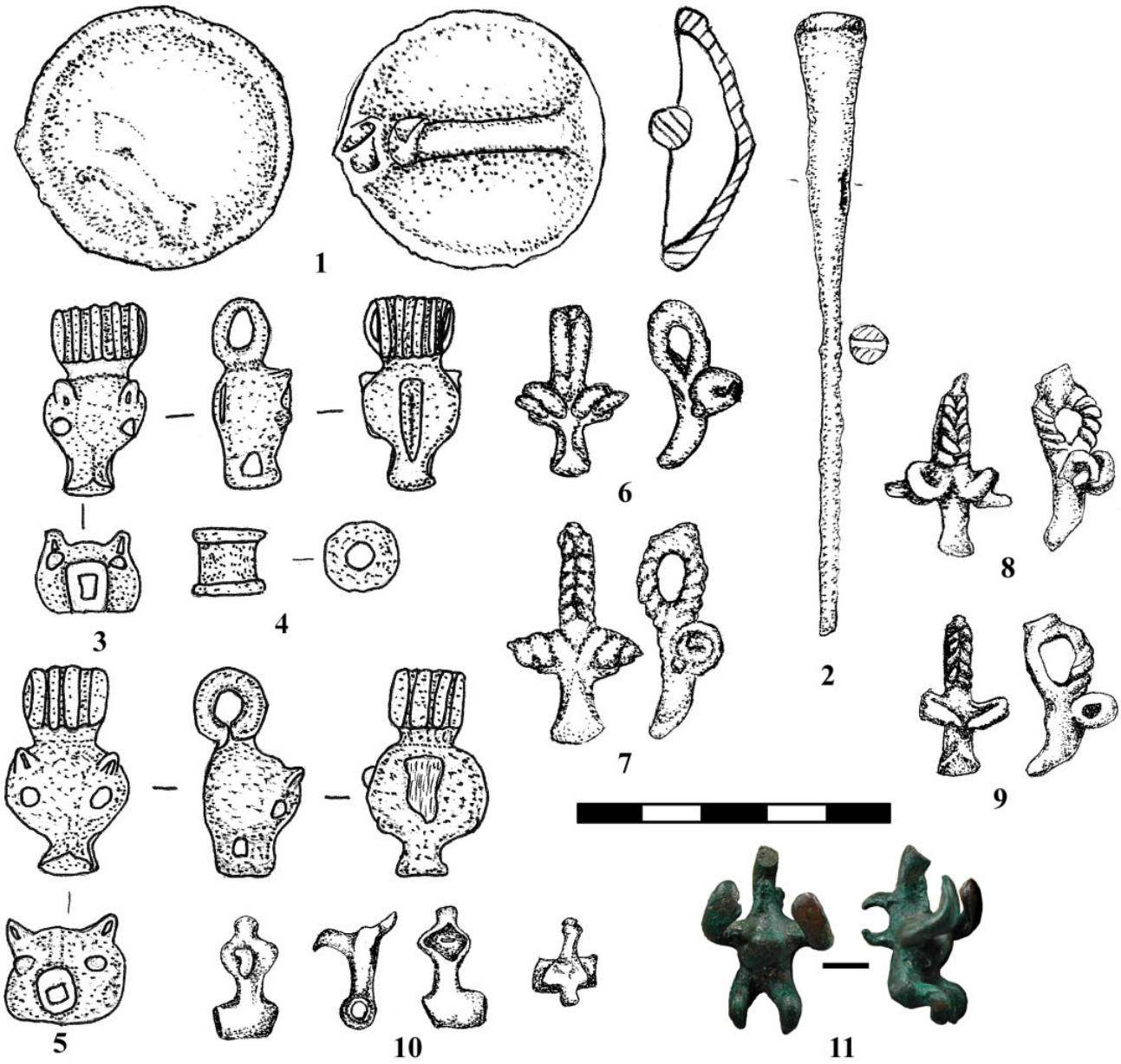

Рис. 5. Нагрудный убор 2. Реконструкция

1, 2 — спиральные биконические пронизи, ***3–7*** — подвески в виде пестиков, ***8–19*** — подвески в виде бараньих головок, ***20*** — подвеска в виде головы козла, ***21*** — полусферическая бляшка. Бронза

Рис. 6. Состав убора 2. Рисунки Д. Д. Толстиковой, Д. А. Бариновой

1 — Полусферическая бляха, ***2*** — булавка, ***3***–***5*** ожерелье с подвесками в виде голов медведей, ***6***–***9*** — подвески в виде бараньих головок, ***10*** — пронизка с изображением птицы, ***11*** — антропоморфная подвеска. Бронза

Рис. 7. Фрагменты убора 2, ожерелье и одиночные находки предметов пластики малых форм. Рисунки Д. Д. Толстиковой, Д. А. Бариновой

К статье С. И. Лукьяшко

Рис. 2. Образцы рефлексивных луков из Индии

Рис. 1. Карта Республики Дагестан с памятниками киммерийского и раннескифского времени.

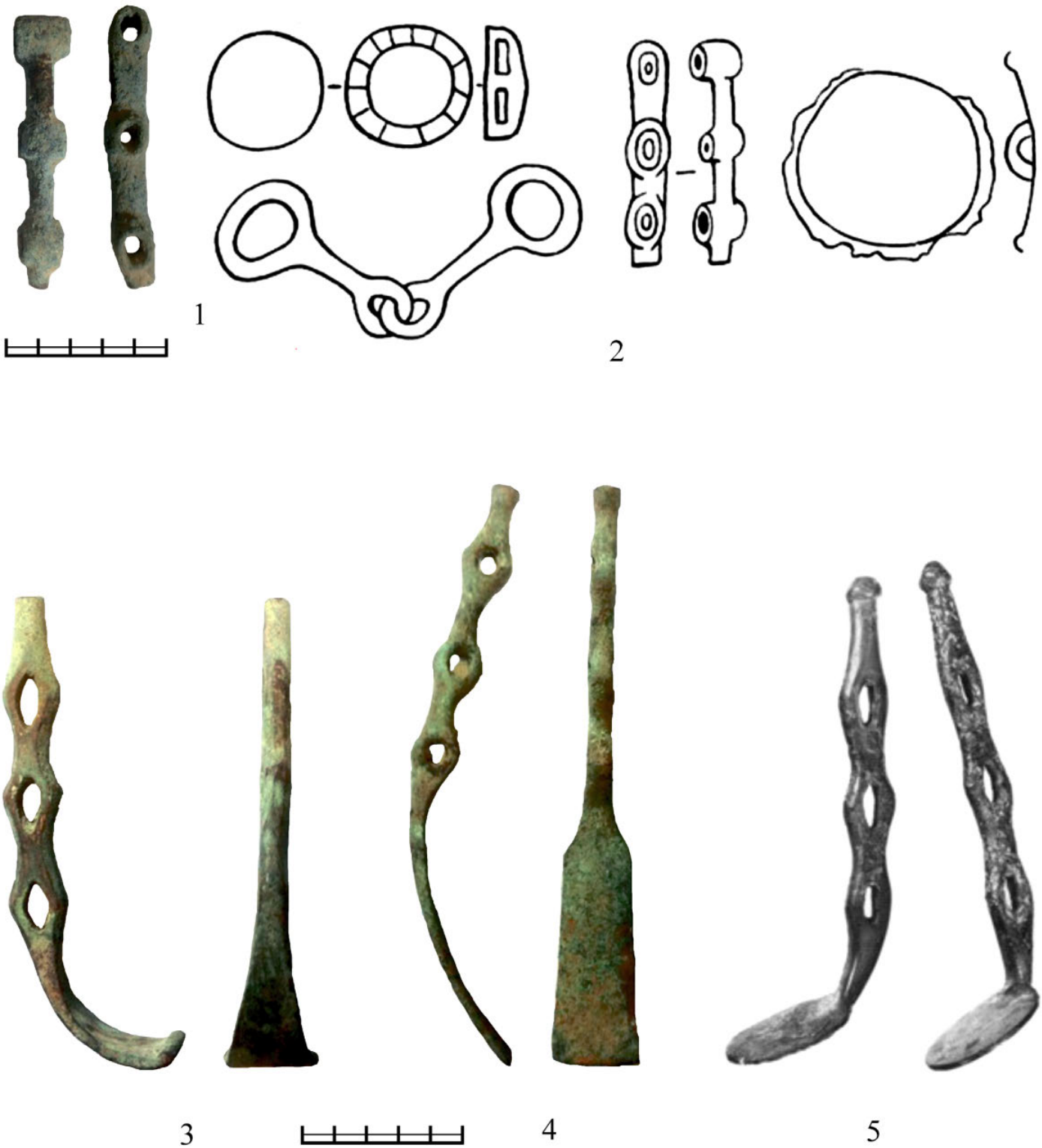
1 — детали ножен; ***2***, ***5*** — наконечники ножен; ***3*** — клинок; ***4*** — рукоять меча или кинжала. ***1***, ***2***, ***4***, ***5*** (бронза); ***3*** (железо)

Рис. 2. Луткунский клад

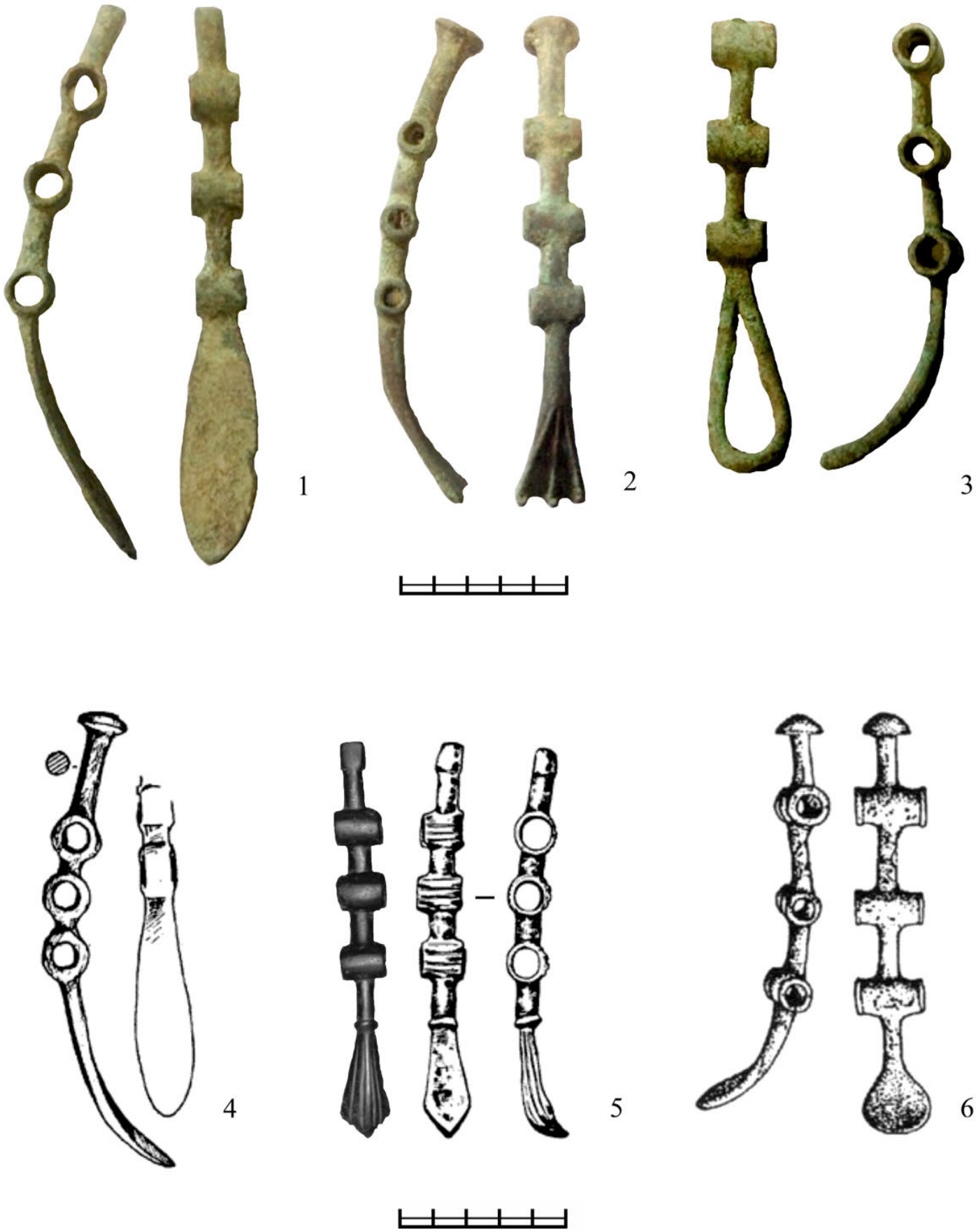
1–4 — удила. ***1–3*** (бронза), ***4*** (железо)

Рис. 3. Луткунский клад

1, 3, 4 — Луткунский клад, псалии; ***2*** — Мугерганский могильник, конское погребение 1974 г. (по: Котович, Давудов 1980); ***5*** — могильник Парадизфестунг, п. 74 (по: Nagel, Strommenger 1985). Бронза

Рис. 4

1–3 — Луткунский клад. ***4*** — Хаджох, курган 2, ***5*** — Уашхиту-I, курган 1 (по: Эрлих, 2007);
6 — Яньево (Средняя Европа, по: Chochorowski 1993)

Рис. 5. Псалии типа Уашхиту-Жаботин

1–5 — Луткунский клад; ***6***, ***7*** — Келермесский могильник (по: Галанина, 1997). ***1–5*** (бронза), ***6***, ***7*** (золото)

Рис. 6. Бляхи и фалары

1 — конусовидная бляха; ***2***–***7*** — наконечники ремней

Рис. 7. Луткунский клад. Бронза

1 — колокольчик; ***2*** — застежка; ***3*** — пронизь «сиалковского» типа

Рис. 8. Луткунский клад. Бронза

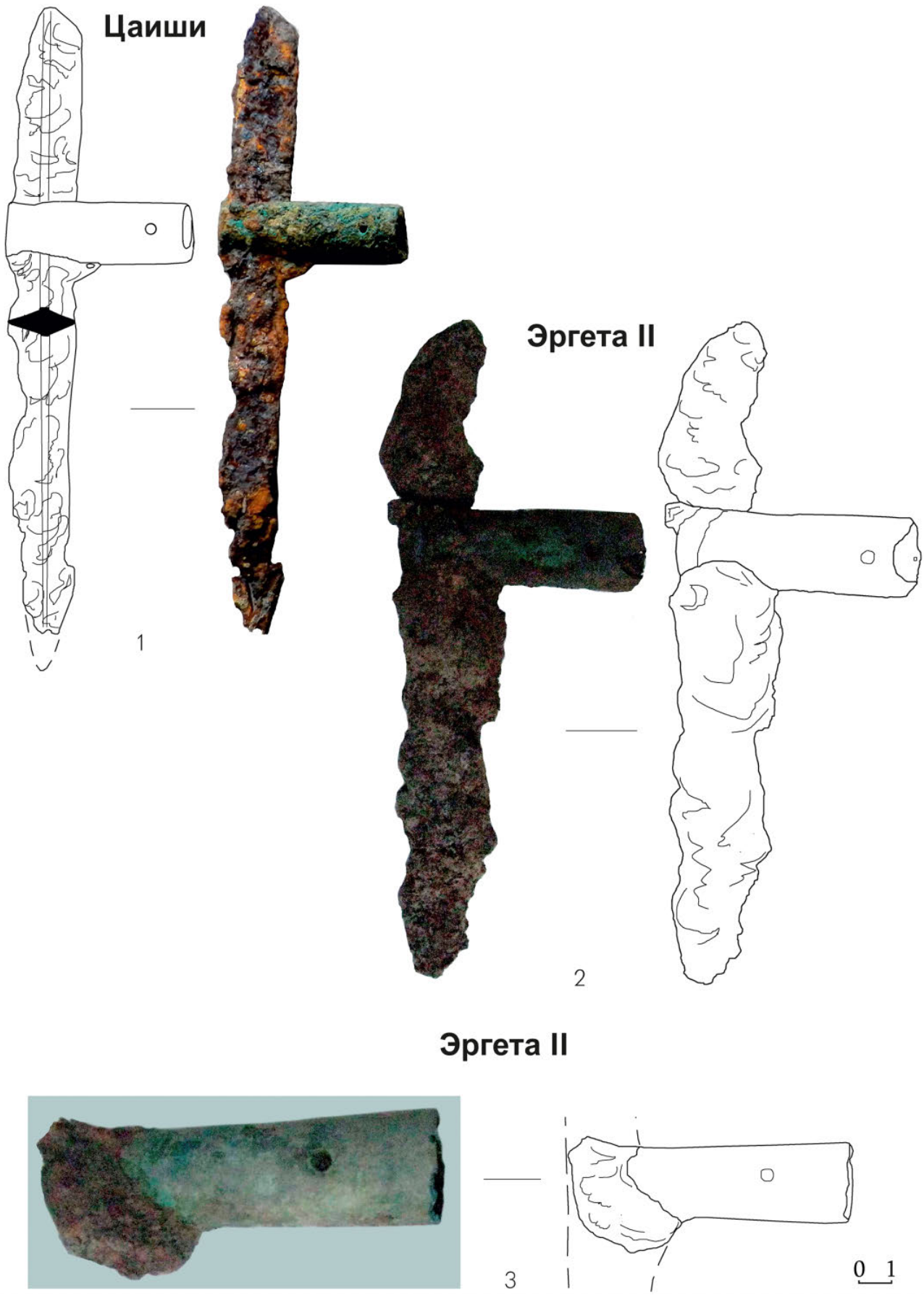

Рис. 1. Клевцы из Цаиши и Эргета II

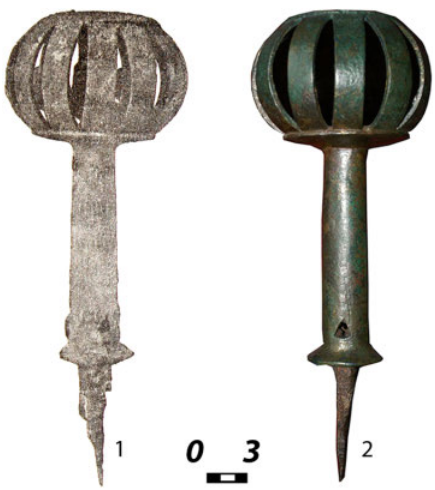
К статье М.С. Пирцхалавы

A, B — фото двух сторон бутероли; ***a, b*** — рисунки обеих сторон и профиля бутероли

Рис. 1. Бутероль из поселения Трелигореби

К статье Т.В. Рябковой

1 — по: ОАК за 1904 г. рис. 140;
2 — ГЭ, инв. № 2737/202

Рис.1. Навершие. Келермес, курган 1/В

1 — Погребение 1 у деревни Шизуитоу на холме Шигу (Шигушань) близ г. Баодзи (Baoji) по: Noble life of the Zhou 2014, 71; ***1а*** — коллекция Артура Саклера, по: Bunker 1997, 130, № 16; ***2*** — Корсуковский клад по: Зуев, Исмагилов 1995, рис. 2, 3; ***3*** — Келермес, курган 2/В (№ 31) (ГЭ, инв. №№ 2737/201, 203, 204, 117, 118). ***3а*** — Келермес, курган 31 по: Алексеев, Кузнецова 2001, рис. 6, 7; ***4*** — Келермес, курган 1/В (№ 27) (ГЭ, инв. №№ 2737/108, 110, 123, 111–116, 119–122, 202, 205). ***5*** — Курган у ст. Махошевской, случайная находка 1895 г. (ГЭ, инв. №№ 2496/1–3); ***6*** — Келермес, курган 4/Ш (№ 29) (ГЭ, инв. № Ку 1903–04/41); ***7*** — Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Д. Е. Фелицына по: Волков 1983, рис. 1, 2–3; ***8*** — курган у ст. Губская по: Марковин 1971; ***9*** — Келермес, курган 3/Ш (ГЭ, инв. №№ Ку 1903-04-1/42, 44–47); ***10*** — курган у хутора Красный в Крымском районе Краснодарского края по: Шевченко 2013, ил. 6, 1–4; ***11*** — Ордос по: The Impact and Mingling of agriculture and nomadism 2013, 94, 177. **№№ 2737/11–116, 2746/6–7 — железо; 2737/201, 203, 204, 117, 118 — медь, остальное — бронза**

Рис. 2. Схема развития наверший с шаровидными прорезными бубенцами

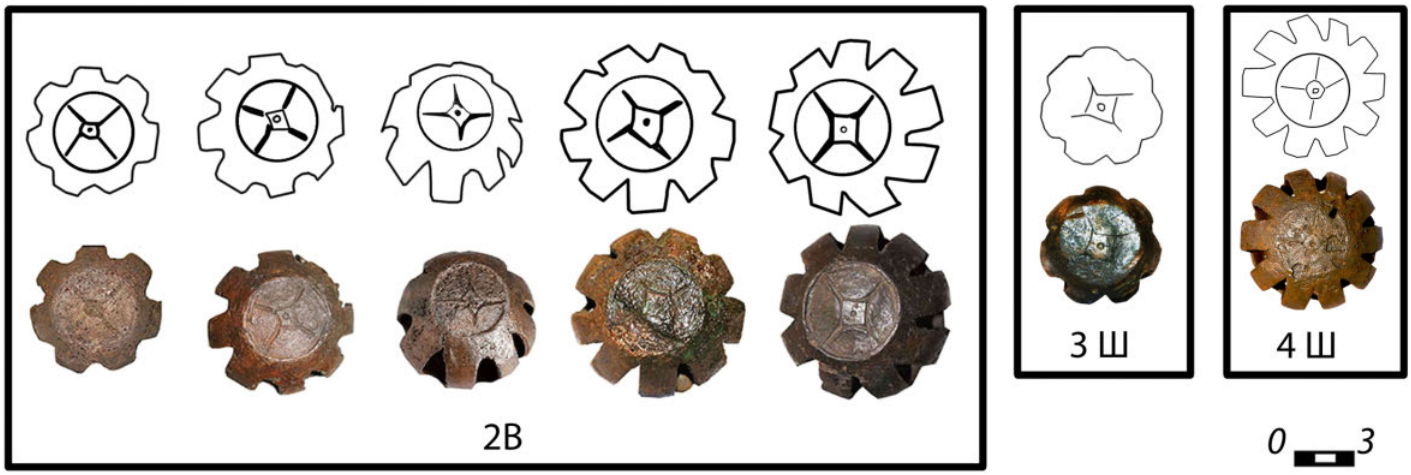

Рис. 3. Изображения ромбовидного знака на навершиях из Келермесских курганов

1 — Погребение 1 у деревни Шизуитоу на холме Шигу (Шигушань) близ г. Баодзи (Baoji) по: Noble life of the Zhou 2014, 71; ***2*** — коллекция Артура Саклера, по: Bunker 1997, 130, No 16; ***3, 4*** — Иран, Луристан по: Maxboubian 1997, kat. 99 a, б; ***5*** — Северный Иран, Гилян по: Maxboubian 1997, kat.101; ***6, 7*** — Иран по: Muscarella1988, kat. 377, 378

Рис. 4. Навершия и колокольчики с прорезными бубенцами

1 — село Кумбулта; ***2*** — село Верхний Кобан по: Мошинский 2010, кат. 146, 147 с; ***3*** — Северный Иран; ***4*** — Северный Иран, Амлаш по: Maxboubian 1997, kat. 267, 268; ***5*** — курган у ст. Махошевская; ***6*** — курган Аржан, камера 26 по: Грязнов 1980, рис. 25, 2; ***7*** — Ордос по: Herzfeld 1941, fig. 293; ***8*** — Енисейская губ., коллекция А. А. Бобринского по: Завитухина 1983, кат. 155; ***9*** — курган у ст. Губская по: Марковин 1971; ***10*** — Ордос по: The Remote Ancestor´s Story 2007, 202

Рис. 6. Зооморфные изображения в культурах народов Евразии

Рис. 1. Карта Республики Армения с указанием могильника Верин Навер

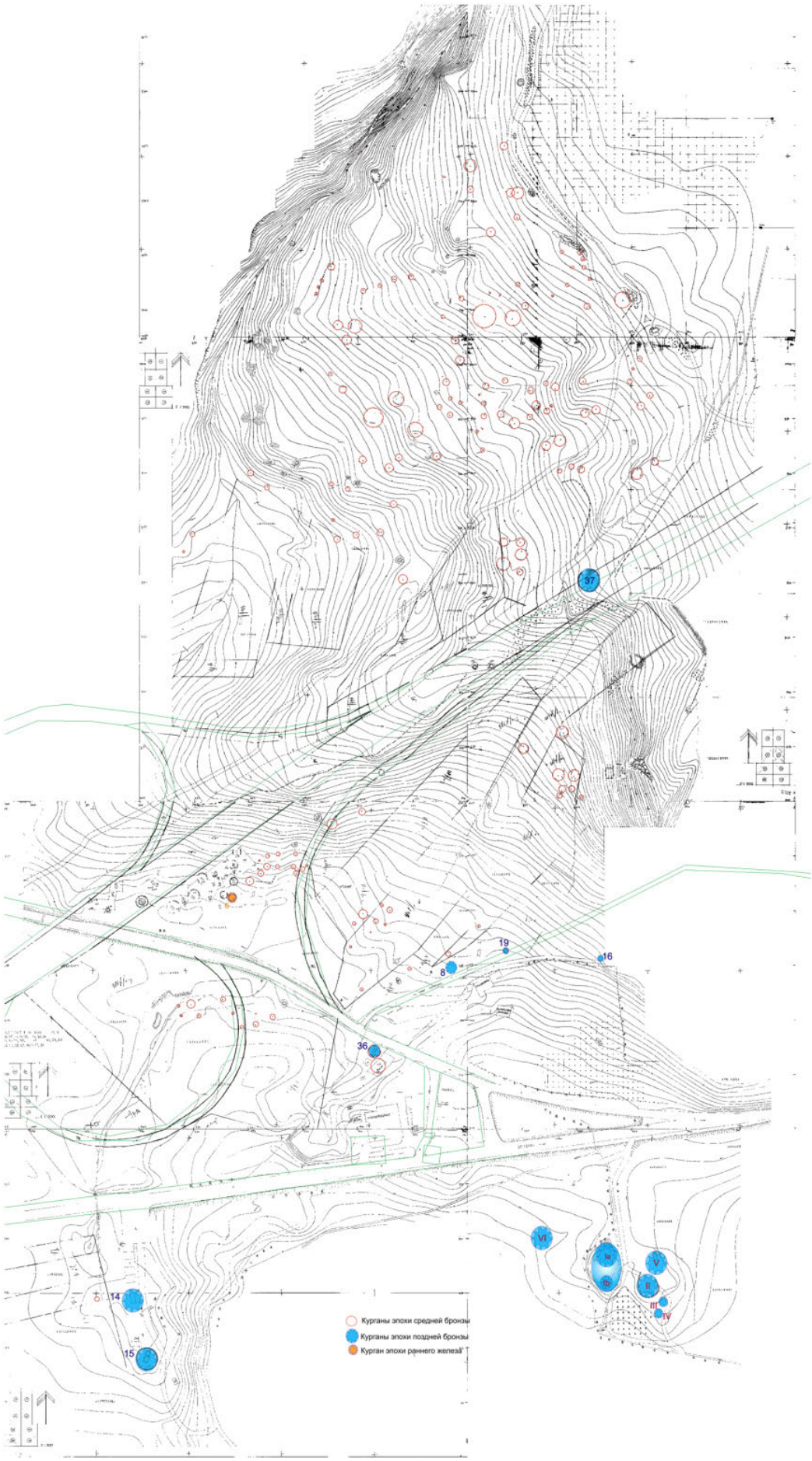

Рис. 2. Генеральный план могильника Верин Навер

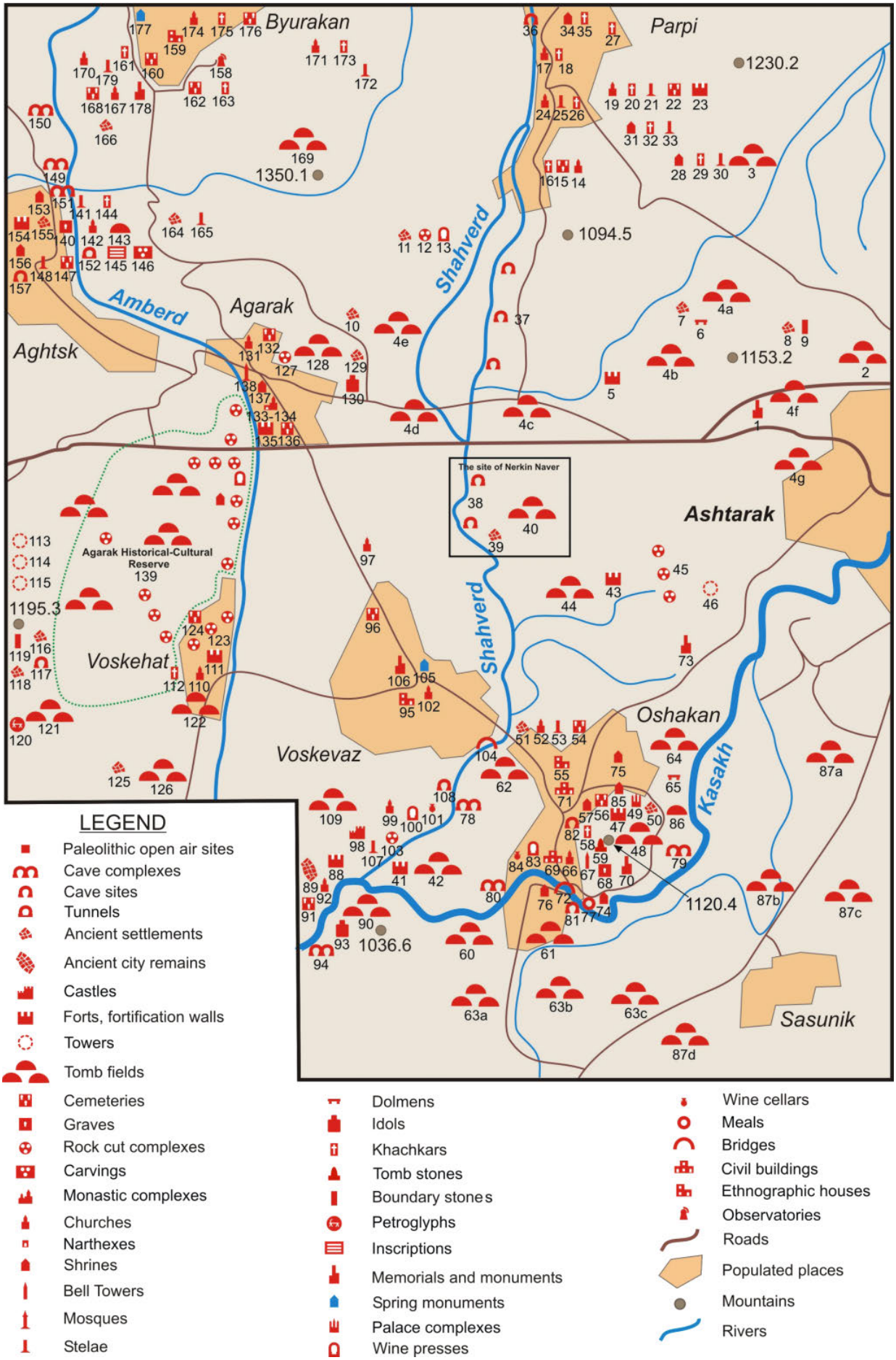

Рис. 3. Карта памятников эпохи бронзы в окрестностях могильника Верин Навер. 1 : 50 000

Рис. 6. Медальоны и пряжки с рельефными изображениями портретов героев-царей, архаров и древа жизни

К статье А.Ю. Скакова

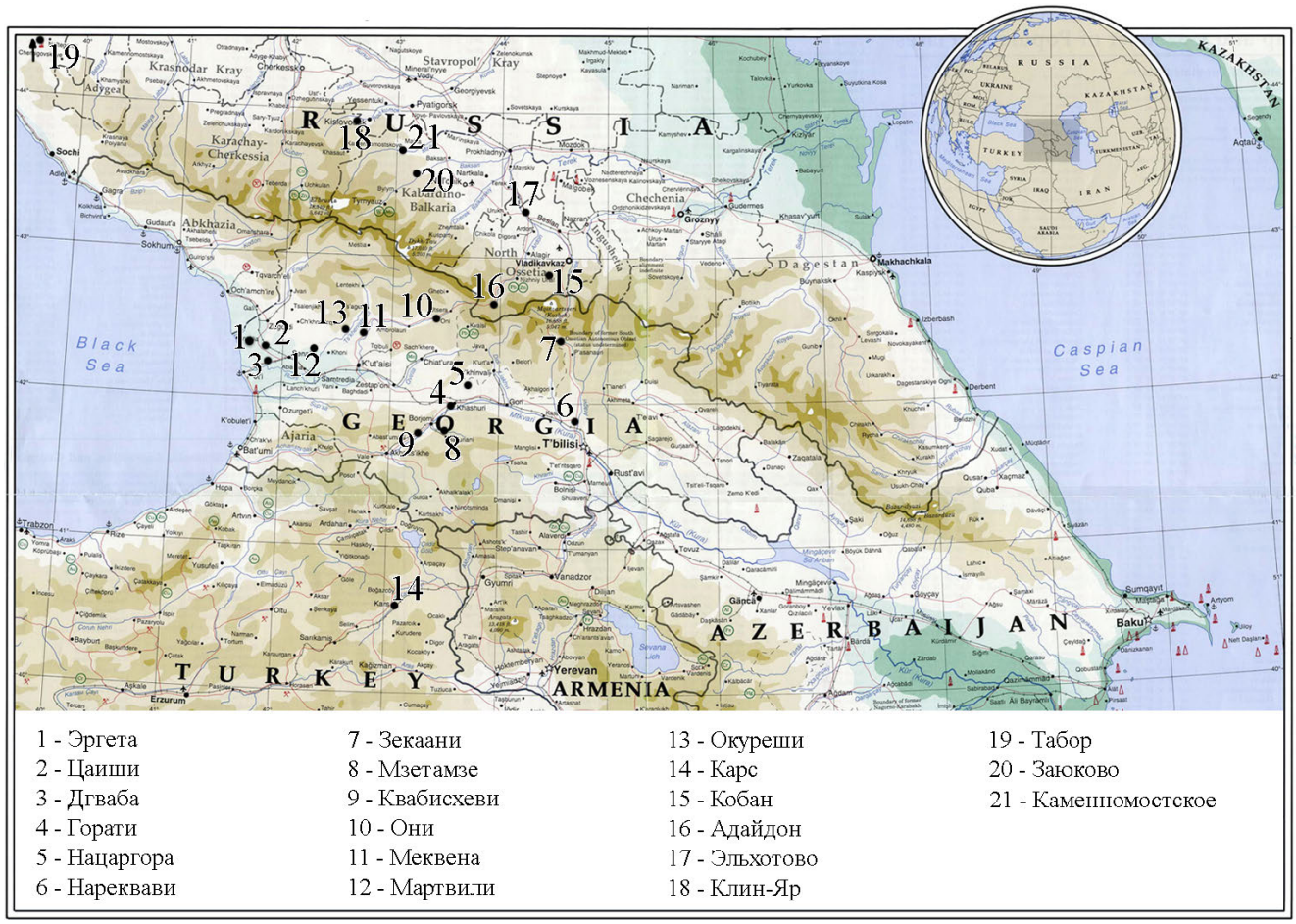

Рис. 7. Карта новых находок кобано-колхидских орнаментированных топоров

К статье К.В. Чугунова

1–3 — навершия шпилек и печать из некрополя Гонура (по: Sarianidi 2007); ***4–6*** — навершия шпилек и развёртка изображений на стержне шпильки из основного погребения Аржана-2 (фото В.С. Теребенина, рис. В.Г. Ефимова)

Рис. 1

1

2

1 — украшения в процессе фиксации (фото автора);
2 — фото-реконструкция расположения бляшек на костюме женщины (автор А. А. Бронников)

Рис. 2. Украшения костюма женщины из основного погребения Аржана-2

1.

2.

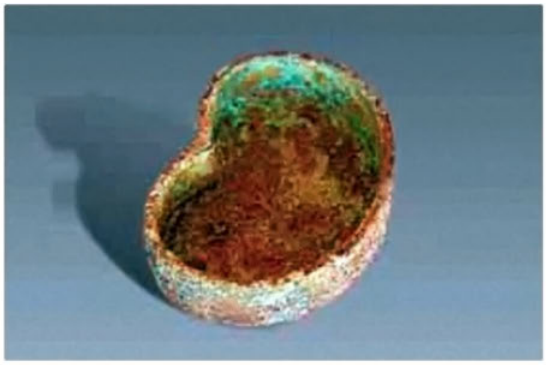
3.

4.

1–3 — каменные составные статуэтки из некрополя Гонура (по: Sarianidi 2007);
4 — реконструкция костюма женщины из основного погребения Аржана-2 (автор Д. В. Поздняков)

Рис. 3

1

2

3

4

5

6

1 — бронзовый сосуд «в виде почки» из могилы 2900 некрополя Гонура (по: Sarianidi 2007);
2 — каменный жертвенник из основного погребения Аржана-2;
3 — гарда кинжала женщины из основного погребения Аржана-2 (фото В.С. Теребенина);
4 — орнамент на пластинах, украшавших обувь женщины из основного погребения Аржана-2 (фото В.С. Теребенина);
5 — бляха от головного убора женщины в могиле 22 Аржана-2 (фото В.С. Теребенина);
6 — накладка из Жалаулинского клада (по: Культура ранних кочевников Казахстана 2009, 319)

Рис. 4

1 2 3 4

1, 2 — бронзовый ажурный светильник и каменная ваза из некрополя Гонура (по: Sarianidi 2007);

3 — жертвенник — случайная находка около Алматы (фото О. Белялова);

4 — котёл из основного погребения Аржана-2 (фото В. С. Теребенина)

Рис. 5

К статье В. [Х.] Т. Чшиева

Рис. 1. Бронзовые кружки. Адайдонский могильник.

А. Р. Канторович

ОБРАЗ ЛОШАДИ В ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОМ СКИФСКОМ ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ

Статья посвящена характеристике образа лошади в пределах восточноевропейского локального варианта скифо-сибирского звериного стиля VII – начала III в. до н. э. Автором выявлено и систематизировано 109 оригинальных изображений лошади (не считая копий), наделенных признаками скифского звериного стиля, в том числе 5 полнофигурных и 104 редуцированных. Эти изображения образуют 13 морфологических типов и в большинстве локализуются в Среднем Поднепровье. В статье представлены основные результаты классификации, типологии, иконографического и статистического анализа, установлена хронология каждого морфологического типа и на этом основании реконструирована тематическая и иконографическая динамика образа лошади. Установлено, что основная масса изображений лошади связана с мотивом обособленной головы (изредка – протомы), сочетающейся с копытами (изредка – с задними ногами) на противоположных окончаниях архаичных трехдырчатых и трехпетельчатых псалий, происходящих в подавляющем большинстве из Среднего Поднепровья. Такая иконографическая и категориальная ограниченность в реализации темы лошади в восточноевропейском скифском зверином стиле может объясняться высоким семиотическим статусом самого природного прототипа, не требовавшего дополнений и замещений в искусстве звериного стиля. Очевидно, реальный конь был постоянным компонентом единой знаковой системы, формируемой на основе зооморфных образов восточноевропейского скифского звериного стиля, почти две трети (63 %) оригинальных изображений которого, по нашим подсчетам, оформляли именно предметы конского снаряжения. В то же время преимущественное применение мотива лошади именно к оформлению псалиев сигнализирует, вероятно, о превалировании магико-прагматических задач этого образа – усилить, умножить лучшие качества взнуздываемого коня.

The article is devoted to the image of the horse in the Eastern European zone of the Scythian animal style of the 7th – early 3rd century BC. The author identified and systematized 109 original horse images (not considering copies), made in the Eastern European Scythian animal style, including 5 full-figured and 104 reduced images. These images classed into 13 morphological types are mostly located in the Middle Dnieper area. The article presents the main results of the classification, typology, iconography and statistical analysis; the chronology of each morphological type is determined. On this basis, thematic and iconographic dynamics of the horse image is reconstructed. It was found that the horse images are mostly realized as the motif of a separate head (occasionally protomae), combined with hooves (occasionally – with hind legs) on opposite endings of archaic psalia with three loops or three holes, widespread in the Middle Dnieper region. This iconographic and categorical limitations in the implementation of the horse theme in Eastern European Scythian animal style can be explained by the high semiotic status of the natural prototype, not requiring additions and changes in the art of animal style. Obviously, the natural horse was a constant component of the unified sign system formed on the basis of zoomorphic images of Eastern Scythian animal style, almost two-thirds (63 %) of which, according to our calculations, had been decorating the horse harness items. At the same time, the primary use of the horse motif to design psalia probably reveal the dominance of magical-pragmatic tasks of this image – to strengthen and multiply the finest qualities of the bridled horse.

Основные задачи исследования

Замечательный отечественный скифолог, кавказовед и востоковед Мария Николаевна Погребова уделяла в своем научном творчестве пристальное внимание искусству скифского звериного стиля, как в связи с общими проблемами изучения скифов и скифской археологической культуры (Погребова, Раевский 1992, 74–163), так и в контексте специального анализа этого художественного направления и его отдельных мотивов (Погребова, Раевский 1999, 260–274; Погребова, Раевский 2001, 45–52; Раевский, Кулланда, Погребова 2013).

Именно одному из образов скифского звериного стиля — теме лошади — посвящена данная статья. В ней отражены результаты морфологической классификации, типологии, статистического и иконографического анализа массива изображений лошади,

созданных искусством скифо-сибирского звериного стиля в пределах одного из его локальных вариантов — восточноевропейского скифского звериного стиля, соответствующего зоне скифской археологической культуры Среднего Поднепровья, Среднего Подонья, степного Северного Причерноморья и Приазовья, а также Северного Кавказа (Прикубанье и Центральное Предкавказье, включая Ставрополье). Анализируемые показатели являются частью более общего исследования, предпринятого автором в отношении скифского искусства, предусматривавшего классификацию и морфологическую типологию всех опубликованных до 2013 года (включительно) изображений, выполненных в канонах скифо-сибирского звериного стиля VII — начала III в. до н. э. и происходящих с территории скифской археологической культуры (Канторович 2015 (2))[1].

Образ лошади и связанные с ним мотивы — один из заметных составляющих репертуара скифо-сибирского звериного стиля — неоднократно подвергался исследованию в различных аспектах, в связи с различными категориями изделий и в рамках отдельных регионов скифо-сибирского мира (Кузьмина 1977, 97, 100–106; Членова 1981, 80–94; Членова 2000, 91–103; Королькова 2006, 51–53; Полидович 2004а, 143–153; Полидович 2004б, 206; Кисель 2014, 46–48), однако до настоящего времени не проводился специальный статистико-типологический анализ изображений лошади в отношении крупнейшего из локальных вариантов скифо-сибирского звериного стиля — восточноевропейского.

Общие принципы образно-видовой идентификации изображений лошади

Ранее автором данной статьи был предложен список диагностических признаков скифского звериного стиля, образующих три нижеперечисленных группы[2]:

1) специфические пропорции животного — преувеличенность определенных частей тела в ущерб остальным: глаз, пасти, ноздрей, ушей, лопатки, бедра; кроме того, гипертофированность рогов и копыт — у копытных, зубов и когтей — у хищников, клюва и крыльев — у птиц, всех вышеперечисленных деталей (при их наличии) — у синкретических животных;

2) акцентирование определенных анатомических деталей (таких, как глаз, рог, лопатка, плечо, бедро, копыто или лапа) посредством рельефа, линейного обрамления, намеренной геометризации и/или «зооморфного превращения» этой детали, т. е. трансформации в другой зооморфный мотив;

3) специфическая поза животного, соответствующая ограниченному набору поз, строго определенному для той или иной группы образов.

При этом для полнофигурного изображения необходимо наличие всех трех признаков, для намеренно редуцированного — достаточно первых двух.

В соответствии с вышеуказанными критериями из общего массива зооморфных изображений, известных на территории скифской археологической культуры, было отобрано 2201 оригинальное изображение[3]. Это количество установлено без учета копий (т. е. бляшек, изготовленных по одному штампу, идентичных отливок наверший и т. д.), поскольку их включение в общую статистику исказило бы реальную картину; в качестве одной статистической единицы рассматривались и зеркальные изображения (например, парные конские нащечники, парные псалии и т. д.). Вместе с тем элементы «зооморфных превращений» учитывались нами как отдельные оригинальные изображения.

Эти 2201 изображение происходит из археологических памятников (погребений, поселений) и иных местонахождений (случайных находок, покупок), локализуемых в вышеуказанных территориальных пределах скифской археологической культуры.

Основная масса предметов, несущих изображения, составивших источниковую базу данной статьи (и общего исследования, частью которого она является), а также ряд их аналогов из других зон скифо-сибирского мира были изучены автором de visu, зафиксированы в фотографиях и рисунках и соотнесены с их публикациями. Статистика оригинальных изображений и образуемых ими морфологических типов представлена в табл. 1. К анализу этих результатов в контексте образа лошади мы вернемся в заключительной части статьи.

[1] По возможности учтены и публикации 2014 года. Кроме того, в состав данного корпуса источников вошел и ряд неопубликованных изображений, являющихся результатом раскопок автора или же раскопок, соавтором которых он является.

[2] Эти признаки были выявлены автором в процессе анализа вековой традиции изучения скифского звериного стиля, в ходе которой сложились основы современных представлений об отличительных чертах этого искусства. См. подробнее: Канторович 2014а, 156–161.

[3] При подготовке данной статьи автор стремился учесть неуклонный прирост опубликованных изображений восточноевропейского скифского звериного стиля в 2014–2015 гг., а также находки в 2015 г. изображений звериного стиля в результате раскопок Ставропольской экспедиции кафедры археологии МГУ (руководимой автором). Соответственно в публикациях автора в 2014 г. (по данным на конец 2013 г.) корпус оригинальных изображений составлял 2169 единиц (Канторович 2014б), в ряде публикаций 2015 г. — 2196 единиц (Канторович 2015б); к концу весны 2016 г. автору известно уже 2201 изображение. Примечательно, однако, что на приросте изображений лошади, равно как и на количестве морфологических типов данное пополнение материала никак не отразилось.

Табл. 1

Статистика репертуара и морфологических типов изображений восточноевропейского скифского звериного стиля
(*указано количество оригинальных изображений, без учета копий*)

Образно-видовая принадлежность	Количество оригинальных изображений	%	Кол-во типов
Хищники	**590 (полнофигурных — 245, редуцированных — 345)**	**26,8**	**108**
Копытные, *в том числе:*	**791**	**35,7**	**127**
Олени	262 (полнофигурных – 128, редуцированных –134)		42
Лоси	88 (полнофигурных – 19, редуцированных – 69)		17
Горные козлы	52		12
Бараны	78		10
Лошади	109 (полнофигурных – 5, редуцированных – 104)		13
Быки	4		2
Кабаны	37 (полнофигурных – 10, редуцированных – 27)		14
«Оленелоси»	12		3
“Лосекозлы”	20		1
“Оленекозлы”	19		1
Обособленное ухо копытного	24		2
Обособленная нога копытного / копыто	86		10
Птицы	**556 (полнофигурных — 83, редуцированных — 473)**	**25,3**	**55**
Синкретические животные, *в том числе:*	**206**	**9,4**	**46**
Грифоны и крылатые львы	100 (полнофигурных – 61, редуцированных — 39)		33
Бараноптицы	48		2
Гибрид грифона и бараноптицы	1		1
Гибрид грифона и кошачьего хищника – тупорылый зверь	10		1
Гиппокампы, грифоногиппокампы и «петушки»	23		4
“Лосептица”	13		1
“Оленептица”	2		1
Комбинация элементов птицы и неопределенного копытного	8		2
Рогатая рыба	1		1
Зайцы	**21**	**0,95**	**3**
Верблюды	**6**	**0,27**	**1**
Дельфины	**4**	**0,18**	**2**
Рыбы	**27**	**1,23**	**3**
ИТОГО	**2201**	**100**	**345**

Вышеуказанные диагностические признаки, соответственно, послужили и критерием отбора среди материалов скифской археологической культуры (а ее памятники, помимо прочего, содержат отображения данного животного и в греческой, и во фракийской манере), именно тех изображений, которые относятся к художественному направлению скифо-сибирского звериного стиля. Кроме того, учитывались объективные морфологические признаки надотряда копытных (Ungulata), отряда непарнокопытных (Perissodactyla), Семейства лошадиных (Equidae), рода Лошади (Equus). Основным диагностирующим признаком видовой атрибуции конкретного изображения послужила вытянутая и относительно широкая на конце морда — прямая или с небольшой горбинкой, при отсутствии рога, при наличии длинных подтреугольных ушей. Также важным, хотя и не исключительным признаком является наличие длинного хвоста, гривы или выступа перед ухом, имитирующего хохолок гривы[4].

Исследование показало, что тема лошади в восточноевропейском скифском зверином стиле реализуется в основном в редуцированном (голова или голова в сочетании с копытом) и, крайне редко, в полнофигурном отображении. Рассмотрим морфологические типы, образуемые этими изображениями соответственно в пределах полнофигурной и редуцированной схемы.

Полнофигурные изображения лошадей (рис. 1)

Полнофигурно в восточноевропейском скифском зверином стиле лошадь представлена только с нижними частями ног, параллельными оси туловища ниже сгиба запястья (передняя нога) и сустава заплюсны-пятки (задняя нога) — т. е. лежащей. В разработанной нами универсальной таксономической системе классифицирования скифского звериного стиля (см. Канторович 2011, 35–36; Канторович 2015, табл. 1) такая позиция соответствует полнофигурным изображениям **I группы.** При этом лошади показаны только с головой, однонаправленной с туловищем. В вышеупомянутой таксономической системе такая позиция соответствует полнофигурным изображениям **I отдела.**

Тип I-I-1 Келермесский[5] **(рис. 1)**

К данному типу относятся 2 оригинальных изображения, происходящие из Прикубанья — из Келермеского кургана 4/Ш. Они помещены на золотые обкладки уздечных фаларов (1: обкладки с одиночным изображением, 3 экз.; 2: обкладки с зеркальными изображениями, 2 экз.).

Перед нами изображение копытного с вытянутой мордой, утолщенной на конце, с выступом перед ухом, имитирующим передний хохолок гривы и с длинным хвостом — это, несомненно, лошадь. Моделировка рельефная, ракурс строго профильный. Изображение имеет контур перевернутой трапеции. Передняя и задняя ноги подогнуты под туловище внахлест, так что пясть (метаподий) и акроподий (включая копыто) передней ноги проходят над копытом задней ноги и над ее метаподием (над плюсной), доходит до голени и почти упирается подошвой в живот. Шея направлена наискось вверх; голова опущена под прямым углом к шее, ухо противонаправлено голове. Келермесские изображения на прямоугольных фаларах (2) образуют парную синтетическую композицию, симметричную относительно некой вертикальной рельефной линии, «вертикального столба» (Галанина 1997, 230), напоминающего древо.

Изображение схематизированное. Морда условна (1) или более натуралистична (2), но неизменно с преувеличенной носовой частью. Глаз овальный, моделирован слабозаметным углублением. Рот и ноздря моделированы соответственно большим и малым каплевидными углублениями (2), либо обозначены единым овальным углублением (1). Ухо крупное, удлиненно-овальное, с впадиной раковины. Хохолок гривы имитирован узким рельефным выступом. Шея длинная подпрямоугольная, с продольной рельефной полоской (2, левое изображение) или малозаметной выпуклостью (1, 2, правое изображение), обозначающей мускулы, переходит в рельефную сегментовидную лопатку. Туловище поджарое, бедро не акцентировано. Ноги тонкие удлиненные, с рельефно выделенными копытами и проработанными рудиментарными пальцами. Хвост длинный, тонкий, опущен вниз, повторяет очертания крупа и задней ноги, доходя до уровня окончания копыта задней ноги.

[4] Применяя эти критерии к известной дискуссии между В. А. Ильинской (Ильинская 1965, 89; Ильинская 1968, 18, рис. 1) и Б. А. Шрамко (Шрамко 1971, рис. 4, *7–13*) о видовой атрибуции изображений копытных с вытянутой вперед мордой и прижатым к шее длинным ухом, оформляющих окончания костяных псалиев из Среднего Поднепровья (В. А. Ильинская считает, что это кони, Б. А. Шрамко — что это лось/лосиха), мы присоединяемся к позиции В. А. Ильинской, как более отвечающей природным реалиям, и соответственно рассматриваем и анализируем данные изображения в настоящей работе в качестве лошадиных.

[5] Типы полнофигурных изображений обозначены индексом, содержащим номера соответствующих таксонов классификации (римские цифры — группа и отдел, арабская цифра — порядковый номер типа) и именуются по местонахождению предметов с изображениями, либо эталонными для иконографии данного типа, либо маркирующими крайние пространственные или временные позиции относящихся к нему изображений. Конкретные местонахождения предметов с изображениями каждого типа и источники иллюстраций указаны в подписях к рисункам. Порядковые номера изображений в тексте соответствуют номерам изображений на рисунках.

Тип I-I-1 Келермесский

1

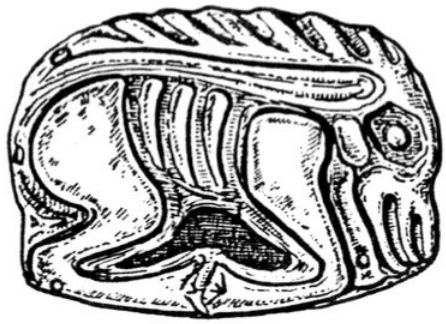

2

Тип I-I-2 Колбинско-мастюгинский

1а

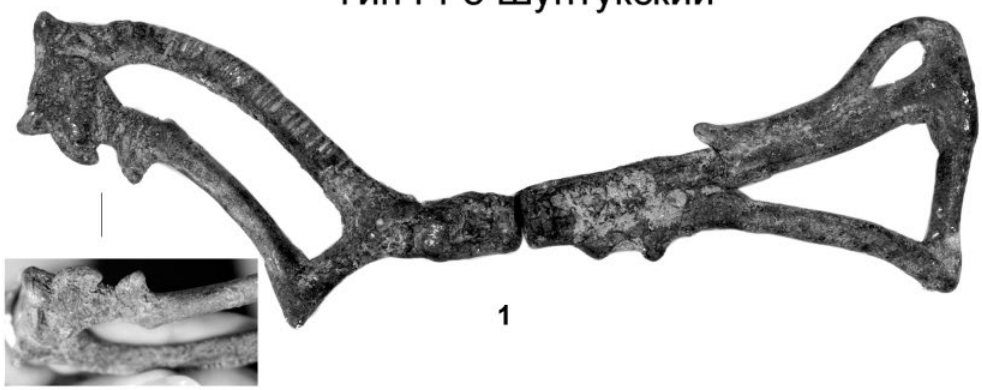

1б

2

Тип I-I-3 Шунтукский

1

Тип I-I-1 Келермесский: 1, 2 — Келермесские курганы, курган 4/Ш (по: Галанина 1997, табл. 20, 26, кат. 55–57, 58).

Тип I-I-2 Колбинско-мастюгинский: 1-а (фото), 1-б (прорисовка) — Колбино-I, курган 7 (по: Гуляев 2009, рис.1; Савченко 2001, рис.33, *21*); 2 — Мастюгино, вещи из грабительских раскопок кургана (по: ОАК за 1905 г., 96–97, рис.119, *1*).

Тип I-I-3 Шунтукский: 1 — хутор Шунтук, разрушенный комплекс (по: Канторович, Эрлих 2006, кат. 83).

Рис.1. Образ лошади. Полнофигурные изображения

Аналогии и хронология: Не находя себе близких аналогий в рамках образа лошади, изображения изучаемого типа композиционно близки Келермесско-кульобскому композиционному канону «летящего», или «классического скифского» оленя с ногами внахлест и вытянутой вперед шеей (см.: Канторович 1996, 46–59). Изображения из Младшей Келермесской группы (курганы Шульца) были в конечном счете датированы Л. К. Галаниной по объективным показателям в пределах второй половины VII в. до н. э. (Галанина 1983, 53; Галанина 1997, 190, 192).

Тип I-I-2 Колбинско-мастюгинский (рис. 1)

К данному типу относятся 2 оригинальных изображения, происходящих с территории Среднего Подонья и помещенных на золотые нашивные бляшки (1: Колбино-I, к.7, всего 74 экз.; 2: Мастюгино, предмет из грабительских раскопок кургана, 1 экз.).

Это изображения копытного с пышной гривой и перекрывающим ее длинным ухом, с трапециевидной мордой. Вероятно, это, лошадь; впрочем, Е. И. Савченко, атрибутируя колбинское изображение в принципе как лошадиное, допускает, что это может быть кулан или осел (Савченко 2001, 98), — т. е., во всяком случае, это животные, относящиеся, как и лошадь, к надотряду копытных, отряду непарнокопытных.

Моделировка фигур низкорельефная, ракурс строго профильный. Изображения имеют овальные очертания. Ноги подогнуты под туловище, размещены на одной линии и упираются подошвами копыт друг в друга. Шея направлена вперед; голова опущена под прямым углом к шее, грива отходит назад вдоль спины, пространство между гривой и спиной заполняет ухо.

Изображение схематизированное. Морда условна, подпрямоугольна, с преувеличенной носовой частью. Рот и ноздря моделированы соответственно большим и малым каплевидными углублениями. Глаз овальный преувеличенный, моделирован выступом зеницы в углублении глазницы. Ухо крупное, узкое, удлиненно-треугольное, с узкой впадиной раковины. Над глазом от головы назад отходит широкая полоса с косым крупным рифлением, имитирующая мощную длинную гриву, упирающуюся в хвост. Скуловой выступ оформлен рельефно. Шея предельно укорочена, практически незаметна. Лопатка преувеличена, рельефная сегментовидная. Туловище поджарое укороченное, ребра обозначены косыми вертикальными валиками, соединяют лопатку и преувеличенное рельефное сегментовидное бедро. Ноги укороченные, с рельефно выделенными расширениями копыт, без рудиментарных пальцев. Хвост короткий, закинут на спину и заворачивается назад, упираясь изгибом в окончание гривы.

Хронология. Данный тип не имеет прямых аналогий. Основу его хронологии составляет колбинское изображение: Е. И. Савченко датирует соответствующий комплекс серединой — 2-й половиной IV в. до н. э. (Савченко 2001, 56), и эта датировка не вызывает возражений с учетом морфологии наконечников стрел и псалиев из данного погребального комплекса — и, главное, колбинского акинака (с золотой обкладкой рукояти с условными зооморфными изображениями), относящегося к кругу мечей из кургана мирзы Кекуватского и Чертомлыка[6].

Мастюгинское изображение, практически тождественное колбинскому, должно датироваться аналогично.

Тип I-I-3 Шунтукский (рис. 1)

К данному типу относится одно оригинальное изображение, происходящее с территории Прикубанья (хутор Шунтук, разрушенный комплекс) и оформляющее бронзовый двудырчатый псалий (1).

Здесь представлено копытное с гривой и тонким длинным хвостом — очевидно, лошадь. Впрочем, данная образно-видовая идентификация, осуществленная нами с В. Р. Эрлихом на основе изучения изделия de visu в Национальном Музее республики Адыгея (Канторович, Эрлих 2006, 74, кат. 83), была поставлена под сомнение Г. Н. Вольной, предположившей на основании позы и формы головы животного, что это кошачий хищник (Вольная 2010, 254–283, табл. 4, *3*). В подтверждение нашей версии мы специально приводим здесь фото переднего копыта данной лошади в ¾ (то, что задняя конечность завершается копытом с рудиментарным пальцем, очевидно и в профильном ракурсе).

Моделировка скульптурная, но рассчитанная на двустороннее боковое восприятие, соответственно ракурс в передаче ног строго профильный. Изображение удлиненное. Лошадь показана с изогнутыми под прямым углом и направленными вперед ногами — в позе, более характерной для хищника в скифском искусстве, что было верно подмечено Г. Н. Вольной. Копыто передней ноги упирается в подбородок, копыто задней ноги — в живот лошади, образуемый восьмеркообразным расширением псалия. Шея направлена наискось вверх, дуговидно изогнута; голова опущена под прямым углом к шее, уши торчат вверх и немного

[6] Известная серия акинаков 2-й пол. IV в. до н. э., несущих на золотых обкладках рукоятей весьма схематичные изображения животных. К этой серии относятся мечи из двух колбинских комплексов — из Колбино, курган 7 (откуда и происходят изучаемые бляшки с изображением лошади) и из Колбино, курган 36 (Гуляев 2010, 104, рис.1, *5*; Савченко 2004, рис.2, *1–2*; Гуляев 2010, 85, рис.27, *14*), из Чертомлыка (Древности Геродотовой. Скифии 1872, табл. XL, *12*, XXVII, *3*, XL, *9*, *14*; Алексеев, Мурзин, Ролле 1991, рис. на с. 170, кат.72, рис. на с. 222, кат.184, рис. на с. 223, кат.185, рис. на с. 223, кат. 186, рис. на с. 223, кат. 187), из Куль-Обы (Древности Боспора 1854, табл. XXXI, *7*), из кургана Кекуватского (Древности Боспора 1854, табл. XXVII, *9*), из Метрополитен-музея, местонахождение неизвестно (Онайко 1970, табл. XII, № 424), из Елизаветовского могильника, Пятибратнего кургана 8 (Шилов 1962, рис. 11, *12*), из Великой Белозерки (Отрощенко 1984, 121–126, рис. на с. 123).

в стороны. Хвост лошади закинут на спину, опять-таки подобно хвосту хищника.

Изображение крайне схематизированное. Морда условна, подпрямоугольна в профиле, с утолщенной и приподнятой («курносой») носовой частью, рот и ноздри намечены насечками. Подбородок утолщен. Пасть приоткрыта, ее края подчеркнуты поперечным рифлением. Изо рта свисает толстый язык, соединяясь на конце с копытом, от которого голова отграничена желобком. Глаз округлый, помещен в центр головы, моделирован впадиной зрачка в кольце зеницы, отграниченной углубленной линией глазницы. Уши треугольные, с чуть намеченной впадиной раковины. Скуловой выступ рельефно отделен от шеи и дополнительно акцентирован поперечным рифлением. Шея предельно удлиненная. Верхняя часть шеи покрыта поперечным рифлением, очевидно, имитирующим гриву. Туловище удлиненное зауженное, лопатка и бедро не акцентированы. Ноги в стопе и пясти удлиненные, пятка и запястье подчеркнуты утолщением. Копыта в профиле выделены расширениями, в плане заужены, их подошвы заострены, рудиментарный палец рельефно обособлен.

Хронология. Не имея близких аналогий, данное изображение по композиции и по проработке головы сходно с трактовками кошачьих хищников на бронзовых псалиях из 4-го Семибратнего кургана (Borovka 1928, pl. 14; Rostovtzeff 1929, tabl. V, *18*; Артамонов 1966, рис. 60, 61), комплекс которого датируется второй пол. V в. до н. э. по античной керамике (Коровина 1957, с. 186) или, более узко, по чернолаковым чашкам, 440–430 гг. до н. э. (Горончаровский 2013, 230–233). При этом шунтукское изображение значительно схематичнее, и в этом отношении показательно, что композиция и трактовка деталей передней части шунтукского животного сближает его с волчьими хищниками на более поздних бронзовых псалиях из к.7/1917 у ст. Елизаветинской: данный комплекс по чернолаковой солонке и золотым украшениям датируется 3-ей четвертью IV в. до н. э. (Галанина 2005, 104). Эти параллели, а также сам тип псалия позволяют датировать шунтукское изображение в предельных рамках 3-й четв. V — 3-й четв. IV в. до н. э., скорее второй половиной этого 125-летнего отрезка.

Редуцированные изображения лошадей

Головы[7]

Тип 1 Волковецко-гуляйгородский (рис. 2)

Данный тип объединяет 9 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья (1–9). Все изображения данного типа оформляют бронзовые бляхи-распределители уздечных ремней.

Изображения представляют голову лошади анфас с торчащими вертикально ушами. Изображения скульптурные, но рассчитанные на одностороннее восприятие анфас, о чем свидетельствует отсутствие нижней челюсти и позиция глаз и ушей, находящихся в одной плоскости с поверхностью головы. Контур головы в плане подтреугольный или трапециевидный, с характерным для лошади сужением при переходе от лобной к носовой части, которая сама при этом может быть акцентирована расширением (1, 4, 5). Голова разделена на два симметричных сектора гладким вертикальным валиком, обозначающим носовую кость. Глаза преувеличенные, округлые, концентрические, даны выпуклым кольцом с впадиной зрачка (1–9). Рот не обозначен, ноздри либо акцентированы, моделированы впадинами в рельефных выступах (1, 4, 5), либо слабо намечены впадинами (3, 6), либо практически не заметны (7, 9), в одном случае носовая часть утрачена (8). Лобная часть может быть разделена надвое валиком, продолжающим валик носа (6, 7). Уши в плане удлиненно-овальные заостренные, с четко оформленной раковиной — она моделирована впадиной.

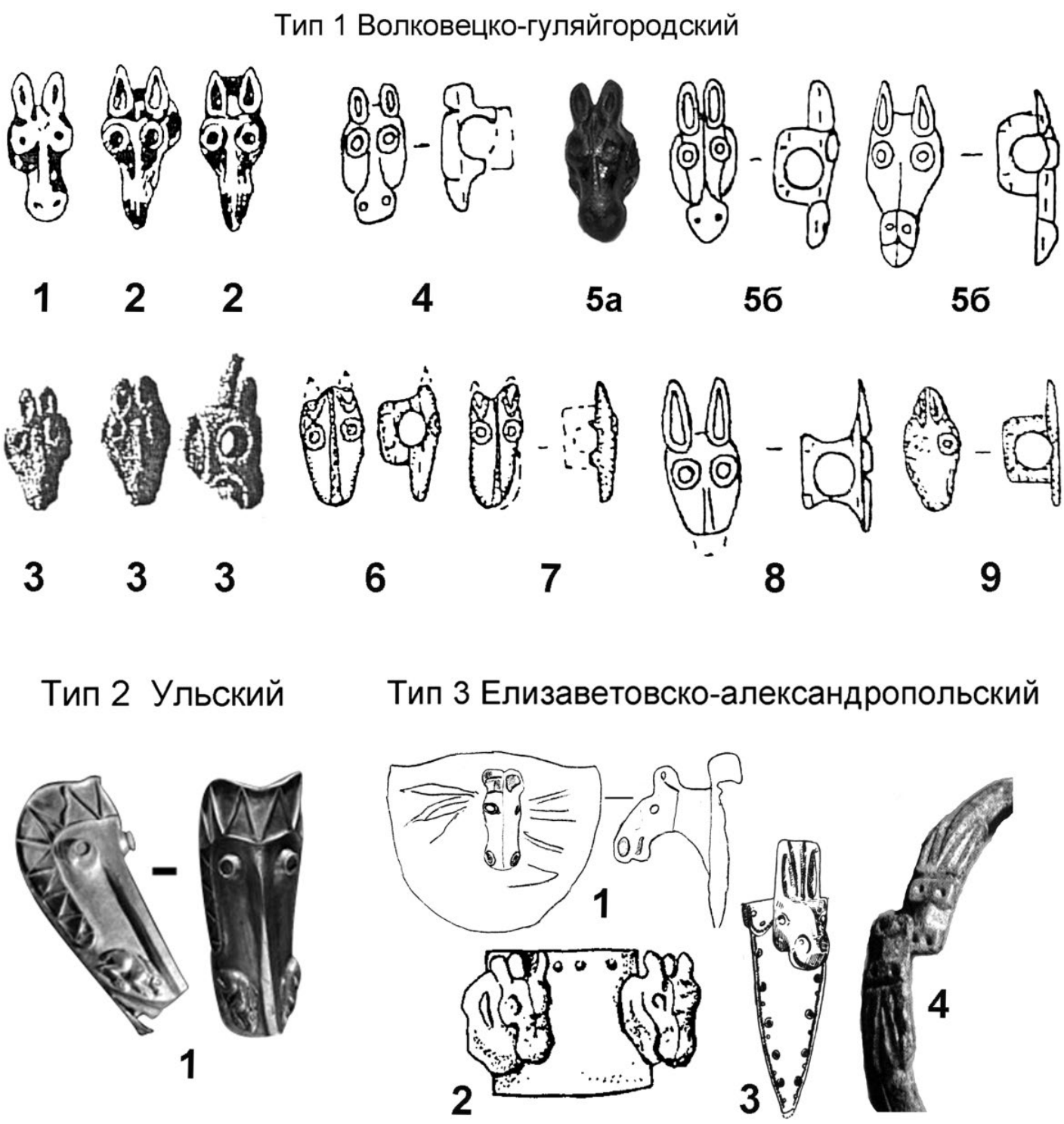
Хронология типа. Изображения Волковецко-гуляйгородского типа не находят себе близких аналогий в рамках образа лошади, но при этом составляют единый морфологический тип среднеднепровских архаических пронизок для перекрестных ремней конского оголовья вместе с изображениями скульптурных голов хищников из кургана у с. Будки (Древности Приднепровья 1900, табл. LI, *531*). Данный тип пронизок выделен А. Д. Могиловым и датирован им в рамках середины VII–VI в. до н. э. (Могилов 2008, 68). Очевидно, именно в этих рамках и следует датировать Волковецко-гуляйгородский тип изображений лошади.

Тип 2 Ульский (рис. 2)

К данному типу относится одно изображение из Прикубанья (из кургана 2 Ульской группы раскопок 1909 г.) — золотой наконечник (1) или, как считают В. Ю. Мурзин и Е. В. Черненко, модель оголовья боевого коня (Мурзин, Черненко 1980, 166–167).

Изображение представляет скульптурную голову коня. Изображение при этом рассчитано преимущественно на одностороннее восприятие анфас, о чем свидетельствует атрофия нижней челюсти (показано

[7] В данный таксон не включены выполненные совершенно во фракийской манере изображения конских голов на уздечных свастических бляхах из Огуза (Лесков 1974, 24), Краснокутского кургана (Мелюкова 1981, 68–69, рис. 19, *4–7*), Козла (Мелюкова 1976, рис.10, *3*) и Ольвии (Капошина 1956, 186, рис. 25), а также фрако-греческое натуралистичное изображение головы коня на серебряном налобнике 2 из с. Покровка (Спицын 1906, 173, рис. 44) и вполне греческое натуралистичное погрудное изображение коня на золотом налобнике из Александропольского кургана (Артамонов 1966, рис. 132).

Тип 1 Волковецко-гуляйгородский: *1* — Волковцы, курган 4, раскопки Линниченко (по: Могилов 2008, рис. 128, *26*); *2* — Шумейковский курган (по: Могилов 2008, рис. 128, *27, 28*); *3* — Поповка, курган 10 (по: Могилов 2008, рис. 128, *29–31*); *4* — Роменский уезд (по: Могилов 2008, рис. 128, *32*); *5-а* (фото), *5-б* (прорисовка) — Будки (фото А.Р. Канторовича в НМИУ, рис. по: Могилов 2008, рис. 128, *33, 34*); *6* — Гуляй-город, курган 48 (по: Могилов 2008, рис. 128, *35*); *7* — Гуляй-город, курган 319 (по: Могилов 2008, рис. 128, *36*); *8* — Ржищев (по: Могилов 2008, рис. 128, *37*); *9* — Бобрица, курган 40 (по: Могилов 2008, рис. 128, *38*).

Тип 2 Ульский: *1* — курган 2 Ульской группы, раскопки 1909 г. (по: Артамонов 1966, рис.18; Мурзин, Черненко 1980, 166–167, рис. 13).

Тип 3 Елизаветовско-александропольский: *1* — Александропольский курган (по: Древности 1866, табл.VI, *1*; табл. XII, *1*); *2* — Александропольский курган (по: Королькова 2006, рис. 17, *2*); *3* — Елизаветовский могильник, курган 6, раскопки А. А. Миллера в 1910 г. (по: Манцевич 1966, 33, рис.6, *3*); *4* — курган у Новочеркасска (по: Максименко 1983, 174, рис. 20, *11*).

Рис.2. Образ лошади. Редуцированные изображения

только ее окончание) и позиция глаз, находящихся в одной плоскости с поверхностью головы. Контур головы трапециевидный, с характерным для лошади в природе сужением при переходе от лобной к носовой части. Голова разделена на два симметричных сектора гладким вертикальным валиком, обозначающим носовую кость. Глаза округлые, концентрические, даны выпуклым кольцом с впадиной зрачка, причем кольца глаз здесь высокорельефные (это столбики) и рубчатые. На месте ноздрей помещены рельефные фигуры зайцев. Окончание носа моделировано уступом при переходе к пасти, верхний край рта моделирован валиком, нижний отделен узким пространством, так что рот показан чуть приоткрытым. Лобная и нащечная части пересекаются треугольниками, образованными перегородчатыми гнездами, которые должны были содержать янтарные вставки (Артамонов 1966, 26). Вероятно, они имитируют гриву. Уши либо не показаны, либо их роль были призваны играть боковые вертикальные треугольники (касты?) на лбу.

Аналогии и хронология. Не имея близких аналогий в рамках образа лошади, ульское изображение по стилистике соответствует проникавшей в скифскую среду переднеазиатской традиции моделировки глаз (ср. головы львов из Келермесских курганов). Вертикальные треугольники на лбу опять-таки соответствуют переднеазиатской традиции гнезд для вставок (ср., например ухо Келермесской пантеры) (Ильинская 1971, 70). Возможно также влияние и композиции греческих архаических конских налобников (Мурзин, Черненко 1980, 166–167, рис.12, *1*, *2*), и в то же время в основе композиции ульского изображения лежит скифская традиция передачи конского фаса, выработанная в рамках таких типов, как вышеописанный Волковецко-гуляйгородский тип изображений на уздечных бляхах. Возможно, повлияла и скифская традиция конских масок из органических материалов (ср. более поздние конские маски пазырыкской культуры).

Ульское изображение данного комплекса имеет объективную датировку. По В. Р. Эрлиху, комплекс кургана 2 Ульской группы раскопок 1909 г. относится ко второму хронологическому горизонту Ульских курганов (по малоазийскому импорту (бронзовая ручка в виде оленя), по морфологии узды, по отсутствию родосско-ионийской керамики и классической античной керамики) (Эрлих 2010, 117–188, 125) и датируется 2-й пол. VI в. до н. э.

Тип 3 Елизаветовско-александропольский (рис. 2)

К данному типу относятся 4 изображения, происходящие с территории Нижнего Поднепровья (1, 2) и Нижнего Подонья (3, 4). Эти изображения оформляют золотые обкладки ручек деревянных сосудов (1–3) и окончания бронзового браслета (4)[8].

Данный тип составляют головы и шеи (в двух случаях — 1, 3 — возможно, еще и фронтальная часть груди) некоего животного, идентифицируемого как лошадь прежде всего по форме морды, но весьма далекого от природных прототипов, что ставит эти изображения на грань с образом другого копытного — мула (именно так А. П. Манцевич (Манцевич 1967, 33) трактовала елизаветовское изображение или безрогого оленя, либо даже хищника.

Изображения скульптурные (1–3) или высокорельефные (4), рассчитаны на объемное восприятие. Уши отходят вверх противоположно морде и параллельно друг другу.

Контур головы в плане трапециевидный, с характерным для лошади в природе утолщением окончания носовой части. Голова имеет характерную для лошади горбинку на конце, разделена на два симметричных сектора продольным ребром сходящихся плоскостей, обозначающим носовую кость. Глаза овальные (в одном случае подквадратные — 2), концентрические, моделированы выпуклой зеницей во впадине глазницы. Рот чуть приоткрыт, моделирован прорезью (3) или углублением сбоку (1, 2, 4). Ноздри моделированы каплевидными углублениями. Уши показаны с впадиной раковины, они овальные (1, 2) или удлиненно-подтреугольные (3, 4). Голова плавно переходит в шею, шея гладкая усеченно-коническая (1, 2) или цилиндрическая (3, 4).

Морфологическая динамика в рамках данного типа, как представляется, состоит в переходе от более натуралистичного и четкого в видовом отношении елизаветовского изображения (3) (длинные уши, ноздри заключены в рельефные овалы, т. е. как бы раздуваются, как у лошади в природе) к менее биологически определенному высочинскому (4) и далее, к более схематичным александропольским изображениям (1, 2).

Хронология типа основана прежде всего на датировке изображений из Александропольского кургана, комплекс которого по объективным показателям (в первую очередь по античному импорту) помещается в пределах 340–300 гг. до н. э. (Алексеев 2003, 268–270; Бидзиля, Полин 2012, 565)[9]. Изображение из Елизаветовского могильника оформляет рукоять той же чаши,

[8] К данному типу морфологически и композиционно примыкают изображения некоего животного на бронзовой бляхе из Мастюгино, курган 29/21 (Могилов 2008, рис. 111, *23*), а также на золотых обкладках двух ручек деревянного сосуда из кургана сарматской эпохи (конец III–II в. до н. э.) в Новочеркасске, раскопанного в 1973 г. (Максименко 1983, 32, 33, 174, рис. 20, *11*). В силу крайней семантической неясности (проявляются черты и лошади, и хищника), эти изображения не включаются нами в состав источников.

[9] О проблеме хронологической позиции Александропольского кургана (320–300 гг. до н. э. или же третья четверть IV в. до н. э.), как известно, ведется интенсивная дискуссия (Алексеев 2003, 270; Полин, Дараган 2010, 208).

которая покрыта двумя обкладками с изображением «спокойно лежащего» оленя, относящегося к выделенному нами Завадско-акмечетскому типу оленей 2-ой четв. V — 1-ой пол. III в. до н. э. (Канторович 1996, 46–59); при этом елизаветовский олень находится в середине эволюционного ряда завадско-акмечетского типа, что соответствует примерно 1-ой пол. IV в. до н. э. Это отвечает более ранней позиции елизаветовского изображения лошади в рамках морфологической динамики Елизаветовско-александропольского типа. Высочинское изображение, близкое елизаветовскому, должно датироваться сходно с ним. Таким образом, хронологические пределы для данного типа могут быть установлены в рамках IV в. до н. э.

Тип 4 Нартанско-майкопский (рис. 3)

К данному типу относятся 3 изображения, происходящие из Центрального Предкавказья (1), Прикубанья (2)[10] и Нижнего Поднепровья (3) — на золотых пластинах (1) и щитках бронзовых псалиев (2, 3).

Здесь изображена голова лошади (?) анфас с ушами, торчащими наискось в стороны (образуется острый угол). На щитках бронзовых псалиев представлены по четыре головы, попарно упирающиеся краями друг в друга и переходящие в дуговидно изгибающиеся на 180 градусов шеи, которыми они соединяются также попарно; шеи при переходе в стержень псалия разделены семилепестковой пальметкой, так что они, по сути, служат ее волютами (2, 3). Изображения односторонние, моделировка рельефная (1) или плоскостная ажурная с передачей деталей углубленными линиями и прорезями (2, 3). Контур головы в плане овально-подтреугольный, с характерным для лошади в природе сужением при переходе от лобной к носовой части, которая сама при этом акцентирована утолщением (1) или расширением (2, 3). Голова может быть разделена на два симметричных сектора вертикальной впадиной между выпуклостями, возможно, обозначающей носовую кость (2). Края морды акцентированы углублёнными линиями. Глаза преувеличенные, округлые, даны округлой выпуклостью (1) или очерчены линиями (2, 3). Рот не обозначен, ноздри практически не заметны. Лобно-теменная часть оформлена треугольником — выпуклым остриём вверх (1) или плоскостным остриём вниз (2, 3). Уши в нартанском изображении (1) удлиненно-овальные заостренные, с четко оформленной раковиной, которая моделирована выпуклостью в обрамлении рельефных краев ушей. В прикубанском и приднепровском изображениях (2, 3) уши в сочетании с лобно-теменной частью образуют трехлепестковую пальметку, причем внутренние края ушей маркированы дуговидными полосками, и аналогичной полоской отграничена шея, с краями, маркированными желобками.

Аналогии и хронология. Нартанское изображение представляется провинциальной репликой среднеднепровских изображений головы лошади вышеописанного Волковецко-гуляйгородского типа сер. VII–VI в. до н. э. Таким образом, данное изображение не может датироваться ранее Волковецко-гуляйгородского типа. Этому не противоречит включение В. М. Батчаевым и В. Г. Петренко кургана 2 могильника Нартан-1 по наконечникам стрел и по узде в позднюю группу этого памятника и датирование исследователями этого комплекса рамками V в. до н. э. (Батчаев 1985, 51–53; Петренко 1989, 218–220, табл. 86). Прикубанское изображение А. М. Лесков датирует IV в. до н. э., исходя из плоскостного стиля данных изображений, соответствующего прикубанской традиции этого времени (Leskov 2008, 189); действительно, данные изображения выполнены в «елизаветинском» стиле. Приднепровское изображение, практически тождественное прикубанскому таманскому (возможно, это прямой импорт), должно датироваться аналогично.

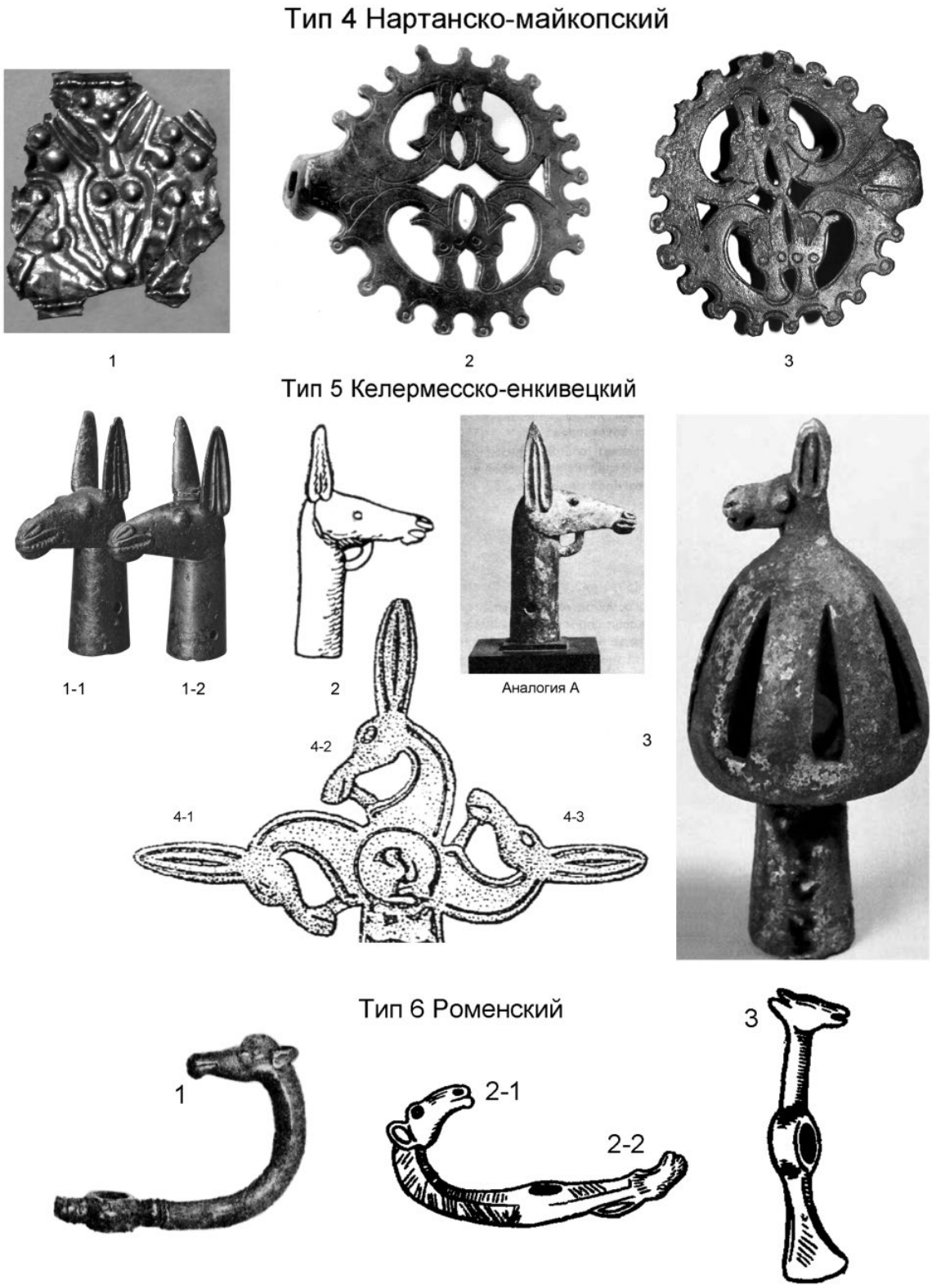
Таким образом, предельные рамки данного типа: V–IV вв. до н. э.

Тип 5 Келермесско-енкивецкий (рис. 3)

К данному типу относятся 4 изображения. Три из них происходят с территории Прикубанья (1–3) и оформляют бронзовые навершия (без бубенца) из кургана 1/В Келермесской группы (1) и практические такие же, но с петлей на шее под головой из района Майкопа (покупка) (2), а также с бубенцом из хутора Городского (случайная находка) (3). Навершию из Майкопа практически идентично бронзовое навершие неизвестного происхождения из коллекции Блисс (США) (Фаркаш 1992, рис.3), учтенное нами как аналогия данному типу (А). По мнению Л. К. Галаниной, это навершие также закубанского происхождения (Галанина 1997, 156). Еще одно изображение (4), относящееся к данному типу, происходит из Среднего Поднепровья и оформляет короткие лопасти бронзовой крестовидной бляхи «ольвийского типа» из с. Енкивцы.

В данном типе представлены голова и шея некоего животного, идентифицируемого как лошадь, прежде всего по форме морды, но весьма далекого от природных прототипов, что ставит эти изображения на грань с образом другого копытного. Не случайно Л. К. Гала-

[10] В данном случае имеется в виду изображение из так называемого «Майкопского клада». Эта коллекция, начитывающая, как минимум, 62 изображения в зверином стиле, именуется так (вслед за М. И. Ростовцевым) весьма условно, поскольку не доказано, что эти разнообразные древности относятся к определенному кладу, погребению или могильнику на Кубани. Их с равным основанием можно считать происходящими из разных комплексов, находившихся не только на Кубани, но и под Никополем (Фаркаш 1992, 199, 200; Leskov 2008, 37, 193). И всё же большинство изображений на предметах из этого клада, включая вышеуказанное, относящееся к нартанско-майкопскому типу, судя по скифо-меотской стилистике, происходят именно из Прикубанья.

Тип 4 Нартанско-майкопский: *1* — Нартанский могильник, курган 2 (по: Батчаев 1985, табл.14, *12, 13*); *2* — «Майкопский клад», находка на Таманском полуострове (по: Leskov 2008, cat. № 258); *3* — Верхнеднепровский уезд Екатеринославской губ. (по: Ханенко, Ханенко 1900, табл. XLII, № 339).

Тип 5 Келермесско-енкивецкий: *1–1, 1–2* — Келермесские курганы, курган 1/В (по: Галанина 1997, кат. 204; Галанина 2006, илл. 33); *2* — покупка в Майкопе (по: Іллінська 1963, рис.2, *4*; Переводчикова 1980б, рис.1, *5*); *3* — хутор Городской, случайная находка (по: Шедевры 1987, кат. 4); *4–1, 4–2, 4–3* — Енкивцы (по: Кулатова 1995, 130–147).

Тип 6 Роменский: *1* — Роменский уезд, с. Будки (по: Ханенко, Ханенко 1907, табл. I, № 430); *2–1, 2–2* — Роменский уезд, с. Аксютинцы, раскопки Кибальчича (по: Ильинская 1968, рис.42, *8*); *3* — Роменский уезд, курган у с. Ярмолинцы (по: Ильинская 1968, рис.42, *7*).

Рис.3. Образ лошади. Редуцированные изображения.

нина идентифицирует келермесские изображения с мулами (т. е. с гибридом лошади и осла) или с молодыми оленями (Галанина 1997, 238). Вместе с тем значительное сходство с изображениями несомненно лошадиных голов вышеописанного типа 1 Волковецкогуляйгородский позволяет допускать трактовку этих голов именно как лошадиных.

Изображения на навершиях (1–3, А) скульптурные и рассчитаны на объемное восприятие, на енкивецкой бляхе (4) моделированы в одностороннем рельефе и рассчитаны на профильное восприятие. Голова на навершиях перпендикулярна шее, уши торчат вертикально вверх и развернуты в стороны, тогда как на енкивецкой бляхе голова продолжает линию дуговидной шеи, но ухо показано аналогично скульптурам на навершиях — ориентировано вертикально вверх и развернуто на зрителя.

Изображения выполнены лаконично. Контур головы в плане и в профиле трапециевидный. Голова имеет характерную для лошади в природе небольшую горбинку на конце морды. Глаза округлые, моделированы полушарной (на енкивецкой бляхе — овальной) выпуклостью; они укрупненные у персонажей на навершиях из Келермеса и из хут. Городской (1, 3) и небольшие у персонажей на майкопском навершии, из коллекции Блисс и на енкивецкой бляхе (2, А, 4). Рот закрыт, обозначен прорезью, края рта в изображениях келермесских, майкопских и из коллекции Блисс (1, 2, А) оформлены четкими валиками, которые на навершиях из Келермеса и из коллекции Блисс зарифлены треугольными зубчиками (имитация зубов лошади?). В изображении из хутора Городского эти валики нечеткие, в енкивецком изображении — отсутствуют. Ко рту животных на навершиях примыкают крупные ноздри, моделированные каплевидными углублениями, окружёнными в келермесских и майкопском изображениях гладкими валиками (1, 2; ср. А). Уши удлинённые, равные по длине самой голове. Раковины ушей изоморфны структуре подошвы копыта, причем разделены почти надвое двумя смыкающимися валиками (1, 2, А, 4) или же единым валиком (3), что делает уши сходными с копытами парнокопытного животного. Голова переходит в шею уступом, на навершиях шея гладкая, почти цилиндрическая, при этом на навершиях без бубенцов она длинная, поскольку выполняет функцию втулки (1, 2, А), на навершии с бубенцом короткая, плавно переходящая в грудную часть, слитую с бубенцом (3). На енкивецкой бляхе (4) шея сегментовидно-трапециевидная (с треугольным выступом впереди, как бы отграничивающим ее от грудной части), с двумя желобками, дублирующими внешний и внутренний край и, очевидно, имитирующими складки кожи; в этом изображении от подбородка к шее проходит полоска, возможно, имитирующая бороду или же имеющая чисто технологическое значение (замыкание контура при отливке).

Изобразительная динамика и хронология. Очевидно, что изображение из хутора Городского (3) является подражательным по отношению к навершиям из Келермеса и Майкопа (1, 2), о чем свидетельствуют: затупление морды (ср. синкретический образ тупорылого зверя — см. Канторович 2015а, 177–178), закругление ушей, т. е. ослабление видовых черт лошади или мула, а также сглаженность рельефной моделировки и превращение двойного разделителя ушной раковины в единый валик. Следующая стадия подражания представлена енкивецким изображением, которое утрачивает чёткость оформления ноздри, подчиняется требованиям композиции свастикообразной «ольвийской бляхи», но сохраняет общие пропорции, ракурс уха и характерную трактовку ушной раковины.

Хронология типа основывается на объективной датировке изображений из кургана 1/В Келермесской группы в пределах 660–640 гг. до н. э.[11] Большое сходство, практически тождество (если не считать наличия кольца) майкопского изображения (и соответственно изображения из коллекции Блисс) с келермесскими не позволяет существенно отрывать их датировку от вышеуказанной. Вместе с тем упрощенное и отчасти десемантизированное изображение из хут. Городского должно датироваться ни в коем случае не ранее, а возможно, и несколько позднее вышеуказанных, во всяком случае, допустима его датировка рубежом VII–VI вв. до н. э. (ср. датировку, предлагаемую в публикации данного навершия: VI в. до н. э. — Шедевры1987, 78). Енкивецкое изображение соседствует на соответствующей бляхе с фигурой свернувшегося в кольцо хищника, которая относится к выделенному нами Кулаковско-ковалевскому типу свернувшихся хищников; в свою очередь, хронологические рамки Кулаковско-ковалевского типа на основании сочетания объективных показателей (античных изделий) и анализа иконографической динамики были определены нами в рамках кон. VI — 1-й пол. V в. до н. э. (Канторович 2014в, 79–87). С учетом специфических (периферийных) признаков енкивецкого свернувшегося хищника (периферийность и подражательность, как мы видели, характеризует и енкивецкую лошадиную

[11] Курган 1/В относится к ранней группе Келермесского могильника, датируемой 660–640 гг. до н. э., по версии Л. К. Галаниной, содержащейся в ее основной публикации Келермесских курганов и основанной на базе тщательной типологии изделий и с учетом переднеазиатских импортов и влияний (Галанина 1997, 184–192; ср. Алексеев 2003, 103–107). А. Ю. Алексеев и Т. В. Рябкова предложили удревнить дату ранней группы Келермесских курганов (курганов Веселовского 1/В и 2/В) до времени ранее 670-х гг. до н. э. (первое упоминание переднеазиатских походов скифов в ассирийских источниках), не исключая и VIII в. до н. э. (Алексеев, Рябкова 2010, 243–245). Наши аргументы против этой гипотезы см.: Канторович 2012, 366–367.

головку), можно считать енкивецкую бляху одну из позднейших в ряду крестовидных «ольвийских блях» (наряду с бляхой из кургана 2 у с. Волковцы раскопок 1897–1898 гг.)[12] и датировать ее концом VI — серединой V в. до н. э.

Таким образом, рамки Келермесско-енкивецкого типа могут определяться как 2-я четв. VII — сер. V в. до н. э.

Тип 6 Роменский (рис. 3)

К данному типу относятся 3 изображения, происходящие с территории Среднего Поднепровья, из Роменского уезда Прикубанья (1–3). Эти изображения оформляют бронзовые вотивные топорики-скипетры — «клинок» (1), обушок (3), а на аксютинецком топорике — и то, и другое — это два варианта одного оригинального изображения (2–1, 2–2)[13].

Здесь представлена голова и шея животного, идентифицируемого как лошадь, прежде всего по форме морды (ср. Ильинская 1968, 155). Изображение скульптурное, рассчитано на объемное восприятие. Голова чаще перпендикулярна шее (1, 2–1, 3), в одном случае продолжает линию шеи (2–2), уши отходят вертикально вверх (2–1), либо наискось назад (1, 3), либо вдоль шеи (2–2).

Изображения выполнены лаконично. Контур головы трапециевидный. Голова имеет характерную для лошади в природе горбинку на конце морды. Глаза округлые, моделированы полушарными выпуклостями. Рот закрыт, моделирован прорезью. Ноздри каплевидные. Уши относительно короткие, лишь в одном случае удлинённые и почти равные по длине самой голове (2–2). Выступающая скула (характерная черта лошади) моделирована утолщением. Голова плавно переходит в шею, шея чаще имеет продольное ребро плоскостей (имитация мускулов?), лишь в одном случае гладкая (3).

Аналогии и хронология. Как уже указывала В. А. Ильинская (Ильинская 1968, 156), секирка, аналогичная будковскому (1) и аксютинецкому (2–1, 2–2) топорикам, изображена в руках у скифа на золотых пластинах парадного пояса из находящегося в том же районе кургана 5 у с. Аксютинцы (На краю Ойкумены 2002, 92, № 398; Конь и всадник 2003, 29, № 38).

Хронология данного типа основывается на датировке топорика из кургана Кулаковского, который происходит из того же комплекса, что и бляха с изображением хищника, отнесенного к выделенному нами Кулаковско-ковалевскому типу свернувшихся в кольцо хищников кон. VI — 1-й пол. V в. до н. э. Ярмолинское изображение (3), более примитивное, но сходное с вышеуказанными, должно датироваться в тех же пределах. Таким образом, вероятные хронологические рамки данного типа определяются как кон. VI — 1-я пол. V в. до н. э.

Головы и протомы в сочетании с задними ногами или копытами — знаки полнофигурных лошадей (рис. 4–5)

Все изображения данного раздела оформляют псалии, вершина которых представляет лошадиную протому или голову, окончание — ногу лошади. Эти изображения могут интерпретироваться как упрощенное воспроизведение всего животного или, по крайней мере, как его знак.

Нами учитываются также изображения с обломанной нижней частью, в тех случаях, когда морфология псалия и стилистическое сходство позволяют допускать наличие и аналогичное положение копыта на другом его конце.

Изображения этого таксона дифференцируются на два сюжетных отдела по положению головы относительно шеи. К **I отделу** относятся изображения с *головой, продолжающей линию шеи*, ко **II отделу** — с *головой, перпендикулярной шее*.

Отдел I

Тип I-1 Аксютинецко-шумейковский (рис. 4)

Данный тип объединяет 29 изображений, 28 из которых происходят с территории Среднего Поднепровья (1–6, 8–29), а одно — с территории Ставрополья — из могильника Новозаведенное-II (7). Все они оформляют костяные трёхпетельчатые и трёхдырчатые псалии; лишь в одном случае это заготовка, не ставшая псалием (17) .

Изображения представляют голову и шею лошади (верхняя часть псалия) и лошадиную ногу (нижняя часть псалия), в целом вся композиция имеет дуговидные очертания, при этом ухо прижато к шее. В. А. Ильинская видела в такой позиции попытку обозначить стремительное движение лошади, прижавшей на бегу уши (Ильинская 1965, 89). В любом случае этология лошади допускает такую характерную позицию уха в состоянии угрозы или движения (ср. природный прототип — рис.4, *I*).

[12] Предельные рамки бытования основной массы изделий этой категории, можно определить как кон. VI — нач. V в. до н. э., но предельные рамки, с учетом дискуссии по данной хронологии, устанавливаются как 2-я четверть VI — 1-ая пол. V в. до н. э. (Капошина 1956, 174–175; Ильинская 1968, 49, 78; Полін 1987, 29; Дьяченко и др. 1999, 108, рис. 5, 1; Полідович 2000, 10; Алексеев 2003, 202).

[13] По мнению Е. Е. Кузьминой, данный двухголовый скипетр являлся царским символом, связанным с иранским сюжетом двух коней в сочетании с божеством/царем, и обозначал двух царей-соправителей (Кузьмина 1977, 104).

Моделировка объемная, но она рассчитана на профильное обозрение — как двустороннее (например, 15), так и одностороннее.

Форма морды в целом соответствует натуре, она удлиненно-трапециевидная с овальным завершением, как правило, с характерным для лошади скуловым выступом, исключая заготовку (17) и ряд схематичных изображений (7, 16, 20, 21, 25, 26, 30), иногда со слабой горбинкой при переходе к ноздре с горбатым завершением (1–6, 8, 9, 12, 14–17, 19–23, 25–29), реже окончание морды утолщенное, с преувеличенной ноздрей, симметричной рту (7, 10, 11, 13, 18, 24). Глаз нормальных пропорций, как правило, округлый, выпуклый, с впадиной зрачка, но может и быть слабо намечен или вовсе не проработан (16–21). Нос и рот чаще обозначены V-образной рельефной фигурой с впадинами ноздри и ротовой полости, которые могут быть линейными или округлыми (1–5, 7, 10–14, 22–29); реже ноздря может превалировать или сливаться воедино со ртом (6–9, 15); рот и ноздря могут быть едва намечены неглубокими впадинами (16, 18–22); наконец, данные детали могут быть вовсе не обозначены (17, 19–21). Ухо плотно прилегает к шее, перекрывая ее, оно удлиненно-треугольное с впадиной раковины, часто изоморфное подошве копыта (3, 7, 9–12, 14, 15, 22, 23–28); в одном случае широкое без впадины раковины (18), в отдельных случаях почти не проработано и слабо намечено выступом в контуре шеи (16, 17, 19, 20). Шея слабо изогнута, может быть гладкой (1–4, 7–10, 12–23, 25–27, 29), но в ряде случаев на ее поверхности рельефно обозначена шерсть — елочкой или горизонтальной, либо косой насечкой (5–7, 10, 11, 24, 28), причем эти насечки могут переходить в центральную зону псалия (7, 10, 11, 15, 28), а также на его нижнюю часть (имитация мохнатых ног лошади в надкопытной части?) (5, 7, 10, 24). Нога укорочена, завершается преувеличенным копытом, обозначенным при переходе от надкопытной части с помощью утолщения; иногда копыто отделено рельефным ободком (8–10, 12); в некоторых случаях четко оформлен рудиментарный палец (12, 13), а около отверстий псалия могут быть выступами обозначены или намечены три остальные копыта лошади (7–9, 15, 23–25).

Аналогии и хронология. Изображения Аксютинецко-шумейковского типа относятся к массиву изображений на трехпетельчатых и трехдырчатых псалиях, оформляемых также в виде аналогичного знака барана, хищника и неопределимого животного. В качестве близкой образной аналогии А. Д. Могилов справедливо указывает на трехдырчатые псалии с головкой коня из Добруджи в Чилик–Дере (Могилов 2008, 26–27). Костяные псалии с головой лошади с прижатым ухом выделяются по классификации А. Д. Могилова в два типа соответственно морфологии средней части псалия — с тремя петлями и с тремя дырами, и датируются исследователем серединой VII–VI вв. до н. э. (Могилов 2008, 26–27). Этому соответствует и датировка новозаведенского псалия второй половиной VII — началом VI в. до н. э. в соответствии с общими рамками хронологии могильника Новозаведенное-II (Петренко, Маслов, Канторович 2000, 239–240, 246; Петренко, Маслов, Канторович 2004, 197). Вместе с тем комплекс из кургана 505 Броварки может быть отнесен рядом исследователей по составу колчанного набора и типам бронзовых уздечных блях к 1-ой пол. V в. до н. э. (Ильинская 1957, 238; Галанина 1977, 53), соответственно максимальные рамки Аксютинецко-шумейковского типа могут быть определены как середина VII — 1-ая пол. V в. до н. э.

Отдел II

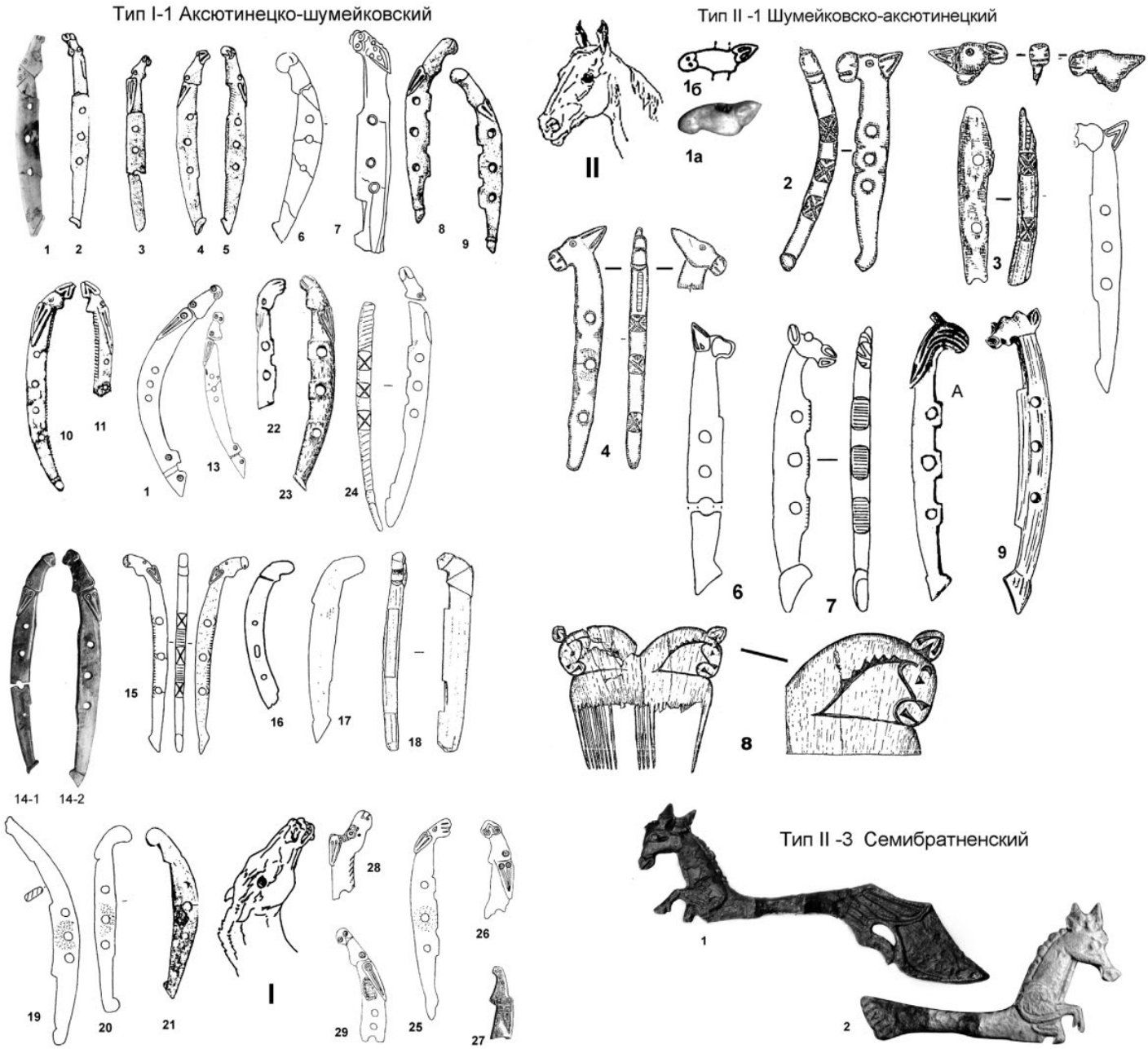
Тип II-1 Шумейковско-аксютинецкий (рис. 4)

Данный тип объединяет 9 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья (1–9). Они оформляют в основном костяные трёхпетельчатые и трёхдырчатые псалии (2–7, 9), в одном случае — костяную пронизку, возможно, навершие такого псалия (1), еще в одном случае — навершие костяного гребня, на котором лошади представлены почти погрудно в антитетической парной композиции (8) .

Изображения представляют голову и, за исключением репяховатовского изображения (1), шею лошади (верхняя часть псалия), в сочетании (за исключением репяховатовского изображения) с ногой лошади (нижняя часть псалия) или, на швайковецком гребне, с обозначением ноги лошади отчетливым превращением уха в подошву конского копыта (8). При этом ухо торчит, будучи противонаправленным носовой части и симметричным ей относительно глаза, т. е. ухо либо образует одну линию с головой, либо находится к ней под тупым углом. Соответственно ухо перпендикулярно шее. В результате изображения на псалиях в целом имеют Т-образные очертания.

На псалиях и на насадке моделировка рельефная, на псалиях скульптурная, на гребне односторонняя, но во всех случаях предполагается профильное обозрение, поэтому детали на одной из сторон псалия — глаз, раковина уха (очевидно, на стороне, прилегающей к голове) могут быть не доработаны (например, 4, 5).

Контур морды в целом соответствует натуре, но в отдельных случаях морда укорочена и геометризирована (6). Характерный для лошади овальный скуловой выступ, как правило, рельефно обозначен или слабо намечен (исключение — 2). Носовая часть, как правило, утолщенная, мощная. Нос и рот чаще моделированы V-образной рельефной фигурой (изоморфной подошве копыта) с впадинами ноздри и ротовой полости, которые могут быть линейными или округлыми

Тип I-1 Аксютинецко-шумейковский: *1* — Аксютинцы, курган 1 (по: Бобринский 1901, табл. VII, *3*); ***2–6, 8, 9*** — Шумейковский курган (по: Могилов 2008, рис. 44, *2, 2a, 4, 5*; рис. 45, *7, 7a, 9, 10*); ***7*** — Новозаведенное-II, курган 11, уздечный набор коня № 1 (по: Petrenko 1994, fig.1, *18*); ***10, 11*** — Великие Будки, урочище Провалье, курган 1 (по: Могилов 2008, рис.44, *7, 8*); 1***2, 13, 14–1, 14–2*** — Будки, курган (по: Могилов 2008, рис.44, *9, 10, 6, 6a*); ***15*** — Роменский уезд (по: Ханенко, Ханенко 1899, № 520); ***16*** — Западное Бельское городище, зольник 1, раскопки В.А. Городцова (по: Шрамко 1987, рис. 13, *11*); ***17*** — Западное Бельское городище, зольник 12, раскопки 1958 г. экспедиции МГУ, музей кафедры археологии МГУ (по: Шрамко 1996, табл. II, *9*); ***18*** — Бельск, урочище Царина, зольник 1 (по: Мурзин, Ролле, Херц, Махортых, Белозор 1999, рис. 26а); ***19–21*** — Райгород, курган 1 (по: Ханенко, Ханенко 1899, № 528); ***22*** — Волковцы, курган 12, 1886 г. (по: Ильинская 1968, табл. XXXVI, *6*); ***23*** — Волковцы, курган 477 (по: Галанина 1977, табл.22, *1*); ***24, 25*** — Волковцы (курган 1) или Будки, курган не идентифицирован, псалии хранятся в НМИУ (по: Могилов 2008, рис. 46, *3, 4*); ***26*** — Шумейковский курган (по: Ханенко, Ханенко 1900, табл. L, № 530); ***27*** — Броварки, курган 505 (по: Галанина 1977, табл.29, *21*); ***28*** — Западное Бельское городище (по: Гавриш 1999, рис.3, *3*); ***29*** — Будки, курган (по: Могилов 2008, рис.44, *12*); ***I*** — природный прототип, состояние угрозы (по: Скибневский, 1999, рис. 1).

Тип II-1 Шумейковско-аксютинецкий: ***II*** — природный прототип, состояние внимания (по: Скибневский 1999, рис. 2); ***1*** — Репяховатая могила, погр. 2 (по: Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, рис.17, *4*); ***2*** — Шумейковский курган (по: Ханенко, Ханенко 1900 табл. L, № 530); ***3*** — Шумейковский курган (по: Могилов 2008, рис. 46, *11, 11a*); ***4*** — Шумейковский курган (по: Могилов 2008, рис.46, *12, 12a*); ***5*** — Шумейковский курган (по: Ханенко, Ханенко 1900, табл. XLIX); ***6*** — Волковцы, не идентифицируемый курган, находка хранится в НМИУ (по: Могилов 2008, рис.50, *4, 18, 19*); ***7*** — Аксютинцы, курган 1, точной идентификации не поддается (по: Ильинская 1968, табл. XX, *12*); ***8*** — с. Швайковцы, курган 1 (по: Бандривський 2010, рис. 1; Бандривский 2013, рис. 6); ***9*** — Аксютинцы, курган 2, точной идентификации не поддается (по: Бобринский 1901, табл. VIII, *4*: Могилов 2008, рис. 49, *4*).

Тип II-3 Семибратненский: *1, 2* — 2-й Семибратний курган (по: Канторович 2010, рис. 32; Артамонов 1966, табл. 123).

Рис.4. Образ лошади. Редуцированные изображения

(1, 2, 3, 5, 7, 9), реже — треугольными (8); в одном случае рот и ноздря вовсе не обозначены (6). Глаз, как правило, округлый, выпуклый (1–5, 7, 9), в том числе выступающий над контуром головы (1, 5, 7, 9), может иметь впадину зрачка (2–4). У лошадей на гребне (8) глаз иной — он дан углублением в виде правильного треугольника, с углубленным полумесяцем (имитация надбровной дуги) над ним. В одном случае глаз практически не проработан (6). Ухо чаще удлиненно-треугольное (1–6), реже подовальное (7–9). Всегда показана впадина раковины, которая чаще вырезана таким образом, что ухо оказывается еще и подошвой конского копыта (1–6, 8). Шея прямая или изогнутая, чаще гладкая, реже на ее передней стороне рельефно обозначена шерсть — продольным валиком с крупным рифлением (3, 4), а на швайковецком гребне — желобком с зубчиками (8; по мнению М.С. Бандривского (Бандривский 2013, 356), это — грива). Нога лошадей на псалиях укороченная, на сохранившихся целиком псалиях она завершается преувеличенным копытом, обозначенным при переходе от надкопытной части с помощью утолщения или расширения, без оформления рудиментарного пальца (2, 4–9), а около отверстий псалия могут быть выступами обозначены или намечены три остальные копыта лошади (2–4, 7, 8), иногда покрытые поперечным рифлением или солярными крестовидными знаками (2–4, 7). У лошадей на швайковецком гребне (8) шея под острым углом переходит в условную грудную часть (или спину, если трактовать позу лошадей как повернувших голову назад и опирающихся мордой на спину). В любом случае между шеей и туловищем остается сегментовидный участок, а находящаяся под ним часть корпуса гребня и его зубья играют роль туловища и ног. Данное изображение может рассматриваться и как разложенный на два профиля фас передней части лошади — своеобразная протома.

Аналогии и хронология. Вероятно, тупиковым ответвлением иконографии данного типа, демонстрирующим схематизацию и потерю образно-видовой идентичности, является изображение на парных костяных псалиях (аналогия А) из кургана 2 у с. Аксютинцы (более точной идентификации данный курган не поддается (Бобринский 1901, табл. VIII, *1*; Могилов 2008, рис. 52, *9*, *10*)). Морда животного здесь геометризированная, без обозначения глаза, ноздри и рта, с коротким схематичным ухом, в связи с чем А.Д. Могилов расценил это изображение как непонятное с точки зрения видовой принадлежности (Могилов 2008, 28). Возможно, продольные рельефные полосы на поверхности шеи, полностью покрывающие также и голову, могут быть обозначением гривы (не оставившей места для глаза, ноздри и рта), что в сочетании с копытом на другом конце псалия и копытовидными выступами у отверстий псалия дает основание трактовать это изображение как схематизированный образ лошади. Очевидно, однако, что А.Д. Могилов справедливо отказывается уверенно идентифицировать это изображение в образно-видовом отношении, поэтому оно рассматривается нами лишь как аналогия и в общей статистике изображений не учитывается.

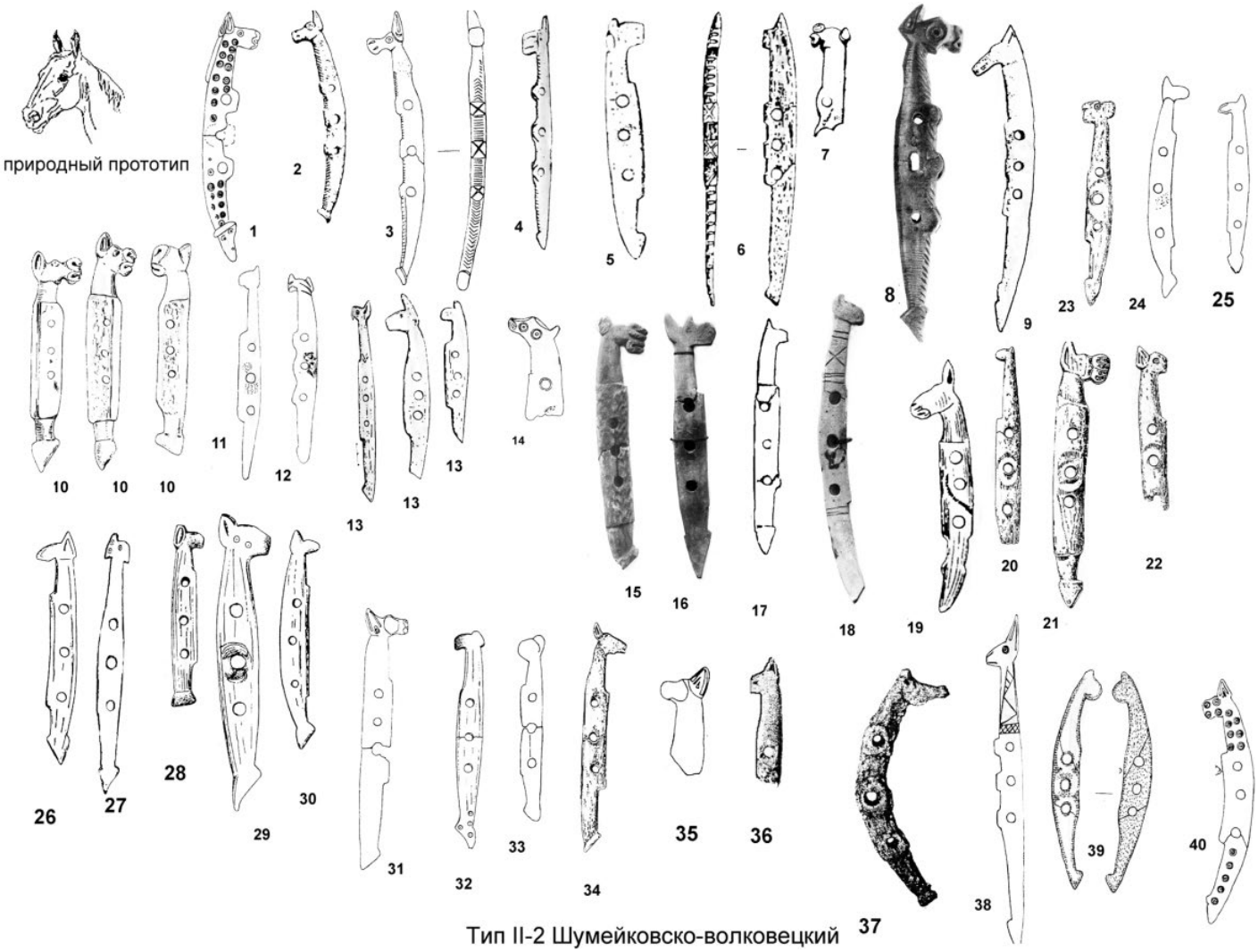
В целом же изображения Шумейковско-аксютинецкого типа, исключая изображение на швайковецком гребне (8), как и вышеописанные изображения лошади Аксютинецо-шумейковского типа, относятся к массиву изображений на трехпетельчатых и трехдырчатых псалиях, оформляемых также в виде аналогичного знака барана, хищника и комбинации птицы и копытного. Часть из изображений Шумейковско-аксютинецкого типа происходят из того же комплекса (Шумейковский курган), что и вышеописанные изображения лошади Аксютинецо-шумейковского типа. Костяные псалии с головой лошади с поднятым ухом выделяются по классификации А.Д. Могилова в два типа соответственно морфологии средней части псалия — с тремя петлями и с тремя дырами; трехпетельчатые псалии датируются исследователем серединой VII–VI вв. до н.э. (Могилов, 2008, 27), аналогичные изображения на трехдырчатых псалиях могут датироваться в тех же рамках.

Репяховатовское изображение датируется по объективным показателям рубежом VII–VI вв. до н.э.[14]

Эти датам не противоречит датировка швайковецкого гребня, изображение на котором представляется примером применения иконографии лошади, разработанной в процессе зооморфизации трехпетельчатых костяных псалиев в том же материале и технике, но на предмете другой категории. М.С. Бандривский

[14] Хронология Репяховатой могилы — объект постоянных дискуссий. Из впускного комплекса Репяховатой могилы (погребение 2) происходят милетская амфора и ионийский кувшин (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, рис. 28, 29), о дате которых (в особенности это касается амфоры) ведутся споры (варианты: не позднее рубежа VII–VI в. до н.э. (Дараган 2010, 175–197), первая половина VI в. до н.э. (Монахов 2003, 31–32) или же середина–вторая половина VI в. до н.э. (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, 53). Эти даты, при всей их дискуссионности, составляют terminus ante quem для основного погребения кургана (погребения 1). Между основным и впускным погребениями Репяховатой могилы, судя по планиграфии и стратиграфии, а также по инвентарю, в т.ч. по колчанным наборам, не может быть большого хронологического разрыва. А.Ю. Алексеев совокупно датирует оба погребения Репяховатой могилы второй половиной VII–VI в. до н.э., но готов сузить дату до рубежа VII–VI вв. до н.э. или до конца VII в. до н.э. (Алексеев 2003, 53, 295). Датировка Репяховатой могилы именно рубежом VII–VI вв. до н.э. представляется нам вполне обоснованной, поскольку согласуется с аналогиями некоторым материалам из обоих погребений Репяховатой могилы (псалии в виде бараноптиц из п.1, бронзовые жертвенные ножи из п.2) (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, рис. 4, *13*, *14*; рис. 22, 23) в кургане 16 Новозаведенного-II, комплекс которого надежно датируется по ионийской керамике 610–590 гг. до н.э. (Петренко, Маслов, Канторович 2000, рис. 3).

датирует комплекс кургана 1 у с. Швайковцы 3-ей четвертью VII в. до н. э. по гальштатской параллели (материалы городища Смоленице-Мольпир) одному из предметов из швайковецкого комплекса — бронзовому наконечнику ножен меча с рядами прорезных треугольников (переосмысленному навершию), а также с учетом радиоуглеродных показателей (Бандривский, 2013, 353–355).

Тип II-2 Шумейковско-волковецкий: *1–3* — Шумейковский курган (по: Могилов 2008, рис.46, *10, 1, 2, 3, 3a, 4*)**;** ***4*** — Волковцы, курган 12, 1886 г. (по: Ильинская 1968, табл. XXXVII, *7*); ***5*** — Волковцы, курган 9, 1886 г. (по: Ильинская 1968, табл. XXXV, *15*); ***6*** — Басовка, курган Б (по: Галанина 1977, табл.27, *5*); ***7*** — Старшая могила (по: Самоквасов 1908, № 1447); ***8*** — Аксютинцы, курган 2, точной идентификации не поддается (по: Бобринский 1901, табл. VIII, *6*); ***9*** — Райгород, курган 1 (по: Ханенко, Ханенко 1900, табл. XLVIII, № 528); ***10*** — Волковцы, курган 2, 1886 г. (по: Ильинская 1968, табл. XXXIV, *2–4*); ***11, 12*** — Волковцы, курган 3, раскопки И. А. Линниченко (по: Ильинская 1968, рис. 25, *8, 6*); ***13*** — Волковцы, курган 9, 1886 г. (по: Ильинская 1968, табл. XXXV, *16, 18, 19*); ***14*** — хут. Сербин, раскопки Мазараки 1907 г. (по: Могилов 2008, рис.50, *16*); ***15, 16*** — Старшая могила (по: Самоквасов 1908, № 1408, 1411, 1410, 1412); ***17*** — Аксютинцы, урочище Солодка, курган 2 (по: Самоквасов 1908, № 1665–1668); ***18*** — Аксютинцы, Стайкин Верх, курган 4 (по: Самоквасов 1908, № 1567, 1568); ***19*** — Аксютинцы, курган 2, 1886 г. (по: Ильинская 1968, табл. XIX, *42*); ***20*** — Аксютинцы, курган 467 (по: Галанина 1977, табл.18, *19*); ***21–23*** — Аксютинцы, курган 470 (по: Галанина 1977, табл. 20, *15, 16, 9*); ***24*** — Аксютинцы, курган 1, точной идентификации не поддается(по: Бобринский 1901, табл. VII, *7*, VIII, *3, 4*); ***25–30*** — Аксютинцы, курган 2, точной идентификации не поддается (по: Могилов 2008, рис.49, *3, 5–9*); ***31*** — Райгород, курган 1 (по: Ханенко, Ханенко 1900, табл. XLVIII; Могилов 2008, рис.50, *11–14*); ***32*** — Аксютинцы, курган 2, точной идентификации не поддается (по: Бобринский 1901, табл. VIII, *8*); ***33*** — Киевская или Полтавская губерния (по: Могилов 2008, рис.52, *8*); ***34*** — Волковцы, курган 478 (по: Галанина 1977, табл. 23, *2,3*); ***35*** — Волковцы, курган 1 (по: Могилов 2008, рис.50, *18, 19*); ***36*** — Гуляй-город, курган 40 (по: Бобринский 1887, табл. XI, *9*); ***37*** — Гуляй-город, курган 38 (по: Бобринский 1887, табл. XI, *2, 5*); ***38*** — Щучинка, курган 1 (по: Хвойка 1901, 37); ***39–40*** — Шумейковский курган (по: Ханенко, Ханенко 1900, табл. XLIX; Могилов 2008, рис. 50, *6, 7, 9–10*).

Рис. 5. Образ лошади. Редуцированные изображения

Таким образом, предельные временные рамки типа II-1 Шумейковско-аксютинецкий определяются как сер. VII–VI в. до н. э.

Тип II-2 Шумейковско-волковецкий (рис. 5)

Данный тип объединяет 40 изображений, происходящих с территории Среднего Поднепровья (1–40). Все они оформляют костяные трехпетельчатые и трехдырчатые псалии.

Эти изображения и по моделировке, и композиционно близки изображениям вышеописанного типа II-1 Шумейковско-аксютинецкий (отличие лишь в том, что ухо здесь не перпендикулярно шее, а сонаправлено ей), но гораздо более примитивны. Контур морды иногда соответствует натуре (2, 9, 19, 21, 34, 37), но в большинстве случаев морда укорочена и геометризирована; она подпрямоугольная-подквадратная (1, 3, 4–10, 12, 15, 17, 18, 21, 27–29, 34–36, 38, 39, 40, 49, 31, 32), трапециевидная (11, 13, 14, 17, 22,23, 26–29, 40) или овальная (16, 18, 20, 24. 25, 30, 33, 35, 36, 38, 39). Нос и рот чаще обозначены V-образной рельефной фигурой с впадинами ноздри и ротовой полости, которые могут быть линейными или округлыми (1–4, 7, 8, 10, 12, 15, 19, 21, 31), реже нос и рот обозначены неглубокими впадинами (5, 6, 13, 14, 16, 18, 22, 23, 38) близко к натуре (19, 34, 37), либо рот и ноздря прослеживаются слабо или вовсе не прослеживаются (11, 17, 20, 24, 25, 26–30, 32, 33, 35, 36, 39, 40).

Характерный для лошади в природе скуловой выступ показан очень редко (2, 7). Глаз, как правило, округлый, дан впадиной на плоскости, выпуклостью с углублением зрачка, либо просто выпуклостью, в том числе выступающей над контуром головы (1–4, 8, 9, 10, 13, 15, 18, 19, 21–23, 27, 28, 34. 36–38), но часто он практически не проработан (5–7, 11, 12, 17, 20, 24–26, 30–33, 35, 39). В некоторых случаях округлый концентрический глаз дублирован аналогичными значками на поверхности морды — от одного до трех (14, 27, 29, 40). Эти кружки могут переходить и на поверхность шеи и ноги (1, 40).

Ухо обычно подтреугольное, реже подовальное (5, 7, 14, 23, 27, 28, 32, 33, 37). Оно чаще показано с впадиной раковины (1–6, 8–10, 13, 15, 18, 19, 21, 22, 26, 28, 29, 31, 34–38, 40), в том числе бывает изоморфно подошве копыта (1, 31, 35, 38, 40). В одном случае (Старшая могила, 16) перед ухом над глазом отходит треугольный выступ пучка гривы. Шея прямая или слабоизогнутая, чаще гладкая, реже на ее передней поверхности рельефно обозначена шерсть — продольной полосой с крупным поперечным или елочным рифлением (2–4, 6); шерсть на шее может быть имитирована и вышеупомянутыми концентрическими кружками, подобными глазу (1, 40), либо X-видной насечкой между поперечными насечными линиями, отграничивающими шею от головы и от средней части псалия (18), либо, наконец, насечными треугольниками с гладкой поверхностью, сочетающимися с треугольником с поперечными насечками, — причем эта композиция, аналогичная орнаменту на керамических сосудах, отделена от средней части псалия поперечной насечкой с заполнением из ромбов (38). Нога укороченная, на сохранившихся целиком псалиях завершается копытом, обозначенным при переходе от надкопытной части с помощью утолщения или расширения, без оформления рудиментарного пальца (за исключением трех изображений, в которых рудиментарные пальцы намечены треугольными выступами — 8, 9, 37), причем в одном из этих случаев рудиментарный палец показан не с той стороны, в которой он должен быть в природе (8). На поверхности ноги могут быть насечки, продолжающие насечку шеи и средней части псалия («туловища» лошади) и имитирующие мохноногость (1–4, 6, 8, 40). Около отверстий псалия могут быть выступами обозначены или намечены три остальные копыта лошади (1–4, 6–9), иногда покрытые поперечным рифлением или солярными кружковидными знаками (3, 6, 8).

Аналогии и хронология. Изображения Шумейковско-волковецкого типа, как и вышеописанные изображения лошади Шумейковско-аксютинецкого и Аксютинецо-шумейковского типов относятся к массиву изображений на трехпетельчатых и трехдырчатых псалиях, оформляемых также в виде аналогичного знака барана, хищника и неопределимого животного. Часть из изображений Шумейковско-волковецкого типа происходят из тех же комплексов (Шумейковский курган, Волковцы, к. 12, 1886 г., Райгород, к. 1, Аксютинцы, курганы 1 и 2, точной идентификации не поддаются), что и вышеописанные изображения лошадей Шумейковско-аксютинецкого и Аксютинецо-шумейковского типов. Костяные псалии с головой лошади с поднятым ухом, как уже было сказано, в соответствии с классификацией А. Д. Могилова и нашим иконографическим наблюдениям датируются сер. VII–VI в. до н. э. При этом изображения Шумейковско-волковецкого типа стилистически вторичны по отношению к остальным двум типам изображений лошади на трехпетельчатых и трехдырчатых костяных псалиях, в особенности изображениям типа II-1 Шумейковско-аксютинецкий. Если в последних видовые черты лошади, как показал стилистический анализ, более отчетливы, то в изображениях Шумейковско-волковецкого типа лошадь все более приближается к образу хищника, что сказывается в трактовке морды, в напряженной позиции уха, в ослаблении детализации копыт.

Тип II-3 Семибратненский (рис. 4)

К данному типу относятся 2 изображения, происходящие с территории Прикубанья (из 2-го Семибратнего кургана) и оформляющие S-видные бронзовые двудырчатые псалии (1, 2). Один конец псалия выпол-

нен в виде протомы лошади с двумя передними ногами: стержень псалия, по сути, играет роль атрофированного туловища, а противоположный конец — роль единственной задней ноги, вывернутой на 180 градусов и сведенной к огромному копыту. Моделировка объемная, но рассчитанная на боковой обзор. Передние ноги согнуты, показаны в «бегущей» позиции. Показаны оба уха, одно за другим, торчащие противонаправленно морде.

Голова лошади подтреугольная, с носовой частью, зауженной и укороченной посередине, на конце расширяющейся в V-образную рельефную фигуру с узкими впадинами ноздри и рта. Глаз образован овальной выпуклой зеницей в углублении преувеличенной миндалевидной глазницы с выступающими вперед и назад слезниками. Скуловой выступ рельефно подчеркнут. Уши подтреугольные, со слабо нанесённой впадиной раковины, даны узким рельефным выступом. Шея трапециевидная, а грива, обрамляющая ее вдоль заднего края, моделирована рельефной полоской; при этом вдоль переднего края шеи проходит аналогичная, но гладкая полоска, имитирующая кожную складку. Шея переходит в рельефную овальную лопатку, дополнительно акцентированную обрамляющим ее валиком. Лопатка плавно переходит в атрофированные передние ноги, причем первая из них согнута в запястье и, по сути, сведена к укороченной пясти с копытом, выделенным расширением и с рельефно подчеркнутым рудиментарным пальцем, тогда как вторая из передних ног дана обрубком-рудиментом. Туловище трапециевидное, показано до участка расширения псалия. Задняя нога, как уже сказано, сведена к огромному копыту (в одном случае оно обломано — 2), занимающему всю противоположную от головы часть псалия. Это копыто сегментовидное, с мощной надкопытной частью, покрытой крупным продольным рифлением, имитирующим природную структуру. Копыто (в случае, когда оно сохранилось — 1) отделено от надкопытной части валиком, очерчивающим его нижний край; четко оформлен рудиментарный палец, отделенный прорезью от копыта.

Хронология типа основана на объективной датировке (по античной керамике) комплекса 2-го кургана группы Семибратних 2-й пол. V в. до н. э. (Коровина 1957, 186) или, более узко (по чернолаковому сосуду со штампованным орнаментом) 450–440 гг. до н. э. (Горончаровский 2013, 230–233). Таким образом, предельные рамки данного типа — 2-ая пол. V в. до н. э.

* * *

Ряд изображений, выполненных в скифском зверином стиле морфологически примыкают к вышеописанному массиву изображений лошади, однако нами в него не включаются.

Во-первых, это некие симметричные композиции из трех голов: две из них профильные синтетические, они обрамляют центральную голову в ракурсе анфас. Композиции происходят из памятников преимущественно Среднего Поднепровья, Среднего и Нижнего Подонья и Прикубанья. Они представлены на бронзовых уздечных бляхах из Берестянки (на Ворскле) (Могилов 2008, табл. 92, *28*), из кургана у с. Горки Белгородской обл. (Гуляев, Савченко 2004, рис. 4, *10–11*), из Частых курганов-II на Северском Донце (Археология 2005, фото на с. 34), из кургана Карагодеуашх в Прикубанье (Лаппо-Данилевский, Мальмберг 1894, Табл. VII, *3*; Переводчикова 1984, рис. 5, *2*), на обломанной бляхе из коллекции Краснодарского музея, почти идентичной карагодеуашхской (Переводчикова 1984, Рис. 5, *3*), на обтянутой золотым листом бронзовой уздечной бляхе из основного погребения (п. 1) кургана у ст. Новолабинской в Прикубанье (Раев, Беспалый 2006, табл. 9, *2*), а также на золотой пластине из кургана у ст. Ивановской на Кубани (Анфимов 2011, фото на с. 174, нижнее левое). Большинство из надежно датируемых комплексов (Горки, Карагодеуашх, основное погребение Новолабинского могильника) позиционируется в пределах IV в. до н. э.

Исследователи предлагают абсолютно разные трактовки данных изображений. Б. А. Раев и Е. И. Беспалый (на наш взгляд, достаточно обоснованно) считают головы на новолабинской бляхе однозначно конскими и описывают эту композицию как «рельефное изображение в виде двух противостоящих конских голов; морды проработаны, шеи с гривами стилизованы, на мордах лошадей уздечные ремни» (Раев, Беспалый 2006, 6). Е. В. Переводчикова видит в персонажах на публикуемых ею бляхах из Краснодарского музея и из Карагодеуашха «существ, напоминающих орлиных и львиных грифонов» (Переводчикова 1980а, 104), а в самой композиции — сцену терзания (Переводчикова 1984, 13). А. В. Могилов также обращает внимание на морфологическое единство изображений на бляхах из Горок, Берестянки и Частых курганов-II (остальные аналоги им не упомянуты) и считает их волчьими (Могилов 2008, 45). Есть основания в некоторых случаях видеть здесь и кабаньи черты, имея в виду подобие торчащего клыка и утолщение окончания морды (Частые курганы-II, Берестянка).

Очевидно, перед нами изображения, хотя и наделенные признаками скифского звериного стиля и явно формирующие единый морфологический тип, но не поддающиеся образной атрибуции и находящиеся, очевидно, на грани десемантизации. Это не позволяет нам пока включать их в корпус идентифицируемых

изображений вообще и изображений лошади, в частности, (новолабинская бляха не исключение, так как несомненно относится к единому морфологическому типу со всеми остальными вышеперечисленными) и, соответственно, учитывать их в общей статистике. Возможно, дальнейший прирост материала облегчит атрибуцию данных изображений и сделает возможной их систематизацию.

Вторая группа изображений, не включаемых нами в массив изображений лошади — это воспроизведение обособленной ноги с копытом или только акрополия. В одних случаях эти детали показаны в расчете на боковое восприятие, в профиль, и неясно, конское ли это копыто или же парнокопытного животного. В других случаях копыта могут быть признаны конскими, но оформляемые ими предметы — костяные насадки на деревянные псалии[15] могли теоретически сочетаться в едином предмете с головами как лошадей, так и иных животных — баранов, птиц, бараноптиц или хищников. Так что в целом этот мотив опять-таки не обязательно конский. Все эти изображения отнесены нами к специальному таксону обособленных ног копытных, учтенному в общей статистике (см. табл. 1), в рамках которого выделяются типы по принципу морфологического сходства и без оглядки на видовую специфику — как отображение обобщенного копытного по принципу pars pro toto. Сюда же примыкают и многочисленные псалии (в основном периода «скифской архаики» из Среднего Поднепровья) с обломанной верхней частью или с завершением в виде того же копыта или шишечки. К тому же таксону отнесен нами мотив подошвы/следа копыта лошади[16] — по сути, уже не pars prto toto лошади, а ее отвлеченный знак (порой амбивалентный уху кошачьего хищника), ставший в некоторых случаях конструктивным элементом других изображений (Кисель 2014, 46–47), как, например, бутероль в виде свернувшегося хищника из Фаскау, где копытовидная фигура полностью оформляет участок туловища между лопаткой и бедром зверя (Мошинский 2010, кат. 231). Также как отвлеченный знак мною рассматриваются (и включаются в тот же таксон обособленных ног копытных) чрезвычайно редкие в восточноевропейском скифском зверином стиле муфты-распределители колесничных вожжей, вероятно, крепившиеся на ярмо и декорированные изображением конского копыта[17]; им имеются тагарские аналогии (Членова 1967, табл. 15, *6–8*).

Статистические показатели, хронология, локализация и эволюционные линии образа лошади в восточноевропейском скифском зверином стиле

Сводная хронология морфологических типов изображений лошади **(рис. 6)** демонстрирует, что данная тема разрабатывается в восточноевропейском скифском зверином стиле в VII–IV вв. до н. э., т. е. на протяжении всего существования этого художественного направления. При этом первые изображения копыта, возможно, конского, известны уже в 1-й половине VII в. до н. э. — на бронзовых трехпетельчатых псалиях переходного характера от предскифского к скифскому типу из кургана 2 группы Хаджох (Сазонов 2000, рис.7, *2*, *3*; 8, *2*); данные псалии не рассматривались в контексте образа лошади, поскольку отнесены нами к таксону обособленных ног копытных, без видового дифференцирования, но их следует учитывать как один из истоков мотива лошадиного копыта в восточноевропейском скифском зверином стиле.

Изображения лошади представлены в данном локальном варианте почти во всех его регионах (Среднее и Нижнее Поднепровье, Среднее и Нижнее Подонье, Прикубанье, Центральное Предкавказье), исключая Крым, но в основном на территории Среднего Поднепровья. Всего насчитывается 109 оригинальных изображений (это 13,8 % в массиве изображений копытных, почти 5 % от общего массива изображений восточноевропейского скифского звериного стиля), в том числе 5 полнофигурных и 104 редуцированных (см. табл. 1). Они образуют 13 морфологических типов, т. е. 10,2 % от количества типов копытных и всего лишь 3,7 % от общего количества морфологических типов восточноевропейского скифского звериного стиля. Это, в принципе, сигнализирует о значительной стандартизированности изображений лошади в целом, однако сказанное можно отнести только к редуцированным изображениям, поскольку 5 оригинальных полнофигурных изображений распределяются по 3 типам.

Как видим, в количественном выражении изображения лошади составляют существенную часть репертуара восточноевропейского скифского звериного стиля, хотя они и не столь многочисленны, как изображения

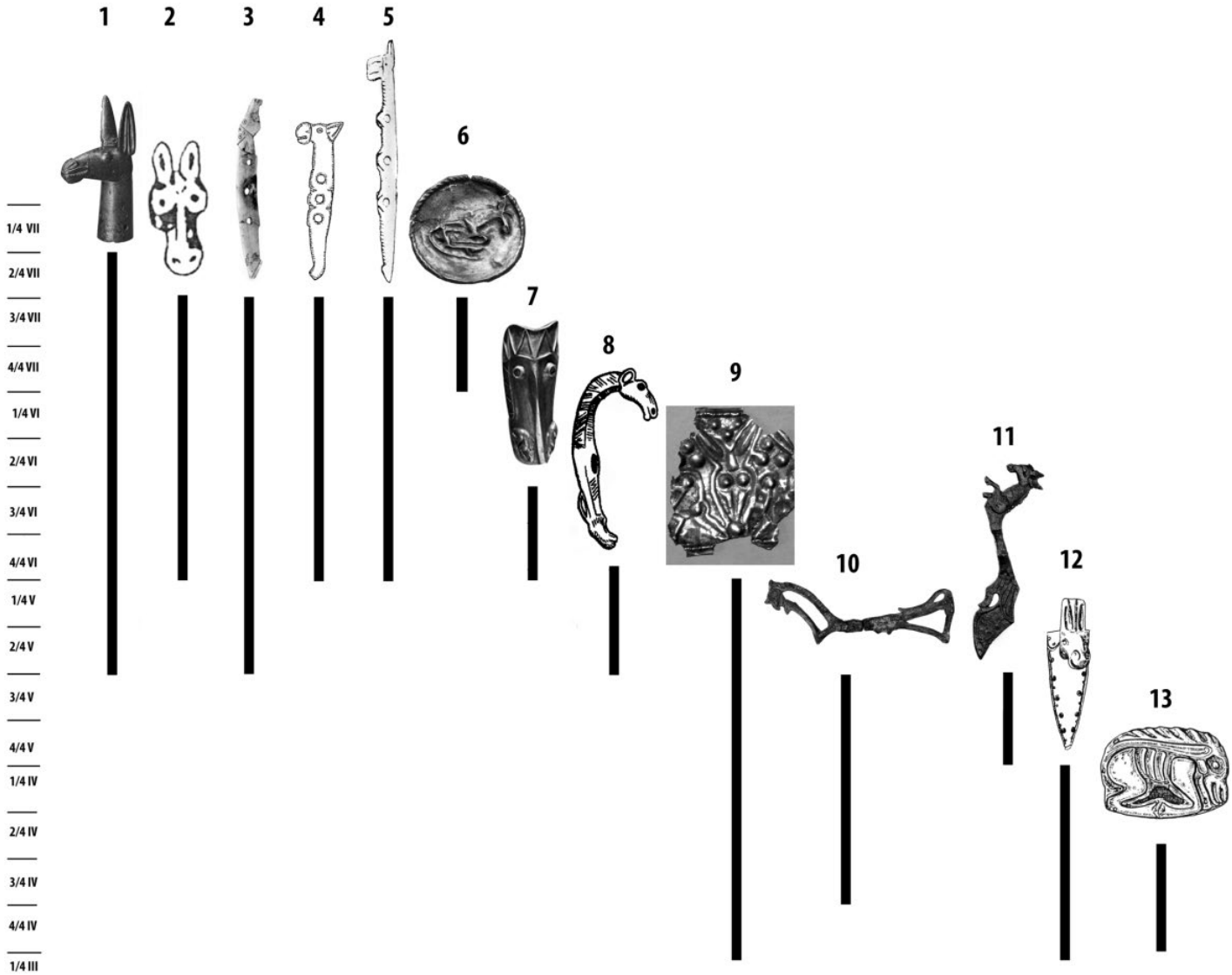
[15] Келермес, курган 1/В, набор коня 22, курган 2/В, наборы коней 8 и 14/15 (Галанина 1997, кат. 181, 182, 186, 187, 293, табл. 21, 22, 23); могильник Нартан-1, курган 5 (Батчаев 1985, табл. 19, *14*).

[16] Ульский курган № 1 1910 г., бронзовые уздечные бляхи (Галанина Алексеев 1990, рис. 6); Новозаведенное-II, к. 11, уздечный набор коня № 2, оформление язычка костяной пряжки (Petrenko 1994, fig.1, *7*).

[17] Красное Знамя, курган 6, бронзовая пряжка-пронизь (Петренко 2006, кат. 194); Новозаведенное-II, курган 2, уздечный набор № 5, костяная пряжка-пронизь (Петренко 2006, рис. 2, *27*); Пятигорский музей, комплекс неизвестен, бронзовая пряжка-пронизь (Петренко 2006, рис. 2, *14*).

оленя, хищника или птицы (табл. 1). И подавляющее большинство изображений лошади (95 %) — это ее ***редуцированные воплощения***. В основном — это головы в сочетании с копытами на костяных псалиях эпохи «скифской архаики» (76 оригинальных изображений, т. е. почти 70 % от всего массива изображений лошади), образующие всего лишь 3 морфологических типа (тип I-1 Аксютинецо-шумейковский сер. VII — 1-й пол. V в. до н. э., тип II-1 Шумейковско-аксютинецкий сер. VII–VI в. до н. э. и тип II-2 Шумейковско-волковецкий сер. VII–VI в. до н. э.) Все изображения этих типов локализуются в Среднем Поднепровье (лишь одно происходит с территории Ставрополья — из могильника Новозаведенное-II). Это либо обособленные головы (6 типов, 24 изображения), либо головы (изредка — протомы), сочетающиеся с копытами (изредка — с задними ногами) на противоположных окончаниях псалиев (4 типа, 80 изображений, включая 78 изображений на псалиях плюс относящиеся к этим же морфологическим типам 2 головы без копыт — на насадке на деревянный псалий и на гребне).

Очевидно, это целиком среднеднепровская традиция, возникшая здесь же и практически прерванная с началом «скифской классики». Из этого же региона и, видимо, также в качестве местного новообразования происходит изображение головы лошади анфас на бронзовых бляхах-распределителях уздечных ремней типа 1 Волковецко-гуляйгородский сер. VII–VI в. до н. э.

1 — Тип 5 Келермесско-енкивецкий; 2 — Тип 1 Волковецко-гуляйгородский; 3 — Тип I-1 Аксютинецко-шумейковский; 4 — Тип II-1 Шумейковско-аксютинецкий; 5 — Тип II-2 Шумейковско-волковецкий; 6 — Тип I-I-1 Келермесский; 7 — Тип 2 Ульский; 8 — Тип 6 Роменский; 9 — Тип 4 Нартанско-майкопский; 10 — Тип I-I-3 Шунтукский; 11 — Тип II-3 Семибратненский; 12 — Тип 3 Елизаветовско-александропольский; 13 — Тип I-I-2 Колбинско-мастюгинский.

Рис. 6. Образ лошади. Сводная хронология морфологических типов

Остальные типы редуцированных изображений лошади более локальны и малочисленны по составу. В частности, тип 5 Келермесский (предельные рамки: 2-я четв. VII — сер. V в. до н. э.) — преимущественно прикубанский, большинство относящихся к нему изображений вполне вписываются в контекст наверший Келермесской школы с изображениями грифонов, хищных птиц, быков и тупорылых зверей, с элементами воздействия греческого и переднеазиатского искусства и не выходят за рамки VII–VI вв. до н. э.; однако на рубеже «скифской архаики» и «скифской классики» появляются среднеднепровские подражания данным изображениям на предметах другой категории, что проявляется в изображении на лопастях бляхи из с. Енкивцы, которое мы также включили в данный тип как его финальную стадию. Тип 6 Роменский (исключительно среднеднепровский) конца VI–1-й половины V в. до н. э. является частью скифской традиции зооморфного оформления вотивных секир, или скипетров (Іллінська 1961, 44–47, рис. 11). Явной репликой с изображений головы лошади Волковецко-гуляйгородского типа представляются изображения, формирующие тип 4 Нартанско-майкопский V–IV вв. до н. э.

Продолжает линию, сформированную вышеперечисленными типами лошадей на псалиях эпохи архаики прикубанский тип II-3 Семибратненский 2-й пол. V в. до н. э., представляющий голову и копыто лошади на противоположных частях псалия; при этом, очевидно, данный тип связан также и с синхронным ему трендом оформления S-видных псалиев (в основном в рамках темы хищника).

Единичное ульское изображение головы лошади, оформляющее золотой наконечник или модель оголовья боевого коня и составляющее тип 2 Ульский 2-ой пол. VI в. до н. э., как уже сказано выше, могло возникнуть в результате слияния скифской традиции передачи конского фаса Волковецко-гуляйгородского типа с элементами переднеазиатской стилистики (оформление глаз, создание гнезд для драгоценных вставок), а также греческой традиции архаических конских налобников.

Категориально узкий тип 3 Елизаветовско-александропольский IV в. до н. э., связанный с оформлением золотых обкладок ручек и обивок деревянных сосудов, может быть скифским искажающим подражанием натуралистичным изображениям коня в греческом искусстве — ср. Братолюбовскую фиалу (Кубышев, Бессонова, Ковалев 2009, фото 18) и налобник из того же Александропольского кургана (Алексеев 2012, илл. на с. 251).

Что же касается ***полнофигурного отображения лошади***, таковой прием в восточноевропейском скифском зверином стиле, как мы видим, достаточно редок, реализуется только в сюжете лежащей лошади с головой вперед и в основном связан с периодом «классики», но при этом появляется достаточно рано — это изображения 2-й пол. VII в. до н. э. на золотых обкладках уздечных фаларов из Келермеского кургана 4/Ш, составляющие тип I-I-1 Келермесский. Композиционно и стилистически соответствуя канону оленя Келермесско-кульобского типа, данные изображения, вероятно, возникли в местной среде (под влиянием иконографии «классического скифского оленя», в свою очередь, изначально сформировавшейся в более восточных зонах скифо-сибирского мира), но не нашли дальнейшего развития в силу общей непопулярности (табуированности?) полнофигурного воплощения лошади в этом регионе.

Следующие полнофигурные отображения лошади появляются значительно позже. Узколокальный и краткосрочный среднедонской тип I-I-2 Колбинско-мастюгинский тип сер. — 2-й пол. IV в. до н. э. представляет лошадь, весьма далекую от природного прототипа. Единственное изображение на прикубанском псалии, формирующее тип I-I-3 Шунтукский тип 3-й четв. V — 3-й четв. IV в. до н. э., композиционно коррелирует с трактовками кошачьих хищников на псалиях типа I-3-Б-I-1 Семибратненский сер. — 3-й четв. V в. до н. э. и в то же время с волчьими хищниками на псалиях типа I-3-А-I–4 Елизаветинский 3-ей четв. IV в. до н. э.; видимо, шунтукское изображение возникло в этой традиции оформления псалиев как периферийный образ, чем и объясняется сходство данной лошади с хищником.

В конечном счете мы видим, что основной массив изображений лошади в восточноевропейском скифском зверином стиле связан с оформлением элементов конского снаряжения, и в первую очередь псалиев. Сходная ситуация наблюдается в зверином стиле Нижнего Поволжья и Южного Приуралья скифской эпохи (в «савроматском» локальном варианте), где, по данным Е. Ф. Корольковой, полнофигурные изображения лошади единичны, и данная тема реализуется в основном в оформлении псалиев головой и копытом лошади; в целом же образ лошади, как указывает исследовательница — достаточно редкое явление для бестиария Нижнего Поволжья и Южного Приуралья (Королькова 2006, 51–52). В других локальных вариантах скифо-сибирского звериного стиля наблюдается несколько большее разнообразие в разработке темы лошади, — как с точки зрения реализации полнофигурных изображений[18], так и в контексте более широкого ассортимента оформляемых/украшаемых изделий

[18] В особенности это присуще тагарской культуре, но хорошо известны и искусные полнофигурные воплощения темы лошади в уюкской, пазырыкской и сако-массагетской (курган Иссык-16) культурах (Королькова 2006, 51–53, табл. 15, 16, 18).

(помимо конского снаряжения, это костюм и вооружение). Гораздо шире, нежели в скифской культуре, в сако-сибирском искусстве реализуется и мотив подошвы/следа конского копыта (Членова 2000, 91–103; Кисель 2014, 46–48).

Как известно, конь как таковой в повседневной жизни и в погребальной обрядности скифской культуры и, шире, всего скифо-сибирского мира, играл исключительную роль и был наделен высоким семиотическим статусом. Изучению особой функции данного животного в картине мироздания этих сообществ на базе вещественных и письменных источников посвящен целый ряд работ (см., в частности, Кузьмина 1977; Членова 2000; Очир-Горяева 2012). Особо отметим недавнюю публикацию Ю. Б. Полидовича (Полидович 2013), в которой на тщательно собранном археологическом материале, с привлечением письменных данных и фольклорных параллелей, проанализирован обряд посвящения коня покойнику в качестве медиатора между миром живых и загробным миром, проводника и перевозчика умершего в мир мертвых, трансформируемого в иные зооморфные существа с помощью маски и иных элементов снаряжения (Полидович 2013, 207–208).

Можно предположить, что наблюдаемая нами ограниченность в реализации темы лошади в восточноевропейском скифском зверином стиле — как категориальная (оформление в основном конского снаряжения), так и иконографическая (господство редуцированных отображений) — объясняется именно высоким семиотическим статусом самого природного прототипа, не требовавшего дополнений и замещений в искусстве звериного стиля. Очевидно, реальный конь был постоянным компонентом единой знаковой системы, формируемой на основе зооморфных образов восточноевропейского скифского звериного стиля, почти две трети (63 %) оригинальных изображений которого, по нашим подсчетам, оформляли именно предметы конского снаряжения (Канторович 2015а, 68–69, табл. 3). В то же время преимущественное применение мотива лошади именно к оформлению псалиев сигнализирует, вероятно, о превалировании магико-прагматических задач этого образа — усилить, умножить лучшие качества взнуздываемого коня.

Литература

Анфимов Н. В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 2011.

Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб., 2003.

Алексеев А. Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб, 2012.

Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р. Чертомлык (Скифский царский курган IV в. до н. э.). Киев, 1991.

Алексеев А. Ю., Рябкова Т. В. Скифы // Античное наследие Кубани. Т. 1. М., 2010.

Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага-Ленинград, 1966.

Археология в Ростовском университете (1915–2005 гг.) / В. В. Ключников (ред.). Ростов-на-Дону, 2005.

Бандрівський М. С. Образотворчі традиції на заході Українського Лісостепу у VII — напочатку VI ст. до нар. Хр.: витоки і причини трансформації // Археологический альманах. № 21. Изобразительное искусство в археологическом наследии / Ю. Б. Полидович, А. Н. Усачук (ред.). Донецк, 2010.

Бандривский М. С. Курганы в Швайковцах и Коцюбинчиках — новый источник для датировки Западно-подольской группы раннескифской культуры (по материалам раскопок 2007–2009 гг.) // РАЕ. 2013. № 3.

Батчаев В. М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Вып. II / В. И. Марковин (ред.). Нальчик, 1985.

Бидзиля В. И., Полин С. В. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев, 2012.

Бобринский А. А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. Т. 3. Дневники раскопок 1889–1897 гг. СПб., 1901.

Вольная Г. Н. О происхождении образа лежащего хищника из памятников Центрального и Северо-Восточного Кавказа в раннем железном веке // Вопросы истории и культуры народов России. Владикавказ, 2010 .

Гавриш П. Я. Нові археологічні знахідки в Західній фортеці Більського городища // ПАЗ. 1999. № 3.

Галанина Л. К. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга) // САИ Д1–33. М., 1977.

Галанина Л. К. Раннескифские уздечные наборы // АСГЭ. 1983. Вып. 24.

Галанина Л. К. Келермесские курганы. М., 1997.

Галанина Л. К. Кубанское уздечное снаряжение IV в. до н. э. (по материалам Елизаветинского кургана, раскопанного Н. И. Веселовским в 1913 г.) // АСГЭ. 2005 Вып. 37.

Галанина Л. К. Скифские древности Северного Кавказа в собрании Эрмитажа. Келермесские курганы. СПб., 2006.

Галанина Л. К., Алексеев А. Ю. Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время // АСГЭ. 1990. Вып. 30.

Горончаровский В. А. О хронологии Семибратних курганов // Третья Абхазская международная археологическая конференция (посвящена памяти Г. К. Шамба). Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Сухум, 2013.

Гуляев В. И. Скифы на Среднем Дону: новые находки и открытия // Археологические открытия 1991–2004. Европейская Россия / Н. А. Макаров (ред.). М., 2009.

Гуляев В. И. На восточных рубежах Скифии (древности донских скифов). М., 2010.

Гуляев В. И., Савченко Е. И. Новый памятник скифской эпохи на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003 гг. / В. И. Гуляев (ред.). М., 2004.

Дараган М. Н. О датировке амфоры из погребения № 2 Репяховатой Могилы // АМА. 2010. Вып. 14.

Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в императорском музее Эрмитажа. т. III. СПб, 1854.

Древности Геродотовой Скифии. Сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях. Вып. I. СПб. , 1866.

Дьяченко А. Н., Мэйб Э., Скрипкин А. С., Клепиков В. М. Археологические исследования в Волго-Донском междуречье // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 2 / А. С. Скрипкин (ред.). Волгоград, 1999.

Іллінська В. О. Скіфськи сокири // Археологія. 1961. XII.

Іллінська В. О. Про скіфські навершники // Археологія. 1963. XV.

Ильинская В. А. Некоторые мотивы раннескифского звериного стиля // СА. 1965. № 1.

Ильинская В. А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. Киев, 1968.

Ильинская В. А. Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // СА. 1971. № 2.

Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ / А. И. Тереножкин (ред.). Киев, 1980.

Кубышев А. И., Бессонова С. С., Ковалев Н. В. Братолюбовский курган. Киев, 2009.

Мурзин В. Ю., Ролле Р., Херц В., Махортых С. В., Белозор В. П. Исследования совместной Украинско-Немецкой археологической экспедиции в 1998 г. Киев, 1999.

Канторович А. Р. «Летящие» и лежащие олени в искусстве звериного стиля степной Скифии // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Вып. 2 / Р. М. Мунчаев (ред.). Армавир — М., 1996.

Канторович А. Р. Меото-скифское искусство Прикубанья (VII — начало III в. до н. э.) // Античное наследие Кубани. Т. 1. М., 2010.

Канторович А. Р. К вопросу об основных принципах классификации изображений скифского звериного стиля // От палеолита до средневековья / В. Л. Егоров (ред.). М., 2011.

Канторович А. Р. Проблема хронологии образа бараноптицы (грифобарана) в раннескифском зверином стиле // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения М. П. Грязнова. Кн. 2 / В. А. Алёкшин (ред.). СПб., 2012.

Канторович А. Р. Проблема классификации изображений скифо-сибирского звериного стиля (историографический очерк) // РА. 2014а. № 3.

Канторович А. Р. Синкретические образы в восточноевропейском скифском зверином стиле: статистические показатели и базовые иконографические тенденции // Исторический журнал: научные исследования. 2014б. № 3.

Канторович А. Р. Эволюция и хронология сюжета свернувшегося в кольцо хищника в восточноевропейском скифском зверином стиле // ПИФК. 2014в. № 4.

Канторович А. Р. Образы синкретических существ в восточноевропейском скифском зверином стиле: классификация, типология, хронология, иконографическая динамика // Исторические исследования. 2015а. № 3.

Канторович А. Р. Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 2015б.

Канторович А. Р., Эрлих В. Р. Бронзолитейное искусство из курганов Адыгеи (VIII–III века до н. э.). М., 2006.

Капошина С.И: О скифских элементах в культуре Ольвии // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху. МИА. 50. 1956.

Кисель В. А. Мотив ноги лошади в скифо-сибирском зверином стиле // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том IV / А. Г. Ситдиков. Н. А. Макаров, А. П. Деревянко (ред.). Казань, 2014.

Конь и всадник. Взгляд сквозь века. Каталог выставки. М., 2003.

Коровина А. А. К вопросу об изучении Семибратних курганов // СА. 1957. № 2.

Королькова Е. Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н. э.). СПб., 2006.

Кузьмина Е. Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы / А. И. Тереножкин (ред.). Киев, 1977.

Кулатова І. М. Хрестовидна бляха скіфськоі доби з Енківець у Посуллі // ПАЗ. 1995. № 3.

Лаппо-Данилевский А., Мальмберг В. Курган Карагодеуашх // МАР. 1894. № 13.

Лесков О.М. Скарби курганів Херсонщини. Київ, 1974.

Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983.

Манцевич А.П., Деревянные сосуды скифской эпохи // АСГЭ. 1966. Вып.8.

Мелюкова А.И. К вопросу о взаимосвязи скифского и фракийского искусства // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / М.Г. Мошкова (ред.). М., 1976.

Мелюкова А.И. Краснокутский курган. М., 1981.

Могилов О.Д., Спорядження коня скіфськоі доби у Лісостепу Східної Європи Европи. Киів — Кам'янець-Подільський, 2008.

На краю Ойкумены. Греки и варвары на северному берегу Понта Эвксинского. М., 2002.

ОАК за 1905 г. СПб., 1908.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М. — Саратов, 2003.

Мошинский А.П. Древние бронзы Кавказа. М., 2010.

Мурзин В.Ю., Черненко Е.В. Средства защиты боевого коня в скифское время // Скифия и Кавказ / А.И. Тереножкин (ред.). Киев, 1980.

Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н.э. САИ. Д1–27. М., 1970.

Отрощенко В.В. Парадный меч из кургана у с.Великая Белозерка // Вооружение скифов и сарматов / Е.В. Черненко (ред.). Киев, 1984.

Очир-Горяева М.А. Древние всадники степей Евразии. М., 2012.

Переводчикова Е.В. Прикубанский вариант скифского звериного стиля. Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. М., 1980а.

Переводчикова Е.В. Типология и эволюция скифских наверший // СА. 1980б. № 2.

Переводчикова Е.В. Характеристика предметов скифского звериного стиля // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа / Н.И. Кирей (ред.). Краснодар, 1984.

Петренко В.Г. Скифы на Северном Кавказе // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / А.И. Мелюкова (ред.). М., 1989.

Петренко В.Г. Краснознаменский могильник: элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. Т. 1. М.; Берлин; Бордо, 2006.

Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное-II // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: палеоэкология, антропология и археология / В.И. Гуляев, В.С. Ольховский (ред.). М., 2000.

Петренко В.Г., Маслов В.Е., Канторович А.Р. Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведенное II (предварительная публикация) // МИАР. 2004. Вып. 6.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и древний Восток. М., 1992.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. К культурно-исторической интерпретации памятников звериного стиля из Жаботинского кургана № 2 // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи / А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова, В.А. Башилов (ред.). М., 1999.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. "Уйгаракский аргумент" в контексте дискуссии о происхождении звериного стиля скифской эпохи // РА. 2001. № 4.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. Звериный стиль скифской эпохи как lingua franca евразийских степей // Центральная Азия: источники, история, культура / Е.В. Антонова, Т.К. Мкртычев (ред.). М., 2005.

Полідович Ю.Б. Скіфські хрестоподібні бляхи // Археологія. 2000. 1.

Полидович Ю.Б. Зооморфно оформленные псалии как феномен скифской эпохи // Археологический альманах, № 15. Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности / А.Н. Усачук (ред.). Донецк, 2004.

Полидович Ю.Б. Раннескифские зооморфно оформленные псалии как воплощение фигуры животного // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Т. XI / П.П. Толочко (ред.). Запоріжжя, 2004.

Полидович Ю.Б. Конь и конская узда в ситеме погребальной обрядности народов юга Восточной Европы предскифского и скифского времени // Текст. Контекст. Подтекст. Сборник в честь М.Н. Погребовой. М., 2013.

Полін С.В. Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. 1987. 59.

Полин С.В., Дараган М.Н. Работы на Александропольском кургане в 2008 г. // ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Вып.1 / А.А. Масленников и др. (ред.). М. — Киев, 2010.

Раев Б.А., Беспалый Г.Е. Курган скифского времени на грунтовом могильнике у Новолабинского городища. Ростов-на-Дону, 2006.

Раевский Д.С., Кулланда С.В., Погребова М.Н. Визуальный фольклор. Поэтика скифского звериного стиля. М., 2013.

Савченко Е.И. Могильник скифского времени «Терновое I — Колбино I» на Среднем Дону (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. Труды Потуданской археологической экспедиции ИА РАН, 1993–2000 гг. / В.И. Гуляев (ред.). М., 2001.

Савченко Е.И. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в Скифскую эпоху. Труды Донской археологической экспедиции ИА РАН, 2004–2008 гг. / В.И.Гуляев (ред.). М., 2004.

Сазонов А.А. Хаджохские курганы — некрополь древнемеотских вождей // Информационно-аналитический вестник. Вып. 3. Майкоп, 2000.

Самоквасов Д.Я. Могилы русской эпохи. Скифо-сарматская эпоха [Альбом фотографий планшетов коллекций Д.Я. Самоквасова к изданию «Могилы Русской земли», 1908] // Хранение библиотеки кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Скибневский Р. Пятнадцать уроков верховой езды. Биоинформ, 1999 / http://www.libros.am.

Спицын А.А. Серогозские курганы // ИАК. 1906. Вып.19.

Фаркаш Э. Искусство кочевников в музеях США // ВДИ. 1992. № 4.

Ханенко Б.И., Ханенко В.И. Древности Приднепровья и побережий Чёрного моря. Вып. II. Киев, 1899.

Ханенко Б.И., Ханенко В.И. Древности Приднепровья и побережий Черного моря. Вып. III. Киев, 1900.

Ханенко Б.И., Ханенко В.И. Древности Приднепровья и побережий Черного моря. Вып.VI. Киев, 1907.

Членова Н.Л. Тагарские лошади (О связях племен Южной Сибири и Средней Азии в скифскую эпоху) // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье / Б.А. Литвинский (ред.). М., 1981.

Членова Н.Л. Олени, кони и копыта (О связях Монголии, Казахстана и Средней Азии в скифскую эпоху) // СА. 2000. № 1.

Шедевры древнего искусства Кубани. М., 1987.

Шилов В.П. Золотой клад скифского кургана // Археологические раскопки на Дону / С.М. Марков (ред.). Ростов-на-Дону, 1962.

Шрамко Б.А. К вопросу о значении культурно-хозяйственных особенностей Степной и Лесостепной Скифии // Проблемы скифской археологии. МИА. 1971. № 177.

Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987.

Эрлих В.Р. Раскопки кургана Ульской группы в 2007 г. // Материальная культура Востока. Вып. 5. М., 2010.

Borovka G. Scythian Art. London, 1928.

Leskov A.M. The Maykop Treasure. Philadelphia, 2008.

Petrenko V.G. On the Interpretation of Early Scythian Sites in Central Ciscaucasia // The Archaeology of the Steppes. Methods and Strategies / B. Genito (ed.). Napoli, 1994.

Rostovtzeff M. The Animal Style in South Russia and China. Princeton, N.Y, 1929.

В. Б. Ковалевская

КОНИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА (III–I ТЫС. ДО Н. Э.)

Статья посвящена проблеме одомашнивания и использования лошади на Ближнем Востоке. Автор подчеркнула, что прирученные лошади могли как завозиться на эту территорию в IV–III тыс. до н. э. из Восточной Европы, так и быть одомашнены на месте на базе диких лошадей, известных в Анатолии. Анализ древневосточных источников позволяет утверждать, что владение конями и конными заводами, так же как снабжение конями воинов, было прерогативой царской власти.

This paper deals with domestication and exploitation of the horse in the Near East. The author holds that tamed horses could have been either imported from Eastern Europe in the IVth – IIIrd millennia BC or originate from domesticated wild horses recorded in Anatolia. An analysis of written sources implies that the ownership of horses and studs as well as cavalry remount was a prerogative of the royal power.

Как впервые была одомашнена лошадь и как и для чего использовалась на ранних этапах в разных районах Старого Света — это общая и междисциплинарная тема для многих специалистов — палеозоологов, историков, археологов и т. д. Мы ее кратко рассмотрим для Ближнего Востока, в той мере, в какой она обеспечена надежными историко-археологическими, остеологическими и иконографическими свидетельствами, на протяжении длительного времени привлекавшими к себе внимание исследователей.

Вопрос о времени и месте первоначальной доместикации лошадей в последнее время решен положительно в пользу V–IV тысячелетия до н. э. для евразийских степей Средней Волги, хотя многие детали путей дальнейшего распространения остаются дискуссионными (Levine 2003, 1–10). Касательно Ближнего Востока вопрос окончательно не решен, поскольку наряду с точкой зрения о том, что прирученные лошади были импортированы на эту территорию в IV–III тыс. до н. э. с севера, существует предположение, что они могли быть доместицированы на месте на базе диких лошадей, известных в Анатолии (Vila 2006, 118–119). Кости этих лошадей, происходящие из памятников V–начала IV тысячелетия до н. э. Норшунтепе и Тюль тепе и определенных в работах конца прошлого века как дикие, оказались морфологически близки к исследованным Н. Бэнеке в более позднее время костям одомашненной лошади из памятников Южных Балкан второй трети III тыс. до н. э. Кыркларели. Это сходство по мнению Н. Бэнеке позволяет предположить, что кони восточной Анатолии были доместицированы между IV и III тысячелетием в Анатолии (Benecke 2006, 98). А если учитывать, что по данным С. Межлумян одомашненные кони эпохи бронзы на Армянском нагорье морфологически были близки северопричерноморским, то реально предполагать, что они же могли проникнуть далее на юго-запад в Переднюю Азию.

Сходство же восточноанатолийских более ранних диких лошадей с домашними южнобалканскими возможно указывает на скрещивание одомашненных и диких форм лошадей на ранней стадии их доместикации, что выявляют результаты генетического анализа. Следовательно, окончательно этот вопрос может быть решен в дальнейшем на основании новых данных и их интерпретации, в частности при привлечении новых генетических данных, которых для однозначного решения этого вопроса на сегодняшний день явно недостаточно (Levin 2006, 192–201).

Имя коня для III–I тысячелетия до н. э. передавалось в шумерском и аккадском словосочетанием «осел с гор», а горы по отношению к Двуречью располагались на севере и востоке, что подтверждает только что сказанное. Повторим, что в Передней Азии для IV тыс. до н. э. нет безусловных данных об одомашненном коне, хотя дикие формы безусловно существовали. Интересно, что гравированное изображение дикой лошади, найденное в культурном слое Суз I, II, по экстерьеру, по мнению ряда исследователей, ближе к лошади Пржевальского, чем к тарпану, хотя сегодня известно, что лошадь Пржевальского

не была доместицирована. Не могу не сослаться на В. О. Витта, провидчески неоднократно высказывавшего мысли, доказательства которых приходили через многие десятилетия. К таковым относится и то, что он писал для Юго-Западной Азии: «В страны Двуречья лошадь проникла с востока, спустившись в равнины и долины Месопотамии с плоскогорий Северного Ирана или из стран еще более дальних… Лошадь с первого момента своего появления в истории этих государств была могучим оружием обладавших ею народов: она везде появляется перед нами в качестве боевого коня, запряженного в колесницу» (Витт 1937, 12). Ослы, одомашненные скорее всего в Северной Африке, использовались в IV тыс. до н. э. в качестве вьючных, упряжных и верховых животных (Oates 2003, 115, 116). До середины III тыс. до н. э. имеются сведения о гибридах онагра и осла, причем по текстам из Эблы 2300 г. до н. э. известно, что гибриды стоили в 40 раз дороже осла. Дикая лошадь была распространена в Леванте до конца плейстоцена и выявлена на многих памятниках. В Анатолии дикая лошадь дожила до IV тыс. до н. э., тогда как кости домашних лошадей происходят из конца III тыс. до н. э. (Хабур, Брак-Нагар, Годин-Тепе).

Доказательством доместикации является направленное разведение лошадей, данные о котором, как правило, не попадают в наши руки, и наиболее ранние свидетельства о конных заводах известны нам только по ассирийским документам об ассирийских войнах в Урарту. Поэтому огромный интерес представляет уникальный документ из Лувра: эламская глиняная табличка из Суз, впервые изданная в 1923 г. В. Шейлом и Ф. Де Мекененом и относящаяся к самому началу III тыс. до н. э. (рис. 1). Одни исследователи называют ее списком конных заводов, другие — родословными таблицами, но в целом у востоковедов не вызывало сомнения то, что речь идет о коневодческих хозяйствах.

Благодаря помощи ведущего специалиста по протошумерской и протоэламской письменности А. А. Ваймана из Государственного Эрмитажа, мне удалось расшифровать все цифровые показатели, заполнить лакуны и получить численные показатели для всех отдельных хозяйств и их сумму. Глиняная табличка содержит на лицевой стороне 6 строк (первая сбита), читающихся сверху вниз и справа налево, содержащих пиктографические знаки, изображающие коней с головами, повернутыми влево, и цифры в десятичной системе, относящиеся к каждой из групп. На обороте суммы цифр и печати в виде газелей и козлов, что говорит об официальном характере документа. Ранее В. Шейлом было определено, что разное изображение гривы (наклон ее вверх или вниз) указывает на пол (кобыла, жеребец), а отсутствие гривы — на возраст лошадей. Мы предлагаем выразить всю информацию изучаемого документа в таблице, восстановив лакуны в цифрах по имеющимся данным. Тогда информация получит следующий вид (читать ее следует справа налево, как в подлиннике):

6	5	4	3	2	1
жеребята	жеребцы	жеребята	кобылы	всего	хозяйство
7	9	8	38	62	1, 2
6	10	6	19	41	3
2	1	6	13	22	4
3	1	1	8	13	5
4	3	4	18	29	6
		1	1	2	7
3	2	3	8	16	8
25	**26**	**29**	**105**	**185**	

Каждая восстановленная строка нашей таблицы — это производящий состав одного конного хозяйства — кобылы, жеребцы и жеребята. При чтении справа налево сначала в документе дается количество кобыл (третий столбец), затем жеребята (четвертый столбец), в которых по аналогии с современной формой учета, следует видеть сосунков, жеребят «под матерью». Затем жеребцы (пятый столбец), а за ним жеребята, как мы полагаем, годовички и полуторники, «отъемыши», ставка жеребят предшествующего года, которые в любых хозяйствах содержатся отдельно. В этой связи важен § 58 хеттских законов XIV–XIII вв. до н. э., «если жеребцу меньше года, он не считается племенным жеребцом, если годовалый не считается…». Т. е. каждая последовательность читается следующим образом: кобыл, жеребят «под матерью», жеребцов производителей, жеребят-годовичков в данном хозяйстве столько-то. Следует отметить, что впервые этот документ предстает в полном виде, годным для дальнейшего анализа.

Мы предлагаем анализ этих данных с зоотехнической точки зрения, чтобы определить структуру каждого хозяйства: соотношение кобыл и жеребцов, определить производящий состав на основании сопоставления с близкими по своему характеру материалами. В качестве последних взяты данные по племенным коневодческим ахалтекинским фермам Кавказа и Средней Азии (данные Т. Н. Рябовой 1981–1983 гг.), которые соответствуют мелкому традиционному конному хозяйству.

Если мы рассмотрим соотношение кобыл и жеребят в районе Суз, то увидим, что они очень разнятся между собой по разным хозяйствам. Соотношение может быть 1:1, но это только в седьмом хозяйстве, где значится одна кобыла с подсосным жеребенком. По ставке текущего года в одном хозяйстве (4-м) был

50-процентный выход жеребят, хотя в предшествующий год жеребят было в три раза меньше. Чаще один жеребенок приходился на три кобылы (3-е хозяйство) или 2 жеребенка на 5 кобыл (8-е хозяйство) или столько же по ставке предшествующего года (5-е хозяйство). Эти цифры говорят о существовании расширенного конского воспроизводства в Эламе, поскольку можно предполагать (по современным данным), что за репродукционный период каждая матка может в среднем принести 3–5 жеребят. Количественный анализ производящего состава и удельный вес в нем жеребцов (14,1 %) очень близок к тому, что характерно, в частности, для ахалтекинской породы: 12,8 % (на 1982 г.) (крайние значения также не выходят за рамки варьирования указанного показателя 24,4 % в отдельных хозяйствах Элама и 25,8 % для ахалтекинской породы в 1983 г.). При этом, как и выход жеребят, соотношение жеребцов и кобыл варьирует очень сильно: от одного к двум (3-е хозяйство) до одного к 4, 6, 8, 9 и даже 13, причем по одному жеребцу на 8 или 13 маток было в двух (4-м и 5-м) хозяйствах, что при расширенном воспроизводстве могло бы привести к инбридингу, т. е. близкородственному скрещиванию.

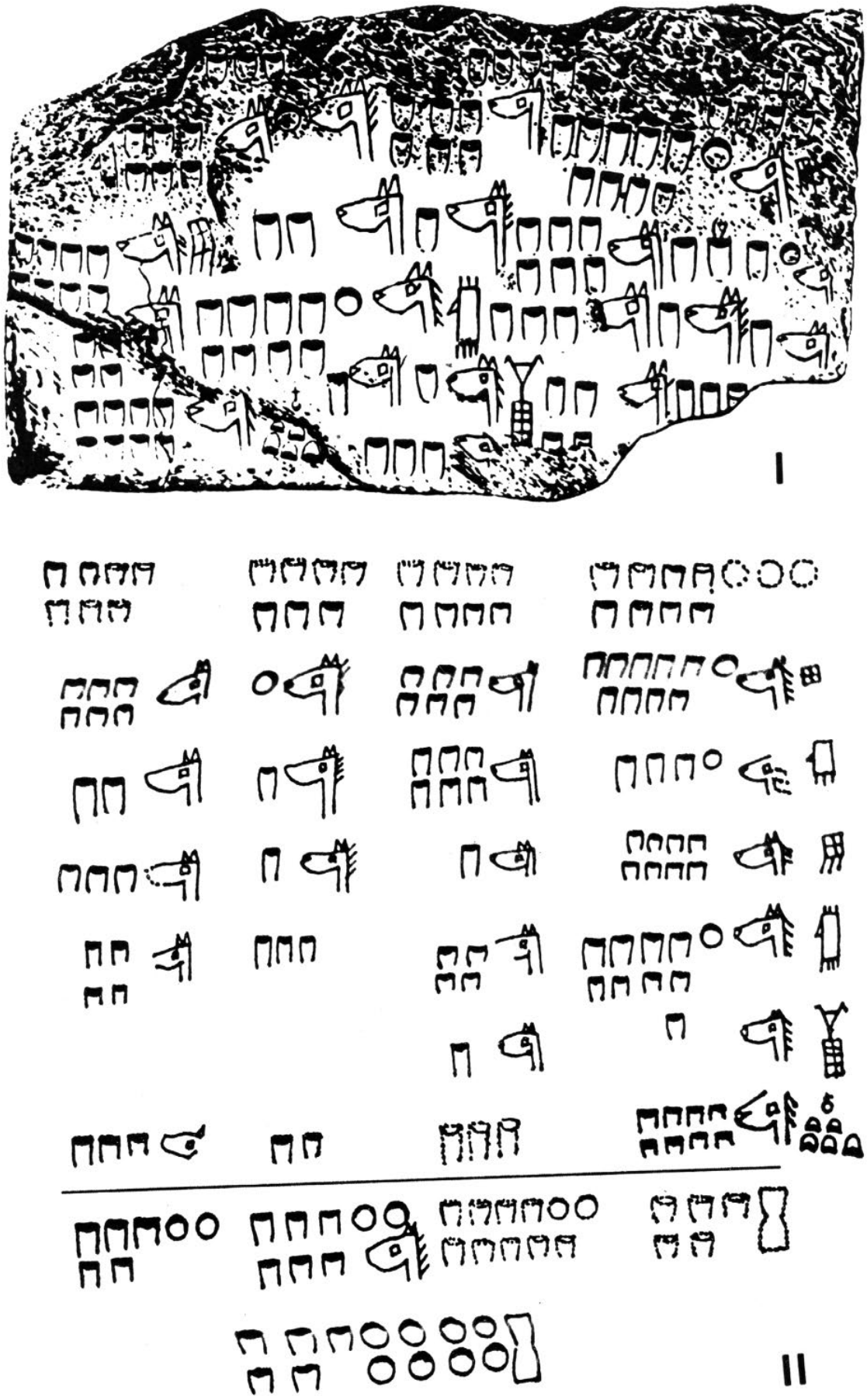
Анализ рассмотренных данных о выходе жеребят и соотношении кобыл и жеребцов в Эламе III тыс. до н. э. (XXIX–XXVIII вв. до н. э.) указывает на достаточно развитое племенное дело, когда в коневодческом хозяйстве наблюдается правильное соотношение между числом кобыл и жеребцов, способствующее хорошему выходу жеребят.

Данные по производящему составу (131 гол.) позволяют высказать предположение и об общем поголовье лошадей в Эламе, которое обычно в 3–4 раза больше производящего состава, следовательно, оно составляет около 400–500 коней, причем у нас нет оснований полагать, что оно характеризует весь Элам, скорее, только одну из областей. Ежегодно в тренинг для военных нужд из этих 8 хозяйств могло поступать 15–20 молодых жеребчиков. Интересно, что знаки, характеризующие различные хозяйства, указывают, по мнению специалистов, на их частный характер. Число лошадей колеблется в них от двух до сорока (если считать первую строчку сдвоенной), что составляет в среднем на одно хозяйство около 30 лошадей. Официальный характер документа говорит о заинтересованности центральной власти Суз в контроле над конными хозяйствами, поскольку еще долгое время, судя по документам, владение конями и конными заводами, так же как снабжение конями воинов, было прерогативой царской власти. Недаром в хеттских законах XIV–XIII вв. до н. э. § 71 гласит — «найденную лошадь пригнать к царскому двору».

Среди одновременных протоэламских табличек, судя по устной консультации А. А. Ваймана, только на одной упомянуто «семь кобыл» в нерасшифрованном контексте; среди протошумерских табличек Джемдет-Насра 28 в до н. э. лошадь упомянута лишь в двух случаях. В одном А. А. Вайман расшифровал надпись так: «одна рабыня, раздувающая огонь, 10 овец, 1 кобыла»[1]. Эти немногочисленные аналогии убедительно показывают, что данная табличка остается уникальным древнейшим документом, позволяющим реконструировать характер коневодства для Элама начала III тыс. до н. э.

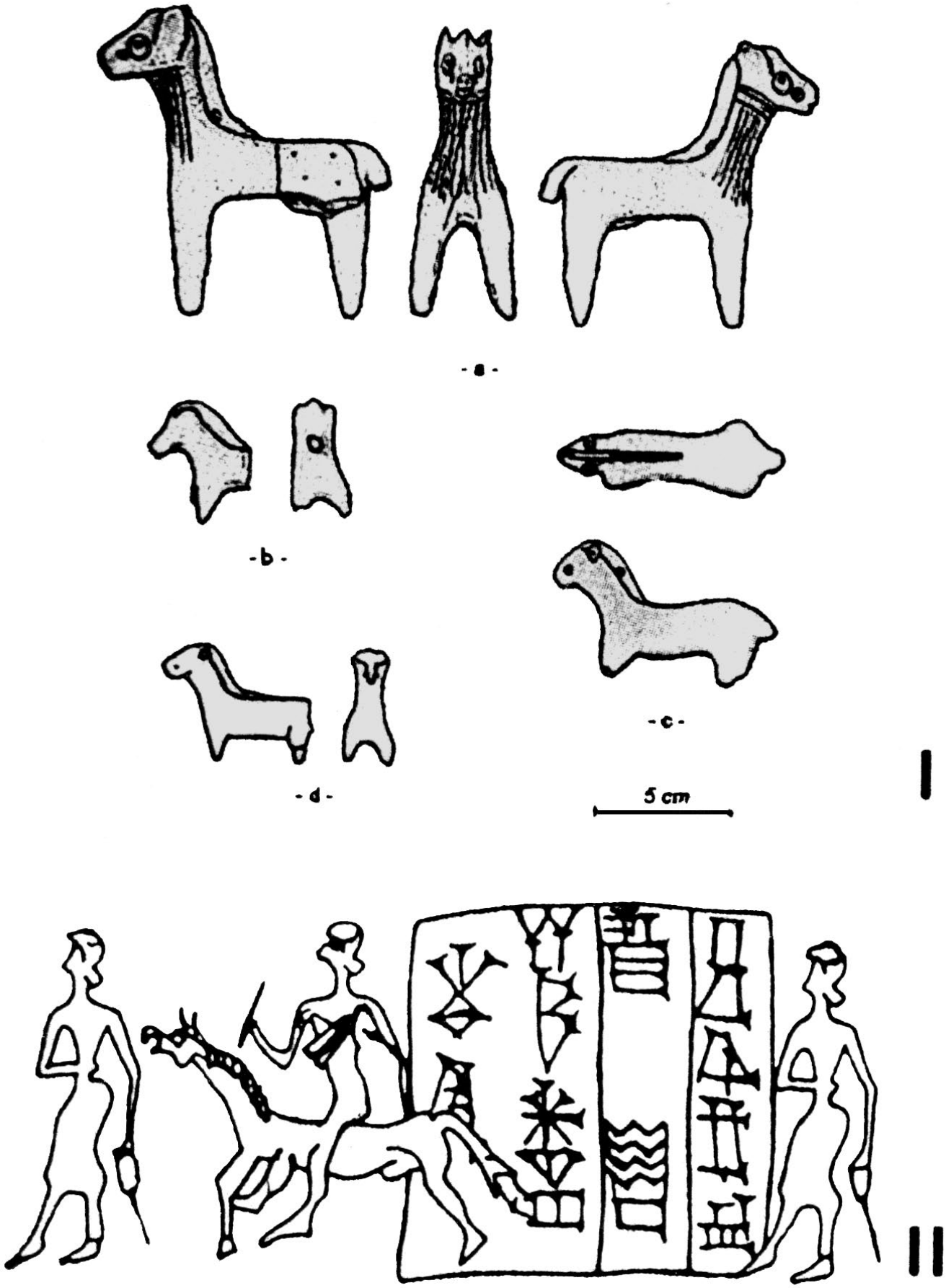
К сожалению, сведения для Передней Азии о конях III — нач. II тыс. до н. э. еще эпизодичны. Р. Мекенен открыл наиболее раннее изображение всадника, гравированное на кости, одновременное разобранному выше протоэламскому документу. К сожалению, рисунок настолько схематичен, что очень сложно судить об экстерьере коня. Следует отметить стройность, длинноногость, довольно короткую шею, небольшую голову и негустой хвост, что отражает экстерьерные особенности «восточного» коня. Правда, крупнейшие исследователи коневодства, всадничества и использования колесниц на Ближнем Востоке М. Литтауэр и Й. Кроувел полагают, что это изображение может относиться к значительно более позднему времени (Littauer, Crouwel 1979). Серединой III тыс. до н. э. датируется головка взнузданного коня из культурного слоя поселения Телль-Тайа из Северной Месопотамии. Возможно, к этому времени относится изображение человека, стоящего между двумя конями. К несколько более раннему времени — 2650 г. до н. э. — относится находка глиняных фигурок эквидов и лошадей в слоях поселения Телль-Хуэра в Северной Сирии. В слоях поселения Телль-Тайа в Ираке 2500–2300 гг. до н. э. найдена сломанная глиняная головка лошади. К III династии Ура относится изображение всадника (рис. 2) на изящной лошади длинных линий, с красивой длинной шеей, с невысокой (возможно стриженой) гривой и изящной головкой. Изображен жеребчик, на невысоких ногах и не очень крупный. Дж. Оутс приводит ряд письменных свидетельств и изображений всадников в военных и охотничьих сценах, позволяющих определить посадку (как ее называют «посадка на осле») у крупа, одна рука у передней подпруги, другая — у основания хвоста: средства управления для верховой езды — сильно согнутые в коленях ноги, стек и поводья, связанные с кольцом в носу — что специфично было для ослов и эквидов. Постепенно статус коня повышался и все же, согласно аккадской традиции, восходящей к III тыс. до н. э., владетель страны должен был пользоваться для передвижения не верховым конем (опасно и не престижно), а мулом в колесничной запряжке (позднее пароконной колесницей) (Oates 2003, 117–118).

[1] Пользуюсь возможностью принести А. А. Вайману глубокую благодарность за помощь в работе над данным документом.

I — подлинник, хранящийся в Лувре; *II* — реконструкция строк по отдельным хозяйствам Элама

Рис. 1. Глиняная протоэламская табличка III тыс. до н. э. с перечислением коневодческих хозяйств

I — из Телль Хуэры (Vila 2006, fig. 13); *II* — оттиск печати III династии Ура

Рис. 2. Изображения эквидов, лошадей и всадника III тыс. до н. э. на Ближнем Востоке

Начиная с рубежа III и II тыс. до н. э. лошади все более уверенно занимают место среди верховых и упряжных животных. Перелистаем эти свидетельства! Е. Гордон привел новые данные, используя свидетельства шумерских басен, происходящих из Ниппура и Ура и датирующихся примерно 2000 г. до н. э. Здесь речь идет о лошади, сбросившей всадника, о тяжелой работе лошади и, в одном случае, о муле. К этому же времени относится гимн, посвященный героическим подвигам второго царя III династии Ура, Шульги, обожествленного ещё при жизни:

«Гордый осел, который спешит
по караванной дороге
Быстрая лошадь с развевающимся хвостом
Ослиный жеребец Шакана, который
хорошо умеет бегать
Это я!»

Шульга, возведший укрепления для защиты от гутиев, реорганизовавший войско, вновь введя в него копейщиков «из граждан Ура», в качестве одного из самых героических своих деяний описывает путешествие из Ниппура в Ур, когда в бурю и непогоду за один день он покрыл расстояние примерно в 150 км, что и для наших дней является делом непростым. А. Камменхубер, который мы обязаны первым прочтением текста тренинга Киккули, справедливо замечает, что совершить такой пробег по гористой Месопотамии можно было только на пароконной запряжке и при легком экипаже.

В других документах этого времени сообщается о получении лошадей, передаются приказы о корме для них, верховой езде, мастях (карих и белых), стойлах (раскопки в Мегиддо в Сирии открыли отлично оборудованные конюшни), о нападении на охрану каравана, ведшего коня, и т. д. — случайные фразы, говорящие о важности коней, а иногда дающие хоть некоторое представление об их экстерьере. Между 1500–1200 гг. до н. э. Амарнская переписка связывает лошадей с Месопотамией, что свидетельствует в пользу их северного или восточного происхождения. Египтяне и хетты просят лошадей в Вавилоне, причем хетты подчеркивают, что им нужны молодые жеребчики для акклиматизации к анатолийским холодам (Oates 2003, 122).

Первые шаги использования лошади населением Передней Азии в IV–III тыс. до н. э. обеспечены малым количеством материалов, поскольку в это время широко использовались ослы, онагры и различные гибриды. Рассмотренный нами период сменился временем широкого использования коня и разнообразными и выразительными материалами, которые успешно изучаются и изучались многими учеными, в том числе и М. Н. Погребовой, внесшей весомый вклад в изучение роли коня и колесниц в жизни Кавказа в эпоху средней бронзы и раннего железа.

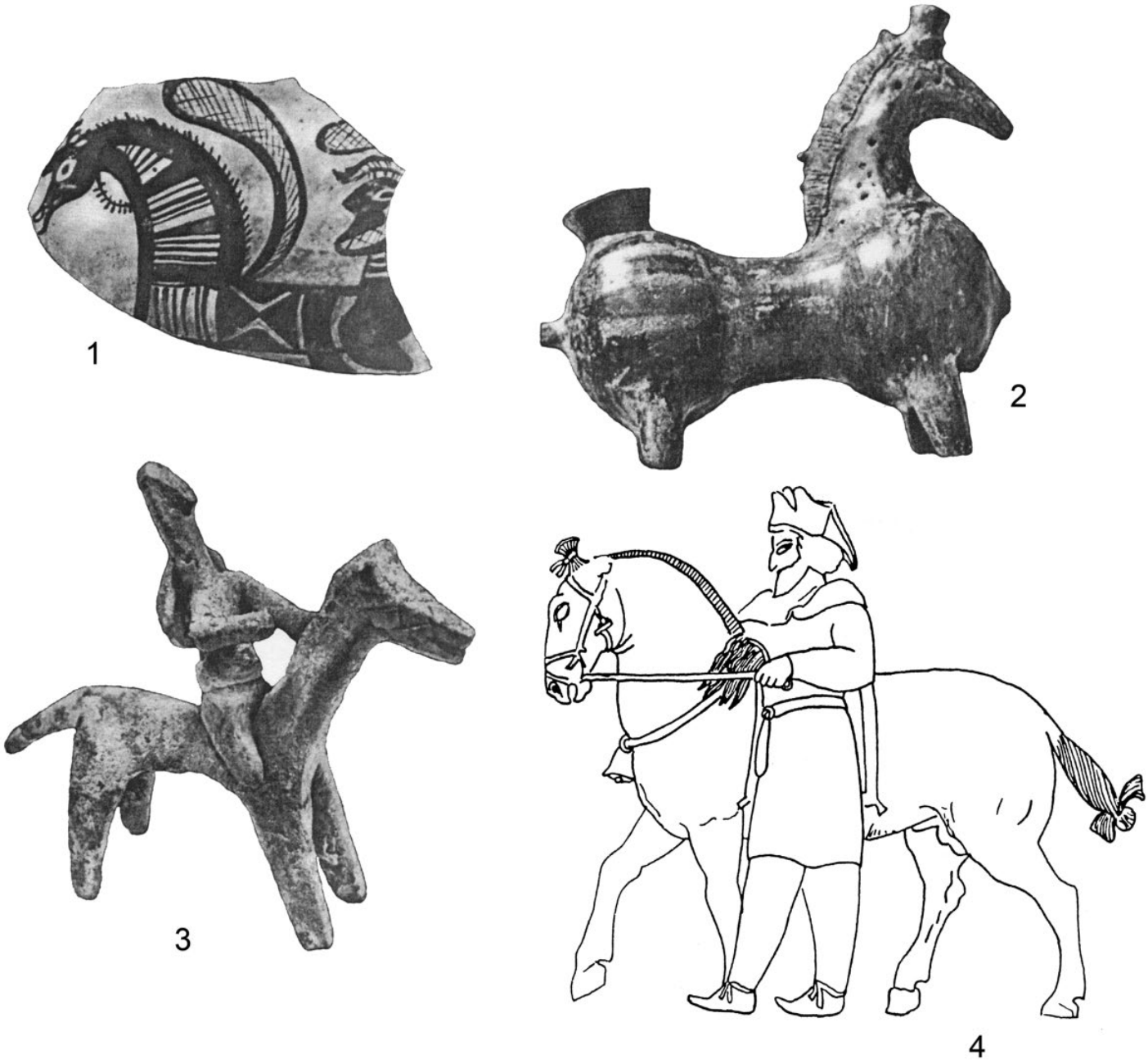
Второе тысячелетие. до н. э. — это время появления колесниц на Ближнем Востоке и в Египте. Благодаря стремительности колесниц людям оказались подвластны огромные пространства, вместо 30 км в сутки в передвижениях на быках и эквидах, стало возможным, как мы уже говорили о времени Шульги, делать в день по 150 км, т. е. двигаться в пять раз быстрее. В этой связи Э. Шеррат рассматривает все степи, и, в частности ассирийские, как специфический мир, в котором развиваются различные общества, связанные между собой как широтными, так и меридиональными связями с южными и северными соседними народами, что позволяет их считать перекрестком путей. С появлением городов в IV–III тыс. до н. э. — приручение и использование эквидов и камелидов дополнилось и доместикацией лошади. «Доместикация транспортных животных была связана с развитием торговых путей, по которым перевозилось производственное сырье для городских ремесленных производств и циркулировали экзотические предметы роскоши для городской элиты» (Sherratt 2003, 238).

Материалы по древним колесницам были темой исследования ряда крупнейших ученых, таких как С. Пигготт, М. Литтауэр, Й. Кроувел и многих других, поэтому после них трудно сказать что-нибудь новое. Разве что ввести количественный метод в обработку массовых данных, связанных с выделенными признаками конского снаряжения колесничных и верховых лошадей, изображенных на барельефах и фресках ассирийских дворцов. Для анализа было выделено 108 признаков, по сочетанию которых было рассмотрено 43 изображения коней, запряженных в колесницы, разбитых на семь хронологических этапов с начала IX в. по середину VII в. и 23 изображений всадников этого же времени. В результате оказалось возможным показать, какие из выделенных признаков оказываются хроноиндикаторами, как влияло появление на исторической арене евразийских всадников на изменения в конском снаряжении Ассирии. Удалось конкретно показать в цифрах, что конское снаряжение верхового коня связано со снаряжением колесничного коня, поскольку верховая езда сначала производилась на колесничных, попарно съезженных лошадях и первое время «возничий» управлял и своей и лошадью вооруженного всадника (Ковалевская 2011, 22–27, Ковалевская 2013, 73–81).

В связи с колесницами представляет огромный интерес хеттский тренинг митаннийца Киккули, уникальнейший текст о семимесячной продуманной тренировке колесничных лошадей для их использования в боевых действиях и в состязаниях. Наличие в тексте этого документа «окаменевших глосс» индоарийского

происхождения и возможность понять многие особенности этого тренинга путем сопоставления его с особенностями тренинга туркменских тренеров позволяет увидеть связи между Ближним Востоком и евразийскими степями во II тыс. до н. э. по их конкретным проявлениям (Ковалевская 2005, 92–95; Ковалевская 2010, 51–58).

Не могу не остановиться в моем докладе на теме, очень близкой сердцу Марии Николаевны, о связях Кавказа с древними иранцами и о древних иранских конях, как представителях восточного типа коня (рис. 3). В данном контексте речь идет о работе М. Машкур над иранским остеологическим материалом из Казвинской долины VI–I тыс. до н. э., об обнаружении в Иране костей дикой лошади в неолите и домашней лошади из Годин IV ок. 3000 г. до н. э. (Mashkour 2003, 129–138). Для нас представляет интерес, как выглядели эти кони. Наиболее ранние изображения были схематичны, но уже с последней трети II–I тыс. до н. э. в них проявляются те экстерьерные черты, которые свойственны восточным коням, как это выделяют иппологи. На расписанных

1 — Сиалк; *2*, *3* — Амлаш; *4* — Персеполь

Рис. 3. Изображения персидских коней начала I тыс. до н. э.

сосудах из Сиалка X–IX вв. до н. э. изображены тонконогие лошади с длинным подтянутым туловом, тонким и длинным высоко поставленным хвостом, мощной грудью, изогнутой длинной шеей и небольшой головкой с несколько выпуклой лобной частью и большими глазами. В глиняных раскрашенных сосудах в виде коня — этого же или несколько более позднего времени — отражены те же экстерьерные черты восточного коня, причем особенно важны подчеркнутые мастером красиво изогнутая шея с подстриженной гривой с изящной головкой с настороженными ушами и с прямым профилем. Большое же число изображений относится ко времени расцвета Персидской империи, где роль коня была как никогда высока и перед современниками персы представали в качестве непревзойденных всадников. Геродот описывал передвижение огромного многочисленного войска Ксеркса на Грецию, когда вслед за обозом шли вьючные животные, за ними отряды воинов из многочисленных сатрапий Ирана, затем регулярные отряды персидских всадников, далее пеших копейщиков. «Потом шли 10 священных нисейских коней в роскошной сбруе. Нисейскими же называются эти кони вот почему. Есть в Мидии обширная равнина под названием Нисей. На этой равнине и разводят таких больших коней. За этими 10 конями двигалась священная колесница Зевса, которую везло 8 белых коней… За этой колесницей ехал сам Ксеркс на колеснице, запряженной нисейскими конями» (*Hdt.* VII. 4). Именно эти нисейские (несейские) лошади изображены на стенах Персеполя. В царские колесницы запряжены крупные, с длинным туловищем, мускулистые, с массивным крупом и грудью, с короткой мясистой, но красивой шеей, украшенной подстриженной гривой, головой бараньего профиля с выпуклыми выразительными глазами. Они значительно массивнее изящных лошадей Египта и Ассирии, крупнее ростом (очевидно, достигая 140–150 см в холке), хотя одновременно изображаются и низкорослые. Интересно, что на рельефах Персеполя V–IV вв. до н. э. верховые кони представлены тем же экстерьерным типом того же роста, что кони царской колесницы, но более высокие, чем кони из обычных колесниц. Еще большую портретную галерею несейских коней представляют древние геммы, специально под этим углом зрения изученные С. Я. Берзиной. Ранние геммы XIII–VIII вв. до н. э. дают изображения либо мифических крылатых коней, либо запряженных в колесницы. Кони на них такие же, как на рельефах и в росписях Египта и Ассирии: изящные, быстроаллюрные, тонконогие, с подтянутым туловом, с красивой изогнутой линией верха, вертикально поставленной тонкой шеей и небольшой головкой. К VI–V вв. относятся три ахеменидских печати, две из которых изображают посвященных Ахура-Мазде священных коней, о которых писал Геродот. Но интересно то, что эти кони отличаются по экстерьеру между собой. В одном случае изображен легкий, длинных линий, на тонких ногах в первой стадии галопа конь с сильной грудью, красиво изогнутой шеей и аккуратной головкой с высоко поставленными ушами — легкий тип быстроаллюрного скакуна. На обнаруженной в Греции ахеменидской цилиндрической печати изображен мощный, в позе торжественного шага конь с накинутым свободно на шею поводом, под мягким украшенным седлом-чепраком, с крупной головой в сборе с прямой линией лба, на короткой мясистой шее. Тут наглядно представлены два крайних по своим экстерьерным особенностям типа породных коней Древнего Востока, легкий быстроаллюрный и массивный шаговый. В них есть черты коней персепольских рельефов, которые наиболее наглядно проявляются в V–IV вв. до н. э. Надо полагать, что именно в V веке до н. э. сложился тот типичный образ персидского коня крепкого, сильного, длинноногого и горбоносого, который создал славу персидских, парфянских и бактрийских коней. И, очевидно, именно эти лошади стали известны грекам как нисейские — первая известная нам древняя порода, славившаяся своим экстерьером и прекрасными способностями к бегу.

Литература

Витт В. О. Лошадь Древнего Востока / Конские породы Средней Азии. М., 1937.

Ковалевская В. Б. О тренинге лошадей митаннийца Киккули // Ахал-Теке информ. М., 2005.

Ковалевская В. Б. Конь и всадник. История одомашнивания лошадей в евразийских степях, на Кавказе и Ближнем Востоке. М., 2010.

Ковалевская В. Б. Изображения всадников на ассирийских рельефах IX–VII вв. до н. э. по данным статистического анализа // Археология Южной Сибири. Вып. 25. Сборник научных трудов, посвященный 80-летию со дня рождения Я. А. Шера. Кемерово, 2011.

Ковалевская В. Б. Ассирийские колесницы IX–VII вв. до н. э. — развитие во времени на основании анализа статистических данных // Текст. Контекст. Подтекст. Сборник в честь М. Н. Погребовой. М., 2013.

Levine M. Focusing on Central Eurasian Archaeology: East Meets West // Prehistoric steppe adaptation and the horse / M. Levine, C. Renfrew and K. Boyle (ed.). Cambridge, 2003.

Levine M. mt DNA and horse domestication the archaeologist's cut // Equids in Time and Space. Papers in Honor of Vera Eisenmann / M. Mashkour (ed.). Oxford,2006.

Littauer M.A., Crouwel J.H. Wheeled Vehicles and Ridden Animals in the Ancient Near East. Leiden, 1979.

Mashkour M. Equids in the Northen Part of the Iranian Central Plateau from the Neolithic to Iron Age. New Zoogeographic Evidence // Prehistoric steppe adaptation and the horse / M. Levine, C. Renfrew and K. Boyle (ed.). Cambridge, 2003.

Oates J. A Note on the Early Evidence for Horse in Western Asia // Prehistoric steppe adaptation and the horse / M. Levine, C. Renfrew and K. Boyle (ed.). Cambridge, 2003.

Sherratt A. The Horse and the Wheel: The Dialectics of Change in the Circum-Pontic Region and Adjacent Areas 4500–1500 BC // Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse. / M. Levine, C. Renfrew and K. Boyle (ed.). Cambridge, 2003.

Vila E. Data on Equids from late fourth and third millennium sites in Northern Syria // Equids in Time and Space. Papers in Honor of Vera Eisenmann / M. Mashkour (ed.). Oxford, 2006.

Т. М. Кузнецова

КЕЛЕРМЕССКИЙ МОГИЛЬНИК И СИСТЕМА СКИФСКОЙ ХРОНОЛОГИИ АРХАИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

Исследование показало, что курганы Келермеса, курган «Литой» (Мельгуновский) и курган «Репяховатая Могила» могут быть соотнесены со временем возвращения войска царя Мадия, сына Прототия/Бартатуа, в Северное Причерноморье (после 585 г. до н. э.).

The study has shown that the Kelermes cemetery as well as the «Litoy» (Melgunovsky) and «Repyakhovataya Mogila» burial mounds can be correlated with the time of King Madyes (son of Protothyes/Bartatua) and his army returning to the North Black Sea region (after 585 BC).

Келермесские курганы, что уже отмечалось исследователями, являются уникальным источником для эпохи скифской архаики, несмотря на варварские раскопки начала XX века (Галанина 1997, 16–31), поскольку их материалы могут быть надежно увязаны с историей пребывания кочевников на территории Передней Азии (Алексеев, Рябкова 2013, 13–18), а датировка является опорной для всей раннескифской хронологии (Маслов 2012, 342).

Исходя из этого, сопоставляя археологические данные, специалисты чаще всего обращались (Иессен 1953 и др.) и обращаются к хронологии Келермесского могильника, определяя синхронные ему объекты или «келермесским типом» (Полін 1987; Мелюкова 1998), или «келермесским временем» (Могилов 2008), или «келермесским этапом» (Гречко 2013, 133–154), или включают их в группу, называемую «келермесским культурным горизонтом», датируя его, правда, различно: как второй половиной VII в. до н. э. (Дараган 2010, 191–193) или второй/третьей четвертью VII в. до н. э. (Махортых 2014, 69–78), так и серединой/третьей четвертью VII — второй четвертью VI в. до н. э. (Маслов 2012, 350, 356).

В результате таких сопоставлений Келермесский могильник приобрёл значение системообразующего памятника для хронологии архаического скифского периода.

Анализ предметов конской узды из могильника Келермес позволил Л. К. Галаниной предположить существование двух групп курганов, имевших не очень большой хронологический разрыв: «старшие» (два кургана), раскопанные Н. И. Веселовским и «младшие» (четыре кургана), раскопанные Д. Г. Шульцем (Галанина 1983, 32–55; Галанина 1997, 178). Позже было высказано предположение, согласно которому «старшие» курганы были возведены до переднеазиатских походов скифов: «ранее начала 670-х гг. до н. э. (при этом не исключается VIII в. до н. э.)», а «младшие» — после их возвращения на Северный Кавказ: «в середине VII в. или в самом конце VII в. до н. э.» (Alekseev 2007, 33–34; Алексеев 2008, 9–10).

Вследствие этого в науке получила развитие дискуссия, связанная с «поэтапной» хронологией сооружения курганов Келермеса (Alekseev 2007, 33–34; Алексеев, Рябкова 2010, 243–245; Маслов 2012; Алексеев, Рябкова 2013; Кузнецова 2015, 104–106; Канторович, Маслов, Эрлих 2015).

При этом исследователи, которые развивают идею о двух этапах возведения шести курганов Келермеса («старшие»/допоходные и «младшие»/послепоходные), строят свои предположения не только на относительном различии в топографии обеих групп и их радиоуглеродном датировании (курганы № 2 Н. И. Веселовского — 810–540 cal BC и № 3 или 4 Д. Г. Шульца — 760–390 cal BC: Alekseev 2007; Алексеев 2015, 95–96), но и на привлечении археологического материала других памятников, который является достаточно весомым аргументом, поддерживающим концепцию авторов. Однако основным доводом, укрепляющим эту точку зрения, все же служит тот факт, что в «старших» курганах почти отсутствуют изделия, безусловно выполненные древневосточными мастерами, а их подавляющее большинство происходит из «младших» курганов (Alekseev 2007, 33–34; Алексеев, Рябкова 2010, 243–245).

Позиция contra, основанная на не менее весомых аргументах, привела к выводу о том, что материалы Келермесских курганов не позволяют, с одной стороны, наблюдать хиатус между «старшей» и «младшей» группами, а с другой — относить «старшую» группу к «допоходному» пласту скифских древностей. По мнению исследователей «материалы Келермесского могильника — это единый горизонт древностей, включающий общие образы «звериного стиля», типы наверший, шлемы кубанского типа, которые пока не встречены в комплексах, датированных VI в. до н. э.» (Маслов 2012, 356; Канторович, Маслов, Эрлих 2015, 76).

Однако единство между обеими группами курганов в рамках одной раннескифской эпохи не отрицается и их оппонентами (Алексеев, Рябкова 2013, 16–17).

В ходе дискуссии прослеживается как негативное отношение к использованию нарративных источников «для конкретной датировки материалов могильника» (Маслов 2012, 356), так и обращение к письменным свидетельствам, даты событий в которых приводятся, правда, в соответствии с концепцией авторов, согласно которой и вторжения скифов в Переднюю Азию из Предкавказья, и их возвращение в этот регион определяются исключительно VII в. до н. э. (Алексеев 2008, 9; Алексеев, Рябкова 2013, 13–18), хотя сведений о длительном скифском присутствии на Северном Кавказе и в Северопонтийском регионе для этого времени нет[1] (Кузнецова, 2009; Кузнецова, 2013; Кузнецова 2015, 103).

Ранее курганы у станицы Келермесской датировались первой половиной VI в. до н. э. (Придик 1911, 14; Rau 1929, 89; Иессен 1953, 49; Артамонов 1974, 57 и др.) или рубежом VII–VI вв. до н. э. (Пиотровский 1959, 248–249; Мурзін 1978, 33; Ильинская, Тереножкин 1983, 66–67 и др.), причем основу скифской хронологии составляли данные письменных источников.

Дата Келермесских курганов обосновывалась также наличием в составе их сопроводительного инвентаря различных хронологических индикаторов, важнейшим из которых стало так называемое «серебряное зеркало», обнаруженное в кургане 3/Ш-? или 4/Ш-?, раскопанным Д. Г. Шульцем (Галанина 1997, 190–191).

Использование этого предмета пока трактуется неоднозначно. Большинство исследователей рассматривают его как «скифское зеркало», но в этом есть и сомнение, поскольку даже специальное исследование не позволило предложить для него безусловную атрибуцию. В результате вопрос о функции серебряного диска с бортиком и центральной ручкой (утрачена в древности) остался без ответа, поскольку он определяется и как туалетная принадлежность, и как инструмент для гаданий, и как культовый сосуд, и как полифункциональная вещь (Кисель 2003, 86, сн. 1).

Однако, как бы ни интерпретировался «серебряный диск с бортиком», он не мог использоваться в качестве зеркала, так как у него отсутствует отражающая поверхность, потому что его неорнаментированная сторона изначально не была абсолютно ровной (рис. 1)[2], т. е. не подготавливалась для полировки (Кузнецова 1987, 57–59; Кузнецова 1991, 41–42; Кузнецова 2002, 78, табл. 27)[3].

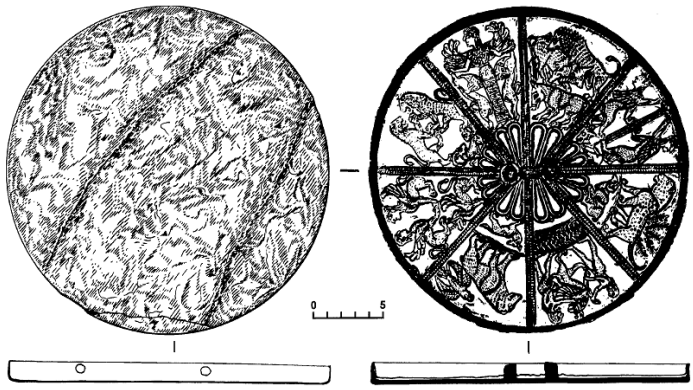

Рис. 1. Фиала (зеркало — ?) из Келермесского могильника (по состоянию в 1986 г.), к. 3/Ш? или 4/Ш-? (Кузнецова 2002, 78, табл. 27).

Происхождение предмета также надежно не установлено, ибо исследователи, отмечая, что бóльшая часть изображений на его электровой обкладке, по своей художественной манере связана с искусством Восточной Греции и стран Ближнего Востока, трактуют его и как результат творчества мастера-эолийца в Малой Азии, Закавказье или же в одном из античных поселений Азиатского Боспора (Максимова 1954, 304–305), и как возможное произведение фригийца или

[1] Из контекста труда Геродота следует, что все эпизоды в истории скифов, отмеченные для Северного Причерноморья и Кавказа (приход на новую территорию под натиском исседонов и/или массагетов, преследование киммерийцев, вторжение и военные предприятия «в Передней Азии», закончившиеся изгнанием и возвращением), объединены именем царя Мадия, поскольку только этот персонаж упомянут в связи с погоней за киммерийцами (*Hdt.* I. 103, 104, 106; IV. 1–4, 11–13). Следовательно, обитание скифов, известных на Ближнем Востоке в более раннее время по документам ассирийского царя Асархаддона (Иванчик 1996, № 7, 9, 21), не было связано с Северокавказским и Северопонтийским регионами (Кузнецова 2012, 201–203).

[2] Рисунок, где художником изображены неровности на оборотной стороне, которые кажутся сильно выступающими над поверхностью, вызывает критику у специалистов, но на профиле и разрезе видно, что они были незначительными и почти незаметными.

[3] Мнение исследователей о том, что Т. М. Кузнецова приняла следы коррозии за необработанную поверхность (Галанина 1997, 140; Кисель 2003, 85) не соответствует действительности, поскольку квалификация реставратора и стаж работы в этой области позволяют мне отличать необработанную поверхность от корродированной.

лидийца — выходца из Малой Азии (Кисель 2003, 86, прим. 1), и как результат работы мастера-грека, более всего связанного с Северной Ионией и Лидией (Вахтина 2010, 106).

О связи с Малой Азией, правда, свидетельствует не только орнаментика келермесского «серебряного диска с бортиком» (Погребова 1948, 63–65; Вахтина 2001, 110–112; Кисель 2003, 89–93), но и результаты химического анализа его обкладки, которые показали, что она изготовлена из природного электра, добывавшегося в Лидии (Вахтина 2000, 55–56; Вахтина 2010, 104).

Время изготовления так называемого «серебряного зеркала» было установлено М. И. Максимовой в рамках 580–570 гг. до н. э. (Максимова 1954, 281–305), что дало основание для уточнения даты всех курганов Келермеса, сооружение которых соотносилось с началом — второй четвертью VI в. до н. э. (Иессен 1953, 101 и др.).

Позже В. А. Кисель (на основании стилистического анализа) датировал изготовление «зеркала» 650–620 гг. до н. э. (Кисель 1993, 125), и это привело Л. К. Галанину к выводу о том, что последняя датировка устраняет «основной и единственный аргумент в пользу долго господствовавшего и не до конца еще изжитого представления о принадлежности Келермесских курганов ко 2-ой четверти VI в. до н. э.», исходя из чего исследователь ограничила «возраст позднейших усыпальниц» Келермеса «концом VII или, в крайнем случае, рубежом VII–VI в. до н. э.» (Галанина 1995, 50).

Далее Л. К. Галанина удревнила время сооружения могильника до середины — второй половины VII в. до н. э. (Галанина 1997, 180–192), учитывая датировку «келермесского зеркала» в рукописи Л. В. Копейкиной, которая позволяла отнести предмет во вторую половину VII в. до н. э. (Копейкина 1981; Алексеев 2015, 90, сн. 3). После этого В. А. Кисель предложил новую дату для так называемого «зеркала», ограничив ее 670–640 гг. до н. э. (Кисель 2003, 99). И эта дата, по мнению А. Ю. Алексеева, укрепила «позицию исследователей, согласившихся с датированием не только того кургана, откуда зеркало происходит, но и Келермесского могильника в целом второй половиной VII в. до н. э.» (Алексеев 2015, 90, сн. 3)[4].

Однако предмет, известный в единственном экземпляре, обнаруженный вне археологического контекста, не имеющий ни четкой атрибуции, ни, что самое главное, точного определения места его изготовления, не может служить хроноиндикатором даже для одного кургана, не говоря уже о могильнике в целом.

Нет единодушия у исследователей относительно происхождения и датировки для иных предметов, по которым устанавливается раннее время Келермеса[5].

В настоящее время существует около десятка дат для Келермесских курганов: третья четверть VII/рубеж VII–VI вв. до н. э. (Галанина 1983, 52–53); VII в. до н. э. (Kossack 1987, 24–86); вторая половина VII — первая четверть VI вв. до н. э. (Полін 1987, 32); в пределах VII в. до н. э. (Петренко 1990, 70, 73); 700/650–650/600 гг. до н. э. (Медведская 1992, 86–92); середина — третья четверть VII в. до н. э. (Эрлих 1994, 107); вторая половина VII в. до н. э. (Галанина 1997, 178–192); начало 670-х гг. — середина или конец VII до н. э. (Alexeev 2007, 33–34; Алексеев, Рябкова 2013, 13–18); не ранее конца первой четверти VI в. до н. э. (Кузнецова 2009, 325); 650–580 гг. до н. э. (Маслов 2012, 394); вторая–третья четверть VII в. до н. э. (Махортых 2014, 78), что показывает неустойчивую позицию могильника в системе хронологии скифской архаики.

Поливариативность даты Келермесского могильника появилась после исследования курганов у хутора Красное Знамя на Северном Кавказе, который связали со скифами, что повлекло за собой изменение хронологической системы для всего архаического периода. В результате чего и возникли многочисленные варианты при датировании Келермеса, не позволяющие рассматривать его теперь в качестве системообразующего памятника.

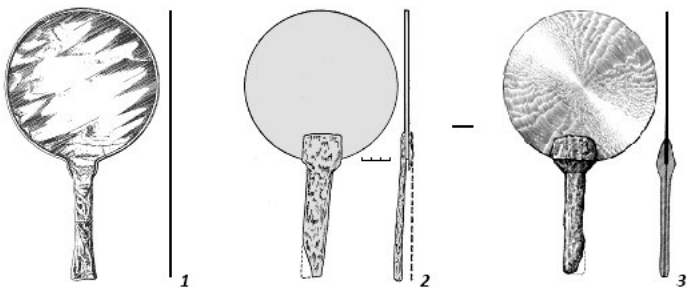
Исходя из этого представилось необходимым выявить в археологическом материале хроноиндикаторы, имеющие стабильную дату, и провести построение хронологической шкалы для памятников скифской архаики от одного репера, т. е. проделать работу, аналогичную той, которая была осуществлена ранее и базировалась только на данных письменных источников, где отсчет времени производился от одного хронологического репера, определяющего вторжение воинства скифского царя Мадия в Переднюю Азию (во время осады столицы Ассирии — Ниневии войсками Вавилонии и Мидии), а возвращение в Северное Причерноморье после «разгрома» мидийским царем Киаксаром — не ранее 585 г. до н. э. (Кузнецова 2009, 308–328).

Археологический материал, показывающий пока статичные даты, был обнаружен при изучении кургана «Репяховатая Могила», сооруженного в лесостепной зоне Днепровского Правобережья, где в гробнице № 2 находились зеркала с боковой ручкой (рис. 2), датирующиеся не ранее второй четверти VI в. до н. э., поскольку они подражают античным формам зеркал (Кузнецова

[4] В результате хронологических изысканий произошло замещение первичной (определяющей) даты могильника на вторичную (подтверждающую) дату так называемого «келермесского зеркала».

[5] Объем статьи не позволяет показать все многообразие хронологических и «этнических» определений для этих вещей.

2002, 79–80; Кузнецова 2010, 238)[6], появившимся в Греции в пределах указанного времени и атрибутированным как «коринфские» (Oberlander 1967, 5, 17–20; Билимович 1976, 33).

1 — (Кузнецова 2002, 81, табл. 29/Б, № 477[7]); *2* — (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, 48, рис. 20 — изображение после раскопок); *3* — (Кузнецова 2010, 132, 202, табл. 86: № 476 — изображение по состоянию в 1985 г.).

Рис. 2. Зеркала из кургана «Репяховатая Могила», гробн. № 2

Время сооружения гробницы № 2 «Репяховатой Могилы» устанавливается в рамках последнего десятилетия второй четверти — середины VI в. до н. э., гробницы № 1 — около первого десятилетия второй четверти VI в. до н. э., а сам курган датируется в пределах второй четверти — середины этого столетия, в соответствии с выделенными хронологическими маркерами, что связывает его с «послепоходным» существованием скифского социума, оставившего этот памятник (Кузнецова 2016). Данная позиция кургана поддерживается и присутствием в гробнице № 1 урартийских бусин (Рябкова 2010, 179).

Состав сопроводительного инвентаря кургана, включающего предметы со статичными датами, таким образом, позволил рассматривать его в качестве хроноиндикатора для памятников раннескифского периода (Кузнецова 2016).

Наиболее целесообразным представляется начать построение хронологической шкалы по археологическим данным с сопоставления сопроводительного инвентаря из гробницы № 2 кургана «Репяховатая Могила» и материалов Келермесских курганов, поскольку последние, как уже говорилось, рассматриваются как системообразующая группа памятников для периода скифской архаики.

Близкие по форме предметы в сопоставляемых курганах представлены железными навершиями, железными и бронзовыми удилами, железными и костяными псалиями, каменными блюдами и наконечниками стрел.

Железные «стержневидные навершия» (стержнь четырехгранный в сечении с небольшой петлей в его средней части) имеют овальные бубенцы (верхняя часть бубенца в виде «загнутого клюва») с высокими линзовидными прорезями: тип V по классификации Е. В. Переводчиковой (Переводчикова 1980, 26, 30, рис. 4, *1–5*).

В гробнице № 2 кургана «Репяховатая Могила» (парное захоронение: взрослый мужчина-? и ребенок) 2 навершия (рис. 3, *1–2*) были обнаружены среди сосудов (между и внутри) в юго-западном углу могилы (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, 38–41, рис. 9; 13, *2*, *3*; 17, *9*, *10*).

В Келермесских курганах 2 подобных навершия (рис. 3, *3–4*) найдены в насыпи кургана № 31 (2/В) с комплексами уздечных принадлежностей (рис. 4), состоявших из двух наборов железных удил и псалиев (Алексеев, Кузнецова 2001, 71–73, рис. 5, *1*; 7, *1*; 6, *4*). Еще 6 аналогичных наверший (рис. 3, *5–6*) были обнаружены у западной стенки могилы кургана № 27 (1/В) «в районе расположения верхних лошадей» (Галанина 1997, 56, кат. 206–211, табл. 44).

В гробнице № 2 «Репяховатой Могилы» открыто два вида железных удил. Одни из них — со стремечковидными концами (рис. 3, *7*) находились в скоплении у северной стены (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, 46, рис. 16, *1*).

В Келермесском могильнике сохранилось не менее 10 подобных удил. Одна пара входила в состав восточного уздечного комплекса (рис. 3, *8*) из насыпи кургана № 31 (2/В) (Алексеев, Кузнецова 2001, 71–73, рис. 5, *2*; 7, *3*), прочие обнаружены среди конских захоронений этого кургана (Галанина 1997, 240–241, кат. 242, 273, табл. 20, 22) и в кургане № 27 = 1/В (рис. 3, *9–11*) — раскопки Н. И. Веселовского (Галанина 1997, 235, кат. 139–140, 158, 164–165, 178, табл. 19, 20, 21), а также в кургане № 29 (4/Ш?) — раскопки Д. Г. Шульца (Галанина 1997, 248, кат. 398, табл. 24).

Другой вид железных удил (6 экз.) — с петельчатыми концами (рис. 3, *12–13*) также находился в скоплении у северной стены гробницы № 2 «Репяховатой Могилы» (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, 46, рис. 16, *2*, *3*) и еще 6 пар (рис. 3, *14–15*) были обнаружены у ее западной стены (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, 47, рис. 18).

В Келермесском могильнике присутствовало не менее 13 подобных удил, происходящих из курганов № 23, 24, 29 = 2/Ш?, 3/Ш?, 4/Ш? (рис. 3, *18–19*), раскопанных как Д. Г. Шульцем (Галанина 1997, 231, кат. 84–85, табл. 17), так и Н. И. Веселовским (рис. 3, *17*) курган № 27 = 1/В (Галанина 1997, 235, кат. 159, 185, 190, табл. 20, 21), курган № 31 (2/В) (Галанина 1997,

[6] Обобщение материала и расширенная аргументация представлены и в более поздних работах (Кузнецова 2016; Кузнецова, в печати).

[7] В таблице 29 — опечатка (проставлен № 474).

235, кат. 283, табл. 23). Одна пара открыта (рис. 3, *16*) в составе западного уздечного комплекса в насыпи последнего кургана (Алексеев, Кузнецова 2001, 71–73, рис. 5, *3*; 6, *2*), другие — при доследовании курганов № 24 = 3/Ш? и № 29 = 4/Ш? (Галанина 1997, 235, кат. 355, 359, 366, 399, 400, табл. 24).

В скоплении у северной стены гробницы № 2 «Репяховатой Могилы» вместе с удилами, имевшими петельчатые концы, были найдены железные стержневидные трехпетельчатые псалии (рис. 3, *20–25*), верхний загнутый конец, которых имел «грибовидное» утолщение, а нижний был уплощенным и узким (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, 46, рис. 16, *2, 3*), представлявшим вытянутую трапецию (20 экз.: Могилов 2008, 32).

Для Келермесских курганов отмечен единственный экземпляр псалиев с уплощенной формой нижнего конца (рис. 3, *26а*) в кургане № 31 = 2/В (Галанина 1997, 242, кат. 284, табл. 23; Могилов 2008, 32) и несколько фрагментов (рис. 3, *27*) в кургане № 29 = 4/Ш? (Галанина 1997, 46, 248, кат. 401, табл. 24). Остальные железные стержневидные трехпетельчатые псалии (рис. 3, *17–18, 26б, 28–30*) с верхним загнутым концом имели иное оформление их окончаний: курган № 31= 2/В (Алексеев, Кузнецова 2001, 79, рис. 7, *2*, *4*; 6, *1, 3*); курган № 27 = 1/В (Галанина 1997, 242, кат. 142, табл. 19). В курганах Келермеса найдены и другие формы железных псалиев (прямые, С-видные), но они отсутствуют в «Репяховатой Могиле».

В гробнице № 2 «Репяховатой Могилы» обнаружены две пары бронзовых удил (рис. 5, *1–2*) со стремечковидными окончаниями и выступами на концах стремечка (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, 46–47, рис. 17, *1–2*). Аналогичные формы зафиксированы и для Келермеса: курганы № 23, 24, 29 = 2/Ш?, 3/Ш?, 4/Ш? (рис. 5, *7*) — раскопки Д. Г. Шульца (Галанина 1997, 232, кат. 78, табл. 17); курган № 31 = 2/В (рис. 5, *8*) — раскопки Н. И. Веселовского (Галанина 1997, 240, кат. 257, табл. 22), а также при доследовании кургана (рис. 5, *9*) № 24 = 3/Ш? (Галанина 1997, 245, кат. 330, табл. 25).

«Орнамент» в виде двух рядов «жемчужника» на грызлах удил из гробницы № 2 «Репяховатой Могилы» (рис. 5, *1–2*) близок оформлению одного из звеньев на удилах из курганов № 23, 24, 29 = 2/Ш?, 3/Ш?, 4/Ш? Келермеса (рис. 5, *6*).

Бронзовые удила со стремечковидными окончаниями и выступами на концах, имеющие дополнительный выступ между ними в середине подножки стремечка, найдены (рис. 5, *3*) у северной стены гробницы № 1 «Репяховатой Могилы», где были погребены женщина и подросток[8] (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, 35–36, рис. 4, *17*), и в курганах № 32 = 1/Ш? (рис. 5, *4*), № 23, 24, 29 = 2/Ш?, 3/Ш?, 4/Ш? Келермеса (рис. 5, *4–6*) — раскопки Д. Г. Шульца (Галанина 1997, 242, кат. 30, 80, 79, табл. 17).

Дополнительный выступ на стремечке у последнего типа удил определяется как не удаленный литник, не имеющий конструктивного или декоративного назначения (Вальчак 2009, 30). Однако он рассматривается и как типообразующий признак (Могилов 2008, 17), что не позволяет исключить удила с этим элементом при сравнении археологического материала.

Бронзовые удила в гробнице № 2 «Репяховатой Могилы» сопровождались составными псалиями, от которых сохранились только костяные наконечники (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, 46–47, рис. 17, *3*). Один из них (рис. 5, *10*) в виде головы грифобарана (бараноптицы) близок обнаруженному в кургане № 27 = 1/В (рис. 5, *11*) из раскопок Н. И. Веселовского (Галанина 1997, 245, кат. 195, табл. 16, 21).

Каменные блюда находились в северо-восточном углу гробницы № 2 «Репяховатой Могилы» рядом с лепными сосудами. Одно (блюдо с «носиком») было перевернуто и лежало в канавке у восточной стены (рис. 5, *12*), другое (овальное со следами красной краски) — стояло лицевой стороной вверх (рис. 5, *13*), а на нем располагались зеркала (рис. 2) «бронзовое с железной ручкой и цельнобронзовое» (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, 40, 48, рис. 21).

Фрагмент (рис. 5, *14*) овального каменного блюда был найден и при доследовании кургана № 29 = 4/Ш?, ранее раскопанного Д. Г. Шульцем (фото Т. В. Рябковой)[9].

Наконечники стрел в гробнице № 2 «Репяховатой Могилы» составляли два колчанных набора. Колчан № 1 (рис. 5, *15*) содержал 151 бронзовый и 4 костяных «пулевидных» наконечников стрел раннескифского времени.

Бронзовые наконечники стрел представлены: двухлопастными (крупными) с овальной головкой и небольшой выступающей втулкой с шипом (10 экз.); трехлопастными: с узкой головкой без шипов (21 экз.), с длинной втулкой и длинным шипом (72 экз.), аналогичными без шипов (23 экз.); трехгранными со сводчатой головкой, с шиповидными остро обрезанными гранями и короткими втулками (24 экз.). В колчане наконечники размещались по типам: в правой части колчана, поставленного дном вниз, находились листовидные наконечники, а прочие — влево от них (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, 43, рис. 14, *13–18)*.

[8] В ограбленной (восточной) части могилы предполагалось еще одно захоронение (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, 35).

[9] Благодарю автора раскопок кургана А. Ю. Алексеева и хранителя коллекции Т. В. Рябкову за предоставленную возможность использовать неопубликованный материал.

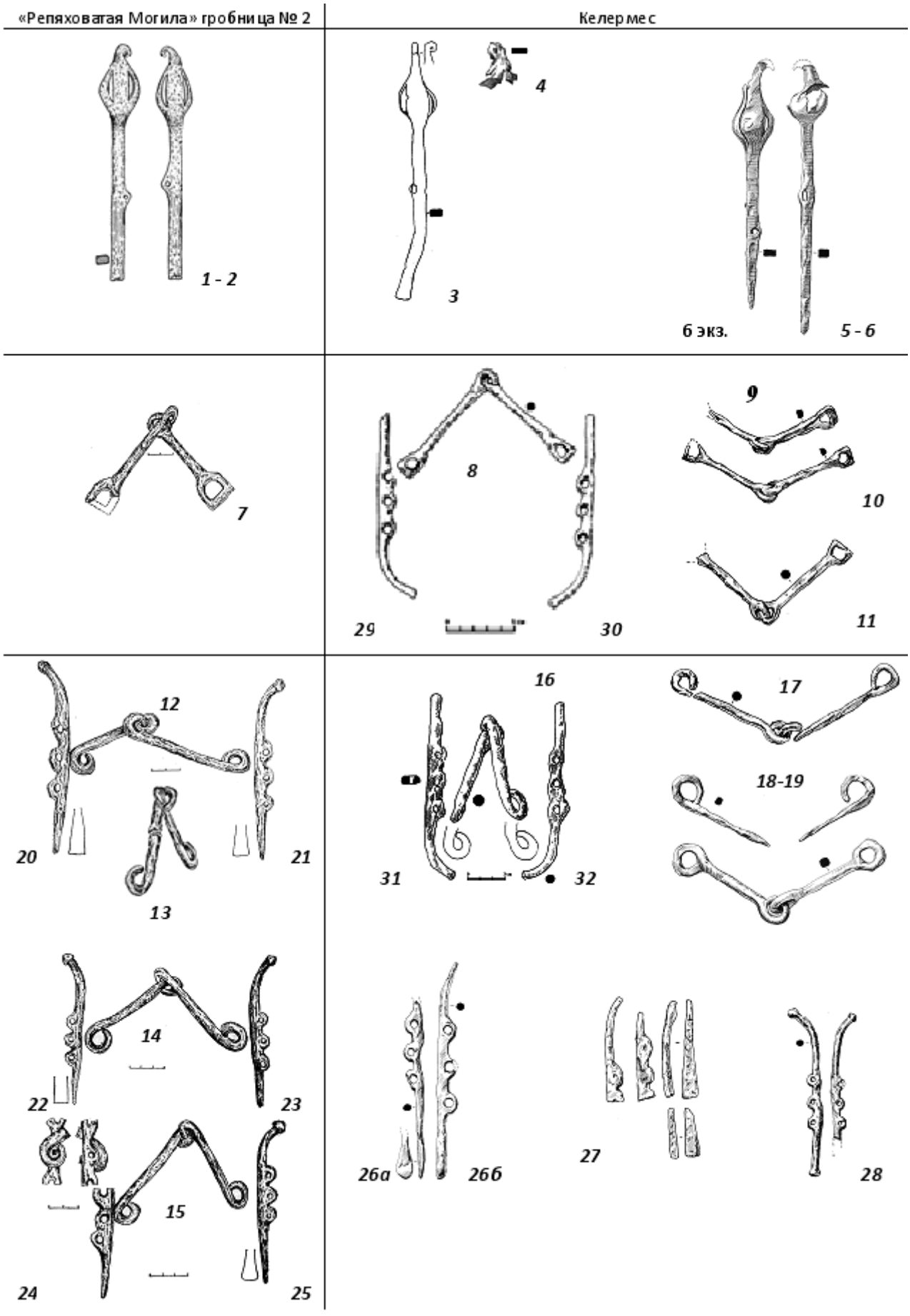
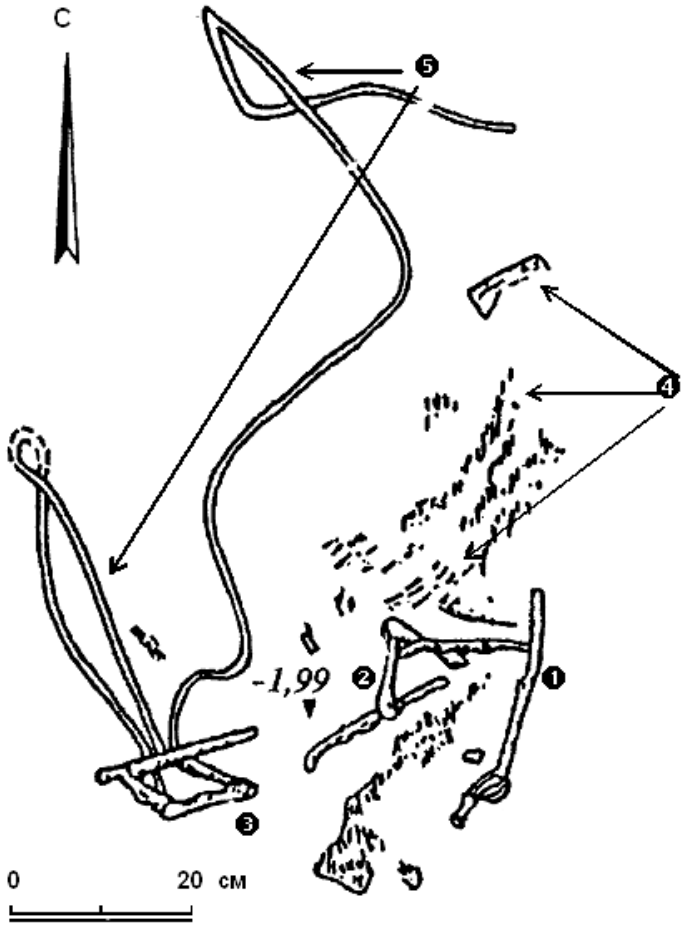

Рис. 3. Железные навершия, удила и псалии из гробницы № 2 «Репяховатой Могилы» (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980) и Келермесских курганов (Алексеев, Кузнецова 2001; Галанина 1997)

В колчане № 2 находилось 124 бронзовых наконечника стрел, образующих плотную стопку шириной 26 см (рис. 5, *15а*). Они представлены: двухлопастными (крупными) с овальной головкой и втулкой с шипом (10 экз.) и аналогичным меньших размеров (1 экз.); трехлопастными: с овальными головками и втулками без шипов (27 экз.), с овальными головками, высокопоставленными на втулках с шипами (57 экз.), аналогичными на длинных втулках с шипом (7 экз.), а также (3 экз.) отличающимися от прочих некоторыми деталями форм; трехгранными (19 экз.) со сводчатой головкой и слегка приостренными концами граней и сравнительно длинными втулками (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, 44, рис. 14, *1–9)*.

1 — железное навершие; *2, 3* — железные удила и псалии; *4* — следы древесного тлена; *5* — следы ремней уздечки

Рис. 4. План расположения предметов конской узды в насыпи кургана № 31(2/В) Келермесского могильника (Алексеев, Кузнецова 2001, 77, рис. 5).

Стрелковый набор в гробнице № 1 «Репяховатой Могилы» состоял из 83 бронзовых, 4 костяных «пулевидных» и 5 железных распавшихся наконечников стрел (рис. 5, *16)*. Бронзовые наконечники представлены двухлопастными (возможно, отлитыми в одной форме): с короткой втулкой и неширокой листовидной головкой без шипов (33 экз.), аналогичными бóльших размеров (7 экз.) и подобными им с шипами (12 экз.); трехлопастными (различной длины): без шипов (6 экз.) и аналогичными с шипами (3 экз.); трехгранными: с выделенной втулкой и шипом (12 *экз.*), аналогичным, но меньших размеров (1 *экз.*), подобными, но более крупными и без шипов (5 экз.), а также со сводчатыми головками (3 экз.), обрезанными концами граней и выступающей втулкой (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, 37, рис. 6, *1–33)*.

Следует отметить, что состав наконечников стрел в гробницах кургана «Репяховатая Могила» идентичен не полностью. В ранней могиле двухлопастные наконечники стрел составляют больше половины от общего числа, тогда как в поздней могиле они представлены очень незначительным количеством, а их большая часть по форме не имеет аналогий в ранней гробнице. Объяснение этому различию, возможно, удастся найти при более широком сопоставлении архаических памятников.

Сравнение по комплексам стрелковых наборов Келермеса, для выяснения относительной хронологии отдельных курганов, невозможно вследствие их плохой документированности и недифференцированности, что отмечала и Л. К. Галанина, подчеркивая исключительное богатство ассортимента архаических наконечников стрел этого памятника (Галанина 1995, 42, 44–45, 50, рис. 2, *1–8*; 3, *21–44; 1–20*).

Некоторые формы наконечников стрел, обнаруженные в обеих гробницах «Репяховатой Могилы», находят аналогии в Келермесских курганах (рис. 5, *17–19*), на что уже обращалось внимание и ранее (Полін 1987, 26; Мелюкова 1998, 9).

Сопоставление сходных по форме предметов, входивших в число сопроводительного инвентаря кургана «Репяховатая Могила» и курганов Келермеса показало, таким образом, что оба эти памятника были оставлены, видимо, близкими группами скифов. При этом наибольшая близость устанавливается между материалами гробницы № 2 «Репяховатой Могилой» и курганами, раскопанными Н. И. Веселовским, т. е. так называемыми «старшими» курганами могильника Келермес (рис. 3, *1–17, 20–26*; 5, *10–11*).

Исходя из того, что в Северокавказский регион скифы, возвращаясь с Ближнего Востока, пришли раньше, чем в степной и лесостепной районы Северного Причерноморья, «старшие» курганы Келермеса, опираясь на дату материала из памятника Правобережной Лесостепи, можно соотнести с «послепоходным» временем и датировать не ранее последнего десятилетия первой четверти VI вв. до н. э., но не позже времени сооружения «Репяховатой Могилы», т. е. не позднее первого десятилетия второй четверти VI в. до н. э.

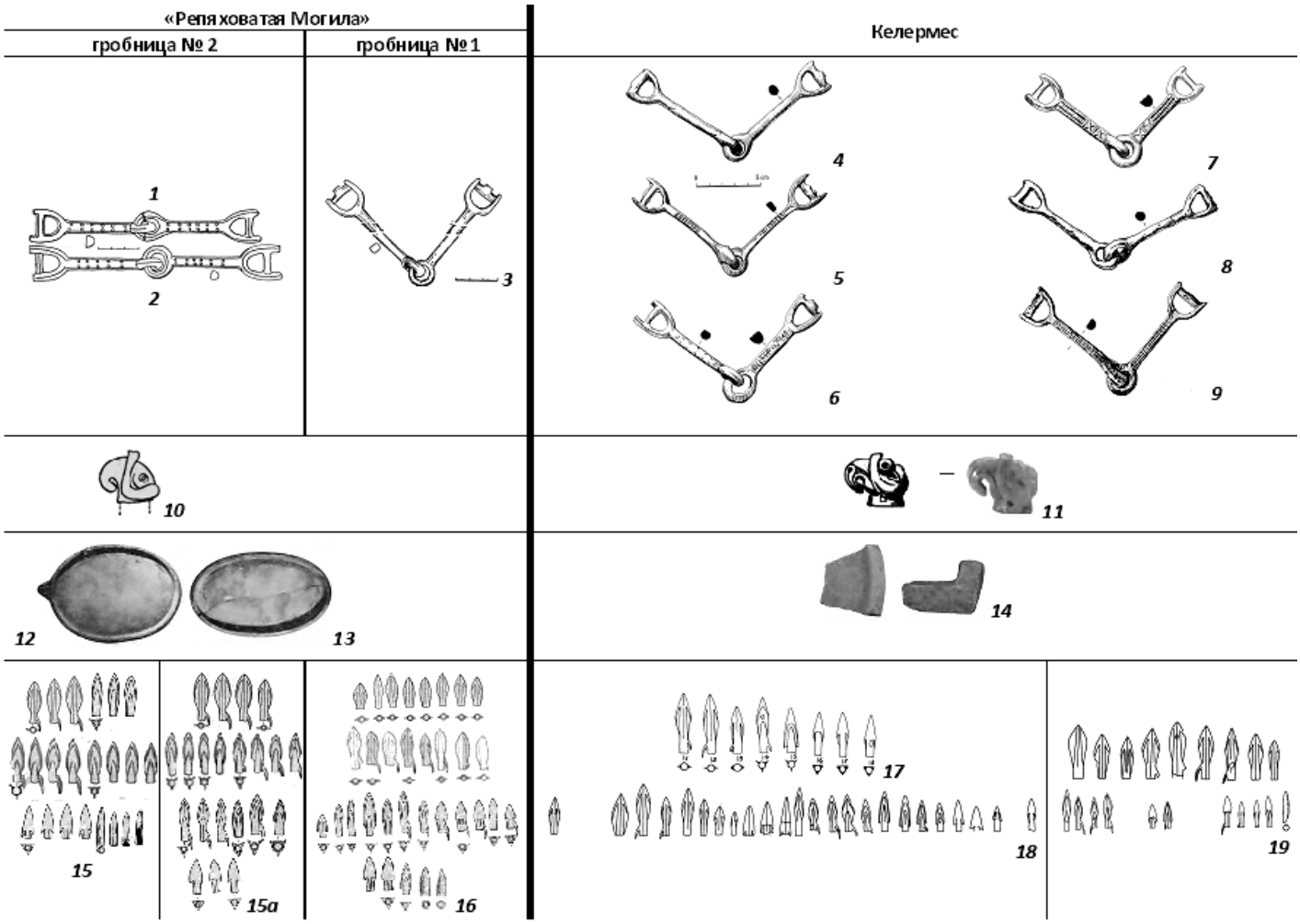

Рис. 5. Сопроводительный инвентарь из кургана «Репяховатая Могила» (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980) и могильника Келермес (Галанина 1997; Галанина 1995)

Захоронения в так называемых «младших» курганах Келермеса, раскопанных Д.Г. Шульцем, как уже говорилось, и ранее относились исследователями к «послепоходному» времени по наличию большого количества вещей, выполненных древневосточными мастерами, что не вызывает сомнения. Но в «младших» курганах обнаружены предметы, связанные не только с Древним Востоком, а и близкие, как открытым в «Репяховатой Могиле» (рис. 3, *18–19*, *27*; 5, *4–9*), так и в «старших» курганах Келермеса (рис. 3, *17–19*, *26а*, *27*; 5, *4*, *8*), что синхронизирует время всех памятников в узком временно́м интервале.

Результат проведенного сопоставления не противоречит методу археологического датирования, поскольку, как отмечают исследователи, дата памятника должна определяться по наиболее поздним вещам (Алексеев 1987, 28; Фиалко 2006, 366). Исходя из этого предметы, обязанные своим происхождением деятельности древневосточных мастеров, несмотря на определение для них ранних датировок, должны включаться в установленный хронологический диапазон, что предполагает их появление у скифов как следствие различных военных предприятий во время пребывания последних в Передней Азии[10].

Предметы, обнаруженные в «Литом» (Мельгуновском) кургане, связанные с Ближним Востоком, в том числе меч в золотых ножнах, близкий и по форме, и по оформлению мечу из Келермеса (Придик 1911; Черненко 1980 и др.), как и формы бронзовых наконечников стрел (Придик 1911, 19; Мелюкова 1964, 17)[11], позволяют датировать это захоронение (кенотаф: Бокий 1992, 13) началом второй четверти VI в. до н. э. в силу его территориальной удаленности от Прикубанья и близости к кургану «Репяховатая Могила».

[10] Мнение исследователей о том, что дорогие и престижные вещи специально изготавливались для скифских заказчиков ближневосточными мастерами (Галанина 1991, 15–29; Галанина 1997, 102; Вахтина 2000, 58; Кисель 2003, 101; Рябкова 2005, 46 и др.) требует доказательства, так как даты, определенные для некоторых предметов, и их одновременная связь и со скифами, и с ближневосточными государствами, противоречат политической обстановке на Древнем Востоке.

[11] Обнаружено 40 экз., 9 из которых — двухлопастные с шипом, остальные — трехлопастные различных типов и вариантов.

Сходство сопроводительного инвентаря в памятниках, расположенных на значительном удалении друг от друга, а также большое число скифских «впускных» погребений в курганы эпохи бронзы на Северном Кавказе и в Северопричерноморской степи, как и «впускная» могила «Литого» (Мельгуновского) кургана, в пограничье степи и лесостепи, свидетельствует об экстремальной ситуации, сложившейся после возвращения скифов из Передней Азии, вызвавшей их быстрое продвижение в западном направлении.

Следствием чрезвычайных обстоятельств, вероятно, является и погребение в 6-и курганах Келермеса [1/Ш (не сохранился?), 2/Ш (2 экз.), 3/Ш, 4/Ш, 1/В], расположенных компактной группой, 6-и бронзовых котлов (Галанина 1997, 32–40, 52) со следами целенаправленной деформации, чего более в памятниках Скифии не встречено.

Проведенное ранее сравнение могильников, включавших бронзовые котлы, показало, что поскольку такой котел по легенде, был символом численности населения, входившего в скифское сообщество (*Hdt*. IV. 81), то и в реальной жизни он также мог являться символом величины социума, где его главы (цари или номархи), будучи «держателями» этого символа, погребались вместе с ним (Кузнецова 2002а, 77–78; Кузнецова 2008, 173–198).

Деформация (уничтожение целостности) келермесских котлов и погребение в одном могильнике значительного числа символов, каждый из которых объединял, вероятно, различные социумы, может указывать на одновременную гибель представителей верховной власти, а, потенциально, и отдельных социумов (Кузнецова 2007, 239–243). Такое предположение подтверждается и сведениями письменных источников, где отмечено, что часть скифского воинства была уничтожена на пиру у мидийского царя Киаксара, в результате чего скифы покинули пределы Передней Азии (*Hdt.* I. 106), а оставшаяся часть участвовала в борьбе с «потомками рабов» и терпела поражениях «в многократных битвах» в районе от «Таврских гор» до «Меотийского озера» (*Hdt.* IV. 3, 4).

Сходство сопроводительного инвентаря между Северокавказскими и Северопричерноморскими лесостепными памятниками и близость их датировок не позволяет говорить о длительном обитании скифов на Северном Кавказе, о чем свидетельствует и количество могил в последнем регионе (около 160), включенных исследователями в систему скифской хронологии (Махортых 1991; Рябкова 2003; Петренко, Маслов, Канторович 2009)[12]. Число скифских памятников на Северном Кавказе, безусловно, больше, чем в степи (около 40: Ромашко, Скорый, Филимонов 2014, 107), но недостаточно для распределения их в пределах того времени (150 лет), с которым связывают специалисты продолжительное пребывание скифов в этом регионе.

Предметы, аналогичные сопоставлявшимся выше, присутствуют и в иных лесостепных памятниках как на правом, так и на левом берегу Днепра, что дает возможность в дальнейшем продолжить работу, связанную с построением хронологической шкалы, основанную на хроноиндикаторах, присутствующих в кургане «Репяховатая Могила».

Однако, несмотря на то, что проанализированные материалы не позволяют рассматривать Келермесский могильник в качестве системообразующего памятника, он пока остается самым ранним для скифской архаики «послепоходного» периода.

Повышение датировок скифского архаического периода возвращает нас к хронологии, разработанной исследователями до включения в систему скифской археологии северокавказского Краснознаменского могильника, наличие «храмовой постройки» в котором не соответствует ни археологическим, ни письменным источникам о скифах.

[12] Если исключить из этого числа спорные по «этническим» определениям курганы, то количество скифских захоронений составит около половины от указанной цифры (Кузнецова 2015, 100).

Литература

Алексеев А. Ю. Заметки по хронологии скифских степных древностей IV в. до н. э. // СА. 1987. № 3.

Алексеев А. Ю. «Старшие» келермесские курганы // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. / А. П. Деревянко, Н. А. Макаров (ред.). М., 2008.

Алексеев А. Ю. О Радиоуглеродном датировании скифских курганов Северного Причерноморья // АСГЭ. 2015. Вып. 40.

Алексеев А. Ю., Кузнецова Т. М. Келермес (1990 г.— курган № 31) // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки / М. П. Абрамова, В. И. Марковин (ред.). МИАР. № 3. М., 2001.

Алексеев А. Ю., Рябкова Т. В. Скифы // Античное наследие Кубани. Т. 1. М., 2010.

Алексеев А. Ю., Рябкова Т. В. Относительная хронология скифских Келермесских курганов // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции / И. И. Марченко (ред.). Краснодар, 2013.

Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н. э. Л., 1974.

Билимович З. А. Греческие бронзовые зеркала Эрмитажного собрания // ТГЭ. 1976. Т. XVII.

Бокий Н. М. Мельгуновский курган — доследование и версии // Тезисы докладов Международной научной конференции, посвященной памяти А. И. Тереножкина «Киммерийцы и скифы» / Б. Н. Мозолевский (ред.). Мелитополь, 1992.

Вальчак С. Б. Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н. э. на Юге Восточной Европы. М., 2009.

Вахтина М. Ю. Келермесское зеркало, сектор 6: Лиса, Медведь и Птица // Stratum plus. 2000. № 3.

Вахтина М. Ю. О североионийских элементах в изобразительной системе электровой обкладки келермесского зеркала // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. 2. СПб., 2001.

Вахтина М. Ю. Ось запад-восток и изобразительная система серебряной обкладки келермесского зеркала // Gaudeamus Igitur: Сборник статей к 60-летию А. В.Подосинова / Т. Н. Джаксон (ред.). М., 2010.

Галанина Л. К. Раннескифские уздечные наборы (по материалам келермесских курганов) // АСГЭ. Вып. 24. 1983.

Галанина Л. К. Контакты скифов с ближневосточным миром (по материалам Келермесских курганов) // АСГЭ. Вып. 31. 1991.

Галанина Л. К. Раннескифские стрелковые наборы из Келермесских курганов // АСГЭ. Вып. 32. 1995.

Галанина Л. К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М., 1997.

Гречко Д. С. О памятниках киммерийцев и «раннескифской» культуре // Stratum plus. № 3. Кишинёв, 2013.

Дараган М. Н. О датировке амфоры из погребения № 2 Репяховатой Могилы // АМА. 2010. Вып. 14.

Иванчик А. И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII-VII вв. до н. э. М., 1996.

Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.) // СА. 1953. XVIII.

Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ / А. И. Тереножкин (ред.). Киев, 1980.

Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев, 1983.

Канторович А. Р., Маслов В. Е., Эрлих В. Р. Спорные вопросы хронологии Архаической Скифии // Вестник РГНФ. 2015. № 1.

Кисель В. А. Стилистическая и хронологическая атрибуция серебряного зеркала изКелермеса // ВДИ. 1993. № 1.

Кисель В. А. Шедевры ювелиров Древнего Востока из скифских курганов. СПб., 2003.

Копейкина Л. В. Келермесское зеркало (к вопросу о датировке и месте его изготовления) // Архив отдела Античного мира ГЭ. 1981.

Кузнецова Т. М. Зеркало (?) из Келермеса // Тезисы докладов конференции молодых ученых: «Культура и искусство народов Востока». М., I987.

Кузнецова Т. М. 1991. Этюды по скифской истории. М., 1991.

Кузнецова Т. М. Зеркала Скифии VI–III вв. до н. э. Т. I. М., 2002.

Кузнецова Т. М. Котлы Келермеса // Тезисы докладов конференции: «XXII Крупновские чтения». Ессентуки-Кисловодск, 2002а.

Кузнецова Т. М. Скифские котлы (сакральный маркер социума) // Тезисы докладов конференции «Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок». СПб., 2007.

Кузнецова Т. М. Социальные индикаторы в погребальном обряде скифов (бронзовые котлы) // Проблемы современной археологии. МИАР № 10 / М. Г. Мошкова (ред.). М., 2008.

Кузнецова Т. М. Хронология скифского присутствия на Ближнем Востоке (по следам Геродота) // Stratum plus. № 3 (2005–2009). СПб. — Кишинёв — Одесса — Бухарест, 2009.

Кузнецова Т. М. Зеркала Скифии VI–III вв. до н. э. Т. II. М., 2010.

Кузнецова Т. М. К вопросу о хронологии и атрибуции Краснознаменского могильника // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: XVII Крупновские чтения / М. С. Гаджиев (ред.). Махачкала, 2012.

Кузнецова Т. М. О дате основания Истрии и Борисфена // Причерноморье в античное и раннесредневековое время / А. Н. Коваленко (ред.). Ростов-на-Дону, 2013.

Кузнецова Т. М. Хронология Келермесского могильника и скифские заимствования // АСГЭ. Вып. 40. 2015.

Кузнецова Т. М. Исторические интерпретации в скифологии и дата кургана «Репяховатая Могила» // Материалы международной научной конференции «Иранский мир во II–I тыс. до н. э.: Способы, направления и уровни реконструкции культурно-исторической реальности», посвященная памяти Э. А. Грантовского и Д. С. Раевского. (30 ноября — 1 декабря 2015 г.) Вып. VII. М., 2016.

Кузнецова Т. М. О времени сооружения кургана «Репяховатая Могила» (в печати).

Максимова М. И. Серебряное зеркало из Келермеса // СА. 1954. XXI.

Маслов В. Е. К проблеме хронологии древностей келермесского горизонта // РАЕ. 2012. № 2.

Махортых С. В. Скифы на Северном Кавказе. Киев, 1991.

Махортых С. Об одной группе раннескифских памятников Днепровского лесостепного Правобережья // Revista Arheologica. Vol. X. Nr. 1–2. 2014.

Медведская И. Н. Периодизация скифской архаики и Древний Восток // РА. 1992. № 3.

Мелюкова А. И. Вооружение скифов. САИ. Вып. Д1–4. М., 1964.

Мелюкова А. И. К вопросу о датировке раннескифских стрел // Музейні читання. Матеріали Міжнародной науковой конференції, присвяченої 90-літтю О. І.Тереножкіна. Київ, 1998.

Могилов О. Д. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. Київ, Кам'янець-Подільський, 2008.

Мурзін В. Ю. Скіфи на Північному Кавказі // Археологія. 1978. Вип. 27.

Переводчикова Е. В. Типология и эволюция скифских наверший // СА. 1980. № 2.

Петренко В. Г. К вопросу о хронологии раннескифских курганов Центрального Предкавказья // Проблемы скифо-сарматской археологии / А. И. Мелюкова (ред.). М., 1990.

Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р. Некоторые итоги исследования раннескифского могильника Новозаведенное–II в 1991–2003 гг. // Археологические открытия 1991–2004. Европейская Россия / Н. А. Макаров (ред.). М, 2009.

Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959.

Придик Е. М. Мельгуновский клад 1763 г. // МАР. № 31 СПб., 1911.

Погребова Н. Н. Грифон в искусстве Северного Причерноморья в эпоху архаики // КСИИМК. 1948. XXII.

Полін С. В. Хронологія раннескіфських пам'яток // Археологія. 1987. № 59.

Ромашко В. А., Скорый С. А., Филимонов Д. Г. Раннескифское погребение в кургане у села Китайгород в Приорелье // РА. 2014. № 4.

Рябкова Т. В. Раннескифские памятники Нижнего Подонья и Прикубанья. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2003.

Рябкова Т. В. Образы звериного стиля скифской эпохи // АСГЭ. Вып. 37. 2005.

Рябкова Т. В. К вопросу о "скифских" бусах в Тейшебаини // Изобразительное искусство в археологическом наследии. Археологический альманах. № 21. Донецк, 2010.

Фиалко Е. Е. Посуда с лаковым покрытием в погребальном обряде скифов // Древности скифской эпохи / В. Г. Петренко, Л. Т. Яблонский (ред.). МИАР. № 7. М., 2006.

Черненко Е. В. Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермес) // Скифия и Кавказ / А. И. Тереножкин (ред.). Киев, 1980.

Эрлих В. Р. У истоков раннескифского комплекса. М., 1994.

Alekseev A. Y. Die Kurgane von Kelermes in ihrem historischen Kontext // Reiternomadische Eliten der eurasischen Steppe. Der Skythenkongress. Berlin, 2007.

Kossack G. Von den Anfängen des skytho-iranichen Tierstils // Skythika: Vorträge zur Entstehung des skytho-iranischen Tierstils und zu Denkmälern des Bosporanischen Reichs anläßlich einer Ausstellung der Leningrader Ermitage in München 1984 / H. Franke (ed.). Abhandlungen Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. H. 98. München, 1987.

Oberländer P. Griechische Handspiegel. Hamburg, 1967.

Rau P. Die Gräber der früheren Eisenzeit im Unteren Wolgagebiet // Mitteilungen des Zentralmuseums der ASSR der Wolgadeutschen. Jahrg. 4. Heft 1. Pokrowsk, 1929.

С. В. Кулланда

КАВКАЗ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ РЕГИОНЫ ПО ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ ДАННЫМ (III–I ТЫС. ДО Н. Э.)

Кавказ по своему географическому положению был мостом между Передней Азией и Восточной Европой. Судя по лингвистическим данным, носители северокавказских, семитских, шумерского и индоевропейских (пра) языков на протяжении тысячелетий поддерживали контакты, перенимая идеи и технологии. Так, праиндоевропейское *$h_1e\acute{k}^{\mu}o$-*s* «конь», шумерское *anše/u* «лошадь; эквид», шумерское *gigir* «колесница» и пр., видимо, суть северокавказские заимствования, тогда как восточнокавказское *$\mu\check{e}l\theta i$ «войлок; бурка» заимствовано из скифского.

The Caucasus owing to its location beame a bridge between the Near East and Eastern Europe. Linguistic evidence implies that North Caucasian, Semitic, Sumerian and Indo-European speakers had contacted for millennia interchanging ideas and technologies. Thus, Proto-Indo-European *$h_1e\acute{k}^{\mu}o$-*s* ‘horse’, Sumerian *anše/u* ‘horse; equid’, Sumerian *gigir* ‘chariot’, etc., seem likely to be North Caucasian loanwords while East Caucasian *$\mu\check{e}l\theta i$ is probably a Scythian borrowing.

Кавказ уже по своему географическому положению не мог не стать мостом между Передней Азией и Европой. Соответствующие контакты для раннего периода прослеживались, ввиду отсутствия письменных источников, прежде всего по археологическим данным (в том числе и в трудах М. Н. Погребовой: Погребова 1977а; 1977б; 1984 и другие работы). В своей статье я пытаюсь сделать то же на языковом материале с использованием достижений современной лингвистической компаративистики.

В связи с проблемой межрегиональных связей привлекает внимание обозначение лошади (*Equus caballus*) в различных языках, распространенных в прошлом и настоящем в интересующих нас областях. В индоевропейском соответствующее слово относится к числу самых ранних лексем, поскольку представлено в анатолийских языках — первой ветви, отделившейся от общего ствола. Праиндоевропейское (ПИЕ) *$h_1e\acute{k}^{\mu}o$-*s* реконструируется на основании иероглифического лувийского *á-sù-wa* «конь», ликийского *esbe-di* «конница», древнеиндийского *áśva-*, авестийского *aspa-*, микенского *i-qo*, греческого ἵππος, латинского *equus*, древнеирландского *ech*, готского *aihva-*, тохарского А *yuk*, В *yakwe* «конь», старолитовского *ašvà* «кобыла» и других рефлексов. Однако принадлежность к древнейшему слою индоевропейской лексики сама по себе не означает, что соответствующая лексема — исконно индоевропейская, тем более, что слово *$h_1e\acute{k}^{\mu}o$-*s* не имеет более глубокой, ностратической этимологии, а потому может быть заимствованием. На мысль о возможном заимствовании наводит то обстоятельство, что фонетические соответствия рефлексов ПИЕ этимона не вполне регулярны. Так, в древнегреческом ожидалось бы *ἔππος, однако на самом деле в начале слова стоит йота с густым придыханием, которое в греческом регулярно происходит либо из ПИЕ *s-, либо из ПИЕ *$\hat{\imath}$. В то же время родственные слова других языков не обнаруживают никаких следов спиранта *s- или сонанта *$\hat{\imath}$, да и в самом греческом густое придыхание в слове ἵππος ведет себя не совсем обычно. Обычно, если первый элемент греческого сложного слова оканчивается на глухой непридыхательный, а второй начинается с густого придыхания, глухой согласный становится придыхательным: τ превращается в θ, π в φ, а κ — в χ. Однако же в именах со вторым элементом ἵππος, таких как Ἄλκιππος и пр., перехода κ в χ не происходит. На этом основании часто утверждают, что густое придыхание в греческом ἵππος вторично и возникло относительно поздно. Причины его появления, однако, на греческом материале не объясняются. Логично поэтому обратиться к данным внешнего сравнения, чтобы выяснить, не заимствован ли ПИЕ этимон из какого-либо неиндоевропейского (пра)языка: нерегулярные соответствия чаще всего встречаются именно

в заимствованиях. Скажу сразу, что такая работа уже была проделана: в 80-х годах XX века С. А. Старостин в своей пионерской работе выделил в ПИЕ северокавказские заимствования, в числе которых оказалось и *$h_1e\acute{k}^{\underline{u}}o$-*s*. Следует особо отметить, что не отдельные сходно звучащие слова с сопоставимым значением, а систему звуковых соответствий, свидетельствующую о том, что праиндоевропейский язык на своей прародине наложился на северокавказский субстрат, т.е. что праиндоевропейцы ассимилировали некую группу северокавказцев, переняв у них ряд терминов, относящихся к самым различным сферам жизни. На направление заимствования и на его механизм указывает ряд обстоятельств. Как писал С.А. Старостин, «тщательный анализ фонетических соответствий позволяет прийти к выводу о том, что в качестве заимствующей стороны выступал протоиндоевропейский. Очень многие противопоставления, реконструирующиеся для ПСК [прасеверокавказского. — С.К.), нейтрализованы в соответствующих ПИЕ лексемах, что естественно, поскольку ПИЕ обладал значительно более бедной фонологической системой, чем ПСК. В случае обратного направления заимствований мы ожидали бы образования внутри ПСК фонологической системы специальной более бедной подсистемы, типичной для индоевропейских заимствований (как это наблюдается, например, в современных кавказских языках при заимствованиях из русского …)» (Старостин 1988, 153).

Тезис об упрощении фонетического облика заимствованной из прасеверокавказс кого субстрата лексемы в праиндоевропейском вполне применим и к этимону *$h_1e\acute{k}^{\underline{u}}o$-*s*, который Старостин возводит к ПСК *$\hbar\dot{\imath}[n]\check{c}w\check{\imath}$ «лошадь; конь», реконструируемому на основе андийского *ičа*, ахвахского *$i\check{c}^{w}a$* «кобыла», лакского *$\check{c}^{w}u$* «лошадь», хиналугского *pši*, абхазского *а-čә́*, кабардинского *šə*, убыхского *čə* «лошадь; конь» и других рефлексов (полностью соответствующий северокавказский материал см. NCED, 520–521).

В последнее время гипотезу о заимствовании слова для обозначения лошади из северокавказского в индоевропейский попытался оспорить Вяч. Вс. Иванов. По его мнению, «для тех слов, в фонетический состав которых входили в индоевропейском палатальные смычные [а именно к таким словам относится ПИЕ *$h_1e\acute{k}^{\underline{u}}o$-*s*. — С.К.), по фонетическим и конкретно этимологическим причинам вероятнее обратное направление», поскольку «в прасеверокавказском отражены формы со свистящими и шипящими аффрикатами, соответствующими рефлексам палатальных в индоевропейских диалектах satem», а «с фонетической точки зрения изменение палатализованных заднеязычных смычных в спиранты и аффрикаты нормально и наблюдается во множестве языков, обратное же направление развития крайне маловероятно» (Иванов 2004, 45, прим. 13). Этот аргумент, однако, несостоятелен: в рассматриваемом случае мы имеем дело не с изменением спирантов и аффрикат в палатализованные смычные в рамках одной языковой традиции, а с заменой при заимствовании из северокавказского отсутствующих в индоевропейской фонетической системе аффрикат на наиболее сходные из имевшихся фонем, т.е. на палатализованные. Любопытно, что о распространении названия лошади в языки соседей из северокавказского свидетельствуют и данные иной, неиндоевропейской традиции: шумерское *anše/u* «осел», по всей видимости, заимствовано из некоего северокавказского языка[1]. О том, что шумерское слово — заимствование, свидетельствует «его разнорядный вокализм — черта, невозможная в исконно шумерской лексике» (Старостин 1988, 115). Поясню, что имеется в виду под «разнорядным вокализмом». Дело в том, что в шумерском в двусложной основе в обоих слогах могли встречаться только одинаковые гласные: *gaba*, *uru*, *eger* и т.п., а «сочетание разных гласных в одной основе указывает либо на словосложение [например, *lugal* «вождь; царь» < *lu-gal* «человек большой»], либо на заимствование» (Дьяконов 1979, 16). О словосложении в случае с *anše/u* речь не идет. Итак, все изложенное, а именно отсутствие у ПИЕ *$h_1e\acute{k}^{\underline{u}}o$-*s* ностратической этимологии, не вполне регулярный фонетический облик отдельных его рефлексов, наличие в праиндоевропейском целого ряда заимствованных из северокавказского слов для обозначения диких и домашних животных, отмеченное в шумерском фонетически и семантически сопоставимое с северокавказским названием лошади заимствованное слово со значением «осел», позволяет предполагать, что знакомству с лошадью как индоевропейцы, так и шумеры были обязаны северокавказцам (подробнее см. Кулланда 2010), причем в случае с индоевропейцами это произошло достаточно рано, до отделения праанатолийского и, соответственно, до того, как лошадь могла быть использована как вьючное и тем более тягловое животное (поскольку еще не существовало легких колес со спицами и тяжелые повозки на сплошных колесах, либо сделанных из цельного куска дерево, либо составных, тянули быки или волы — см. Piggott 1983, 23–27, 64–86). Возможно, первоначально северокавказский этимон обозначал иное тягловое или вьючное животное (вола или эквида?) (ср. шумерское словоупотребление: термином *anše/u* с различными уточняющими словами обозначались все эквиды: ослы, онагры, лошади и мулы) и лишь затем был перенесен на коня. Скорее всего, для прасеверокавказцев и пра-

[1] Возможно, типа пралезгинского, для которого реконструируется форма *$^{?}\dot{\imath}n\check{s}^{w}$ (NCED, 520). Правда, О.А. Мудрак (устное сообщение), также считающий близкую к пралезгинской форму источником заимствования в шумерский, возводит ее не к ПСК *$\hbar\dot{\imath}[n]\check{c}w\check{\imath}$, как Николаев и Старостин, а к иной основе.

индоевропейцев лошадь была была просто объектом охоты, а в случае доместикации — источником мяса и молока. О последнем косвенно свидетельствуют заимствованные из северокавказского индоевропейские слова для обозначения разного рода молочных продуктов: ПИЕ *$t^{u}oHr̥$- «сыворотка, творог» (последнее русское слово как раз и восходит к этому корню) — ПСК *$\check{t}twVr$ «свертываться, скисать, гнить» (NCED: 658), *$reugh$- «кислое молоко, масло, сливки» — ПСК *$r\check{e}n\underline{\chi}wA\check{}$ «масло» (NCED: 948), *$s\bar{u}r$-/*$s^{u}er$- «кислый (в большинстве групп); сыр (в славянском)» — ПСК *$sw\check{i}r\bar{a}$ «молочный продукт» (NCED, 970) (подробнее см. Старостин 1988, 134–135 = Старостин 2007, 337–338).

О северокавказском влиянии свидетельствует, на наш взгляд, и шумерское *gigir* ‘колесница’. Это слово, явно представляющее собой удвоение основы *gir*, принято считать звукоподражательным «бродячим». Все так, но и «бродячие слова», Wanderwörter, должны были где-то зародиться (вероятность случайного совпадения ввиду сходства звукоподражательной символики в языках мира все-таки не слишком высока). В связи с этим любопытно, что фонетически и семантически схожие с шумерским северокавказские слова поддаются этимологизации. Ср. ПСК *$gwērV$ ‘круг, круглый, катиться’ — аварское *gír* ‘катиться’; каратинское (токитский диалект) *guri* ‘колесо’ и т. п. (NCED, 447–448) Засвидетельствована в северокавказских и редупликация того же корня *$gīrgwV$ ‘круг, круглый’ — андийское *girgi-n* ‘каток, валик’, каратинское (анчикский диалект) *girgi-n* ‘колесо’ и пр. (NCED, 438–439). Таким образом, есть основания предполагать, что шумерское слово было заимствовано из северокавказского, а значит, северокавказцы, скорее всего, оказали влияние на формирование шумерского колесного транспорта.

Имеется обширный материал и об индоевропейско-семитских контактах. Поскольку они имели место вне Кавказа и без посредства северокавказских языков, не вдаваясь в подробности, отметим, что хотя заимствования шли в основном из семитского в индоевропейский, имелись и обратные случаи: так, ПИЕ *$ta^{u}ro$- «бык» заимствовано из семитского *$\underline{t}awr$- ‘id.’, а ПИЕ *$septm̥$- «семь» из семитского *$sab\S at$- ‘id.’, то семитское *$y/wayn$- «вино» скорее заимствовано из ПИЕ *$u̯oi̯no$- ‘id.’. поскольку индоевропейское слово восходит к корню со значением «виться» (видимо, имел место семантический переход «вьющееся растение» > «виноградная лоза» > «вино») (о семитско-индоевропейских языковых связях см., например, Иллич-Свитыч1964; Гамкрелидзе, Иванов 1984, 871–877; Старостин 2007, 817).

Большой интерес для изучения истории расселения отдельных групп индоевропейцев представляют вычленяемые по фонетическим критериям заимствования[2], хорошо объясняемые из северокавказского. Так, древнеиндийское *kéśa*- «волосы» и авестийское *gaēsa*- «курчавые волосы» явно восходят к одной праформе, а нерегулярное соответствие авестийского *g*- древнеиндийскому *k*- объясняется, по Лубоцкому, заимствованием из субстратного языка (см. выше, примеч. 1)[3]. Источником заимствования могло быть пранахское *$qēs$ «грива» (чеч., инг. *qes*, в кириллическом написании *кхес*) (к правосточнокавказскому *$GwēźV$ — см. NCED, 468[4]).

Тот же этимон, но с показателем косвенных падежей *-ar-* (ср. чеч. косв. основу *qēsar-*: род. *qēsar-an*, дат. *qēsar-na* и пр), видимо, заимствован латинским: *caesariēs* «пышные кудри». Заманчиво было бы возводить к той же косвенной основе древнеиндийское *késara*- «волосы; грива»[5], но ввиду наличия суффикса *-*ra* в индоиранском я на этом не настаиваю. Так или иначе, нерегулярный перебой *ś/s* в древнеиндийском — еще один аргумент в пользу разновременного заимствования. Во всех случаях, т.е. в иранском, индоарийском и латинском пранахский долгий *$\bar{e}$* был воспринят как дифтонг (древнеиндийский *e*, не являющийся результатом подъема *i* в среднюю ступень, может восходить только к дифтонгу — в индоарийском, как известно, праязыковые дифтонги подверглись стяжению). Что касается латинского слова, то оно считается производным от основы **caesar,* возможно, давшей также имя Цезарь, *Caesar*, где интервокальный *s* сохранился (а не перешел в *r*) из-за наличия *r* в конечном закрытом слоге (хотя есть и возражения против такого объяснения — см. Pinault 1998,

[2] Целый пласт таких слов выделил в индоиранском А.М. Лубоцкий (Lubotsky 2001), который счел их заимствованиями из некоего субстратного языка, по его мнению — языка носителей бактрийско-маргианского археологического комплекса (БМАК) (на том основании, что среди субстратной лексики присутствуют слова, связанные с ирригацией и строительством), который он лингвистически не отождествлял (если не считать двух сопровождаемых вопросительными знаками отсылок к дравидийским языкам, к одной из которых дается еще и аккадская параллель).

[3] Нужно отметить, что речь вряд ли может идти о единовременном заимствовании в индоиранский праязык — в таком случае рефлексы в дочерних языках были бы регулярными. Скорее слово было заимствовано уже разошедшимися праиндоарийским и праиранским по отдельности (на это обстоятельство обратила мое внимание А.В. Дыбо).

[4] Авторы северокавказского этимологического словаря приводили в качестве параллели восточнокавказским формам осетинское *qīs/gesæ* (< иранского **gaisa*-) и отмечали, что если бы не огубленность, отраженная в праандийском *$*в^{w}isV$*, было бы заманчиво рассматривать кавказские формы как старое заимствование из иранского. Рассматриваемые здесь языковые факты свидетельствуют, что не только восточнокавказская лабиализация, но и собственно индоиранский материал указывает на обратное направление заимствования.

[5] Нерегулярный *-s-* вместо *-ṣ-* традиционно объясняют через предполагаемую промежуточную форму **kesra*- (Wackernagel 1896 I, 232; Pokorny 1959, 520), но см. возражения Пино (Pinault 1998, 17–18).

16–17, с литературой)[6]. Сюда же может относиться и когномен Цезон (*Kaesō*), также не подвергшийся соответствующему фонетическому преобразованию (ввиду древности и престижности, как и в случае с начальным *K*-?). Индоевропейскую этимологию латинского *caesar* предложил Ж.-Ж. Пино (Pinault 1998), реконструировавший праиндоевропейское **kaikro*[7]*-kseh*$_2$*-es*[8]- «с причесанными волосами» с последующим развитием > **kaikerksās- > *kairksās- > *kairsās- > caesār-*, однако предполагаемые фонетические переходы, прежде всего упрощение **kaikerksās- > *kairksās-*, чересчур многоступенчаты и потому не вполне убедительны, да и семантика оставляет желать лучшего (см. De Vaan 2008, 81–82). Основное же возражение состоит в том, что этимология Пино никак не объясняет авестийские формы, которые невозможно отделить от древнеиндийских и латинских. Древнеиндийское *késara-* и латинское *caesariēs* возводил к северокавказскому С. А. Старостин (1988, 118; переиздано в Старостин 2007: 319–320), но он привлекал к сравнению другой северокавказский корень, восстанавливаемый (NCED, 709) в виде **k(w)iśwɨ/ə/a* и дающий в разных языках рефлексы со значением «веревка из конского волоса», «шерсть», «петушиный гребень», «коса», «грива» и пр., что фонетически и семантически менее правдоподобно, чем предложенная выше этимология, и думал о заимствовании на праиндоевропейском уровне, едва ли возможном ввиду упомянутых нерегулярных соответствий.

Еще один пример контактов между северокавказскими языками и индоиранским — индоиранское **u̯arāǰ^{h}/ź^{h}a* (др.-инд. *varāhá-*, авест. *varāza-* ‘вепрь’), трехсложное имя с долгим средним слогом, нехарактерное для индоевропейской морфологии. Скорее всего, оно восходит к одному из рефлексов северокавказского **wHārx̱wə* ‘кабан, свинья’ (бацб. *buruḳ*, цезское *beƛo*, *лакское burḳ* и пр.) (NCED, 1047), судя по форме, пралезгинскому.

Отношения с северокавказцами поддерживали и уже отделившиеся от индоариев иранцы. Поскольку распад индоиранского произошел в середине II тыс. до н. э., а общеиранского — в конце того же тысячелетия, эти контакты датируются второй половиной II тыс. до н. э. Пример такого рода языковых связей — греч. ἀκινάκης: Περσικὸν ξίφος, по Геродоту (VII. 54), «персидский меч», но и скифский (IV. 62; 70), т.е., видимо, общеиранский, раз наличествует и в западноиранском древнеперсидском, и восточноиранских скифском, согдийском (согд. *kyn’k*) и хорезмийском (в найденном в хорезмийской крепости Бурлыкала списке имен присутствует имя *Dahākīnak* — «Меч дахов» — Балахванцев 2012, 34). Слово при этом неисконное, поскольку в иранском **ki* дало бы *ci*, зато хорошо объясняемое из пранахского **ɦāhḱi* (‘железо’; бацбийское *ʕajhḳ̌* ‘id’ и пр.) (NCED, 851–852) + *-in* (суффикс прилагательных) + *neḳV* (ср. бацбийское *neḳ* ‘нож’) ‘железный нож’[9].

Сложение **ɦāhḱi-in* объясняет долготу йоты, на которую в заимствованном из греческого *acīnacēs* указывает латинская просодия: в оде Горация (*Hor.* Od. I. 27. 5) это слово стоит на последнем месте в первой строке Алкеева одиннадцатисложного стиха, в котором третий от конца слог может быть только долгим (ср. Chantraine 1999, 47; Beekes 2009, 51).

Разумеется, даже если предложенная этимология верна (а она, как и любая этимология, может быть подвергнута сомнению), она не свидетельствует однозначно о происхождении обозначавшейся данным этимоном реалии, но все же возможные северокавказские истоки иранского слова небезынтересны в свете споров о генезисе акинака и могут служить одним из аргументов в этих спорах.

Свидетельством отношений Предкавказья с Передней Азией является и имя меотов, народа, населявшего побережье Азовского моря — Μαῖται/Μαιῶται/Μαιῆται. Оно достаточно надежно отождествляется с именем переднеазиатских ариев, основавших государство Митанни (*Ma-i-ta-ni*, от основы *Maita* с хурритским суффиксом *-ne*), существовавшее примерно с середины XVI по середину XIII в. до н.э. в Верхней Месопотамии (Трубачев 1999, 44). Язык митаннийцев дошел до нас в виде отдельных слов и личных имен в клинописных текстах, прежде всего аккадо- и хеттоязычных (подробно см.: Mayrhofer 1966; 1974; Kammenhuber 1968; Гиндин 1972; Огибенин 2013 и др. работы). Трубачев безосновательно возводил этноним меотов-митаннийцев к индоевропейскому **māi̯ā* ‘мать’, постулировавшемуся им на основании греческого μαῖα ‘матушка; мамка-кормилица; повитуха’, и считал производным «типа **mai̯-at-*, **mai̯-it-* с приблизительным значением ‘материнский’», полагая, что в этнониме отразился местный культ богини-матери (Трубачев

[6] Имя Цезаря обычно считают этрусским по происхождению (Ernout et Meillet 2001, 84), что небезынтересно в свете гипотезы о северокавказской принадлежности этрусского (Иванов 1988; Orël, Starostin 1990 [переиздано в Старостин 2007]).

[7] К индоевропейскому **kaiĥ* «чесать; причесывать», контаминированному с гипотетическим **kais* «волосы» (Pokorny 1959, 520).

[8] К индоевропейскому **ks-es-*, нулевой ступени корня **kes-* «чесать; причесывать», с расширением *-es-* (Pokorny 1959, 585–586).

[9] Относительно семантики ср. Граков 1971, 96: «...к концу VIII в. до н. э. какие-то экономические и социальные сдвиги сделали мужчину и степных и лесостепных территорий гиппотоксотом [конным лучником. — С.К.]. Лук и стрелы, пара копий, иногда прямой, короткий колющий меч из железа, последний, впрочем, очень редко, одна или две-три наборные узды — вот его полное снаряжение, перешедшее к меотам, скифам и другим их одно-культурным соседям...»; «Как и кинжалы, все скифские мечи только железные» (Горелик 2003, 30); «Вхождение в широкий обиход железа (железного оружия, в частности кинжалов-акинаков...) — характернейшая черта культур скифского мира» (Членова 1993, 49).

1999 [1976], 26–28), а меоты были индоариями. Приводимые им индоарийские параллели (второй элемент новоиндийского *Maha-Mai* ‘Великая Мать’ и Māyā, имя матери Будды) на самом деле таковыми не являются, представляя собой соответственно новоиндийскую и пракритскую формы древнеиндийского *mātár-* «мать». Упоминаемое как еще одна параллель древнеиндийское *māyā̆-* ‘волшебная сила’ (Трубачев 1999, 253) тем более не имеет отношения к словам со значением ‘мать’, хотя на народно-этимологическом уровне его и связывают с именем матери Будды. Скорее, этноним «меоты/митаннийцы» сопоставим с авестийским *maēt/θ-/mit/θ* ‘пребывать, проживать’ (анализ этого корня Э. Пираром см.: Kellens 1995, 84–85, note 6; ср. также: Pokorny 1959, 715). При такой этимологии он означал бы что-то вроде ‘(коренные) жители’.

Если говорить о связях меотов с населением восточноевропейских степей, можно отметить, что меотским, видимо, является имя скифского царя Октамасада Ὀκταμασάδης, (*Hdt.* IV. 80). Оно не может быть исконно скифским, поскольку не демонстрирует восточноиранского перехода *-*kt-* > *-γd-*, зато вполне может быть арийским, resp. меотским, тем более, что его носил синдский (по Страбону, синды — часть меотов[10]) царевич, упоминаемый в надписи с Семибратнего городища (расположено на левом берегу Кубани в 35 км от Анапы), датируемой IV в. до н.э. (подробнее см. Кулланда 2014; 2016).

Связи носителей иранских и северокавказских языков продолжались и в I тыс. до н. э. Восточнокавказское **u̯ĕlθi* ‘войлок; бурка’ (арчинское *warti* ‘бурка’, табасаранское *verč* ‘войлок’, лезгинское *lit* ‘войлок’, даргинское акушинское *warhi*, даргинское чирагское *warse* ‘бурка’, лакское *warsi* ‘бурка’, аварское *burtina* ‘бурка; войлок’, чеченское *werta* ‘бурка’ и др.) (Климов 1972, 54; Старостин 1988, 113 = 2007, 314) заимствовано из некоего индоевропейского, видимо, иранского языка — ср. авестийское *varəsa-* ‘волос’ и пр.

Фонема **θ* реконструируется только для восточнокавказского в очень малом количестве по-видимому неисконных корней (Старостин). Из документированных древнеиранских языков регулярна только для древнеперсидского и скифского, в которых представляет собой рефлекс общеиранского **ś*, давшего в большинстве иранских *s*.

Но язык предков древних персов на момент их появления в Передней Азии сохранял звук *ś*, иначе они не восприняли бы название Ассирии (*Aššur*) в виде **Aśura*, что впоследствии дало древнеперсидское *Aθura*: непосредственная передача аккадского *-šš-* через *-θ-* при несомненном наличии в прадревнеперсидском явно более близких к аккадской фонеме (как бы она реально ни произносилась, как свистящий или шипящий) звуков *s* и *š* маловероятна. Отсюда следует, что слово для обозначения войлока и бурки было заимствовано восточнокавказцами из скифского.

Отразились в языковом материале и контакты скифов с носителями западнокавказских языков. К числу западнокавказских заимствований явно относится слово *σανάπη, по Гезихию скифское наименование пьяницы: σανάπην (в рукописи σάναπτις в форме аккузатива σάναπτιν, чтение σανάπην — конъектура Скалигера)· τὴν οἰνοπότιν (в рукописи οἰνιώτην, чтение οἰνοπότιν — конъектура Скалигера). Σκύθαι («σανάπη [называют] пьяницу[-женщину] скифы»). Первая его часть (σανά-) ‘вино’ (ср. осетинское *sæn/sænæ* ‘id.’) из прасеверокавказского **swɬnē* ‘барбарис; смородина’ (аварское *saní* ‘барбарис’, лакское *sunū* ‘гранат’, адыгейское *sāna*, кабардинское *sāna* ‘виноград, вино’) и заимствовано, судя по форме и семантике, из западнокавказского, вторая восходит к индоевропейскому корню со значением ‘пить’. То же слово, согласно Гекатею, существовало у фракийцев (ἐπεὶ δὲ οἱ μέθυσοι σανάπαι λέγονται παρὰ Θραιξίν… «Так как пьяниц у фракийцев называют σανάπαι…» — *FGrH* I F 34), которые, видимо, заимствовали его у скифов[11]: ср. собственно фракийское ζίλαι (этимологически, видимо, родственное русскому «зелье» и т. п. — см. подробнее Нерознак 1978, 47) у Гезихия (*Hes.* ζίλαι· ὁ οἶνος παρὰ Θρᾳξί: «ζίλαι — вино у фракийцев»).

Итак, лингвистические свидетельства демонстрируют, что между носителями древних северокавказских, индоевропейских и передневосточных (шумерского, общесемитского) (пра)языков существовали регулярные связи, сопровождавшиеся в том числе заимствованием существенных элементов материальной культуры.

[10] См. *Strab.* XI. 2. 11: «К числу меотов принадлежат сами синды и дандарии, тореаты, агры и аррехи, а также тарпеты, обидиакены, ситтакены, доски и некоторые другие» (перевод Г.А. Стратановского).

[11] Любопытно, что В.П. Нерознак, видимо, не зная о кавказских параллелях, считал тем не менее, что во фракийском и скифском «это слово могло быть заимствовано из какого-то третьего языка-источника» (Нерознак 1978, 54).

Литература

Балахванцев А. С. Дахи Средней Азии в эпоху Александра Македонского: данные нарративной традиции // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2012. № 1.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984.

Гиндин Л. А. Некоторые ареальные характеристики хеттского, I // Этимология 1970. М., 1972.

Горелик М. В. Оружие древнего Востока (IV тыс. — IV в. до н. э.). СПб., 2003.

Граков Б. Н. Скифы. М., 1971.

Дьяконов И. М. Шумерский язык // Языки Азии и Африки III. Языки древней Передней Азии (несемитские). Иберийско-кавказские языки. Палеоазиатские языки. М., 1979

Иванов Вяч. Вс. Древневосточные связи этрусского языка // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988.

Иванов Вяч. Вс. Двадцать лет спустя. О доводах в пользу расселения носителей индоевропейских диалектов из древнего Ближнего Востока // У истоков цивилизации / М.Ф. Косарев, П.М. Кожин, Н.А. Дубова (ред.). М., 2004.

Иллич-Свитыч В. М. Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты // Проблемы индоевропейского языкознания. Этюды по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. М., 1964.

Касьян А. С., Сидельцев А. В. Хеттский язык // Языки мира. Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии. М., 2013.

Коган Л. Е., Лёзов С. В. Аккадский язык // Языки мира: Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки. М., 2009.

Климов Г. А. О некоторых словарных общностях картвельских и нахско-дагестанских языков // Этимология 1970. М., 1972

Кулланда С. В. «Лошадь» в праиндоевропейском // Кони, колесницы и колесничие степей Евразии. Екатеринбург-Самара-Донецк, 2010.

Кулланда С. В. Переднеазиатский арийский. К проблеме генеалогической классификации // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XVIII (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 23–25 июня 2014 г. / Н.Н. Казанский (отв. ред.). СПб., 2014.

Кулланда С. В. Языковая принадлежность меотов // Археологическая наука: практика, теория, история. Сборник статей памяти И.С. Каменецкого. М, 2016

Нерознак В. П. Палеобалканские языки. М., 1978.

Огибенин Б. Л. Митаннийский арийский язык // Языки мира. Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии. М., 2013.

Погребова М. Н. К вопросу о миграции ираноязычных племен в Восточное Закавказье в доскифскую эпоху // СА. 1977а. № 2.

Погребова М. Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977б.

Погребова М. Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984.

Старостин С. А. Индоевропейско-севернокавказские изоглоссы // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988.

Старостин С. А. Труды по языкознанию. М., 2007.

Членова Н. Л. О степени сходства компонентов материальной культуры в пределах «скифского мира» // Петербургский археологический вестник 1993. № 7.

Beekes R. Etymological Dictionary of Greek (Leiden Indo-European Etymological Dictionary Series. Ed. by Alexander Lubotsky. Vol. 10/1–2). Leiden–Boston, 2010.

Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Paris, 1999.

Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Histoire des mots. Retirage de la 4e édition augmentée d'additions et de corrections par Jacques André. Paris, 2001.

Kammenhuber A. Die Arier im Vorderen Orient. Heidelberg, 1968.

Kellens J. Liste du verbe avestique: Avec un appendice sur l'orthographe des racines avestiques par Eric Pirart. Wiesbaden, 1995.

Lubotsky A. The Indo-Iranian substratum // Early Contacts between Uralic and Indo-European: Linguistic and Archaeological Considerations / C. Carpelan, A. Parpola, P. Koskikallio (eds.). Helsinki, 2001.

Mayrhofer M. Die Indo-Arier im Alten Vorderasien. Mit einer analytischen Bibliographie. Wiesbaden, 1966.

Mayrhofer M. Die Arier im Vorderen Orient — ein Mythos? Wien, 1974.

Orël V. E., Starostin S. A. Etruscan as an East Caucasian Language // Proto-Languages and Proto-Cultures. Bochum, 1990.

Piggott S. The Earliest Wheeled Transport From the Atlantic Coast to the Caspian Sea. London, 1983.

Pinault G.-J. Analyse de latin *caesaries* // Moussyllanea. Mélanges de linguistique et de littérature anciennes offerts à Claude Moussy (Bibliothèque d'études classiques dirigée par Guy Serbat et Paul-M. Martin 15). Louvain–Paris, 1998.

Vaan M. de. Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages. Leiden–Boston, 2008.

Wackernagel J. Altindische Grammatik. Bd. I. Lautlehre. Göttingen, 1896.

Е. Ю. Логинова

УРАРТСКИЙ (?) СОСУД ИЗ РАСКОПОК Н. И. ВЕСЕЛОВСКОГО НА КУБАНИ[1]

Статья посвящена публикации атташей от крупного металлического сосуда из собрания Государственного Эрмитажа. Происхождение предметов связано с раскопками Н. И. Веселовского на территории Кубанской области. Детальный морфологический, типологический и технологический анализ атташей с учетом выявленных аналогий позволяет реконструировать внешний облик сосуда. На территории Северного Причерноморья известно три аналогичных сосуда второй половины VII в. до н. э. Кроме того, существует ряд аналогий среди урартских древностей. Состав металла, близкий металлу кавказских клепаных ситул-ведерок, позволяет локализовать центр производства сосудов на территории Центрального Кавказа, а оформление атташей в виде стилизованной птицы с распростертыми крыльями отсылает к закавказским и переднеазиатским древностям.

The paper is devoted to the publication of attachments of a large metal vessel from the collection of The State Hermitage. These items were found by N. I. Veselovsky in the Kuban River region. A detailed morphological, typological and technological analysis enabled us to reconstruct the form of the bowl. Three similar vessels (dated to the second half of the 7th century BC) were discovered in the North Pontic region. Moreover, there are some analogies among Urartian antiquities. The composition of the metal, which is close to that of Caucasian riveted situlas-buckets, enables us to localize the production centre of such vessels in the Central Caucasus while the design of winged bird-shaped attachments refers to Transcaucasian and Western Asian antiquities.

В числе древностей фондовой коллекции «Памятники Прикубанья» Государственного Эрмитажа хранятся два бронзовых предмета, определяемые как атташи крупного металлического сосуда. Они поступили в музей со склада древностей ГАИМК в 1926 г. (акт от 05.06.1926 г.). В научных архивах Института Истории Материальной Культуры и Государственного Эрмитажа этого акта о передаче найти не удалось. Отсутствуют и точные сведения о времени находки и месте их происхождения. Атташи были внесены в инвентарную книгу (ныне их инв. № 2735–296) с указанием: «Кубань, раскопки Веселовского, год и место раскопок неизвестны». В Отчетах Археологической Комиссии за 1894–1915 гг. сведений о подобного рода предметах нет ни среди материалов из раскопок Н. И. Веселовского, ни среди случайных находок и приобретений с территории Кубанской области. Таким образом, уточнение локализации этих находок затруднительно. С целью атрибуции атташей и определения круга их аналогий обратимся к морфологическому анализу.

Атташи представляют собой массивные литые соединительные пластины в виде стилизованной птицы с распростертыми крыльями, с вертикальной петлей в центре (рис. 1). Функционально они служили для крепления ручек и оформления венчика сосуда. На четырех концах пластин расположены заклепки для крепления к тулову сосуда. На внешней стороне находятся петли, в которые продевались свободно движущиеся ручки, предназначавшиеся для переноски и подвешивания сосуда. Размеры: 1-я пластина: высота 7 см, ширина 9,7 см, толщина от 0,4 до 0,8 см; петля: диаметр 4,2 см, толщина от 0,9 до 1,1 см; заклепки: от 0,4 х 0,4 до 0,4 х 0,5 см; 2-я пластина: высота 6,9 см, ширина 9,2 см, толщина от 0,4 до 0,7 см; петля: диаметр 4,4 см, толщина от 0,9 до 1,3 см; заклепки: от 0,3 х 0,3 до 0,4 х 0,5 см. На обратной стороне второго экземпляра сохранилось два небольших фрагмента стенки сосуда: 2,1 х 1,6 см и 1,4 х 1,2 см, — их толщина составляет всего несколько мм. Внешняя поверхность обоих атташей выщерблена, покрыта патиной.

Из других предметов фондовой коллекции «Памятники Прикубанья» с целью определения принадлежности к сосуду были отобраны отдельные фрагменты тонких бронзовых пластинок (инв. № 2735–183, 2735–184). Спектральный анализ, проведенный в Отделе

[1] Выражаю искреннюю признательность коллегам из Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа — Т. В. Рябковой и С. Н. Сенаторову за возможность работать с материалами коллекций, Р. С. Минасяну — за консультации.

научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа, установил, что по составу металла эти пластинки отличаются от атташей высоким содержанием олова (10–13 %). Атташи с фрагментами стенок изготовлены из меди с незначительной примесью олова (1–2 %) и свинца (2–5 %), заклепки сделаны из несколько иного сплава, с меньшим количеством примесей (Таб. 1).

Форма атташей позволяет допустить урартское происхождение сосуда. Из раскопок крепости Тейшебаини известно о двух аналогичных находках: из помещения 48 и помещения IV (Рябкова 2010, рис. 10, *1,2*). Они были опубликованы Т. В. Рябковой в произвольном масштабе по рисункам из дневников Б. Б. Пиотровского. Размеры удалось установить только для первого из них. Это большой фрагмент венчика бронзового сосуда длиной 34 см, шириной 9,7 см (рис. 3, *1*). К нему с помощью двух рядом расположенных атташей прикреплена ручка. Размеры атташей: 1-я пластина: высота 4,8 см, ширина от 2 до 6,3 см; петля: толщина около 1 см; 2-я пластина: высота 4,5, ширина от 2 до 6,5; петля: толщина около 1 см. Форма их отличается от формы «кубанских» экземпляров узостью «хвоста» и меньшим размахом «крыльев». Каждый атташ имеет по три, а не четыре заклепки. Кроме того, толщина стенок сосуда достигает 1 см. Скорее всего, это — массивный котел с двумя противопоставленными ручками, держащимися на двух атташах каждая. Сосуд из помещения IV был, судя по всему, аналогичен первому по параметрам. Несмотря на указанные различия, близость форм экземпляров из Тейшебаини и из раскопок Н. И. Веселовского очевидна.

Таблица 1

Инв. № 2735–296	Cu	As	Sn	Pb	Ni	Ag	Fe	Sb
Атташ 1	**Осн.**	<0,4	**1–2**	**3–5**	Сл.		<0,4	–
Заклёпка атташа 1	**Осн.**	<0,2	<0,5	<0,4	Сл.	Сл.	<0,4	–
Атташ 2	**Осн.**	<0,9	**1–2**	2–4	Сл.	Сл.	~1	Сл.
Фрагмент стенки сосуда	**Осн.**	Сл.	**1–2**	<0,3	–	Сл.	<0,5	–
Заклёпка атташа 2	**Осн.**	<0,2	**~1**	<0,5	?	?	<0,6	?

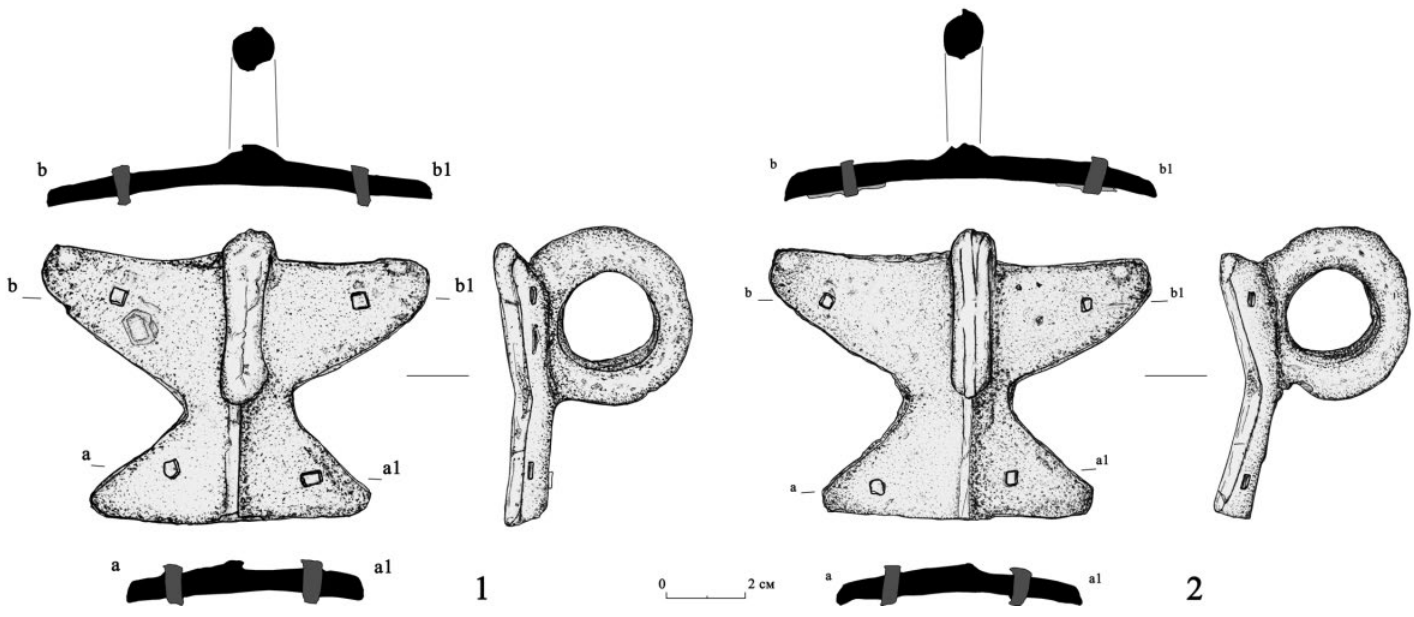
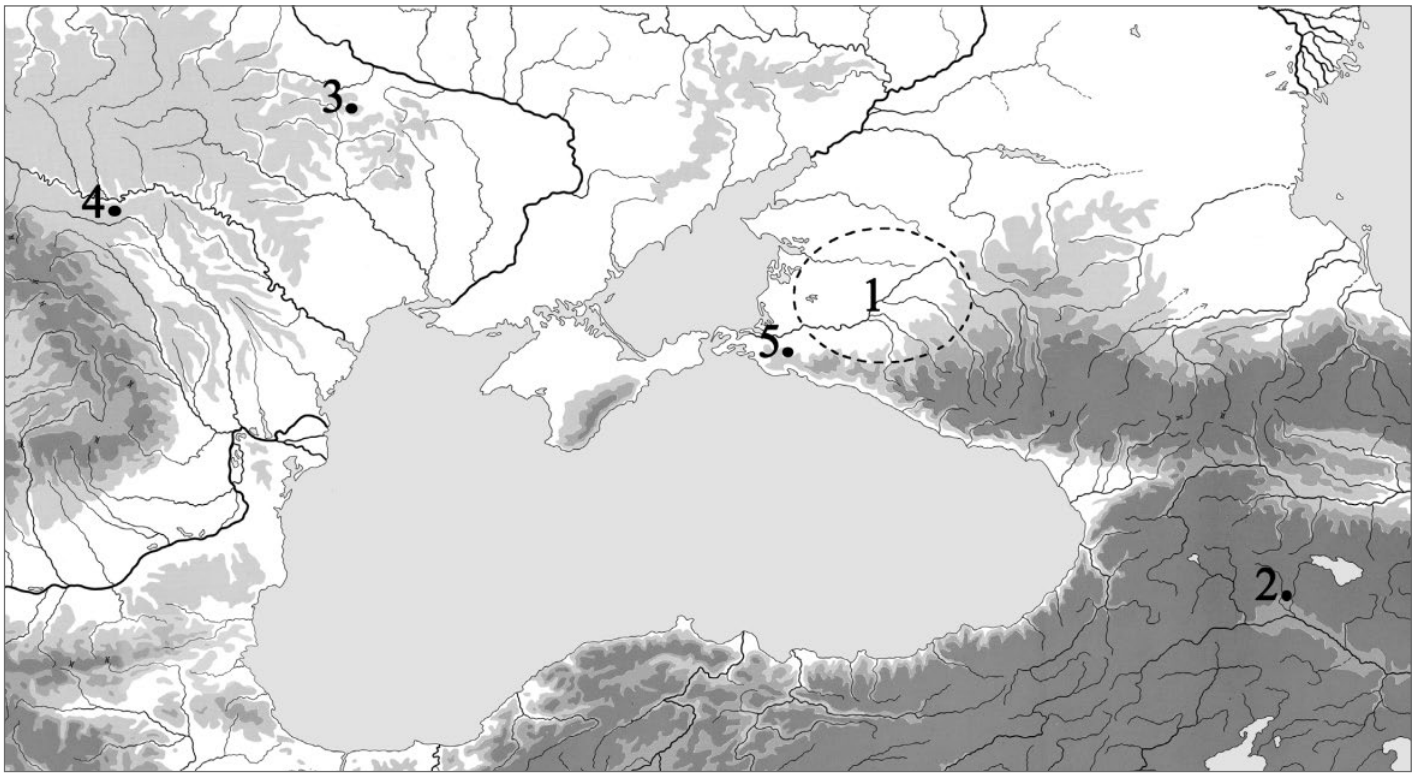

Рис. 1. Атташи из собрания ГЭ (инв. № 2735–296)

1 — из раскопок Н.И. Веселовского на Кубани (ГЭ); *2* — помещения 48 и IV крепости Тейшебаини; *3* — склеп № 2 кургана Репяховатая могила; *4* — курган 1 у с. Круглик; *5* — п.2 кургана 7 мог. Циплиевский Кут.

Рис. 2. Находки медных сосудов с атташами птицевидной формы на территории Северного Причерноморья и Закавказья

Интересно отметить, что среди урартских древностей есть и другая категория вещей с элементами крепления подобной птицевидной формы. Речь идет о серии колчанов, происходящих из раскопок Кармир-Блура и сопредельных территорий (Пиотровский 2011, 341; Berghe, Meyer 1983, 82). Колчаны представляют собой несомкнутую бронзовую трубку длиной 60–70 см с кожаной вставкой. Они богато украшены сюжетными и орнаментальными композициями, содержащими, в том числе, и клинописные посвятительные надписи (Пиотровский 2011, 341). В верхней и нижней части трубки по одной линии расположены детали для крепления колчанного ремня совершенно идентичной конфигурации, но меньших размеров и с перегибом по центру. Эта аналогия является убедительным доводом в пользу урартского происхождения формы «кубанских» атташей.

Круг аналогий для рассматриваемого типа вещей может быть расширен за счет территории Северного Причерноморья (рис. 2). Атташи присутствуют на трех сосудах из комплексов раннескифского времени. Первый из них происходит из склепа № 2 кургана Репяховатая могила в Черкасской области (Ольговский 1987, рис. 1, 2) (рис. 3, *2*). Это сильнопрофилированный тонкостенный сосуд с загнутым наружу краем, раздутым туловом и широким венчиком, к которому прикреплялись два атташа в виде стилизованной птицы с распростертыми крыльями и вертикальной петлей. В результате деформации сосуда один из них оказался отломан. Размеры атташей: ширина — от 2 до 11 см, высота — 7 см (Ольговский 1987, 82), что сопоставимо с размерами «кубанских» экземпляров. Схожи они и по составу металла — медные в основе, с небольшим количеством примеси олова и свинца, однако, один из атташей отличается 15 % примесью свинца (Ольговский 1987, 80–81). На основании анализа металла и морфологии сосуда С.Я. Ольговский указывает на его происхождение с Кавказа во время переднеазиатских походов скифов и датирует VI в. до н.э. (Ольговский 1987, 83).

Второй аналогией является ситула из кургана 1 у с. Круглик в Черновицкой области (рис. 3, *4*), хранящаяся в фондах Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа (инв. № 2327–2, раскопки Г.И. Смирновой). Сосуд сильно фрагментирован, смонтирован реставраторами на пластиковую основу, отчего пропорции его не строго симметричны. Он имеет схожий с «репяховатовским» экземпляром трехчастный профиль. Размеры сосуда: высота 30,6 см, диаметр венчика 29 см, высота венчика 6–7 см,

толщина 1–2 мм. Фрагменты двух атташей, оформленных в виде стилизованной птицы с распростертыми крыльями, расположены на плечиках ситулы друг напротив друга. С одной стороны сохранилось два фрагмента «крыльев», а с другой — один фрагмент и след от заклепки. Внешний вид этих фрагментов идентичен «кубанским» атташам, также они сопоставимы по размаху «крыльев»: 1-я пластина (2 фр-та): длина (реконструируемая) 10,2 см, ширина 3 см, толщина 3 мм, 2 круглые заклепки по 0,6 мм; 2-я пластина (1 фр-т): длина 4,4 см, ширина 2,8 см, заклепка 0,5 мм. Ввиду сильной фрагментарности сосуда невозможно достоверно установить форму атташей, поскольку те места, где должны находиться следы от нижних заклепок, отсутствуют. Равномерная толщина стенок свидетельствует об изготовлении сосуда из литой заготовки. Формообразование производилось вручную, путем расколачивания металла по деревянной матрице (Минасян 2014, 243). Стоит отметить, что дно сосуда — ровное, тонкое, с четким контуром, — изготовлено с применением деревянной болванки. С него начиналось формирование сосуда, оно не приклепано как в кавказских бронзовых ситулах-ведерках. Анализ металла демонстрирует медную основу сосуда из Круглика, с небольшим количеством примесей, атташ же содержит 10,89 % свинца (Смирнова 1993, 110, таб. 1), что сближает его с одним из атташей сосуда из Репяховатой могилы, но и одновременно отличает от атташей Н. И. Веселовского.

Г. И. Смирнова, сопоставляя технологические и морфологические характеристики, датирует ситулу из кургана 1 у с. Круглик в рамках VII в. до н. э., а сосуд из Репяховатой могилы — второй половиной VII в. до н. э. (Смирнова 1993, 110). Действительно, эти сосуды схожи и по профилировке, и по составу металла. Единственное, что стоит отметить, — это два варианта крепления атташей: на плечиках в Круглике и на венчике в Репяховатой могиле.

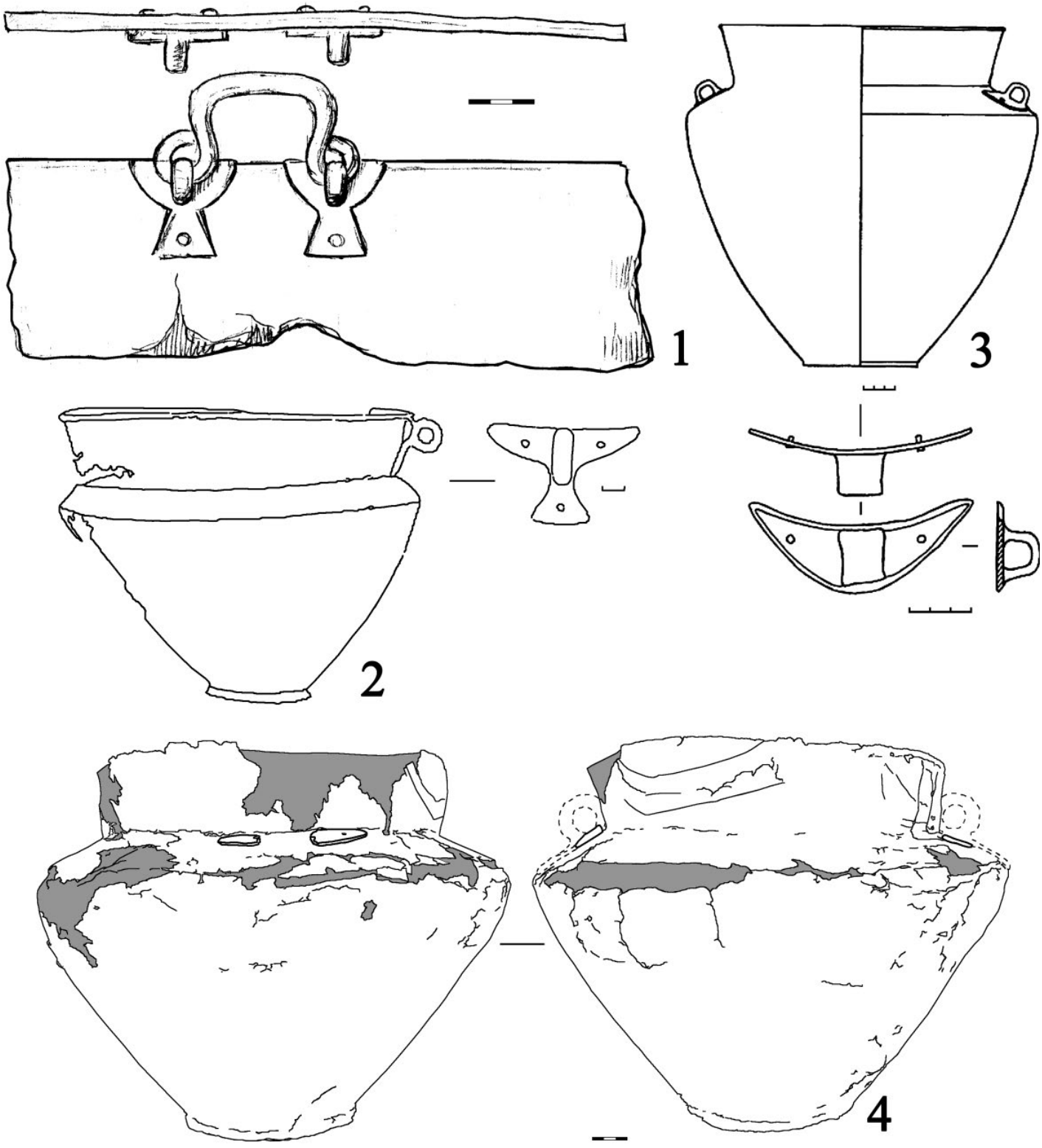
Учитывая единство формы представленных экземпляров, можно предложить реконструкцию сосуда с «кубанскими» атташами в виде медной тонкостенной ситулы с трехчастным профилем и диаметром венчика около 40 см. Интересно, что как кругликовский и репяховатовский сосуды, так атташи из раскопок Н. И. Веселовского близки друг другу по составу металла, что заставляет предполагать их принадлежность к единому очагу металлообработки. Чистые медные сплавы, а также сплавы с добавлением свинца не характерны для территории Закавказья и Прикубанья (Барцева 1981, 12), они тяготеют скорее к центральнокавказским производственным центрам конца VIII–VI вв. до н. э. (Барцева 1974, 9; Техов 1980, 242; Эрлих 2011, 512). В это время здесь изготавливали клепаные медные ситулы-ведерки с зооморфными и петельчатыми литыми ручками., распространившиеся и далеко на север — до Днепровской лесостепи (Барцева 1981, 12; Барцева 1985, 125; Дараган 2011, 443–444), — и далеко на юг — на территорию урартских центров (Техов 1977, 75–76). Проникновение этих вещей на соседние территории приходится на вторую половину VIII–VII вв. до н. э. — время активизации деятельности кочевников в этих регионах (Петренко 2006, 84).

Несколько обособленно стоит находка ситулы из п. 2 кургана 7 могильника Циплиевский Кут в Краснодарском крае (Пьянков 2006, рис. 3, *4–7*) (Рис. 3, *3*). Она причисляется к кругу аналогий для «кубанских» атташей исходя из морфологических признаков, анализ металла для сосуда отсутствует. Ситула тонкостенная, сильнопрофилированная, со слегка загнутым наружу краем. Высота 32,8 см, диаметр венчика — 27,5 см. (Пьянков, Смаглюк 2000, 10). На плечиках расположены два атташа в виде полумесяца с вертикальной петлей, прикрепленные к тулову с помощью двух заклепок. Форма атташей на этом сосуде отличается отсутствием «хвоста». Авторы раскопок датируют комплекс предметов из этого погребения в пределах конца VII — начала VI вв. до н. э. (Пьянков 2006, 29).

Таким образом, мы имеем небольшую серию медных сосудов на территории Северного Причерноморья, схожих по морфологическим, технологическим особенностям, по составу металла. Они занимают одну хронологическую нишу — вторая половина VII в. до н. э. По ряду технологических показателей эти сосуды отличаются от кавказских клепаных ситул-ведерок, однако, учитывая схожие рецептуры сплавов, правомерно относить их к единому производственному центру, вероятно, центральнокавказскому. В то же время проникновение птицевидного мотива оформления атташей в Северное Причерноморье обусловлено, по-видимому, установлением связей с урартскими центрами в Закавказье. Мастера-литейщики, изготовлявшие эти предметы, были знакомы с урартскими вещами и, вероятно, пытались подражать им. В. Р. Эрлих и В. Г. Петренко предполагают, что бронзовые тонкостенные сосуды могли производиться специально для местной или кочевнической элиты времени древнейших походов в Закавказье и Переднюю Азию (Эрлих 2011, 512, Петренко 2006, 84). В этой связи необходимо отметить, что большая часть сосудов происходит из поздних предскифских и раннескифских курганных комплексов, присутствие металлической посуды в которых маркирует особый социальный статус владельца.

В начале раннего железного века бронзовые котлы с атташами в виде стилизованной птицы с распахнутыми крыльями получают широкое распространение, главным образом, на территории Урарту, отдельные находки есть на территории Северной Сирии, Малой

Азии и Северного Ирана. Установление торговых связей между ближневосточным и греческим миром способствовало активному проникновению вещей этого типа в Средиземноморье.

1 — помещение 48 крепости Тейшебаини (по: Рябкова 2010); *2* — склеп № 2 кургана Репяховатая могила (по: Ольговский 1987); *3* — п. 2 кургана 7 мог. Циплиевский Кут (по: Пьянков 2006); *4* — курган 1 у с. Круглик

Рис. 3. Медные сосуды с атташами птицевидной формы

По внешнему оформлению атташи можно разделить на две неравномерные в количественном отношении группы. Первая, более значительная, включает в себя фигурные экземпляры. Здесь, в свою очередь, выделяется две подгруппы — атташи, украшенные головками быков, и так называемые сиренообразные атташи — птицы с человеческим лицом и торсом. Фигурки прикреплены к Т-образной пластине, которая своей формой напоминает распростертые крылья и хвост, что нередко акцентировалось и рельефной проработкой поверхности — гравировкой перьев (Пиотровский, 2011, с. 214). Как правило, все атташи снабжены петлями для прикрепления ручки.

Для атташей с головками быков (рис. 4, *1–3*) выделяют два варианта: 1 — урартский, — голова отливалась отдельно и вставлялась в пластину без кольца-подвески; 2 — ближневосточный, — голова отливалась в одной форме с кольцом (Assyria to Iberia… 2014, 273). Наиболее характерны эти находки для территории Урарту: котел на подставке с четырьмя головками быков из гробницы Алтын-Тепе (Barnett, Gökce 1953, pl. XIII, XIV), такие же головки обнаружены в урартских гробницах у с. Гущи, Топрах-Кале (Пиотровский 1959, 177, 179), у поста Алишар (Пиотровский 2011, рис. 116), отдельные экземпляры происходят из раскопок Кармир-Блура и Вана (Пиотровский 2011, рис 42, 96). Кроме того, из раскопок Кармир-Блура происходит крупный чернолощеный сосуд, украшенный расписным пояском и головками быков, выполненными в глине, возможно, в подражание бронзовым сосудам (Пиотровский 1959, 179; Assyria to Iberia… 2014, 279, № 151). Есть также несколько красноглиняных сосудов с головками быков на венчике или на плечиках (Urartu… 1991, 238, № 33; 240, № 34).

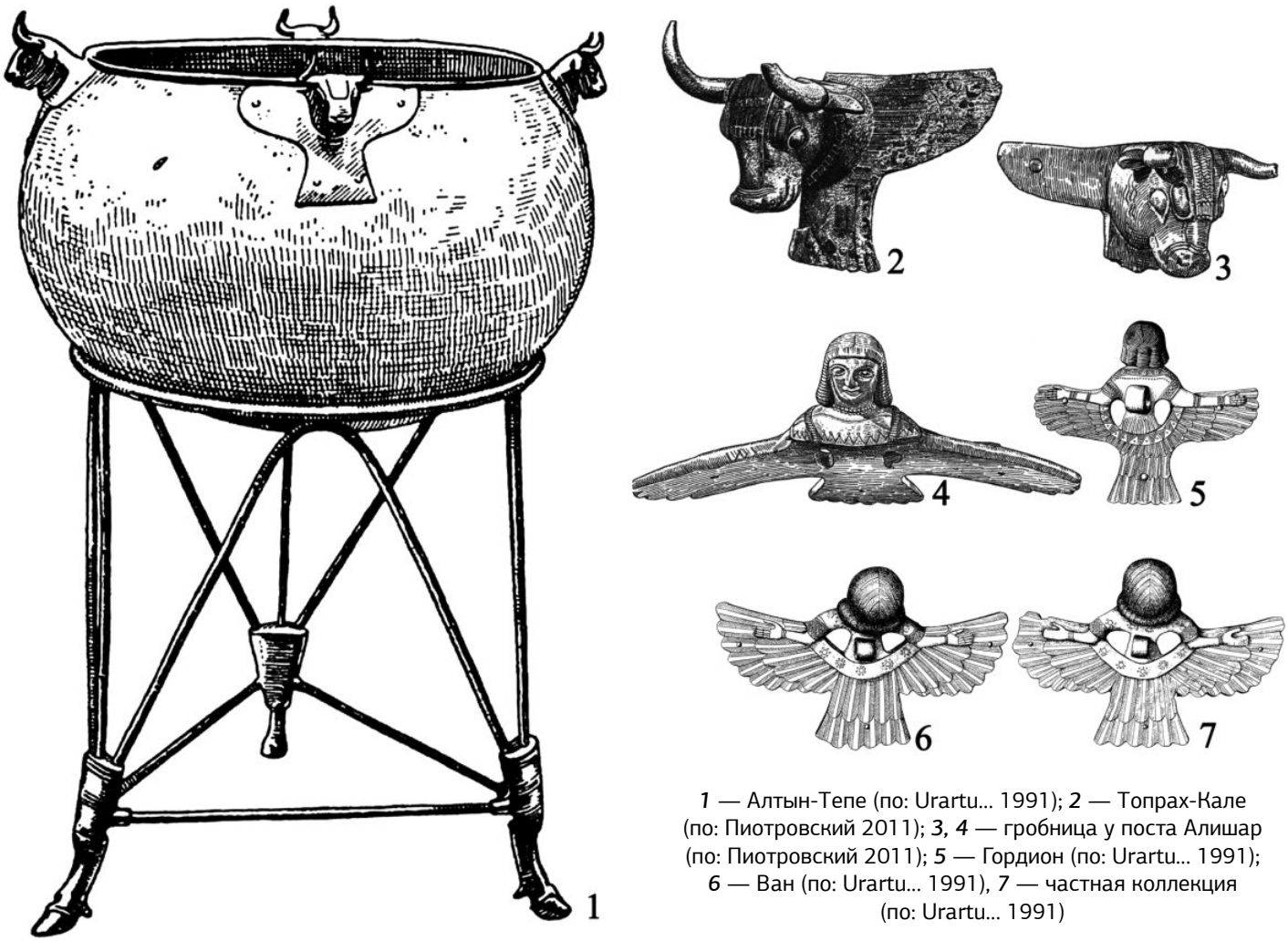
Котлы с головками быков встречаются также в одной из гробниц в Гордионе в Малой Азии (Young 1958, fig.18) и на территории греческих центров: святилище Аполлона в Дельфах (Assyria to Iberia… 2014, 280, № 153), в Кумах (Assyria to Iberia… 2014, 281, № 154; Пиотровский 2011, рис. 151, *2*).

Атташи в виде сирен (рис. 4, *4–7*) имеют более широкое распространение и связываются сразу с двумя крупными центрами — ближневосточным и средиземноморским. Эти два варианта несколько отличаются по оформлению прически и чертам лица (Пиотровский 2011, 214, 337). Фигурки птиц с женскими или мужскими чертами условно связываются с солнечными божествами Передней Азии (Пиотровский 2011, 256). Находки сиренообразных атташей в Передней и Малой Азии: из гробниц у поста Алишар (Пиотровский 2011, рис. 114), Топрах-Кале (Pallottino 1958, fig. 6); Вавилонии (Assyria to Iberia… 2014, № 150), из гробницы в Гордионе (Young 1958, fig. 15–17); в Средиземноморье: из святилищ в Дельфах (Fouilles de Delphes… 1905, Pl. XII, XIII; Assyria to Iberia… 2014, № 149 a, b), Ветулонии (Pallottino 1958, fig. 15, 16, 19–20; Assyria to Iberia… 2014, № 148 a, b), Олимпии (Furtwängler 1890, 118, Akurgal 1959, Taf. 30–31; Assyria to Iberia… 2014, № 184, Greek Art of the Aegean Islands… 1979, 171–174, № 128–133), Беотии (Assyria to Iberia… 2014, № 147), Самосе (Greek Art of the Aegean Islands… 1979, 175, № 134) и др. Подробная сводка фигурных атташей представлена в работах Б. Б. Пиотровского (Пиотровский 1959, 2011), Э. Акургала (Akurgal 1959), каталогах Metropolitan Museum of Art, каталогах выставок урартского искусства (Berghe, Meyer 1983; Urartu…1991).

Большая часть фигурных атташей, происходящих из греческих или италийских памятников, является урартским или северосирийским импортом. Производство местных экземпляров с использованием ближневосточных мотивов и металлургических рецептов характерно для всего ориентализирующего периода древнегреческого искусства (Assyria to Iberia… 2014, 273). Б. Б. Пиотровский связывает проникновение вещей этого типа в Средиземноморский центр с древнейшим пластом урартских древностей и тем временем, когда Урартское государство «стремилось захватить и одно время держало в своих руках выход к Средиземному морю», а именно с VIII в. до н. э. (Пиотровский 2011, 74).

Вторая группа объединяет птицевидные атташи с петлей для крепления ручки, но уже без каких-либо декоративных элементов. В нее попадают и «кубанские» атташи из Эрмитажа. Среди этой группы можно также выделить два варианта оформления: петля и пластина перпендикулярны друг к другу или расположены в одной плоскости.

К первому варианту относятся уже рассмотренные нами экземпляры на урартских колчанах и котлах из Тейшебаини, и на сосудах из Северного Причерноморья. Второй вариант объединяет атташи бронзовых церемониальных ведерок, широко распространенных на территории Передней Азии. Атташи крепятся двумя или тремя заклепками к тулову под самым краем друг напротив друга. Их форма фактически сведена к крестообразной — это максимально стилизованный образ птицы с распростертыми крыльями. К верхней петле крепится свободно движущаяся ручка для подвешивания и переноски сосуда. Большое количество находок таких ведерок известно в северном (Muscarella 1988, 29, № 7, 8), и в северо-западном Иране (Mahboubian 1997, 242, № 315). Встречаются они и среди луристанских древностей — п. 43 могильника Чамжи-Мума в Луристане (Berghe 1983, 117, afb. 57–58). Кроме того, только из Урарту происходят серебряные церемониальные ведерки с посвятительными надписями (Urartu… 1991, 214).

1 — Алтын-Тепе (по: Urartu... 1991); *2* — Топрах-Кале (по: Пиотровский 2011); *3, 4* — гробница у поста Алишар (по: Пиотровский 2011); *5* — Гордион (по: Urartu... 1991); *6* — Ван (по: Urartu... 1991), *7* — частная коллекция (по: Urartu... 1991)

Рис. 4. Атташи бронзовых котлов, украшенные головками быков, и сиренообразные атташи

Изображения церемониальных ведерок представлены на ассирийских рельефах IX–VIII вв. до н. э. Они присутствуют, как правило, в сценах, связанных с церемонией подношения священному дереву (Urartu… 1991, 214): мифические фигуры гениев или других крылатых существ выступают в качестве посредников между священным деревом и царственной особой, в руках они держат ведерки и шишки. На рельефах IX в. из северо-западного дворца Ашшур-нацир-апала II в Нимруде есть подобные сцены, и, что важно, с обозначением гравировкой деталей крепления, т. е. атташей (Barnett 1975, № 20; Assyria to Iberia… 2014, 61, № 13). Там же есть сцена шествия заключенных, где в числе награбленных трофеев, представлены и сосуды — ведерки, котлы; победителями изображены ассирийские войны (Barnett 1975, № 31). Изображения церемониальных ведерок есть и на орнаменте бронзового колчана из частной коллекции Шаффхаузене (Urartu… 1991, fig 4). Кроме того, изображения больших сосудов (котлов) есть на рельефе разграбления Мусасирского храма во дворце Саргона II в Дур-Шаррукине. Подобные сцены, а также факт обнаружения котлов, ведерок или отдельно атташей, в основном, в богатых погребениях или греческих храмах свидетельствует об особом социальном статусе этих предметов.

Литература

Барцева Т. Б. Цветная металлообработка на Северном Кавказе в раннем железном веке. Автореф. дис… канд. ист. наук. М., 1974.

Барцева Т. Б. Цветная металлообработка скифского времени. Лесостепное Днепровское Левобережье. М., 1981.

Барцева Т. Б. Химический состав цветного металла из курганного могильника у селения Нартан (По данным спектрального анализа) // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2. Ч. 1 / М. П. Абрамова, В. И. Козенкова (ред.). Нальчик, 1985.

Дараган М. Н. Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи. Киев, 2011.

Минасян Р. С. Металлообработка в древности и средневековье. СПб., 2014.

Ольговский С. Я. Бронзовий казан з Реп'яховатої могили з Черкащини // Археологія. 1987. № 58.

Петренко В. Г. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. Москва, Берлин, Бордо, 2006.

Пиотровский Б. Б. Скифы и древний Восток (Доклад на конференции по скифо-сарматской археологии) // СА. 1954. XIX.

Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959.

Пиотровский Б. Б. История и культура Урарту. СПб., 2011.

Пьянков А. В., Смаглюк М. И. Реконструкция бронзового котла из могильника Циплиевский Кут 1 (Западное Закубанье) // Античная цивилизация и варварский мир. 2000.

Пьянков А. В. Комплекс кургана 7 могильника Циплиевский Кут как новое свидетельство этнокультурных связей населения Северо-Западного Кавказа в раннескифскую эпоху // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное время: Сборник статей по материалам XI Международной научной конференции / В. П. Копылов (ред.). Ростов-на-Дону, 2006.

Рябкова Т. В. К вопросу о «скифских» бусах в Тейшебаини // Археологический альманах. 2010. № 21.

Смирнова Г. И. Памятники Среднего Поднестровья в хронологической схеме раннескифской культуры // РА. 1993. № 2.

Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. Москва, 1977.

Техов Б. В. Скифы и материальная культура Центрального Кавказа в VII–VI вв. до н. э. (по материалам Тлийского могильника) // Скифия и Кавказ / А. Н. Тереножкин (ред.). Киев, 1980.

Эрлих В. Р. Бронзовые ситулы из элитных погребений Кавказа как пример внутрикавказской коммуникации // Боспорский феномен: Население, языки, контакты. СПб., 2011.

Akurgal E. Urartu Medeniyeti. Urartäische Kunst. Ankara, 1959.

Assyria to Iberia: at the Dawn of Classical Age (Metropolitan Museum of Art). New York, 2014.

Barnett R. D., Gökce N. The Find of Urartian Bronzes at Altin Tepe, Near Erzincan // Anatolian Studies. 1953. Vol. III.

Berghe L. Vanden. Luristan een verdwenen bronskunst uit West-Iran. Sint-Pietersabdij–Gent, 1983.

Berghe L. Vanden., de Meyer L. Urartu — een vergeten cultuur uit het bergland Armenië. Sint-Pietersabdij–Gent, 1983.

Furtwängler A. Die Bronzen und die übrigen kleineren Funde von Olympia. Berlin, 1890.

Fouilles de Delphes. V. Monuments Figurés — Petits Bronzes, Terres Cuites — Antiquités Diverses. Paris, 1905.

Greek Art of the Aegean Islands (Metropolitan Museum of Art). New York, 1979.

Mahboubian H. Art of Ancient Iran: Copper and Bronze. London, 1997.

Muscarella O. W. Bronze and Iron Ancient Near Eastern Artifacts in the Metropolitan Museum of Arts (Metropolitan Museum of Art). New York, 1988.

Pallottino M. Urartu, Greece and Etruria // East and West. 1958. Vol. 9.

Urartu — A Metalworking Center in the First Millennium B. C. E. / R. Merhav (ed.). Jerusalem, 1991.

Young R. S. The Gordion Campaign of 1957: Preliminary Report // American Journal of Archeology. 1958. Vol. 62. № 2.

С. И. Лукьяшко

СКИФСКИЕ ЛУКИ

На основании археологических материалов и изображений луков производится реконструкция лука «arcus scythicus» – сигмовидного типа. Устанавливаются его метрические параметры и техника стрельбы. Скифские лучники держали лук вертикально в левой руке, стрела прикладывалась на правую сторону лука. Предполагается «средиземноморский хват» – способ удержания тетивы и стрелы. Уже в VI в. до н. э. скифские луки были рефлективными, а с V в. известны луки, усиленные костяными накладками. Скифские сигмовидные луки обладали высокой жесткостью, что позволяет предполагать преобладание стрельбы из него по площади. Кроме этого основного типа лука скифы пользовались сложным сегментовидным луком.

The Scythian Σ-shaped bow is reconsructed from the archaeological record and artistic depictions. Its dimensions and the technique of archery are determined. Scythian archers held their bows vertically in their left hands while the arrowshaft was applied to the left side of the bow. The so-called 'Mediterranean grip' can be inferred. Scythian bows were reflective as early as in the 6th century BC, and the 5th century BC saw bows reinforced with bone plates. Scythian bows were highly rigid, which implies the predominance of area shooting. Besides this principal kind of bow the Scyths used the composite bow.

В отечественной литературе, посвященной военному делу и военному искусству скифов, отмечается большая роль скифского лука в их военных успехах. При этом речь идет, чаще всего о «arcus scythicus» — особой конструкции лука, имеющей сигмовидную форму. Имеются веские основания предполагать, что этот лук попал в Северное Причерноморье вместе со скифами. Ведущие специалисты по этой теме (Мелюкова 1964, 15; Черненко 1981, 19; Литвинский 2001, 41) предполагали, что такая конструкция лука появилась ещё в предскифское время и соотносилась с киммерийцами. Недавно специально рассмотрев эту тему, я пришел к выводу, что киммерийцы не знали сигмовидного лука или, по крайней мере, на сегодня у этой версии нет убедительных аргументов (Лукьяшко 2015а, 36–45; Лукьяшко 2015б, 87–92). Вместе с тем отмечено, что идея сигмовидной конструкции лука существовала в иньском Китае и была известна на Кавказе с эпохи ранней бронзы. И сегодня правильно будет ставить вопрос о двух линиях эволюции идеи, приведшей к созданию «arcus scythicus». Появление скифского лука резко изменило состав набора наконечников в колчанах ранних кочевников, на смену массивным двухлопастным образцам пришли облегченные трехлопастные. Дальнейшая линия эволюции наконечников шла по пути постепенного уменьшения размеров и весовых характеристик наконечников, что является отражением конструктивных изменений стрелкового оружия.

Но археологический материал не позволяет утверждать абсолютное доминирование скифского лука в стрелковом вооружении народа. Вспомним лук из Трехбратнего кургана близ Керчи, представляющий бесспорный образец сложного сегментовидного лука IV в. до н. э. (Бессонова 1973, 247, рис. 6, *1*, *2*)

Автор публикации этой находки писала: «Это был простой сегментовидный лук, состоящий из трех деревянных пластин, обмотанных по спирали полоской коры, шириной 1,3–1,5 см. Общая длина 64, 5 см., диаметр кибити 2 см. В момент открытия он был прямой, а подсыхая, приобрел слегка выгнутую форму. Верхняя пластина (вероятно, пластина со стороны спины лука — С. Л.) была закруглена и по толщине сведена на нет. Второй её конец толще и сужается до 0,5 см. Средняя пластина заканчивается с обеих сторон плоскими лопастями, одна из которых слегка расширяется. Длина обеих пластин 58 см. Третья пластина обломана с обеих сторон. Две верхние пластины сдвинуты по отношению друг к другу на 6,5 см. На внутренних поверхностях боковых пластин имеется по одному узкому продольному желобку для склеивания. На всех склеиваемых плоскостях сделаны мелкие косые насечки. Каких либо следов обкладок в погребении не обнаружено». (Бессонова 1973, 247) Если исключить смещение пластин, то длина лука равнялась 58 см в неснаряженном состоянии. В снаряженном состоянии его величина значительно уменьшалась. Заметим, что коль скоро лук был составлен из трех пластин, то он не может называться простым — это сложный сегментовидный лук.

Распространение этого типа лука находит подтверждение и на предметах торевтики. Его мы можем

видеть на ножнах меча из Чертомлыцкого кургана (Алексеев 2012, 216).

Этот лук был сложным и состоял из трех последовательно соединенных продольных слоев, сверху перевитых древесным лубом и пропитанных клеем. Заметим что на ножнах чертомлыцкого меча, по мнению исследователей, изображены сцены борьбы греков с персами. Здесь выделяется несколько эпизодов. В первом от устья ножен — воин с луком в руке, одетый в восточный костюм[1], нападает на греческого воина, призывающего на помощь соратников. У варвара давно нестриженая борода, на теле запахнутый на левую сторону халат или рубаха, подпоясанная шнуром. В левой руке воина интересующий нас лук. На голове повязка, в правой руке махайра, которой он замахнулся на противника. За спиной этого воина изображен обнаженный греческий воин в коринфском шлеме с гребнем и в поножах, со стриженой бородой. Он прикрывает раненного молодого воина щитом от варвара с копьем, одетого так же как и первый.

Хотелось бы подчеркнуть, что этот конкретный тип луков существовал в древнем мире. И он достоверно засвидетельствован в культуре народов Северного Причерноморья, в погребении богатого эллинизированного скифского аристократа на Керченском полуострове во второй половине IV в. до н. э. Существование этого типа луков предполагалось А. И. Мелюковой (Мелюкова 1964, 15)

Второй тип луков собственно скифский сигмовидный лук, который имеет свою историю.

Это принципиально отличный тип луков, которые называются сложносоставными. Они изготовлены из последовательно соединенных деревянных частей. Дерево для отдельных частей лука соответственно подбиралось по своим свойствам.

Как уже отмечалось выше, существует гипотеза, что этот тип луков был уже у киммерийцев. Мне не известно ни одного достоверного изображения киммерийцев с этим луком. Лишь на гумаровской стеле мы найдем характерные изгибы у лежащего в горите лука. Гумаровский курган 2 датируют VIII–VII в. до н. э. по основному погребению, но при этом забывается, что в полах кургана были обнаружены ещё 4 погребения савроматского времени. На самой стеле изображен меч с крестовидным перекрестием, характерным для памятников предскифского времени, и поэтому стела соотносится с ранним погребением. Однако дата погребения и его культурная принадлежность находятся в зоне активной дискуссии (Исмагилов 1988, 29–47).

Единственный археологически зафиксированный экземпляр киммерийского лука в погребении лучника из Зимогорья так же не позволяет видеть в нем признаки сигмовидной конструкции (Дубовская 1985, 166–172).

Представление о конструкции лука скифского типа дает нам находка из Филипповского кургана (Яблонский 2013). На дне погребальной ямы был обнаружен лук в снаряженном состоянии, состоящий из трех деталей. Центральная часть и поручь выполнены из бука, а плечи — из вяза (Гольева, Яблонский 2007, 197). По данным А. И. Мелюковой, скифские луки были небольших размеров (60–70 см) и имели загнутые концы. Длина филипповского экземпляра около 60 см. Средняя часть кибити — рукоять была округлой в сечении формы диаметром около 20 мм. Плечи уплощены в месте соединения с рукоятью и имеют резкий изгиб длинного конца, далее плечу придается жесткость за счет толщины дерева к концам, в последней трети квадратное сечение со стороной 18 мм. Концы приострены и скруглены. Диаметр у концов — около 14 мм. Вяз в Южном Приуралье не был распространен в раннем железном веке, поэтому предполагается его импорт в регион (Куринских и др 2013, 195).

Греческая вазопись дополняет наши представления. См. например, изображение лука на сосуде, расписанном Мастером Качелей (530–520 гг. до н. э.) (Алексинский 2013, 105). Обращаем внимание на характерный прогиб поручи в сторону живота и изгибы плеч. На основании имеющихся метрических характеристик, наличия сохранившегося лука и его изображений нами была произведена графическая реконструкция лука. В результате в нашем распоряжении оказался лук размером 60 см в снаряженном состоянии (рис. 1). Зная размеры древков скифских стрел, мы можем представить себе, что натяжение тетивы было не больше 20–25 см. Из чего мы делаем вывод о большой упругости конструкции и, следовательно, о силе натяжения тетивы.

Одно из важнейших качеств луков этого типа — это рефлексия. Иными словами этот лук без тетивы изгибался в обратную сторону. Для придания луку этого качества, его после сборки насильно изгибали в обратном направлении, связывали и выдерживали иногда несколько лет. Лук вызревал и только после этого пускался в эксплуатацию.

Были ли у скифов рефлексирующие луки? Наблюдения за этим качеством конструкции я начал ещё в 1977 г., когда в погребении 8 кургана 7 Новоалександровской группы собственноручно расчистил горит с костяными наконечниками лука. Наконечники находились на расстоянии 10 см друг от друга. Поэтому я вступил в дискуссию с Е. В. Черненко по поводу функций костяных наконечников. И уже тогда Е. В. Черненко говорил мне в личной беседе о том, что луки могли быть рефлексирующими, что и объясняло ситуацию в Новоалександровском кургане. Тогда я не внял советам старшего товарища и соотносил подобные находки с

[1] Варвары в этой ситуации отличаются от греков, но не имеют выраженных этнических признаков: в них можно признавать как персов, так и мидян и даже среднеазиатских скифов.

плетью, которая могла находиться в горите (Ильюков, Лукьяшко 1994, 62–63).

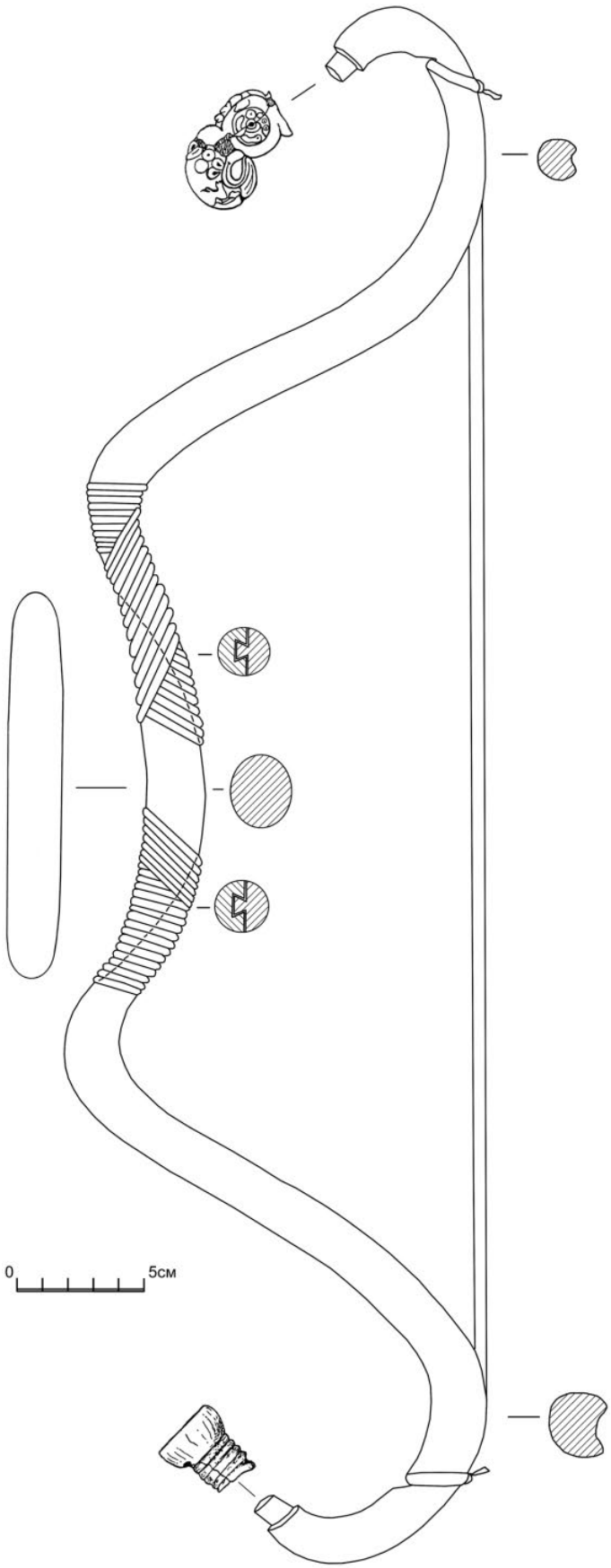

Рис. 1. Реконструкция скифского лука.

Для того чтобы понять ситуацию, необходимо видеть образцы рефлексивных неснаряженных луков (рис 2)[2]. Они изгибаются в обратном направлении, образуя почти правильное кольцо. Представим себе, как они могли снаряжаться? Какой силой необходимо было обладать, чтобы двумя руками изогнуть в обратном направлении конструкцию? Безусловно, здесь должна была присутствовать особая техника. И мы её находим на предметах торевтики и в античной вазописи. Эта оригинальная техника привлекла к себе внимание греков, и мы видим, как скиф на Куль-Обской вазе закладывает лук под правую ногу и, работая руками и ногами, набрасывает тетиву на окончание лука. Эти сцены тиражировались в греческом искусстве, и мы их видим на донышках киликов из Сицилии и Орвьето (рис. 3) и на ряде других изображений. Таким образом, можно сделать вывод, что сложносоставной скифский лук уже в VI в. до н. э. был рефлексирующим. Необычный способ его снаряжения привлек внимание греческих художников и тиражировался в серии подобных изображений. Признаю свою ошибку. Е. В. Черненко в своей догадке был прав.

А с V в. до н. э. скифский сложносоставной сигмовидный лук стал ещё и усиленным. Усиленным называется лук, на который накладывались накладки из материала, обладавшего большей, чем дерево способностью к сопротивлению: растяжению по наружной стороне и сжатию по внутренней стороне кибити. Костяные накладки на кибить лука, встречаются в погребениях скифов с V в. до н. э. Приведем в качестве примера погребение из кургана 7 у г. Жданова (Мурзин 1984, 21, рис. 9, *2*) и костяную накладку поручи из погребения 12 Каратаевского могильника, названную в публикации «палочкой» (Ильюков 2002, 185, рис. 16, *11*).

Важнейшей составной частью лука была тетива. К сожалению, для этой части конструкции археология не может дать никаких данных. Опираясь на этнографические наблюдения, можно сделать вывод о том, что тетиву изготовляли из сухожилий и кишок животных. Геродот пишет об использовании конского волоса. Не исключено, что основу тетивы плели из конского волоса, который сверху плотно обматывался подвяленными овечьими кишками. Исходя из термина для обозначения тетивы в «Авесте» И. Гершевич считает, что она была сделана из сухожилий оленя (Gershevich 1959/1967, 279). Есть основание предполагать изготовление её из сухожилий козла.

Общие размеры скифского лука, по мнению А. И. Мелюковой, достигали 60–70 см. У других авторов (McEwen, Miller, Bergman 1991, 76–82) размеры скифского лука составляют около 127 см., а длина натяжения тетивы достигает 76 см. Однако последнее

[2] Рис. 2 размещён на цветной вклейке.

утверждение не подтверждается археологическим материалом, в частности, филипповским луком.

Рис. 3. Изображение лучников на донцах киликов из Сицилии и Орвьето

Некоторые авторы делают вывод о том, что скифский лук был «абсолютно гибким». Плечи его не обладали жесткостью, подобно более поздним составным лукам. Отсутствие костяных накладок у скифского лука не означает, что жесткость плеч была ограничена естественной жесткостью дерева. Плечи усиливались сухожилиями, проложенными по спинке лука и бамбуковыми и тростниковыми накладками по внутренней стороне, скрепленными клеем и обмоткой. Вывод о гибкости плеча скифского лука не подтверждается и длинной натяжения тетивы. Гибкие плечи предполагают длинный ход натяжения, в то время как все изображения дружно утверждают короткий ход стрелы до 20–25 см. Этот вывод подтверждается и общей длиной скифских стрел 40–45 см. Тетива натягивается до касания наконечником опорной руки. Расстояние от поручи до тетивы 20 см. Значит, ход натяжения не может быть больше 20–25 см. Из этого наблюдения следует, что энергия выстрела обеспечивалась высокой жесткостью плеч. При этом практика показывает, что высокая жесткость плеч приводит к мощной вибрации лука в руке, что понижает возможности прицельного выстрела и обеспечивает повышенную травмоопасность от удара тетивы по предплечью, а большая гибкость снижает дальность полета стрелы. Поэтому на практике выбиралось оптимальное соотношение между этими факторами. Сильная вибрация при выстреле объясняет, почему скифские лучники предпочитали не снайперскую стрельбу в цель, а стрельбу по площади — «сосредоточенный огонь» в терминах современной военной науки. Косвенных доказательств этому множество: от количества стрел в колчанах, до сообщений о закрывающих солнце стрелах. Этот же способ использовался и средневековыми кочевниками.

Для изготовления составного лука использовалась древесина деревьев разных пород. Поручь делалась из твердой породы. В ситуации с Филипповским луком это был бук. Форма поручи, слабый изгиб к животу, заметный и на предметах торевтики, позволяет предполагать, что пружинящие свойства этой части были востребованы и усиливали пружинящие свойства плеч.

Плечи имели сложную конфигурацию с последовательно противоположными изгибами. Такие изгибы в природе не встречаются. И, как показывает этнографический материал, они достигались искусственно. Для этого материал замачивался, затем варился в воде не менее двух часов, после чего заготовка зажималась в специальной форме. После остывания заготовка сохраняла приданную ей форму. Об этой технике повествует И. П. Эккерман в беседах с Гете.

«Когда лук практически уже готов, упругость его распределена равномерно и он уже везде одинаково крепок, я опускаю один его конец дюймов эдак на шесть-семь в кипящую воду и целый час варю его. Затем я зажимаю этот размягченный и еще горячий конец между двух маленьких чурок, с внутренней стороны имеющих ту самую форму, которую я хочу придать изгибу лука, и оставляю его в этом зажиме не менее чем на сутки, чтобы он как следует, высох; далее точно так же поступаю со вторым концом. Обработанные таким образом концы лука остаются неизменными, словно дерево от природы имело такой изгиб»

(Эккерман 1986, 93–94). Индейцы Северной Америки варили заготовки, а затем зажимали их в специально заготовленной форме, составленной из вбитых в землю колышков. Эти части лука изготовлялись из пластичного вяза.

В литературе иногда встречается утверждение, что заготовки брались из сучьев. На самом деле заготовка бралась из целого ствола дерева определенной породы, произраставшего на конкретной земле, что определяло её свойства. Более того разновидности дерева одной породы учитывались при выборе заготовки. Для работы использовалось полено. Оно раскалывалось. Использовалась северная или как её называли «зимняя сторона» полена, от которого отделялась ненужная часть — сердцевина и вся мягкая, непрочная средняя часть.

«… рекомендуется выпилить из ствола толстый брус и уже от него отрезать внешнюю часть, то есть ту, что находится под корой, так называемую оболонь, и тогда у вас в руках окажется молодая, крепкая и наиболее пригодная для лука древесина», — пишет И. П. Эккерман.

Использовалась лишь наружная часть. Здесь не было сучков, годовые кольца были тонкими и плотными. Следует полагать, что полученная таким способом планка подрабатывалась до необходимой формы заготовки и лишь затем, замачивалась, запаривалась и гнулась.

Отдельные части конструкции собирались, как показывает филипповский экземпляр, внахлест. Браун восстанавливал это соединение в виде клинового соединения. В этом случае при переходе от поручи к плечу возникало бы резкое изменение упругости, что приводило бы к большому напряжению именно в этой части и быстрому износу изделия. Реконструируемое мною соединение внахлест создает постепенное изменение жесткости. По моим предположениям, здесь должен быть паз, который увеличивал бы площадь клеевого соединения и страховал конструкцию от горизонтального смещения. По верху соединение плотно обматывалось сухожилиями и пропитывалось клеем, что создавало плотное и монолитное соединение. Собранная таким образом конструкция должна была, как это показывает практика изготовления турецкого лука, значительное время отвисеться — созревать, подсыхать и только через год была готова к эксплуатации. Возможно, именно соединительный узел укреплялся костяными накладками, спрятанными под обмоткой. Рефлексивные конструкции после сборки сгибались наружу через спину, связывались и в этом виде дозревали.

Сложная технология производства луков таких конструкций предполагает специализацию на данном виде ремесла. Добавим к этому технологии получения клея, лака, сухожилий, наличие специальных инструментов и мы поймем, что столь высокоспециализированное производство, вряд ли было возможно в условиях кочевого быта. Из чего следует, что хотя этот тип лука и был широко распространен среди скифов, производился он в городских центрах регионов, окружающих степь.

Ещё один слабо исследованный элемент скифской истории это — техника стрельбы из лука. В батальных или охотничьих сценах мы имеем, пожалуй, единственный источник по этой теме. Рассматривая серию скифских стрелков из лука, замечаем, что лук всегда держится вертикально и натягивается к плечу. При этом луки держатся левой рукой, а стрела и тетива оттягиваются правой рукой и прицеливание, если этот термин применим к скифской стрельбе из лука, производится правым глазом. Этих стрелков я называю праворукими стрелками. Отличительной особенностью изображений скифских стрелков является то, что гориты всегда изображаются на левом боку воина, что обеспечивало праворукому стрелку свободу манипулирования правой рукой: извлечение стрел из колчана, хват.

Как показывают исследования психологов, рукость, в данном случае стрельбы из лука, в условиях навычного воспитания становится характерной приметой социума и говорит об этнической характеристике воина больше чем одежда.

Стрела при стрельбе располагается на правой части вертикально поставленного лука и древко скользит по сжатым в кулак пальцам опорной руки. Лишь на чаше из Солохи можно наблюдать отличную технику удержания лука. Указательный палец левой руки стрелка направлен вперед в направлении цели, и древко скользит по большому пальцу опорной руки.

В технике стрельбы отмечается ещё хват — способ удержания стрелы и оттягивания тетивы. Различают 5 разных хватов. Единственное изображение, дающее нам возможность предполагать используемый скифами хват, это — изображение охотника на чаше из Солохи. Там мы можем рассмотреть, что тетива и стрела удерживаются всеми четырьмя пальцами правой руки стрелка, что в сочетании с отсутствием в археологическом комплексе скифской культуры напалечников, позволяет предполагать так называемый средиземноморским хват у скифов. Со средиземноморским хватом согласуется и представление о жесткости скифского лука. Усилие на оттягивание тетивы и удержание стрелы должно было быть большим. Некоторые расчеты показывают, что эта сила могла быть более 70 кг. Удержать 70 кг двумя пальцами тяжело. Поэтому средиземноморский хват, когда стрела укладывается между указательным и средним пальцем, а тетива оттягивается четырьмя пальцами руки, выглядит предпочтительнее.

Литература

Алексеев А. Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб.,2012.

Алексинский Д. П. Античное вооружение в собрании Государственного Эрмитажа. СПб., 2013.

Бессонова С. С. Погребение IV в. до н. э. из Трехбратнего кургана // Скифские древности. Киев, 1973.

Гольева А. А., Яблонский Л. Т. Исследование образцов дерева из раскопок курганного могильника Филипповка 1 в 2004–2006 гг. // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. Чтения памяти К. В. Сальникова (1900–1966). Материалы Международной конференции / В. С. Горбунов и др. (ред.). Уфа, 2007.

Дубовская О. Р. Погребение лучника раннего железного века // СА. 1985. № 2.

Ильюков Л. С. Каратаевский могильник // Археологические записки. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 2002.

Ильюков Л. С., Лукьяшко С. И. Новые памятники скифского времени на Нижнем Дону//Донские Древности. Азов,1994.

Исмагилов Р. Б. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // АСГЭ. 1988. Вып. 29.

Куринских О. И., Мещеряков Д. В., Равич И. Г., Соловьева Л. Н., Трейстер М. Ю., Чугаев А. В., Яблонский Л. Т. Детали парадного трона ахеменидского типа из Филипповки// ВДИ. 2013. № 2.

Лукьяшко С. И. Стрелковое вооружение скифов. О времени появления сигмовидного лука в Восточной Европе// Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2015а.

Лукьяшко С. И. Scithicus acrus. Стрелковое оружие скифов. Часть 1 // Вестник ЮНЦ РАН. Т.11. № 4. 2015б

Мурзин В. Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев, 1984.

Эккерман И. П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М., 1986.

Яблонский Л. Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка 1 (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. М., 2013.

McEwen E., Miller R. L., Bergman C. A. Early Bow Design and Construction // Scientific American. 264. June 1991.

Gershevich I. The Avestan Hymn to Mithra. With an Introduction, Transcription and Commentary. Cambr., 1959/1967.

Р.Г. Магомедов, В.Р. Эрлих

ЛУТКУНСКИЙ КЛАД КИММЕРИЙСКОЙ ЭПОХИ ИЗ ЮЖНОГО ДАГЕСТАНА

(*ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ*)

В статье приводится информация о кладе, обнаруженном в 1981 г. в селе Луткун Ахтынского района (Южный Дагестан), содержащем около 150 предметов киммерийской эпохи и хранящийся ныне в музее села Ахты. В предварительной публикации приводятся датирующие предметы, относящиеся к вооружению и конскому снаряжению. По этим предметам клад можно датировать концом VIII – началом VII вв. до н. э. и отнести ко времени киммерийских и раннескифских походов в Закавказье и Переднюю Азию.

The article provides information about the hoard, discovered in 1981 in the village Lutkun (Southern Dagestan), containing about 150 items of Cimmerian time. Now it is being kept in the museum of Akhty village. In the pre-publication authors give dates of items related to weapons and horse equipment. For these aspects, the hoard can be dated of the end of 8th – the beginning 7th centuries BC and attributed to the time of the Cimmerian and Early Scythian campaigns to the Transcaucasia and Asia Minor.

Введение

Памятники киммерийской и раннескифской эпохи Северо-Восточного Кавказа (территория современного Дагестана) изучены пока явно не достаточно. Эта территория имеет удобные проходы и перевалы в Закавказье (Дербентский проход, Вантлашенский и Кодорский перевалы), по которым могли передвигаться скифы и киммерийцы во время своих набегов в Закавказье. Имеется и прямое указание Геродота о том, что скифы, преследуя киммерийцев, «держались слева от Кавказа, пока не вторглись в землю мидян» (*Hdt.* IV. 12). В тоже время, если взглянуть на карту, составленную А.И. Иванчиком к монографии «Киммерийцы и Скифы», на которую автор нанес памятники предскифского и раннескифского времени (Иванчик 2001, 285), то территория современного Дагестана, выглядит «белым пятном». Самый восточный памятник в Предкавказье на ней — Гудермес, на территории Чечни. Однако это не совсем так. Нельзя сказать о полном отсутствии здесь памятников этой эпохи. Они исследовались и частично публиковались в трудах М.И. Пикуль, В.Г. Котовича и О.М. Давудова. Это Мугерганский, Шахсенгерский и Акьярский могильники, а также Хосрехское святилище (Пикуль 1974; Давудов 1974; Давудов 1983; Котович, Давудов 1980; Абакаров, Давудов 1993). Все они локализуются в предгорной и горной части Дагестана у Дербентского прохода (рис. 1)[1].

Слабая изученность материалов этого времени в Дагестане вызвана не столько малым количеством памятников этого времени, а скорее их труднодоступностью в условиях горного Дагестана, а также отсутствием целенаправленного их поиска. Прекрасным примером этому является и публикуемый ниже источник — Луткунский клад, который более 30 лет был выставлен в залах районного музея села Ахты, и ни разу за этот срок не попал в поле зрения специалистов.

Предлагаемая ниже статья является предварительной публикацией некоторых материалов этого клада, которые помогут определить его характер и хронологическую позицию.

История нахождения клада

Впервые о металлических находках, которые включены сейчас в комплекс под названием «Луткунский клад», одному из авторов данной статьи — Р.Г. Магомедову, стало известно в 2011 г. от дагестанского общественного деятеля, активиста экологического движения, уроженца села Ахты Мирзабека Алимова.

[1] Иллюстрации к статье размещены на цветной вклейке

По его словам, в краеведческом музее сел. Ахты в витринах выставлено большое количество древних металлических изделий, найденных в одном месте, а именно в селении Луткун. Последнее расположено на левом берегу р. Самур, в 2 км к северу от районного центра. Ему удалось также установить, что часть предметов из этого комплекса находится в школьном «музее» селения Луткун. По нашей просьбе предметы из школьного музея были привезены им в Махачкалу и показаны нам. Стало ясно, что мы имеем дело с чрезвычайно интересными в научном плане археологическими находками, не имеющими на территории Дагестана прямых аналогий по количеству и составу металлических изделий, входящих в единый состав клада и датируемых предскифским временем.

С целью осмотра коллекции находок в Ахтынском музее и выяснения обстоятельств обнаружения клада было совершено несколько поездок в Южный Дагестан.

Первая поездка состоялась 1-го сентября 2012 года; участвовали в ней Р.Г. Магомедов, сотрудник ООО НПЦ «ДАРС» Дибир-Али Хазамов и упомянутый выше Мирзабек Алимов. Был посещен филиал Дагестанского государственного объединенного историко-археологического музея — Ахтынский краеведческий музей. Здесь в экспозициях были хаотически и бессистемно выставлены довольно многочисленные металлические изделия предскифского времени. К сожалению, в первой поездке участникам не удалось получить сколько-либо связной информации от сотрудников музея о происхождении этой коллекции вещей. Дело ограничилось фотографированием части коллекции, и выяснением, что в музей они поступили достаточно давно — в 1981 году. Заинтриговала запись в книге поступлений в музей, согласно которой предметы происходили из «археологических раскопок». Однако, ни 1981 году, ни ранее в пределах Ахтынского района такие археологические раскопки специалистами не велись. Речь могла идти лишь о любительских «раскопках» местных жителей, которые видимо были приняты сотрудниками музея за профессиональные полевые работы археологов.

Вторая поездка в Южный Дагестан с тем же составом участников произошла 17 августа 2013 года. В этот раз удалось встретиться с директором музея Ахмедом Фикретовичем Дагларовым. По его информации, предметы, которые мы включаем в т.н. Луткунский клад, были доставлены в музей его отцом, Фикретом Нурудиновичем Дагларовым, работавшим в те годы также директором данного музея (он был директором в 1963–1991 гг.). С любезного разрешения Ахмеда Дагларова и при помощи сотрудников музея удалось временно изъять из экспозиции находки клада, разделить их на группы и сфотографировать вместе с масштабом. Следует отметить, что находки клада были выставлены в разных витринах, разобщенно, в немыслимых сочетаниях с другими предметами. Окончательный список предметов клада удалось сформировать, благодаря записям в книге поступлений, где вещи из Луткунского клада были занесены с присвоением уникального порядкового номера (№ № 4740–4870). Всего в книге значится 131 предмет. Записи в книге поступлений имеют произвольный характер и содержат большое количество ошибок.

В тот же день (17. 08. 2013 г.) наша группа посетила сел. Луткун. Здесь, благодаря сведениям, полученным нами от директора Ахтынского музея, мы нашли место обнаружения Луткунского клада. Это огород местного жителя, примыкающий к подошве высокой террасы.

К сожалению, не удалось встретиться со свидетелем обнаружения клада при земляных работах в огороде — прежним хозяином дома и сада. Со слов молодых сыновей хозяина, отец обнаружил клад случайно в большом глиняном сосуде; и сосуд, и вещи, содержавшиеся в нем, он передал директору Ахтынского музея. При этом часть вещей ввиду настойчивости и просьб некоего местного учителя была передана на хранение в краеведческий уголок Луткунской средней школы. Всего в Луткунскую школу было передано около 20 различных предметов из этого клада. В настоящее время луткунская часть коллекции находится у вышеупомянутого эколога Мирзабека Алимова.

Таким образом, можно считать, что Луткунский клад первоначально содержал около 150 предметов, подавляющая часть которых изготовлена из бронзы (в книге поступлений они указаны как «медные»). Незначительная часть находок сделана из железа. Не удалось разыскать в фондах музея глиняный сосуд, в котором якобы был найден клад. Также не установлена достоверность самого факта существования такого сосуда.

Авторы считают крайне важным объединить обе части Луткунского клада в одну коллекцию и после реставрационных работ создать условия для экспонирования ее в отдельной специализированной экспозиции музея.

Описание некоторых предметов клада

Меч и ножны кинжала. Среди вещей клада имелся рукоять биметаллического меча (Муз. № 4867) и железный клинок, возможно, этого же меча (рис. 1, *4*, *3*). Если это так, то меч будет длиной около 63 см, из них 48 см составлял железный клинок, и 15 см — бронзовая рукоять. Рукоять имеет весьма необычную форму. Перекрестие — эфес имеет опущенные книзу лопасти

как у ряда дагестанских биметаллических кинжалов из Мугерганского (п. 1), Шахсенгерского (п. 1) могильников и Хосрехского святилища (Вальчак 2008, 21, рис. 2, *3*). Однако стержень рукояти в сечении не круглый, а ромбовидный, кроме того, лопасти заканчиваются направленными вниз шипами. У кинжала из Шахсенгерского могильника такие выступы только намечаются. Навершие рукояти луткунского меча, своим контуром как бы повторяющее перекрестие, также имеет опущенные книзу лопасти (рис. 2, *4*). Это отличает его от упомянутых выше дагестанских биметаллических кинжалов, имевших грибовидное навершие.

В то же время, способ крепления черешка клинка с эфесом достаточно архаичен для кабардино-пятигорских кинжалов: «хвостовик» черешка пронизывает всю рукоять и расклепывается в верхней ее части. Подобный способ крепления рукояти имеется у кинжала из Хосреха и Николаевского могильника (п. 83) (Шрамко 1984, 27; Эрлих 2007, рис. 149, *2*; цв. вкл., рис. 17, *2*; Вальчак 2008, 11). В целом можно сказать, что данный кинжал связан с кабардино-пятигорскими кинжалами первой группы, но, тем не менее, имеет ряд местных особенностей, заключавшихся в сечении рукояти, форме перекрестия и навершия.

Кроме этого, из клада происходят бронзовые ножны, внутри которых сохранился железный клинок. Ножны представляют собой свернутый бронзовый лист, сверху имеется обоймица устья ножен, которая представляет собой два уплощенных кольца, скрепленных перекладиной, нижнее имеет круглую рельефную петлю для подвешивания (рис. 2, *1*).

Помимо этого, к ножнам относится деталь, которую можно назвать производным «весловидного» окончания ножен (рис. 2, *2*). Отметим, что ножны из бронзового листа встречены у кинжала из Хосрехского святилища (Вальчак 2008, 11), а аналогия обоймицы устья ножен имеется у кинжала из Шахсенгерского могильника. Последний кинжал имел и «весловидное» окончание ножен (Абакаров, Давудов 1993, рис. 19, *2*; Вальчак 2008, рис. 1, *3*). В коллекции «Луткунского клада» имеется, по крайней мере, еще одни ножны такого же типа с аналогичным окончанием.

УЗДЕЧНЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ:

Удила. Бронзовые удила, представленные в кладе, — однокольчатые с округлыми (рис. 3, *2*) либо овальными петлями (рис. 3, *1*). Отметим, что бронзовые однокольчатые удила уже встречались в Южном Дагестане в Мугерганском могильнике (конское п.1974 г.), а также в Шахсенгерском и Акьярском могильниках (Котович, Давудов 1980, рис. 1, *13*; Давудов 1992 47, 48; Абакаров, Давудов 1993, рис. 19, *48;* 21, *41*).

Луткунские удила с овальными петлями (рис. 3, *1*) не имеют близких аналогий на юге Восточной Европы, им гораздо ближе среднеевропейские удила с подобными окончаниями (Kemenczei 2005, taf. 13, *7*, *8*; 18, 4; 21, 5; 31C, *2*, *3*; 36, *6*; 50, *4*, *5*; 53C, *4*).

Из части клада, находившейся в школьном музее, происходят удила жестко скреплённые с прямыми трехпетельчатыми псалиями (или с неподвижным и неразъемным, по терминологии С. Б. Вальчака, соединением удил и псалий) (рис. 3, *3*). Их важной особенностью является то, что у этого комплекта (очевидно, был и второй, от которого сохранилась лишь небольшая часть) отсутствуют петли для повода. Очевидно, поводной ремень продевался в среднюю петлю псалия. До сих пор на юге Восточной Европы были известны двучастные удила с неподвижным и неразъемным креплением типа Костантиновка-376-Енджа и типа Верхний Кобан. В то же время, данный комплект по своей форме близок удилам с псалиями с неразъемным подвижным креплением из п.297 могильника Клин-Яр III (Вальчак 2008, 197, рис. 9).

В целом, можно предположить, что цельнолитые удила луткунского типа, как и прочие типы цельнолитых удил, являются своеобразным гибридом северокавказской традиции петельчатых псалиев и передневосточной и закавказской традиции удил, отлитых вместе с псалиями. Подобное могло возникнуть во время ранних военных походов предскифского времени через Кавказский хребет (см. Эрлих 1991, 39; 1994, 69–70; 2007, 121; Вальчак 1993, 23–29).

В кладе имеется также коррозированное звено железных удил, вероятно, с витым стержнем, что говорит скорее о его закавказском происхождении (рис. 3, *4*).

Псалии. Весьма интересны псалии, которые относятся либо к трехдырчатой, либо к трефмуфтовой схеме. Один трехмуфтовый псалий (рис. 4, *1*) является полной аналогией псалию из Мугерганского могильника (конское погребение 1974 г.) (рис. 4, *2*). С. Б. Вальчак отнес этот псалий к типу Малая Цимбалка (Вальчак 2009, 82), однако между последними и псалиями из Луткуна и Мугергана имеются существенные различия. Малоцимбальские псалии завершаются круглыми шляпками, а отверстия отдалены от края, а у дагестанских псалиев крайнее отверстие-муфта находится на самом краю изделия. Завершение второй стороны (если оно было) у обоих дагестанских псалиев утрачено. Очевидно, мы имеем дело с каким-то особым типом псалиев, который можно назвать **мугерганским** по первой находке.

Остальные псалии в той или иной степени являются местной интерпретацией синтеза трехдырчатых псалиев типа «Сиалк» и псалиев новочеркасской схемы с лопастью. Причем вариации этого синтеза очень различны.

Имеется пара псалиев с лопастью и овальными (ромбовидными?) отверстиями (рис. 4, *3*), наиболее

близких по форме псалиям из п. 47 могильника Парадизфестунг в Азербайджане (Nagel, Strommenger 1985, taf. 19, *6*) (рис. 4, *5*). В свое время М. Н. Погребова поддержала мысль одного из авторов статьи, что подобные псалии являются «гибридной формой, возникшей в результате присоединения новочеркасской лопасти к сиалковскому псалию (Погребова 2001, 324; 2011, 183). К такому варианту псалиев можно отнести псалии из двух комплектов (рис. 4, *3*, *4*).

Три других комплекта псалиев (рис. 5, *1–3*) мы можем отнести к типу «Уашхиту-Жаботин». Это — трехмуфтовые псалии с «новочеркасской» лопастью, которые позволяют их отнести к варианту «Уашхиту» (см. Эрлих 2007, 129–130). У одного комплекта имеется три рельефных валика на лопасти и круглая шляпка (рис. 5, *2*). Отметим, что рельефное украшение лопастей имелось и у псалиев из кургана 1 могильника Уашхиту (рис. 5, *5*). У второго комплекта псалиев этого варианта отсутствует плоская шляпка (№ 4855–4856), а имеется лишь незначительное утолщение (рис. 5, *1*).

Весьма необычен комплект, где псалий заканчивается с одной стороны муфтой (как вышеупомянутые псалии мугерганского варианта), а с другой — имитацией лопасти в виде загнутой петли (рис. 5, *3*). Однако его также можно рассматривать как луткунский вариант псалиев типа «Уашхиту-Жаботин».

Тем не менее, все эти варианты псалиев могли возникнуть только в результате синтеза трехдырчатой «сиалковской» схемы с классическими «новочеркасскими» «лопастными» псалиями. Весьма показательно, что такое их разнообразие могло появиться лишь собственно в переходный к раннескифскому, жаботинский период, к которому относится и курган 1 могильника Уашхиту-I.

Крупные фалары. Весьма интересны крупные однотипные фалары (диаметр ок. 10 см) с небольшой петлей на обороте (рис. 6, *1*). В кладе их не меньше трех. Они хранятся как в коллекции Ахтынского музея, так и в школьном музее. Фалары имеют геометрический литой зонный орнамент в виде кругов, вихревых розеток с кругами, штриховки и т. д. Несмотря на их уникальность, подобные фалары, очевидно, следует рассматривать в рамках закавказской или переднеазиатской традиции.

Крупные ажурные фалары происходят из Малого Мильского кургана. Близкие им аналогии обнаружены в Ульском кургане, исследователи приписывают им переднеазиатское или закавказское происхождение. Л. К. Галанина в своих работах сопоставляла уздечные наборы «золотой шестерки» с налобными пластинами и фаларами — группа I (Галанина 1997, 122–123) — с изображениями уздечки на ассирийских рельефах из Хорсабада и Ниневии.

Круглые бронзовые бляхи. Отметим также, что в кладе имеется большое количество конских выпуклых блях для ремней конского оголовья (рис. 6, *2–5*). Большинство их практически ничем не отличается от блях, характерных для северокавказской конской узды предскифского времени (см.Эрлих 2007, 131, рис. 195). В то же время весьма интересны и необычны луткунские бляхи, имеющие литой орнамент в виде бегущих спиралей (рис. 6, *2*, *4*, *5*). Аналогичный орнамент встречается на золотых накладных бляшках — фаларах из Келермесских курганов I группы уздечных комплектов по Л. К. Галаниной (Галанина 1997, 122) (рис. 6, *6*, *7*), а также на ряде золотых бляшек из Нартана, Красного Знамени и Новозаведенного (Маслов 2012, 210–212). Как считала Л. К. Галанина, данный орнамент в Келермесских курганах, наряду с художественной традицией новочеркасского периода, имеет закавказское либо переднеазиатское происхождение (Галанина 1997, 124).

Конусовидные бляхи. Весьма интересны конусовидные бляхи с петлей на обороте, которые также, скорее всего, служили для украшения конской уздечки (рис. 7, *1*). Отметим, что близкие умбоновидные бляхи встречались в первом и втором Мингечаурских курганах (Асланов, Ваидов, Ионе 1959, табл. XXI, *19–21*).

Кроме этого, умбоновидные бляхи близкой формы характерны для комплексов Бзыбской Абхазии (Кюр-Дере, Анухва) (Доманский 1979, рис. 13; Куфтин 1949, табл. XIV, *1*, *2*). Коническая бляха, встреченная в погребении 14 могильника Фарс, рассматривалась нами как импорт из района Бзыбской Абзазии (Эрлих 2007, 135).

Наконечники ремней.

Представлены два типа.

Тип 1. С закрытой с одной стороны цилиндрической обоймы с отверстием для шпенька — 2 экз. (рис. 7, *2*). Подобные изделия характерны для протомеотских и кобанских памятников, а также встречаются в Ананьинском могильнике (см. Эрлих 2007, 139, 140).

Тип 2. В виде трапециевидной обоймы с округлой петлёй. Таких наконечников здесь имеется не менее 5 экземпляров (4 экземпляра — Ахтынский музей и 1 — из Луткунской школы). Интересны наконечники, имеющие выступы у колец, которые, возможно, являлись дополнительным фиксатором ремня.

Наконечники ремней в виде обоймы с петлей, в основном, характерны для кобанских погребений, и встречаются в Заюковском I, Терезинском (гробница 3), Эчкивашском могильниках (Козенкова 1995, табл. XXVIII, *20*, *21*; XXIX, *16*, *13*). Известны они и в протомеотских памятниках — Ястребовский I курган, могильник Сукко, Краснодарский музей (Эрлих 2007, 140, рис. 203, *7–9*). За пределами Кавказа они встре-

чаются в курганах «киммерийского времени» — в Зольном и Квитках (Тереножкин 1976, 45, рис. 17, *12*; Ковпаненко, Гупало 1984, 46, рис. 6, *14*), а также в ананьинских памятниках: в старшем Ахмыловском и Пустоморквашинском могильниках (Патрушев, Халиков 1982, табл. 1, *14*; 25, *1л*; 37, *1б*; 42, *2а*; 48, *2а*; 66, *2б*; 73, *5в*; Патрушев, Халиков 1980, 167, рис. 1). Следует вспомнить, также интерпретацию О. Р. Дубовской наконечников ремней этого типа в качестве наверший нагаек (Дубовская 1997, 58–59, рис. 1, *3–7*), однако находка их в Терезинской гробнице 3 и в Эчкивашском могильнике в составе конской гарнитуры исключает подобную трактовку.

Застежка. Очевидно, с конским снаряжением следует связывать и бронзовую застежку (рис. 8, *2*). Она имеет расширяющиеся концы, такие как у колчанных застежек, однако вместо желобка-перехвата, у нее имеется отверстие в центре. Похожая бронзовая застежка происходит из Малого Мильского кургана; застежка такой же формы, но выполненная из кости, обнаружена в кургане у Сарычобана в Карабахе (Джафаров 1993, 197, рис. 5, *46*). Из гробницы 3 могильника Терезе происходит костяная застежка близкой формы, имеющая два отверстия (Козенкова 1995, табл. IV, *22*).

Колокольчик. О хронологии данного комплекса в какой-то степени свидетельствует и бронзовый колокольчик конической формы (рис. 8, *1*). Существует мнение, что в Предкавказье колокольчики являются инновацией уже скифской эпохи, и их появление тут связано напрямую с переднеазиатскими и закавказскими походами, поскольку в Ассирии и Урарту колокольчики начинают использоваться значительно ранее (Галанина 1997, 132; Иванчик 2001, 220, 221). Присутствие колокольчика в данном комплексе свидетельствует о его «гибридном» характере.

Распределитель ремней «сиалковского» типа. Пронизь-распределитель сиалковского типа хранится в составе клада в Ахтынском музее (№ 1459) (рис. 8, *2*). Этот тип пронизей встречен в Иране в п. 15 могильника Сиалк B (Ghirshman 1939, pl. LVI; Медведская 1983, 74, рис. 3, *22*)[2].

Серия пронизей этого типа была найдена в кургане у с. Сырычобан в Карабахе, одна из них особенно близка луткунской (Джафаров 1993, 168, рис. 6, *14*). Возможно, именно такая пронизь обнаружена в конском погребении 1974 г. Мугерганского могильника (рис. 4, *2*), однако качество рисунка не позволяет утверждать это с уверенностью (Котович, Давудов 1980, рис. 1, *14*).

На Северном Кавказе известны пронизи этого типа: случайная находка из района Кисловодска с несколько более массивной бляшкой (Козенкова 1995, 163, табл. XXVIII, *11*), а также пронизи из погребения 51 могильника Пшиш I (Сазонов 1995, 106, рис. 9, *3*; Эрлих 2007, рис. 202, *17*, *18*). Близкие пронизи встречены в черногоровском комплексе п.2, кургана 8 у с. Бирюково на Луганщине (Піоро 1991, 181–183; Лукьяшко 1999, 37, рис. 21). Характерны они и для Средней Европы (тип Füzeshabony по Я.Хохоровскому). Здесь известно до 10 пунктов, из которых происходят подобные бляхи пронизи (Chochorowski 1983, 101).

Заключение

Приведенные нами предметы вооружения и конского снаряжения из Луткунского клада позволяют обозначить хронологические границы данного комплекса и определить его верхнюю дату. Безусловно решающим аргументом здесь будут псалии типа «Уашхиту-Жаботин», которые позволяют синхронизировать время зарытия клада с жаботинским горизонтом предскифских древностей, датировав его в пределах конца VIII — первой четверти VII в. до н. э. Именно в этом временном интервале, в ассирийских текстах начинают упоминаться киммерийцы, а затем скифы.

Синтетический (гибридный) характер уздечных принадлежностей, в которых прослеживается и закавказское/малоазийское, и северокавказское/причерноморское влияние, на наш взгляд, является следствием военных контактов (походов) и взаимодействия двух всаднических культур. Местоположение памятника в контактной зоне, вблизи Дербентского прохода, через который шли набеги северокавказского воинства в

[2] В нашем понимании это — тип пронизи- распределителя ремня с округлой бляшкой, в независимости от того насколько выступают края бляшки над пронизью, прилита ли она к бляшке или отлита вместе с ней. В своей недавней работе, посвященной конскому убору древнего Ирана, И. Н. Медведская попыталась выделить две группы подобных пронизей. К первой группе, которую она посчитала собственно «сиалковским» типом, отнесены бляхи с выступающими над обоймам краями: «у них невысокие скобы были расположены сравнительно далеко от края щитка..., что представляло некоторое неудобство при продевании ремней [? — Р. М., В. Р.]. С учетом этого могли появиться обоймы, у которых более высокие столбики сдвигаются к краю щитка (группа II)» (Медведская 2013, 431). По мнению И. Н. Медведской, пронизи первой группы — «сиалковские» — встречаются только в Иране, Средней и Южной Европе. К северу от Кавказа и в Причерноморье обнаружены только пронизи группы II, они также встречаются и в Средней Европе (Медведская 2013, 433–434, рис. 10а).

Нам не кажется, что степень выступания бляшки над пронизью и высота самой пронизи имеет какое-то хронологическое значение. С другой стороны, невозможно по рисункам в публикациях, и даже при наличии описания определить отлита ли бляшка вместе с пронизью либо прилита (припаяна) к ней. Мы можем указать также на то, что «сиалковские» пронизи — как с сильно выступающими краями блях над пронизью, так и без выступания края — на Северном Кавказе доживают до скифского времени и встречаются в Ульских курганах первой половины VI в. до н. э. 2/1898; 1/1909 и 10/1982 г. (Ульские курганы 2015, кат. 19, табл. 3; кат. 94, 96, табл. 7; кат. 292, табл. 20).

Закавказье, способствовало проникновению этих влияний, как с севера, так и с юга.

Остальные многочисленные вещи клада, которые относятся, прежде всего, к украшениям и деталям костюма — браслеты, гривны, пояса, характеризуют местную материальную культуру и имеют близкие параллели с мугерганской, закавказской, восточно-кобанской (зандакской) культурами. Безусловно, Луткунский клад требует обстоятельного исследования и последующей полной публикации.

Литература

Абакаров А. И., Давудов О. М. Археологическая карта Дагестана. М., 1993.

Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И. Древний Мингечаур. Баку, 1969.

Вальчак С. Б. О некоторых цельнолитых уздечных комплектах предскифского времени на юге Восточной Европы // Граковские чтения на кафедре археологии МГУ, 1989–1990 гг. Материалы семинара по скифо-сарматской археологии. М., 1993.

Вальчак С. Б. Хронология и генезис мечей и кинжалов с рукоятями округлого сечения в предскифский период (VIII–VII вв. до н. э.) // Военная археология: Сборник материалов семинара при Государственном историческом музее. М., 2008.

Вальчак С. Б. Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н. э. на юге Восточной Европы. М., 2009.

Галанина Л. К. Келермесские курганы. М., 1997.

Давудов О. М. Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974.

Давудов О. М. Святилище у высокогорного селения Хосрех // Древние и средневековые поселения Дагестана / М.-З. О. Османов (ред.). Махачкала, 1983.

Давудов О. М. Могильники предскифского времени около сел. Башлыкент // XVII «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Майкоп, 1983

Джафаров Г. Ф. Курган эпохи бронзы вблизи Сарычобана // РА. 1993. № 4.

Доманский В. Я. Новый комплекс колхидской культуры из Абхазии // ТГЭ. Т. XX. 1979.

Дубовская О. Р. Плеть как возможный атрибут предскифских погребений // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. МИАР. Вып. 1. М., 1997.

Иванчик А. И. Киммерийцы и скифы. М., 2001.

Иессен А. А. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи // Труды Азербайджанской археологической экспедиции. Т. II. МИА. Вып.125. М.-Л., 1965.

Ковпаненко Г. Т., Гупало Н. Д. Погребение воина у с. Квитки на Поросье // Вооружение скифов и сарматов / Е. В.Черненко (ред.). Киев, 1984.

Козенкова В. И. Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант // САИ В2–5. М., 1995.

Котович В. Г., Давудов О. М. О периодизации и хронологии памятников поздней бронзы — раннего железа на Северо-Восточном Кавказе // СА. 1980. № 4.

Куфтин Б. А. Материалы к археологии Колхиды. I. Тбилиси, 1949.

Лукьяшко С. И. Предскифский период на Нижнем Дону. Азов, 1999.

Маслов В. Е. Золотые бляшки-аппликации из могильников скифской знати в Центральном Предкавказье //Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII «Крупновские чтения». Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 2015.

Медведская И. Н. Конский убор из могильника Сиалк B // IA. 1983. Vol. XVIII.

Медведская И. Н. Конский убор Древнего Ирана: вопросы хронологии, происхождения и развития // РАЕ. 2013. № 3.

Патрушев В. С. Халиков А. Х. Пустоморквашинский комплекс // АО–1979. М., 1980.

Патрушев В. С., Халиков А. Х. Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). М., 1982.

Пикуль М. И. Мугерганский могильник // Материалы по археологии Дагестана. Махачкала, 1973. Т. III.

Погребова М. Н. Закавказье и киммерийцы ассирийских текстов конца VIII в. до н. э. // Древнейшие цивилизации Евразии: история и культура / А. В. Седов (ред.). М., 2001.

Піоро І. С. Нові поховання кіммеріского часу на Луганщині // Поховальний обряд давнього населення Украіни / М. М. Бондарь (ред.). Киів, 1991.

Сазонов А. А. Ранняя группа конских захоронений протомеотского могильника Пшиш I // Археология Адыгеи / П. А. Дитлер (ред.). Майкоп, 1995.

Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976.

Шрамко Б. А. Из истории скифского вооружения // Вооружение скифов и сарматов / Е. В. Черненко (ред.). Киев, 1984.

Эрлих В. Р. Бронзовые уздечные наборы и проблема хронологии предскифского и раннескифского времени Закубанья // Древности Северного Кавказа и Причерноморья / А. П. Абрамов и др. (ред.). М., 1991.

Эрлих В. Р. У истоков раннескифского комплекса. М., 1994.

Эрлих В. Р. Северо-Западный Кавказ в начале раннего железного века. Протомеотская группа памятников. М., 2007.

Chochorowski J. Ekspansja kimmeryska na tereny Europy Srodkowej. Krakow, 1993.

Ghirshman R. Fouilles de Sialk près de Kashan 1933, 1934–1937. Paris, 1939.

Kemenczei T. Funde ostkarpatenländischen Typs im Karpatenbecken // PBF. Abt. XX. Bd. 10. Stuttgart, 2005.

Nagel W., Strommenger E. Kalakent. Früheisenzeitliche Grabfunde aus transkaukasischen Gebiet von Kirovabad/Jelisavetopol // BBV. Neue Folge. 4. 1985.

В. Е. Маслов

РАННЕСКИФСКАЯ ИСТОРИЯ И ГЕРОДОТ

Реалии раннескифской истории, очевидно, не соответствуют рассказу Геродота. Существует продолжительный кризис, связанный с невозможностью достоверной этнической и событийной интерпретации конкретных археологических данных. Необходимо накопление новых данных для последующих попыток подобной интерпретации.

The reality of Early Scythian history obviously does not correspond to Herodotus' account. There is a long research crisis caused by the impossibility of an adequate ethnic and event-centred interpretation of the archaeological record. The accumulation of the new data is a necessary prerequisite for future interpretations.

Общеизвестно, что круг письменных источников, описывающих историю, легенды и обычаи скифских племен, весьма ограничен. Любой ученый, который занимается скифской археологией, так или иначе вынужден обращаться к главам «Истории» Геродота, которые давно превратилась в своеобразную Библию скифской археологии, цитатник, не пользоваться которым — признак дурного тона.

Не секрет, что подавляющее большинство археологов не владеет древними языками. Поэтому вполне закономерно, что основная интерпретация греческих текстов является прерогативой узкого круга историков-филологов. Кроме того, любой источник имеет свои познавательные границы, за которые невозможно выйти. Ссылки же на текст Геродота приводятся очень свободно, зачастую без оглядки на хронологию самого труда, по любому возможному поводу. Можно привести тому множество примеров. Например, в ходе доследования насыпи одного из трех наибольших царских курганов — Чертомлыкского, который был сооружен примерно через сто лет после смерти «отца истории», у крепиды были найдены обломки человеческих костей. Для них была предложена интерпретация согласно Геродоту: как остатков «почетной стражи» из удавленных юношей, прикрепленных к чучелам лучших коней, установленных вокруг кургана (Алексеев и др. 1991, 53, 54). Недавние исследования остатков тризны близ царского Александропольского кургана показала, что реальные детали её проведения, вероятно, были совершенно иными, нежели это описано у историка. В частности, на основании полевых наблюдений было высказано предположение, что люди, похороненные в сопровождающих жертвенных погребениях тризны, были убиты выстрелами из луков (Полин 2010, 269, 270).

Очевидно, что археологи должны исследовать достоверные материальные следы разнообразных событий, с которыми они обычно сталкиваются, которые не описаны никакими историческими источниками и вовсе не обязательно должны им соответствовать. С этой точки зрения представляется необходимой попытка разобраться в том, как же соотносятся существующие исторические стереотипы и те реалии, которые удалось зафиксировать к настоящему времени.

Памятники эпохи скифской архаики на территории Северного Кавказа давно находятся в центре внимания скифологов. Разумеется, и они многократно были использованы для того, чтобы, так или иначе, проиллюстрировать текст Геродота. Однако такие попытки не только не вносят никакой ясности, а скорее умножают противоречия. Так, в южной гробнице кургана 1 Краснознаменского могильника Г. Н. Курочкин видел возможную гробницу Партатуа, а В. Г. Петренко скорее гробницу Мадия (Петренко, 2006, 60, 61), с которым раннее уже связывали «клад» из Зивие (Алексеев 1994, 12).

Т. М. Кузнецова, скрупулезно штудируя Геродота, вообще полагает, что Краснознаменский могильник не может быть скифским памятником, потому, что он должен принадлежать оседлому населению, а в рассказах Геродота скифы описаны как представители особого кочевого мира. К тому же, исследователь справедливо отмечает, для времени правления Ашшурбанипала, к которому может относиться южная гробница, нет

никаких сведений о пребывании скифов на Северном Кавказе. Поэтому она считает этот памятник киммерийским (Кузнецова 2012, 201–203).

Проблема материального отражения взаимоотношений скифов и киммерийцев остается для раннескифской археологии одной из центральных. Никакого прогресса здесь не наблюдается, да, очевидно, и не может наблюдаться. Слишком мал объем письменных источников, так или иначе касающихся киммерийцев, даже принадлежность которых к иранским племенам остается под вопросом (Иванчик 1996, 162, 163), так же как локализация первоначальной территории их обитания (Дьяконов 1994, 109; Иванчик 2011, 68). Поэтому следует согласиться с А. И. Иванчиком, констатировавшим, что сложившееся с момента выхода монографии А. И. Тереножкина традиционное понимание предскифских черногоровско-новочеркасских древностей как «киммерийской культуры» ныне вызывает большие сомнения (Иванчик 2011, 67, 68). Однако наличие новочеркасского культурного субстрата в древностях келермесского горизонта, которые имеют гораздо более серьезные основания для того, чтобы быть связанными с историческими скифами, отмечают все исследователи, хотя рассматривают этот субстрат очень по-разному.

Основная часть новочеркасских древностей найдена в памятниках автохтонных культур Северного Кавказа. Многочисленные погребения воинов-всадников со сравнительно богатым инвентарем сосредоточены в предгорной полосе. И хотя значительный пласт разнообразных находок, включая оленные камни, подтверждает тесные и продолжительные контакты населения предгорий и пришлого степного населения, уверенно выделить захоронения пришельцев из значительного массива кобанских и протомеотских погребений до начала раннескифского периода, примерно в второй четверти — середине VII в. до н. э., когда появляются курганные могильники дружинной знати, пока почти не удается.

Исключения на Северном Кавказе единичны — курганные могильники с погребениями с колесничными упряжками: Уашхиту I (Эрлих 1994, 18–25, табл.2; 3; 2009, рис. 79–83, цветн. вкладка рис. 8; 9) и Дыш IV на Кубани (Гей, Андреева 2015, рис. 38). Причем в кургане 1 могильника Дыш за основным новочеркасским комплексом следует погребение, которое относится уже к непосредственно «раннескифским», демонстрирующее, что смена культурных горизонтов была очень быстрой и не заняла большого хронологического промежутка. Эти комплексы, которые при сходном новочеркасском наборе вещей демонстрируют совершенно новые традиции погребальной обрядности, продолжение которых можно видеть в памятниках келермесского горизонта в Центральном Предкавказье: Краснознаменском и Новозаведенских могильниках (Маслов 2011).

Т. М. Кузнецова высказала предположение, что носители кобанской культуры и были историческими киммерийцами, отметив, что достоверных данных о какой-либо хозяйственной деятельности киммерийцев попросту нет, и они не являлись кочевниками (Кузнецова 2007, 210–212). Действительно, Библия и ассировавилонские источники содержат некоторые данные о политической истории кочевников этого времени, но почти никаких этнографических сведений. Заключение А. И. Иванчика, что культурный облик киммерийцев — «конных стрелков из лука», которые якобы вели кочевой образ жизни, целиком основан на более поздней вавилонской традиции использовании этого этнического названия (Дьяконов 1994, 111; Иванчик 2011, 68).

С. Б. Вальчак полагает, что собственно киммерийскими можно считать только памятники финального приедскифского времени — «классического новочеркасского типа», а киммерийцы являлись объединением «значительного числа народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа» (Вальчак 2009, 94).

Ещё более экзотическая версия в том же русле недавно выдвинута А. А. Сазоновым, предложивших рассматривать предскифское население Закубанья как киммеро-меотов: оседлых бондов, коневодов, которые подобно викингам совершали далекие походы в Закавказье и Центральную Европу (Сазонов 2014, 193–196).

Напротив, А. И. Иванчик, проанализировавший практически все доступные тексты, связанные с киммерийцами, полагает, что «аргументы, приводившиеся в пользу участия новочеркасцев в переднеазиатских походах, не выдерживают критики» (Иванчик 2001, 282, 283). Однако следует учитывать, что контакты кобано-колхидских племен с Урарту достоверно прослеживаются на материалах различных могильников. Так в Тлийском могильнике найдены урартские бронзовые пояса, ассиро-урартское железное клинковое оружие и кобанские бронзовые подражания ему (Погребова 1984, 48–59, табл. I; Техов 1981, рис.57, *8*; 78, *8*, *9*; 94; 127; Техов 2002, табл. 85, *5*; 100, *8*). Из колхидских могильников, где уже встречается оружие скифского типа, происходят коленчатые железные урартского боевые ножи, урартская фибула (Папуашвили 2011, 83, табл. III, *23*, *24*).

Близ Кисловодска в могильнике Индустрия-1 в конском погребении найдены уникальные костяные бляхи с восьмилучевыми звездами, имеющими близкие параллели на ассирийских стелах, где они является астральным символом божества — богини Иштар (Белинский, Дударев 2007, рис.9, *1–3;* Read 1983, ill. 42; 62).

Вопреки мнению А. И. Иванчика, крайне немногочисленные фрагменты чешуйчатых наборных панцирей, найденные в различных кобанских могильниках предскифского времени, не имеют никаких местных прототипов на Северном Кавказе и, очевидно, являются не результатом «торговых связей», а трофеями, полученными в ходе дальних военных экспедиций в Закавказье (пока ни в одном случае не был найден целый доспех) и в этом отношении (редкий случай!), пожалуй, все археологи относительно единодушны (Иванчик 2001, 257–261; Рябкова 2010, 89–91; Козенкова 2013, 118, 119).

Среди находок в горах Кавказа есть предметы, так или иначе связанные с и функционированием городских центров и царской администрацией.

В 1882 г. экспедицией П. С. Уваровой при раскопках в Камунте в Дигории была найдена цилиндрическая печать «ассирийского типа» (Уварова 1900, 324, табл. CXXVII, *47*; Козенкова 2013, 34, 35, рис.16, *1*, *2*). А из Верхней Рутхи происходит шлем с надписью царя Аргишти I (Иванчик 2001, 240–242, табл. 116). Этот предмет, имевший вотивный контекст, определенно не мог быть предметом торговли с отдаленными дикими горными племенами, и, вероятно, быть захвачен в одной из урартских крепостей.

Тем не менее, все вышеперечисленные находки не дают однозначного ответа на вопрос, связаны ли носители свиты кобано-колхидских культур с историческими киммерийцами и/или имели ли они с ними какие-либо контакты. Однако важно, что существует не одномоментная, а эпохальная связь целого горизонта материалов Тлийского могильника с Урарту, которая, очевидно не выходит за рамки всего VIII в. до н. э. Эти материалы непосредственно предшествуют появлению скифских древностей в этом памятнике.

В финальный предскифский период на Северном Кавказе происходит своеобразная унификация конского снаряжения, в ходе которой формируются так называемые классические новочеркасские древности. Распространение этого комплекса за пределами Северного Кавказа имеет хорошо заметный кавказский «шлейф». Появление принципиально новых форм вооружения и конского снаряжения «раннескифских» (жаботинских типов) фиксируется именно в тех районах, где наблюдается наибольшее скопление новочеркасских памятников (Вальчак 2009, 92–94).

Вместе с носителями новочеркасской культуры в Среднее Поволжье попадает урартский пояс, круга поясов из Тлийского могильника, фрагменты которого использованы в головном украшении погребения 800 Старшего Ахмыловского могильника (Членова 1988, 3, 5, рис.1, *III*). Этот факт косвенно подтверждает, что новочеркасские древности кисловодской котловины, которые А. И. Иванчик настойчиво погружает в IX в. до н. э., нельзя датировать ранее VIII в. до н. э.

В немногих погребениях «вождеского» типа финального новочеркасского горизонта появляются золотые предметы, чрезвычайно редкие среди предскифских древностей. Для находок из кургана 1 могильника Уашхиту имеются переднеазиатские параллели (Эрлих 1994, 82, табл. 22), а для гривен из кургана Ольшаны в Приднепровье есть аналогии из Венгрии (Скорый 1999, с.41). Широкого распространения золота не наблюдалось на Северном Кавказе с эпохи ранней бронзы; вновь золотые различные предметы получают распространение в древностях келермесского горизонта, в эпоху переднеазиатских походов скифской истории.

С. Б. Вальчак, очевидно, прав, когда констатирует, что финальная предскифская культура, как и «раннескифская» — культуры дружинные, не имеющие ничего общего с классическим номадизмом (Вальчак 2009, 94). Между тем представление о скифах, как номадах, восходящее, прежде всего, к Геродоту, стало устойчивым стереотипом. Исследователи десятилетиями непринужденно рассуждают о кочевых ордах скифов. Прежде чем попытаться ответить на вопрос правомерны ли такие суждения, остановимся на том, к кому же они могут относиться, поскольку в свете многочисленных разногласий неясно, с кого времени и какие памятники можно именовать скифскими. Как мы уже видели выше, древности келермесского горизонта не являются исключением. Даже сами эпонимные Келермесские курганы (нечего и говорить про сопровождающий их грунтовый могильник) объявлялись, то скифскими, то меотскими, то киммерийскими (Кузнецова, 2015, с.99).

Из-за неизбежного отсутствия четких критериев этничности в археологи, принадлежность любого памятника келермесского горизонта может быть оспорена и часто оспаривается. Так, например, Т. М. Кузнецова упрекает меня в попытке «принудительно связать с раннескифской культурой курганы Краснознаменского могильника» (Кузнецова 2015, 116), который В. Г. Петренко считает скифскими, а А. И. Иванчик — киммерийским (Петренко, 2006, 118–120).

В итоге, исследователи создают списки памятников, принадлежавших ранним скифам, и ссылаются на них сообразно своим представлениям. Совсем недавно ещё один такой список предложил С. В. Кулланда (Кулланда 2016, 147–154). В качестве критерия отбора был предложен принцип наличия в погребениях ближневосточного импорта, однако этот принцип не столь уж строго выдержан, а иногда комплексы являются лишь находками отдельных импортных вещей из разрушенных погребений. Более того, интерпретация этих импортов у разных исследователей не схожа (Алексеев 2003, 109).

В определенной мере, концепция, согласно которой отличить раннескифские и киммерийские древности невозможно, противоречит данным ассирийских письменных источников, где скифов и киммерийцев никогда не смешивают. Очевидно, появление этой концепции является результатом тупиковой ситуации в попытках соотнести археологические реалии и исторические построения (Алексеев 2003, 111).

В итоге А.И. Иванчик, считая, что киммерийцы, которые достоверно совершали набеги на государства Передней и Малой Азии в конце VIII — третьей четверти VII в. до н.э., с археологической точки зрения являлись носителями раннескифской культуры, практически не разделяет «раннескифский» и «келермесский» культурные горизонты, которые в северокавказских древностях отнюдь не идентичны, хотя и взаимосвязаны (Иванчик 2011, 67, 68). В развитие этого сюжета Д.С. Гречко вообще не признает существования скифских памятников к северу от Кавказа ранее середины VI в. до н.э. (Гречко 2012, 256).

И все же для ключевых памятников келермесского горизонта есть определенные основания, для того, чтобы считаться «скифскими» (пусть и с необходимой долей условности). Древности этого горизонта чрезвычайно быстро распространяются очагами от Северного Кавказа до Карпат. При этом на этом огромном пространстве материальная культура демонстрирует гораздо большее единство, нежели это можно проследить на любом более позднем хронологическом отрезке. Большая часть этой территории никогда и никем (даже в мифологическом контексте) не связывалась с киммерийцами.

Келермесский горизонт древностей характеризуется не только наличием памятников с передневосточными импортами, но и внезапным появлением в разных местах, не позднее третьей четверти VII в. до н.э., греческих импортов, в основном, ионийского происхождения. Похоже, что греки были в курсе новых масштабных событий. Более того, вполне возможно, что эти события стали одной из отправных точек греческой колонизации Северного Причерноморья. Характерно, что находки самых ранних — доколонизационных серий греческой керамики, определенно тяготеют к варварским центрам власти, далеко удаленных от морского побережья: Немировскому и Бельскому городищам (Вахтина, Кашуба 2015, 39, 40, рис.3; Задников, Шрамко 2009, 473–477). Недавнее открытие в Закубанье первого поселения с античными импортами последней четверти VII в. до н.э. близ знаменитого 1-го Разменного кургана, в котором, несомненно, был похоронен военный вождь высокого ранга, показывает, что этот процесс не был ограничен территорией украинской лесостепи (Рябкова 2015, 368–370, илл. 7).

Самой восточной находкой ранних греческих импортов являются фрагменты милетской тарелки и североионийской ойнохои из кургана 16 элитарного могильника Новозаведенное-II в Центральном Предкавказье (Маслов, 2010). Датировка изготовления этих сосудов, возможно, может быть несколько углублена и может относиться к последней четверти VII в. до н.э.

Бельское городище, как политический и торговый центр продолжает существовать вплоть до исчезновения Великой Скифии. Как это выяснилось совсем недавно, вплоть до IV в. до н.э. продолжают существовать и функционировать могильники племенной знати у с. Новозаведенное. К этому времени уже нет упоминаний о киммерийцах, как о существующем народе.

Следует обратить внимание на то, что нынешняя датировка разрушения Тейшебаини, которая относится ко времени около середины VII в. до н.э. (Иванчик 2011, 71), также неплохо совмещается со временем появления ассиро-урартских древностей в Келермесском могильнике и на Северном Кавказе в целом. Несмотря на то что, существуют разнообразные версии событий, связанных с разрушением урартских крепостей, предположение о вероятном участии скифов в этих событиях остается актуальным.

Необходимо напомнить, что первоначально Келермесский могильник был датирован Л.К. Галаниной и А.Ю. Алексеевым в пределах середины — второй половины VII в. до н.э. (Алексеев 2003, 102, 103, 109). Серьезных оснований для искусственного разделения его на две хронологические группы на «до- и послепоходную», разрыв между которыми составлял бы около полувека, по-прежнему нет, как в материалах самого памятника, так и в письменных источниках. В могильнике не было найдено античной керамики, но композиция на знаменитом келермесском зеркале, возможно изготовленном в Лидии, обнаруживает несомненные параллели с ионийской вазописью, что неоднократно отмечали исследователи. Благодаря этим параллелям время его изготовления можно отнести к третьей четверти VII в. до н.э.

Древности келермесского горизонта характеризуются использованием чешуйчатых доспехов и большими наборами трехлопастных и трехгранных наконечников стрел. Последние, очевидно, выполняли функции бронебойного оружия, которое было в состоянии раскалывать панцирные пластинки. Весьма вероятно, что новый стрелковый набор сформировался в ходе военных компаний на Ближнем Востоке (Канторович и др. 2015, 77).

В этот период на всей территории будущего скифского мира получают распространение основные образы «звериного стиля», которые в ряде случаев были найдены вместе с античными сосудами третьей — четвертой четверти VII в. до н.э. Некоторые из

этих образов, имеют восточные истоки происхождения, а другие — переднеазиатские и ионийские (Канторович и др. 2015, 78–81). Важно, что многие образы знакового искусства, появившиеся в этот период, переживают келермесскую эпоху и продолжают эволюционировать уже в рамках следующего, «классического» горизонта скифских древностей, что свидетельствует о несомненной преемственности в идеологической сфере и духовных связях с населением, часть которого достоверно является скифами.

В эпоху возвращения из переднеазиатских походов новые группы населения появляются на огромной территории, заселенной разноэтничными племенами с различными хозяйственными укладами. Очевидно, что модели взаимодействия пришельцев с местным населением не были одинаковыми. Но важно, что при этом материальная культура везде претерпевает значительные, хорошо заметные изменения. Очевидно, повсеместно новая элита организовывала производство и распределение новых вещей согласно собственным потребностям и вкусам. С появлением на черноморском побережье первых эмпориев, а затем колоний, должна была появиться новая сеть путей обмена.

Несомненно, что мобильные военные отряды в этот период были конными, но доказывает ли это, что скифы (или население, которое принято ими именовать) были кочевниками? Уже давно замечено, что «скифские» погребальные памятники эпохи архаики в степной зоне крайне немногочисленны. В основном они концентрируются в лесостепи, насыщенной оседлыми поселениями, которая в исторически обозримое время никогда не была зоной кочевого скотоводства.

Попытаемся подробнее рассмотреть «скифские» памятники эпохи архаики на Северном Кавказе в Центральном Предкавказье, занимающем обширную территорию, на которой расположены Ставропольская возвышенность и горы-локаллиты Минералводской группы. Внутри этой области выделяется целый ряд различных ландшафтных зон, природные характеристики которых весьма различны (Гвоздецкий 1954, 9, 90, 124).

На Ставропольских высотах, разделенных широкими балками и долинами многочисленных рек на столообразные горы занятые лесостепью, открыты Ставропольские курганы 1924 и 1984 гг., Мамайские курганы и т. д. Причем в отдельных случаях отмечается непосредственная близость скифских курганов и синхронных им поселений (Охонько 1988, 252).

В центральном Ставрополье близ р.Калауса и Прикалаусских высот в верховьях р. Томузловки расположен знаменитый Краснознаменский могильник, наиболее крупный курган которого интерпретируется как "царский", близ которого известны синхронные поселения (Охонько 1988, 251; Козенкова 1989, 49).

Недалеко от слияния рек Золки и Кумы и близ слияния Подкумка и Кумы на высокой террасе ее левого берега, находятся Новозаведеннские могильники. Остатки густых дубовых пойменных лесов сохранились здесь по сию пору. По свидетельству земских источников, ещё в прошлом веке леса здесь были значительно более обширными. В непосредственной близости от курганных могильников, по данным археологических разведок и моим собственным полевым наблюдениям, также имеется серия синхронных поселений и грунтовые могильники (Козенкова 1989, 47, 48).

Всего в нескольких километрах от лесистых гор Среднего хребта в Кабардино-Балкарии находится Нартанский могильник.

Хотя в меридиональном направлении эти памятники вытянуты вдоль пояса разнотравных ковыльных и злаковых степей (Савельева, Магомедов 1987, рис.23), наиболее богатые курганные могильники тяготеют к долинам рек и возвышенностям с очагами лесостепного ландшафта, которые были хорошо освоены автохтонным населением, что подтверждают многочисленные данные (Махортых 1991, 17, 18). Практически близ любой раннескифской курганной группы в Центральном Предкавказье можно найти следы синхронных поселений.

Н. А. Охонько отметил определенную закономерность в размещении скифских памятников по оси Ставрополь — с.Александровское — р. Кума, которая практически совпадает с Азово-Черноморской линией первых русских крепостей, основанных при покорении Кавказа (Охонько 1988, 252). Знакомство с текстом доклада 1777 г. светлейшего князя Г. Потемкина «Об учреждении линии от Моздока до Азова» позволяет проиллюстрировать этот тезис. О р. Куме сказано, что она «есть лучшая река на всей Ногайской степи. Она имеет от самого Подкумка почти до Маджар великие леса и заключает все выгоды, которые только желать можно. Калмыки обыкновенно зимой по ней кочуют». А о р. Томузловке в ее верховьях, что она «имеет хорошую и здоровую воду, а по вершине оной имеются темные и множеством зверей наполненные леса». Район г. Ставрополя обозначен как «Черный лес» (Гниловский 1974, 127–130).

Однако почти не исследованной остается предгорная зона — Кабардинская и Осетинская равнины, где в средневековое время концентрировалась основная масса населения и находились важные политические центры. Можно полагать, что точно также дело обстояло и в раннескифский период. М. П. Абрамова, указывая на концентрацию скифских материалов на территории нынешней Кабардино-Балкарии, объясняет это ориентированностью воинственных кочевников на горные перевалы Центрального Кавказа (прежде всего,

Дарьяльский), служившие дорогой в богатое Закавказье (Батчаев 1985, 54; Абрамова 1992, 22, 23). Однако, очевидно, дело не только в этом. Эта благоприятная для различных видов хозяйствования зона обеспечивала политическое доминирование, поскольку туда выходили все дороги из горных ущелий (Алексеева 1971, 221). В позднем средневековье её занимают адыгейские племена, лидерство которых среди горного населения сохраняется вплоть до начала русской колонизации.

Следует отметить, что использование различных природных зон в различные периоды могло меняться, но только глубинные степные районы на протяжении длительного времени были связаны с классическим номадизмом.

Для горной зоны Центрального Кавказа первые данные о земледелии относятся уже к эпохе ранней бронзы (Лебедева 2015, 68–77). Многолетние исследования Кисловодской котловины позволили придти к заключению, что земледелие доминировало в хозяйственном укладе кобанского населения в предскифский и раннескифский период, когда велось активное строительство посевных террас, которые обрабатывались при помощи мотыг (Борисов, Коробов 2013, 183–191).

Находки кладов сырья для литейного производства, концентрация в бассейне р. Баксан находок вотивных кинжаловидных привесок, в которых В. М. Батчаев видит примитивную форму денег, позволяет предполагать, что производственная база кобанской культуры, а затем и раннескифской культуры, связанная с выплавкой цветных металлов, также находилась в предгорьях (Крупнов 1960, 320; Батчаев 1980, 16, 17; 1985, 10–12; Козенкова 2013, 68, 69, рис. 33).

Ранние поселения в очагах лесостепи остаются неисследованными. Однако косвенные данные о земледелии в этих районах имеются. В составе керамического теста керамики из курганов 1 и 9 Краснознаменского могильника ст. н. с. сотрудником ИА РАН к. б. н. Е. Ю. Лебедевой обнаружены отпечатки зерен пленчатого ячменя и проса, а во фрагментах керамики из Новозаведенского-II могильника — обугленные зерна многорядного пленчатого ячменя Hordeum vulgare, отпечатки зерен проса и культурных злаков. На фрагменте кружки, найденной на укрепленном поселении близ северной окраины г. Новопавловск был обнаружен отпечаток зерна мягкой пшеницы — Triticum aestivum. На территории с. Новозаведенное в обрыве береговых террас, в конце 90-х гг. минувшего века, я наблюдал доверху заполненную зерновую яму, относящиеся к поселению, которое по подъемной керамике и бусам (Рябкова 2010-а) датируется VII–V вв. до н. э.

Таким образом, курганы со «скифскими» захоронениями находились в непосредственной близости от земледельческих поселений, а иногда, очевидно, даже в зоне хозяйственной деятельности кобанского населения. Нельзя исключать того, что это население при необходимости мобилизовывалось для строительства курганов.

Почти все курганы, содержавшие захоронения, которые так или иначе связывают со скифами, являются захоронениями дружинной знати и членами их семей. Об этом красноречиво свидетельствует и объем трудозатрат на возведение насыпей курганов, многочисленные предметы вооружения и отдельные золотые предметы, сохраняющиеся после ограблений. Сами древние ограбления практически обязательны для «скифских» курганов, что косвенно свидетельствует не только о богатстве захоронений, но и о неприязни, если не ненависти, которую вызывала иноэтничная элита. Очевидно, немногочисленные «скифские» памятники необходимо рассматривать с учетом всего массива окружающих их разнообразных кобанских древностей. Автор многочисленных работ, посвященных вариантам кобанской культурной общности, а по сути, свите взаимосвязанных культур, В. И. Козенкова, призывает не преувеличивать роль скифской экспансии (Козенкова 1989, 17). По её мнению в разные периоды сосуществования скифских и кобанских племен модель их взаимоотношений можно было охарактеризовать как подобие «вооруженного нейтралитета», никогда не подразумевавшего полного подчинения (Козенкова 1996, 143, 144).

Полагаю, что ни о каком «нейтралитете» не может быть и речи. Предельно милитаризированная «скифская» элита активно эксплуатировала местное население, обложив его данью. Почти вся керамика из гробниц скифской знати является продукцией, произведенной на территории кобанских поселений, нередки и находки бронзовых кобанских вещей. Более того, в скифский период формируется новый набор форм керамической посуды, появление которого нельзя признать только результатом простой эволюции (Маслов 2015). Керамика новых форм имеет значительно более широкий ареал распространения, чем границы существовавших ранее культурных вариантов и, вероятно, сопровождается процессами перемещения этнографически различных групп населения на территории Центрального Предкавказья. Нельзя исключать того, что «скифские» вожди, контролировавшие определенные территории, так или иначе, участвовали в организации производства и распределения различных категорий предметов. Наблюдается вероятная взаимосвязь между возможным возникновением новых социальных структур, связанных с институтом данничества, и быстрым формированием нового набора вещей, связанных с распространением «аристократической» моды.

Но нужно отметить, что если могилы «скифской» знати нам хорошо известны, то захоронений, которые можно было бы отнести к рядовым «скифам», прак-

тически нет. Они в небольшом количестве встречаются на Нижнем Дону и памятниках степного Прикубанья (Максименко 1983, 25–27; Шевченко 2014, 264–266).

В архаический период скифской истории в Центральном Предкавказье появляются захоронения, культурную принадлежность которых определить затруднительно, если вообще возможно. В качестве примера, можно привести курган 1 Моздокского могильника (Пиотровский 1940, 11–13, рис. 3; 4), где в погребении с конем, относящимся, судя по бусам (Рябкова 2010-а, 181), к раннему келермесскому горизонту, был расчищен сильно скорченный скелет с южной ориентировкой. Подкурганное захоронение с конем, ориентировка погребения соотносится со скифскими традициями, а относительно бедный инвентарь и скорченное положение скелета — соответствуют скорее кобанским. При этом обрядово близкие захоронения с лошадьми и даже предметами, выполненными в скифском «зверином стиле», появляются и в грунтовых могильниках, которые принято считать кобанскими (Абрамова 1974, 202, рис.2).

Подводя итоги, отмечу, что предполагаемые «скифские» племена в эпоху «завоевания Родины» вряд ли были многочисленными. Подчинив огромную территорию, они оказались в разных культурно-хозяйственных зонах и управляли разноэтничным и разнокультурным населением. Их главной заботой, вероятно, было обеспечение сбора дани и контроль над торговыми путями. На этом фоне могли использоваться различные модели скотоводства, включая кочевую, которая едва ли преобладала. В разных районах формирующегося «Скифского мира» на местной основе могли возникать различные экономические модели. В позднем средневековье адыги, переселившиеся на территорию Кабарды, широко практиковали отгонное скотоводство, в том числе и коневодство (Алексеева 1971, 230, 231). Нельзя исключать, что подобная практика выпаса скота использовалась на этой территории и в раннескифский период.

Совершенно очевидно, что реалии раннескифской эпохи были гораздо разнообразней повествования Геродота и не вписываются в рамки его рассказа. Поэтому замечание И. М. Дьяконова о том, что попытки реконструировать историю Египта по труду Геродота были оставлены «более 100 лет назад», весьма актуально для скифской археологии (Дьяконов 1994, 116). Рискуя вызвать праведный гнев коллег, я предлагаю, по крайней мере на время, отказаться от насильственной интерпретации архаических «скифских» древностей по Геродоту, оставив её историкам, некоторые предположения которых порою выглядят как красивые сказки «Тысячи и одной ночи». Археологам же необходимо обратится к изучению и систематизации материальной культуры этой эпохи, где поле для исследований местами напоминает целину.

Литература

Абрамова М. П. Погребения скифского времени Центрального Предкавказья // СА. 2. 1974.

Абрамова М. П. Некоторые особенности взаимоотношений ираноязычных кочевников и оседлых племен Предкавказья // СА. 1992. № 2.

Алексеев А. Ю. Большие «царские» курганы V–IV вв. до н. э. в европейской скифии: хронология и толкования // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху. СПб., 1994.

Алексеев А.Ю Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб., 2003.

Алексеев А. Ю., Мурзин В. Ю., Ролле Р., Чертомлык: Скифский царский курган IV в. до н. э. Киев, 1991.

Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М., 1971.

Андреева М. В., Гей А. Н. Дыш IV — новый культово-погребальный памятник раннего железного века в Предкавказье // АО — 2010–2013 гг. М., 2015.

Батчаев В. М. Кобанские кинжаловидные привески // Тезисы докладов X Крупновских чтений по археологии Северного Кавказа. М., 1980.

Батчаев В. М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2. Нальчик, 1985.

Белинский А. Б., Дударев С. Л. К датировке комплексов позднейшего предскифского времени Северного Кавказа и Восточной Европы // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VII. М., 2007.

Борисов А. В., Коробов Д. С. Древнее и средневековое земледелие в Кисловодской котловине: итоги почвенно-археологических исследований. М., 2013.

Вальчак С. Б. Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н. э. на юге Восточной Европы. М., 2009.

Гвоздецкий Н.А Физическая география (курс лекций). Вып.1. М., 1954.

Гниловский В. Г. Первые карты Азово-Моздокской линии // Северный Кавказ (физическая и историческая география). Ставропольский госпединститут. Вып. 3. Ставрополь, 1974.

Гречко Д С. К вопросу о смене культур кочевников на юге Восточной Европы в VI в. до н. э. // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: материалы международной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения М. П. Грязнова. Кн. 2 / В. А. Алёкшин (ред.). СПб., 2012.

Дьяконов И. М. Киммерийцы и скифы на Древнем Востоке // РА. 1994. № 1.

Задников С. А., Шрамко И. Б. К вопросу о первых контактах населения Бельского городища с античным миром // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира: материалы научной конференции. СПб., 2009.

Иванчик А. И. Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII вв. до н. э. М., 1996.

Иванчик А. И. Киммерийцы и скифы. М., 2001.

Иванчик А. И. Еще раз к дискуссии о киммерийцах и хронологии раннескифской культуры // Terra Scythica. Новосибирск, 2011.

Канторович А. Р., Маслов В. Е., Эрлих В. Р. Спорные вопросы хронологии Архаической Скифии // Вестник РГНФ. 2015. № 1.

Кашуба М. Т., Вахтина М. Ю. Новые аспекты в изучении материалов раннего железного века из старых раскопок Немировского городища // Ранний железный век Евразии от архаики до рубежа эр. Центры периферия и модели культурных взаимодействий. Материалы научной конференции «Археологические источники и культурогенез». СПб., 2015.

Кузнецова Т. М. Были ли киммерийцы кочевниками? // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. М., 2007.

Кузнецова Т. М. К вопросу о хронологии и атрибуции Краснознаменского могильника // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации: XVII Крупновские чтения. Махачкала, 2012.

Кузнецова Т. М. Хронология Келермесского могильника и скифские заимствования // АСГЭ. 2015. № 40.

Козенкова В. И. Кобанская культура. Западный вариант // САИ. В2–5. 1989.

Козенкова В. И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху бронзы и в раннем железном веке. М., 1996.

Козенкова В. И. Кобанская культура и окружающий мир. М., 2013.

Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

Кулланда С. В. Скифы: язык и этногенез. М, 2016.

Лебедева Е. Ю. О горном земледелии в Осетии в эпоху бронзы (археоботанические исследования поселения Чигдом) // Материалы охранных археологических исследований: города, поселения, могильники. Т.17. Чебоксары, 2015.

Максименко В. Е. Савроматы и сарматы на нижнем Дону. Ростов-на-Дону, 1983.

Маслов В. Е. Фрагменты ионийских сосудов из кургана № 16 могильника Новозаведенное-II // Археология и палеоантропология Евразийских степей и сопредельных территорий. МИАР. Вып.13. М.: 2010.

Маслов В. Е. К вопросу о происхождении курганов с «шатровым» перекрытием на Северном Кавказе // Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии: материалы Круглого стола. Санкт-Петербург, 23–24 июня 2011 года. СПб., 2011.

Маслов В. Е. Керамика Центрального Предкавказья в раннескифское время // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии. Международный симпозиум (29–31 октября 2013 г.) М., 2015.

Махортых С. В. Скифы на Северном Кавказе. Киев, 1991.

Охонько Н. А. Археологические памятники Ставропольской возвышенности и вопросы заселения Центрального Предкавказья в древности и средневековье // Материалы и исследования Ставропольского краевого музея. Ставрополь, 1988. Вып.15–16.

Папуашвили Р. К вопросу об асолютной хронологии могильников Колхиды эпохи поздней бронзы — раннего железа // Вопросы древней и срдневековой археологии Кавказа. М. — Грозный, 2011.

Петренко В. Г. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. М., Берлин, Бордо, 2006.

Пиотровский Б. Б. Отчет о раскопках Государственного Эрмитажа в Моздоке в 1933 г. // Моздокский могильник: Археологические экспедиции ГЭ. Т. 1. Л., 1940.

Погребова М. Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М, 1984.

Полин С. В. Амфоры Александропольского кургана (по материалам раскопок 2004–2009 гг.) // АМА. 2010. Вып. 14.

Рябкова Т. В. Чешуйчатые панцири раннескифского времени // АСГЭ. 2010. № 38.

Рябкова Т. В. К вопросу о «скифских» бусах в Тейшебаини // Изобразительное искусство в археологическом наследии. Археологический альманах. № 21. Донецк, 2010-а.

Рябкова Т. В. Поселение Тарасова Балка — памятник раннего железного века в Закубанье (предварительная публикация) // Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. ТГЭ. Т.77. 2015.

Савельева В. В., Магомедов К. А. География Ставропольского края (учебное пособие). Ставрополь, 1987.

Сазонов А. А. Киммеро-меотские погребения Центрального Закубанья: новые открытия и перспективы // IV «Анфимовские чтения» по археологии Северного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье. Краснодар, 2014.

Скорый С. А. Киммерийцы в Украинской Лесостепи. Киев-Полтава, 1999.

Техов Б. В. Тлийский могильник. II. Тбилиси, 1981.

Техов Б. В. Тайны древних погребений. Владикавказ, 2002.

Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа // МАР. 1900. Вып. VIII.

Членова Н. Л. О культурной принадлежности Старшего Ахмыловского могильника, новомордовских стелах и «отделившихся» скифах // КСИА. 1988. Вып. 194

Шевченко Н. В. Погребения раннескифского времени в курганах степного Прикубанья // IV «Анфимовские чтения» по археологии Северного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и средневековье. Краснодар, 2014.

Эрлих В. Р. У истоков раннескифского комплекса. М, 1994.

Эрлих В. Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. М., 2007.

Read J. Assyrian Sculpture. L., 1983.

С. В. Махортых

ПРОНИЗИ ДЛЯ ПЕРЕКРЕСТНЫХ РЕМНЕЙ ИЗ СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ ПАМЯТНИКОВ VII–VI ВВ. ДО Н. Э.

Статья посвящена рассмотрению металлических и костяных раннескифских распределителей для уздечных ремней различных типов, выявленных на территории Северного Кавказа. Среди них выделяются две группы, представленные гладкими экземплярами геометрической формы и пронизями, имеющими зооморфное оформление. Главными ареалами распространения большинства типов «геометрических» пронизей, изготовленных, преимущественно, из бронзы являются Центральное Предкавказье, а «зооморфных», многие из которых являются костяными, – Северо-Западный Кавказ. Основной период бытования «геометрических» и «зооморфных» пронизей на Северном Кавказе приходится на середину – вторую половину VII в. до н. э., а отчасти и VI в. до н. э. При этом, наиболее молодыми среди первых из них являются бронзовые пронизи с пятью отверстиями, приближающиеся по форме к конусу (третий тип первой группы), а среди других – металлические распределители, оформленные в виде головки хищной птицы с закрученным клювом и рельефной восковицей (второй тип второй группы), а также пронизи с изображением головы хищной птицы и дополнительным зооморфным изображением на ее затылке (вариант 3 четвертого типа второй группы).

The article is devoted to the analysis of metal and bone horse harness fittings of the 7th–6th centuries BC of different types found in the North Caucasus. Among them the two major groups can be distinguished. They are represented by plain specimens of geometric shapes and fittings bearing zoomorphic decoration. The main area of distribution of most types of "geometric" objects, made predominantly from bronze, is Central Ciscaucasia, while the "zoomorphic" ones, made mostly from bone, originate from the Northwest Caucasus. The main period of existence of "geometric" and "zoomorphic" harness fittings in the North Caucasus is the middle – the second half of the 7th century BC, and, partly, the 6th century BC. It is worth noting that the youngest among the former are bronze cone-shaped fittings, with five perforations (the third type of the first group), and among the latter – metal harness fittings shaped into a bird of prey's head with a twisted beak and relief cere (the second type of the second group), as well as the objects with the image of a bird of prey's head and an additional zoomorphic figure on the back of its neck (variant 3 of the fourth type of the second group).

С именем Марии Николаевны Погребовой связан значительный созидательный вклад в развитие советской и российской археологической науки. Она была и останется в нашей памяти не только как известный ученый и идейный вдохновитель многих научных и издательских начинаний, но как порядочный и достойный уважения человек.

Металлические и костяные пронизи — распределители, использующиеся для соединения пересекающихся ремней уздечки, относятся к числу важных элементов конского снаряжения раннескифского времени. Эта статья посвящена рассмотрению предметов, входящих в состав этой категории материальной культуры и выявленных в северокавказских памятниках VII–VI вв. до н. э.

Основными ареалами распространения пронизей на рассматриваемой территории являются Центральное и Западное Предкавказье.

Так, например, в Краснознаменском могильнике (курганы 1, 2, 3, 6–8) выявлено не менее 40 разнообразных распределителей, главным образом, изготовленных из бронзы. Максимальное число пронизей в составе одной уздечки — пять, но встречено и четыре, три и даже две пронизи (Петренко 2006, 77).

В Келермесских курганах найдено более 30 пронизей (курганы 1/В, 2/В, 3 или 4/Ш, курган 19 погребение 5), при этом их подавляющее большинство изготовлено из кости и орнаментировано зооморфными мотивами. Максимальное количество распределителей также не превышало пяти экземпляров в уздечке (Галанина 1997, 124, 126).

В Нартановском могильнике пронизи обнаружены в 15 из 24 исследованных на этом памятнике курганов (№ № 5, 6, 10, 11, 13, 14, 15, 17, 18, 19–24), причем представлены они там, в основном единичными экземплярами (Батчаев 1985, табл. 19, *8*; 29, *10*; 31, *14* и др.).

Помимо этого, в Центральном Предкавказье бляшки-столбики, служащие обоймами для перекрестных ремней, встречены в курганах раннескифского времени у хут. Алексеевского, г. Новопавловска, а также в могильнике у с. Новозаведенное, а в Закубанье — в кургане 41 урочище Клады, первом Говердовском кургане и др. (Минаева 1956, 331, рис. 2, *3*; Петренко, Маслов, Канторович 2004; Канторович, Петренко, Маслов 2007; Лесков, Эрлих 1999, 131, рис. 39, *3–6*; Эрлих, Нехаев 2011).

Наряду с кочевническими захоронениями, пронизи — распределители выявлены и в некоторых местных, меотских или кобанских захоронениях Северного Кавказа: погребение 27 Келермесского грунтового некрополя, могильники Владимировский, Фабричный, Султангорский 1 и др. (Галанина 1985, 160, рис. 4, *6–8* ; Дударев, Рунич 1992; Козенкова 1995, 163, табл. 28, *1–5*; Шишлов, Федоренко, Колпакова, Кононенко 2007).

По форме, а также особенностям или отсутствию декора рассматриваемые пронизи подразделяются на две основные группы, внутри которых выделяются типы.

Первую группу, насчитывающую 99 экземпляров, образуют, главным образом, гладкие распределители геометрической формы, некоторые из которых украшены солярным орнаментом.

Наиболее многочисленными среди них являются **пронизи типа 1** (55 экз.), имеющие форму цилиндра и, реже, куба с двумя парами поперечных боковых отверстий в прямых или слегка вогнутых стенках, и, как правило, одним отверстием в основании[1] (рис. 1, *1–15;*2, *6–8*; 3, *3,11*; 4, *8*).

Большинство пронизей типа 1 изготовлено из бронзы. Исключение составляют одна костяная и две железные разделительные обоймы из курганов 6 Краснознаменского и 18 Нартановского могильников, а также раннескифского кургана у г. Новопавловска.

Высота распределителей типа 1 варьирует от 1 до 1,3 см, а диаметр составляет 1,1–1,4 см.

Главным центром распространения пронизей типа 1 на Северном Кавказе является Центральное Предкавказье, где выявлено 48 таких распределителей. Они встречены в могильнике у хут. Красное знамя (21 экз., южная гробница 1 Краснознаменского кургана (уздечные наборы 1–3), а также курганы 3, 6 и 8); кургане 7 могильника Новозаведенное – II (не менее 3 экз.); курганах 5, 13, 18, 22 Нартановского могильника (4 экз.); кургане у г. Новопавловска (2 экз.) (рис. 1, *1–15;* 3, *3,11*) (Батчаев 1985, 24, 43, табл. 19, *8*; 35, *22*; 45, *43*; 51, *27*; Петренко, Маслов, Канторович 2004, 186, рис. 11, *5*; Петренко 2006, 77, табл. 48, *31*, *38*, *43*; 59, *135*, *252*; 64, *203*; Канторович, Петренко, Маслов 2007, 194, рис. 38, *4*, *6*).

В Закубанье пронизи типа 1 встречаются значительно реже (7 экз). Так, в погребении 5 кургана 19 Келермесского могильника обнаружены четыре цилиндрические пронизи, каждая с четырьмя сквозными отверстиями в слегка вогнутых стенках (Галанина, Алексеев 1990, 43, рис. 9, *1*).

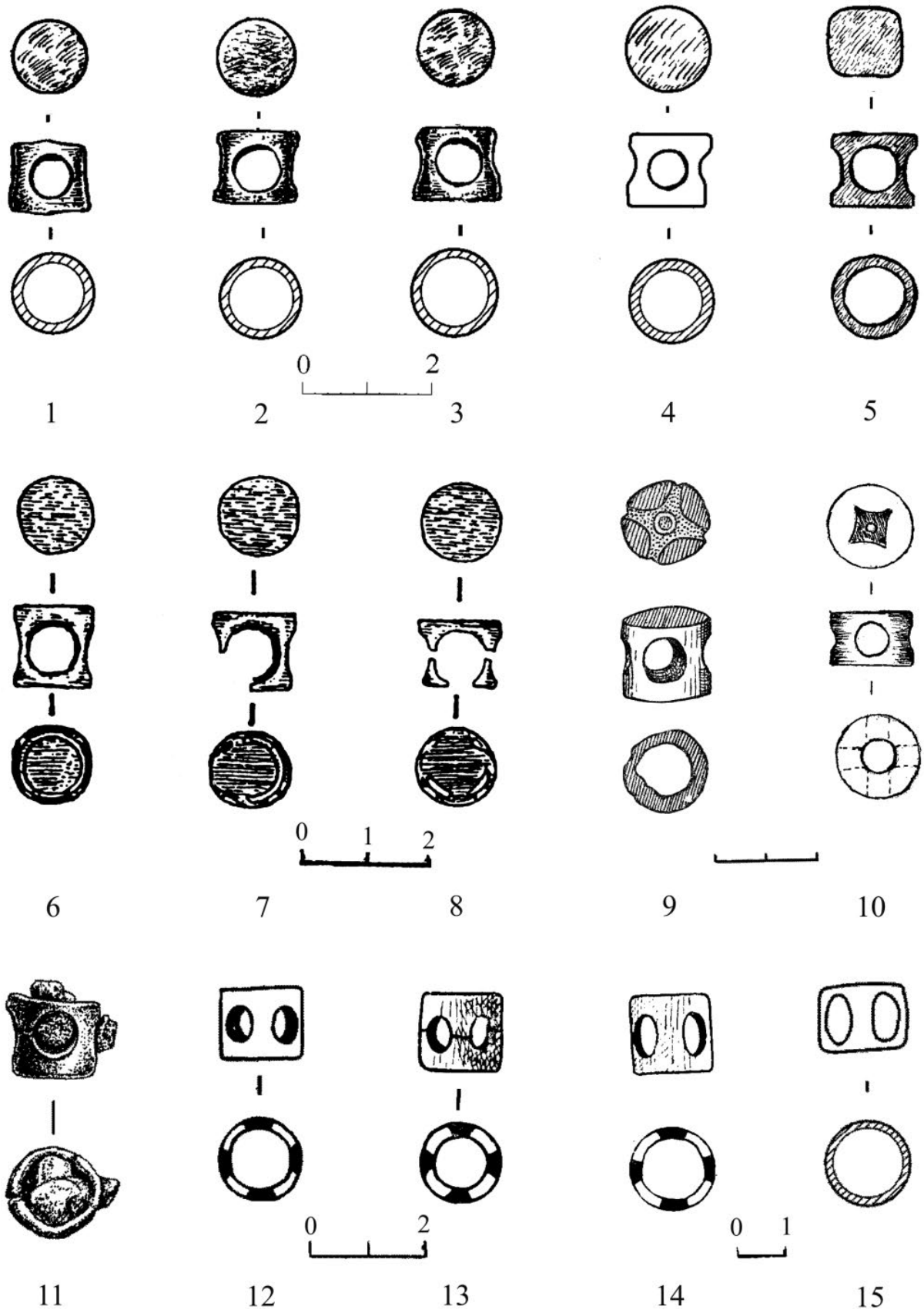
Бронзовые пронизи цилиндрической формы, происходящие из Алексеевского кургана на Ставрополье (6 экз.) и погребения 27 (3 экз.) Келермесского грунтового могильника в Адыгее, украшены сверху солярным значком в виде ромбической розетки с кружком в центре[2] (рис. 1, *9*; 2, *6–8*) (Минаева 1956, 331, рис. 2,*3*; Галанина 1985, 162, рис. 4, *6–8*). Еще три бронзовые бляшки-столбика первого типа, декорированные сходным геометрическим орнаментом, найдены в районе Кавказских Минеральных Вод: могильник Фабричный и погребение 1 могильника Султан-Гора 1 (рис. 1, *10*) (Дударев, Рунич 1992, 10, рис. 8, *10*; Козенкова 1995, 108, табл. 28, *3*).

Рассматривая вопрос о хронологии пронизей типа 1, следует отметить, что большая их часть датируется в рамках второй половины VII — начала VI вв. до н. э., хотя отдельные экземпляры продолжали встречаться в первой и/или второй половине VI в. до н. э., например, распределитель из кургана 5 Нартана (рис. 4, *8*) (Махортых 1991, 76, 79; Галанина 1985, 163; Алексеев 2003, 107; Петренко, Маслов, Канторович 2004, 197; Петренко 2006, 112–114; Канторович, Петренко, Маслов 2007, 206).

В лесостепной Украине близкие бронзовые цилиндрические пронизи известны, главным образом, в Днепровском лесостепном Левобережье, и в частности Посулье (более 10 экз.), и в меньшей степени — Днепровском Правобережье (2 экз.) (Могилов 2008, 67, рис. 127, *22–38*). Более широкое распространение в лесостепном Поднепровье получили близкие им по форме пряжки — пронизи, изготовленные из кости (свыше 50 предметов), в том числе Посулье — 46 экз.,

[1] С первым типом сближаются цилиндрические пронизи, изготовленные из кости и бронзы, но, в отличие от них, имеющие не плоский, а выпуклый верхний щиток (не менее 9 экз.). Они известны пока только в Центральном Предкавказье — в захоронениях VII и/или VI вв. до н. э. Нартановского (курганы 10, 11, 17, 19) и Новозаведенного-II (курган 13) могильников (рис. 5, *18*). (Батчаев 1985, табл. 29, *10*; 31, *14*; 43, *36*; 46,*10*) (Петренко, Маслов, Канторович 2000, рис. 2, Б). Следует упомянуть также о находках нескольких редких, т. н. высокоцилиндрических уздечных распределителей из Нартановского (курганы 14, 15), Новозаведенного-II (курган 13) и Кызылкалинского могильников в Центральном Предкавказье (рис. 5, *17*) (Алексеева 1971, табл. 13б, *26*; Батчаев 1985, табл. 37, *20*; 39, *46*; Петренко, Маслов, Канторович 2000, рис. 2, Б).

[2] Следует упомянуть также пять оригинальных и не имеющих прямых аналогий на юге Восточной Европы бронзовых пронизей со сдвинутым за края основания щитком, орнаментированным солярным знаком, из южной гробницы 1 Краснознаменского кургана (рис. 6, *8–12*) (Петренко 2006, 78, табл. 50, *57*).

1–3 южная гробница 1 Краснознаменского кургана; *4* — курган 3 Красное Знамя ; *5* — курган 6 Красное Знамя; *6–8* — курган 7 Новозаведенное П; *9* — хут. Алексеевский; *10* — могильник «Фабричный»; *11* — Новопавловск; *12* — курган 5 Нартана; *13* — курган 13 Нартана; *14* — курган 22 Нартана; *15* — курган 8 Красное Знамя (по: Минаева 1956; Дударев, Рунич 1992; Батчаев 1985; Петренко 2006; Петренко, Маслов, Канторович 2004; Канторович, Петренко, Маслов 2007)

Рис. 1. Распределители узды первого типа с территории Северного Кавказа

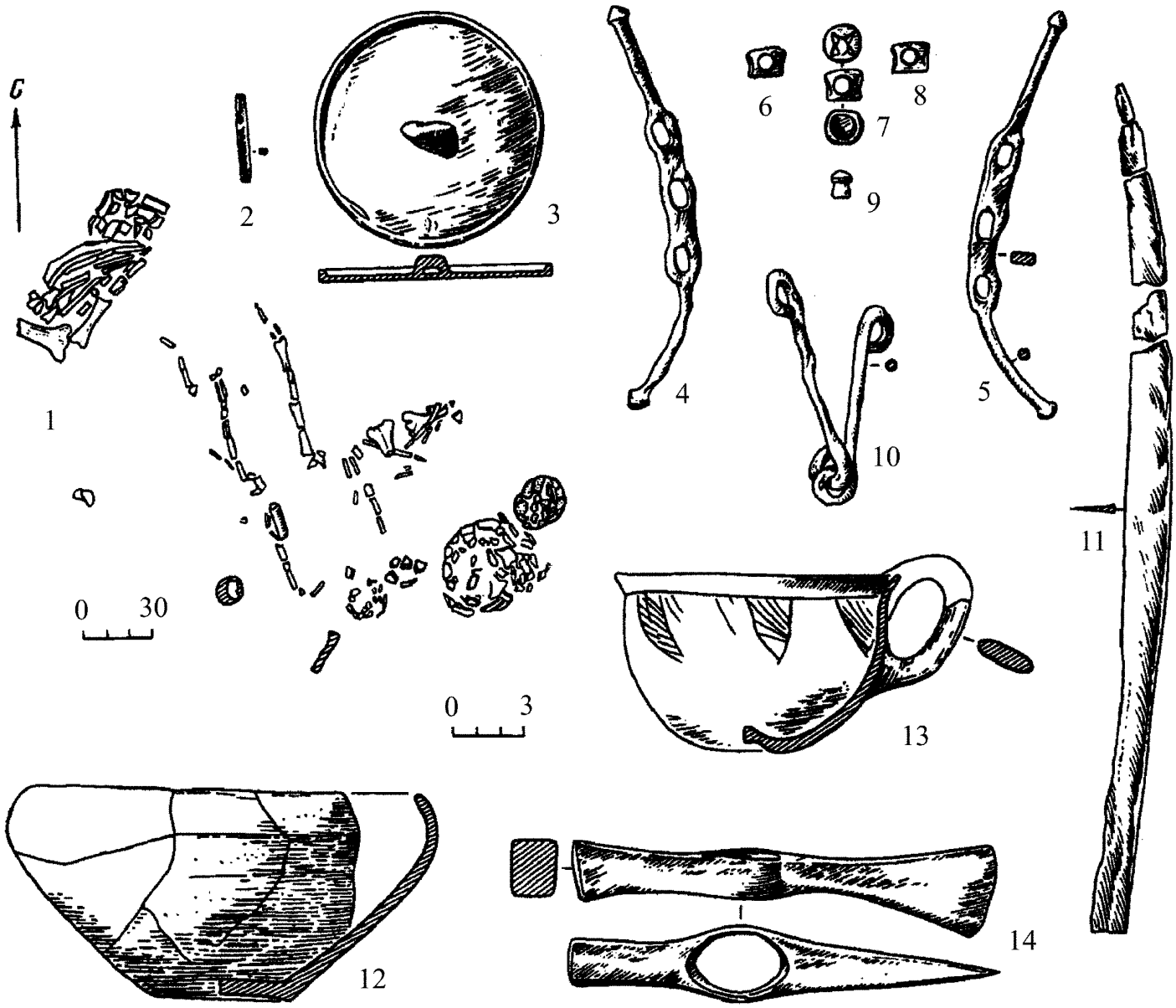

Рис. 2. План и инвентарь погребения 27 Келермесского грунтового могильника (по: Галанина 1985).

датирующиеся в пределах середины VII — середины VI вв. до н. э. (Могилов 2008, 70, рис. 130, *11–44*; 131, *1–17*).

Сходные по форме бронзовые и костяные (роговые) уздечные распределители известны также в сбруйных наборах восточной части степного пояса Евразии, например на Алтае, где они бытовали не только в эпоху скифской архаики, но и раннепазырыкское время (Шульга, 2008, 80–82, рис. 42, *5, 20–22*; 57; Шульга 2015, 102, рис. 78, *11*).

Тип 2 пронизей первой группы составляют экземпляры в форме усеченно-конической пирамиды, преимущественно с плоским гладким верхом, четырьмя боковыми отверстиями и одним или двумя сверху и/или снизу (рис. 5, *1–12*).

За исключением костяного экземпляра из кургана 23 Нартана, все остальные распределители изготовлены из бронзы[3]. Они имеют следующие размеры: высота 0,9–1,3 см, диаметры 0,7–1,4 см и 1,1–2,2 см. Известно 17 таких экземпляров, которые приблизительно поровну распределяются между Центральным Предкавказьем (10 экз.) и Закубаньем (7 экз). Они происходят из кургана 29 Келермесского некрополя и могильника Красное Знамя — курганы 2, 3, 7 (рис. 5,

[3] Благодаря находкам 12-ти подобных бронзовых пронизей в киммерийском захоронении у пгт. Слободзея в Нижнем Поднестровье, можно говорить об их использовании ранними кочевниками Северного Причерноморья уже в IX–VIII вв. до н. э. (Яровой, Кашуба, Махортых, 2002, 297, рис. 8). Тоже самое можно сказать и о выявленным в этом же кургане бронзовых трехпрорезных цилиндрических пронизях-распределителях, которые пополняют число сходных предметов скифской культуры, линия развития которых прослеживается с киммерийского периода: могильники Краснознаменский (курган 6 и южная могила кургана 1), Нартановский (курганы 20, 22) и Келермесский (к.2/В) (рис. 3, *6, 10*).

1–5, 7–10) (Галанина 1997, 248, табл. 24, *402*; Петренко 2006, 134, 143, табл. 59, *124*, *131*, *221*). Еще одна близкая по форме пронизь найдена в Ульском кургане 1910 г. (рис. 5, *6*) (Галанина 1999, 61, рис. 1,*8*).

Распределители из Нартановского могильника (курганы 23 и 24), в отличие от более узких и вытянутых келермесских и краснознаменских экземпляров довольно массивны и имеют приземистые пропорции в виде низкого цилиндра. Следует также отметить наличие изображения солярного знака на верхнем щитке пронизи из кургана 24 (рис. 5, *12*) (Батчаев 1985, табл. 53, *15*,*26*).

Курганы 3, 7 Краснознаменского могильника, а также курган 29 Келермеса и Ульский курган 1910 г., датируются исследователями второй половиной VII в. до н. э. (Галанина 1999, 64; Петренко 2006, 112, 114). Что касается курганов 23 и 24 Нартана, то первый из них, вероятно, относится к началу — первой половине VI в. до н. э., а второй — к 550/530–480 гг. до н. э. (Махортых 1991,78, 79; Алексеев 2003, 107)

Ближайшие соответствия северокавказским пронизям типа 2 обнаруживаются на территории Днепровского лесостепного Левобережья, в курганах Посулья где, в отличие от Предкавказья, распределители VII–VI вв. до н. э., изготовленные из кости (16 экз.), преобладают над бронзовыми аналогичными изделиями (7 экз.) (Могилов 2008, 70, рис. 127, *39–44*; 131, *20–36*).

К **типу 3** (16 экз.) относятся бронзовые пронизи с пятью отверстиями, приближающиеся по форме к конусу, имеющие заостренную вершину и треугольное вертикальное сечение (рис. 5, *13–16*). Их размеры составляют 2–2,6 х 1,3–1,8 см.

Основная часть распределителей типа 3 выявлена на Северо-Западном Кавказе (14 экз. или 87 % от общего числа известных находок): курган 1 у хут. Говердовского (кони 2, 12–14) и погребения 101 и 163 Владимировского могильника близ г. Новороссийска (рис. 5, *14–16*) (Шишлов, Федоренко, Колпакова, Кононенко 2007, 3, рис. 4, *21*; Эрлих, Нехаев 2011, 138, рис. 2, *7*; 5, *3*, *4*; 6, *4*).

В Центральном Предкавказье предположительно известны две такие находки из кургана 13 Нартана и кургана 13 могильника Новозаведенное-II (рис. 5, *13*) (Батчаев 1985, табл. 35, *21*; Петренко, Маслов, Канторович 2000, 245).

Пронизи рассматриваемого типа встречены также в раннескифских памятниках лесостепного Днепровского Правобережья (курган 423 у с. Ходоров) и Левобережья (курганы 467 и 469 у с. Аксютинцы) (Галанина 1977, табл. 4, *12*; 18, *10*; 19, *10*).

В. Р. Эрлих и А. А. Нехаев соотносят по времени Говердовский курган 1 с младшей группой келермесских курганов, раскопанных Д. Г. Шульцем, которые в свою очередь, на основании близости к кургану 16 могильника Новозаведенное-II, имеющего ряд фрагментов восточно-греческих сосудов, датируются временем, близким к рубежу VII–VI вв. до н.э (Эрлих, Нехаев, 2011, 140). Новозаведенский курган 13, вероятно, относится к последней четверти VII — началу VI вв. до н. э., поскольку его вещевой комплекс составляет единый хронологический пласт с комплексами Новозаведенских курганов 7, 14 и 16, а также обнаруживает параллели с инвентарем кургана 467 в Посулье по выявленным там конусовидным пронизям и изображениям в скифском зверином стиле (Петренко, Маслов, Канторович 2000, 239–243).

О довольно молодой хронологической позиции пронизей типа 3 свидетельствуют и их находки в памятниках лесостепного Поднепровья, где на основании выявленных вместе с ними колчанных наборов и предметов конской узды они датируются в рамках первой половины VI в. до н. э. (Ильинская 1968, 69; Галанина 1977, 17). Эта дата подтверждается находками двух бронзовых пронизей близкой, но более вытянутой и остроконечной формы VI в. до н. э. в кургане 38 у Гуляй-Города в бассейна Тясмина (Могилов 2008, 68, рис. 128, *15–16*).

Тип 4 представлен находками двух редких распределителей, входящих в состав уздечного набора коня 2 из кургана 6 могильника Новозаведенное-II (рис. 6, *5*) (Петренко, Маслов, Канторович, 2006, с. 398 рис. 4, *3*, *4*). Они изготовлены из железа и имеют выпуклый полусферический щиток, с инкрустацией золотой фольгой в виде вытянутых треугольников, расположенных в три ряда по кругу и образующих спирально-вихревой орнамент, завершающийся завитком на вершине. Под щитком находятся укрепленные на кольцевом основании четыре столбика-скобы, образующие овальные отверстия с четырех сторон. Размеры отверстий — 1,3 × 0,5 см.

По мнению авторов публикации, ближайшие аналогии новозаведеннским пронизям (по материалу, технике исполнения и конфигурации орнамента) обнаруживаются среди инвентаря кургана 3 могильника Тасмола V, в Центральном Казахстане, что позволяет предполагать их восточное происхождение[4] (Петренко, Маслов, Канторович, 2006, 399). Дата кургана 6 могильника Новозаведенное – II определяется в пределах VI в. до н. э., точнее второй четверти — середины этого столетия (Петренко, Маслов, Канторович 2006, 408).

[4] Л. К. Галанина упоминает многочисленную коллекцию бляшек-пронизей казахстанско-среднеазиатского облика, которая происходит из позднеархаических комплексов Ульской группы, в частности из курганов 1 и 2, раскопанных Н. И. Веселовским в 1909 г. и кургана 1/1898 г. (Галанина 1997, 126). Обращают на себя внимание и необычные для лесостепного Поднепровья VI в. до н. э. бронзовые пронизи для довольно крупных ремней овальной формы со сдвинутым за края основания плоским шитком из кургана 477 у с. Волковцы в Посулье (Галанина 1977, табл. 22, *5*; Махортых 2016, 340).

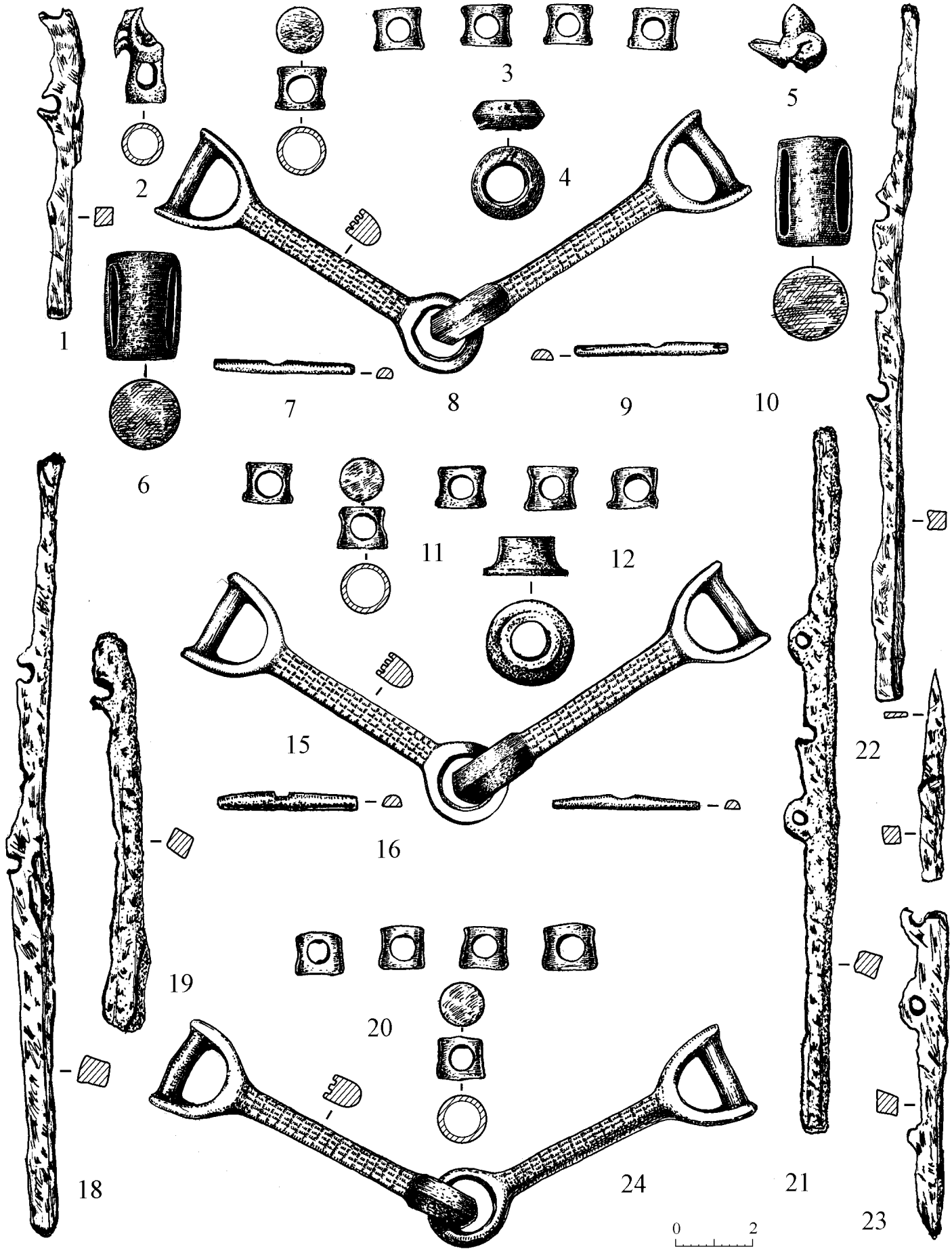

Рис. 3. Южная гробница 1 Краснознаменского кургана (по: Петренко 2006).

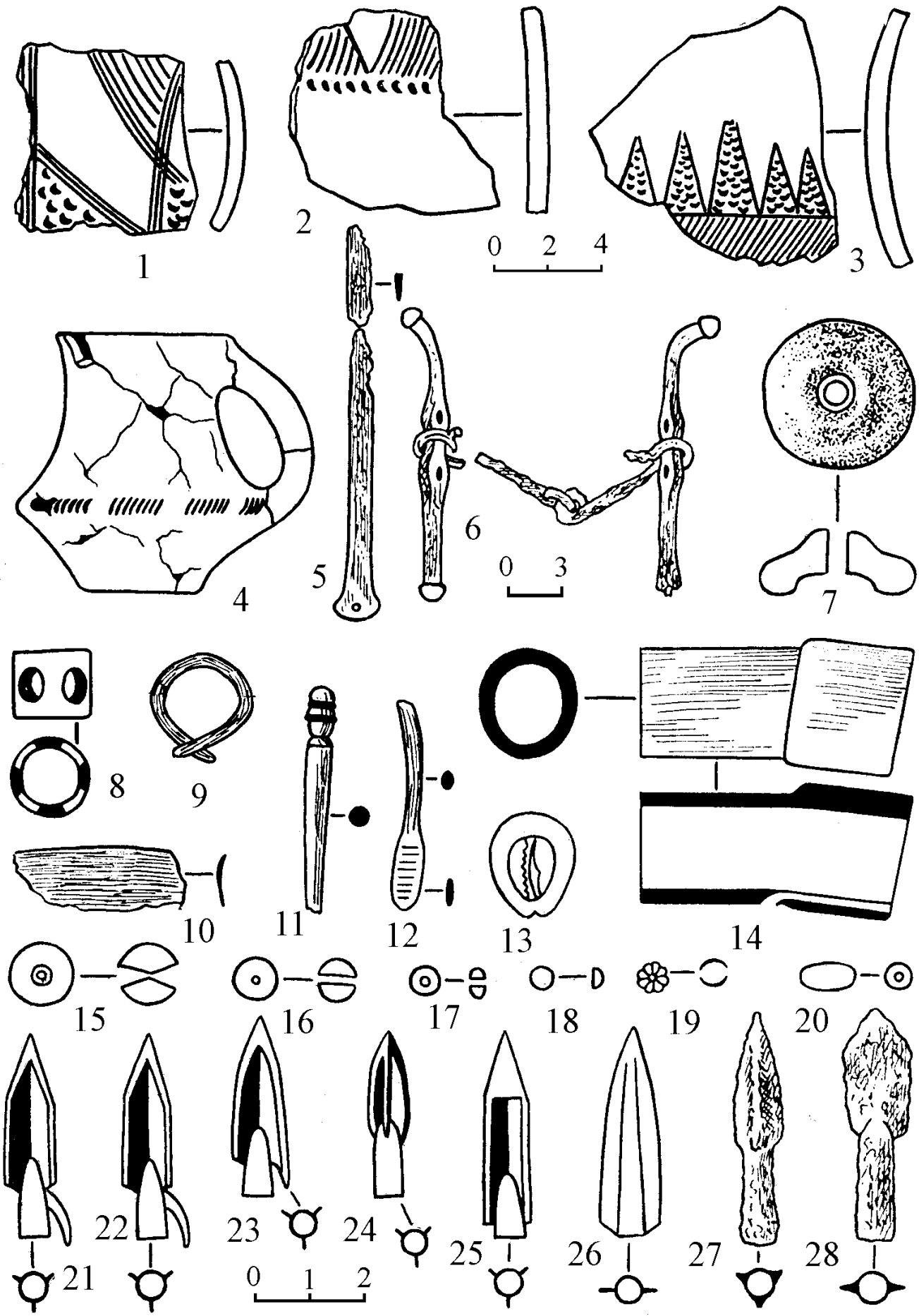
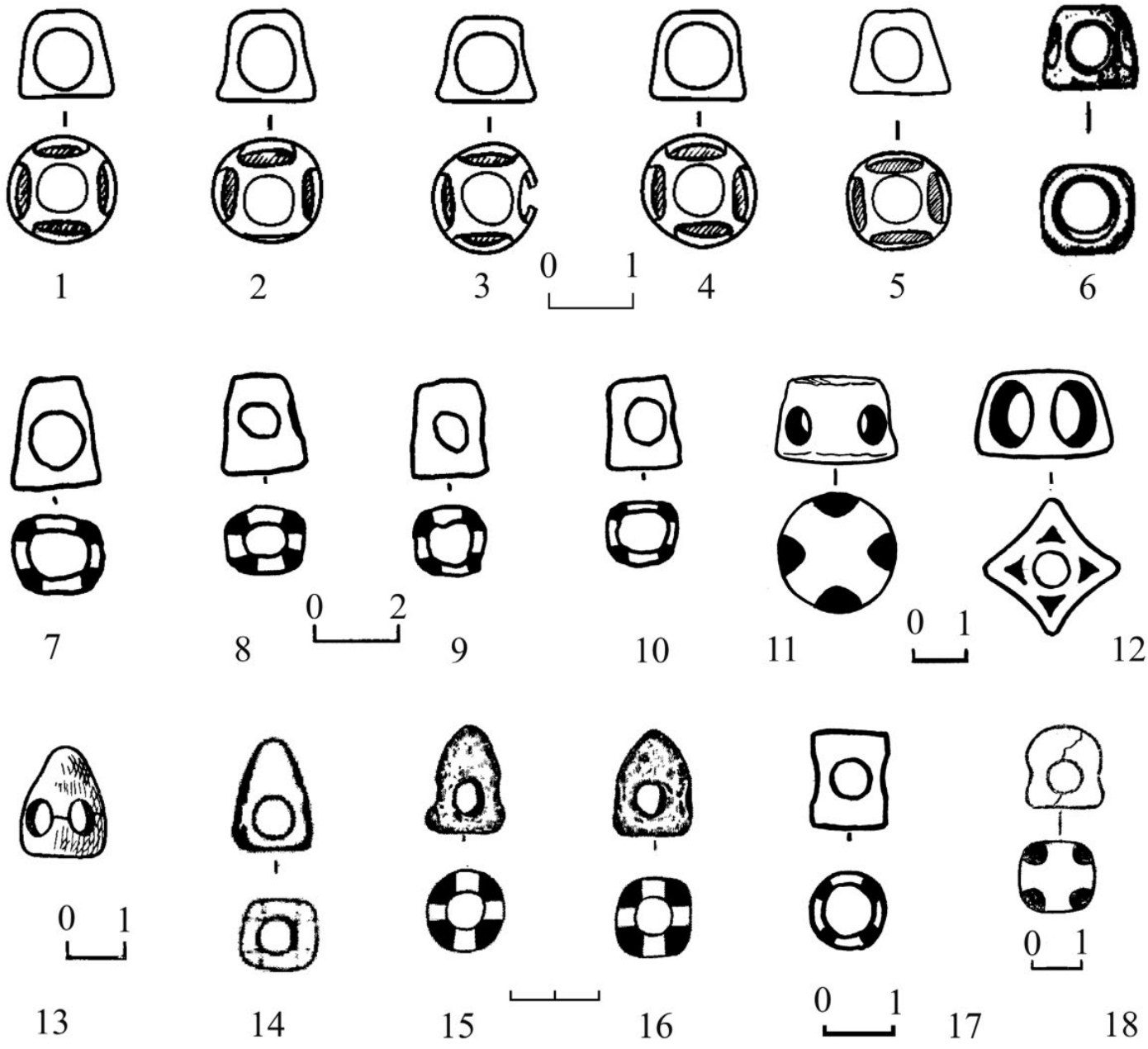

Рис. 4. Инвентарь погребения в кургане 5 Нартановского могильника (по: Батчаев 1985)

1–4 — курган 3 Красное Знамя; *5* — курган 7 Красное Знамя; *6* — Ульский курган 1910 г.; *7–10* — курган 29 Келермес; *11* — курган 23 Нартан; *12* — курган 24 Нартан; *13* — курган 13 Нартан; *14* — погребение 163 Володимирского могильника; *15, 16* — Говердовский 1 курган; *17* — курган 14 Нартан; *18* — курган 10 Нартан (по: Батчаев 1985; Галанина 1997; Петренко 2006; Эрлих, Нехаев 2011)

Рис. 5. Уздечные пронизи из северокавказских памятников VII–VI вв. до н.э.

Вторая группа северокавказских пронизей — распределителей представлена экземплярами, имеющими зооморфное оформление или изображения на щитке[5] (97 экз).

К типу 1 относятся пронизи окончания, которых оформлены в виде изогнутого когтя, клюва или схематической птичьей головки[6]. С четырех боковых сторон и снизу столбиков имеются округлые отверстия.

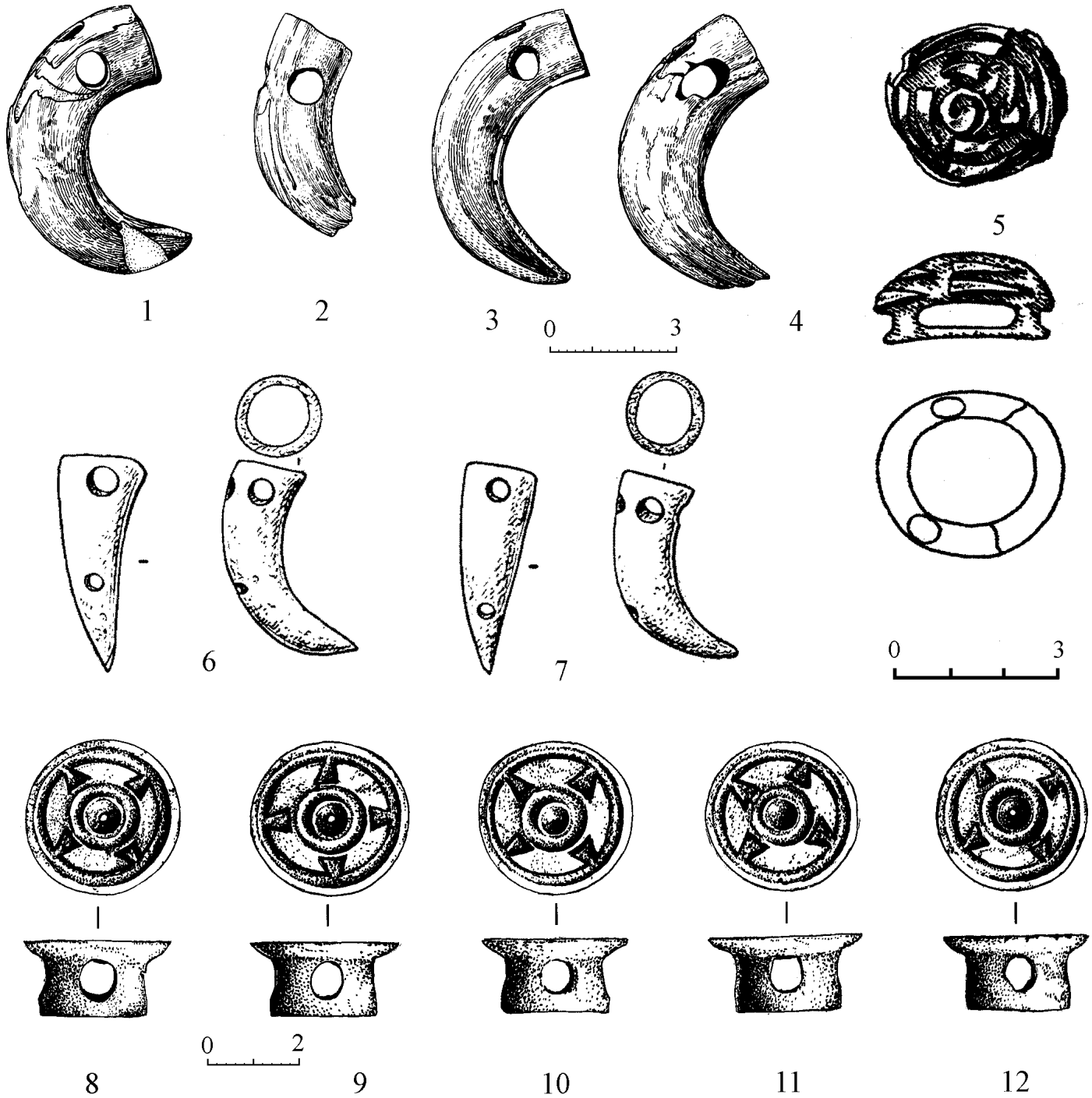
[5] Ко второй группе предкавказских зооморфных распределителей могут быть отнесены также пронизи из клыков кабана или их бронзовые имитации (7 экз.), найденные в южной могиле кургана 1 Краснознаменского кургана, кургане 6 Нартана и уздечном наборе из ст. Подгорная Краснодарского края (рис. 6, *1–4, 6–7*) (Ложкин, Петренко 1981, 72; Батчаев 1985, табл. 21, *26*; Петренко 2006, 77, табл. 47, *18, 26*).

[6] Рассматриваемые «клювовидные» пронизи по терминологии Л.К. Галаниной входят в состав третьего варианта Ш группы наременных украшений Келермесского могильника (Галанина 1997,126), а также образуют тип 2 «когтевидных» пронизей по классификации В.Г. Петренко, предложенной для распределителей уздечных ремней, обнаруженных в Краснознаменском могильнике (Петренко 2006, 77).

На поверхности некоторых предметов видны грани подрезов, образовавшиеся при изготовлении формы (рис. 7, *1–14*).

Пронизи изготавливались из бронзы и реже из серебра. Их высота варьирует 1,8 до 2,5, а диаметры оснований составляют 0,7–1, 2 см

Тип 1 металлических распределителей насчитывает более 40 предметов. В Центральном Предкавказье (не менее 14 экз.) они выявлены в южной гробнице кургана 1 Краснознаменского могильника (уздечные наборы 4 и 5); Нартановском могильнике — курганы 14, 21; раннескифском кургане у г. Новопавловска, а также в составе уздечного набора, хранящегося в Пятигорском музее (рис. 7, *1–3, 5–9, 12–14*) (Махорых 1991, 69, рис. 28, *11,12*; Батчаев 1985, табл. 37,*19*; 51,*24*; Петренко 2006, 126, табл. 49, *46, 50*; Канторович,

1–4, 8–12 — южная гробница 1 Краснознаменского кургана; 5 — кургана 6 Новозаведенное;
6–7 — Подгорная (по: Ложкин, Петренко 1981; Петренко 2006; Петренко, Маслов, Канторович, 2006).

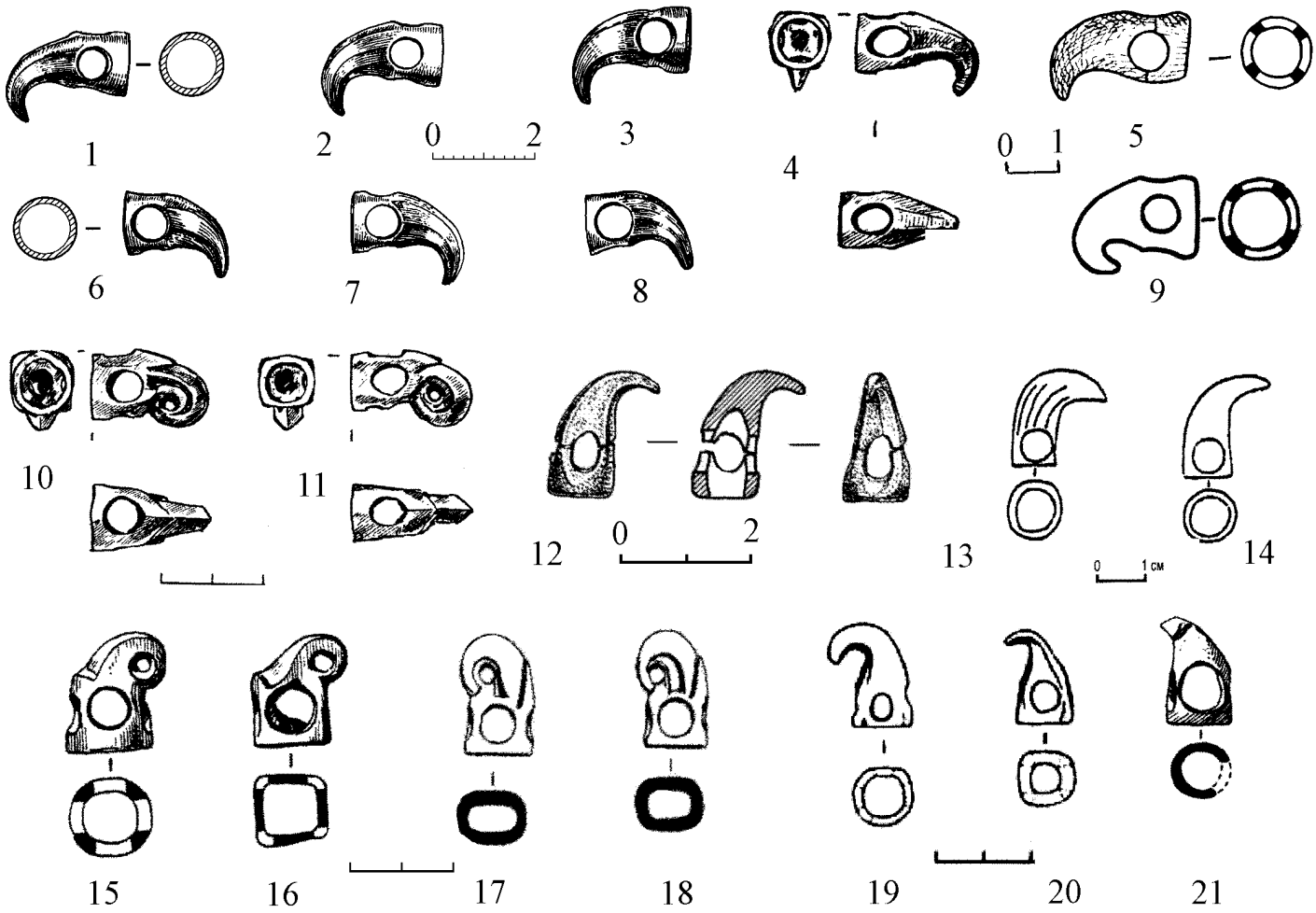
Рис. 6. Распределители узды

Петренко, Маслов 2007, 194, рис. 38, *5*). Помимо этого, следует упомянуть аналогичные находки из кургана 1 Моздокского могильника, а также погребения 6 Султангорского 1-го могильника (Пиотровский, Иессен 1940, 12, 45; Дударев, Рунич, 1992, 209, рис. 4,*11*).

На Северо-Западном Кавказе рассматриваемые пронизи типа 1 являются более многочисленными (27 экз.). Они обнаружены в Келермесском могильнике: к.2/В (уздечный набор коня 12) и кургане 24 (уздечный набор коня 4) (рис. 7, *4,21*; 8, *5,13,14*) (Галанина, Алексеев, 1990, 39, рис. 6, *19,21*; Галанина 1997, 242, 245, табл. 22, *279–281*; 25, *332–334*). Следует также упомянуть бронзовые пронизи, завершающиеся клювовидным выступом, найденные в кургане 41 урочища Клады, а также погребениях 35, 118, 135 Владимировского могильника (рис. 7, *19, 20*) (Лесков, Эрлих, 1999, 28, рис. 39, *3–6*; Шишлов, Федоренко, Колпакова, Кононенко 2007, рис. 4, *18–20*).

Пронизи типа 1, встреченные как в старших (к.2/В), так и младших курганах (курган 24) Келермесского могильника, датируются в рамках второй половины VII в. до н. э. (Галанина 1997, 128). Эта дата согласуется с датировкой, предложенной для южной могилы кургана 1 Краснознаменского могильника, третья — середина четвертой четверти VII в. до н. э. (Петренко 2006, 112).

В. Р. Эрлих указывает на стилистическую близость древнейших раннескифских клювовидных пронизей с птицеголовыми скипетрами предскифского времени, известными по находкам в Средней Европе и на Северном Кавказе. Это сходство дает ему возможность высказать предположение о восточноевропейском происхождении этого мотива скифского звериного стиля (Эрлих 1990, 249–250). Находки «позднейших» разновидностей клювовидных пронизей, изготовленных из железа, происходят из 10-го Ульского кургана, кото-

1–3, 6–8 — южная гробница 1 Краснознаменского кургана; *4, 10,11,15,16* — курган 24 Келермес; *9* — курган 21 Нартан; *12* — Новопавловск; *13–14* — Пятигорский музей; *17–18* — курган 3 или 4/Ш Келермес; *19* — погребение 118 Володимирского могильника; *20* — погребение 135 Володимирского могильника; *21* — курган 2/В Келермес (по: Махортых 1991; Батчаев 1985; Галанина 1997; Петренко 2006; Шишлов, Федоренко, Колпакова, Кононенко 2007)

Рис. 7. Зооморфные пронизи первого и второго типов

рый относится ко второй половине VI — началу V вв. до н. э. (Эрлих 2007, 137).

Ближайшие соответствия северокавказским зооморфным пронизям типа 1 известны на территории Днепровского лесостепного Правобережья и Левобережья (курганы Шумейковский, 38 близ Гуляй-Города, 3 (1886 г.) около Аксютинцев и др.), где они датируются серединой VII–VI вв. до н. э. (Могилов 2008, 69, рис. 129, *1–15*).

Тип 2 (12 экз.) зооморфных металлических пронизей представлен распределителями, оформленными в виде детализированных головок хищной птицы с объемным закрученным клювом и рельефной восковицей (рис. 7, *10,11,15–18*). На цилиндрическом основании расположены четыре боковых отверстия и одно снизу. Высота большинства находок варьирует в пределах 2–2,3 см, а диаметр составляет 1,2–1,3 см.

Закубанье является основным центром распространения пронизей рассматриваемого типа на Северном Кавказе. Пара таких бронзовых распределителей, обтянутых золотой фольгой, обнаружена в Келермесских курганах 3 или 4, раскопанных Д. Г. Шульцем (рис.7, *17,18*) (Галанина 1997, 232, табл. 22, *87, 88*). Еще девять близких бронзовых пронизей найдены в кургане 24 Келермеса, где они входили в состав уздечных наборов коней 5 и 6 (рис. 8, *2, 22, 24, 25*). Там же, но среди разрозненных уздечных принадлежностей, встречены две идентичные пронизи (Галанина 1997, 245, 246, табл. 25, 339–41, 347, 381, 382). Еще одна аналогичная пронизь найдена вне комплекса в могильнике Сукко (Эрлих 2007, рис. 202, *8*).

По мнению Л. К. Галаниной, дату Келермеских курганов 3 и 4 в пределах второй половины VII в. до н. э. позволяют уточнить выявленные там колчанные наборы, а также довольно многочисленные предметы престижного характера (диадема, серебряные зеркала, ритоны), основу которых составляют находки импортной торевтики эпохи Ашшурбанипала. Вместе с тем, целый ряд привозных вещей из Келермеса не подается пока что более узкой датировке, чем вторая половина VII в. до н. э., что нельзя не учитывать при определении верхнего хронологического рубежа этой курганной группы (Галанина 1997, 184, 192).

Сходные с описанными металлические пронизи выявлены в раннескифских памятниках лесостепного Правобережья, и в особенности Днепровского Левобережья, где они преобладают (Захарейкова могила; Константиновка, курган 244; Мачухи, курган 11; курган 1 у с. Михайловка и др.) (Ковпаненко 1970, 156, рис. 3, *25*; Ильинская 1975, табл. XIII, *6*; Ильинская, Мозолевский, Тереножкин 1980, 59, рис. 36, *1*; Кулатова 1998, 27, рис. 2,*5*; Могилов 2008, 69, рис. 129, *25–41*).

Тип 3 пронизей второй группы образуют костяные цилиндрические столбики с двумя парами поперечных боковых отверстий, завершающиеся объемными головками различных животных, шеями, которых служит собственно пронизь. Среди них выделяется **4 варианта**.

Вариант 1 образуют пронизи, увенчанные головками грифо-баранов; **вариант 2** — с головками баранов; **вариант 3** — с головкой животного, имеющего выступающую вперед тупую морду; **вариант 4** — с головкой хищной птицы.

Наиболее многочисленными среди них являются пронизи **варианта 1** (17 экз.), представленные находками в к.1/В (уздечные наборы коней 19, 20 и 22), к.2/В (уздечные наборы коней 3, 4, 5, 11, 14), а также кургане 24 Келермесского могильника (рис. 9, *1–5, 10, 15*) (Галанина, Алексеев 1990, 40, рис. 6, *7*; Галанина 1997, с. 237, 239, табл. 21, *188, 189*; 22, *235–238, 240, 241*).

Еще три костяные пронизи, оканчивающиеся головками грифо-баранов, найдены в Центральном Предкавказье: южной гробнице 1 Краснознаменского кургана и кургане у г. Новопавловска (Петренко 2006, 77, табл. 48, *62*; Канторович, Петренко, Маслов 2007, 194, рис. 39). Высота пронизей этого варианта варьирует в пределах 1,8–2,8 см.

Вариант 2 (5 экз.) четырехдырчатых распределителей в виде бараньих головок представлен находками в к.1/В (уздечные наборы коней 19 и 20), к. 2/В (уздечный набор коня 1), а также кургане 24 Келермесского некрополя (рис. 9, *6–9)* (Галанина, Алексеев 1990, 40, рис. 6,*8*; Галанина 1997, табл. 21,*169,170*; 22, *232, 233*; 24, *378*). Высота пронизей второго варианта составляет 2,7–2,9 см.

Основной период бытования вариантов 1 и 2 третьего типа зооморфных пронизей приходится на середину — вторую половину VII — начало VI вв. до н. э. (Галанина 1997; Петренко 2006; Канторович, Петренко, Маслов 2007, 206).

Вариант 3 рассматриваемых пронизей представлен двумя экземплярами в виде головки животного с выступающей вперед тупой мордой, небольшими глазами и вертикально торчащими ушами, имеющей некоторое сходство с головой свиньи (рис. 9, *25)* Эти распределители найдены в кургане 7 могильника Новозаведенное-II, датирующемся в пределах второй половины VII — начала VI вв. до н. э. (Петренко, Маслов, Канторович 2004, 193, 197, рис. 11,*4*). Высота пронизей — около 2,2 см.

Упомянутые выше скульптурные звериные головки по трактовке передней части морды животного — «пятачок», сходны с зооморфными изображениями на некоторых бронзовых навершиях VII–VI вв. до н. э. из Закубанья (Майкоп), Центрального Предкавказья (курган 13 Нартановского могильника), а также днепровского лесостепного Левобережья (Канторович 2010, 208–210, рис. 14).

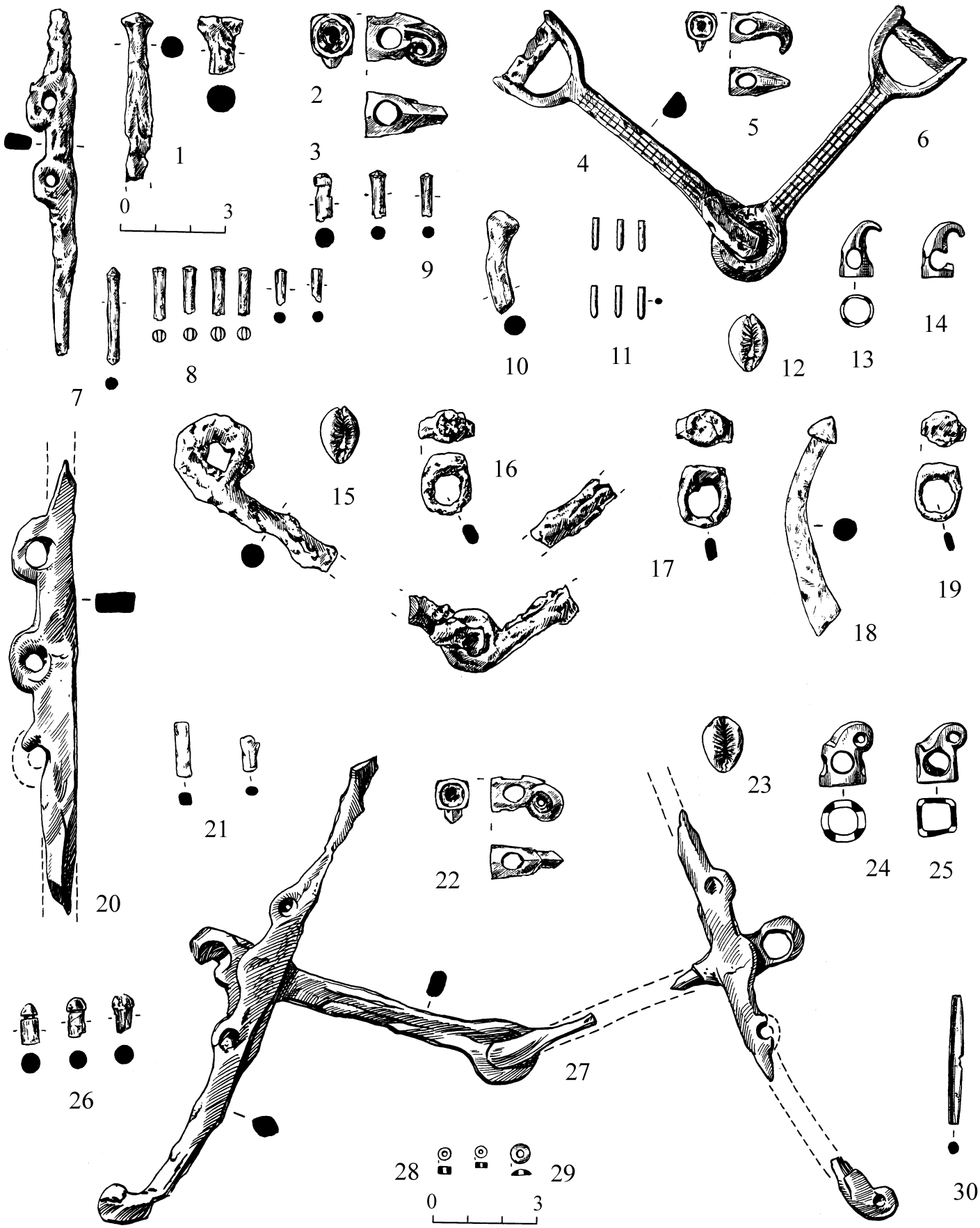
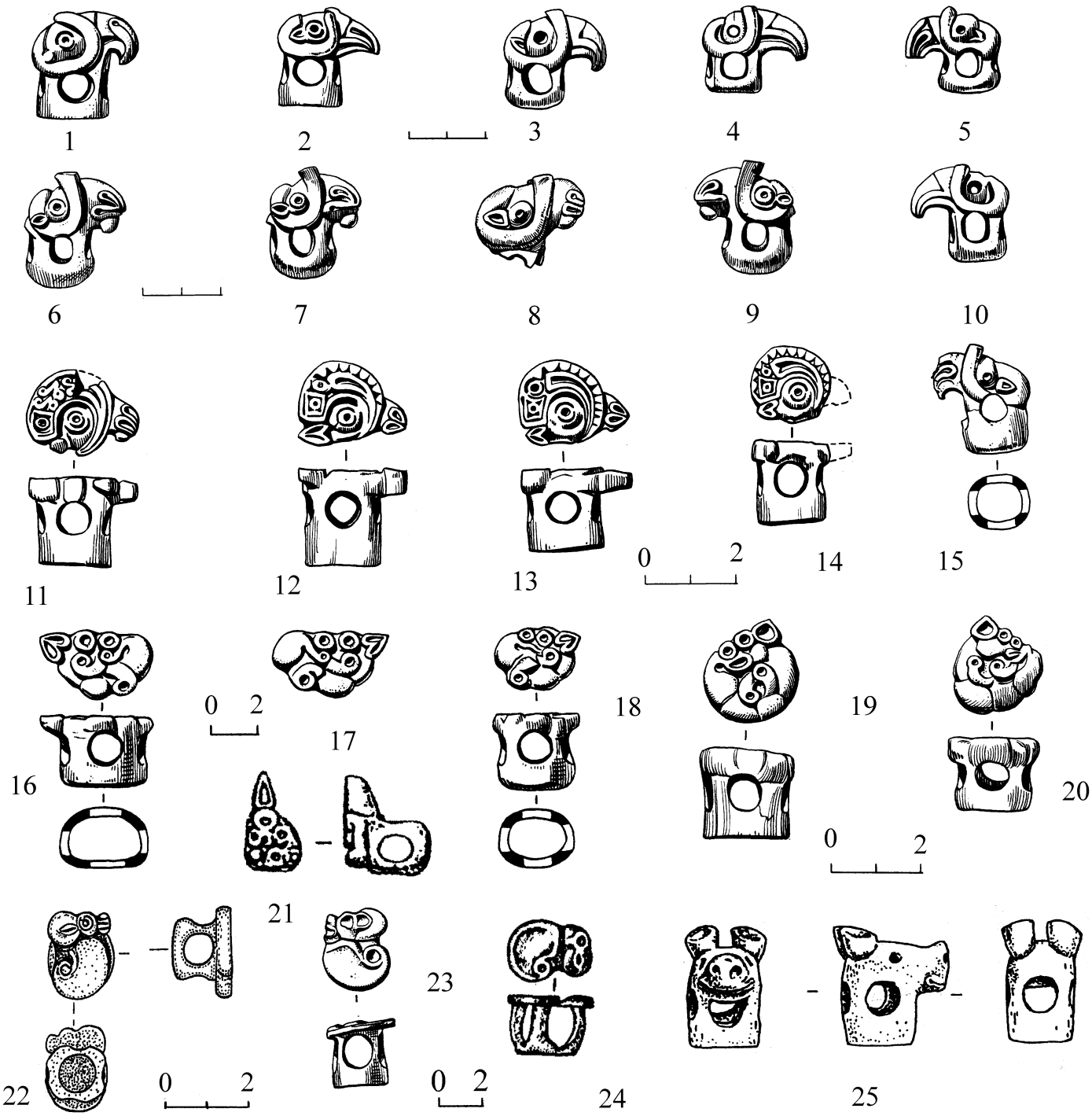

Рис. 8. Курган 24 Келермесского могильника. Инвентарь погребения (по: Галанина 1997)

1, 3, 4, 6, 10, 19, 20 — к.2/В Келермеса; 2, 5, 7, 9,11–14 — курган 1/В Келермеса; 8, 15–18, 23 — курган 24 Келермеса; 21 — курган 16 Новозаведенное; 22 — курган 1975 г. Новозаведенное; 24 — Ульский курган 2/1909 г.; 25 — курган 7 Новозаведенное (по: Галанина 1997; Кореняко 2001; Петренко, Маслов, Канторович 2004)

Рис. 9. Зооморфные уздечные распределители

К варианту 4 относится фрагментированная пронизь, вырезанная из кости в виде головки хищной птицы с открытым клювом, в котором показан язык, крашенный в красный цвет (рис. 3, *5*). Она найдена в заполнении южной могилы 1 Краснознаменского кургана и имеет размеры 2 х 1,5 см. Датируется находка второй половиной VII в. до н. э. (Петренко 2006, 77, табл. 48, *61*).

Тип 4 пронизей второй группы объединяет распределители цилиндрической формы, декорированные сверху различными зооморфными плоскорельефными изображениями[7]. Представлены три варианта.

[7] По справедливому замечанию В. Р. Эрлиха, наибольшее количество зооморфных плоскорельефных изображений на уздечных пронизях, среди которых он выделяет три подварианта, встречены в Келермесских курганах (Эрлих 2007, 138).

Вариант 1 образуют костяные четырехдырчатые пронизи, украшенные фигуркой свернувшегося хищника кошачьей породы; **вариант 2** включает костяные четырехдырчатые распределители с вырезанной мордой копытного животного с загнутым вперед рогом, стилизованным наподобие птичьей головки; **вариант 3** представлен бронзовыми пятидырчатыми пронизями с изображением головы хищной птицы и дополнительным зооморфным изображением на затылке.

Вариант 1 насчитывает 9 экземпляров, которые выявлены в к.2/В (уздечный набор коня 7) и кургане 24 Келермеса (рис. 9, *16–20*) (Галанина, Алексеев 1990, 36, рис. 6; Галанина 1997, 247, табл. 24, *374–377*). Еще три близких экземпляра происходят из кургана 16 Новозаведенного П могильника в Центральном Предкавказье (рис. 9, *21*) (Петренко, Маслов, Канторович, 2000, 241, рис. 3, *4, 5, 8*). Их размеры: высота 1,5–2 см, длина щитков 1,8–2,4 см. Верхней датой бытования пронизей этого варианта считается время, близкое к рубежу VII–VI вв. до н. э. (Петренко, Маслов, Канторович, 2000).

Вариант 2 (7 экз.) представлен находками в к.1/В (наборы коней 19, 20, 21) и к.2/В Келермесского могильника (рис. 9, *11–14*) (Галанина 1997, 236, табл. 21, *174–177*, *183,184*). Высота пронизей варьирует от 1,6–1,7 см до 1,9–2 см. Пронизи с плоскорельефными изображениями были встречены в тех же Келермесских комплексах, что и костяные столбики, украшенные изображениями головок баранов и грифобаранов, поэтому их можно датировать одним и тем же временем.

К варианту 3 относятся три бронзовых пронизи найденные в кургане 24 Келермеса, Ульском кургане 2/1909 г. и кургане раннескифского времени у с. Новозаведенное[8] (рис. 9, *22–24*) (Галанина 1997, табл. 24, *380*; Кореняко 2001, 55, рис. 4,*2*; Эрлих 2015, 50–51, табл. 9, *162*). Их размеры — высота 1,4–1,5 см, длина щитка 1,8–2, 05 см. Курган 24 Келермеса датируется второй половиной VII в. до н. э., а комплекс материалов из Ульского к. 2/1909 г. — позднеархаическим временем (Галанина 1999, 64; Эрлих 2015, 50, 57).

Проделанный выше анализ позволил прийти к **следующим выводам**:

- находки металлических и костяных распределителей для уздечных ремней на территории Северного Кавказа концентрируются в Западном и Центральном Предкавказье;
- среди них выделяются две основные группы, представленные гладкими экземплярами геометрической формы и пронизями, имеющими зооморфное оформление;
- главными ареалами распространения большинства типов «геометрических» пронизей, изготовленных, главным образом, из бронзы, являются Ставрополье и Кабардино-Пятигорье, а «зооморфных», многие из которых являются костяными, Краснодарский край и Адыгея;
- основной период бытования «геометрических» и «зооморфных» пронизей на Северном Кавказе приходится на середину — вторую половину VII в. до н. э., а отчасти и VI в. до н. э. При этом, наиболее молодыми среди первых из них являются бронзовые пронизи с пятью отверстиями, приближающиеся по форме к конусу (третий тип первой группы), а среди вторых — металлические распределители, оформленные в виде головки хищной птицы с закрученным клювом и рельефной восковицей (второй тип второй группы), а также пронизи с изображением головы хищной птицы и дополнительным зооморфным изображением на ее затылке (третий вариант четвертого типа второй группы).

[8] Следует также упомянуть три бронзовые петельчатые бляшки со щитком в виде плоскорельефной головы хищной птицы с дополнительной звериной головкой на затылке из Ульского кургана 1/1910 г., которые сближаются с рассматриваемыми зооморфными пронизями варианта 3 (Галанина 1999, 64, рис. 1, *11*).

Литература

Алексеев А. Ю. Хронография европейской Скифии. СПб., 2003.

Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971.

Батчаев В. М. Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии / М. П. Абрамова, В. И. Козенкова (ред.). Нальчик, 1985.

Галанина Л. К. Скифские древности Поднепровья. М., 1977.

Галанина Л. К. К проблеме взаимоотношений скифов с меотами // СА. 1985. № 3.

Галанина Л. К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М., 1997.

Галанина Л. К. Ульский курган (раскопки Н. И. Веселовского в 1910 г.) // АСГЭ. 1999. Вып. 34.

Галанина Л. К., Алексеев А. Ю. Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время // АСГЭ. 1990. Вып. 30.

Дударев С. Л., Рунич А. П. К вопросу о степном влиянии на вооружение и войско северокавказцев в VII–V в. до н. э. Грозный, 1992.

Ильинская В. А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. К., 1975.

Ильинская В. А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья. К., 1968.

Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ. / А. И. Тереножкин (ред.). К., 1980.

Минаева Т. М. Археологические материалы скифского времени в Ставропольском краевом музее // Материалы по изучению Ставропольского края. 1956. Вып. 8.

Канторович А. Р. Истоки и вариации образов грифона и грифоноподобных существ в раннескифском зверином стиле // Археологический альманах. 2010. № 21.

Канторович А. Р., Петренко В. Г., Маслов В. Е. Раскопки кургана раннескифской эпохи у г. Новопавловска // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. 2007. Вып. VII.

Ковпаненко Г. Т. Кургани поблизу с. Мачухи на Полтавщині // Археологія. 1970. Т. XXIV.

Козенкова В. И. Оружие и воинское снаряжение племен кобанской культуры. Западный вариант. М., 1995.

Кореняко В. А. Курган раннескифского времени у села Новозаведенного в Ставропольском крае // Северный Кавказа: историко-археологические очерки и заметки / М. П. Абрамова, В. И. Марковин (ред.). М., 2001.

Кулатова І. М. Кургани скіфського часу в ур. Лапівщина у Поворсклі // Археологічний літопис Лівобережної України. 1998. № 1–2.

Лесков А. М., Эрлих В. Р. Могильник Фарс/Клады. М., 1999.

Ложкин М. Н., Петренко В. Г. Уздечный набор из Краснодарского края // КСИА. 1981. Вып. 167.

Махортых С. В. Скифы на Северном Кавказе. К., 1991.

Махортых С. В. Бронзовые колокольчики VII-VI вв. до н. э. из скифских памятников юга Восточной Европы // Стародавнє Причорномор'я / І. В. Нємченко (ред.). Одеса, 2016.

Могилов О. Д. Спорядження коня скіфської доби у лісостепу Східної Європи. К., 2008.

Петренко В. Г. Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе. М., 2006.

Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р. Хронология центральной группы курганов могильника Новозаведенное – II // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н. э. / В. И. Гуляев, В. С. Ольховский (ред.). М., 2000.

Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р. Погребение знатной скифянки из могильника Новозаведенное – II // Археологические памятники раннего железного века юга России / Р. М. Мунчаев (ред.). М., 2004.

Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р. Погребения подростков в могильнике Новозаведенное – II // Древности скифской эпохи / В. Г. Петренко (ред.). М., 2006.

Пиотровский Б. Б., Иессен А. А. Моздокский могильник. Л., 1940.

Шишлов А. В., Федоренко Н. В., Колпакова А. В., Кононенко А. П. Материальная культура Владимировского могильника // Исторические записки 2007. Новороссийск, 2007. Вып. 5.

Шульга П. И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Барнаул, 2008.

Шульга П. И. Снаряжение верховой лошади в горном Алтае и верхнем Приобье. Новосибиркс, 2015

Эрлих В. Р. К проблеме происхождения птицеголовых скипетров предскифского периода // СА. 1990. № 1.

Эрлих В. Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. М., 2007

Эрлих В. Р. Конское снаряжение и предметы вооружения // Ульские курганы. Культово-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе. М., 2015.

Эрлих В. Р., Нехаев А. А. Курганы эпохи скифской архаики у хутора Говердовский в Адыгее // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / Х. М. Мамаев (ред.). Грозный — М., 2011.

Яровой Е. В., Кашуба М. Т., Махортых С. В. Киммерийский курган у пгт. Слободзея // Северное Причерноморье: от энеолита к античности / Н. А. Кетрару (ред.). Тирасполь, 2002.

И. Н. Медведская

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ МИДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье рассмотрены некоторые составляющие мидийской культуры, формировавшейся в VIII–VII вв. до н. э. В ней представлены данные, доказывающие важную роль Мидии не только в качестве культурного посредника между царствами, сошедшими с политической арены во второй половине/конце VII в. (Урарту, Ассирия) и Ахеменидским царством (вторая половина VI в.), но и представляющие мидийцев творцами оригинальной архитектурной концепции и строительных приёмов. Мидийцы, в частности, использовали неизвестный ранее способ перекрытия сводов при помощи сырцовых полубалок, они создали оригинальную планировку храма огня и неизвестную прежде форму алтаря огня. Выдающимся творением мидийских архитекторов был многоколонный зал (*ападана*), который стал неотъемлемой частью культуры Ахеменидов и всего древнего Востока.

This paper investigates select components of Median culture that was shaping in the 8th–7th cent. B. C. It presents data proving Media's important role as a cultural medium between kingdoms that disappeared from the political arena between the second half and the late 7th cent. B. C. (Urartu, Assyria) and the Achaemenid Empire (the second half of the 6th cent. B. C.). The data also show that Media was the creator of a unique architectural concept and building methods. The Medians in particular used a previously unknown method of overhead vault cover with a long curved mud-brick half-beam. They also created the original Fire Temple layout (built in the shape of a stepped lozenge) and previously unknown altar shape. One particularly outstanding creation of the Median architects was a multi-columned hall (*apadana*) that became an integral part of the Achaemenid culture and the Ancient Near Eastern culture in general.

Мидийское царство было первым иранским государством, сложившимся в VII в. до н. э. Около 550 г. до н. э. в Мидийском царстве в результате военного переворота произошла смена династий. К власти пришёл правитель вассального владения Аншан на юге Мидийского царства Кир II из рода Ахемена. И по существу первое иранское государство было Мидийско-Ахеменидским (Медведская 2010, 174–178). Важная роль Мидийского царства в истории стран древнего Востока предполагает и её важную роль в качестве культурного посредника между царствами, сошедшими с политической арены во 2-ой половине и в конце VII в. (Урарту, Ассирия) и Ахеменидской державой (с начала 2-ой половины VI в. до н. э.).

Первоначально роль Мидии в качестве культурного посредника хотя и обозначалась, но по существу не доказывалась, материала для этого было мало. Так Р. Гиршман выдвинул гипотезу, согласно которой иранцы (мидийцы и персы), находясь уже на территории древнего Ирана, познакомились с урартской культурой, которая стала важным фактором в формировании их собственной культуры (Ghirshman 1962, 85–88). Он учитывал, в частности, отмеченную И. М. Дьяконовым очевидную роль мидийцев в передаче стиля и структуры урартских надписей в древне-персидские надписи (Ghirshman 1962, 88).

Р. Гиршман также считал, что иранцы получили знания и навыки в строительном ремесле непосредственно от урартов. В основе этой гипотезы лежат выявленные Р. Гиршманом архитектурные и строительные параллели между урартской и ахеменидской строительными практиками, в частности рустовка каменных блоков (Ghirshman 1962, 86). В дальнейшем полностью эта гипотеза не получила поддержки, поскольку, например, в строительном ремесле ахеменидского периода было определено сильное ионийское влияние (Stronach 1974, 246–247), строителями и были ионийские и лидийские каменщики. Что же касается урартской архитектуры, в том числе скальных гробниц и каменных башен, то ахеменидские скульпторы и архитекторы могли сами всё видеть и что-то использовать в своей работе, что тогда было обычной практикой[1]: ещё в V в. до н. э.

[1] Подробнее о механизме сложения ахеменидского искусства см: Медведская 2004, 657–697, 828–829.

многие урартские города продолжали существовать и некоторые из них перестраивались в качестве центров сатрапий Ахеменидского царства (см. ниже).

Уже в начале 1960-х годов были отрыты памятники, некоторые из которых можно считать мидийскими. Их исследование позволяет ответить на некоторые вопросы, давно поставленные исследователями. Подтверждается ли культурное посредничество Мидии на примере мидийских архитектурных сооружений? Можно ли рассматривать некоторые строительные приёмы и принципы ахеменидской архитектуры, как иранские/мидийские и, следовательно, не заимствованные Ахеменидами извне? Для ответа на эти вопросы необходимо рассмотреть три полностью исследованных памятниках древнего Ирана: Нуш-и Джан I, Годин II и Баба Джан III. Первые два находятся западнее равнины Хамадан в предгорьях Загроса (рис. 1), Баба Джан тепе находится в самом Луристане западнее хребта Кух-и Гарин в высокогорной долине Дельфан. Все три памятника считаются мидийскими, что спорно. Ещё два частично раскопанных памятника — Муш тепе и Озбаки тепе — находятся на равнине Хамадан, первый из них в пределах современного г. Хамадан, второй — северо-западнее г. Тегеран.

Нуш-и Джан тепе находится в центре плодородной долины Джоукар-Мелаер в восточном предгорье Загроса. В 60 км к северу находится современный г. Хамадан бывшая мидийская столица Сагбат/Хангматана/Экбатаны (рис. 1).

Четыре главные постройки мидийского периода Нуш-и Джан I возведены на каменном ложе холма высотой 37 м в следующей последовательности: центральный и западный храмы, затем форт и последним был возведён колонный зал (рис. 2: *4*). В колонном зале был обнаружен незаконченный туннель, уходящий под углом 30° вглубь скалы на 20 м, назначение его, как отмечают исследователи, неясно (Stronach, Roaf 1978, fig. 3, pl. IIId; см. ниже).

Функционирование этих зданий относится к 750–600 г. до н. э. В конце этого периода здесь возник посёлок овцеводов, который просуществовал примерно до конца первой четверти VI в. до н. э. (Stronach, Roaf 1978, 10–11).

Центральный храм (рис. 2, *4*: *1)* состоит из прихожей и треугольной в плане целлы с уступчатыми стенами, выступы украшены нишами с зубчатым бордюром (Roaf 1995, pl. 50; рис. 3, *3*). В VII в. храм был заложен каменной плиткой и щебнем, что обусловило его уникальную сохранность: над прихожей, в частности, сохранилось сводчатое перекрытие. Делалось оно так: кирпичи стен ближе к верху сложены постепенно выступающими рядами таким образом,

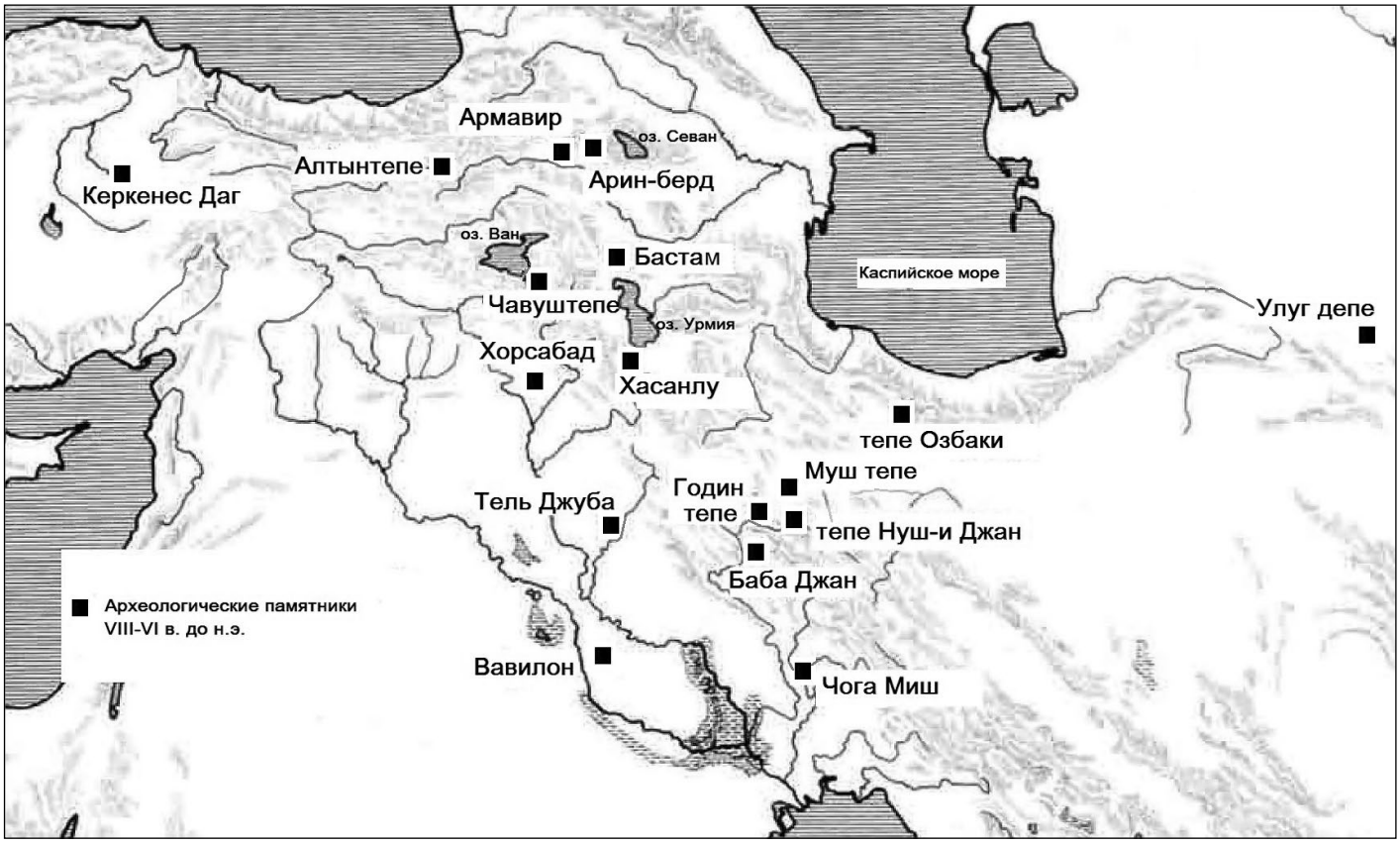

Рис. 1. Памятники урартского и мидийского периодов: Kroll 2015, fig. 10 (с дополнениями автора)

что пролёт в основании свода был ỳже, чем внизу. Основную тяжесть несли длинные сырцовые кирпичи-кронштейны или полубалки), которые, поставленные под углом, упирались в кирпичи противоположной стороны. Эта оригинальная мидийская техника перекрытия сводов использовалась и позднее в ахеменидскую и парфянскую эпохи (Stronach 1973, 12–13, fig. 2–3; Roaf 1995, 63).

В прихожей слева находился пандус, ведущий на крышу, его высота в три полных витка 8 м, как и сохранившаяся высота храма. Входы в прихожую и целлу смещены вправо от центральной оси храма, что не случайно. Слева от входа в святилище находился сложенный из сырцового кирпича алтарь высотой 0, 85 м: алтарь завершается четырьмя выступами, в центре верхней площадки (1,41 × 1,41 м) круглое углубление, в котором или непосредственно, или в металлическом сосуде горел огонь (Roaf 1995, pl. 50). При строгой симметричности здания смещение входов объяснялось необходимостью скрывать огонь от тех, кому не положено было его видеть. Храм в Нуш-и Джан тепе, вероятно, одно из первых маздеистских святилищ на территории западного Ирана. Маздеизм существовал здесь уже в VIII в. независимо от авестийского влияния (Грантовский 2007, 295–297). Некоторые особенности центрального храма свидетельствуют об этом различии. Прежде всего, необычность планировки храма огня, которая пока не обнаружена в зороастрийских храмах; 4 уступа на алтаре, позднее было только 3 (число 3 священное в зороастризме). Но возле зороастрийского храма был обязателен источник воды. Не был ли результатом поиска источника воды обнаруженный в колонном зале туннель? Воды не нашли и позднее на этой площадке возле храма возвели новое здание[2].

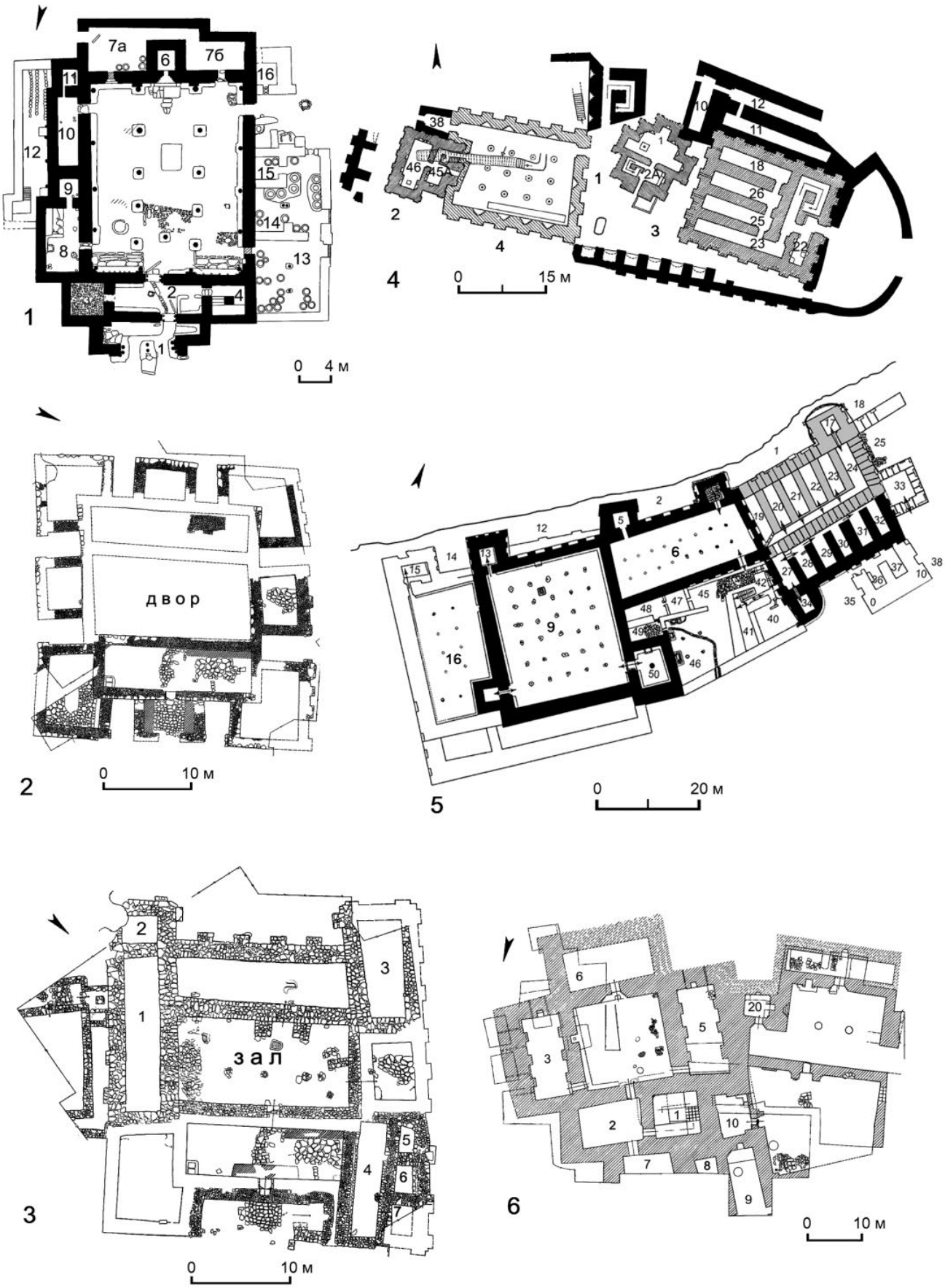
Деятельность храма была искусственно прекращена не позднее 600 г. до н. э. Особенно тщательно плиткой был заложен алтарь. Искусственное закрытие храма в Нуш-и Джан тепе породило множество гипотез. Первоначально Д. Стронах предположил, что эта процедура могла отражать ритуал, связанный, например, с угасанием "царского огня" после смерти монарха (Roaf, Stronach 1975, 137). Р. Гиршман считал это событие результатом борьбы со старыми богами иранского пантеона, целью которой было очистить путь к сооружению открытых террас, посвящённых культу бога Ахура Мазды. Д. Стронах возразил этому выводу Гиршмана, опираясь на хронологическое несоответствие событий — закрытие храмов в Нуш-и Джан тепе не позднее конца VII в. до н. э. и борьба против "капищ дэвов", которую начал в 486 г. ахеменидский царь Ксеркс (Stronach 1984, 481–482, здесь же литература, not. 5). Тем не менее, выводы Д. Стронаха перекликаются с выводами Р. Гиршмана. Если существование самого храма (а не открытой террасы, на которой возжигался огонь) было результатом влияния на мидийскую религию VIII-VII вв. неиранских религий, то вывод Гиршмана о поклонении там богам старого иранского пантеона нельзя полностью исключить, но отнести его лет на 150 назад (Stronach 1984, 490, not. 63). Другими словами, закрытие храма, как отмечает Д. Стронах, отражает не столько изменения в самой вере, сколько изменение способа действий: богослужение не в храме, как в Месопотамии и в Урарту, а у домашнего очага или под открытым небом, как это было в восточном Иране (Stronach 1984, 490). Но все эти события могли также стать результатом не религиозных, а светских решений, вызванных ростом централизации Мидии в это время (Stronach 1984, 490).

В пользу такого заключения может свидетельствовать следующее: во-первых, в Месопотамии на протяжении не одного тысячелетия забутовка храма была ритуальным приготовлением для постройки нового храма, но на том же месте, поскольку священным считалось само место, на котором стоял храм. Во-вторых, отсутствие данных о возведении в этого время открытых террас на западе Ирана, над замурованным храмом в Нуш-и Джан тепе следов нового строения не обнаружено (Stronach 1984, 481, not. 8). Время применения заимствованного мидийцами способа консервации храма в Нуш-и Джан тепе и, следовательно, продолжение его почитания, совпадает с периодом возвышения Мидийского царства во второй половине VII в. до н. э.

Западный храм (рис. 2, *4*: *2,* пом. 4). Как и центральный храм, это здание имеет прихожую с пандусом, но справа от входа. Прихожая также перекрыта сводом, над которым находилось помещение второго этажа, но планировка целлы иная — это прямоугольное помещение, вытянутое параллельно прихожей (8,85 × 3,3 м). Единственная деталь, которая дала основание считать это здание храмом — это находка плинта, размеры которого (80 × 80 см) близки основанию алтаря в центральном храме (85 × 70 см) (Stronach, Roaf 1978, 3–6).

Форт (рис. 2, *4*: *3*), так названо здание прямоугольной формы, бывшее первоначально двухэтажным (25 × 22 м). Стены по внешнему периметру укреплены контрфорсами. Планировка первого этажа состоит из прихожей с комнатой слева, направо — лестница, затем — четыре узкие параллельные комнаты/"склады". В первой из них (№ 23) прямая узкая лестница, сохранилось не менее 18 ступеней (Stronach 1969, fig. 3, pl. IVa). Все комнаты

[2] В большой Хорхорской пещере (Ванская скала) был обнаружен "колодец". Вероятно, этот наклонный подземный ход вёл к воде или к другой пещере (Пиотровский 1959, 209, рис. 58). Было ли это заимствование строителями Нуш-и Джана, или случайное сходство, сказать трудно.

1. Dyson, Voigt 2003, 20.1; *2–3.* Goff 1969, fig. 2.4; 6. idem. 1977, fig. 1;
4. Stronach, Roaf 1978, fig. 1; *5.* Gopnik, Rothman 2011, fig. 7.7

Рис. 2. Планы строений Хасанлу IV (1), Баба Джан III (2, 3, 6), Нуш-и Джан I (4), Годин II:2 (5)

высоко над полом имели сквозные узкие прямоугольные отверстия/окна, вентиляционные отверстия находились на высоте около 1 м от уровня пола, в стенах имелись неглубокие ниши с треугольным верхом (Stronach 1969, pl. IIc-d, Vc-d). Вентиляционные отверстия применялись в Месопотамии в Ашшуре и в Дур-Катлиму (р. Хабур) (Roaf 1995, 64).

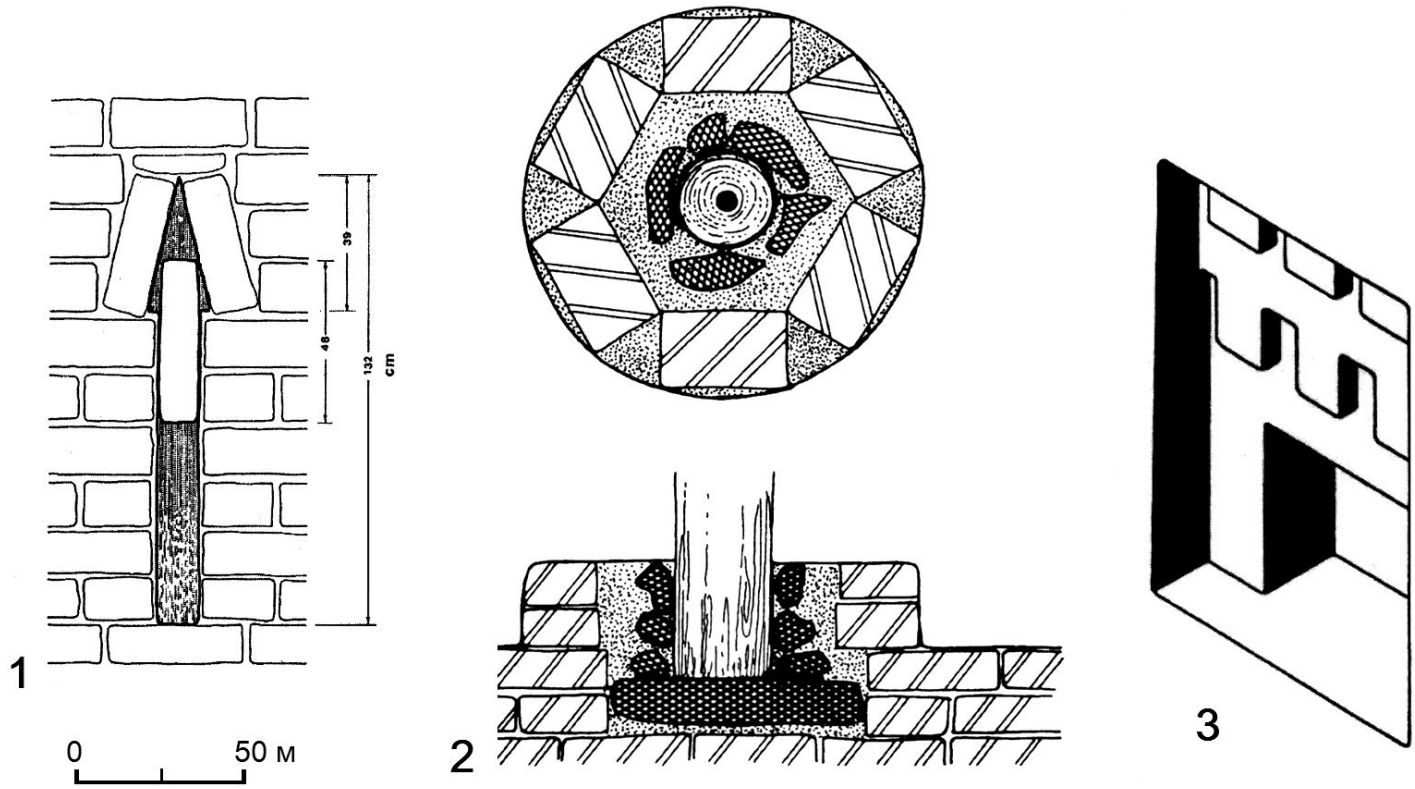
Военное назначение форта определено исследователями наличием стреловидных щелей высотой 2,5 м, которые прорезали контрфорсы на уровне второго и первого этажей (рис. 3, *1)*. Узкие щели допускали небольшой радиус действия, но поскольку они находились на расстоянии чуть больше метра друг от друга, то такие бойницы могли быть подмогой лучникам, которые находились на зубчатой стене или башнях (Stronach 1968, 180, fig. 6). Стреловидные щели определены как боевой элемент оборонительных сооружений Персеполя (Tilia 1969, 35–36, fig. 61).

Подобная планировка — несколько узких параллельных помещений, связанных общим коридором, обнаружена при раскопках Муш тепе и Озбаки тепе (Mohammadifar, Sarraf, Motarjem 2015, fig. 5). Эта планировка повторена в Персеполе в угловых и задних помещениях *ападаны* (Stronach 1973, 12, рис. 7, *5*).

Колонный зал (рис. 2, *4:4*) прямоугольной в плане площадью 300 кв. м (20 × 15 м). Перекрытие зала покоилось на трёх рядах колонн, по четыре в каждом ряду. Деревянные колонны опирались на камни, положенные ниже уровня пола, вокруг них два ряда сложенных шестиугольником кирпичей образовывали круглую базу колонны (рис. 3, *2*). Стены зала украшены глубокими нишами с уступами, главным украшением которых были зубцы/сталактиты из кирпичей (рис. 3, *3*). Такое украшение стен повторено в камне в Персеполе (Tilia 1969, fig. 5, 6, 10, 11). Вокруг зала нет других помещений.

Все постройки предполагалось обнести крепостной стеной, но она выявлена только на отдельных участках. С внутренней стороны на западном и южном участках открыты аркады (рис. 2, *4*). Они были заложены кирпичами и полностью сохранились. Аркады в Нуш-и Джан тепе являются самыми ранними из известных айванов, которые позднее стали характерным признаком иранской архитектуры (Roaf 1995, 64).

Годин тепе находится в горной долине Ка(е)нгавар возле Большого Харасанского пути, проходящего через горы Загроса (рис. 1). Тепе находится недалеко от перевалов, ведущих в долину, где находится Нуш-и Джан тепе, и на равнину Хамадан, где находилась столица Мидии (рис. 1). В отличие от Нуш-и Джан Годин тепе обживался начиная с VI тыс. до н. э. Так называемая Верхняя цитадель расположена на вершине

1. Gopnik, Rothman 2011, fig. 7.20; 2. ibid., fig. 7.23; 3. Roaf, Stronach 1973, fig. 5

Рис. 3. Архитектурные детали мидийских памятников

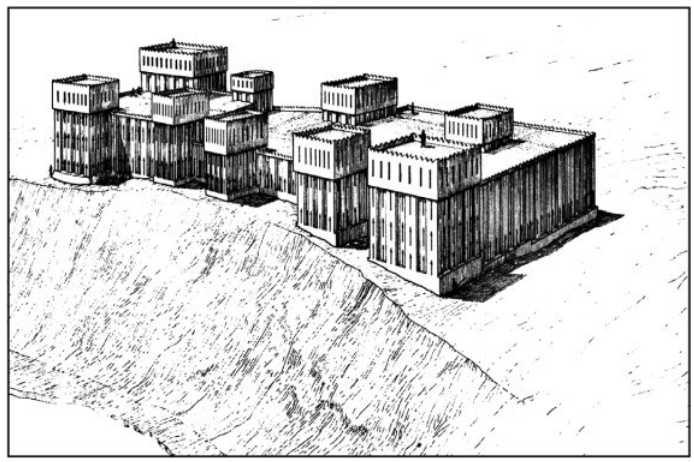
30-метрового холма. Строительство зданий мидийского периода началось не позднее последней четверти VIII в., и около 650 г. дома были покинуты (рис. 2, *5*).

Годин II:2 был резиденцией местного правителя (*bēl āli*). Она состоит из нескольких построек объединённых общей стеной с башнями. Первым был возведён 30-колонный зал для аудиенций (рис. 2, *5*: пом. 9). Почётное место находилось почти в центре задней стены, а вдоль трёх стен были узкие скамьи. Напротив трона на расстоянии 5 м из кирпичей был сложен очаг, в котором горел огонь. В одной из башен окружавших зал (рис. 2, *5*: пом. 50) тоже находилось тронное место и дверь. Здесь перекрытие опиралось на единственную колонну, сохранилась её база, сложенная из камней и сырцового кирпича по тому же принципу, что и базы в Нуш-и Джан тепе (рис. 3, *2*) (Gopnik, Rothman 2011, 320–321, fig. 7. 23). Затем был построен второй 16-колонный зал (пом. 6) меньших размеров с двумя рядами колонн.

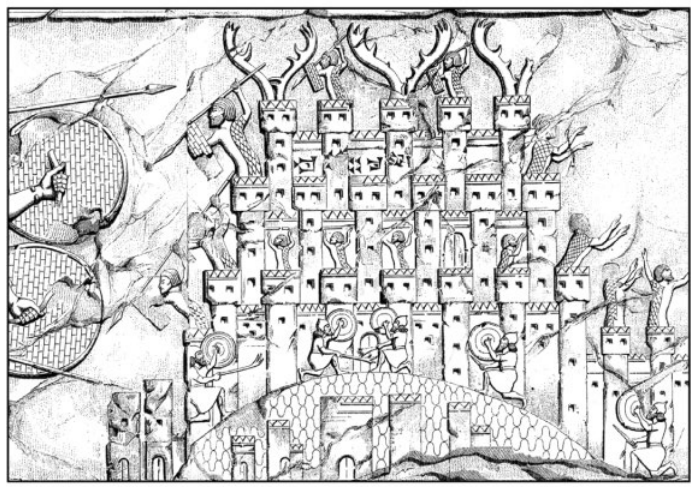
Позднее к восточной стене помещения 6 пристроили северный склад из шести узких комнат и общим коридором. К нему был пристроен аналогичный южный склад. Их планировка отличается от форта бóльшим числом помещений. Последним по времени был третий колонный зал, пристроенный к центральному залу с его западной стороны (рис. 2, *5*: пом. 16) и включивший в себя одну из башен центрального зала, назначение этой пристройки остаётся не ясным.

Хотя Нуш-и Джан был в первую очередь религиозным центром, а Годин местом пребывания правителя, о сходстве их архитектурных принципов свидетельствуют одинаковая планировка форта/склада и многоколонный зал как изолированное здание, не связанное с жилыми помещениями. В обоих памятниках обнаруживаются общие строительные приёмы: использование глиняных полу-балок для перекрытия сводов; одинаково устройство базы колонны из камней и сырцовых кирпичей (Gopnik, Rothman 2011, fig. 7.12, 7.13) и использование в стенах стреловидных бойниц длиной 132 см (Gopnik, Rothman 2011, fig. 7.20). Следует также подчеркнуть использование в обоих памятниках прямоугольного сырцового кирпича. Жители обоих центров пользовались нерасписной керамикой (см. ниже).

Реконструкция цитадели Годин II:2 (рис. 4, *1*), как отмечают авторы, обнаруживает сходство с изображениями крепостей, известных на ассирийских рельефах Саргона в Хорсабаде (Хархар и Кишесу, VIII до н. э.; Gopnik, Rothman 2011, 336, fig. 7.46, 7.47; рис. 4, *2*). Именно эти крепости Саргон называл мидийскими. Однако отмечаемое сходство спорно. Здания цитадели отличаются массивными башнями с узкими отверстиями только в их верхней части и стреловидными отверстиями в их нижней части. На всех ассирийских рельефах крепости имеют одинаковые узкие башни, выступающие над куртинами, по всей высоте башни имеется несколько прямоугольных отверстий по одному в ряд и обычно два отверстия рядом в верхней более широкой части башни, стреловидных бойниц нет.

1

2

1. Gopnik, Rothman 2011, fig. 7.46;
2. Yadin 1953, 420 (Кишесу)

Рис. 4. Реконструкция цитадели Годин II:2 (1), рельеф из дворца Саргона II в Хорсабаде (2)

Одинаковое изображение высоких узких башен в северо-сирийских и урартских крепостях на бронзовых Балаватских воротах, в мидийских, эламских и палестинских (Газа) крепостях на каменных рельефах (Yadin 1953, 420–425; Gunter 1982, pl. I-VIII) скорее свидетельствует об определённой условности изображения ассирийцами крепостей. Региональное различие между архитектурой крепостей обнаруживают другие детали их изображений (Gunter 1982, 103–112).

Но в VIII в. Хархар и Кишессу ещё не входили в состав Мидии, Саргон всегда называл их отдельно от неё. Хархар и Кишесу были небольшими горными владениями, которые граничили с Мидией, находившейся

восточнее, на равнине Хамадан. Хархар локализуется в районе горного отрезка Большого Харасанского пути в долине Кенгавар (рис. 1), где и находится Годин тепе — владение местного правителя, их отождествление вполне вероятно. Кишессу локализуется севернее, в районе дороги Сенендедж — Хамадан (Медведская 2010, 96–97, карты 1, 2). В VIII в. будущие составляющие Мидийского царства были ещё разрознены.

Баба Джан тепе находится западнее двух рассмотренных памятников, в высокогорной долине Дельфан — месте летних пастбищ (рис. 1), зимние пастбища находились ещё западнее. Высокий хребет Кух-и Гарин — трудно проходимый барьер между тремя долинами, в которых все три памятника находятся.

Постройки раннего периода III находятся на двух холмах: на центральном холме находились первые строения. Центром первого из них был прямоугольный двор, вокруг которого располагались 8 башен (рис. 2, *2*). Позднее двор был перекрыт и превращён в центральный зал с одним или двумя рядами колонн[3], а выступающие башни и промежутки между ними были перепланированы в комнаты (рис. 2, *3*). Центральный холм обживался только в период III (Goff 1970, 142, fig. 1).

Принципиально близкую планировку имеет здание на восточном холме, куда, согласно К. Гофф, переместилось население, покинув постройки на центральном холме (Goff 1978, 41–42). Здесь основным зданием являлся квадратный в плане зал с прихожей, окружённый с трёх сторон жилыми и хозяйственными помещениями (рис. 2, *6*). В нём обнаружены фрагменты баз трёх колонн (Goff 1977, 111)[4]. С восточной стороны к зданию пристроена "расписная" комната с двумя колоннами (рис. 2, *6*). Сохранившаяся нижняя часть стен была покрыта белой и красной штукатуркой. Потолок был украшен расписными изразцами из обожжённой глины. В конце периода III постройки на восточном холме сгорели, и вскоре часть помещений была перестроена и заселена скваттерами (период II, Goff 1977, 103).

Первоначально период Баба Джан III датировался в пределах VIII в. до н. э. (Goff 1968, 125). Тогда исключение IX в. обосновывалось почти полным отсутствием серо-черной керамики, которая в исследованиях 1970-х годов считалась общим признаком иранской культуры ЖВ I-II в Иране, а керамика в Баба Джан III расписная (теперь эта гипотеза американских археологов отклонена). Позднее К. Гофф включила IX в. целиком в датировку периода III, основываясь уже не на археологическом материале, а на локализации Л. Левином территории Мидии в горах Загроса в Луристане, который к тому же считал, что мидийцы в IX в. занимали ту же территорию, что и в VIII-VII вв. до н. э. Мидийским Гофф считала этот памятник и прежде, но позже, учитывая выводы Л. Левина, она доказывала время сложения мидийской культуры Баба Джан III уже в IX в. до н. э. (Goff 1978, 40–41).

Определение культуры Баба Джан III как мидийской и время её формирования уже в IX в. не убедительны по ряду причин. Во-первых, спорность локализации первоначальной Мидии к западу от Хамаданской равнины в горах Загроса. Позднее были предложены новые доказательства традиционной локализации первоначальной Мидии к востоку от гор Загроса на равнине Хамадан (Медведская 2010, 104–112).

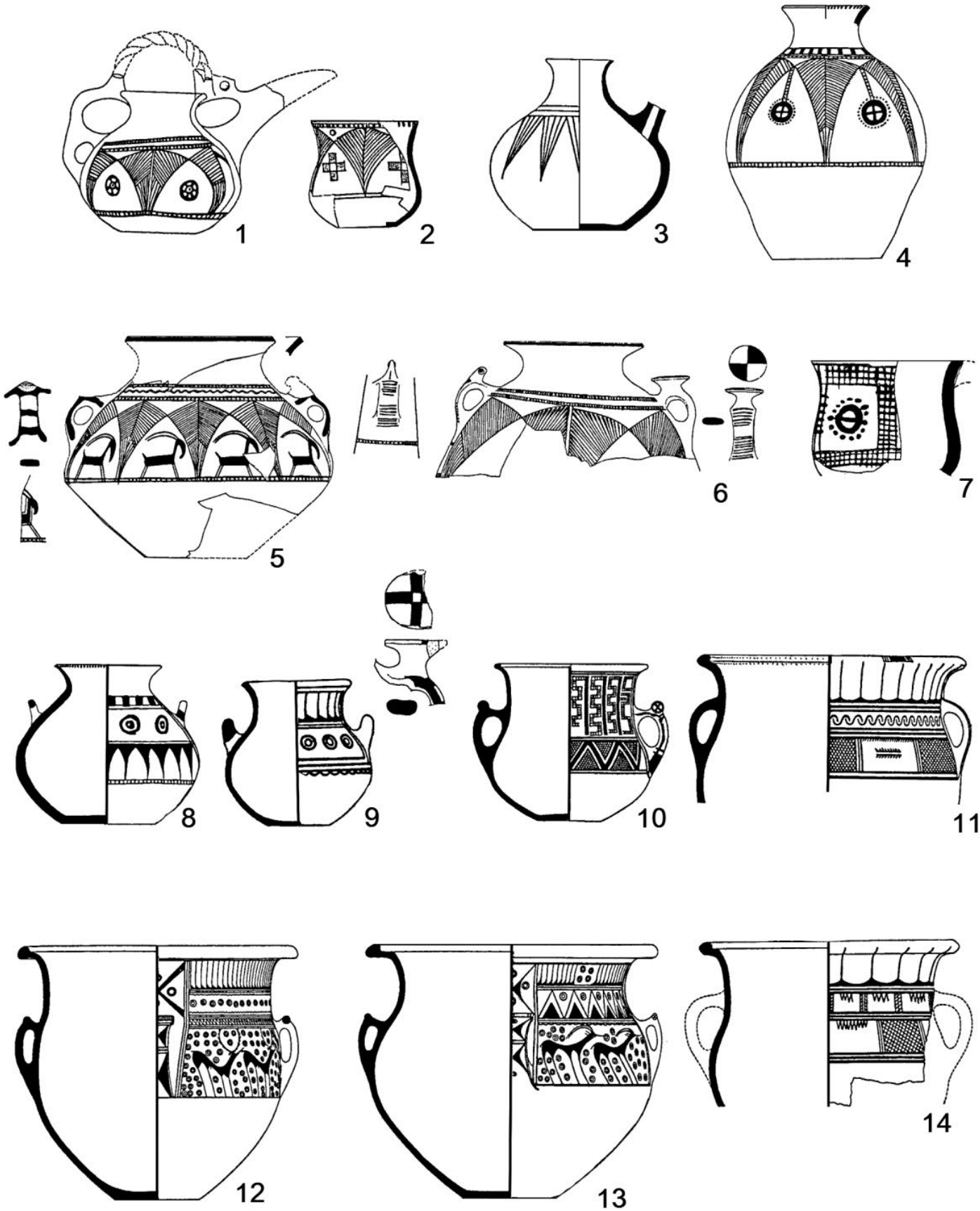
К различным традициям принадлежало и производство керамики. В Баба Джан III керамика расписная, лепная или сделанная на круге медленного вращения. Орнамент геометрический, имеются единичные изображения животных в силуэтной технике (рис. 5). Прослеживается связь с фригийской керамикой VIII в. (рис. 5, *9–14*, Алишар). В Нуш-и Джан и Годин тепе керамика нерасписная, преобладает станковая, но есть и лепная кухонная. Отличительной особенностью всей керамики является включение в тесто слюды золотистого и серебристого цвета (рис. 6). Именно слюда стала главным отличительным признаком мидийской керамики, которая в VII в. до н. э. получила широкое распространение. Эта керамика обнаружена на территории бывших урартских владений от Закавказья (Арин-берд, Армавир), восточной Анатолии (Алтынтепе, Чавуштепе) и северо-западного Ирана вплоть до юга Средней Азии (Улуг депе) (Kroll 2015, 110–111, fig. 5–10; рис. 1). Именно в VII в. она появляется Баба Джан тепе (период II). Предполагается, что распространение мидийской керамики на столь обширной территории произошло в результате созданной мидийцами экономической сети, через которую керамисты распространяли свою продукцию (Gopnik 2003, 259), что могло происходить в рамках уже единого Мидийского царства и расширения его границ в результате экспансии, начавшейся в конце 640-х гг. до н. э. (Медведская 2010, 152–156, 219).

Помимо керамики, важным критерием в решении вопроса о мидийской принадлежности Баба Джан III является сопоставление архитектуры трёх рассмотренных памятников, которое обнаруживает существенные различия между ними.

Составляющими планировку Баба Джан III являются здания с залом, который окружён хозяйственными и жилыми помещениями, перед залом широкая прихожая, а перед нею портик. Эта планировка восходит к северо-сирийской архитектурной традиции *бит-хилани* (*bit-hilani)*, для планировки которой характерно параллельное расположение продольных осей зала и

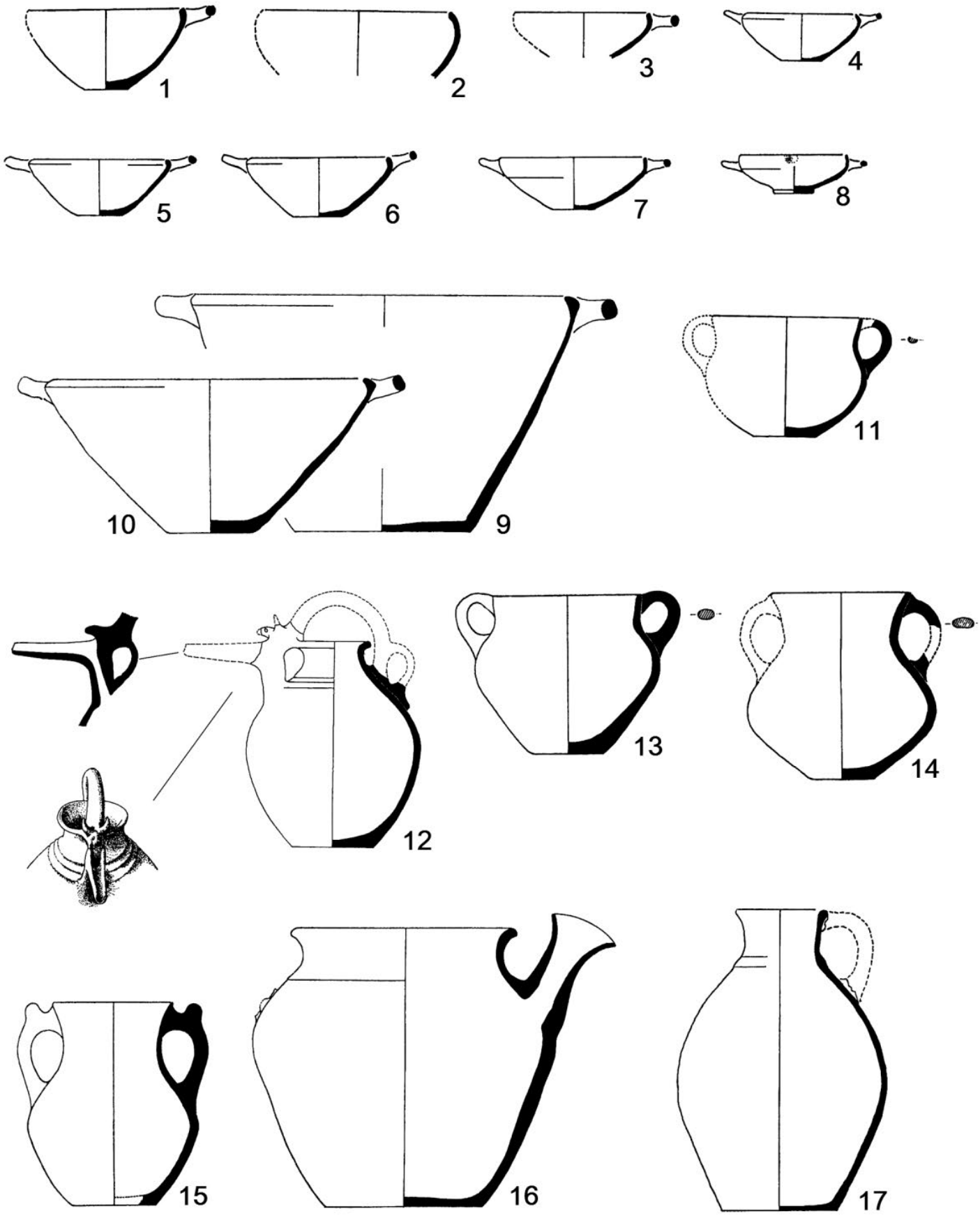
[3] Из трёх или четырёх углублений, небрежно обложенных камнями, только два имели пару во втором предполагаемом ряду колонн (Goff Meade 1968, 114, fig. 15, рис. 11, *2*).

[4] Однако в реконструкции зала — 4 колонны, 2 из них двойные (Goff Meade 1968, fig. 6)

1. Goff 1970, fig. 7, 10; *2–4*. Goff 1978, fig. 6, 2, fig. 5, 2, 4; *5–6*. Goff 1978, fig. 6: 1, 10; *7–8*. Goff 1968, fig. 10: 29, 1, fig. 8: 16; *9–14*. Akurgal 1955, Abb. 1, 2, 11, 12, 18, 39.

Рис. 5. Керамика Баба Джан III (№ 8 — период IIB)

1–10, 17. Stronach 1978, fig. 6: 1–8, 28–29, fig. 8: 11;
11, 13–14. Stronach 1969, fig. 6: 7–9; ***12, 15–16.*** Stronach 1969, fig. 7: 1–3

Рис. 6. Мидийская керамика

прихожей, наличие колонн не обязательно. В Иране в Хасанлу IVB (район оз. Урмия) также известны здания с залом, прихожей и портиком, планировка которых восходит к микенскому *мегарону* (Пилос). Продольная ось зала перпендикулярна прихожей, в зале 2 ряда колонн (рис. 2, *1*).

В Хасанлу здание с залом и примыкающими к нему помещениями многократно повторено. Очевидно, что все они имели различные функции, но архитектура и планировка их не различает. Планировка зданий периода IV восходит к периоду Хасанлу V (Dyson 1977, 166). Планировка *мегарона* получила широкое распространение на Древнем Востоке во II тыс. до н. э. и продолжала существовать в начале I тыс. до н. э. в Центральной Анатолии, во фригийском Гордионе (Dyson 1977, 166).

Постройки Нуш-и Джан I и Годин II демонстрируют другую планировку зданий, различным функциям соответствуют и различные типы зданий: храм, форт/склад, здание с многоколонным залом, без окружающих его жилыми и хозяйственными помещениями; в зале увеличилось количество рядов и число колонн, нет портика перед узкой прихожей (рис. 2, *4, 5*). Можно предположить, что в Годин тепе здание с залом меньших размеров (пом. 6) могло служить личным дворцом правителя, как и в Персеполе жилой дворец Дария — *точара* находился рядом с *ападаной*.

Показательна и различная форма сырцовых кирпичей. В луристанском и приурмийском районах Ирана использовался квадратный кирпич разных размеров, в Нуш-и Джан I и Годин II кирпич прямоугольный с добавлением мелкого гравия. Недавние раскопки Муш-тепе обнаружили часть строения, планировка и строительные приёмы которого близки казарменным постройкам Нуш-и Джан и Годин тепе (Mohammadifar, Sarraf, Motarjem 2015, 234–238, fig. 5). В Муш-тепе, как и в других слоях до-ахеменидского Хамадана, также использовался прямоугольный кирпич (Roaf 1995, 63), что служит важным свидетельством общей строительной практики.

Мидийским памятником можно считать тепе Озбаки. Там обнаружены остатки строения, планировка которого схожа с фортом в Нуш-и Джан тепе (Stronach 2003, 238, fig. 6). О его мидийской принадлежности свидетельствует и обнаруженная там керамика (Stronach 2003, fig. 7).

Пятым известным на сегодняшний день мидийским памятником является Гунеспан тепе, расположенный в 30 км к юго-востоку от г. Мелаер. Здесь обнаружена значительная часть форта с четырьмя узкими помещениями, обнесённого, как и в Нуш-и Джан I, овальной в плане крепостной стеной. Перекрытие дверного проёма с использованием глиняных полубалок, прямоугольный сырцовый кирпич, ниши в стенах, керамика с включением слюды — всё это свидетельствует о его культурной близости с остальными мидийскими памятниками (Naseri, Malekzadeh, Naseri 2016, 103–116).

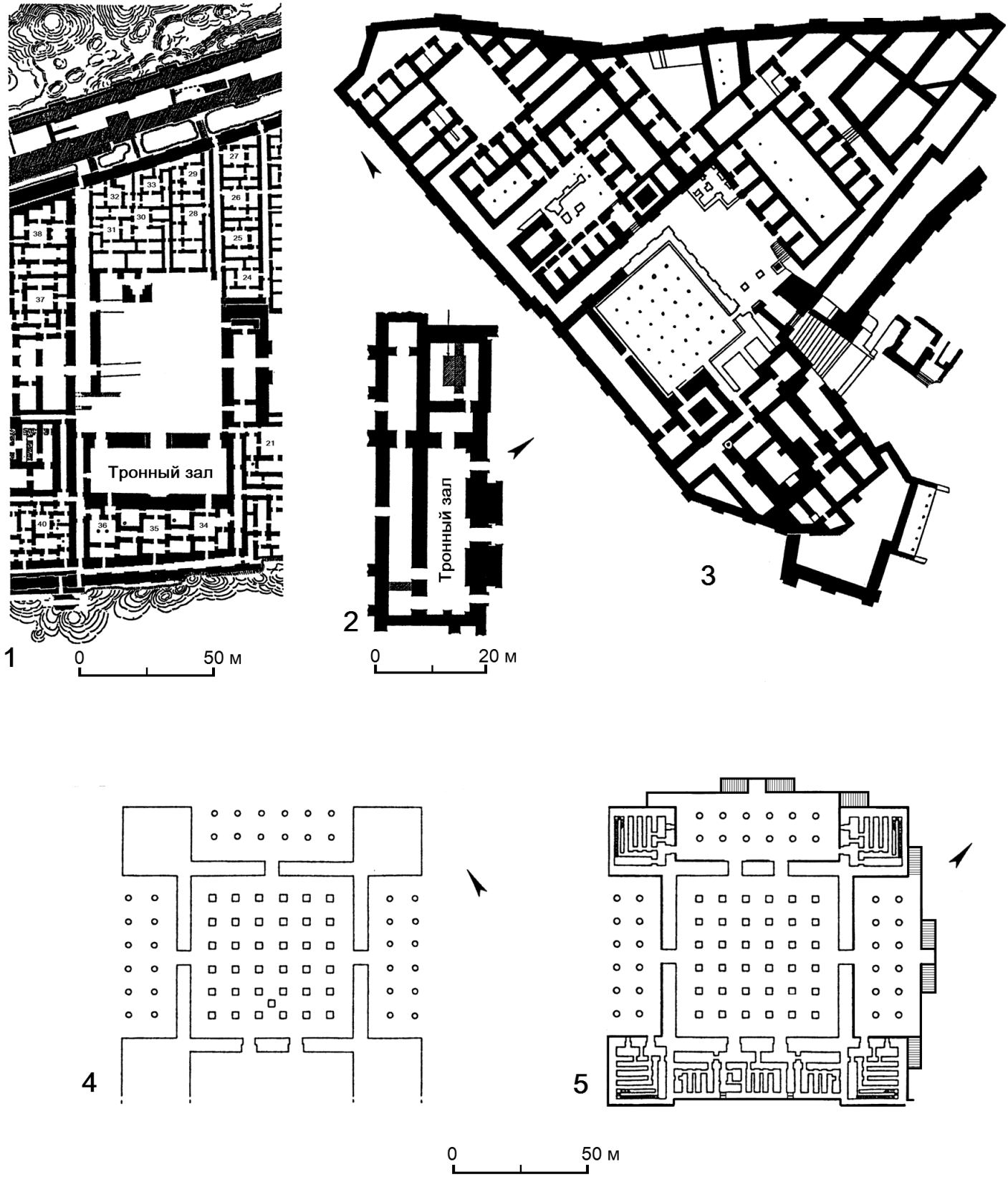
Архитектурные особенности Годин II, Нуш-и Джан I, Муш тепе, Озбаки и Гунеспан тепе, их керамическая и строительная традиции позволяют говорить о том, что они уже обладали общими компонентами культуры будущего Мидийского царства. К сожалению, современный Хамадан перекрыл древние слои города, и мы не можем судить о том великолепии Хангматаны/Экбатан, о котором сообщал Геродот (*Hdt.* I. 98).

Очевидно, что рассмотренные памятники не принадлежат одной архитектурной и строительной традиции. И если архитектура Баба Джан III, как и Хасанлу, отражает древние западные традиции *бит-хилани* и *мегарона*, то в Годин II и Нуш-и Джан I наблюдается нечто принципиально новое. Храм с алтарём для огня не имеет аналогов нигде прежде. Очевидно это относится и к многоколонному залу без окружающих его помещений.

В 1954 г. Г. Франкфорт написал “ахеменидские колонные залы происходят из мидийской архитектуры, от которой ничего не осталось” (Gopnik, Rothmann 2011, 339). Раскопки мидийских памятников Нуш-и Джан и Годин тепе подтвердили слова Г. Франкфорта о мидийских истоках ахеменидского зала. Но была ли концепция многоколонного зала мидийским изобретением или мидийцы заимствовали эту идею извне?

Колонны использовались на всём древнем Востоке: они формировали портики вокруг здания, поддерживали балконы/галереи, но очень редко использовались в интерьерном пространстве и никогда не использовались в тронной комнате. Например, во дворцах Ашшурнацирапала II (Нимруд/Кальху, IX в.) и Саргона (Дур-Шаррукин / Хорсабад, VIII в.) эти узкие длинные комнаты имели одинаковые размеры и пропорции 10 × 45 м (Winter 1993, fig. 7, 9,10). Следовательно, они перекрывались одним рядом стволов и колонны не требовались. То же самое относится к тронной комнате во дворце Набопаласара и Навуходоносора, хотя она шириной около 15 м (конец VII — первая половина VI в.) (Winter 1993, fig. 8; рис. 7, *1–2*).

В урартских городах также не было многоколонных залов (см. дворцовый комплекс в северной части Арин-берда, рис. 7, *3*). Здесь они появились только в ахеменидский период, когда в некоторых бывших урартских городах в начале V в. обосновалась ахеменидская администрация. Так было в Эребуни (Аринберд, Армения), которой стал центром сатрапии. В этом городе, основанным в 782 г. до н. э. Аргишти I, 36-ти колонный зал был возведён персами на месте храма урартского бога Халди, точнее был пристроен к нему. Храм представлял собой вытянутое узкое помещение с 12-ти колонным портиком (2 ряда по 6 колонн),

1. Heinrich 1984, Abb. 128; 2. Loud, Altman 1938, pl. 86, Palace;
3. Оганесян 1980, илл. 86; 4–5. Stronach 1985, fig. 1.

Рис. 7. Планы дворцов Набопаласара и Навуходоносора II (1), Саргона II (2), ахеменидской *ападаны* в Арин-берде (3), Сузах (4), Персеполе (5)

к которым при возведении зала добавили ещё 3 ряда колонн, зал не имел угловых башен (Tirats'yan 2003, 43–50, pl. 7; рис. 7, *3*). На Алтынтепе (Турция, 2-я пол. VIII в.) многоколонный зал частично перекрыл здание урартского храма (3 ряда по 6 колонн) (Forbes 1983, 21, 59, fig. 13), что доказывает не-урартское происхождение многоколонных залов.

Не было многоколонных залов в начале I тыс. до н. э. и в Средней Азии. Остаётся открытым вопрос о происхождении зала с девятью кирпичными столбами/колоннами в храме Тиллятепе в Афганистане (Сариниди 1989, 21–22, рис. 2). Хотя западно-иранское влияние на архитектуру храма Тиллятепе не исключалось (Мамедов 2003, 76–77), но, кроме кирпичных столбов (в Иране они деревянные), ничего в сложной планировке храма не напоминает архитектуру западноиранских памятников.

В Иране в Хасанлу IX-VIII вв., как и на всей территории Урарту, залы, окруженные помещениями хозяйственного назначения, имели только два ряда колонн (Forbes 1983, 56, fig. 31–32). Назначение залов не всегда определяется, но, например, в Хасанлу IVB два зала с четырьмя колоннами (BB IVE, V), как и зал с четырнадцатью колоннами в Бастаме, служили конюшней (Forbes 1983, 56; Schauensee 1989, 38). Малоазийское влияние *мегарона* на архитектуру таких залов очевидно, как и влияние *бит-хилани* в Баба Джан тепе. Но мидийские и ахеменидские залы не испытали их влияния: они имели другую архитектурную концепцию (парадный зал без жилых и хозяйственных помещений), увеличилась площадь зала и соответственно понадобилось большее число рядов колонн.

Ахеменидская *ападана* — это многоколонный зал, который предназначался для торжественных приёмов и мог вместить до 10 000 человек. *Ападана* в Персеполе (60 × 60 м), как и в Сузах (58 × 58 м), состояла из 36-ти колонного зала, окружённого с трёх сторон портиками с двумя рядами колонн (6 × 2), по углам здания башни с лестницами, ведущими на крышу (рис. 7, *4–5*). Колонны каменные, но в некоторых зданиях Персеполя они были и деревянные.

Если в узком зале ассирийского дворца внимание входящих фокусировалось на царской персоне, то в *ападане* акценты были другие. Лестницы, ведущие в зал украшены рельефами, как и другие здания Персеполя, изображения на которых которые служили пропагандой новых идей ахеменидской государственности, прежде всего, идеи обуздания зла и идеи всеобщего согласия. Первая идея выражена на рельефах изображающих победоносную борьбу царственного героя со львом, быком или львиноподобным монстром. Идею всеобщего согласия воплощают изображения царя на троне, который поддерживают представители народов империи в общем восхвалении, в том числе мидийцы и персы; или царь на троне принимает посланников из всех стран империи, несущих дары царю; уважение к гостям выражено тем, что все они в присутствии царя со своим оружием.

В *ападане* царь собирал подданных со всех концов империи, демонстрируя всем её размеры как изобразительностью на стенах, так и архитектурным пространством огромного зала. Начиная с эпохи Кира II, многое можно назвать новым и в политике: не практиковалась депортация завоёванного населения, о веротерпимости свидетельствует восстановление храмов в Вавилоне и в Иерусалиме и т. п. В официальных документах о завоеваниях сообщается в общих выражениях, что не означает, что в действительности завоевания обходились без жестокости и убийств. Но пропагандируется желаемый результат — спокойное существование всех жителей Ахеменидской империи, которые в день великих праздников несут дары царю, всегда отводящему от них зло.

Всё это разительным образом отличается от жестокости и безжалостной ассимиляции ассирийской практики, отображённой в ассирийской культуре и искусстве. Анналы полны восхваления жестокости и насилия, никогда ассирийским царям не приписывались терпимость, справедливость или забота о подвластных народах. И такой же простодушный реализм мы видим на рельефах из ассирийских дворцов. Только на ассирийских рельефах поверженные враги изображены обнажёнными — крайняя мера унижения, у хеттов — поверженный враг изображён одетым. По-видимому, неуважение к подчинённым народам исключало приглашение во дворец их представителей: небольших размеров тронная комната предназначалась для приёма узкого круга приближённых. Для разного рода праздников предназначались дворы, при-храмовые территории и т. п.

Итак, Ахемениды сделали зал местом пропаганды. Но всё это было оформлено уже в ахеменидский период. А что же было в Мидии, почему там уже существовали многоколонные залы, пусть и меньших размеров? Раз они появились у отдельных владетелей будущего Мидийского царства, значит, в них была потребность. В зале вдоль стен находились скамейки, на которых сидели и вели беседы. Что это — потребность совместно обсуждать с правителем текущие дела? И восходит эта потребность к недавнему иранскому прошлому с его традициями патриархально-общинного строя. Как бы то ни было, именно мидийцы создали новую архитектурную концепцию, при этом заимствования извне, даже в строительных деталях, чётко не определяются. Их планировочные и строительные нововведения стали составляющей частью иранской культуры в ахеменидский и последующие периоды истории древнего Востока.

Литература

Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племён Передней Азии. М., 2007.

Мамедов М. Древняя архитектура Бактрии и Маргианы. Ашхабад, 2003.

Медведская И. Н. Ахеменидская культура // История древнего Востока: от ранних государственных образований до древних империй / А. В. Седов (ред.). М., 2004.

Медведская И. Н. Древний Иран накануне империй: история Мидийского царства. СПб., 2010.

Оганесян К. Крепость Эребуни. Ереван, 1980.

Пиотровский Б. Б. Ванское царство (Урарту). М., 1959.

Сариниди В. И. Храм и некрополь Тиллятепе. М., 1989.

Akurgal E. Phrygische Kunst. Ankara, 1955.

Dyson R. Architecture of the Iron I Period at Hasanlu in Western Iran and its Implications for Theories of Migration on the Iranian Plateau // Le plateau iranien et l'Asie centrale des origines à la conquête islamique (Colloques internationaux de la recherche scientifique 567). Paris, 1977.

Dyson R., Voigt M. M. A Temple at Hasanlu // Yeki bud, yeki nabud. Essays on the archaeology of Iran in Honor of William M. Sumner / N. F. Miller, K. Abdi (eds.). Los Angeles, 2003.

Forbes Th. B. Urartian Architecture // BAR International Series 170. Oxf., 1983.

Ghirshman R. La civilisation achéménide et l'Urartu // A Locust's Leg. Studies in Honour of S. H. Tagizadeh. L., 1962.

Goff Meade C. Lūristan in the first half of the First Millennium B. C. // Iran. 1968. Vol. VI.

Goff C. Excavations at Baba Jan, 1967: Second Preliminary Report // Iran. 1969. Vol. VII.

Goff C. Excavations at Baba Jan, 1968: Third Preliminary Report // Iran. 1970. Vol. VIII.

Goff C. Excavations at Baba Jan: the Architecture of the East Mound, Levels II and III // Iran. 1977. Vol. XV.

Goff C. Excavations at Baba Jan: the Pottery and Metal from Levels III and II // Iran. 1978. Vol. XVI.

Gopnik H. The ceramics from Godin II from the late 7th to early 5th centuries BC // Continuity of Empire (?): Assyria, Media, Persia / G. B. Lanfranchi, M. Roaf, R. Rollinger (eds.). Padova, 2003.

Gopnik H., Rothman M. S. On the High Road: the History of Godin Tepe, Iran. Toronto, 2011.

Gunter A. Representations of Urartian and Western Iranian Fortress Architecture in the Assyrian Reliefs // Iran. 1982. Vol. XX.

Heinrich E. Die Paläste im alten Mesopotamien. Berlin, 1984.

Kroll St. Archaeology between Urartu and the Achaemenids // International Symposium on East Anatolia — South Caucasus Cultures: Proceedings II. Cambridge, 2015.

Loud G., Altman C. B. Khorsabad. Part II. The Citadel and the Town. Oriental Institute Publication. Vol. XL. Chicago, 1938.

Mohammadifar Y., Sarraf M. R., Motarjem A. A Preliminary Report on Four Seasons of Excavations at Moush Tepe, Hamedan, Iran // IA. 2015. Vol. L.

Naseri R., Malekzadeh M., Naseri A. Gūnespān: a Late Iron Age site in the Median Heartland // IA. 2016. Vol. LI.

Roaf M. Media and Mesopatamia: History and Architecture // Later Mesopatamia and Iran: Tribes and Empires 1600–539 BC (Proceedings of a Seminar in memory of Vladimir G. Lukonin) / J. Curtis (ed.). L., 1995.

Roaf M., Stronach D. Tepe Nūsh-I Jān, 1970: Second Interim Report // Iran. 1973. Vol. XI.

Schauensee M. de. Horse Gear from Hasanlu // Expedition. 1989. Vol. 31, 2–3.

Stronach D. Tepe Nush-I Jan: a Mound in Media // The Metropolitan Museum of Art. 1968. Bull. XXVII.

Stronach D. Excavations at Tepe Nūsh-I Jan, 1967 // Iran. 1969. Vol. VII.

Stronach D. Tepe Nush-i Jan and Shahr-i Qumis // Bulletin of the Asia Institute of Pahlavi University. Shiraz, 1973.

Stronach D. Achaemenid Village I at Susa and the Persian migration to Fars // Iraq. 1974. Vol. XXXVI, 1–2.

Stronach D. Notes on religion in Iran in the seventh and sixth centuries B. C. // Acta Iranica. 1984. Vol. 23.

Stronach D. Apadana: a signature of the line of Darius I // De l'Indus aux Balkans: Recueil à la mémoire de Jean Deshayes / J.-L. Huot, M. Yon, Y. Calvet (eds.). Paris, 1985.

Stronach D. Independent Media: archaeological notes from the homeland // Continuity of Empire (?): Assyria, Media, Persia / G. B. Lanfranchi, M. Roaf, R. Rollinger (eds.). Padova, 2003.

Stronach D., Roaf M. Excavations at Tepe Nush-i Jan, part 1. A Third Interim Report // Iran. 1978. Vol. XVI.

Stronach R. Excavations at Tepe Nush-i Jan, part 2. Median Pottery from the Fallen Floor in the Fort // Iran. 1978. Vol. XVI.

Tilia A. B. Reconstruction of the Parapet on the Terrace Wall at Persepolis, South and West of Palace H // East and West. 1969. Vol. 19.

Tirats'yan G. A. The Columned Hall in Arinberd and the Problem of Satrap Center in the Armenian Highland // From Urartu to Armenia: Florilegium Gevork A. Tirats'yan / R. Vardanyan (ed.). Neuchâtel, 2003.

Winter I. J. "Seat of Kingship" / "a Wonder to Behold": The Palace as Construct in the Ancient Near East // Ars Orientalis. 1993. Vol. 23.

Yadin Y. The Art of Warfare in Biblical Lands in the Light of Archaeological Discovery. Jerusalem — Ramat Gan, 1953.

Young T. C. Thoughts on the architecture of Hasanlu IV // IA. 1966. Vol. VI.

Р.И. Папуашвили, А.С. Балахванцев

БИМЕТАЛЛИЧЕСКИЕ КЛЕВЦЫ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ КОЛХИДЫ (ЭРГЕТА II, ЦАИШИ)

В 2005 и 2015 гг. в колхидских могильниках Цаиши и Эргета II, расположенных на территории современной Западной Грузии, были обнаружены 3 биметаллических клевца. На основе характеристики погребального обряда и сопутствующего инвентаря погребения и находки датируются концом VII – началом VI вв. до н. э. Биметаллические клевцы, являющиеся одним из характерных признаков раннескифской культуры, наряду со скифским именем царя колхов Савлака, свидетельствуют о тесных связях Кулха (Колхиды) с пришедшими с Северного Кавказа ираноязычными кочевниками.

In 2005 and 2015 three bimetallic pickaxes were found in the Colchidian cemetery of Tsaishi and Ergeta in present-day western Georgia. These finds can be dated to the late 7th – early 6th century BC from funerary rites and grave goods. Bimetallic pickaxes are one of the characteristic features of the Early Scythian culture. Together with the Scythian name of Saulaces, king of Colchis, they are good evidence of close relations between Qulha (Colchis) and Iranian-speaking nomads arrived from the North Caucasus.

В творчестве М. Н. Погребовой важное место занимают исследования, посвященные изучению контактов древнего населения Северного Кавказа со странами Закавказья и Передней Азии. Эти вопросы всегда рассматривались в её работах на основе широкого круга археологических, этнографических, лингвистических и письменных источников. Представленная нами статья является скромным даром памяти выдающегося ученого, внесшего огромный вклад в изучение истории и культуры народов Кавказа.

В 2005 году в селе Цаиши Зугдидского района Грузии при проведении земледельческих работ на лавровой плантации местный фермер Т. Тупуриа случайно обнаружил биметаллический клевец (рис. 1, *1*)[1]. Указанная плантация и прилегающая к ней территория скрывали под собой обширный могильник (второй половины II тыс. до н. э. — IV / III вв. до н. э.), в котором засвидетельствовано существование культовой площадки, больших коллективных погребальных ям и индивидуальных погребений.

Большие коллективные погребальные ямы № 1 и № 2 были обнаружены во время раскопок 2005 и 2007 гг. Каждая из них содержала многочисленный и разнообразный инвентарь. Яма № 2 относится к первой четверти I тыс. до н. э., а яма № 1 может датироваться второй половиной VIII — первой половиной VII в. до н. э. Остальную часть могильника еще предстоит раскопать. Указанный клевец, как это уже отмечалось, был случайно обнаружен примерно в 30 м северо-западнее упомянутых ям на глубине 20–30 см. Вблизи этого места были зафиксированы разновременные глиняные и металлические артефакты (рис. 2).

Ещё два подобных клевца были обнаружены в 2015 году, в 13,5 км от Цаиши, в коллективной погребальной яме № 11 могильника Эргета II (рис. 1, *2–3*). Все они, вместе с сопровождающим инвентарем, теперь хранятся в Зугдидском музее.

Второй Эргетский могильник находится в Зугдидском районе, в западной части села Эргета, в 4,3 км от берега Черного моря. В 1980 году, когда на этом могильнике начались археологические работы, место представляло собой маленькую лужайку и использовалось в качестве пастбища для скота. Сегодня оно находится в частной собственности, и на нем имеются насаждения ореховых деревьев. Раскопки проходили здесь в 1980–1982, 1997–1998, 2002, 2013–2015 гг. Обнаружены 13 коллективных погребальных ям и культовая площадка времени поздней бронзы и раннего железа (рис. 3).

Контур могильной ямы № 11 стал заметен на глубине 1 м. На общем фоне почвы он выделялся синеватой полоской шириной 15–20 см. После снятия слоя земли обнаружилось, что могильная яма имеет форму треугольника с округлыми углами, площадью при-

[1] Рис. 1 размещён на цветной вклейке.

мерно 55 м^2 (рис. 4, *1*). Погребальный слой толщиной не более 25 см., который состоит из инвентаря, разложившихся костей и других органических веществ, почти горизонтально простирается на глубине 1,2 метров (с небольшим наклоном в южную сторону) и имеет форму миски (рис. 4, *2*). Он лежит непосредственно на грунте с песком. Находки зубов позволили высказать предположение, что в яме могли быть похоронено до ста покойников.

Погребальный инвентарь (рис. 5) в основном состоял из украшений, орудий труда и оружия из железа. Большинство украшений представлено бусами, изготовленными из различных материалов. Следует отметить обнаруженную в центральной части ямы группу гишеровых бус, которые, по всей видимости, были нанизаны на одну нить. Часты случаи обнаружения бус из сердолика, пасты и разноцветных стекол, как по отдельности, так и компактно сгруппированных. Серебряные изделия представлены несколькими кольцами, а золото — фрагментами бус малых размеров. Из бронзы выполнены 4 пряжки, несколько браслетов, 3 кольца (рис. 5, *30–31, 43–44*), шейная гривна (рис. 5, *47*), диадема (рис. 5, *46*), 2 фибулы, одна плоскоскобая и покрытая прекрасной гравировкой (рис. 5, *40*), а вторая крученоскобая (рис. 5, *41*).

Оружие и орудия труда из железа представлены 6 акинаками (рис. 5, *10*), 38 кинжалами, 13 ножами (рис. 5, *8–9, 14*), 27 сегментами (рис. 5, *6*), 32 мотыгами, которые очень похожи на современные (рис. 5, *7*), 6 лемехами (рис. 5, *28*) и 10 топорами (рис. 5, *29*). Из орудий труда следует также отметить выполненные из бронзы миниатюрный бронзовый топор (рис. 5, *11*) и до 4 сегментов (рис. 5, *12–13*).

Наряду с этим в погребальной яме были обнаружены бронзовые миниатюрные зооморфные фигурки (рис. 5, *32–35*), цепь, колокольчики (рис. 5, *20–21, 36–39*), амулет в виде шестипалой кисти руки (рис. 5, 22) и другие мелкие, порой неопределимые предметы. Глиняные изделия представлены многочисленными горшками, трубчатыми кувшинчиками, сосудами и декоративной керамикой, среди которой следует отметить изысканной формы двуручник в форме вазы и миниатюрную мискообразную посуду (рис. 5, *1–5*). К изделиям из камня относятся до десяти точил, кремневый наконечник стрелы и вкладыши серпов (рис. 5, *16–18*).

В целом, вещи (около 300) бессистемно смешаны друг с другом, поэтому из них сложно выделить отдельные комплексы. Следует также иметь в виду, что данные о числе предметов предварительны, и установление их точного количества станет возможным лишь после основательной обработки и отделения их друг от друга.

Могильная яма № 11 использовалась в течение приблизительно 30 лет (± 10 лет). По характеру захоронения и составу инвентаря она схожа с распространёнными на Колхидской низменности коллективными погребальными ямами, существовавшими до середины VI в. до н. э. Могильная яма № 11 особенно близка к погребению № 1 могильника Эргета III (Mikeladse 1995, abb.10) и погребальной яме № 12 Нигвзианского могильника (Mikeladse 1995, abb. 11). Во всех этих комплексах ведущее место принадлежит орудиям труда из железа (мотыгам, сегментам, топорам и лемехам). Встречаются предметы скифского вооружения: акинаки с брусковидным навершием и почковидным или бабочковидным перекрестием, трехлопастный бронзовый наконечник стрелы. Украшения, по сравнению с погребениями более ранней эпохи, представлены в сравнительно небольшом количестве. Отличительным признаком этой группы памятников являются бронзовые диадемы, которые неизвестны в более ранних комплексах. Полностью отсутствует импортная греческая керамика, которая получает широкое распространение в Колхиде со второй половины VI в. до н. э. По абсолютной хронологической шкале, разработанной одним из авторов статьи, могильники, содержащие подобного рода инвентарь, объединяются в пятую группу и датируются концом VII — началом VI в. до н. э. (Папуашвили 2011, 79–80, 83).

Клевец из Цаиши (рис. 1, *1*) состоит из сильно корродированного железного лезвия, в качестве которого, возможно, был использован обломок ромбовидного в сечении клинка кинжала, и бронзовой цилиндрической втулки, закрытой в верхней части. Между бойком и втулкой находится бронзовая скульптурная голова хищной птицы, частично покрытая окислами железа. Длина лезвия — 220 мм, длина втулки — 70 мм, ее диаметр в нижней части от 25 до 30 мм. Толщина стенок втулки 2–3 мм. В нижней части втулки расположено сквозное отверстие, предназначенное для прикрепления клевца к деревянной рукояти.

Первый клевец из Эргета (рис. 1, *2*) состоит из полностью покрытого окислами железного лезвия и бронзовой цилиндрической втулки, закрытой в верхней части. Длина лезвия в нерасчищенном виде — 210 мм, длина втулки — 75 мм. Её диаметр в нижней части от 25 до 30 мм. Толщина стенок втулки 2 мм. В нижней части втулки расположено сквозное отверстие, предназначенное для прикрепления клевца к деревянной рукояти.

От второго клевца из Эргета (рис. 1, *3*), по сути, сохранилась только закрытая в верхней части и покрытая окислами железа бронзовая цилиндрическая втулка длиной не менее 80 мм. Её диаметр в нижней части от 25 до 30 мм. Толщина стенок втулки 2–3 мм. В нижней части втулки расположено сквозное отверстие, предназначенное для прикрепления клевца к деревянной рукояти.

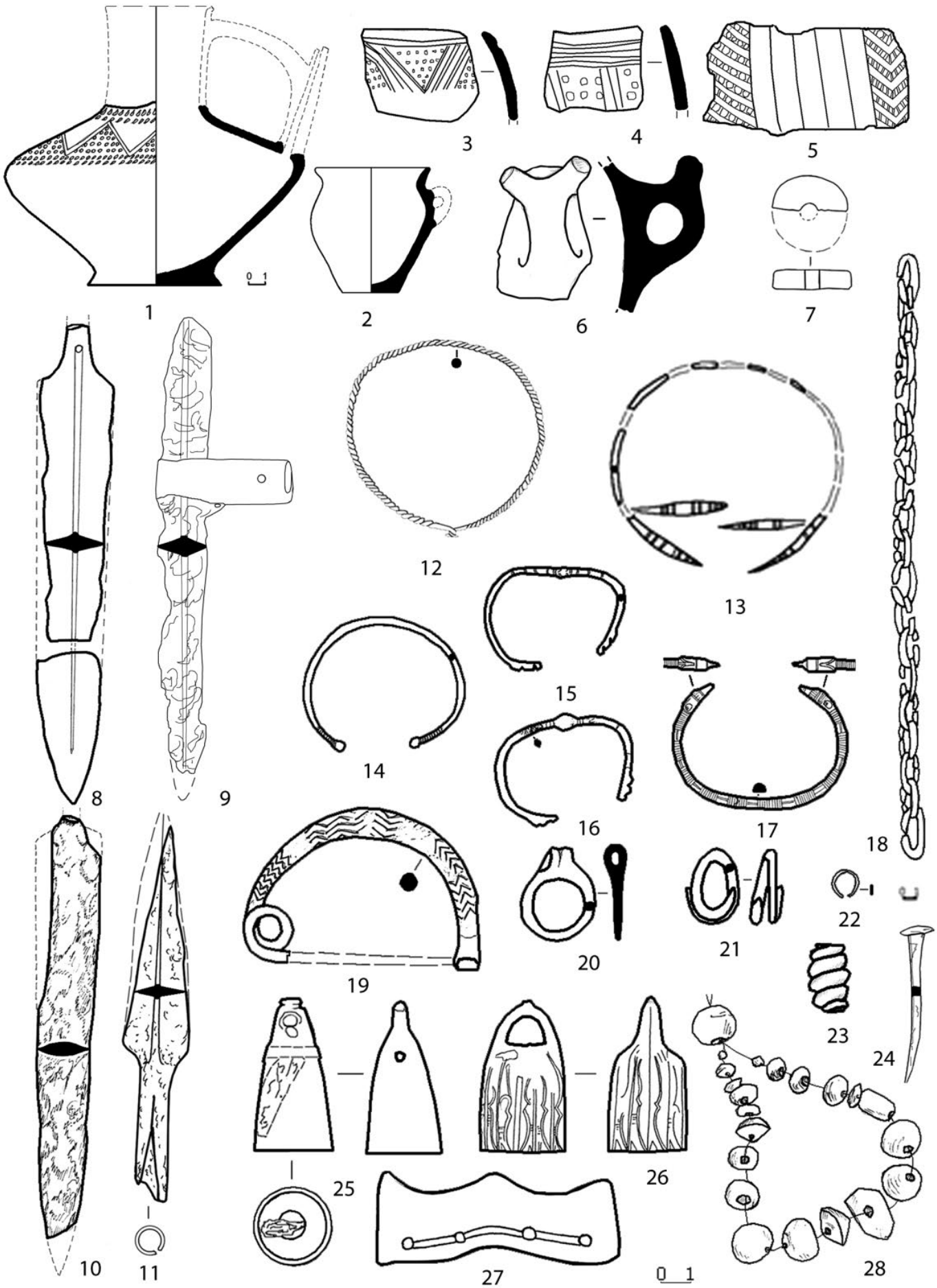

Рис. 2. Находки из Цаишского могильника

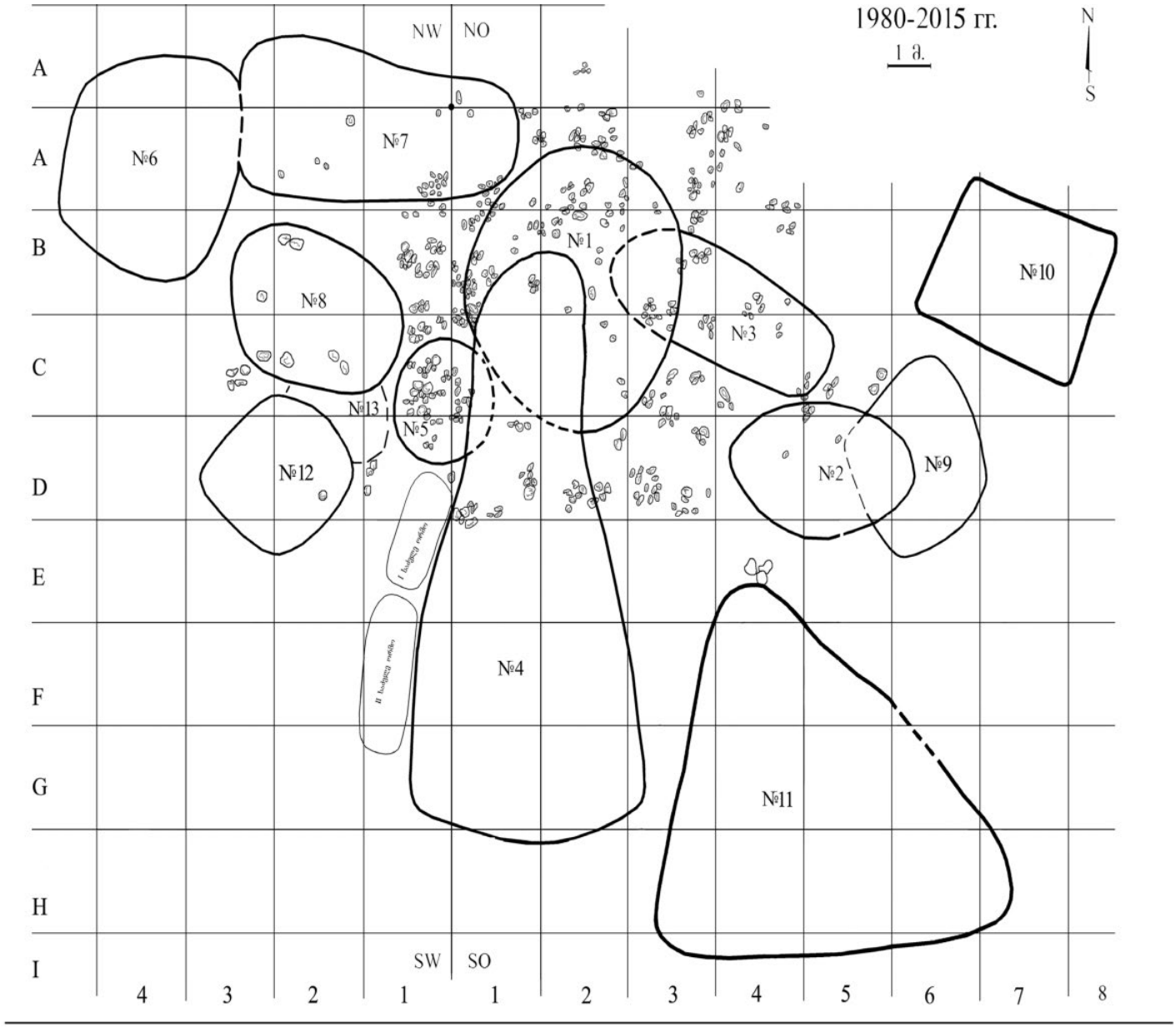

Рис. 3. План могильника Эргета II

Введение в научный оборот биметаллических клевцов (чеканов) из Колхиды является удобным поводом для того, чтобы еще раз коснуться проблемы возникновения и распространения этого важного элемента раннескифской культуры по просторам Евразии. Однако этому должно обязательно предшествовать самое тщательное рассмотрение всей совокупности находок с упором на их датировки. К опубликованному недавно списку (Балахванцев 2015, 23) пятнадцати биметаллических клевцов с головкой хищной птицы из следующих пунктов — д. Боровая в Нижнем Притоболье, городище Нум-то III в Западной Сибири, курган 84 могильника Уйгарак, урочище гора Сулак возле Оренбурга, Бугуруслан, Ананьинский могильник (2 экземпляра), село Орехово Донецкой области, Тамань, Цаиши, район Муша к западу от озера Ван, деревня Имирлер возле Амасьи, Археологический музей Стамбула, Музей Метрополитен в Нью-Йорке, Британский музей — надо прибавить случайную находку у с. Шантарино Челябинской области (Таиров 2010, 101–107)[2]. Со значительной долей условности в него можно включить и два клевца из Эргета, хотя состояние последних пока не позволяет утверждать, что у них под бойками имелись птичьи головки.

Ранее один из авторов этой статьи датировал клевец из Цаиши VI в. до н. э. (Балахванцев 2015, 23).

[2] Наряду с этим появилась информация о существовании ещё пяти аналогичных клевцов. Один из них был обнаружен на Северном Кавказе и хранится в частной коллекции в Москве, а фотографии остальных, происходящих, в частности, из Харьковской и Винницкой областей Украины, найдены в интернете.

Однако осуществленная Р. И. Папуашвили частичная расчистка клевца показала наличие у него более проработанной головки, чем это казалось ранее. Поэтому для него нельзя исключить и конец VII в. до н. э. Что же касается клевцов из Эргета, то, в связи с крайне плохой сохранностью, их следует датировать по археологическому контексту и также отнести к концу VII — началу VI вв. до н. э. Таким образом, новые колхидские находки хорошо вписываются в существующие представления о времени бытования данной группы артефактов.

Переходя к вопросу о возможности происхождения биметаллических клевцов с головой хищной птицы от бронзовых тагарских чеканов, следует еще раз подчеркнуть, что даже существование между ними типологической связи отнюдь не доказывает, что первые были дериватами вторых (Балахванцев 2015, 24). Против чрезмерного упрощения взаимоотношений двух этих групп артефактов свидетельствует и серьезное отличие в строении втулки: если у биметаллических клевцов её верхняя часть всегда закрыта, то для бронзовых чеканов это совершенно не характерно.

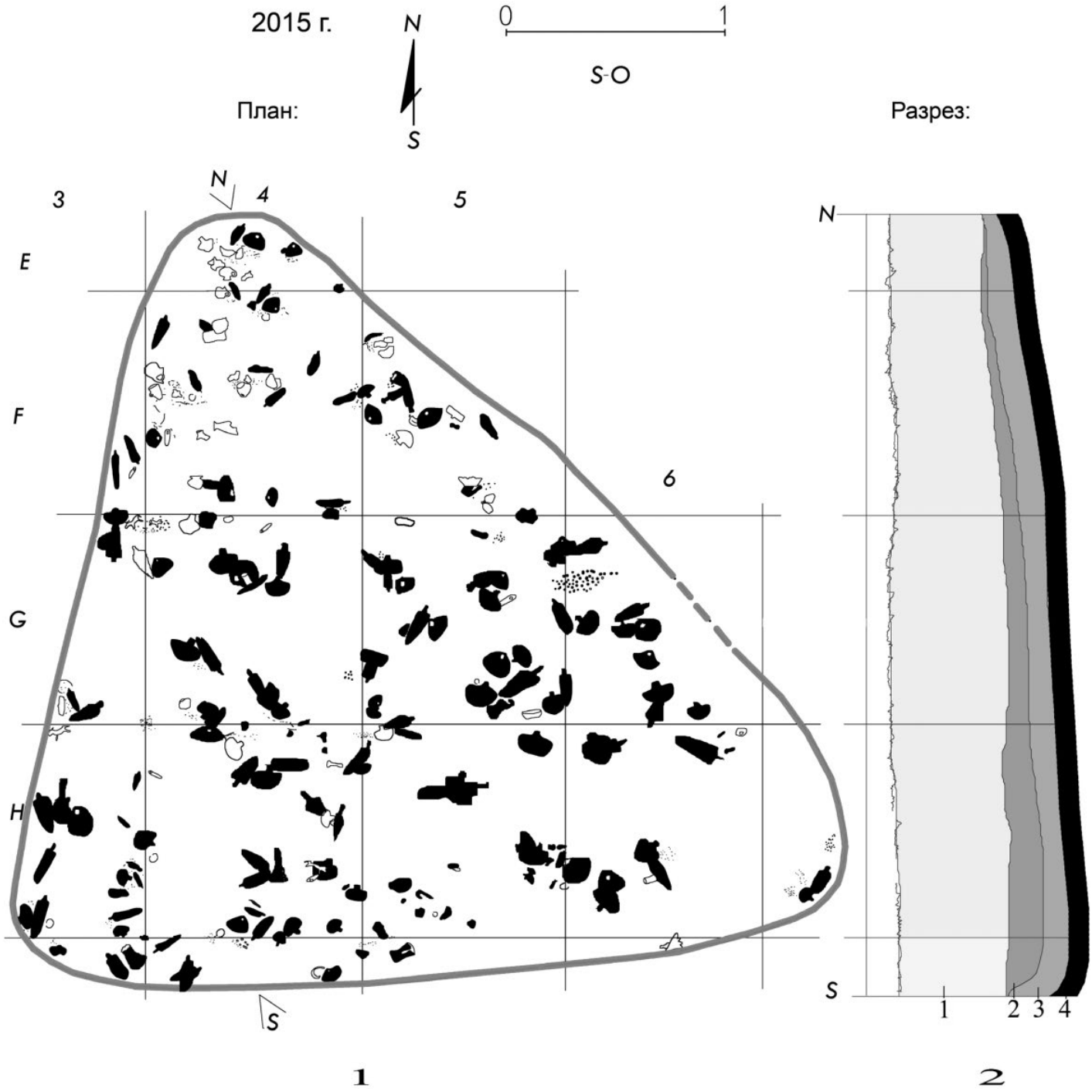

Рис. 4. Могильная яма № 11. План и разрез

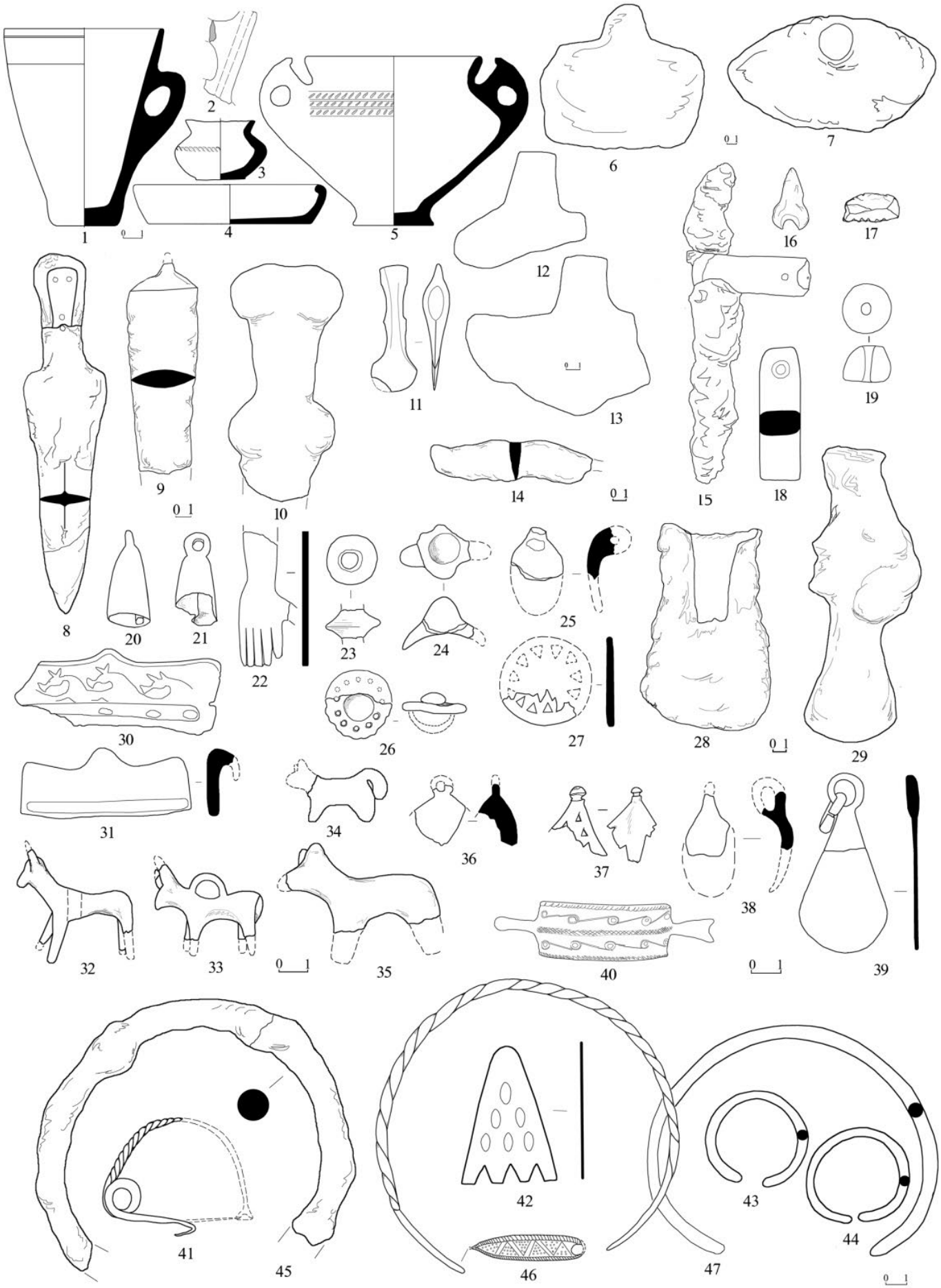

Рис. 5. Основные находки из могильной ямы № 11

Одному из авторов статьи уже приходилось утверждать, что биметаллические клевцы на Северный Кавказ и в Северное Причерноморье принесли ранние скифы, однако их распространение в Закавказье и Малой Азии объясняется продвижением не только скифов, но и киммерийцев (Балахванцев 2015, 24). Представляется, что новые находки в Закавказье и на Украине, в местах, связанных как с киммерийцами, так и со скифами, подтверждают данную точку зрения.

Именно присутствием ираноязычных кочевников в Колхиде можно объяснить столь поразительные успехи Савлака в борьбе с Ашшурбанипалом[3]. Это присутствие подтверждается и анализом имени самого царя колхов[4]. Уже Ф. Юсти считал это имя иранским и понимал как «Бегун» или «Рысак» (Justi 1895, 292). Можно догадаться, что он выводил его первую часть из общеиранского *č(i)i̯au — «двигаться» (Расторгуева, Эдельман 2003, 262–268). Однако в предложенной этимологии никак не объясняется второй элемент имени, что ослабляет её доказательную силу.

Г. А. Меликишвили, вслед за Л. Згустой (Zgusta 1955, 59), считал его скифо-сарматским и сравнивал с осетинским именем Saulä̈g (Меликишвили 1959, 472, прим. 339). А. И. Иванчик полагает, что имя Савлак сармато-аланское: в его первой части содержится древнеиранское слово *syāva- > *sāv- «черный», а во второй — алано-осетинское læg «мужчина, муж», которое является ранним заимствованием из кавказских языков (Иванчик 2005, 215).

К сожалению, предложенная А. И. Иванчиком этимология построена по принципу, от следования которому предостерегал ещё И. М. Дьяконов: «… подыскивают отдаленно похожие слова в других языках (хорошо еще, если соседних и близких по времени), причем часто для одной половины…термина подыскивают аналогию из одного языка, для другой половины — из другого, не имеющего с первым ничего общего. Историческое изменение звукового состава часто не учитывается» (Дьяконов 2008, 89).

Кроме методологической неправомерности подобного рассуждения следует обратить внимание ещё на одно обстоятельство. Имя Савлак[5] — даже если пока и оставить в стороне царя Колхиды второй половины VII в. до н. э. — надежно зафиксировано на колхских монетах второй половины II в. до н. э. (Gutschmidt 1876, 150–153; Голенко 1951, 202–203; Капанадзе, Голенко 1957, 95; Меликишвили 1959, 305; Голенко 1963, 70–81; Матиашвили 2005, 141). Их эмитент, царь Савлак, должен был родиться не позднее середины II в. до н. э. Между тем, сарматы появились в Закубанье, через которое только и могли идти их контакты с Колхидой, не ранее конца II в. до н. э. (Балахванцев, Беглова 2011, 578). Что же касается аланов, то они вплоть до середины I в. н. э. обитали к востоку от Каспийского моря (Балахванцев 2009, 9–12). Естественно, что ни те, ни другие не имели к этому имени никакого отношения.

Представляется, что данное имя было иранским и его следует выводить из общеиранского *Śava-da-ka > древнеиранское *Sava-da-ka > Sav-la-ka — «приносящий пользу, дающий силу»[6]. Между тем, переход общеиранского *d > l в интервокальной позиции и в начале слова является отличительным признаком скифского языка (Раевский и др. 2013, 28–31). Наличие скифского имени у царя колхов, жившего во второй половине VII в. до н. э.[7], можно объяснить династическими браками, которые должны были скрепить союз между царством Кулха и пришедшими из-за Кавказа скифами и киммерийцами. Таким образом, археологические и лингвистические данные убедительно свидетельствуют о тесных связях Кулха (Колхиды) с появившимися на её территории ираноязычными кочевниками.

[3] См. статью А. С. Балахванцева в данном сборнике.

[4] Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить С. В. Кулланду за ценные консультации. Разумеется, вся ответственность за сделанные выводы ложится на меня (А. С. Балахванцев).

[5] В форме Саулах оно существовало в Западной Грузии еще в середине XX века (Капанадзе 1951, 204).

[6] В древнеиранском sava- имеет значение «польза, выгода» (Bartholomae 1961, 1561), а причастие da- переводится как «дающий» (Расторгуева, Эдельман 2003, 437).

[7] Если учесть, что победа Савлака над Ашшурбанипалом относится к 30-ым годам VII в. до н. э., то его наречение данным именем при рождении не могло произойти позже 650 г. до н. э. Стало быть, *terminus ante quem* перехода общеиранского *d > l в скифском языке следует отнести не к концу VII в. до н. э. (Раевский и др. 2013, 45), а — самое позднее — к его середине.

Литература

Балахванцев А. С. Сарматы I–IV вв. н. э. по данным античных авторов // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV: Позднесарматская культура. М., 2009.

Балахванцев А. С. Биметаллический клевец из Бугуруслана и проблема становления раннескифской культуры // Война и военное дело в скифо–сарматском мире / С. И. Лукьяшко (ред.). Ростов-на-Дону, 2015.

Балахванцев А. С., Беглова Е. А. Арифарн — царь фатеев или сираков? // Боспорский феномен: население, языки, контакты. СПб., 2011.

Голенко К. В. О монетах, приписываемых Савмаку // ВДИ. 1951. № 4.

Голенко К. В. Еще раз о монетах, приписываемых Савмаку // ВДИ. 1963. № 3.

Дьяконов И. М. История Мидии. СПб., 2008.

Иванчик А. И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М., 2005.

Капанадзе Д. Г. Несколько добавочных замечаний по поводу статьи К. В. Голенко «О монетах, приписываемых Савмаку» // ВДИ. 1951. № 4.

Капанадзе Д. Г., Голенко К. В. К вопросу о происхождении колхидок // ВДИ. 1957. № 4.

Матиашвили Н. Вопросы истории Колхиды эллинистической эпохи. Тбилиси, 2005.

Меликишвили Г. А. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959.

Папуашвили Р. И. К вопросу об абсолютной хронологии могильников Колхиды эпохи поздней бронзы — раннего железа // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / Х. М. Мамаев (ред.). Грозный — М., 2011.

Раевский Д. С., Кулланда С. В., Погребова М. Н. Визуальный фольклор. Поэтика скифского звериного стиля. М., 2013.

Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 2. М., 2003.

Таиров А. Д. Биметаллический чекан из Южного Зауралья // Челябинский гуманитарий. 2010. № 4 (13).

Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. 2. unveränderte Auflage. B., 1961.

Gutschmidt A. Saulakes, König von Kolchis // ZfN. 1876. Bd. 3.

Justi F. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895.

Mikeladse T. Grosse Kollektive Grabgruben der Frühen Eisenzeit in Kolchis // AA. 1995. H. 1.

Zgusta L. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955.

Е. В. Переводчикова

«ВИЗУАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР», LINGUA FRANCA И ПРОИСХОЖДЕНИЕ СКИФСКОГО ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ

В коллективной монографии «Визуальный фольклор. Поэтика скифского звериного стиля» (Раевский, Кулланда, Погребова, 2013) скифский звериный стиль трактуется как своего рода «визуальный фольклор» индоиранских народов по причине сходства его поэтики с гимнами Ригведы. Распространившись из степи Восточной Европы на восток, он стал lingua franca для разных народов евразийской степи.

Однако согласно полицентрической концепции происхождения скифского звериного стиля он был анэтничен в своей роли lingua franca. Таким образом, в данном случае термин lingua franca обозначает смешанный язык на основе языков контактирующих сторон.

According to collective monograph by D. S. Raevsky, S. V.Kullanda, M. N. Pogrebova “Visual folk-lore. Poetics of Scythian Animal Style” Scythian Art can be treated as a kind of. “visual folk-lore” of Indo-Iranian people because of its poetical likeness to the Rigveda hymns. Spread from Eastern European steppes eastwards it became lingua franca for different nomadic peoples of Eurasian steppe.

But according to polycentric concept of Scythian Animal Style genesis it was non-ethnical in its role of lingua franca. So in this case lingua franca means a hybrid language containing elements of different contacting languages.

Одним из последних трудов М. Н. Погребовой стало ее участие в коллективной монографии «Визуальный фольклор. Поэтика скифского звериного стиля» (Раевский, Кулланда, Погребова 2013). В этой работе М. Н. Погребова и С. В. Кулланда развили идеи Д. С. Раевского о скифском искусстве как своего рода «визуальном фольклоре», дополнили их исследованием в области скифского языка и поместили в контекст ранней истории скифской культуры.

Исследование отличается подробностью изложения. Это касается и характеристики скифского языка, и анализа произведений звериного стиля, и описания того исторического контекста, в котором существовало раннее скифское искусство.

М. Н. Погребовой, С. В. Кулландой и Д. С. Раевским не предлагается расшифровка значения образов скифского искусства. Поставленная ими задача — исследование не семантики, а поэтики звериного стиля. В результате тщательного анализа художественных особенностей произведений скифского искусства исследователи приходят к выводу об их структурном тождестве с образцами фольклора. А поскольку скифский язык относится к индоиранским и при этом его фольклорные произведения неизвестны, вполне логично и обращение к хорошо исследованным текстам Ригведы. Сходство построения произведений скифского звериного стиля и гимнов Ригведы подробно и аргументировано доказывается.

Скифский звериный стиль, по мнению Д. С. Раевского, С. В. Кулланды и М. Н. Погребовой, служил своего рода lingua franca для кочевников евразийской степи, различных по языку и происхождению. Причина распространения скифского искусства по всей степи Евразии связывается с вопросом его происхождения. Сложившись на основе заимствований из искусства Передней Азии во время переднеазиатских походов скифов, новое искусство распространилось вместе с передвижениями скифских племен в другие области Восточной Европы. Что касается его распространения в восточные области степи, то для доказательства этого тезиса исследователи выделяют искусство звериного стиля из состава «скифской триады» как явление духовной культуры, в отличие от «материального» вооружения, конского снаряжения и других ее компонентов (учитывается современное значение термина «скифская триада», включающее новые категории вещей). Анэтничный характер «скифской триады» Д. С. Раевским, С. В. Кулландой и М. Н. Погребовой не оспаривается, при этом приводится много данных в пользу сложного процесса происхождения ее составных частей. Подробно описывается не только полицентрическое происхождение разных элементов

«скифской триады», но и обозначаются различные пути передвижения отдельных категорий вещей по просторам степи.

Заслуживает особого внимания пассаж о происхождении звериного стиля Приаралья, предшественники образцов которого находятся в круге луристанских бронз (Раевский, Кулланда, Погребова 2013, 162–167). Авторы рассматривают этот сюжет как одну из составных частей переднеазиатской концепции происхождения скифского искусства, хотя, строго говоря, это не совсем так. В процессе сложения скифского звериного стиля на основе искусства Передней Азии происходило заимствование образов животных из иной традиции, не родственной иранскому миру. Что же касается гипотезы о роли луристанских бронз в происхождении звериного стиля Приаралья, то здесь речь идет не о подобном заимствовании, а о предшественниках зооморфного искусства в генетически родственной культуре Луристана. Но независимо от отношения этой гипотезы к переднеазиатской концепции происхождения звериного стиля, она представляет самостоятельный интерес, поскольку обозначает определенное направление поисков, которое заслуживает дальнейшего развития.

В целом придерживаясь изложенной точки зрения, исследователи временами делают исключение для образа свернувшегося хищника, признавая справедливость работ Ю. Б. Полидовича (1994, 67, 68), который склоняется к полицентрическому происхождению этого образа (Раевский, Кулланда, Погребова 2013, 109–112). Когда же заходит речь об изображении свернувшегося зверя из кургана Аржан, то здесь вслед за Е. С. Богдановым (2006) признается вероятность заимствования образа из китайского искусства (Раевский, Кулланда, Погребова 2013, 112).

Отделяя звериный стиль от других составных частей «скифской триады», авторы придают ему роль средства выражения идей, наиболее важных для складывающихся новых этносов (Раевский, Кулланда, Погребова 2013, 157–159). Для этого был необходим новый язык, сложившийся именно в скифской культуре, — скифский звериный стиль. Согласно этой концепции, язык скифского звериного стиля был чужим для иных, не-индоиранских народов степи, и некоторые локальные различия его художественных особенностей объясняются именно этим обстоятельством (Раевский, Кулланда, Погребова 2013, 168–169).

Что касается термина lingua franca, то современные словари, помимо исходного (язык, распространенный в эпоху Средневековья в средиземноморских портах со смешанным населением), дают два его значения: 1) язык, смешанный из элементов разных контактирующих языков (это значение ближе к исходному); 2) язык, использующийся для коммуникации людей, говорящих на разных языках (пример — английский в современном мире). К рассматриваемой ситуации, пожалуй, подходит второе значение, поскольку оно предполагает процесс не гибридизации, а изучения чужого языка.

Некоторые тезисы изложенной концепции (скифское искусство как визуальный фольклор, его переднеазиатское происхождение и последующее распространение по территории Восточной Европы) не вызывают возражения. Однако в ней видится определенное противоречие.

Точка зрения о распространении скифского звериного стиля с запада на восток видится недостаточно согласованной с полицентрическим происхождением культур скифского облика евразийской степи, которое признается исследователями. Причиной этого несогласования представляется отрыв скифского искусства от всего комплекса «скифской триады». Основание для этого — отнесение искусства к сфере духовного, а остальных компонентов — к области материального — не выглядит убедительным, поскольку оппозиция духовное — материальное не была столь жесткой в архаических культурах. Можно при этом напомнить, что произведения скифского искусства размещались на предметах конского снаряжения и вооружения, а также на других «утилитарных» вещах, т. е. были с ними тесно связаны.

Если же рассматривать скифский звериный стиль в контексте всей системы культур скифского облика евразийской степи, то он, являясь одной из составных частей «скифской триады», представляется столь же надэтничным, и происхождение его тоже полицентрично. Концепция полицентрического происхождения скифского искусства уже существует в литературе (Переводчикова 1994, 58–85), поэтому едва ли имеет смысл здесь подробно ее обосновывать. В данном случае следует лишь заметить, что эта точка зрения включает переднеазиатскую концепцию в качестве одной из составных частей (Переводчикова 1994, 66–72). Не противоречит ей и тезис о последующем распространении скифской культуры и искусства по территории лесостепи и степи Восточной Европы, сформулированный и развернуто доказанный ранее (Погребова, Раевский 1992).

Мысль о роли луристанских бронз в происхождении искусства Приаралья также вписывается в полицентрическую концепцию происхождения скифского звериного стиля, поскольку на этой территории найдены одни из наиболее ранних его образцов. Заданное Д. С. Раевским, С. В. Кулландой и М. Н. Погребовой направление поисков выглядит весьма перспективным.

Таким образом, скифский звериный стиль, лишенный этнической привязки, тоже играет роль lingua

franca в коммуникации кочевников евразийских степей, только в другом значении этого термина. Известные локальные различия в искусстве степи Евразии не выглядят как результат недостаточно хорошо выученного чужого языка: они характеризуют самостоятельно сложившиеся произведения искусства, не обнаруживающие признаков, заимствованных друг у друга. Думается, последующая унификация различий, характерных для эпохи сложения звериного стиля, более похожа на процесс сложения единого языка на основе языков контактирующих сторон, нежели на освоение чужого языка.

Возвращаясь к тезису о скифском зверином стиле как «визуальном фольклоре», следует заметить, что при такой трактовке ситуации он сохраняет свою справедливость. Однако в данном контексте хотелось бы особо подчеркнуть его универсальность. Исследователи, признавая наличие универсальных категорий в образцах фольклора, делают основной акцент на индоиранской принадлежности Ригведы, что согласуется с иранским языком скифов и на этой основе приводит к изложенным выше положениям.

Что касается Ригведы, на сравнении с гимнами которой основаны все последующие тезисы, то, являясь памятником индоиранского мира, она содержит много универсального. Это касается прежде всего ее поэтики. Т. Я. Елизаренкова, прежде чем погрузить читателя в мир туманных смыслов ведических гимнов, объясняет особенности их стиля принадлежностью к архаическим ритуальным текстам вообще (Елизаренкова 1999, 6–13). Классическая работа А. Б. Лорда о Гомере как сказителе написана на основе изучения творчества сербских сказителей, однако сразу во введении исследователь отсылает нас к творчеству сказителей всех времен и народов (Лорд 1994, 10), на что обращает наше внимание и Б. Н. Путилов (Путилов 1994, 323–329). Здесь уместно вспомнить, что известная оппозиции письменных и бесписьменных культур носит универсальный характер (Лотман 1987, 3–11).

К категории универсального относится и тождество изображения и называния (Миллер 1929, 39), хотя в трактовке этого явления М. Н. Погребова, С. В. Кулланда и Д. С. Раевский делают акцент на том, что оно характерно для ведических текстов. Называние имени в скифском искусстве отражается не только в приеме зооморфных превращений, которому исследователи придают особое значение, но и в других способах акцентирования основных черт животного (Переводчикова 1994, 22–24).

Сказанное выше отнюдь не противоречит мысли о тождестве скифского звериного стиля и фольклора, а имеет цель ее расширить.

На основе анализа рассмотренных положений можно предложить следующую картину. Скифский звериный стиль, тождественный устному народному творчеству, обладал этим свойством не только в контексте культуры исторических скифов, но и в культуре других кочевых племен и народов евразийской степи. Эти племена и народы не могли не иметь своего фольклора, хотя произведения его до нас и не дошли. Какие бы древние пласты ни содержались в не известных нам фольклорных произведениях древних кочевников, на заре сложения кочевого образа жизни разным народам был действительно необходим общий язык для выражения важных для них общих представлений. И здесь в роли lingua franca выступает скифский звериный стиль, в котором среди прочих пока не известных нам смыслов заложена универсальная идея о строении мироздания (Раевский 1985). Возвращаясь к этому термину, можно отметить, что здесь он, пожалуй, представлен в первом своем значении — общий язык, сложившийся на основе языков контактирующих сторон.

В заключение следует заметить, что эта кратко изложенная точка зрения инспирирована исключительно идеями, представленными Д. С. Раевским, С. В. Кулландой и М. Н. Погребовой в их монографии «Визуальный фольклор. Поэтика скифского звериного стиля», за что я им искренне благодарна.

Литература

Богданов Е. С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск, 2006.

Елизаренкова Т. Я. Слова и вещи в Ригведе. М.,1999.

Лорд А. Б. Сказитель. М., 1994.

Лотман Ю. М. Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры и проблемы переводимости / Б. А. Успенский (ред.). М., 1987.

Миллер А. А. Первобытное искусство // История искусств всех времен и народов. М., 1929.

Переводчикова Е. В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М., 1994.

Погребова М. Н., Раевский Д. С. Ранние скифы и древний Восток. К истории становления скифской культуры. М., 1992.

Полидович Ю. Б. О мотиве свернувшегося хищника в скифском «зверином стиле». РА. 1994. № 4.

Путилов Б. Н. Послесловие // А. Б. Лорд. Сказитель. М., 1994.

Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей 1 тысячелетия до н. э. М., 1985.

Раевский Д. С. Скифский звериный стиль: поэтика и прагматика // Древние цивилизации Евразии. История и культура. Материалы международной научной конференции, посвященной 75–летию Б. А. Литвинского / А. В. Седов (ред.). М., 2001.

Раевский Д. С., Кулланда С. В., Погребова М. Н. Визуальный фольклор. Поэтика скифского звериного стиля. М., 2013.

М. С. Пирцхалава

БУТЕРОЛЬ ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ ТРЕЛИГОРЕБИ

В предлагаемой статье публикуется костяная бутероль, найденная в 2005 году на поселении Трелигореби (северо-западная часть города Тбилиси), среди развалин помещения, в слое второй половины VII–VI вв. до н. э. Наконечник покрывает рельефная композиция. На обеих его сторонах вырезаны фигуры противостоящих кошачьих хищников, выполненные в т. н. скифском зверином стиле. Животные представлены в профиль, они лежат в характерной позе, припав на согнутые лапы. На каждой из сторон предмета две фигуры изображены лицом друг к другу, а внешним контуром туловища служит край бутероли. Проанализировав форму наконечника, позу, композицию и манеру исполнения фигур, можно заключить, что бутероль из Трелигореби – это одно из самых ранних произведений с изображением кошачьего хищника, выполненного в специфичной раннескифской манере; в то же время, представленные на бутероли фигуры хищников содержат черты, уводящие нас к образам искусства луристанских бронз.

A bone bouterolle was discovered in the course of archaeological fieldwork at the settlement of Treligorebi (NW part of Tbilisi) in the layer dated to the second half of the 7th–6th century BC in 2005. It is an oblong scabbard chape, on both sides of which figures of antitethical felines are carved. The crouching animals are represented in profile. The study of the shape of the bouterolle, as well as of the postures, composition and style of feline figures has shown that the bouterolle from Treligorebi is one of the earliest specimens of feline images interpreted in the specific Scythian manner. Stylistically they are close to those on various objects from Ziwiye and despite the variety of compositions and postures, evince a stylistic unity with them; at the same time these feline figures bear features which lead us to the world of Luristan bronzes.

В 2005 году, во время полевых работ на поселении Трелигореби (северо-западная часть города Тбилиси), среди развалин одного из помещений, вернее, в покрывающем эти развалины слое второй половины VII–VI вв. до н. э., был обнаружен костяной наконечник ножен кинжала, на обеих сторонах которого изображены фигуры животных, выполненные в т. н. скифском зверином стиле.[1] Бутероль вырезана из куска цельной кости и имеет весьма необычные очертания, возникшие в результате соединения двух геометрических форм: плоская, удлиненная полуовальная часть предмета переходит в полукруглую деталь, асимметрично примыкающую к ней. На каждой стороне верхней части бутероли имеются две дырочки для скрепления с кожаной или деревянной (вернее, это было обтянутое кожей дерево) основой. Длина бутероли — 6 см., максимальная ширина — 3,5 см. Вещь сильно повреждена: отломана часть одной стороны и не хватает почти всей верхней части другой. Бутероль покрывает рельефная композиция. На обеих её сторонах вырезаны фигуры противостоящих хищников. Животные представлены в профиль, они лежат в характерной позе, припав на согнутые лапы. На каждой из сторон предмета две фигуры обращены мордами друг к другу; а внешним контуром туловища служит край бутероли (рис. 1, *A, B*)[2].

Для того, чтобы легче воспринять предмет, обозначим более уцелевшую его половинку как сторону А, а противоположную, поврежденную, как сторону В. В лучшей сохранности находится фигура зверя на левой части стороны А (рис. 1, *A, a*). Это изображение т. н. кошачьего хищника, выполненное в раннескифской манере. В левом верхнем углу бутероли изображена голова животного. Она передана размещенными в два ряда рельефными формами: в верхнем ряду на одной прямой вдоль края бутероли помещены ухо, в виде рельефного круга с треугольным углублением; глаз, обозначенный рельефным кольцом с глубокой точкой в центре; и морда (ноздря?) в виде двойного валика с глубоким треугольником посередине. В нижнем ряду вплотную друг к другу изображены: щека в виде рельефного кружка и челюсть, обозначенная «полусердцевидной» формой с треугольным углублением. Деталь, острием направленная к челюсти левой

[1] Бутероль находится в выставочном зале Национального Музея Грузии.

[2] Рис. 1 размещён на цветной вклейке.

фигуры, — это морда уже второй, правой фигуры. За ней следует глаз, от которого сохранилась лишь часть рельефного кружка, а под мордой мы видим челюсть, аналогичную челюсти левого животного, недостает лишь уха и, вероятно, щеки. Выходит, что голова правого зверя заходит под морду левого животного и тем самым противостояние этих фигур является асимметричным.

Намного больше пострадала вторая сторона — В: отломана почти вся верхняя часть, на которую приходились головы и передние лапы обоих хищников. Частично сохранились бедра, задние лапы и хвосты животных (рис. 1, *B, b*). Лапы более или менее стерты на всех четырех фигурах, однако заметно, что они располагались на одной прямой и были согнуты в суставах. Ясно прослеживаются их окончания — округлые с углублением посередине.

Обратимся к хвостам. Каждая фигура отличается разным очертанием хвоста: на левой фигуре стороны А длинный хвост тянется вдоль живота параллельно корпусу животного по прямой линии и закручивается в кружок, примыкая к челюсти и разделяя поверхность стороны А на две половинки. Хвост правой фигуры стороны А, в отличие от хвоста левой фигуры, опущен вниз, и, следуя контуру края наконечника, плавно переходит на нижнюю деталь, закручиваясь в петлю-кружок. Необычная картина наблюдается на другой стороне бутероли: средняя часть стороны В слишком повреждена и неудачно склеена так, что нарушены линии деталей. Однако более уцелевшие контуры правой фигуры создают впечатление, что её хвост имеет разветвление — одна линия направляется вверх вдоль тела животного, другая же, подобно хвосту правой фигуры стороны А, переходит на нижнюю полукруглую часть бутероли. У левого зверя стороны В имеется короткий хвост, заканчивающийся крючкообразным кончиком.

Среди скифских древностей нам не удалось найти точной аналогии ни форме бутероли, ни представленной композиции. Известны, однако, аналогии для отдельных деталей на бутероли среди раннескифских изображений кошачьего хищника (Шкурко 1969, 32–35). Особого внимания заслуживает полное совпадение головы хищника на бутероли из Трелигореби с головой кошачьего хищника на костяной пронизи из Келермеса. Их сближает общая схема: обе головы состоят из размещенных в два ряда идентичных форм в одинаковой последовательности (Галанина 1997, табл. 16, *259*; Иванчик 2001, рис. 34, *1*).

О форме предмета можно сказать, что удлиненный корпус нетипичен для раннескифских наконечников ножен, большинство которых имеет т. н. полуовальное очертанние. Исключение составляют удлиненный бронзовый наконечник из Старшей Могилы (Погребова, Раевский 1992, 109, рис. 10, *б*) и костяная бутероль из Кармир-блура (Пиотровский 1970, илл. 96). С наконечником из Трелигореби последнюю сближают и фактура, и манера резьбы: глубоко врезанные детали в центральных частях ушей, глаз, челюсти, кончиков лап и хвостов; а также такая техническая особенность, как наличие сквозных отверстий для прикрепления к основе. Что касается нижней части бутероли, выделяющейся от основного корпуса и тем самым обусловившей своеобразие формы предмета, то ее контур совпадает с очертанием выступа на известной бронзовой бутероли из Фаскау с изображением свернувшегося хищника (Ильинская, Тереножкин 1983, 45, рис. 3). Можно сказать, что пока это единственная аналогия для формы наконечника из Трелигореби. Обращает на себя внимание тот факт, что закрученный в кольцо кончик длинного, опущенного хвоста правой фигуры на стороне А (а также на стороне Б) находится в той части нижней детали бутероли, где на выступе бронзового наконечника из Фаскау помещено схематичное изображение птичьей головы. Тот же мотив лежит в основе оформления кончиков целой серии бронзовых бутеролей из Закавказья и с Северного Кавказа (правда, иного типа), на которых птичий клюв и глаз переданы в виде ажурной спирали и округлой выпуклости (Маисурадзе, Пирцхалава 2011, 71–77). То, что эта нижняя асимметричная деталь бутеролей, несмотря на разницу стиля, всегда представлена крайне стилизованным изображением птичьей головы, подводит к мысли: не является ли свернутый в кружок кончик хвоста на бутероли из Трелигореби одновременно и птичьим глазом? Возможно, это тот случай, когда условный кружок превращается в головку хищной птицы. Если это допустимо, то в таком случае у нас налицо пример специфичного для скифского искусства т. н. зооморфного превращения.

Главная особенность бутероли из Трелигореби заключается в позе и композиции изображения: перед нами выполненное в раннескифской манере антитетичное изображение кошачьих хищников, припавших на согнутые лапы. Подобное сочетание позы с композицией среди раннескифских древностей не встречается. Что касается самой композиции, то выполненная в скифской манере схема на наконечнике ножен крайне редка. На бутеролях ножен Келермесского и Мельгуновского парадных акинаков пара противостоящих львов изображена в традиционной ассиро-урартской манере (Черненко 1980, 24, рис. 12, 15; Погребова, Раевский 1992, 110). Интересующую нас композицию в скифском стиле мы находим на известной золотой бутероли из коллекции Зивие в виде в высшей степени стилизованного изображения двух противостоящих фигур (Погребова, Раевский 1992, рис. 1, *ж*) и на вышеупомянутом костяном наконечнике из Кармир-

блура, где согнутая фигура хищника в то же время истолкована, как своеобразное воплощение антитетичной пары (Погребова, Раевский 1992, 111). Так что бутероль изТрелигореби третья по счету в этой немногочисленной серии наконечников с т. н. геральдической композицией в скифском зверином стиле.

Сама поза зверя — припавший на лапы хищник — известный мотив в репертуаре скифского звериного стиля. Выразительными примерами этой схемы являются изображения кошачьих хищников на костяной ручке ножа из Малгобека (Виноградов 1972, 160, рис. 7, 6), на костяной ложечке из Дарьевки (Погребова, Раевский 1992, 98, рис. 5, *б*), на подковообразном бронзовом предмете из Журовки (Ильинская, Тереножкин 1983, 257; Погребова, Раевский 1992, 96–97, рис 5, *а*). В то же время изображения хищников на бутероли из Трелигореби обнаруживают близкую связь с животными скифского пласта Зивие. Помимо позы припавшего на согнутые лапы зверя — на диадеме, серебряном диске, ручках керамических сосудов (Погребова, Раевский 1992, рис 1, *в, б, е*), — их сближают и некоторые другие черты: одинаковые, короткие, с крючкообразными кончиками хвосты на левой фигуре стороны В бутероли (рис. 1, *B, b*) и на хищнике золотой диадемы (Погребова, Раевский 1992, рис. 1, *в*). Для нас особенно важна ручка глиняного сосуда в виде пары хищников (Погребова, Раевский 1992, рис. 1, *е*): здесь так же, как и на трелигоребской бутероли, налицо сочетание «припавшей» позы с парной композицией и, кроме того, у зверя на ручке сосуда имеется такой же длинный, протянутый вдоль живота параллельно корпусу хвост, каким снабжены хищники бутероли из Трелигореби. Таким образом в этой ручке сосредоточены те черты, которые определяют характер бутероли из Трелигореби.

Именно в этой группе вышеназванных памятников М. Н. Погребова и Д. С. Раевский находили черты, прямо сопоставимые с древневосточными образами. В результате детального анализа конкретных образов и приемов они еще раз подтвердили выдвинутые в литературе в общей форме суждения о связи раннескифского искусства с репертуаром анималистических образов и со способами их воплощения, присущими искусству луристанских бронз (Погребова, Раевский 1992, 96–98, 101–104, 159–161).

Ввиду того, что публикация бутероли из Трелигореби посвящается памяти Марии Николаевны Погребовой и ее вкладу в скифологию, хотелось бы коснуться лишь одной из нескольких существующих гипотез о корнях скифского звериного стиля, а конкретно, образа кошачьего хищника, которую разделяла Мария Николаевна.

Мне кажется, что бутероль из Трелигореби содержит черты, подкрепляющие гипотезу о зависимости образа кошачьего хищника от образов луристанского искусства. В первую очередь, это — редкое в раннескифском искусстве сочетание позы припавшего на согнутые лапы кошачьего хищника с парной композицией, широко представленной в искусстве Луристана. Подобной позе мы находим многочисленные аналогии среди бронзовых булавок VIII–VII вв. до н. э. (Bronzes du Luristan 2008, 135, № 119–121), кольцевидных псалиев и т. н. идолов, датируемых в пределах первой половины первого тысячелетия до н. э. (Bronzes du Luristan 2008, 108, № 64, 174, 185, № 183). Припавшие на лапы хищники, за исключением фигур на булавках, как правило, составляют противостоящую пару. Интересно и то, что при лежащей позе эти фигуры на кольцевидных предметах Луристана, подобно трелигоребским хищникам, имеют вертикальное строение.

Обратим еще раз внимание на опущенные хвосты правых фигур бутероли из Трелигореби. В раннескифских памятниках подобная схема неизвестна; при разнице стилей их форма очень похожа на моделировку хвостов стоящих на задних лапах кошачьих хищников в композициях т. н. бронзовых идолов Луристана (Bronzes du Luristan 2008, № 175, 177, 178, 182, 183). Очертания их опущенных хвостов с закрученными в петельку кончиками совпадают с формой хвостов на правых фигурах трелигоребской бутероли. Можно предположить, что в данном случае мы имеем дело с заимствованием идеи формообразования. Выше было высказано предположение о возможности осмысления кончиков хвостов трелигоребской бутероли, как птичьего глаза; если это предположение верно, то мы можем привлечь аналогичный мотив из Луристана. Из серии т. н. бронзовых идолов выделяется экземпляр, на котором окончания опущенных хвостов противостоящих хищников оформлены в виде птичьих головок (Bronzes du Luristan 2008, 182, № 179)[3]. Схематичные изображения головок на кончиках хвостов этого идола напоминают птичью голову на кончике хвоста журовского подковообразного предмета. В этой фигуре М. Н. Погребова и Д. С. Раевский видели, помимо черт художественной манеры саккызского и собственно скифского круга, признаки, сближающие его с луристанскими хищниками на кольцевидных псалиях и уздечных кольцах: удлиненные пропорции тела, чуждые для скифских и саккызсих воплощений этого мотива, трактовку стоп лап в виде полусферических объемов, расположение тела хищника на дугообразном основании (Погребова, Раевский 1992, 96–98).

Так что если трактовка кончика хвоста трелигоребского хищника, как птичьего глаза, приемлема, то

[3] Следует заметить, что моделировка этих изображений отличается от тех т. н. петушиных голов, которыми часто снабжены фигуры кошачьих хищников на бронзовых изделиях Луристана (Bronzes du Luristan 2008, № 190, 194–199).

появляется дополнительный аргумент в пользу близости образа хищника в раннескифском искусстве с луристанским.

Попытаемся объяснить значение протянутого вдоль тела длинного хвоста хищника на обеих сторонах бутероли из Трелигореби. На стороне В хвост правой фигуры, как было отмечено, имеет разветвление. Создается впечатление, что при наличии опускающегося вниз хвоста была необходимость разделения противостоящих животных. Видимо, на бутероли дана своеобразная передача трехчленной антитетичной композиции, центральным элементом которой яляется длинный хвост, фланкированный двумя фигурами кошачьего хищника. Скифский звериный стиль, как принято считать, кроме декоративной функции, имеет и содержательную сторону: произведения этого стиля — это изобразительные памятники, выступающие в качестве текстов (Раевский 1985, 77, 122). Информативная во многих отношениях бутероль из Трелигореби стоит в ряду этих памятников как одно из самых ранних произведений с изображением кошачьего хищника, выполненного в раннескифской манере. Эта бутероль, в то же время, содержит заимствованные формы и мотивы, подчиненные свойственным исключительно скифам восприятию и стилю. В силу этих признаков она является важным звеном в возникновении и эволюции образа кошачьего хищника в раннескифском искусстве.

Литература

Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV века до н. э.). Грозный, 1972.

Галанина Л. К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М., 1997.

Иванчик А. И. Киммерийцы и Скифы. М., 2001.

Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII–IV вв. до н. э. Киев, 1983.

Маисурадзе В. Г., Пирцхалава М. С. Бутероль из села Патардзеули (Кахетия, Восточная Грузия) // ВДИ. 2011. № 3.

Пиотровский Б. Б. Кармир Блур. Л., 1970.

Погребова М. Н., Раевский Д. С. Ранние Скифы и Древний Восток. М., 1992.

Раевский Д. С. Модель мира скифской культуры. М., 1985.

Черненко Е. В. Древнейшие парадные мечи (Мельгунов и Келермесс) // Скифия и Кавказ / А. И. Тереножкин (ред.). Киев, 1980.

Шкурко А. И. Об изображении свернувшегося в кольцо хищника в искусстве лесостепной Скифии // СА. 1969. № 1.

Bronzes du Luristan: enigmes de l'Iran ancien IIIe – Ier millénaire av. J.-C. /. N. Engel (ed.). Paris, 2008.

Т. В. Рябкова

НАВЕРШИЯ С ШАРОВИДНЫМИ ПРОРЕЗНЫМИ БУБЕНЦАМИ ИЗ РАННЕСКИФСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЗАКУБАНЬЯ[1]

Статья посвящена детальному анализу наверший с шаровидными прорезными бубенцами (тип IV по классификации Е. В. Переводчиковой). Практически все навершия этого типа происходят из памятников Закубанья и имеют весьма короткую линию развития: появившись в регионе с приходом кочевнических группировок в начале раннескфского времени, они существуют там непродолжительное время и позднее замещаются сходными функционально, но типологически отличными предметами. Установлено, что пять наверший из наиболее древнего келермесского кургана 2, раскопанного Н. И. Веселовским, составляют компактную группу, отличающуюся одинаковой формой, чисто-медным составом металла и способом нанесения ромбовидных знаков еще на этапе создания восковой модели. Другие навершия выполнены из оловянистой бронзы и ромбовидный знак на них был выгравирован после отливки. Наиболее близкие аналогии архаичной группе наверший из келермесского кургана 2/В происходят из памятников западно-чжоусского времени (1100–771 гг. до н.э) провинции Шэньси в Китае. Вероятно, именно западно-чжоусские экземпляры положили начало эволюции наверший как на территории Китая, так и в Закубанье. Навершие из Корсуковского клада, возможно, показывает продвижение этого импульса на запад. Анализ наверший из других памятников Закубанья демонстрирует переработку первоначального импульса. Так, стилистические признаки изображения оленя на навершии из кургана у станицы Махошевской демонстрируют его тесную связь с восточно-евразийским ареалом звериного стиля, в то время как изображение оленя на навершии из кургана у ст. Губской имеет уже все признаки развитого звериного стиля. Таким образом, навершия из келермесского кургана 2/В являются индикатором принадлежности памятника к начальному этапу кочевнической экспансии на запад, близость их к западно-чжоусским и корсуковскому навершиям выступает дополнительным аргументом в пользу ранней даты памятника в границах VIII в. до н. э. Впоследствии центрально-азиатский импульс становиться менее ощутимым, и с последней четверти VII в. до н. э. на дальнейшее развитие этой вещевой категории начинает влиять восточно-греческая традиция.

The article is devoted to a detailed analysis of Scythian rattle pole-tops (type IV according to the classification of E. V. Perevodchikova). Nearly all of them have been recovered from the sites of the Kuban valley and have a short line of development. They appeared in this region with nomadic groups in the very beginning of the Early Scythian period and were soon replaced by pole-tops of different shapes. The author holds that five pole-tops from the most ancient mound 2 of the Kelermess cemetery excavated by N. I. Veselovsky are similar in form and way of decoration. All of them were made of copper while those from other mounds were made of bronze. The closest analogies to the pole-tops of Kelermes 2/V (Veselovsky) were excavated in the town of Baoji in the Shaanxi province of China. They were found in tomb 1 dated to the Western Zhou dynasty (1100–771 BC) These Western Zhou items seem likely to be the first link in the chain of evolution of pole-tops both in China and in the Kuban area. The pole-top from the Korsykovsy hoard shows how this tradition moved to the West. Thus, the pole-tops of Kelermes 2/V are related to the earliest phase of the nomadic migration, and their similarity to those from Baoji and Korsukovka is an additional argument for the dating of mound 2 to the the 8th century BC. Later the Central Asian impetus abated and since the last quarter of the 7th century BC the evolution of Scythian pole-tops had been influenced by Eastern Greek culture.

Разнообразные по форме навершия — одна из наиболее выразительных и широко распространенных категорий скифской материальной культуры. Назначение этих предметов до сих пор нельзя считать окончательно установленным, известно лишь, что они использовались в погребальных ритуалах и мыслились как детали, связанные с лошадьми и повозками (Переводчикова, Раевский 1980, 46). Конструктивные особенности «звучащих» наверший тесно связаны с их назначением — наличие вертикальной втулки демонстрирует вертикальное размещение на древке, прорезной бубенец с шариками внутри (или подвешенные колокольчики) обозначают их главную функцию — мелодичное звучание при движении. Часто бубенец украшался изображением животного, либо туловище животного служило бубенцом. Кроме этого,

[1] Работа выполнена при поддержке гранта № ГИЭ-06/15, предоставленного Благотворительным фондом В. Потанина.

известны навершия в виде объемно моделированных изображений животных. Отличаясь друг от друга морфологически, навершия получили распространение на разных территориях на протяжении всего скифского периода, являясь, таким образом, маркерами скифских памятников.

Историография вопроса весьма обширна: не претендуя на полноту библиографического обзора, упомяну работы А. Ю. Алексеева, И. Г. Волкова, Л. К. Галаниной, В. Ю. Зуева и Р. Б. Исмагилова, В. А. Ильинской, Е. В. Переводчиковой, М. Н. Погребовой, Д. С. Раевского, Н. Л. Членовой, в которых затрагивались проблемы публикации наверший, их классификации, назначения, происхождения (Алексеев 2003, Волков 1983, Галанина 1997, Зуев, Исмагилов 1995, Ильіньска 1963, Переводчикова 1980, Погребова1984, Переводчикова, Раевский 1981, Погребова, Раевский 1992, Членова 2001).

В настоящее время общепринятым является положение о том, что навершия являются одной из инновационных вещевых категорий, появление которой археологически документирует приход на Северный Кавказ раннескифских кочевнических группировок (Алексеев 2003, 47; Клочко, Мурзин 1987, 18). Тем не менее, до сих пор нельзя считать решенным вопрос о генезисе этой категории. Ряд авторов склоняются к мысли о возникновении этой категории раннескифского культурного комплекса на востоке Евразии (Клочко, Мурзин 1987, 18; Алексеев 2003, 49). Основой для подобного предположения являются находки наверший в центрально-азиатских памятниках. Е. В. Переводчикова отметила, что «среди бронз Ордоса, Тувы, Минусинской котловины … встречаются и вещи, близкие по форме причерноморским и составляющие один из исходных типов эволюции — это олени, стоящие на бубенцах шаровидной формы с высокими прорезями (Переводчикова 1980, 44). В. Ю. Зуев и Р. Б. Исмагилов, анализируя предметы из Корсуковского клада, найденного в Иркутской области, пришли к выводу об его «ориентации на культуру Ордоса, Северо-Западной Монголии и Китая» и предложили для него дату, близкую дате кургана Аржан. Сходство шаровидного навершия с прорезным бубенцом из этого клада и наверший из Келермеса, по их мнению, позволяет считать келермесские навершия, равно как и шлемы кубанского типа вещами центрально-азиатского происхождения (Зуев, Исмагилов 1995, 75).

М. Н. Погребова и Д. С. Раевский, отмечая сложность вопроса о месте формирования скифских наверший, выделяют в нем два аспекта — семантический и морфологический. По их мнению, с центрально-азиатскими навершиями раннескифские экземпляры связаны семантически, поскольку и те, и другие, отражают универсальную космологическую концепцию, широко распространенную в древних обществах и получавшую сходное материальное воплощение. Тем не менее, раннескифские экземпляры морфологически близки переднеазиатским и закавказским древностям, что не позволяет игнорировать линию их ближневосточных связей (Погребова, Раевский 1992, 69–70). Наиболее подробно линия ближневосточных связей разработана М. Н. Погребовой: по ее мнению, ранние скифские навершия в форме вертикального полого стержня, заканчивающегося головкой животного, сделаны по схеме, характерной для Закавказья. Схема построения наверший, сочетающих фигуру животного с бубенцом, так же имеет некоторое сходство с закавказской. Сочетание бубенчика с фигурой животного и восприятие самого бубенца как эквивалента фигуры животного характерно как для Закавказья, так и для культуры луристанских бронз (Погребова 1984, 130–131).

По мнению Н. Л. Членовой, навершия-бубенчики восходят к бубенчикам Ирана и Закавказья, откуда они попали как на Северный Кавказ и в Причерноморье, так и в Ордос, а оттуда в Сибирь. Путь проходил южнее зоны степей, по Ирану и Средней Азии, чем и объясняется сходство наверший-бубенчиков Ордоса и Сибири с бубенчиками Северного Кавказа и Украины (Членова 2001, 61). Резко выступив против удревнения даты Корсуковского клада, предложенной В. Ю. Зуевым и Р. Б. Исмагиловым, исследовательница отметила, что этот клад «никакого отношения к происхождению скифов не имеет», и мог оказаться в столь труднодоступном месте, как река Жуя системы Верхней Лены, в результате функционирования «торгового пути Геродота» из Северного Причерноморья на Южный Урал, бывшего на самом деле путем за золотом (Членова 2001, 53, 64).

Таким образом, заметно, что в фокусе исследовательского интереса оказывались прежде всего вопросы типологии, классификации, назначения наверший, замечания же о месте возникновения этой категории вещей призваны были лишь подтвердить некую авторскую концепцию.

Вероятно, именно детальный анализ наиболее архаичной группы наверший, демонстрирующих исходный вариант этой категории в Европейской Скифии, внесет ясность в вопрос о месте формирования этой категории вещей.

Навершия с прорезными шаровидными бубенцами и круглой в сечении втулкой с отверстиями для крепления на древке (тип IV по классификации Е. В. Переводчиковой) являются одним из исходных типов эволюции данной категории (Переводчикова 1980, 44). Практически все навершия этого типа происходят из памятников Закубанья: курганов Келермеса, кургана у станицы Махошевской, кургана у хутора Красный близ

г. Крымск, из грабительских раскопок дореволюционного времени в Майкопском отделе Кубанской области, станицы Губской. Единственное навершие этого типа, как уже указывалось, найдено в составе Корсуковского клада (рис. 2, *2*)[2]. Обращает на себя внимание тот факт, что навершия именно этого типа имеют весьма короткую линию развития — появившись в Закубанье с приходом кочевнических группировок в начале раннескифского времени, они существуют там непродолжительное время, и впоследствии замещаются сходными функционально, но типологически отличными предметами. Несмотря на то, что навершия этого типа постоянно фигурируют в работах, посвященных различным аспектам скифской культуры, заметна тенденция обращения к ним в общем: детального анализа особенностей конструкции, декора, размеров, состава металла, взаимовстречаемости в комплексах произведено не было. Изучение этих предметов по публикациям иногда приводит к досадным недоразумениям: так, например, появляются сообщения о том, что у одного из келермесских наверший (Переводчикова 1980, рис. 3, *1*) «на верхней площадке шара имеется след отломанной и неизвестной нам фигурки, венчавшей когда-то бубенец. У некоторых других наверший втулка заклепана вставными железными штырями, что свидетельствует о каких-то функциональных изменениях в процессе использования этих предметов» (Зуев, Исмагилов 1995, 71). Естественно, подобных недоразумений можно было бы избежать в случае обращения к реальным вещам: никаких сломов или заклепанных втулок у них нет. Или, например, полемизируя с разделением материалов Келермеса на старшую и младшую группы, В. Е. Маслов отмечает, что «солярный значок, восходящий к предскифским прототипам, есть на навершии из кургана 3/Ш (Галанина 1997, рис. 34). Он точно такой же, как и на навершиях из курганов 1/В и 2/В. Очень близки и сами навершия» (Маслов 2012, 352–353). Тем не менее эти навершия отличаются размерами, формой, способом нанесения ромбовидного знака, а реально сходное с навершиями из курганов Веселовского навершие из кургана 4/Ш исследователем вообще не упомянуто.

Большая часть известных ныне шаровидных наверший из памятников Закубанья хранится в Отделе археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа. При новом обращении к этим материалам важно было уточнить ряд параметров: особенности формы, размеры, декора, химического состава, взаимовстречаемость в комплексах.

Работая с материалами Келермеса необходимо иметь в виду чрезвычайно сложный характер памятника, обусловленный спецификой его исследования (см. Галанина 1997, 16–30). Древности Келермеса передавались на хранение в Эрмитаж на протяжении 1905–1926 гг. Огромная работа по описанию и систематизации коллекции, проводившаяся в Эрмитаже, завершилась полным изданием ее материалов Л. К. Галининой (Галанина 1997). Тем не менее, новое обращение к материалам этой коллекции позволило установить, что при соотнесении наверший инв. № № 2737/117,118 с материалами 1-го кургана Веселовского (Галанина 1997, 238, кат. 212, 213), и инв. № № 2737/202, 205 с материалами 2-го кургана Веселовского (Галанина 1997, 243, кат. 299, 301, табл. 44) была допущена неточность: навершия инв. № № 2737/117,118 относятся ко 2-му кургану Веселовского, а навершия инв. № № 2737/202, 205 — к 1-му кургану.

Основания для перемены этих наверший местами в комплексах следующие: в опубликованном отчете Н. И. Веселовского за 1904 г. при описании кургана 1 значится: «… над этими лошадьми были найдены два бронзовых навершия в виде лошадиных голов с длинными ушами и два бронзовых же навершия в виде прорезных шаров с двумя или тремя железными шариками внутри (ОАК 1904, 88–89). При сравнении навершия, изображенного в публикации ОАК на рис. 140 с хранящимся в Эрмитаже навершием под инв. № 2737/202 установлена полная их идентичность (рис. 1). Навершие с инв. № 2737/205, аналогичное по форме, но значительно худшей сохранности, в соответствии с инвентарной книгой КУ относится к комплексу 1-го кургана (ГЭ, инв. Ку., л.130, № п/п 1556). Таким образом, эти навершия относятся к комплексу кургана 1, раскопанного Н. И. Веселовским.

При описании комплекса кургана 2 Веселовский писал: «…на нижнем уступе против второй лошади лежало медное навершие в виде прорезного шара на железном стержне, с двумя шариками внутри, против 7-й лошади найдено подобное же навершие, только более крупных размеров. Между этими двумя навершиями, но на верхнем уступе, найдены два целые шарообразные навершия и одно, рассыпавшееся на части… (ОАК 1904, 94–95). Описание свидетельствует о находке пяти, весьма близких по внешним признакам, наверший. Ясно, что в первом случае описано навершие, сейчас имеющее инв. № 2737/201 (рис. 2, *3*), и если согласиться с тем, что прочие близки по размерам и «подобные же», то тогда навершия под инв. № № 2737–117, 118 могут быть отнесены именно ко 2-му кургану. Не вполне ясно, почему Веселовский описывает навершия из 1-го кургана как бронзовые, применительно же к навершиям из 2-го кургана пишет о меди, однако это вполне согласуется с данными анализа металла наверший, проведенного Т.Б Барцевой и вновь выполненного для серии эрмитажных наверший С. В. Хавриным (см. табл. 1). Именно навершия из

[2] Рис. 1–4, 6 размещены на цветной вклейке.

кургана 2/В выполнены из чисто медного сплава). Для наверший из других курганов Келермеса использовалась оловянистая бронза из сырья северокавказского круга (Барцева 1981, 61).

Келермесские навершия отлиты в технике утрачиваемой восковой модели. Все они использовались вместе с железными стержнями — во многих экземплярах сохранились их фрагменты. Судя по экземпляру 2737/201 (2/В), железный стержень закреплялся во втулке, являясь шестом, на котором держался бубенчик (рис. 2, *3*). О том, что длина этого железного стержня-шеста могла быть весьма значительной, свидетельствует разломанное на две части биметаллическое навершие 2596/3 (курган у ст. Махошевской). Общая его длина вместе со стержнем 76 см, и это при том, что у стержня отсутствует средняя часть, так как он не сходится в изломах (рис.2, *5*). Вполне вероятно так же, что в «собранном» виде медные навершия со стержнями конструктивно были близки железным экземплярам из кургана 1/В (2737/111–116) (рис. 2, *4*) и 2/В (2746/6–7)(рис. 2, *3а*)[3]. Очевидно, что у всех медных и бронзовых наверший втулки надевались на железные стержни. Семь наверший декорированы изображениями ромбовидного знака: это все навершия из кургана 2/В (рис. 2, *3*), единственное навершие из кургана 4/Ш (рис. 2, *6*), одно из наверший кургана 3/Ш (рис. 2, *9*). По заключению Р. С. Минасяна, ромбовидный знак на навершиях из кургана 2/В нанесен до отливки, еще на этапе моделирования в воске, на обоих навершиях из курганов Шульца знак выгравирован после отливки, кроме этого, навершие из кургана 4/Ш (Ку 1903–04/42 отличается пропорциями (рис. 2, *9*).

С позиций классификационной схемы основных мотивов ромбовидного знака, изображения на навершиях относятся к выделенному типу 4 «мотива круга с точкой в центре, вписанного в ромб, пересекающийся с внешней окружностью» (рис. 3). Он тесно связан с наиболее архаичным, восходящим еще к окуневским прототипам типу 3 «мотива круга с точкой (отверстием) в центре, вписанного в ромб со слегка вогнутыми сторонами и заключенного в окружность» (Рябкова 2010, 310–312). И если ромбовидные знаки типа 3 декорируют, в основном, предметы из центрально-азиатских памятников (Памирская I, курган 10; Южный Тагискен, курганы 55, 65; Камышинка, Уйгарак, курганы 29, 38, 60, 70 и др.), то интересующим нас ромбовидным знаком, относящимся к типу 4, декорированы предметы из европейских памятников предскифского хронологического горизонта: Батина; Тайухабль; Хаджох, курган 1; Клин-Яр III погребение186; случайные находки из могильника Псекупс, Клин-Яр; погребение у хутора Алексеевский. Характерно, что именно этот мотив имеет незначительную вариабельность.

Таким образом, учитывая правомерность уточнения в распределении наверший между 1-м и 2-м курганами Веселовского, необходимо признать, что все шаровидные навершия из наиболее древнего келермесского кургана 2/В[4] составляют компактную группу наверший с одинаковой формой и способом нанесения ромбовидных знаков, чисто-медным составом металла.

Откуда же появились в старейшем кургане Келермеса эти, столь отличающиеся от прочих, навершия? Считается, что детали формы раннескифских наверший имеют многочисленные параллели в переднеазиатских и закавказских древностях конца II — начала I тыс. до н.э (Погребова, Раевский 1992, 69, 70). Тем не менее, важно отметить, что переднеазиатские колокольчики (rattle bell), происходящие, как правило, из памятников на территории современного Ирана, отличаются от раннескифских наверший функционально, что проявляется в меньших размерах и ином способе крепления (рис. 4, *3–7*). Форма в виде прорезного бубенца и наличие фигуры на нем напоминает скифские шаровидные навершия с фигурами птиц и животных. Вполне возможно предположить, что это свидетельствует о каком-то опосредованном влиянии иранской традиции на раннескифскую, но нужно признать, что на этапе сооружения наиболее древнего келермесского кургана это влияние отсутствовало.

Наиболее близкие аналогии шаровидным закубанским навершиям происходят из памятников западночжоусского времени (1100–771 гг. до н.э) провинции Шэньси в Китае. Четыре навершия происходят из погребения 1 у деревни Шизуитоу на холме Шигу (Шигушань) близ г. Баодзи (Baoji). У этих наверший длиной 10,2 см шарообразный прорезной бубенец, уплощенная площадка в верхней части бубенца завершается конусообразным выступом, круглая в сечении втулка имеет прорези (Noble life of the Zhou 2014, 71) (рис. 2, *1*, *1а*; 4, *1–2*). Еще одно такое же навершие длиной 9,1 см, происходящее из раскопок на севере Шэньси, известно в коллекции Артура Саклера (Bunker 1997, 130, № 16) (рис. 2, *1а*; 4, *2*). Основное отличие этих наверший от келермесских экземпляров (высота которых варьируется в границах 14,8–17 см) заключается в меньших размерах, которые, впрочем, полностью сопоставимы с размерами навершия из Корсуковского клада высотой 10,5 см (рис. 2, *2*). Находка его в комплексе с архаичными навершиями в виде фигурок лосей (Зуев, Исмагилов 1995, 72), аналогии которым Н. Л. Членова отнесла к числу карасукских древно-

[3] Два железных навершия из жертвенного комплекса обнаружены при повторном исследовании кургана 2/В (курган № 31) на внешнем скате материкового выкида из могилы скифского времени. (Алексеев, Кузнецова 2001, 71–73). Вероятнее всего, они относятся к комплексу этого кургана.

[4] О возможном порядке сооружения келермесских усыпальниц см.: Алексеев 1992, 48.

стей (Членова 1967, 113, табл. 29, *41*) подтверждает правомерность такого сопоставления, дополнительно аргументирующего раннюю дату Корсуковского клада. Интересно, что корсуковское навершие занимает как бы промежуточное место между китайскими и закубанскими экземплярами из кургана 2/В: с первыми его сближают размеры, со вторыми — отсутствие конусообразного выступа на верхней части бубенца. Вероятно, навершие с короткой втулкой и крупным бубенцом из Майкопа (рис. 2, *7*) так же может быть вписано в эту линию развития.

Необходимо отметить, что на территории Китая шарообразные прорезные навершия имеют собственную линию развития, не прекращающуюся до эпохи Воюющих Царств (475–221 гг. до н. э.) (рис. 2, *11*), но именно западно-чжоусские навершия, вероятно, положили начало эволюции этой вещевой категории как на территории Китая, так и в Закубанье. Навершие из Корсуковского клада, возможно, показывает продвижения импульса на запад. И если в Закубанье произошла быстрая трансформация этого импульса, то на востоке традиция существовала значительно дольше.

Для того, чтобы понять, как первоначальный импульс, восходящий к западно-чжоусской традиции, развивался в собственно скифской среде, необходимо проследить, как изменялись навершия в келермесских курганах с течением времени. Установлено, что курганы Келермеса насыпались в следующей последовательности курган № 2/В (№ 31), 4/Ш (№ 29), 1/В (№ 27), 3/Ш (№ 24), 2/Ш (№ 23) (Алексеев 2003, 106–107, рис. 12) (рис. 5). Трансформация наверший в целом соответствует этой последовательности: наиболее архаичными признаками, как показано выше, отличается комплект наверший из кургана 2/В (№ 31) (рис. 2, *3*), который можно считать исходным типом развития этой категории вещей в Закубанье. Размерами и способом нанесения ромбовидного знака отличается от них единственное навершие из кургана 4/Ш (№ 29) (рис. 2, *6*), так же входящего в раннюю группу курганов. В кургане 1/В (№ 27), с точки зрения планиграфии сооруженным несколько позднее кургана 2/В (№ 31), представлены разнообразные по форме и размерам навершия, лишь два из которых продолжают линию развития шарообразных прорезных наверший, но они значительно крупнее и имеют расширение в нижней части втулки (рис. 2, *4*). Железный заостренный стержень, сохранившийся у навершия 2737/202 (рис. 1) демонстрирует, что с его помощью навершие соединялось с древком, диаметр которого соответствовал расширению в нижней части втулки. Навершия из кургана 3/Ш (№ 24) (рис. 2, *9*) демонстрируют дальнейшее развитие традиции, связанное, вероятно, с влиянием восточно-греческого искусства (Галанина 1997, 162).

Таблица 1.

№	Курган	Инв. №	Cu	As	Sn	Pb	Ni	Ag	Fe	Sb	Прочие
1		2737/201	**Осн.**	Сл.	<0,3	<0,4	–	Сл.	<0,2	?	–
2		2737/203	**Осн.**	<0,2	<0,9	<0,4	–	Сл.	<0,2	Сл.	–
3	***2/В***	2737/204	**Осн.**	<0,5	<0,5	<0,5	–	Сл.	<0,2	?	–
4		2737/117	**Осн.**	<0,4	<0,4	<0,4	–	Сл.	<0,2	Сл.	–
5		2737118	**Осн.**	<0,2	–	Сл.	–	Сл.	Сл.	–	–
6		2737/108	**Осн.**	<0,3	**4–6**	1–1,5	–	<0,3	<0,3	Сл.	–
7		2737/110	**Осн.**	<0,2	**3–5**	<1	–	Сл.	<0,2	–	–
8		2737/202	**Осн.**	<0,5	**10–15**	<0,8	Сл.	Сл.	<0,3	Сл.	–
9	***1/В***	2737/205	**Осн.**	<0,7	**12–14**	<0,6	–	Сл.	Сл.	Сл.	–
10		2737/123	**Осн.**	<0,2	**1–3**	1–1,5	–	Сл.	<0,3	Сл.	–
11		2737/120	**Осн.**	Сл.	**9–12**	<0,3	Сл.	Сл.	<0,2	–	–
12		2737/121	**Осн.**	<0,2	**13–16**	1–3	–	Сл.	<0,2	–	–
13		Ку 1903–04/42	**Осн.**	<0,4	**9–12**	<0,6	–	Сл.	<0,6	–	–
14	***3/Ш***	Ку 1903–04/44	**Осн.**	<0,3	**18–22**	<0,6	Сл.	Сл.	<0,3	–	–
15		Ку 1903–04/45	**Осн.**	<0,5	**24–26**	2–3	–	<0,5	Сл.	–	–
16		Ку 1903–04/46	**Осн.**	Сл.	**10–12**	2–4	–	Сл.	Сл.	Сл.	–
17	***4/Ш***	Ку 1903–03/41	**Осн.**	<0,2	**3–4**	1–2	–	Сл.	Сл.	Сл.	–
18		2596/1	**Осн.**	<0,2	**1–3**	<0,7	–	Сл.	<0,2	Сл.	–
19	Курган у ст. Махошевская	2596/2	**Осн.**	<0,7	**8–11**	<0,6	–	<0,3	Сл.	Сл.	–
20		2596/3	**Осн.**	<0,2	**9–12**	<0,5	–	–	<0,7	1–2	–

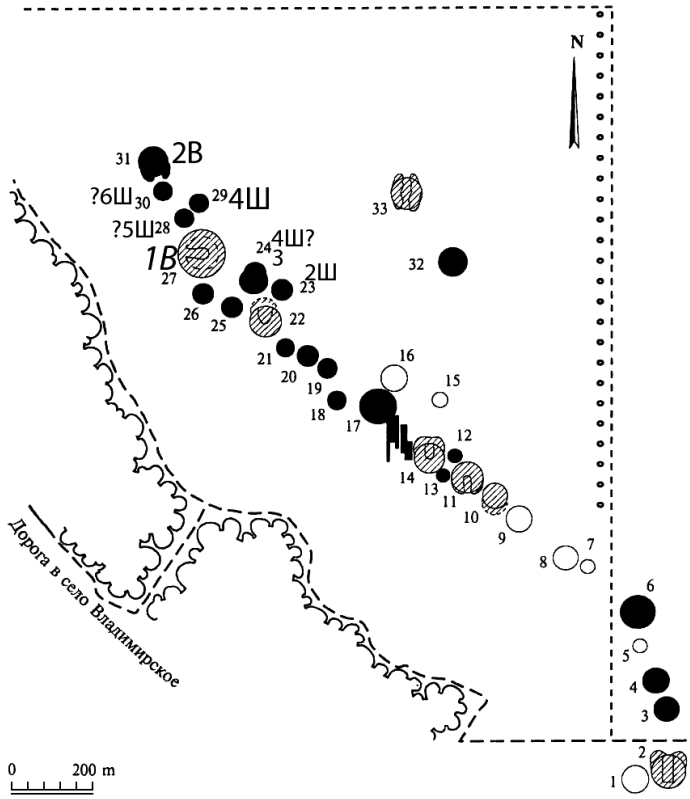

Рис. 5. План Келермесского могильника с вероятной идентификацией курганов. (*По: Алексеев 2003, рис. 12*)

Массивные шаровидные навершия из Келермесского кургана 1/В (рис. 2, *4*) , равно как экземпляры из грабительских раскопок в Майкопской области (рис. 2, *7*) и кургана у ст. Махошевской (рис. 2, *8*) показывают один из начальных этапов этого развития. Навершия из Келермеса 1/В и кургана у ст. Махошевской выполнены из бронзы (табл. 1), их объединяет наличие расширения в нижней части втулки, выделенное основание для шаровидного бубенца и выделенная выпуклая верхняя площадка над ним (см. рис. 2, 4, 5). На навершиях из Махошевской верхняя часть украшена скульптурными изображениями оленей, которые, как считается, несут признаки влияния кобанской (Переводчикова 1994, 98) и даже хеттской изобразительных традиций (Артамонов 1968, 32). Представляется, что подобное утверждение требует отдельного рассмотрения, тем более что и М. И. Артамонов, обращая внимание на «своеобразный вид махошевского оленя», отмечал, что сходное скульптурное изображение оленя имеется среди ранних бронз Ордоса, ссылаясь при этом на работу Херцфельда (Артамонов 1968, 32). Действительно, скульптурное изображение оленя на махошевском навершии с инв. № 2596/2 отличается от обычного в скифском искусстве образа этого животного (при реставрации парного к нему навершия инв. № 2596/1 были припаяны голова и один рог оленя, поэтому при анализе стилистики можно учитывать только одно). У оленя тонкое туловище, короткие ноги, длинная шея, большая голова с раскрытым ртом и длинными ушами. Глаза переданы сквозным отверстием, выделены лопатки передних ног (рис. 6, *5*). Если сравнивать его с кобанскими и иранскими изображениями оленей (рис. 6, *1–4*) то очевидна значительная разница и к сходным признакам можно отнести лишь приземистость. Отметим, что выделенная лопатка — это один из важных признаков скифского звериного стиля (Переводчикова 1994, 88). Передача глаз сквозным отверстием характерна для наиболее ранних изображений скифо-сибирского звериного стиля (см. например, рис. 6, *6, 8*). Этот прием, широко представленный в раннетагарском искусстве, по мнению Н. Л. Членовой, восходит еще к карасукскому искусству, но впоследствии заменяется передачей глаз и ноздрей неглубокими ямками (Членова 1969, 113, 115). Такие стилистические признаки изображения оленя из Махошевской, как длинная вытянутая шея, морда с открытым ртом и длинным ухом имеют аналогии среди изображений оленей на ордосских бронзовых изделиях (рис. 6, *7, 10*). Таким образом, необходимо признать, что стилистические признаки изображения оленя на махошевском навершии демонстрируют его тесную связь с восточно-евразийским ареалом звериного стиля и с ранним этапом этого искусства.

Скульптурное изображение оленя на навершии из ст. Губской имеет уже все признаки развитого звериного стиля (рис. 2, *8*; 6, *9*), что демонстрирует финальный этап развития шаровидных прорезных наверший. Вероятно, к этому же, завершающему, этапу относятся и навершия из ритуального комплекса в кургане у хутора Красный в Крымском районе Краснодарского края (рис. 2, *10*). Дата комплекса определена в границах 3-ей четверти VII в. до н.э по находке в нем двух расписных ойнохой восточно-греческого производства (Шевченко 2013, 117). В более поздних памятниках, начиная с келермесского кургана 3/Ш, получают распространение навершия с грушевидной формой бубенца, а шаровидные полностью выходят из употребления.

Таким образом, шаровидные прорезные навершия из келермесского кургана 2/В (№ 31) являются индикатором принадлежности памятника к начальному этапу кочевнической экспансии с востока на запад, близость же их к западно-чжоусским и корсуковскому экземплярам является дополнительным аргументов в пользу ранней даты памятника в границах VIII в. до н. э. Впоследствии центрально-азиатский импульс становиться менее ощутимым, и с последней четверти VII в. до н. э. на дальнейшее развитие этой вещевой категории начинает влиять восточно-греческая традиция.

Литература

Алексеев А.Ю. Хронология европейской Скифии. СПб, 2003.

Алексеев А.Ю. Скифская хроника. СПб., 1992.

Алексеев А.Ю., Кузнецова Т.М. Келермес (1990 г — курган № 31) // МИАР 3. Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. М., 2001.

Артамонов М.И. Происхождение скифского искусства // СА. 1968. № 4.

Барцева Т.Б. Цветная металлообработка скифского времени. М., 1981.

Волков И.Г. Скифские прорезные навершия из Прикубанья // АСГЭ. 1983. Вып. 23.

Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М., 1997.

Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л.,1980.

Завитухина М.П. Древнее искусство на Енисее. Скифское время. Л., 1983.

Зуев В.Ю., Исмагилов Р.Б. Корсуковский клад // Южная Сибирь в древности / Д.Г. Савинов (ред.). СПб., 1995.

Іллінська В.А. Про скіфські навершники // Археологія. 1963. Т. XV.

Клочко В.И., Мурзин В.Ю. О взаимодействии местных и привнесенных элементов скифской культуры // Скифы Северного Причерноморья. К., 1987.

Кочевники Евразии на пути к империи. Из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб., 2012.

Марковин В.И. Бронзовое навершие из Прикубанья // СА.1971. № 4.

Мошинский А.П. Древние бронзы Кавказа. М., 2010.

ОАК за 1904 г. СПб., 1907.

Переводчикова Е.В. Типология и эволюция скифских наверший // СА. 1980. № 2.

Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. М., 1994.

Переводчикова Е.В., Раевский Д.С. Еще раз о назначении скифских наверший // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье / Б.А. Литвинский (ред.). М., 1980.

Погребова М.Н. Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и Древний Восток. М., 1992.

Рябкова Т.В. Классификация изображений с ромбовидными знаками на предметах предскифского и раннескифского времени // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа. Тезисы докладов международной научной конференции XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Магас, 2010.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.

Членова Н.Л. Была ли ленская и ангарская тайга прародиной скифов Причерноморья и Северного Кавказа? // РА. 2001. № 4.

Шевченко Н.Ф. Курган раннескифского времени у хутора Красный // АСГЭ. 2013. Вып. 39.

Bunker E.C. Ancient Bronzes of the Eastern Eurasian Steppes from the Arthur M. Sackler Collection. New York, 1997.

Herzfeld E. Iran in the Ancient East. London,1941.

Maxboubian H. Art of Ancient Iran. Copper and Bronze. The Houshang Maxboubian Family Collection. London, 1997.

Muscarella O.W. Bronze and iron. Ancient Near Eastern Artifacts in The Metropolitan Museum of Art. New York, 1988.

Noble life of the Zhou. Bronzes Unearthed from the Cemetery of the Western Zhou Aristocrats at Shigushan of Baoji. Shanghai, 2014 (на кит. яз.).

The Impact and Mingling of agriculture and nomadism. The Exhibition of the General History of Ordos. Beijing, 2013 (на кит. яз).

The Remote Ancestor´s Story. Ordos Bronzeware. Hohhot, 2007 (на кит. яз).

А. Е. Симонян

КУРГАНЫ АРИСТОКРАТИИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ НЕКРОПОЛЯ ВЕРИН НАВЕР

Могильник Верин Навер с более чем 500 курганами эпохи средней и поздней бронзы занимает территорию около 150 га. В могилах эпохи поздней бронзы (XVI–XIV вв. до н. э.) обнаружены искусно изготовленные бронзовые статуэтки птиц, оружие, конские удила, бронзовые детали колесниц, различные украшения из стекла, камня, бронзы, железа, свинца, олова, серебра, золота, богатейший и разнообразный комплекс керамики, в котором определенное место занимает культовая утварь. В раскопанном в 2011–2012 гг. царском кургане № I (1610–1415 гг. до н. э.) обнаружены инсигнии власти и престижа: печать из яшмы, бронзовые детали колесницы, железный серповидный меч типа хепеш, 62 наконечника стрел из красной яшмы, кремня и обсидиана, импортированные изделия: глазурованные и стеклянные бусы из Вавилонии, морские моллюски из Персидского залива, бусина из багрового граната из Средней Азии, нефритовый самородок из Китая в виде нагой женщины, покрытые золотой фольгой и обложенными тонкими медными обручами медальоны от головного убора (короны) и замки от портупеи из битума с рельефными изображениями портретов героев-царей, архаров и древа жизни. Аналогии этих изделий известны в среднеэламском искусстве, в памятниках Сузианы и Марлике.

The necropolis of Verin Naver occupying about 150 hectares includes more than 500 kurgans dated to the Middle and Late Bronze Ages. In the Late Bronze Age tombs (the 16th – 14th centuries BC) skillfully made bronze figurines of birds, weapons, a horse bit, bronze details of chariots, various jewelries made of glass, stones, bronze, iron, lead, silver and gold, and a rich pottery complex including cult items were discovered. The royal tomb I of Verin Naver (1610–1415 BC) excavated in 2011–2012 contained insignia of power and prestige, e. g. a jasper seal, a chariot, an iron sword, 62 arrowheads made of red jasper, flint and obsidian, glazed beads from Babylonia, a crimson garnet from Central Asia, mollusks from the Persian Gulf, nephrite from China, medallions of a headdress (crown) covered with thin gold foil and copper ferrules and bitumen sword-belt locks featuring the relief image of hero-kings together with sacred argalis and the tree of life. Analogies to these artifacts are known from the art of Middle Elamite culture, from Susa and Marlik.

Могильник Верин Навер является одним из ключевых памятников эпохи средней и поздней бронзы Армении. Находится в марза Арагацотн РА, в 3,5 км к западу от областного центра Аштарак, у юго-восточного подножья массива г. Арагац, в бассейне р. Шагверт, у оврага Вишападзор (Ущелье драконов), на высоте в среднем 1100 м над уровнем моря (рис. 1)[1]. Могильник занимает территорию около 150 га, где сохранилось более 500 курганов (Симонян 2006, 7–8).

В местности Верин Навер и Неркин Навер погребения производились беспрерывно в течение более чем одного тысячелетия (XXIV–XII/XI вв. до н. э.). Памятник был обнаружен в 1975 г., а с 1976–1990 гг. и 2011–2014 гг. здесь работали экспедиции ЕГУ, Музея Эребуни, Института Археологии НАН РА, НИЦИКН при Министерстве культуры РА под руководством автора этих строк. В основном исследована южная часть обширного некрополя Верин Навер. В течении 1976 по 2014 гг. исследованы около 100 погребений, из которых раскопано 60 могил (Симонян 2006, 12–25). В могильнике Верин Навер преобладают курганы Кармирбердской археологической культуры эпохи средней бронзы (первая пол. II тыс. до н. э.), которые составляют половину общего количества изученных погребений. Среди раскопанных погребений находятся также захоронения раннекурганной, триалети-ванадзорсой и севан-арцахских культур (Симонян 2006, 17). Существенное значение имеют также погребения эпохи поздней бронзы и раннего железа, основная часть которых, за исключением одного погребения эпохи раннего железа, принадлежат к ранней фазе эпохи поздней бронзы. Среди них только одно погребение является захоронением простого общинника, остальные же, без всякого сомнения, являются гробницами аристократии.

[1] Рис. 1–3, 6 размещены на цветной вклейке.

Общее число раскопанных курганов эпохи поздней бронзы могильника Верин Навер — 12. Они цепочкой окаймляют южные и юго-восточные участки могильника в промежутке между курганами эпохи средней бронзы. Однако явно прослеживается стремление соорудить погребения знати на доминирующих высотах (№ 14, 15, 37) или же в сакральных местах, где наблюдаются выходы ярко-оранжевого туфовой скалы (№ IA, IB, II, III, IV, V, 16, 19, 36). В этих случаях прослеживается группировка отдельных островков погребений эпохи поздней бронзы (рис. 2). Поблизости от некрополя Верин Навер находится скопление памятников эпохи бронзы. В радиусе всего 10 км сгруппированы десяток памятников: мощнейшие циклопические крепости Ахтамир, Диди конд, Перси, Верин Навер, Казараван, Аштараки бердшен, Уши, Ахцк, поселение Агарак, могильники Верин Навер, Неркин Навер, Огузы тнер, Ошакан 1, Ошакан 2, Крер (Воскеваз), “Финляндиа”, Ходжабагер, Агавнатун, Сасуник, Айгешат, загадочные башни, вероятно всего своеобразные дахмы, или башни молчания, винодавильни и т. д. (рис. 3). В записях Тороса Тораманяна и Ашхарбека Калантара, которые исследовали это местность в 20–30 годы прошлого столетия и зафиксировали еще относительно первозданное состояние исторического ландшафта, засвидетельствовано, что сплошная цепь памятников простиралась примерно на 40 км, от Аштарака до села Шамирам, по всхолмлённым долинам и отрогам гор (Калантар 1926; Тороманаян 1940). Это беспрецедентно большое скопление разновидных памятников эпохи поздней бронзы, основная масса которых принадлежит к ранней фазе (XVI–XIV вв. до н. э.), свидетельствует, что в это время на южных склонах горы Арагац, вплотную к Араратской долине процветала культура с многочисленным населением.

Три из раскопанных погребений эпохи поздней бронзы Верин Навер (№ IB, 14, 19) относятся к переходному периоду от эпохи средней бронзы к поздней и на основе радиокарбонного анализа датируются 1615–1415 гг. до н. э. Остальные же курганы эпохи поздней бронзы относятся к раннему, или первому этапу (№ 8, 15, 16, 36, 37, IA, II, III, IV).

Курганы переходного этапа лишены четко оформленных кромлехов или имеют частично сохранившиеся кромлехи из рваного туфа и вулканических камней. Курганы же раннего этапа эпохи поздней бронзы окаймлены из плотно заложенных, специально выбранных окатышей, отдельные экземпляры которых весят несколько центнеров. Эти кромлехи имеют классические формы круга с диаметром до 20 м.

Все курганы имеют каменно-земляную структуру, по периметру которых выложены кромлехи. В центральных участках расположены сложенные из крупных, весом до 3 тонн туфовых плит гробницы. Их стены сложены из вертикально поставленных туфовых блоков либо плит, положенных плашмя. Основная часть погребальных залов лишена сохранившейся перекрытий. Исходя из размеров гробниц, можно полагать, что они были перекрыты сложными плито-бревенчатыми конструкциями (курганы № 14, 15, 36, 37, IA, IB, II, III, IV). Гробница же кургана № 8 имела перекрытие в виде ложного свода: плашмя поставленые плиты кладки были выложены консулом — для создания постепенно сужающегося к верху пространства. По периметру верхней кладки стен была сооружена розетка из плашмя поставленых туфовых плит, которые на треть нависали над могильной ямой, тем самим сокращая пролет между продольными стенами погребального зала. Затем на эту «розетку», для закрытия гробницы, ставили цельные туфовые плиты перекрытия. Таким образом получали конструкцию типа ложного свода.

В погребальных залах курганов № 15, 37, IB, II были зафиксированы следы кремационного костра или пепла. Очевидно, что трупы основных покойников были кремированы и для них совершались сложные церемонии, связанные с забоем огромного количества домашного скота и диких животных. Также совершались человеческие жертвоприношения, в большинстве добровольные — самоотсечения частей тела, о чем свидетельствуют брошенные в могилу фаланги, зубы и т. д.

Два погребения: № 16 и № 19 — кенотафы. В № 16 погребении были поставлены два сосуда ранней фазы эпохи поздней бронзы, а в кургане № 19, в погребальной камере из крупных туфовых блоков был захоронен меч с цельноотлитой рукоятью переднеазиатского типа погибшего, по всей вероятности вдали от родины, героя (Симонян 1983, 94–95, рис. 2, *5*). В этих погребениях были обнаружены также следы погребальной трапезы и мелко дробленные кости жертвенных животных. Большой интерес представляет тот факт, что на камнях своеобразных кромлехов этих кенотафных захоронений зафиксированы загадочные рисунки, напоминающие петроглифы и пиктограммы.

На юго-восточной окраине некрополя Верин Навер возвышаются огромные курганы. Примечательно, что все они заложены в туфовой породе скалы. Эта местность была выбрана неслучайно, поскольку по индоевропейским (древнеарийским) представлениям, трупы не должны были соприкасаться со священной землей, дабы не осквернить ее (Симонян 2010, 621–622).

Под общей каменноземляной насыпью большого кургана (диаметр — 50 м) находились две гробницы — № IA и № IB. Гробница № IA выложена по кругу равными по величине, специально отобранными крупными речными валунами. Гробница № IA сложена из огромных туфовых блоков. Пол погребального зала наклонно стесан. С северо-восточной части расположен дромос,

полностью заваленный лежащими туфовыми блоками (рис. 4). Здесь были найдены золотые украшения: мелкие дисковидные бусы — «шайбы», пятикратно заворачивающиеся спиралевидные трубочки, бочковидные бусины, бабочка с спиралевидно закручивающимися крыльями и серебряным цилиндрическим брюшком. Золотые украшения встречают аналогии в курганах Майкопа и Кудахурт (Кореневский 2011, 100–101, лист 7, *25*, рис. 96–1, 2, 3), во втором горизонте Трои и т. д. Обнаружены также бусы из сердолика, египетского фаянса (бисер), стекла. Найден уникальный остроконечник из зеленого обсидиана, месторождения которого находятся в южных районах Армянского нагорья (гора большой Немруд возле озера Ван). Обнаружена бронзовая головка от рукоятки кинжала, на котором изображена «звезда Давида» (рис. 4, *5*). Чернолощеная керамика характерна для ранней фазы эпохи поздней бронзы (XV–XIV вв. до н. э.). Уникален большой чернолощеный кубок, поверхность которого украшена штампованным орнаментом, состоящим из нескольких рядов наконечников стрел (рис. 4, *4*). Найден сосуд со сферическим туловом, длинной цилиндрической шейкой. Плечики сосуда украшены орнаментальным поясом из лощенных равнобедренных треугольников, символизирующих горы. У подножья «гор» изображена сцена звериного гона с собаками, преследующими благородных оленей. Этот круг замыкается изображением всемирного дракона-змеи (рис. 4, *6*). По всей видимости, здесь представлена индоевропейская мифологическая сцена, аналог которой известен по расписной гидрии эпохи средней бронзы Неркин Геташена (Арешян 1988, 84–102). Результаты палинологических обследований земли[2] свидетельствуют, что климат Армении в те времена был теплый и влажный. Хорошо было развито виноградарство, и возможно садоводство. Найдена пыльца популярных в то время лекарственных растений: липа, василек, дурнишник, папоротник венерин волос, полынь. Не исключено, что ими пользовались для изготовления хмельных напитков типа хаомы, как галюциогенного средства (Атоянц и др. 2015, 60–66). Существовало также текстильное производство, использующее лен, коноплю, шерсть серого, зеленого, розового, синего и черного цвета (Симонян 2014, 222–226).

Общая длина погребального зала гробницы № IB вместе с дромосом достигает 17 м, погребальная камера в длину имеет 10 м, а в ширину — 2,20–3,0 м. Погребальный зал ориентирован с севера на юг, постепенно расширяется к северу. Погребальный зал вырублен в туфовой скале ярко оранжевого цвета. Стены выложены туфовыми плитами. Сохранившаяся высота достигает 6–7 рядов. Здесь же был обнаружен каменный (базальтовый) топор, которым, возможно, была вырублена гробница. Кромлех этой гробницы сооружен из тесаных туфовых плит. В насыпи могильного холма, в дромосе, а также в камере зафиксированы сотни, а то и тысячи речных камней. Это явление само по себе свидетельствует о своеобразии погребального обряда. Возможно, что участники ритуала в знак особого уважения приносили с собой и клали в гробницу по одному речному камню из русла ближайшей речки (как современный обряд бросания горсти земли). Возможно, по их количеству и породе в дальнейшем можно выяснить число участников в похоронах, и с каких рек и речушек были собраны камни[3]. В гробнице были открыты кости 3–4 жертвенных собак, а также баранов и коров. Обнаружены также человеческие кости, в том числе отдельные зубы и фаланги пальцев с явными следами самотерзания.

Сосуды располагались вдоль продольных стен, часть из которых были ритуальными: двураструбные кубки, керны, почковидные миски и т. д. Обнаружены превосходные стеклянные бусы, в том числе «бородавчатые» и бусы–амулеты. Центральная часть камеры была пуста. Здесь, по всей вероятности, находилась погребальная колесница или повозка, кузов которой был украшен декоративными гвоздями. Сами гвозди и их шляпки в большом количестве были рассыпаны по всему центру зала. На предполагаемом месте кузова были обнаружены два симметрично расположенных бронзовых обруча, крепящих колчан к передку самого кузова. Здесь же в огромном количестве были найдены искусно обработанные наконечники стрел из красного камня (вероятно, яшмы), желтого кремня и прозрачного обсидиана. В северной части зала, в центре, возвышается платформа с уклоном на юг, где была рассыпана зола от кремационного костра. На том же месте в стреловидном порядке лежали бронзовые полые трубчатые детали, которыми было снабжено дышло колесницы. По обе стороны лежали роговидные детали ярма, через отверстия которых протягивались вожжи. Чуть ниже были бронзовые удила. Между роговидными деталями, на предполагаемом месте дышла лежала бронзовая статуэтка птички на якореобразной основе. Очевидно, что в гробнице была помещена целая колесница, поэтому погребальная камера узкая и вытянута в длину (Simonyan 2013, 110–113).

Аналогичные комплексы деталей колесниц обнаружены также в курганах Лчашена, Лори-берда, Гехарота, бассейна реки Шамхор (Мнацаканян 1960, 143; Деведжян 1981, 27–33; Гусейнова, Алиев 2007, 136, 150, таб. VIII). Однако четкая ситуационная картина впервые зафиксирована в указанной гробнице (рис. 5).

[2] Палинологические исследования Э. Квавадзе.

[3] Для сохранения кургана как памятника историко-культурного наследия насыпь раскопана только частично, по этой причине нам не известно общее число речных камней.

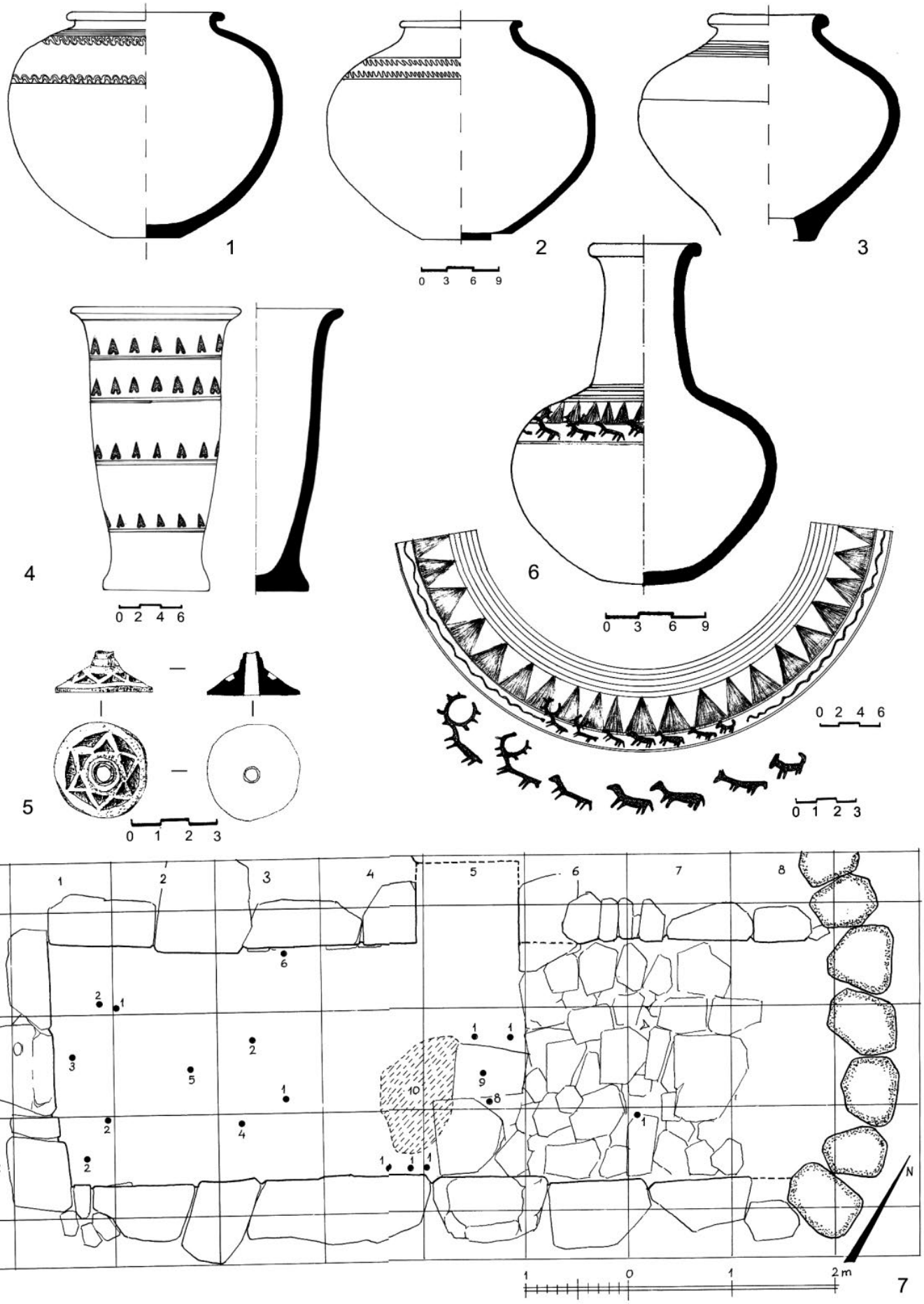

Рис. 4. План и инвентарь кургана IA

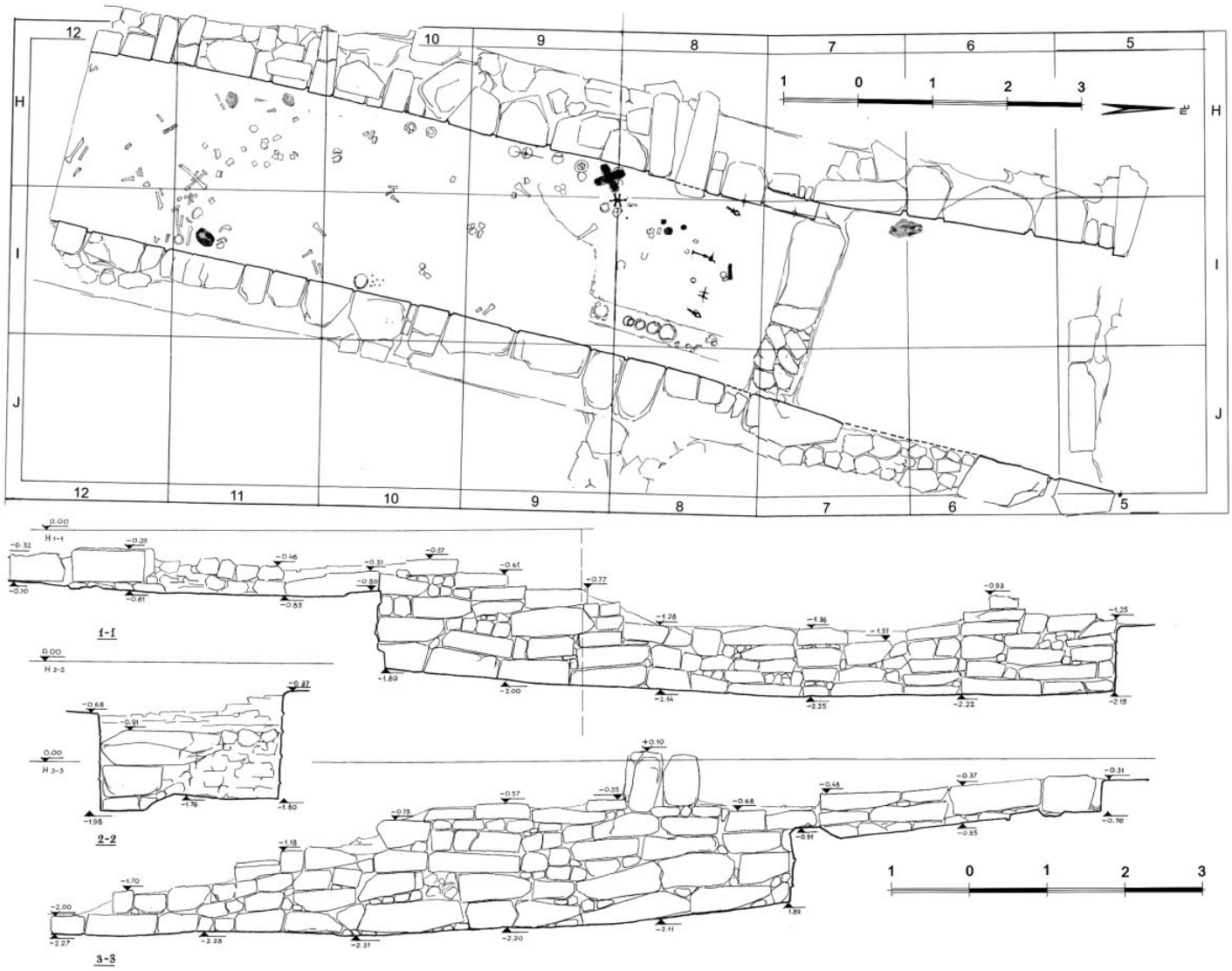

Рис. 5. План гробницы IB

В большом количестве представлены импортные изделия: глазурованные бусы из Вавилонии, морские моллюски из Персидского залива, зеленый обсидиан из большого Немрута, бусы из багрового граната из Средней Азии, нефрит из Китая. Но самой сенсационной находкой оказались округлые портреты из битума под слоем пепла кремационного костра. Пять дисков-медальонов из битума с рельефным изображением человеческого лица в орнаментальной рамке из фигур животных — овнов, а также древа жизни. Диски в свое время были покрыты золотой фольгой и вставлены в бронзовую рамку. На дисках фронтально изображены бородатые мужские лица с волнистыми волосами, разделенными прямым пробором (прическа помазанника). По обе стороны симметрично расположены по три спиралевидно закручивающихся локона. Густая длинная борода изображена зигзагообразно спускающимися прядями. На зрителя устремлен сосредоточенный, властный взгляд огромных мидалевидных глаз. Брови сомкнуты у основания прямого носа. Небольшой рот с пухлыми губами сомкнут. Перед нами портреты героев или царей-предков, выполненных в канонизированном стиле (рис. 6). Эти редчайшие находки имеют прямые аналогии в среднеэламском искусстве (XIV–XII вв. до н. э.). Подобные медальоны из Ирана в основном являются случайными находками и хранятся в крупных музеях мира (Лувр, Британский музей, Метрополитен Музей и др.) Фактически, находки портретов из царской гробницы Верин Навер являются не только древнейшими, но и четко зафиксированными медальонами с портретами героев-царей в археологическом контексте. Целых пять медальонов (один 7 см в диаметре, остальные 5 см), обнаруженные in situ, вокруг человеческой головы, свидетельствуют, что это были детали, укрепленные на кожаной или деревянной основе округлой формы. Есть древневосточные рельефы, которые дают основание полагать, что эти медальоны украшали корону или диадему. Независимо от функции, ясно одно, что это необыкновенные изделия символизировали верховный власть и поражали наблюдателей своей

роскошью и изысканностью, когда покрытые золотой фольгой детали сверкали под солнечными лучами.

Другой уникальной находкой является штамп-печать из красной яшмы в виде усеченной пирамиды с отверстием для подвешивания. На нижней рабочей стороне выгравировано прекрасное изображение прыгующей лошади. В этой связи следует упомянуть кости жертвенной лошади, череп которой обнаружен в дромосе, а кости таза — в погребальном зале. Размеры и конструкция гробниц (№ 14, 15, 37, IA и IB, II, V), изделия иноземного происхождения, многочисленные кости жертвенных животных, особенно, лошадей и льва, а также отлитые по восковой модели бронзовые статуэтки золотистого орла (беркута) доказывают, что все они являются могилами аристократии, а № IB — царским захоронением.

Комплексное исследование погребального обряда, определение остеологического материала, с помощью которого выделен состав жертвенных животных, палинологические исследования земли внутри сосудов и из слоев погребальных камер, классификация разнообразного ассортимента погребального инвентаря, петрографический, спектральный и химический анализ керамики, камня, различных металлических изделий, стекла, египетского фаянса, радиокарбонный анализ и т. д. дают прочное основания для дополнения и корректировки бытующих в научных кругах предположений о Лчашенской культуре эпохи поздней бронзы Армении. Ограниченный объем этой статьи не представляет возможности всестороннего анализа всех артефактов. Приведем только некоторые наблюдения над эволюцией керамики.

Типология сосудов, техника изготовления и характерные особенности орнамента, зафиксированного на глиняной посуде эпохи поздней бронзы из курганов Верин Навер, являются одним из достоверных аргументов для выделения основных типов орнамента посуды в эволюционной цепи последовательного развития культуры.

По нашему мнению, которое подтверждается также результатами радиокарбонных анализов, к переходному этапу от средней к поздней бронзы относятся те курганы, в погребальном инвентаре которых бытует керамика, украшенная точечным орнаментом, ячейки которого заполнены пастой белого и красного цвета. Для посуды переходного этапа характерны также резкие переходы на поверхности, так называемые трехчастные формы. Они датируются 1610–1415 гг. до н. э. (курганы № IB и № 14). Сразу же за этой керамикой следует посуда первого этапа поздней бронзы из кургана № 15, украшенная равнобедренными треугольниками, заполненными густо нанесенными точками. Эта керамика предварительно датируется 1500–1350 гг. до н. э. На кувшине из гробницы № 36 изображена четырехлепестковая звезда, заполненная зигзагами с тремя изгибами. Такими же зигзагами оформлены бороды портретов героев-царей из гробницы IB Верин Навер. Последнее наблюдение имеет два важных значения: 1) устанавливает хронологическую связь между гробницми № IB и № 36, 2) может служить основой для выдвижения гипотезы, что медальоны с портретами героев-царей не привозные, а являються продукцией местного производства, так как орнамент на керамике, по общепризнанному мнению в археологии, обычно характеризуется как признак местной культурной традиции.

Для третьей фазы эпохи поздней бронзы характерна керамика, украшенная с помощью лощения (гробницы № IA, 16, 37, II, IV). Вероятно, сетчатые поля, заполненные пересекающимися косыми штрихами, немного старше орнамента из пояса тянувшихся горизонтальными рядами несомкнутых равнобедренных треугольников.

Сосуды, украшенные горизонтальными поясами, нанесенными с помощью гравировки и вдавливания, начинают появляться в первом этапе эпохи поздней бронзы (№ 8) и бытуют вплоть до XI–IX вв. до н. э. (№ 6).

Литература

Арешян Г. Е. Индоевропейский сюжет в мифологии населения междуречья Куры и Аракса II тысячелетия // ВДИ. 1988. № 4.

Атоянц А., Арутюнян Р., Алешинская А., Симонян А. Палинологические исследования содержания сосудов из гробницы IB некрополя Верин Навер // Ежегодник Ушардзан. Т. 10. Ереван, 2015.

Гусейнова М. А., Алиев И. Н. Среднебронзовые курганы с. Гараджамирли Шамкирского района Азербайджана // Шамкир: археологическое наследие, история и архитектура. Материалы первой республиканской научно-практической конференции, Шамкир, 2007.

Деведжян С. Г. Лори Берд I. Ереван, 1981.

Деведжян С. Г. Лори Берд II (Средняя бронза), Ереван, 2006 (на арм. яз.).

Золото древней Армении (III тысячелетие до н. э. — XIV век н. э.) / А. А. Калантарян (ред.). Ереван, 2007 (на арм. яз.).

Кореневский С. Н. Древнейшие земледельцы и сктоводы Предкаказья. Майкопско-новосвободненская общность. Проблемы внутренней типологии. М., 2004.

Кореневский С. Н. Древнейший металл Предкавказья. Типология. Историко-культурный аспект. М., 2011.

Пицхелаури К. Археологическая культура центральной части Южного Кавказа во второй половине II тыс. до н. э. (сущность культуры, характерные признаки и ареал распространения), Тбилиси, 2005.

Погребова М. Н. История Восточного Закавказья: вторая половина II — начало I тыс. до н. э.: (по археологическим данным). М., 2011.

Симонян А. Е. Могильник эпохи бронзы Верин Навер // КСИА. 1983. Вып. 176.

Симонян А. Е. Культура эпохи средней бронзы северных районов Армянского нагорья: Автореферат кандидата исторических наук. Л., 1984.

Симонян А. Е. Верин Навер. Кн. 1 (результаты раскопок 1976–1990 гг.). Ереван, 2006 (на арм. яз. с рус. резюме).

Симонян А. Е. Древнеарийские традиции в погребальном ритуале Армении эпохи бронзового века // На пути открытия цивилизации. Сборник статей к 80-летию В. И. Сарианиди. / М. Ф. Косарев, П. М. Кожин, Н. А. Дубова (ред.). СПб., 2010.

Симонян А. Е. Царский курганы эпохи бронзы Арагацотна // Материалы докладов Второго международного форума арменоведения «Арменоведение и современные призывы». Ереван, 2014.

Simonyan H. New Discoveris at Verin Naver, Armenia // Backdirt. Annual Review of the Cotsen Institute of Archaeology at UCLA, 2012.

А. Ю. Скаков

ОБЗОР НОВЫХ НАХОДОК КОБАНО-КОЛХИДСКИХ ОРНАМЕНТИРОВАННЫХ ТОПОРОВ

В 1998 г. автор защитил диссертацию по теме «Кобано-колхидские орнаментированные топоры как исторический источник». На тот момент, по литературе и музейным собраниям, удалось собрать изображения 307 орнаментированных топоров. В дальнейшем с участием автора были опубликованы 6 орнаментированных топоров, обнаруженных в Абхазии. Последние десятилетия значительно обогатили коллекцию памятников кобано-колхидского графического искусства и, в частности, орнаментированных топоров. В данной работе обобщается информация о опубликованных за истекшие годы еще как минимум 44 орнаментированных топорах, большинство из которых происходит с территории Грузии и Северного Кавказа.

In 1998 the author defended a dissertation on "Koban-Colchidian ornamented axes as a historical source". As for that time, in literature and museum findings, images of 307 ornamented axes could be found. Later – with the author's participation – images of six ornamented axes found in Abkhazia were published. Within the last decades the collection of Koban-Colchidian graphic art, and ornamented axes in particular, has been significantly enriched. The present work gathers information about images of at least 44 ornamented axes published within recent years, most of them coming from Georgia and the North Caucasus.

В 1998 г. автор этой работы защитил диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук по теме «Кобано-колхидские орнаментированные топоры как исторический источник» (Скаков 1997; Скаков 1997а). На тот момент, по литературе и музейным собраниям, удалось собрать изображения 307 орнаментированных топоров, в том числе, нескольких фрагментов и плохо сохранившихся экземпляров. За истекшие без малого 20 лет источниковая база ощутимо, хотя и не кардинально выросла. Собственно, ранее не известные мне экземпляры стали обнаруживаться уже сразу после завершения работы над диссертацией. Так, в статье 1998 г., посвященной топорам с изображением зверя, горизонтально расположенного на лопасти и не выходящего за ее пределы, было учтено уже не 58, как в диссертации, а 61 экземпляр этой группы (Скаков 1998). Несколько новых находок орнаментированных топоров, в том числе, сделанных в ходе наших работ в Абхазии, было в дальнейшем опубликовано с моим участием. Это топоры из Верхней Эшеры (3 экз.) и Тасракуа (Бжания, Скаков 2004, рис. 1, 2), а также из с. Абгархук (2 экз.) (Скаков и др. 2004, рис. 8; 10, *1*).

Появились новые высококачественные фотографии и рисунки уже известных орнаментированных топоров. К примеру, опубликованы изображения топоров из Государственного исторического музея и Государственного Эрмитажа, в том числе, экспонировавшихся на выставке «Бронзовый век. Европа без границ» 2013–2014 гг. (экземпляры из Кобанского могильника, могильника Фаскау, Лухвано, Анухвы и Гудауты) (Древние бронзы Кавказа 2010, 69–85, 193–194, № 66–82; Бронзовый век 2013, 592 (№ 301.13), 600 (№ 306.13), 601, 603 (№ 306.18.1–3), 614 (№ 306.20.4), 616 (№ 311.3), 624 (№ 322.1)), топоры из собрания Национального музея Республики Северная Осетия-Алания (один из них происходит из с. Карца) (Легенды Кавказа 2014, 16; Кузнецов 2009, 41), топор со скульптурным изображением хищника на обухе из Цагвери или Цагвли (музей г. Хашури) (Georgien 2001, 350, № 254; Noneshvili, Tavartkiladze 2012, 160, 170) и т. д. Кроме того, достаточно качественные изображения ряда орнаментированных топоров, ранее труднодоступные для российского исследователя, были заново опубликованы в изданиях на русском языке. К примеру, это касается топора из Винницы, рисунок которого ранее был приведен Т. Сулимирским (Махортых 1998, 23–25). Опубликованы были в России и прорисовки топоров из Меквены и Они, хранящихся в фондах Кутаисского исторического музея, а также топора из Они, хранящегося в Государственном музее Грузии (Lang 1966, fig. 11; 13; Лэнг 2004, рис. 11; 13). Эти три топора не были учтены нами при написании диссертации, что заставляет включить и их в предлагаемый обзор. Отметим также, что за прошедшие годы более полно, хотя и пока недостаточно, были введены

в научный оборот материалы могильников Центральной Колхиды (Эргета, Дгваба, Цаиши), где хорошо представлены бронзовые орнаментированные топоры. Эти находки закрывают некоторую лакуну, поскольку ранее опубликованы были только топоры из Мухурчи и единичная находка из Эргеты (могильник IV, погребальная яма 2) (рис. 1, *4*).

Характеристика новых и неучтенных находок орнаментированных топоров будет идти по выделенным нами в 1998 г. группам и подгруппам, так как прошедшее время подтвердило жизнеспособность созданной тогда классификации. Сразу оговорим также, что используем традиционную типологию кобано-колхидских бронзовых топоров — к типу I относятся экземпляры с дважды изогнутым корпусом и молоточковидным обухом, к типу II — с прямым корпусом и молоточковидным обухом, к типу III — с прямым корпусом и клиновидным обухом[1].

Итак, начнем с памятников Центральной Колхиды (ингури-рионская колхидская культура). В комплекс погребальной ямы 4 могильника Эргета II входит орнаментированный топор группы 6 — изображение на лопасти горизонтально расположенного зверя, не ограниченного её рамками (тип III) (рис. 1, *9*) (Apakidze 2009, taf. 209, *2*). Это достаточно редкая группа, которая, с одной стороны, по характеру изображения, не ограниченного пределами лопасти, связана с более ранней группой 3. С другой стороны, поза зверя и степень его стилизации очень близки к изображениям поздней группы 7 (горизонтально расположенный стилизованный зверь). В отличие от группы 3, зверь изображен не вертикально, а горизонтально, при этом на боковых гранях не размещались ни лапы, ни морда зверя, то есть изображения его передней и задней частей были ограничены пределами лопастей, не выходя за их пределы. Кроме того, о позднем хронологическом положении группы 6 свидетельствует наличие на всех ее топорах поясков и шнурового орнамента. Таким образом, топор из погребальной ямы 4 могильника Эргета II может быть отнесен к четвертому хронологическому периоду в развитии кобано-колхидского графического стиля и датирован VII в. до н. э.

В погребальной яме 4 могильника Эргета III обнаружены три орнаментированных топора подгрупп 15/2 — свастический орнамент на лопасти (рис. 1, *2*), 16/1 — декор ограничен пояском, лопасть не орнаментирована (рис. 1, *3*), 16/2 — декор ограничен пояском и зоной под обухом, лопасть не орнаментирована (все они относятся к типу III) (Mikeladse 1995, abb. 13, *25–27*, 16). Эти подгруппы синхронизируются в рамках четвертого хронологического периода в развитии кобано-колхидского графического стиля, то есть могут быть датированы VII в. до н. э. Р. И. Папуашвили также датировал этот комплекс VII в. до н. э. (Папуашвили 2011, 86).

У топора подгруппы 15/2 на одной из боковых сторон под проухом нанесены стилизованные изображения звериных лап («знак зверя»), что позволяет видеть здесь «пересечение» с группой 8 — изображение S-видного знака на лопасти, также относящейся к четвертому хронологическому периоду. Ближайшие аналоги декору этого топора мы находим у экземпляров из Сурмуши (Иващенко 1941, 5–7, рис. 2b), Фаскау (Скаков 1999, 126–127, рис. 7), Гурии (Рамишвили 1974, табл. XXX, *5*), Кобанского могильника (Уварова 1900, рис. 12), коллекции Д. А. Вырубова из Северной Осетии (ГЭ, № 1739/1) и погребения 41 Тлийского могильника (Техов 1988, рис. 159). Предположительно, их можно связывать с «западногрузинским» вариантом графического стиля, сближающимся в четвертом хронологическом периоде с «северо-осетинским» вариантом. К этому же «объединенному» варианту относятся подавляющее большинство топоров подгруппы 16/2 и, очевидно, экземпляр из Эргеты III-4 подгруппы 16/1.

В погребальной яме 1 могильника Эргета IV найден орнаментированный топор подгруппы 15/2 — свастический орнамент на лопасти (тип III) (рис. 1, *8*) (Mikeladse 1995, abb. 9, *20*). Это также четвертый хронологический период, что соответствует VII в. до н. э., и здесь опять же наши с Р. И. Папуашвили датировки полностью совпадают (Папуашвили 2011, 86). Принадлежность этого топора к обозначенному выше «западно-грузинскому» варианту графического стиля сомнений не вызывает.

В погребальной яме 1 могильника Цаиши были обнаружены три орнаментированных топора, относящиеся к подгруппе 16/1 — декор ограничен пояском, лопасть не орнаментирована (топоры типов II и III) (рис. 1, *6*, *7*) и подгруппе 16/2 — декор ограничен пояском и зоной под обухом, лопасть не орнаментирована (топор типа III) (рис. 1, *5*) (Papuashvili 2010, tabl. I; Papuashvili 2012, fig. 3; 5, *4–6*). Близкими аналогиями топору подгруппы 16/2 являются экземпляры из Окуреши (Коридзе 1965, табл. XLIV, *1*) и погребения 365 Тлийского могильника (Техов 1988, рис. 79). Топор типа II подгруппы 16/1 находит ближайшую аналогию в погребении 255 Тлийского могильника (Техов 1988, рис. 142) и, возможно, связан с «юго-осетинским» вариантом графического стиля.

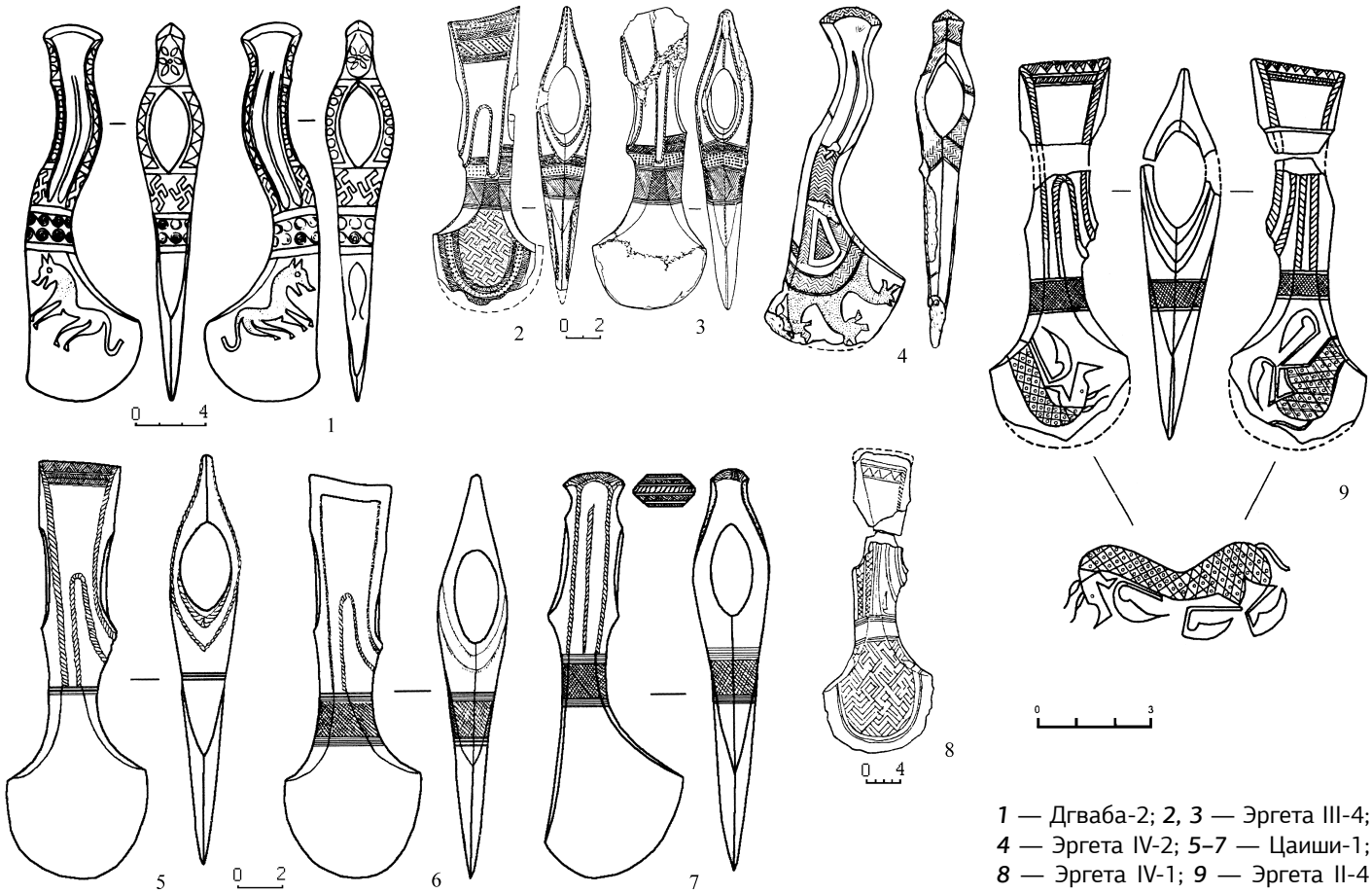
Эти подгруппы относятся к четвертому хронологическому периоду в развитии графического стиля и могут быть датированы VII в. до н. э. Р. Папуашили датировал этот комплекс второй половиной VIII — первой половиной VII вв. до н. э. (Papuashvili 2010, 67; Папуашвили 2011, 83–86). С этой датировкой (рубеж

[1] Аналогичной классификации, придерживается, к примеру, Б. В. Техов (1988).

VIII–VII — первая половина VII вв. до н. э.) мы согласились (Скаков 2011, 98). К этому же времени Р. Папуашвили отнес и погребальную яму Эргета II-4, топор из которой мы выше также датировали VII в. до н. э. Более ранней, датируемой первой четвертью I тыс. до н. э., оказалась по схеме Р. Папуашвили погребальная яма Эргета IV-2, с топором группы 2/6 — на лопасти подтреугольная рамка с головами зверей (тип 1) (рис. 1, *4*) (Микеладзе и др. 1991, табл. 148, *14*). Эту группу мы относим ко второму хронологическому периоду в развитии кобано-колхидского графического стиля и условно датируем IX в. до н. э.

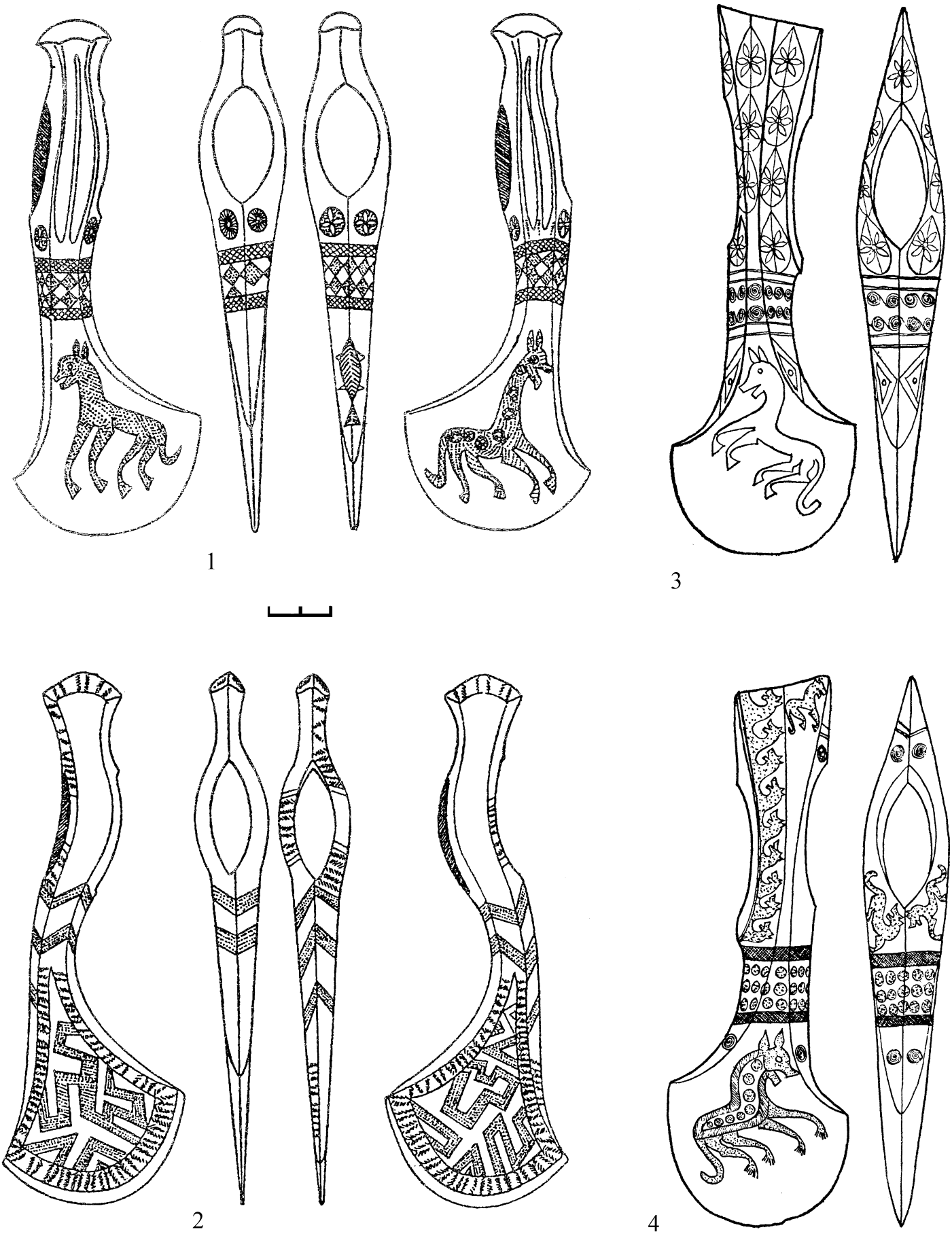
В погребальной яме 2 могильника Дгваба был обнаружен орнаментированный топор группы 5 — изображение горизонтально расположенного зверя, ограниченного пределами лопасти (топор типа I), относящийся к третьему хронологическому периоду (рис. 1, *1*) (Микеладзе и др. 1995, табл. 54, I; Mikeladse 1995, abb. 3, *29*; 16; Unterwegs zum goldenen Vlies 1995, 288, abb. 91, № 241). Учитывая стилистику изображения зверя и богатый декор боковых граней, этот топор можно связать с «западно-грузинским» и «северо-осетинским» вариантами. В этот же комплекс входит орнаментированный топор подгруппы 16/2 (Mikeladse 1995, abb. 3, *28)*, относящейся к четвертому хронологическому периоду и являющийся близкой аналогией топора той же подгруппы из Цаиши-1. Таким образом, погребальная яма 2 могильника Дгваба может датироваться VII в. до н. э. Комплекс был датирован при первой публикации концом VII в. до н. э. (Микеладзе и др. 1995, 43), в дальнейшем Р. Папуашвили отнес его к VII в. до н. э. Как видим, в целом, хронологическая схема Р. Папуашвили не противоречит хронологии, обоснованной нами ранее на меньшем числе опубликованных к тому времени комплексов. Тогда комплекс Эргета IV-2 был отнесен нами к IX в. до н. э., комплекс Дгваба-2 — к рубежу VIII/VII — первой половине VII вв. до н. э., а комплекс Эргета III-4 — ко второй половине VII–первой половине VI вв. до н. э. (Скаков 2003, 142–144; Скаков, Эрлих 2005, 222, табл. 4; Скаков 2011, 96–98).

В Горати (местность близ церкви на западной окраине г. Хашури) среди других находок эпохи поздней бронзы — раннего железа был случайно обнаружен орнаментированный топор подгруппы 16/2 — декор ограничен пояском и зоной под обухом (тип III) (рис. 4, *5*) (Murvanidze 2010, pl. I, *1*). Это четвертый хронологический период, то есть VII в. до н. э. По своему декору топор соответствует «западно-грузинскому» варианту графического стиля.

1 — Дгваба-2; *2*, *3* — Эргета III-4;
4 — Эргета IV-2; *5–7* — Цаиши-1;
8 — Эргета IV-1; *9* — Эргета II-4

Рис. 1.

1, 2 — Нацаргора, погр. 319; *3, 4* — Они

Рис. 2.

Там же, в районе Хашури, при раскопках могильника Нацаргора в погребении 319 были обнаружены два орнаментированных топора — группы 5 — изображение горизонтально расположенного зверя, ограниченного пределами лопасти (тип II) (рис. 2, *1*) и подгруппы 15/2 — свастический орнамент на лопасти (тип I) (рис. 2, *2*) (Ramishvili 2001, pl. VII, 962, 963; Georgien 2001, 349. № 53). В качестве одного из аналогов топору группы 5 можно привести экземпляр из Лайлаши (ГЭ, № 1727/17). Топор же подгруппы 15/2, у которого свастический орнамент на лопасти взят в рамку, а боковые грани украшены зигзагами и елочным орнаментом, находит ближайшие аналогии в расположенном относительно недалеко Тлийском могильнике (погребение 266 и др.) (Техов 1988, рис. 28). Комплекс 319 был отнесен к IX–VII вв. до н. э. Мы относим группу 5 к третьему, а подгруппу 15/2 — к четвертому хронологическому периоду в развитии графического стиля, то есть комплекс может быть датирован VII в. до н. э. Еще один топор, обнаруженный в погребении 435 и датированный VIII–VII вв. до н. э., относится к группе 10 — линейно-треугольный орнамент на лопасти (тип III) (Georgien 2001, 145, 346. № 249). Это третий хронологический период, то есть, несколько условно, VIII в. до н. э. Любопытно, что известные ранее топоры с декором этой группы были найдены исключительно на территории Абхазии и, соответственно, относились к «абхазскому» варианту графического стиля.

В погребении 53 могильника Нареквави (Мцхета) был обнаружен орнаментированный топор подгруппы 2/8 — заполненная спиралями подтреугольная рамка (тип III) (рис. 4, *4*) (Mtskheta 2000, 32, № 89, tabl. XV, *597*; Ramishvili 2010, pl. I, *16*). Комплекс, как и весь материал раскопок некрополя того года (1999), был суммарно и без должной аргументации датирован VIII–VI вв. до н. э. (Mtskheta 2000, 5). Это достаточно редкий тип декора, к этой подгруппе относятся всего два топора — из Кобанского могильника (Avant les Scythes 1979, p. 226, № 226; Archeologie comparee 1989, № 35.522, p. 92) и из района Нальчика (Доманский 1984, илл. 10). Стилистический анализ позволил нам достаточно осторожно отнести подгруппу 2/8 ко второму хронологическому периоду, но аналогичная рамка, заполненная спиральным орнаментом, известна у секиры из Рене (Лордкипанидзе 1989, рис. 72), примыкающей по своему декору к группе 11 (сетчатый орнамент на лопасти) третьего хронологического периода. В любом случае, орнаментированный топор подгруппы 2/8 должен датироваться в рамках IX–VIII вв. до н. э.

Орнаментированный топор группы 5 — горизонтально расположенный на лопасти зверь, ограниченный ее пределами (тип I) (рис. 4, *6*) случайно обнаружен в Зекаани (плато Кайшаури, ущелье Арагви) (Ramishvili 2010, pl. I, *10*). Группа 5 относится к третьему хронологическому периоду, то есть может достаточно условно датироваться VIII в. до н. э.

Из могильника Мзетамзе (район Боржоми-Цагвери) происходит датированный VII–VI вв. до н. э. орнаментированный топор группы 5 — изображение горизонтально расположенного зверя (с элементами стилизации) на лопасти (тип II) (рис. 4, *3*) (Ramishvili 2010, pl. II, *1*). Там же в погребении 4, датированном VIII–VII вв. до н. э., обнаружен достаточно своеобразный топор группы 6 — изображение на лопасти горизонтально расположенного зверя, не ограниченного её рамками (тип III) (Georgien 2001, 227; 347, № 250; Ramishvili 2010, pl. II, *8*). Изображение сильно стилизовано и крайне схематично, что можно считать поздними признаками. Группа 6 относится к четвертому хронологическому периоду и должна датироваться в пределах VII в. до н. э., группа 5 относится к третьему хронологическому периоду, но явные элементы стилизации позволяют считать этот топор одним из позднейших в ней. К примеру, по позе зверя и характеру изображения его морды топор группы 5 сближается с экземплярами группы 14 (изображение оленя на лопасти) из Цоиси (Коридзе 1965, рис. 27), группы 5 из Цхинвальского клада (Куфтин 1949, рис. 1, табл. XIV, *5*) и погребения 432 Тлийского могильника (Техов 1988, рис. 52). Характер декора боковых граней также заставляет относить этот топор группы 5 к «юго-осетинскому» варианту графического стиля.

Там же, в районе Боржоми, в Квабисхеви был обнаружен орнаментированный топор подгруппы 4/1 — изображение вертикально расположенного зверя, ограниченного пределами лопасти и помещенного в рамку (тип I) (Georgien 2001, 350–351, № 255). Подгруппа 4/1 относится ко второму хронологическому периоду и, вероятно, датируется IX в. до н. э. В качестве аналогии можно привести декор топора из погребения 414 Тлийского могильника (Техов 1988, рис. 11).

Из Они (Рача) происходят упомянутые выше два топора группы 5 — горизонтально расположенный на лопасти зверь, ограниченный её пределами, хранящиеся в Кутаисском историко-этнографическом музее и в Государственном музее Грузии (тип III) (рис. 2, *3*, *4*) (Lang 1966, fig. 11, 13; Лэнг 2004, рис. 11, 13; Лордкипанидзе 1989, рис. 102). Оба топора вполне соответствуют канонам «западно-грузинского» варианта графического стиля. Топор подгруппы 4/1 с изображением вертикально расположенного зверя, ограниченного пределами лопасти и помещенного в рамку (тип I) (рис. 4, *2*), происходящий из Меквены (р. Риони), также хранится в Кутаисском историко-этнографическом музее (Lang 1966, fig. 11; Лэнг 2004, рис. 11). Сравнительно близкий аналог этому изображению мы видим на топоре из Горной Карцы (Северная Осетия) (Кантемиров б. г.; Кузнецов 1995, с. 27). Как уже отмечалось,

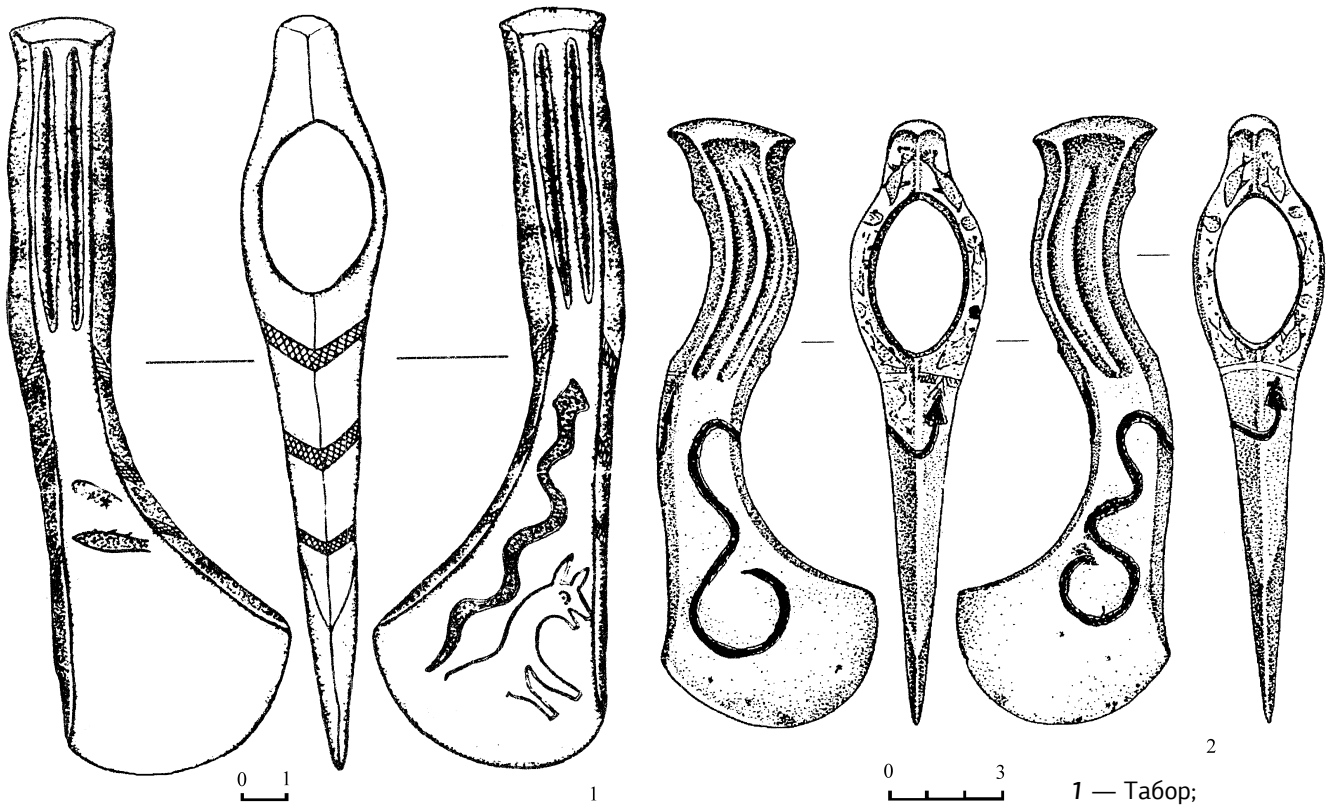
подгруппа 4/1 относится ко второму хронологическому периоду (IX в. до н. э.), а группа 5 — к третьему (VIII в. до н. э.).

В музее г. Мартвили хранится орнаментированный топор подгруппы 5а с изображением антитетически («геральдически») размещенных животных на лопасти (тип III) (Martvili 2014, p. 33). Это достаточно редкий тип декора, известный ранее только на двух топорах из погребений 109 и 208 Тлийского могильника. Достаточно условно мы ранее отнесли эту подгруппу к третьему хронологическому периоду (VIII в. до н. э.).

В 1980 г. были обнаружены два плоских топора с боковыми выступами и орнаментированный топор подгруппы 16/2 — декор ограничен пояском и зоной под обухом (тип III) (рис. 4, *1*), происходящие из клада 1924 г. в сел. Окуреши (Sacharowa 2000, abb. I, *1*). В качестве аналога этому топору можно привести экземпляр из Кобанского могильника («покупка у Ромейко», ГИМ, № 1702/4789). Безусловно, топор относится к объединенному (для данного периода) «западно-грузинскому» — «северо-осетинскому» варианту графического стиля. Напомним, что в состав клада из Окуреши входят три орнаментированных топора той же подгруппы 16/2 (Куфтин 1944, 33, табл. XIII, *1–3*). Подгруппа 16/2 относится к четвертому хронологическому периоду и должна датироваться VII в. до н. э.

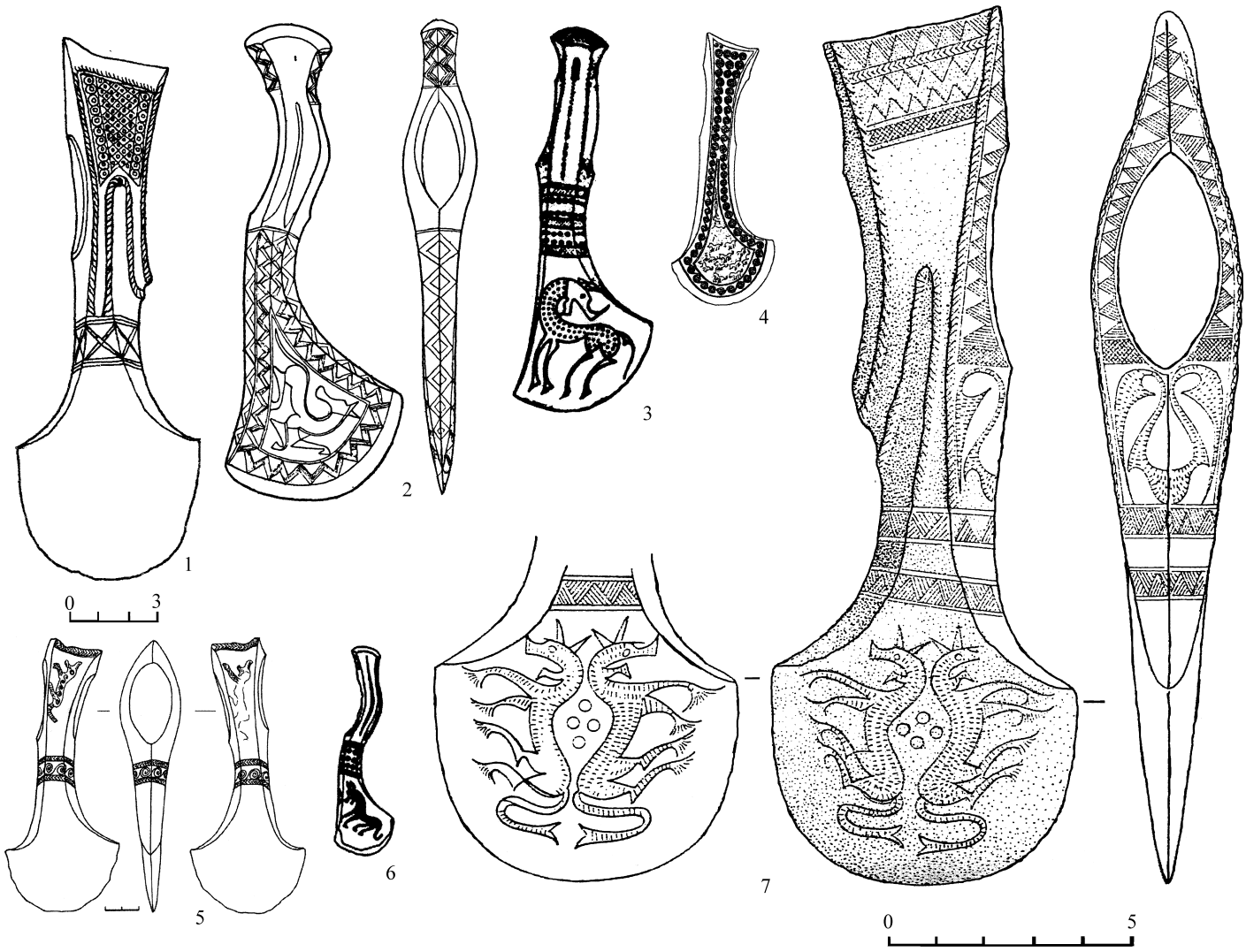
В собрании музея г. Карс находится орнаментированный топор подгруппы 5а с изображением антитетически («геральдически») размещенных животных на лопасти (тип III) (рис. 4, *7*) (Müller-Karpe 1995, 227–231, abb. 1). Гравировка этого топора является случаем того, что мы называем «пересечением», когда декоративные элементы, характерные для одной группы, присутствуют в декоре топоров иной группы. В данном случае на боковой стороне под проухом помещены характерные для группы 8 изображения стилизованных лап зверя («знак зверя»). Таким образом, топор из Карского музея можно отнести уже к четвертому хронологическому периоду и датировать VII в. до н. э.

Кобанские памятники Северного Кавказа, по сравнению с Западным и Центральным Закавказьем, в меньшей степени обогатили коллекцию орнаментированных топоров. При этом разбросанные по различным музеям мира древности самого Кобанского могильника, возможно, еще не раз представят нам ранее не опубликованные образцы графического искусства. Судя по фотографии и описанию, лопасти топора типа II из Кобанского могильника, хранящегося в Археологическом музее Сен-Ремон в г. Тулуза (Inv. 2000.5.48, длина топора 17,4 см, ширина лезвия 6,9 см) покрыты свастическим орнаментом (подгруппа 15/2) (Périple Méditerranéen 2003, 28, № 3). У топора имеется поясок, образованный тремя двойными линиями. Автор описания Клодин Жаке (Claudine Jacquet) датировала топор, как и почти всю коллекцию кобанских бронз музея, в широких рамках XI–IV вв. до н. э.

1 — Табор;
2 — Клин-Яр III, погр. 362

Рис. 3.

1 — Окуреши; *2* — Меквена; *3* — Мзетамзе; *4* — Нареквави, погр. 53; *5* — Горати; *6* — Зекаани; *7* — музей г. Карс

Рис. 4.

Еще один недавно опубликованный топор из Кобанского могильника подгруппы 16/2 — декор ограничен пояском и зоной под обухом (тип II) хранится в Региональном музее Савойи в г. Шамбери (департамент Савойя, Франция, коллекция Э. Шантра, приобретена в 1891 г.) (Чеишвили 2010, 288–290). Подгруппы 15/2 и 16/2 мы относим к четвертому хронологическому периоду и датируем VII в. до н. э.

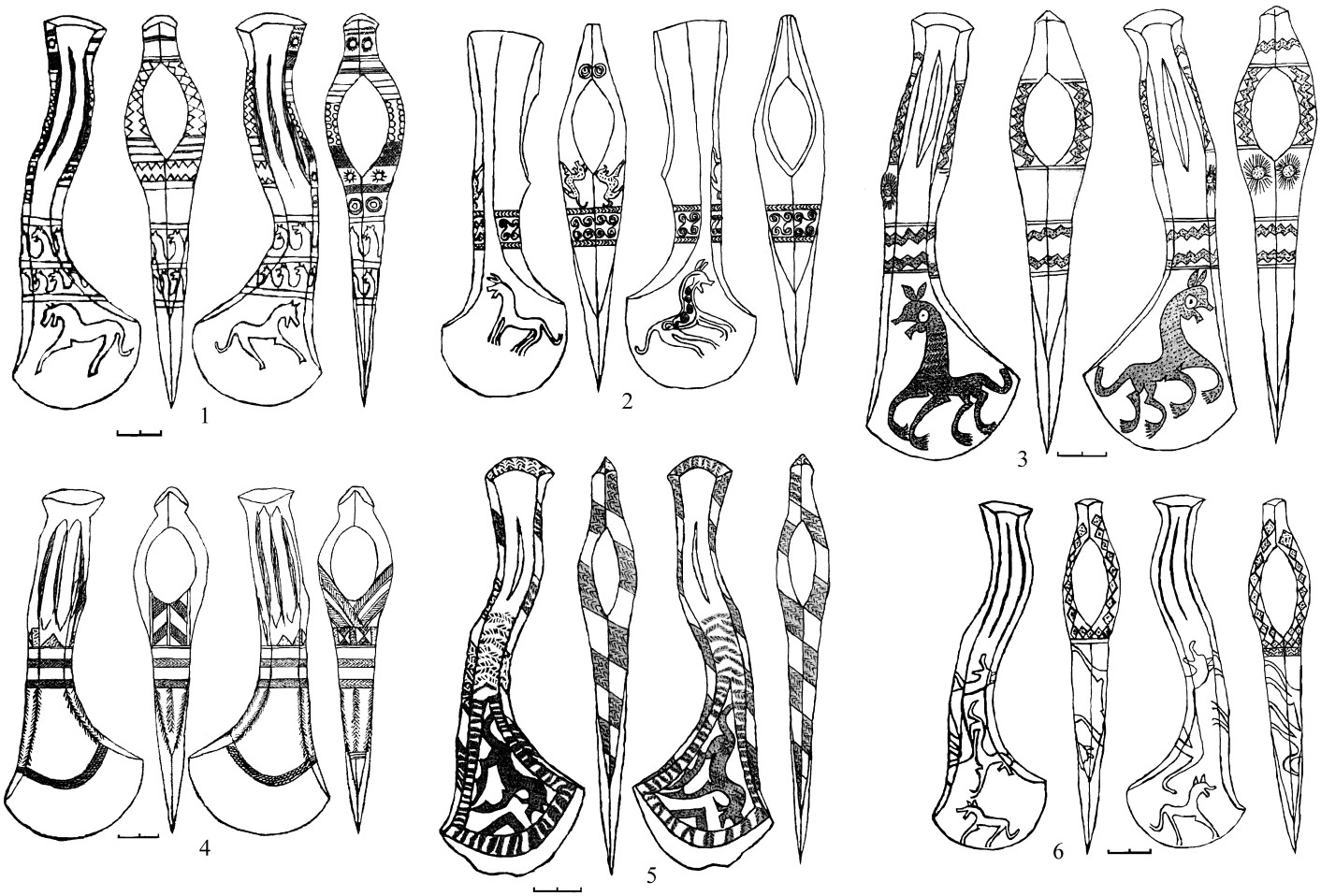
Два орнаментированных топора происходят из могильника Адайдон (Алагирское ущелье Северной Осетии). Один из них, относящийся к подгруппе 1/1 — изображение змей, переползающих с лопасти на лопасть (тип I), найден в погребении 37 (длина 17,5 см.) (Сокровища Алании 2011, илл. 77 a-d). Автор раскопок ошибочно сближает данный экземпляр с орнаментированными топорами третьего хронологического периода по моей классификации только на основании «близкой иконографии» изображения змеи, рыбы и собаки (Чшиев 2011, 171). На лопастях топора кроме змей и рыб изображены «звери» с двумя лапами, что находит аналогию в Кобанском могильнике (Уварова 1900, рис. 15). Погребение датируется Х. Т. Чшиевым в рамках середины — последней трети VIII в. до н. э., в другом издании дана датировка IX–VII вв. до н. э. (Сокровища Алании 2011, 80–81). Второй топор из могильника Адайдон относится по декору к подгруппе 2/1 — на лопасти нанесена подтреугольная рамка с изображением змеи (тип I) и был датирован публикатором XI–VII или IX–VII вв. до н. э. (Чшиев 2008, 379, рис. 1, 5; Сокровища Алании 2011, 82–83, илл. 78 a-d). Подгруппы 1/1 и 2/1 являются, в нашем представлении, достаточно ранними и должны датироваться, пусть и несколько условно, X в. до н. э.

Топор группы 7 с изображением стилизованного зверя на лопасти (тип II) был обнаружен в 2000 г. в погребении 45 Эльхотовского могильника и в настоящее время готовится к публикации исследователем памятника Х. Т. Чшиевым совместно с автором этой

статьи. Группа 7 относится к четвертому хронологическому периоду и датируется VII в. до н. э.

Орнаментированный топор подгруппы 1/1 — изображение змей, переползающих с лопасти на лопасть (тип I) найден в погребении 362 могильника Клин-Яр III (раскопки 1995 г.) (рис. 3, *2*; Белинский, Дударев 2001, 42, рис. 5; Белинский, Дударев 2015, 246; 333; 335; 388–389, рис. 218, *6*; 249, *1*). Публикаторы сочли, что сам топор может быть отнесен к X–IX вв. до н. э., но комплекс погребения датируется первой половиной VIII в. до н. э. или концом IX — началом VIII вв. до н. э. Отмечается, что в декоре топора прослеживаются как ранние, так и относительно поздние черты, к последним, в частности, относятся наличие пояска на боковых гранях и инкрустация железом. Ранее нам были известны два топора, инкрустированных железом, которые происходили из Фаскау (подгруппа 1/2) и Джирхуа в Абхазии (подгруппа 12/1) и относились именно ко второму периоду в развитии кобано-колхидского графического стиля. Экземпляр из Фаскау является ближайшей аналогией топора из Клин-Яра (Скаков 1999, 122–123, рис. 2). Таким образом, можно считать топор из Клин-Яра позднейшим в подгруппе 1/1, предполагать его промежуточное положение между первым и вторым хронологическими периодами и, со значительной степенью условности, датировать IX в. до н. э. По мнению А. Б. Белинского и С. Л. Дударева, клинярский топор связан своим происхождением с горными районами Центрального Кавказа, с чем вполне можно согласиться. Топоры, даже лишенные орнаментации, не характерны для могильника Клин-Яр III и, очевидно, этот экземпляр является импортом.

К подгруппе 1/2 — изображение змеи, ограниченной пределами лопасти (декор второй лицевой стороны сохранился только частично) относится топор из могильника Табор близ станицы Тверской Апшеронского района Краснодарского края (рис. 3, *1*; длина 17 см, ширина лезвия 5,5 см, размеры проуха — 3,8 на 2,4 см, случайная находка В. Ф. Дмитриенко, место хранения после 1986–1987 гг. неизвестно) (Цокур 2004, 134, рис. 5, 12; Сазонов 2006, 35; 37–38; 42, табл. 3, *2*). Топор был датирован, как и весь материал могильника, в рамках VIII в. до н. э. и вполне справедливо сочтен

1–2, 4–6 — Заюково; *3* — Каменномостское

Рис. 5. Орнаментированные топоры из Кабардино-Балкарии

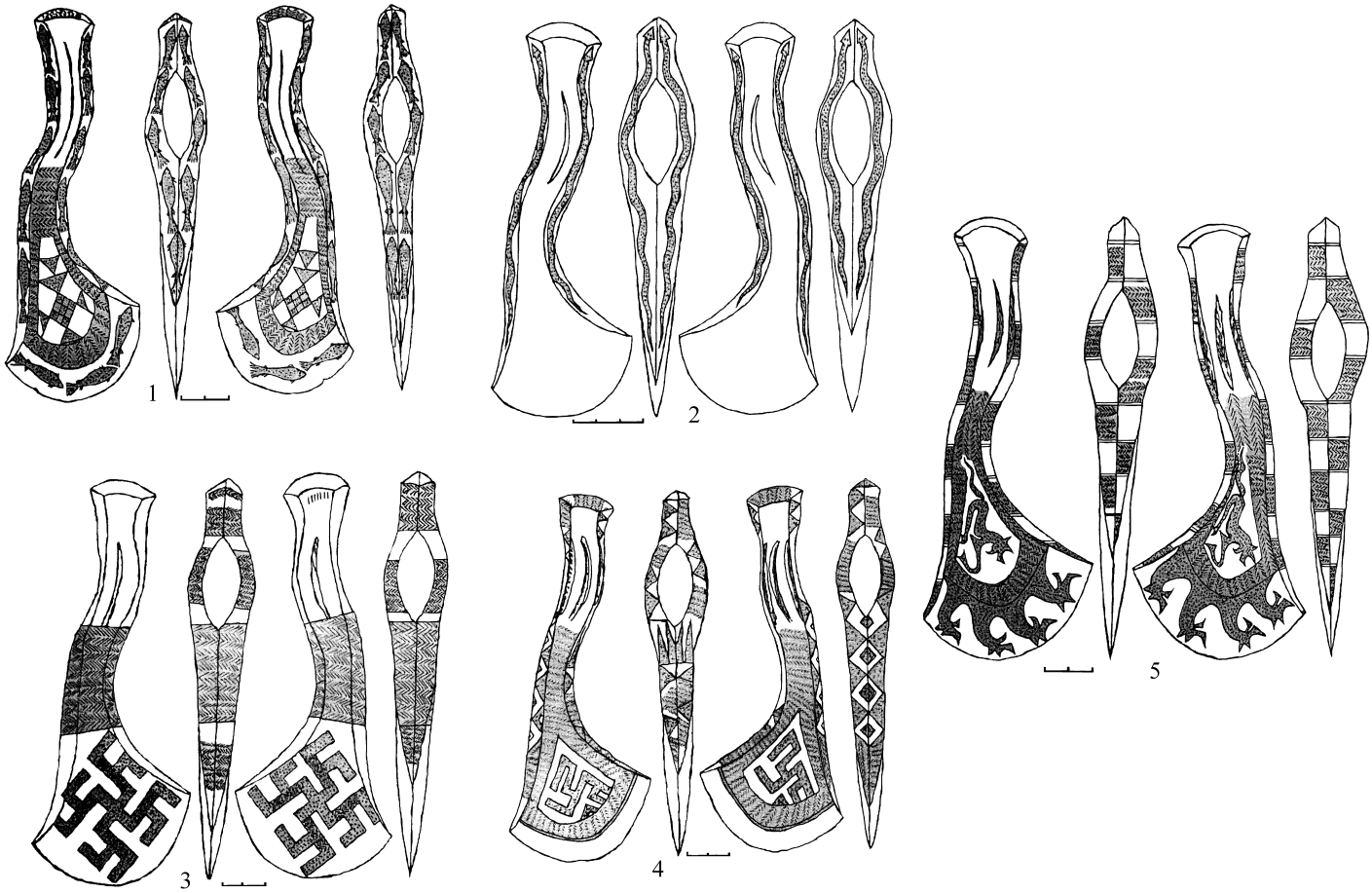

Рис. 6. Орнаментированные топоры из Кардино-Балкарии, сел. Заюково

кобанским импортом (Сазонов 2006, 34). На лопасти топора кроме змеи изображена «собака», что позволяет видеть здесь «пересечение» с группой 5 и относить его ко второму-третьему хронологическим периодам в развитии кобано-колхидского графического стиля, то есть, со значительной степенью условности, датировать IX–VIII вв. до н. э. Сочетание двух подобных изображений, то есть «пересечение», известно нам на топоре Кобанского могильника: на одной его лицевой стороне нанесены изображения двух змей, на другой — «собака/волк» и рыба (Доманский 1984, рис. 1).

Парадоксальным образом, своего рода «белым пятном» на карте находок кобано-колхидских орнаментированных топоров является Кабардино-Балкария. Отсюда был известен только один топор, имевший достаточно достоверную привязку к месту находки — экземпляр из Нальчика (ГЭ). Мне стало известно о находке в республике 11 топоров, к сожалению, являющихся случайными находками, обнаруженных при земляных работах, происходящих из грабительских раскопок или найденных в «отвалах», возникших после деятельности кладоискателей (Гуважоков 2015, рис. 4–14). То, что на месте после таких «раскопок» можно обнаружить, порой, уникальные предметы, уже хорошо известно, и некоторые из них, в частности, бронзовый шлем «ассирийского типа», уже были введены в научный оборот (Дударев 2012, 183–185, рис. 1). Современное местонахождение этих находок неизвестно, увидеть их не представлялось возможным, все сведения получены из курсовой работы студента местного университета. Десять из этих топоров происходят из некрополей в районе сел. Заюково (Баксанское ущелье) — могильники «у дамбы», на юго-восточной окраине села (рис. 6, *2*, *3*, *5*; Гуважоков 2015, рис. 5; 10; 13), на «холме, где копают золото» (рис. 5, *2*, *5*, *6*; 6, *1*, *4*; Гуважоков 2015, рис. 4; 8; 9; 11; 12), в урочище «Ослиное седло» (рис. 5, *1*, *4*; Гуважоков 2015, рис. 6; 7). Один экземпляр происходит из могильника на «Поповском холме» в Каменномостском в долине р. Малки (рис. 5, *3*; Гуважоков 2015, рис. 13). Среди этих топоров представлены следующие подгруппы, выделяемые по декору:

– Подгруппа 2/2 с лопастью, украшенной подтреугольной рамкой, под которой помещены изображения рыб (рис. 6, *1*; Гуважоков 2015, рис. 4). Подгруппа относится к первому хронологическому периоду. На топоре внутри рамки помещен усложненный дополнительными элементами «мальтийский крест», таким образом, экземпляр может считаться «пересечением» между подгруппой 2/2

и группой 13 (изображение «мальтийского креста» на лопасти), относящейся ко второму хронологическому периоду, с которым, вероятно, и следует связать эту находку. Изображение «мальтийского креста» в заполненной елочным орнаментом подтреугольной рамке находит аналогию на топоре из погребения 201 Тлийского могильника (Техов 1988, рис. 23). Сближают их и изображения рыб на боковых гранях. Топор по своей форме относится к первому типу;

– Подгруппа 2/6 с изображением на лопасти подтреугольной рамки, под которой помещен ряд из звериных голов (рис. 6, *5*; Гуважоков 2015, рис. 14). При этом внутри рамки помещено изображение вертикально расположенного зверя, то есть топор является «пересечением» между подгруппами 2/6 и 4/1. Композиционно и стилистически ближайшие изображения зверя известны на топорах из погребения 414 Тлийского могильника (Техов 1988, рис. 11) и из Кобанского могильника (собрание Щукина, ГИМ, № 1635/735). Обе подгруппы, и 2/6 и 4/1, относятся ко второму хронологическому периоду. Топор по своей форме принадлежит к первому типу;
– Подгруппа 4/1 с изображением вертикально расположенного зверя, ограниченного пределами лопасти и помещенного в подтреугольную рамку (рис. 5, *5*; Гуважоков 2015, рис. 12). Ближайшими аналогиями являются уже упомянутые изображения на топорах из погребения 414 Тлийского могильника (Техов 1988, рис. 11) и из Кобанского могильника (собрание Щукина, ГИМ, № 1635/735). Топор по своей форме принадлежит к первому типу и может быть отнесен ко второму хронологическому периоду;
– Подгруппа 15/1 с изображением свастики на лопасти и поясом (рис. 6, *3*; Гуважоков 2015, рис. 5). Подгруппа относится к третьему хронологическому периоду. Ближайшим аналоги такому декору мы находим на топорах из погребения 76 и 259 Тлийского могильника (Техов 1988, рис. 35; 36), клада из Чобарухи (Очерки истории Грузии 1989, илл. 78), Кобанского могильника (Chantre 1886, pl. I, *4*; Уварова 1900, Табл. VII, *2*; Hančar 1934, abb. 1b). Все эти топоры по своему декору связаны с «юго-осетинским» вариантом графического стиля. Топор по своей форме принадлежит к первому типу;
– Подгруппа 15/1 с изображением свастики на лопасти (рис. 6, *4*; Гуважоков 2015, рис. 11). При этом свастика вписана в подтреугольную фигуру, что позволяет видеть в декоре этого топора «пересечение» между подгруппой 15/1 и группой 2 (изображение на лопасти рамки с вписанной в нее подтреугольной фигурой). Отметим, что у топора из Тлийского могильника, найденного вне погребений, свастика ограничена нижним обводом (Техов 1988, рис. 122). Топор по своей форме принадлежит к первому типу и может быть отнесен к третьему хронологическому периоду;
– Группа 5 с изображением горизонтально расположенного зверя, ограниченного рамками лопасти (рис. 5, *1*; Гуважоков 2015, рис. 6). Учитывая достаточно богатый декор боковых граней, топор следует отнести не к «юго-осетинскому», а к «северо-осетинскому» варианту графического стиля (Скаков 1998, с. 15–17). Топор имеет поясок и по своей форме принадлежит к первому типу. Его можно отнести к третьему хронологическому периоду;
– Группа 5 с изображением горизонтально расположенного зверя, ограниченного рамками лопасти (рис. 5, *3*; Гуважоков 2015, рис. 13). Учитывая богатый декор боковых граней и позу зверя с загнутыми назад оконечностями лап, декор топора можно связать с «северо-осетинским» вариантом графического стиля (Скаков 1998, с. 15–17). Топор имеет поясок и по своей форме принадлежит ко второму типу. Его можно отнести к третьему хронологическому периоду;
– Группа 5 с изображением горизонтально расположенного зверя, ограниченного рамками лопасти (рис. 5, *2*; Гуважоков 2015, рис. 9). На одной из лопастей на туловище зверя нанесен спиральный орнамент. В качестве аналогов можно привести рассмотренный выше топор из Они (рис. 2, *4*), экземпляры из Хихадзири (Кахидзе и др. 1981, рис. III), Кобанского могильника (Уварова 1900, табл. VIII, *1*). Топор имеет поясок, охватывающий только боковые грани, и по своей форме относится к третьему типу. Учитывая спиральный орнамент на пояске, представляется предпочтительным связать декор этого топора не с «западно-грузинским», а с «северо-осетинским» вариантом графического стиля (Скаков 1998, 17). Топор можно отнести к третьему хронологическому периоду;
– Топор с изображением на лопасти как вертикально, так и горизонтально расположенных зверей. При этом вертикально расположенные звери в различной степени, но, все же, выходят за пределы лопасти, как бы «переползая» на соседние грани (рис. 5, *6*; Гуважоков 2015, рис. 8). Таким образом, топор по декору можно счесть «пересечением» между группой 5 (изображение горизонтально расположенного зверя) и группой 3 (изображение вертикально расположенного зверя, «переползающего» с грани на грань, не ограниченного пределами лопасти). По стилю изображения зверей и декору боковых граней топор можно связать с центрально-кавказским или «северо-осетинским» вариантом графического стиля. Топор по своей форме принадлежит к первому типу и, учитывая его «переходный» по своему

характеру декор, может быть отнесен ко второму хронологическому периоду;

– Особняком стоит топор с пояском и обводом в нижней части лопасти (рис. 5, *4*; Гуважоков 2015, рис. 7), являющимся, очевидно, рудиментом подтреугольных рамок. Топор имеет на гранях шнуровой орнамент, по своей форме относится ко второму типу и, вероятно, должен быть отнесен к третьему или четвертому хронологическим периодам;
– Не имеет аналогий топор, украшенный исключительно изображениями змей на боковых гранях (рис. 5, *2*; Гуважоков 2015, рис. 10). Топор по своей форме относится к первому типу.

Таким образом, из 11 топоров можно относительно уверенно определить хронологическую позицию 10 экземпляров, при этом 4 из них относятся ко второму хронологическому периоду, 5 — к третьему, а 1 — к третьему или четвертому. Все топоры второго хронологического периода относятся по своей форме к первому типу, из топоров третьего (а также третьего или четвертого) хронологического периода 3 относятся к первому типу, два — ко второму, один — к третьему. Такое соотношение представляется вполне логичным и не противоречит имеющимся данным по Тлийскому и Кобанскому могильникам. Во втором хронологическом периоде мы видим исключительно топоры центральнокавказского варианта, в третьем хронологическом периоде наряду с топорами «северо-осетинского» варианта графического стиля присутствуют один или два топора, связанных с «юго-осетинским» вариантом графического стиля.

Уникальным по своему декору является орнаментированный топор из так называемой «Майкопской коллекции» (Берлинский музей первобытности и древней истории, приобретен в 1907 г. из коллекции П. Мавродордато, длина 16,1 см) с изображением косого креста на лопасти и пояском (тип I) (Leskov 2008, 168–169, № 229). Его можно связать с подгруппой 15/3 — орнамент из косых крестов на лопасти, декор немногочисленных топоров которой относится к абхазскому и юго-осетинскому вариантам графического стиля четвертого хронологического периода. «Майкопский» топор также, судя по скупому декору, относится к юго-осетинскому варианту.

К сожалению, кобанские артефакты часто всплывают на сайтах кладоискателей, и орнаментированные бронзовые топоры не являются исключением. Учитывать такие «находки» без какой-либо внятной информации об их происхождении и месте нынешнего нахождения мы не можем. К примеру, в 2005 г. неким «коллекционером» из Ростовской области на сейчас уже несуществующий сайт был вывешен топорик третьего типа (с клиновидным обухом) и изображением s-видного знака (т. н. «знак зверя», т. е. изображение двух согнутых стилизованных лап животного) на лопасти. Топорик относится к группе 8 по моей классификации, его грани украшены шнуровым орнаментом, имеется поясок, заполненный штриховкой, у одной из боковых сторон имеется декор между пояском и проухом, на лопасти есть нижний обвод из трех линий, штриховки и точечного орнамента. Ближайший, хотя и не абсолютный аналог — топорик из Мехчис-цихе (Вальчак, Скаков 2002, рис. 1, *3*).

Не исключено, что в некоторых случаях на сайтах «черных археологов» мы видим подделки, изготовленные по хорошо известным образцам. В частности, при публикации на Украине частной коллекции А. В. Козыменко была издана фотография орнаментированного топора, место находки которого неизвестно (Клочко, Козыменко 2011, 116–117; 174, илл. 187–188). По словам публикаторов, назвавших его «топором колхидского типа», он, «вероятнее всего, происходит из Абхазии», что более чем сомнительно. Грубый характер изображения, подражающего декору хорошо известных топоров Тлийского могильника, заставляет допускать здесь современную подделку. Лопасти топора имеют различные изображения — на одной из них мы видим стилизованного зверя (группа 7), на другой — оленя с небольшими рогами, в спину которого направлена стрела (группа 14).

Таким образом, последние десятилетия значительно обогатили коллекцию памятников кобано-колхидского графического искусства и, в частности, орнаментированных топоров.

Литература

Белинский А. Б., Дударев С. Л. О некоторых редких предметах вооружения «предскифского» времени из могильника Клин-Яр III (г. Кисловодск) // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. МИАР. № 3. М., 2001.

Белинский А. Б., Дударев С. Л. Могильник Клин-Яр III и его место среди древностей Кавказа и Юго-Восточной Европы начала Раннего железа. М., 2015.

Бжания Д. С., Скаков А. Ю. Новые находки колхидской бронзы из Абхазии // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. М., 2004.

Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое — первое тысячелетия до н. э. Каталог выставки. СПб., 2013.

Вальчак С. Б. Скаков А. Ю. Клад из Мехчис-цихе в контексте хронологии некоторых археологических памятников Юго-Западного Закавказья // РА. 2002. № 2.

Гуважоков Д. Х. Кабардино-Балкария в эпоху поздней бронзы и раннего железа (по материалам археологии). Курсовая работа студента 5-го курса КБГУ. Нальчик, 2015.

Древние бронзы Кавказа. Автор и составитель А. П. Мошинский. Государственный исторический музей. М., 2010.

Доманский Я. В. Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. М., 1984.

Дударев С. Л. Новые данные о шлемах ассирийского типа на Северном Кавказе // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 23–28 апреля 2012 г. Махачкала, 2012.

Иващенко М. М. Материалы к изучению культуры колхов // Материалы по истории Грузии и Кавказа. Вып. II. Тбилиси, 1941.

Кантемиров Э. С. Кобанская бронза // СОГОМИАЛ. Орджоникидзе, [б. г.]

Кахидзе А. Ю., Давитадзе Ю. А., Мамуладзе Ш. Х. Новые археологические находки из с. Хихадзири // Памятники Юго-Западной Грузии. Т. 10. Тбилиси, 1981 (на груз. яз.).

Клочко В. И., Козыменко А. В. Наш недавний бронзовый век. Киев, 2011.

Коридзе Д. Л. К истории колхской культуры. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.).

Кузнецов В. А. Путешествие в древний Иристон. Владикавказ, 1995.

Кузнецов В. А. Путешествие в древний Иристон. Пятигорск, 2009.

Куфтин Б. А. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и куро-араксский энеолит // ВГМГ. Т. XIII-B. 1944.

Куфтин Б. А. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949.

Легенды Кавказа. Каталог выставки. Национальный музей Республики Северная Осетия — Алания. Владикавказ, 2014.

Лордкипанидзе О. Наследие древней Грузии. Тбилиси, 1989.

Лэнг Д. Грузины. Хранители святынь. М., 2004.

Махортых С. В. О северокавказских бронзах X–VIII вв. до н. э. с Левобережной Украины // Археологічний літопис Лівобережної України. Ч. 1–2 (3–4). Полтава, 1998.

Микеладзе Т. К., Папуашвили Р. И., Чубинишвили Н. Т. Колхидская экспедиция // ПАИ в 1986 году. Тбилиси, 1991.

Микеладзе Т. К., Мигдисова Н. П., Папуашвили Р. И., Чубинишвили Н. Т. Колхидская экспедиция // ПАИ в 1987 году. Тбилиси, 1995.

Очерки истории Грузии. Т. I. Грузия с древнейших времен до IV в. н. э. Тбилиси, 1989.

Папуашвили Р. И. К вопросу об абсолютной хронологии могильников Колхиды эпохи поздней бронзы — раннего железа // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / Х. М. Мамаев (ред.). Грозный — М., 2011.

Рамишвили А. Т. Из истории материальной культуры Колхети (Колхиды). Батуми, 1974 (на груз. яз.).

Сазонов А. А. Бронзовые скипетры протомеотских вождей // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып.6. Армавир. 2006.

Скаков А. Ю. Кобано-колхидские орнаментированные топоры как исторический источник. Автореф. дисс. к. и. н. М., 1997.

Скаков А. Ю. К вопросу об эволюции декора кобано-колхидских бронзовых топоров // Древности Евразии / С. В. Демиденко, Д. В. Журавлев (ред.). М., 1997а.

Скаков А. Ю. Об одной из групп кобано — колхидских орнаментированных топоров // Историко-археологический альманах. (Армавирский краеведческий музей). Вып. 4. Армавир-Москва, 1998.

Скаков А. Ю. Орнаментированные топоры могильника Фаскау в Северной Осетии // Древности Северного Кавказа / В. И. Марковин (ред.). М., 1999.

Скаков А. Ю. Хронология могильников Колхиды раннего железного века // Степи Евразии в древности и средневековье. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. К. II. СПБ., 2003.

Скаков А. Ю. Погребальные ямы Колхиды // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / Х. М. Мамаев (ред.). Грозный — М., 2011.

Скаков А. Ю., Джопуа А. И., Шамба Г. К. Новый могильник колхидской культуры в Бзыбской Абхазии // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 4. Армавир, 2004.

Скаков А. Ю., Эрлих В. Р. О хронологии «киммерийских» и раннескифских древностей // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В. С. Ольховского. М., 2005.

Сокровища Алании. Научный редактор М. М. Блиев. М., 2011.

Техов Б. В. Бронзовые топоры Тлийского могильника. Тбилиси, 1988.

Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа // МАК. 1900. Вып. VIII.

Цокур Д. В. Поселения кобанской культуры Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып.4. Краснодар, 2004.

Чешвили А. Археологические материалы Кобанского могильника из коллекций Савойского музея города Шамбери (Франция) // Международная научная конференция «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Сборник кратких содержаний докладов. Тбилиси, 25–27 июня 2009 года. Тбилиси, 2010.

Чшиев Х. Т. Раскопки Адайдонского могильника кобанской культуры в 2006–2007 гг. Предварительные итоги исследования // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. (Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). Тезисы докладов. Владикавказ, 2008.

Чшиев Х. Т. Новые уздечные комплексы из памятников кобанской культуры предскифского-раннескифского времени Северной Осетии // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / Х. М. Мамаев (ред.). Грозный — М., 2011.

Apakidze J. Die Spätbronze- und Früheisenzeit in West- und Zentralkaukasien. Chronologische Studien zur Kolchis-Kultur 1600–700 v. Chr. (Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. Bd. 24. T. 1–2). Rahden/Westf., 2009.

Archéologie comparée. Europe orientale. Asie. Océanie. Amérique. Ouvrage collectif établi par la conservation du musée des antiquités nationales. Paris, 1989.

Avant les Scythes. Prehistoire de l'art en U. R. S. S. Paris, 1979.

Chantre E. Recherches anthropologiques dans le Caucase. Vol. II. Paris-Lyon. 1886.

Georgien. Schätze aus dem Land des Goldenen Vlies. Katalog der Ausstellung. Herausgegeben von Irine Gambaschidze, Andreas Hauptmann, Rainer Slotta und Ünsal Yalçin. Bochum. 2001.

Hančar F. Die Beile aus Koban in der Wiener Sammlung kaukasischer Altertümer // Wiener Prahistorische Zeitschrift. 1934. XXI.

Lang D. The Georgians. London, 1966.

Leskov A. M. The Maikop Treasure. Philadelphia, 2008.

Martvili Museum of Local Lore. Author and Coordinator of the project Nino Sulava. Tbilisi, 2014.

Mikeladse T. Grosse Kollektive Grabgruben der Frühen Eisenzeit in Kolchis // AA. 1995. H. 1.

Müller-Karpe A. Eine Kolchisaxt im Museum Kars // In memoriam I. Metin Akyurt Bahattin Devam Ani Kitabi. Istanbul, 1995.

Murvanidze B. Accidental find from Gorati // Iberia-Colchis. Researches on the Archaeology and History of Georgia in the Classical and Early Medieval Period. Tbilisi, 2010. № 6.

Mtskheta 1999. Narekvavi II. Editor A. Apakidze. Tbilisi, 2000.

Noneshvili A., Tavartkiladze A. 100 Museums of Georgia. Tbilisi, 2012.

Papuashvili R. Anthropomorphic sculptures from Tsaishi // Культурно-исторические разыскания / Cultural-historical Researches. Tbilisi, 2010.

Papuashvili R. The Late Bronze / Early Iron Age burial grounds from Tsaishi // Austausch und Kulturkontakt im Sudkaukasus und seinen Angrenzenden Regionen in der Spätbronze-/Früheisenzeit / Herausgegeben von Andreas Mehnert, Gundula Mehnert, Sabine Reinhold. Halle/Saale, 2012.

Périple Méditerranéen. Antiquités d'Afrique du Nord et du Moyen-Orient au musée Saint-Raymond, musée des Antiques de Toulouse, 2003.

Ramishvili Al. The interrelationship of Colchian and Shida (Inner) Kartli cultures according to the archaeological materials from the necropolis Natsargora // Caucasus essays on the archaeology of the Neolithic-Bronze Age. Dedicated to the 80th Birthday of Prof. Otar Japaridze. (Dziebani. Supplement VI.). Tbilisi, 2001.

Ramishvili K. For the Typology of Engraved Depictions of "Fantastic Animals" on Colchian Axes, the Attempt of Analyzing the Style and Composition // Iberia-Colchis. Researches on the Archaeology and History of Georgia in the Classical and Early Medieval Period. Tbilisi, 2010. № 6.

Sacharowa L. Über den Bronzehort aus dem Dorf Okureschi (Westgeorgien) // Dziebani. The Journal of the Centre for Archaeological Studies Georgian Academy of Sciences. Tbilisi, 2000.

Unterwegs zum goldenen Vlies. Archäologische Funde aus Georgien. Herausgegeben von Andrei Miron und Winfried Orthmann. Saarbrücken, 1995.

К. В. Чугунов

ТОРЕВТИКА АЗИАТСКИХ НОМАДОВ И ДРЕВНИЙ ВОСТОК: К ВОПРОСУ ОБ ОДНОМ ИЗ КОМПОНЕНТОВ ИСКУССТВА АРЖАНА-2

В статье рассматривается один из компонентов искусства, открытого при исследовании погребально-поминального комплекса Аржан-2 в Туве. Автором предлагается гипотеза формирования традиций торевтики наиболее сложных по технологии производства изделий на основе школы металлообработки эпохи бронзы Бактрии и Маргианы. Основанием для такого предположения служат находки в некрополе Гонура, находящие соответствия в более поздних памятниках номадов степной Евразии. Представляется, что для восточной зоны распространения звериного стиля, особенно, на его раннем этапе, этот наиболее северный анклав культурного мира цивилизаций Ближнего Востока был основным источником инноваций, в том числе и сфере распространения технологий. Именно здесь, вероятно, синтез культур оседлых земледельцев и скотоводов Великой степи еще в середине II тыс. до н. э. мог привести к возникновению впоследствии такого яркого феномена, как искусство звериного стиля скифской эпохи.

The article is dedicated to one of the components of the art of Arzhan-2, a burial and commemorative complex discovered in Tuva. The author advances a hypothesis according to which the tradition of toreutics of the most complex technologically items was formed on the basis of the Bronze Age metallurgical school of Bactria and Margiana. This supposition leans upon the findings from the necropolis of Gonur and corresponding objects from the later cultures of the steppe zone of Eurasia. Author sees this northernmost enclave of Middle East civilizations as a primary source of innovations including technologies for the eastern region of the animal style area, especially on its initial stage. It must have been the place where the synthesis of cultures of settled crop-growers and nomadic cattle-breeders of the Great Steppe in the mid-2nd millennium BC could lead to the eventual formation of the animal style.

Избежавший ограбления погребально-поминальный комплекс Аржан-2 открыл миру беспрецедентное по мастерству и художественности исполнения собрание произведений древнего искусства. Безусловно, эта составляющая обширных материалов памятника — наиболее яркая и эффектная. Первое осмысление искусства Аржана-2 началось еще в процессе исследования и уже отражено в ряде работ (наиболее полно: Чугунов 2011а, с библиографией). Однако, со времени их написания были изданы чрезвычайно важные для темы исследования работы коллег, так или иначе касающиеся рассмотрения этого феномена, из которых необходимо особо выделить монографию Р. С. Минасяна (2014), которая заставила по-новому рассмотреть ряд вопросов, связанных с древней технологией. Уже при самом общем знакомстве с материалами памятника заметна неоднородность всего комплекса прикладного искусства Аржана-2, выраженная в своеобразии отдельных групп предметов. Это своеобразие обусловлено не только стилистикой изображений, но и во многом различными технологическими приёмами, использованными мастерами при их изготовлении. Более того, художественная металлообработка, во всём своём многообразии представленная в комплексе памятника, позволяет проследить смешение различных по происхождению традиций, что чрезвычайно важно для выяснения путей формирования культуры. Как заметил Р. С. Минасян, «в каждом произведении искусства аккумулируется смысловой код (этническая принадлежность, семантика, социальный статус, эстетические нормы) и исполнительский код (мастерство, основанное на использовании знаний и навыков, накопленных предшествующими поколениями; традиции, личный опыт и инициатива исполнителя)» (Минасян 2014, 159). Таким образом, чрезвычайно важно, что технологические приёмы, использованные при изготовлении разных групп изделий, выявленных на основании стилистики, также во многом различны.

Замечание, что «школа практики — это не только багаж знаний, но и строго направленный путь, изме-

нить который возможно лишь при непосредственном вмешательстве иной школы» (Минасян 2014, 159), дает объяснение стилистическому многообразию искусства Аржана-2. Именно такое вмешательство, вероятно, фиксируется в комплексе торевтики памятника. Мастера из оседлых культурных центров, работавшие специально для кочевых вождей по их заказу, выступали в иной для себя культурной среде своего рода «культуртрегерами». Те стилистические и технологические новации, которые они привносили в свои изделия, не оставались незамеченными, копировались и продолжали существовать у литейщиков-номадов уже независимо от далёкой художественной школы.

Оседлые ремесленные центры, поставлявшие мастеров-ювелиров вождям номадов, скорей всего могли быть разными для различных областей кочевого мира. Несомненно, существовали транзитные пути распространения инноваций, которые также могли иметь разное направление на протяжении истории. Но, вероятно, они были традиционными для сложившейся локальной культуры, имевшей устоявшиеся связи с соседними территориями.

Для комплекса Аржана-2 можно предположить два таких направления по отношению к локализации памятника — юго-восточное и западное. Показательно, что здесь, по сути, на новом уровне продолжаются две выявленные традиции, сложившиеся ещё во время Аржана-1 (Савинов 1998а). Регион древнекитайских княжеств Восточного Чжоу, где встречаются орнаменты, похожие на аниконические аппликации на клинке акинака и ряд других мотивов — вероятно, одно из обозначенных направлений (Чугунов 2011а). Однако, только мастерами из княжеств Китая, которые скорей всего принимали непосредственное участие в создании предметов прикладного искусства Аржана-2, не объяснить присутствие в комплексе гранулированных украшений. Зернь появляется в Китае гораздо позже, и самые древние находки, выполненные с использованием этой технологии, здесь также связаны с памятниками номадов. Однако, несмотря на то, что серьги с припаянным, покрытым зернью конусом, являются достаточно распространёнными украшениями алды-бельской культуры раннескифского времени Тувы и найдены не только в элитных, но также в рядовых курганах, владение техникой грануляции едва ли было широко доступным ремеслом в кочевой среде. На это указывают неоднократно зафиксированные следы ремонта на таких серьгах, где отпаявшуюся пластину конуса просто привязывали через дополнительно пробитые грубые отверстия. Поскольку значительное количество изделий, выполненных в такой технике, найдено в памятниках кочевых культур Алтая и Казахстана, то необходимо рассмотреть ещё одно — западное — направление связей.

Оно пока может быть обозначено лишь в общих чертах и только в качестве гипотезы. Многочисленные параллели в синхронных и более древних памятниках ранних кочевников Казахстана не могут служить доказательством, что именно в их культурной среде произведены сложные по технике изготовления ювелирные шедевры, найденные в Аржане-2. Скорей всего и здесь вожди номадов также пользовались услугами ремесленников, получивших знания о точном литье, грануляции, тонкой пайке в каких-то оседлых центрах. Ряд особенностей иконографии, орнаментальных мотивов и композиционных приёмов в искусстве Аржана-2 позволяют предположить значительную роль в формировании наиболее распространённой стилистики этого богатейшего комплекса ювелирной школы, уходящей своими корнями в культуру эпохи бронзы Бактрии и Маргианы, а также генетически связанную с ними культуру архаического Хорезма.

Предлагаемая гипотеза требует специального изучения. Она основывается на нескольких позициях, которые здесь могут быть лишь кратко обозначены. Работами В. И. Сарианиди (из последних: 2008а; 2008б; 2010) установлено, что выделенный им Бактрийско-Маргианский археологический комплекс (БМАК) является крайним северо-западным форпостом цивилизаций, прямо связанный с земледельческими центрами Ближнего Востока и Древней Индии. На непосредственные контакты с этими территориями указывают, в частности, найденные печати, происхождение которых из Месопотамии и Хараппы подтверждается их эпиграфикой (Сарианиди 2010, 111). С момента своего возникновения БМАК был чрезвычайно открыт внешним связям, так как это являлось его экономической основой (Кирчо 2010). Продвижение андроновских племён в эти области (так называемый период варварской оккупации), произошедшее во II тыс. до н. э. (Кузьмина 2008), привело к трансформации культуры, но не могло полностью её уничтожить. Как заметила Е. Е. Кузьмина, «в этот период происходил синтез разноэтничных культур, что ознаменовалось новым синтезом и расцветом в предахеменидскую эпоху» (Кузьмина 2010, 36). Степная керамика с налепными валиками, являющаяся маркером эпохи варварской оккупации на городищах БМАК, показывает, что этот регион в период поздней бронзы входил в трансконтинентальный круг культур валиковой керамики (КВК), выделенный Е. Н. Черных (1983). Но на некоторых, исследованных В. И. Сарианиди городищах, фиксируется возрождение традиций гончарства времени БМАК (Кузьмина 2010, 30). Общность КВК, сложившаяся на основе срубно-андроновских культур степной Евразии, в свою очередь, явилась основой для формирования культур эпохи ранних кочевников. Участие бегазы-дандыбаевской культуры (БДК) в

качестве субстратного компонента в сложении раннекочевнического культурного комплекса в Саяно-Алтае и Казахстане несомненно (Чугунов 2015). Заслуживает внимания предположение В. Г. Ломана о вероятной локализации центра керамической традиции БДК в Приаралье (Ломан 2013, 253). Территория Хорезма действительно может являться тем регионом, где продолжались традиции БМАК, так как считается, что доахеменидский пласт, выявленный здесь пока очень фрагментарно, возник при сильном влиянии Маргианы (Болелов 2004, 52). На изготовление здесь ювелирных изделий в зверином стиле, вероятно, для кочевников, указывает находка золотой бляшки в виде головы джейрана в Кюзели-гыр (Вишневская, Раппопорт 1997, 165, рис. 7, *1*). В связи с обозначенным выше влиянием очень интересен вывод Т. А. Трофимовой об участии в формировании антропологического типа куюсайской культуры Южного Приаралья «древнего населения из южных районов Туркмении IV–II тыс. до н. э. и, возможно, Таджикистана». Кроме того, она предполагает, что «потомки племён андроновской культуры Казахстана также принимали участие в формировании позднейшего куюсайского населения» (Трофимова 1979, 85). Такое заключение может объяснить сохранение оказавших влияние на ранних номадов технологических традиций Бактрии и Маргианы на территории Хорезма, реконструируемое при анализе археологического материала, хотя, конечно, требует дополнительной проверки, в том числе и антропологическими методами.

Если допустить сохранение традиций БМАК в не выявленных пока оседлых центрах до появления в степях культур номадов, то сопоставление с этими хронологически отдалёнными материалами получает гипотетическую основу. Техника грануляции, впервые зафиксированная в царских гробницах Ура (Минасян 2014, 321), учитывая генетическую связь цивилизации Маргианы с Месопотамией, вполне могла быть развита в среде мастеров-литейщиков, изготавливавших ещё в эпоху бронзы миниатюрные золотые и серебряные шпильки с фигурками животных, найденные в некрополе Гонура (рис. 1, *1, 2*)[1]. Исходя из этой гипотезы, находит объяснение удивительная компоновка изображений на шпильках из Аржана-2, которая, по сути, сродни цилиндрическим печатям Древнего Востока (рис. 1, *3–6*). Здесь же была развита техника перегородчатой инкрустации, зафиксированная в Чиликты и Аржане-1, а многочисленные вставки из бирюзы и орнаментированные сердоликовые бусы могли поступать к кочевникам с территории Южной Бактрии или Северной Индии через посредничество тех же центров.

Было бы заманчиво видеть в этих контактах истоки раннего появления в торевтике номадов сцен терзания, но думаю, что причина возникновения таких связных композиций лежит глубже. Скорей всего, синтез кочевой и земледельческой культуры привел и к синтезу идеологических представлений, которые развивались уже независимо. Искусство — лишь отражение сходного мировоззрения, выработанного у индо-иранских племён в эпоху их становления. В связи с материалами Аржана-2 хочется обратить внимание, что ювелирные шедевры, выполненные в стилистической манере, имеющей вероятные западные истоки, связаны по большей части с убранством «царицы». Прослеженный узор её облачения (Čugunov u. a. 2010, 58, abb. 61) образует пламевидные изогнутые языки (рис. 2), которые поразительно напоминают одеяния, изображённые на композитных статуэтках богинь (рис. 3), распространённых в ареале БМАК (Сарианиди 2001, 49–51, рис. 17). В. И. Сарианиди сопоставил этот орнамент с типичным шумерийским одеянием «каунакес» и отметил, что у этого культа эламо-аккадские корни (Сарианиди 2001, 51). В русле реконструируемых у номадов племенных культов «священного брака» царя с богиней, женского божества «царского очага» и т. п., уходящих корнями в индоиранскую мифологию (Бессонова 1983, 27–40), такое сопоставление не выглядит невероятным. Возможно, что похороненная в основном погребении Аржана-2 женщина олицетворяла подобный культ. Учитывая, что изотопным анализом установлено, что «царица» была уроженкой какой-то отдалённой территории (Лохов и др. 2007), можно предположить, что и связанный с ней комплекс находок, выделяющийся по стилистике исполнения, был привезён издалека. Не исключено, что клювовидный жертвенник, найденный рядом, указывает на направление поиска этой территории — к западу от Тувы.

Форму этого жертвенника иногда называют запятовидной (рис. 4, *2*). Изделие такой специфической формы впервые найдено вне приаральско-казахстанского региона — ареала распространения этих атрибутов. Здесь надо отметить, что стилистическая группа искусства Аржана-2, в которую вошли изображения на стержнях шпилек, где все фигуры зверей имеют на плечах и бёдрах выемки в виде запятовидных фигур (рис. 1, *6*), выделяется, вероятно, благодаря индивидуальному стилю мастера, создавшего эти шедевры. Полусвёрнутые фигуры хищников на гарде и навершии золотой рукояти женского кинжала ассоциируются с этой стилистической группой именно на основании запятовидных прорезей (рис. 4, *3*). Касты для стекловидной массы в виде запятых выступают основным декором пластин на обуви «царицы» (рис. 4, *4*). Между тем, такие элементы — характерная черта звериного стиля Жалаулинского клада из Семиречья (Samašev 2007), где

[1] Все иллюстрации к статье размещены на цветной вклейке.

на большинстве гранулированных предметов запятовидные знаки служили кастами для каменных вставок. В этом, несомненно, едином комплексе предметов они нанесены на все без исключения изображения животных. Близость двух памятников особенно очевидна при сопоставлении плоской бляхи из могилы 22 Аржана-2 с жалаулинской накладкой в виде барана, вырезанной из золотого листа (рис. 4, *5*, *6*). Показательно, что запятовидные фигуры присутствуют на серьгах в Аржане-2 только в основном погребении и в этой же могиле 22, что является дополнительным аргументом для их синхронизации внутри растянутого по времени погребально-поминального комплекса (Чугунов 2011б, 238). Соответственно, можно предположить хронологическую близость изделий Жалаулинского клада и Аржана-2, что подтверждается также звеном удил с упором для напускного псалия (Культура ранних кочевников Казахстана 2009, 318), найденным вместе с этими золотыми вещами в Семиречье.

Рассматривая касты в форме запятой на ряде изделий из комплексов Филипповки, М. Ю. Трейстер указывает на изделия из Аржана-2 и аналогичные аржанским серьги из других памятников Саяно-Алтая, как на наиболее ранние случаи использования такого мотива в декоре ювелирных изделий. Проведённый им поиск аналогий не дал результата среди изделий ахеменидского круга, но показал распространение запятовидного мотива в ювелирном искусстве на территории Бактрии на рубеже эр (Трейстер 2012, 145, с библ.). Осторожное предположение о возможности экстраполяции на более ранний период возникновения и развития традиции кастов в форме запятой на этой или близкой к ней территории (Трейстер 2012, 146), на мой взгляд, очень перспективно.

Возможно, ареалом, где могла развиваться такая традиция, может быть архаический Хорезм. Здесь ранние номады вплотную контактировали с оседлыми центрами, в которых могли производиться предметы роскоши для вождей племён, кочевавших и на более удалённых территориях. Не исключено, что и сами мастера, прошедшие там ювелирную школу, могли работать при ставках этих вождей. В раннесакских комплексах могильников Приаралья, тесно связанных с территорией Хорезма, найдены украшения сбруи в форме запятой (Вишневская 1973, табл. XII, *10–16*), подпружные пряжки и блоки со щитками и рамками такой формы (Вишневская 1973, табл. II, *1, 2*; V, *19, 20*; XIV, 15; XVI, *1, 2*), оселки запятовидных очертаний (Вишневская 1973, табл. III, *16*; XXI, *14*). На особую знаковость этой формы в мировоззрении номадов и указывают так называемые клювовидные жертвенники, которые выполнены, по сути, с теми же очертаниями. Как уже отмечалось, подавляющее большинство их найдено именно в могильниках Приаралья (Вишневская 1973, 87; Итина, Яблонский 1997, 41, 42; Яблонский 1996, 34). Происхождение такой специфической формы ритуальных атрибутов может быть рассмотрено в русле гипотезы о сохранении в раннескифское время древних традиций Маргианы, где в некрополе Гонура найден небольшой бронзовый сосуд «в виде почки» (рис. 4, *1*). Он входил в комплекс ритуального набора посуды, обнаруженного в «царской» гробнице 2900 (Сарианиди 2001, 62, рис. 27; Дубова 2004, 246, рис. 5; Sarianidi 2007, 154, 40, 41, 43). Упоминается и каменный сосуд такой формы. В. И. Сарианиди пишет, что «точно такие изделия были встречены в храмах Маргианы и считаются предназначенными для культовых церемоний» (Сарианиди 2001, 62). Такая форма, конечно, не является абсолютно аналогичной, и до появления новых находок едва ли можно утверждать генетическое родство клювовидных жертвенников и этого артефакта. Однако более близкие соответствия в предшествующее время мне не известны и, вероятно, подобное предположение имеет право на существование.

Таким образом, в свете предложенной гипотезы, корни ювелирной школы, отразившейся в изделиях, выполненных с применением точной пайки, грануляции и, вероятно, инкрустации, могут уходить в традиции бактрийско-маргианского археологического комплекса. В нём, несмотря на значительный разрыв во времени, обнаруживаются удивительные параллели некоторым изделиям, распространённым позже у номадов. На территорию, непосредственно граничащую с ареалом БМАК, эти традиции оказали еще более сильное влияние. Этим объясняется исходная близость торевтики в памятниках кочевников казахстанских степей и Саяно-Алтая. Помимо традиции клювовидных жертвенников, в материалах БМАК имеются еще ряд соответствий кочевническим древностям. В частности, моделировка ажурного ритуального светильника или, скорее, алтаря, обнаруженного в некрополе Гонура (Дубова 2004, 269, рис. 25; Сарианиди 2008а, 183, рис. 90), абсолютно повторяет ножки некоторых курильниц Семиречья (Культура ранних кочевников Казахстана 2009, 100, 101, ЦМК КП 8591; Джумабекова, Базарбаева 2013, 99, рис. 5, *1*) (рис. 5, *1, 3*). Не исключено также, что сосуды на высоких поддонах (рис. 5, *2*), известные в раннеземледельческих культурах среднеазиатских оазисов, имеют продолжение в степной культуре. Показательно, что кубки на высокой ножке найдены в мавзолеях БДК, в частности, в Дандыбае. По сути, эта же идея заключена в форме котлов скифского типа (рис. 5, *4*), широко распространенных по всему ареалу кочевых культур.

Таким образом, предлагаемая гипотеза об участии в формировании стилистики прикладного искусства Аржана-2 ювелирных традиций, сложившихся на базе культурного наследия бактрийско-маргианского

археологического комплекса, позволяет в какой-то мере примирить две основные концепции происхождения звериного стиля скифской эпохи — центральноазиатскую и переднеазиатскую. Как известно, сторонники последней достаточно жёстко связывают сведения письменных источников о походах скифов в Переднюю Азию и заимствовании распространённых там образов и композиционных приёмов, легших в основу искусства номадов. Эта точка зрения давно вступила в противоречие с материалами из азиатской зоны распространения культур скифского типа и подвергалась обоснованной критике. Между тем, влияние художественных традиций цивилизаций Древнего Востока на стилистику искусства звериного стиля очевидно и для сторонников центральноазиатской концепции. Исследователи находили объяснения этому влиянию, допуская гораздо более ранние трансконтинентальные контакты, которые могли быть проводником этих традиций. Так, рассматривая образ хищника в древнем искусстве Евразии, Д. Г. Савинов показал широкое его распространение на огромной территории, указав в числе прочих регионов транзита этого образа и на Маргиану (Савинов 1998б, 163). Представляется, что для восточной зоны распространения звериного стиля, особенно, на его раннем этапе, этот наиболее северный анклав культурного мира цивилизаций Ближнего Востока был основным источником инноваций, в том числе и в сфере распространения технологий. Именно здесь, вероятно, синтез культур оседлых земледельцев и скотоводов Великой степи еще в середине 2 тыс. до н. э. мог привести к возникновению впоследствии такого яркого феномена, как искусство звериного стиля скифской эпохи. Безусловно, в предлагаемой гипотезе еще очень много белых пятен. Неясно, в какой культурной среде на протяжении почти пяти веков сохранялись традиции ювелиров и торевтов БМАК, почему некоторые образы и композиции, характерные для искусства древних земледельцев были утрачены, а некоторые, напротив, были развиты и органично вошли в художественный стиль номадов. Тем не менее, как представляется, эта гипотеза может быть подтверждена или опровергнута лишь новыми исследованиями.

Литература

Бессонова С. С. Религиозные представления скифов. Киев, 1983.

Болелов С. Б. К вопросу о периодизации раннего этапа истории древнего Хорезма // Transoxiana / Э. В. Ртвеладзе (ред.). Ташкент, 2004.

Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н. э. по материалам Уйгарака (Труды ХАЭЭ, VIII). М., 1973.

Вишневская О. А., Раппопорт Ю. А. Городище Кюзели-гыр. К вопросу о раннем этапе истории Хорезма // ВДИ. 1997. № 2.

Джумабекова Г. С., Базарбаева Г. А. В поисках следов свернувшейся пантеры: к изучению памятников майемерской степи // История и археология Семиречья. Вып. 4. Алматы, 2011.

Дубова Н. А. Могильник и царский некрополь на берегах Большого бассейна Северного Гонура // У истоков цивилизации / М. Ф. Косарев, П. М. Кожин, Н. А. Дубова (ред.). М., 2004.

Итина М. А., Яблонский Л. Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997.

Кирчо Л. Б. К вопросу об экономической основе маргианской цивилизации // На пути открытия цивилизации / М. Ф. Косарев, П. М. Кожин, Н. А. Дубова (ред.). СПб., 2010.

Кузьмина Е. Е. Арии — путь на юг. М.; СПб., 2008.

Кузьмина Е. Е. Культура Маргианы и Бактрии эпохи финальной бронзы (РЖВ) в работах В. И. Сарианиди // На пути открытия цивилизации / М. Ф. Косарев, П. М. Кожин, Н. А. Дубова (ред.). СПб., 2010.

Культура ранних кочевников Казахстана: археологические коллекции / Музейные коллекции Казахстана. Т. 1. Научный каталог. Алматы, 2009.

Ломан В. Г. О культурных типах памятников финала эпохи бронзы Казахстана // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии / А. З. Бейсенов (ред.). Алматы, 2013.

Лохов К. И., Бережная Н. Г., Матуков Д. И., Боковенко Н. А., Зайцева Г. И., Чугунов К. В., Скотт Е. М. Изотопный состав стронция в костях из древних захоронений Саяно-Алтая как индикатор места проживания и миграции // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. (Материалы конференции, посвященной 50-летию радиоуглеродной лаборатории ИИМК РАН, 9–12 апреля 2007 г.) СПб., 2007.

Минасян Р. С. Металлообработка в древности и средневековье. СПб., 2014.

Савинов Д. Г. Карасукская традиция и аржано-майэмирский стиль // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург / Д. Г. Савинов (ред.). СПб., 1998а.

Савинов Д. Г. Образ фантастического хищника в древнем искусстве Евразии (в свете переднеазиатской теории М. И. Артамонова) // История и культура древних и средневековых обществ. Вып. 4. СПб., 1998б.

Сариниди В.И. Некрополь Гонура и иранское язычество. М., 2001.

Сариниди В.И. Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 2. М., 2008а.

Сариниди В.И. Тайна и правда великой культуры. Ашгабат, 2008б.

Сариниди В.И. Задолго до Заратуштры (Археологические доказательства протозороастризма в Бактрии и Маргиане). М., 2010.

Трофимова Т.А. Черепа из погребений куюсайской культуры в могильниках Тумек-Кичиджик и Тарым-Кая // Кочевники на границах Хорезма (Труды ХАЭЭ, XI). М., 1979.

Трейстер М.Ю. Предметы утвари из различных материалов ахеменидского круга из Южного Приуралья // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. I. М., 2012.

Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья / Г.Б. Зданович (ред.). Челябинск, 1983.

Чугунов К.В. Искусство Аржана-2: стилистика, композиция, иконография, орнаментальные мотивы // Европейская Сарматия / Д.А. Мачинский (ред.). СПб., 2011а.

Чугунов К.В. Аржан-2: реконструкция этапов функционирования погребально-поминального комплекса и некоторые вопросы его хронологии // РАЕ. 2011б.

Чугунов К.В. Формирование культур ранних кочевников в Казахстане и Саяно-Алтае (к постановке проблемы) // Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. ТГЭ. Т. 77. 2015.

Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). М., 1996.

Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. Archäologie in Eurasien 26. Steppenvölker Eurasiens 3. Mainz, 2010.

Samašev Z. Die Fürstengräber des Siebenstromlandes // Im Zeichen des goldenen Greifen. Königsgräber der Scythen. München, Berlin, London, New-York, 2007.

Sarianidi V. Necropolis of Gonur. Athens, 2007.

В.[Х.]Т. Чшиев

КАВКАЗСКО-СЕВЕРОПРИЧЕРНОМОРСКИЕ СВЯЗИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ — РАННЕГО ЖЕЛЕЗА (ПО НОВЫМ МАТЕРИАЛАМ КОБАНСКИХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ — АЛАНИИ)

В статье с опорой на новые материалы кобанской культуры из горной части Северной Осетии рассматриваются связи древнего населения региона как с народами Передней Азии, так и с племенами скифского культурного круга. Временные рамки этих контактов, исходя из датировок рассматривающихся предметов, – с XII–XI вв. до н. э. по развитое скифское время.

This paper, based on the Koban culture new materials from the mountain area of North Ossetia, envisages the relationships of the ancient population of this region with peoples of Western Asia and Scythian cultural circle tribes. Their dating from the artefacts under consideration is spanning from the 12th–11th century BC to the classical Scythian time.

Характер контактов между древним населением Кавказа и племенами степного пояса и, в частности, Северного Причерноморья, привлекают внимание исследователей не один век. Интенсивность и направленность этих связей была обусловлена, вероятно, политической обстановкой и динамикой внутреннего развития в рассматриваемых регионах. Интерес к этому направлению связан, кроме прочего, с тем, что Кавказ, и в древности и сегодня, благодаря своему географическому расположению и особенностям рельефа, выступает в качестве своеобразного транзитного пути или «моста» между Передней Азией, Ближним Востоком и др. и степными районами Восточной Европы и северного Прикаспия.

В этой связи, определенный интерес представляют, на наш взгляд, новые находки некоторых предметов вооружения и быта в погребениях Адайдонского могильника кобанской культуры, расположенного в высокогорной Зарамагской котловине РСО — Алания.

В частности, в гробницах 34 и 38 были найдены бронзовые кружки с зооморфными ручками (рис. 1)[1]. Такие кованые кружки с одной или двумя зооморфными ручками являются типичной категорией посуды кобанской культуры. Они представлены в материалах как горных, так и предгорных памятников культуры. Заметна бесспорная северная и северо-западная направленность вектора их распространения. Это подтверждается большим числом таких сосудов в Прикубанье, р-не Краснодара, Ставрополя, Украины, вплоть до среднего течения Днепра, в памятниках как предскифского («киммерийского»), так и раннескифского, времени (Крупнов 1960, 131, карта на рис. 10). В эпоху «классической Кобани» бронзовые сосуды на Кавказе становятся достаточно массовым типом посуды кобанской культуры. К примеру, в Тлийском могильнике — общее количество бронзовой посуды разных типов достигает до 200 экземпляров. Значительную часть которых составляют кружки с зооморфными ручками. Находки таких сосудов известны в скифских памятниках Северного Причерноморья (Жаботинское поселение, могильник Квитки) и Прикубанья (Келермес) (Иванчик 2001, 217, рис. 106, *47*; Галанина 2006, 62, 64, рис. 87–88). Дорогие, престижные бронзовые ситулы и кружки с зооморфной ручкой, по всей видимости, входили в ряд предметов торговли, обмена, древних «кобанцев» со степными племенами. При этом, прототипами кобанских бронзовых кружек рассматриваемого типа, скорее всего, являются многочисленные разнообразные переднеазиатские сосуды на поддоне.

Из гробницы № 37 Адайдонского могильника происходят бронзовые двухчастные однокольчатые удила с напускными S-видного типа псалиями, концы кото-

[1] Рис. 1 размещён на цветной вклейке.

рых оканчиваются головками собаковидного хищника (рис. 2). Находки псалиев такого типа пока редки в материалах кобанской культуры. Однако они достаточно широко представлены в археологическом материале Передней Азии и Закавказья. Удила такого типа, снабженные также напускными S-видными псалиями, но с головками львов на концах из Луристана, датируются Л. Ванден Берге IX–VIII вв. до н. э. (Ванден-Берге 1992, 84, рис. 222.) Также, из Ирана, из могильника Марлик, происходят удила нашего типа снабженные стержневидными с утолщениями трехдырчатыми псалиями (Иванчик 2001, 147, рис. 68, *6*.) Несколько удил данного типа, с разными псалиями известны из Мелаани (Восточная Грузия) (Иванчик 2001, 186–187, рис. 89, *9, 12, 17, 18, 19–24*.) А также, из могильника Трели (Тбилиси) (Иванчик 2001, 193, рис. 92, *54–55*), некрополей Димац (Кировокан), Калакент (Кировобад), кургана 1 у Арчадзора (Иванчик 2001, 147.) А. И. Иванчик датирует подобные удила временем не позднее VIII в. до н. э. (Иванчик 2001, 190.)

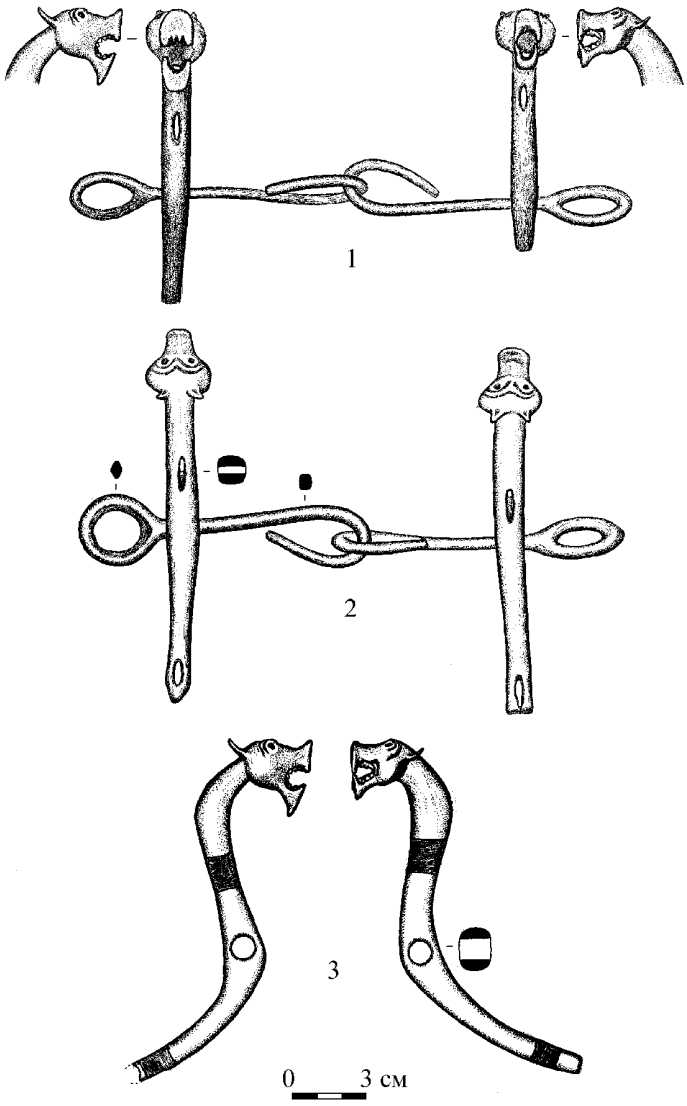

Рис. 2. Бронзовые удила. Адайдонский могильник

Еще один бронзовый S-видный псалий с зооморфными концами (рис. 3), но более позднего времени, был найден в р-не предгорий Северной Осетии — Алании (коллекция Г. А. Вертепова, фонды Национального Музея РСО — А) (Крупнов 1957, 142, рис. 42, *3*).

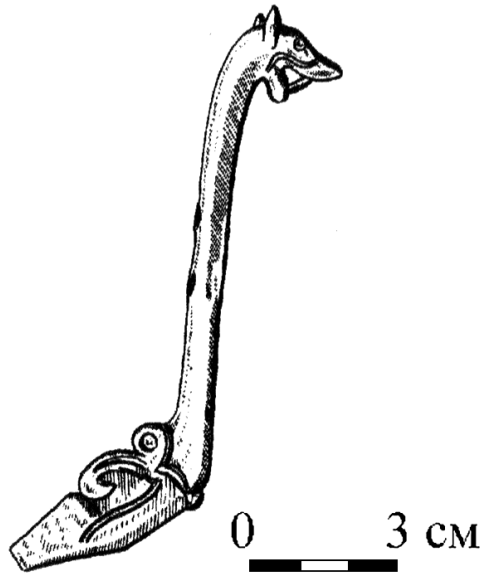

Рис. 3. Бронзовый псалий из фондов Национального музея РСО — Алания.

Уздечный комплект из Адайдона является одним из наиболее ранних случаев находки S-видных псалиев с зооморфными окончаниями, в сочетании с удилами восточного типа на территории Осетии, в древностях кобанской культуры. В более позднее время, в VI–V вв. до н. э., S-видные псалии с зооморфными окончаниями, встречается и в скифских древностях. Однако, здесь, как правило, животные представлены не собаковидным хищником, а кошачьим, или копытным животным (Полидович 2004, 152–156, рис. 6, *9*, рис. 7.) В памятниках скифского времени встречаются и S-видные псалии без зооморфного оформления концов (Вальчак, 2009, 205, рис. 17, *3*). Последние, возможно, являются одной из форм трансформации переднеазиатских и закавказских прототипов.

Узда рассматриваемого типа из Адайдона, маркируют, таким образом, один из путей проникновения S-видных псалиев с зооморфным оформлением, через горнокавказские памятники кобанской культуры, на Северный Кавказ, Прикубанье и Причерноморье, к скифам и меотам, где они получают распространение уже в VI–V вв. до н. э. (Эрлих 2002, 11–12, рис. 3; Полидович 2004, 152–156, рис. 6, *9*, рис. 7.)

Новые материалы Адайдонский могильника, расположенного вблизи от Мамисонского и Рокского перевалов Главного Кавказского хребта, свидетельствуют, т. о. о весьма активных связях между населением Передней Азии, Кавказа и Степи в древности.

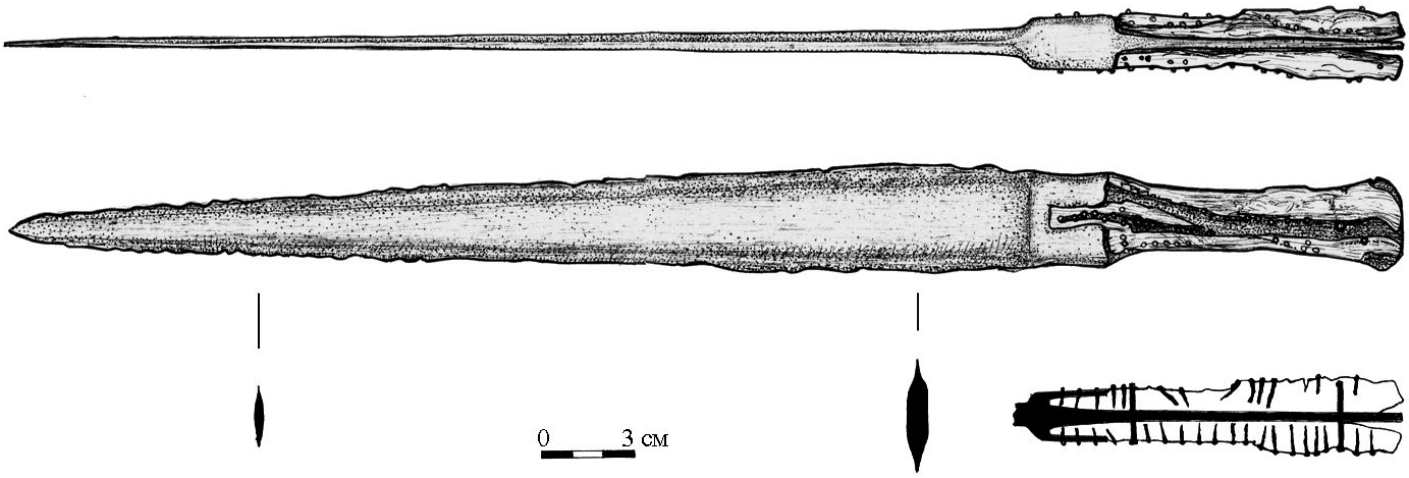

Рис. 4. Меч (бронза, дерево). Адайдонский могильник

Нижняя дата контактов адайдонских «кобанцев» с населением Передней Азии в древности может быть определена по находке раннего бронзового меча переднеазиатского типа в гробнице 57 (рис. 4). Меч цельнолитой с рамочной рукоятью и накладками из дерева, крепящимися двумя штырями. В накладки вбиты бронзовые гвоздики, возможно, крепившие кожаную обкладку рукояти. Расположение гвоздиков на плоскостях накладок образует определенный узор: гвоздики, вбитые в края накладок по длинной оси, образуют симметричные дуги; между ними вбиты гвозди в виде прямой линии, и наконец, последнюю, у перекрестья, под прямым углом пересекает короткая линия из 5 гвоздей. Ранние мечи и кинжалы переднеазиатского типа в кавказских памятниках датируются в рамках 12–10 вв. (Крупнов 1951, 68; Погребова 1977, 23; Козенкова 1996, 90–91, рис. 47, *8*; Козенкова 2013, 88; Техов 2006; Ванден берге, 1992, 62, № 179; Motzenbäcker 1996, 37; 42–48; Нераденко 1986, 58–63). Дата адайдонского меча может быть уточнена по наличию в комплексе гробницы 57 бронзовой булавки с дисковидным навершием. Аналогичные булавки находились в комплексах Эгикальского могильника (Марковин 1994 329; Ростунов 2004, 134, рис. 11), в ранних погребениях Тлийского могильника (Техов 1977, 10, рис. 7, *2*, *5*, рис. 8, *3*) и в материалах из Нули и Квасатали (Абесадзе 1974, 63, 76, 77, табл. III, *51–53*, табл. IV). В целом, этот тип булавок известен в памятниках Кавказа XVI–XI вв. до н. э. Таким образом, вероятное время захоронения комплекса 57 с мечом переднеазиатского типа — XII–XI вв. до н. э.

Верхняя дата Адайдонского могильника, одновременно указывающая на связи местного населения с племенами скифского культурного круга, может быть определена по наличию в комплексе гробницы 43 железного несколько изогнутого меча — акинака с брусковидным навершием.

Таким образом, исходя из анализа вышерассмотренных материалов Адайдонского могильника, прослеживаются векторы контактов населения, оставившего некрополь, как с народами Передней Азии, так и со степными племенами скифского культурного круга. Время этих связей может быть определено, предварительно, с XII–XI вв. до н. э. по развитое скифское время.

Литература

Абесадзе Ц. Н. К истории медно-бронзовой металлургии триалетской культуры // Реставрация, консервация, технология музейных экспонатов. Т. 1. Тбилиси, 1974.

Вальчак С. Б. Конское снаряжение в первой трети I тыс. до н. э. на юге Восточной Европы. М., 2009.

Ванден-Берге Л. Древности страны Луров. Каталог выставки. С-Пб.,1992.

Галанина Л. К. Скифские древности Северного Кавказа в собрании Эрмитажа: Келермесские курганы. СПб., 2006.

Иванчик А. И. Киммерийцы и скифы. М., 2001.

Козенкова В. И. Культурно — исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры) М., 1996.

Козенкова В. И. Кобанская культура и окружающий мир: (взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнокультурных инфильтраций в местной среде). М., 2013.

Крупнов Е. И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода // Материалы и исследования по археологии СССР / Е. И. Крупнов (ред.). Вып. 23. Москва-Ленинград, 1951.

Крупнов Е. И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957.

Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

Нераденко Т. Н. К вопросу хронологии южных заимствований в памятниках эпохи поздней бронзы Северного Кавказа (на примере бронзового оружия) // Этнокультурные проблемы эпохи бронзы Северного Кавказа / Т. Б. Тургиев (ред.). Орджоникидзе, 1986.

Марковин В. И. Северо-восточный Кавказ в эпоху бронзы // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа / К. Х. Кушнарева, В. И. Марковин (ред.). М., 1994.

Полидович Ю. Б. Зооморфно оформленные псалии как феномен скифской эпохи // Археологический альманах. Вып. 15. Псалии. Элементы упряжки и конского снаряжения в древности / А. В. Колесник (ред.). Донецк, 2004.

Ростунов В. Л. Природно-климатические условия и заселение горной зоны Центрального Кавказа в эпоху энеолита — средней бронзы. // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / Е. И. Нарожный (отв. ред.), Армавир, 2004, вып. 3.

Эрлих В. Р. Новое меотское святилище в Закубанье // Историко-археологический альманах / Р. М. Мунчаев (ред.). Армавир-Москва, 2002. Вып. 8.

Погребова М. Н. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М., 1977.

Техов Б. В. Центральный Кавказ в XYI — X вв. до н. э. М., 1977.

Техов Б. В. Археология южной части Осетии. Владикавказ, 2006.

Motzenbäcker I. Sammlung Kossnierska. Bestandskataloge. Bang 3. Berlin: Museum für Vor- und Frühgeschichte, 1996.

В. П. Яйленко

АМАЗОНКИ СТРАБОНА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Исследуется загадочное сообщение Страбона (XI. 5. 1–2) о войне амазонок с гаргарейцами, фракийцами, евбейцами. Амазонки Страбона локализуются на верхнем течении реки Кубань. Название амазонки фракийское по происхождению, им обитавшие на Северо-Западе Малой Азии фракийцы называли в догомеровское и гомеровское время анатолийские народы с матриархальными чертами. Фракийцы населяли и северные области Анатолии – Пафлагонию, Понт. Есть свидетельства пребывания фракийцев в Закавказье, фракийская топонимика и этнонимия хорошо представлена на Азиатском Боспоре, включая предгорья Северо-Западного Кавказа. Евбейцы – это древние абанты, с ними связано имя реки Абант в Албании. Имя реки Мермод, близ которой обитали амазонки – нахско-дагестанская адаптация фракийского гидронима Термодонт. В нартовском эпосе действуют женщины-воительницы. Все это дает основания думать об историческом, а не мифологическом характере предания об амазонках на Северном Кавказе и войне их с местными фракийцами и евбейцами.

The author investigates Strabo's enigmatic account (XI. 5. 1–2) of a war of the Amazons against the Gargareans, Thracians, and Euboeans. The Amazons are located in the upper reaches of the Kuban River. The name Amazons is of Thracian origin: so the Thracians of the North-West Anatolia designated at Prehomeric and Homeric times the native peoples with matriarchal features. The Thracians also inhabited North Anatolian regions – Paphlagonia and Pont. There are some indications on the Thracians in Transcaucasia; Thracian toponymy and ethnonymy is well represented in the Asiatic Bosporus, including foothills of the North-West Caucasus. The Euboeans are the ancient Abantes, in Transcaucasian Albania they gave their name to a local river. The Amazons have lived near the river Mermodas, a Nakh-Dagestanian adaptation of the Thracian hydronym Thermodon. Women-warriors are represented in the local North-Caucasian Nart epics. It implies a historical rather than mythological, character of Strabo's tale on the North Caucasian Amazons and their war against the local Thracians and Euboeans.

Рассказ об амазонках на Северном Кавказе Страбон (XI. 5. 1–2) почерпнул у Феофана, участника кавказского похода Помпея 66–65 гг. до н. э., это сведения очевидца[1]. Они пришли на Северный Кавказ с Фермодонта, занимаются тут пахотой, скотоводством, военным делом. Мы исследуем следующее известие: «Гаргарейцы вместе с амазонками, как говорят, поднялись в эти места из Фемискиры; затем, однако, начали восстание и стали воевать против амазонок вместе с какими-то фракийцами и евбейцами (которые в своих блужданиях доходили до этих мест); впоследствии, прекратив войну, они заключили соглашение на вышеупомянутых условиях: будут общаться друг с другом только для того, чтобы иметь детей, жить же каждое племя будет самостоятельно»[2].

В этом рассказе, как и в Геродотовом логосе о савроматах и амазонках, фигурирует художественного

[1] Нижеследующий текст — часть статьи автора (Яйленко 2016), где дано обоснование фракийского происхождения этнонима Ἀμαζῶνες. Ключевые положения следующие. Древние авторы обратили внимание на сходство имени амазонок с этнонимом Ἀλαζόνες. Алазоны (ализоны, гализоны) Эгеиды и Малой Азии по происхождению фракийцы; *sg.* Ἀλαζών < *Salazōn, где zōn — гипокористик распространеной во фракийских личных именах основы *zenes «рожденный». Половина топонимов с основой Ἀμαζων- сосредоточена в Греции, но из греческого этноним не объясняется. Поскольку население ряда областей Греции было по происхождению фракийским, этноним амазонок тоже фракийский — содержит ту же основу *zenes. Главное божество амазонок Артемида Эфесская, это ипостась «Великой Матери», имя которой Ἀμα исследователи давно усматривали в этониме амазонок. В целом Ἀμαζῶνες = Ama-zeneis «рожденные Великой Матерью». Это не этноним, а аллоэтноним: так фракийцы Греции и Западной Малой Азии, где они обитали с конца бронзового века, называли тамошние народы с матриархальными чертами — хеттов, лидийцев, ликийцев и др. (Leonhard 1911).

[2] *Strab.* XI. 5. 2 (пер. Г. А. Стратановского, с нашей правкой). О локализации амазонок. По Страбону (XI, 5, 1–2; это Феофан), они обитают в северных предгорьях Кавказских гор, скифские племена гелов и легов живут между ними и албанцами, посредине течет река Μερμάδαλις. В версии Гипсикрата и Метродора река Μερμόδας свергается с гор, течет через страну амазонок и Сиракену, далее идет через пустыню и впадает в Меотиду; соседи амазонок гаргарейцы. Гидронимы Μερμόδας и Μερμάδαλις неотделимы по явному подобию. Поскольку гелы обитают от Каспийского побережья до вершин Кавказа (*Strab.* XI. 7. 1), в кавказоведении обычно отождествление Мермода и Мермодалиса с текущим в Каспий Тереком и его притоком. Однако для согласования обеих версий реку Мермод — Мермадалис следует отождествить с верхней Кубанью, поскольку искомая река, по версии Гипсикрата и Метродора, впадает в Меотиду.

свойства мотив исхода амазонок из малоазийской Фемискиры, не имеющий оснований: прагматические сведения Феофана отражают северокавказские реалии, именно занятия части местного женского населения военным делом, как и у савроматов Геродота. Но удивительно известие о войне амазонок со своими бывшими сожителями гаргарейцами, которых поддержали какие-то вынужденно блуждавшие фракийцы и евбейцы (Θρᾳκῶν καὶ Εὐβοέων τινῶν πλανηθέντων). Гаргарейцев этого рассказа (Γαργαρεῖς) кавказоведы считают кавказским народом (например, насельниками области Гаргараци — Карабахское нагорье (Тревер 1959, 48–49). Однако античным источникам эти гаргары неизвестны, зато в них фигурируют троадские гаргарейцы и ряд соответственных топонимов, на что обратил внимание А. А. Акопян (1987, 61–64). Это прямые топонимические параллели, которые уводят нас в Троаду с ее вершиной Гάργαρον у горы Ида и городом Гάργαρος у подножия; этникон его жителей как раз Γαργαρεῖς, наконец, окружающая местность Γαργαρίς и пр. Все они догреческого происхождения.

Фракийцев рассматриваемого рассказа Страбона можно связать с фракийцами Восточного Приазовья, засвидетельствованными Диодором, эпиграфикой, местной топонимикой и этнонимикой фракодакийского происхождения (Яйленко 2014, 545–550). Однако загадочные евбейцы этого рассказа препятствуют такому решению и дают основание для поиска другого возможного пути появления фракийцев на Северном Кавказе — через северные области Малой Азии. Как и в случае с гаргарейцами, употребленный Страбоном этноним евбейцев (Εὐβοέων τινῶν) тоже ведет нас в Эгеиду и на Балканы, ибо это не что иное, как точный этникон жителей острова Евбея Εὐβοεῖς. Разгадку дает местный писатель IV в. до н. э. Аристотель из Халкиды, автор «Истории Евбеи», по сообщению которого, «фракийцы из фокидской Абы поселились на острове и дали жителям имя абантов» (*apud Strab.* X. 1. 3). Тут же Страбон указывает, что остров назывался также Абантидой и что Гомер упоминает Евбею, но никогда не именует ее жителей евбейцами, всегда абантами (Ilias. II. 536, 542). Таким образом, раннее название острова Евбея — Абантида, известное уже Гесиоду, и жители ее фракийские абанты, они и другие фракийцы, полагаем, как раз и фигурируют в рассказе Страбона о противниках северокавказских амазонок (Θρᾳκῶν καὶ Εὐβοέων τινῶν), тем более, что и третьи супостаты амазонок гаргарейцы вышли из того же северо-восточного анатолийского и (или) южнобалканского ареала. В начале I тыс. абанты мигрировали на восток, заселив остров Хиос у анатолийского побережья, через несколько поколений с Евбеи прибыли греки, которые частью убили, частью изгнали тех и других (*Paus.* VII. 4. 8–9). Куда делись абанты, доподлинно неизвестно[3].

Объяснить переселение на Северный Кавказ какой-то группы фракийцев, в том числе фракийцев Евбеи, а также гаргарейцев, насельников соименной местности в Северо-Западной Анатолии или Греции можно исторически, ибо в письменной традиции прослеживаются следы реальной миграции фракийцев догомеровских или гомеровских времен вплоть до Закавказья. О движении фракийцев в восточном направлении от Мисии и Вифинии далее по северу Анатолии до Армении и Колхиды свидетельствует письменная традиция. Северную часть Малой Азии занимают три большие области — Вифиния, Пафлагония, Понт. Вифинцы — древние выходцы из Фракии, они фракийцы (*Strab.* XII. 3. 3). Согласно схолиям к Аполлонию Родосцу (II, 181), пафлагонцы этнические фракийцы[4]; по Страбону (XII. 3. 4), вифинско-пафлагонское племя бебрики — фракийцы, другое пафлагонское племя мариандинов тоже, как ему кажется, фракийцы. Этих амазонок связывает с пафлагонскими фракийцами известие спутника Александра Македонского Андрона Теосца (схолии к *Apoll. Rhod.* Arg. II. 946 *sq.*, предание о нимфе Синопе): «фракийским языком пользуются и амазонки». В свете изложенных данных об основательном фракийском компоненте населения Пафлагонии оно может быть понято напрямую как свидетельство их фракийского языка. Но в Понте основная часть населения была анатолийской, и поскольку оно почитало хеттскую богиню Хепат в Комане близ Термодонта (ипостась Великой Матери), полагаем, пафлагонские фракийцы называли их Ἀμαζόνες «рожденные *Великой* Матерью».

Вспомним по этому поводу, что в греческом мире речное имя Θερμώδων засвидетельствовано лишь дважды — наряду с Фемискирой еще в Беотии близ Херонеи. По Плутарху (Thes. 27; Dem. 19), теперь название Термодонт утрачено, так когда-то называли нынешнюю реку Гемон. Иными словами, древний гидроним Θερμώδων замещен в какое-то время названием Αἷμων. Имя Гемон зафиксировано еще лишь раз — так называлась горная цепь во Фракии (ныне Стара Планина). Название фракийское, значение оронима и гидронима поясняется родственными (до)греч. αἰμός «дубрава, роща», др. инд. sīmā, sīmán «плато, верх» и пр. Таким образом, в какой-то древ-

[3] Территория распространения названия Аба и производных показывает, что их исходный ареал Греция: город Ἄβα (Ἄβαι) в Фокиде, Ἄβαντα у Парнаса, Ἀβαντία (ее область именуется Ἀβαντίς) в Эпире; во Фракии нимфа Ἄβα. Название города Ἄβα в Карии связывают с хетт. hapa- «вода».

[4] Таковы смежные с вифинцами западные пафлагонцы; Геродот (II. 104) причислил восточных пафлагонцев, обитающих при реках Термодонт и Парфений, к сирийцам (это анатолийские автохтоны).

ности фракийцы явились в Беотию и дали местной реке два своих имени — Термодонт (считаем его фракийским) и Гемон. Тут задействованы и амазонки: по Плутарху (*ll. c.*), на берегу реки были их захоронения. На историчность этого известия указывает то обстоятельство, что тут была выкопана из земли статуя амазонки, т. е. был некий «амазонский» *locum sacrum*. При дальнейшем передвижении фракийцев на восток малоазийского побережья название Термодонт перенесено ими на речку близ города Фемискира и опять-таки увязано с амазонками: как сказано, так они обозначили местное анатолийское население, почитавшее богиню Хепат, местную ипостась Великой Матери (Cavaignac 1950).

Но следы фракийцев идут еще дальше на восток до Закавказья и черноморского побережья Кавказа. По мнению И. Вернера, язык кавказских колхов фракийский (Werner 1981). Если колхи фракийцы, получает объяснение странное сообщение Страбона (XII. 3. 24), что фракийское племя треров нападало на Трою из-за реки Галис, с востока от нее, — стало быть, это северокавказские или закавказские (колхидские) фракийцы. Ядро легендарной традиции о плавании аргонавтов в Колхиду составляет древнее фессалийское предание о плавании туда миниев во главе с Ясоном, которое служило Гомеру образцом для рассказа о странствиях Одиссея[5]. Миниями называет аргонавтов Пиндар (Pyth. 4. 69), у Аполлония Родосского это обычный троп (Arg. I. 709, 763 *etc.*). По данным разного свойства минии были фракийцами (Откупщиков 1988, 45). Согласно Гекатею Милетскому (fr. 119 Jac.), Македония и часть Фессалии — фракийские области; это подтверждает Эфор, данные которого подробно излагает Страбон (IX. 2. 1–4). Со ссылкой на Кирсила из Фарсала и Мидия из Ларисы, участников похода Александра, Страбон (XI. 14. 12–14) пишет о походе фессалийца Ясона до Армении, о тамошних фракийцах-сарапарах. Минии острова Лемнос — потомки аргонавтов, прибывших из Фессалии (*Apoll. Rhod*. Arg. 849–852). Орхоменские минии принимали участие в походе на Трою, позднее колонизовали остров Теос (*Paus*. VII. 2, 4; 3. 6; IX. 37. 7). Топонимический ареал миниев пространственно широк: города по имени Μινύα в Фессалии и Фригии, река Μινυεία в Пелопоннесе у Пилоса, остров Μινυΐα близ карийского побережья, даже Μινυᾶς γῆς — область в Армении (источники: Pape, Benseler 1884, 928–929). Как видно, география распространения «минийской» топонимики совпадает с легендарной традицией о плавании минийцев-аргонавтов в Закавказье. Подобного рода совпадения считаются в общей топонимии свидетельством исторических миграций народов. Посему за преданием о походе аргонавтов во главе с Ясоном на Кавказ стоит историческая миграция фракийцев-миниев туда.

При этом обратим внимание, что золотое руно как цель плавания аргонавтов в Колхиду не что иное, как фигуральное воплощение плавания за золотом; это находит подтверждение в преданиях орхоменских миниев о своей ранней истории, в которых говорится о златолюбии и чрезвычайном богатстве их далеких предков (*Paus*. IX. 36. 4; 37. 3–6). Но там, в равнинной Западной Грузии, золота нет, добыча его велась и ведется поныне в прибрежных горных речках Абхазии, Большого Сочи и севернее, стало быть, туда направлялись аргонавты, и это уже Северный Кавказ[6]. Примечательно, что легендарная традиция о походе Ясона и его спутников доводит минийского героя и до этих мест, до Албании (*Strab*. XI. 4. 8; 13. 10). Разумеется, поход Ясона с минийцами в Армению, Албанию, Мидию производит впечатление вполне мифологического сюжета. Но в Армении есть упомянутый минийский топоним Μινυάς, а Страбону (XI. 14. 14) известны вполне исторические фракийцы-сарапары («отрезающие головы»). Заслуживают внимания и некоторые аргументы Г. Б. Джаукяна (1984, 11–12) в пользу присутствия фракийцев в Армении (на наш взгляд, не все)[7].

Примечательно, что и на Северном Кавказе в качестве культуртрегера выступает еще один герой фракийского происхождения: обитавший тут, ближе к Прикаспию, народ комары соединяется в греческой традиции с Дионисом, который поселился у них по возвращении из Индии и передал им вакхические обряды.

Подводя итог изложенному о фракийцах на Кавказе — в Армении, Албании, на Северном Кавказе — можно думать, что под легендарными преданиями о походе сюда Ясона с миниями и пребывании тут Дио-

[5] В «Одиссее» (XII. 70) упоминается «всеми воспетый Арго, плывущий от Эета», это — минийское ядро саги о плавании аргонавтов в Колхиду. Гесиоду известно минийское предание о плавании Ясона за руном, история с Медеей и возращение аргонавтов в Иолк (Theog. 992–999), также мотив с бараном, Фриксом (fr. 51 Rzach).

[6] См.: Яйленко 2013, 128. По Плинию (NH. VI. 30), валлы и суаны (сваны) добывают золото в рудниках Гурдинских гор. Это Западный Кавказ: сваны обитают в горах Юго-Запада, валлы Северо-Запада.

[7] Это следующие данные. 1) В названии города Ispilibria, упоминаемого ассирийскими надписями IX в. , не исключено наличие фрак. bria «город». 2) Давно бытующее в науке отождествление имени местности в Грузии Триалети (арм. Tʿrełkʿ) с этнонимом фракийских треров (Τρῆρες); отсюда возможно и сопоставление имени фракийского народа Σκαιοί с арм. (h)skay «гигант, великан», что поддерживается аналогичным развитием этнонима киммерийцев в груз. gmiri, осет. g̱ymīry/gumeri, gæmeri «великан». 3) Согласно армянскому историку X в. Ованесу Драсханакертци, дед Гайка (первопредок армян) Тирас был прародителем фракийцев. Понятно, что эта генеалогия восходит к античности (в средние века фракийцев не было) и что это мифическая генеалогия, но за нею могут стоять данные о фракийцах, миниях в Закавказье, в том числе приведенные нами.

ниса кроется некая историческая подоплека в виде миграции каких-то фракийских племен эпохи раннего железного века. Равным образом не исключено появление фракийцев и на Северном Кавказе, тем более, что фракийская топонимика и этнонимия, как сказано, хорошо представлена на Азиатском Боспоре — в Восточном Приазовье и предгорьях Северного Кавказа. В рассказе Страбона о войне амазонок с гаргарейцами, какими-то фракийцами и евбейцами, как мы показали, евбейцы тоже фракийцы (абанты), так что внутренняя достоверность «фракийского» в нем присутствует.

Историки Митридатовских войн, у которых Страбон почерпнул сведения об амазонках и гаргарейцах (Феофан, Гипсикрат, Метродор), судя по этому эпизоду, вкрапляли смутные представления легендарно-исторической греческой традиции о делах догомеровского и гомеровского времени в канву своих рассказов о событиях, происходивших на территории обширного царства Митридата Евпатора — как в Понте: по их рассказам, здесь отправная точка миграции амазонок и гаргарейцев, так и на Кавказе: сюда они мигрировали. Видимо, в кавказской части царства Митридата знали, что у соседних народов Северного Кавказа были женщины-воины; как и в случае с савроматами, греки Понтийского царства увидели в них термодонтских амазонок своей мифологии, отсюда и мотив их миграции на Северный Кавказ. Такой интерпретации этих историков, однако, противоречит присутствие в рассказе об амазонках вполне исторических гаргарейцев, фракийцев и евбейцев. Это могла быть та часть гаргарейцев, фракийцев и евбейских абантов Северо-Запада Малой Азии, двигавшаяся на восток в русле вероятного фракийского передвижения в Армению и Колхиду, ответвление которого достигло Северного Кавказа. Местных женщин-воительниц они назвали по своему обыкновению Ἀμαζόνες.

Фольклору северокавказских народов известны богатырствующие женщины, воюющие с мужчинами (Нарты 1957, 362–363; Нарты 1957а, 39–40, 45–50; Сказания 1981, 348 *сл.*, 382 *сл.*). Воинские подвиги нартовских женщин возможны в обществе с хорошо выраженными матриархальными чертами, и они явственно видны в нартовском эпосе (Абаев 1990, 169–171).

Часть этих нартовских сказаний восходит к античным временам, поскольку на Северном Кавказе есть женские захоронения с оружием скифского времени. Сказанием подобного рода на Северном Кавказе античного времени и является рассказ о войне местных «амазонок» с пришлыми гаргарейцами, фракийцами и евбейцами. Историки Митридатовских войн (или даже предшествующая греческая литературная традиция) по обыкновению греков сочли этих «амазонок» термодонтскими женщинами-воительницами, следствием чего стало и представление о переселении их на Северный Кавказ. Нам интересно известие Феофана (*Plut.* Pomp. 34–35), что второе сражение произошло при реке Абант (Ἄβας, *gen.* Ἄβαντος), название которой соответствует абантам-евбейцам, фигурирующим в рассказе Страбона о войне северокавказских амазонок с гаргарейцами, фракийцами и евбейцами. Собственно, Ἄβας и означает «абант» (*pl.* Ἄβαντες). По правилу общей топонимики этноним происходит от гидронима. На водную природу имени абантов указывают также топонимика и мифология Греции (см. выше). Наличие на Северном Кавказе «абантского» названия реки означает, что евбейцы-абанты рассказа Страбона об амазонках давно укоренились в данной местности, и это соответствует мнению о ранней фракийской миграции в Закавказье и на Северный Кавказ.

Как сказано, давно бытующее в науке отождествление имени местности в Грузии Триалети с этнонимом фракийских треров (Τρῆρες) делает возможным и сопоставление имени фракийского народа Σκαιοί с арм. (h)skay «гигант, великан» (Джаукян 1984, 12), что поддерживается аналогичным развитием этнонима киммерийцев в груз. gmiri, осет. g̱ymīry/ gumeri, gæmeri «великан». В этом плане интересно указание Гесихия [*s. n.* Ἄβαντες], что этноним Ἄβας равнозначен слову κολοσσός «огромная статуя». Это означает, что подобное развитие значения произошло и с этнонимом абантов, которые представлены в Илиаде выдающимися воинами. Соответственно, битвы нартовских «амазонок» с великанами-уаигами (Нарты 1957а, 45–50; Сказания 1981, 382–383) можно сопоставить с сообщением Страбона о войне северокавказских амазонок с гаргарейцами, фракийцами и евбейцами, последние из которых, как мы показали, были абантами. Разумеется, сражения нартов-мужчин и женщин с великанами — эпический троп, свойственный эпосу разных народов, но есть и сказание о битве нартов с алдаром Гумиром (Нарты 1957а, 332–333), *scilicet* с киммерийцами. И это не столько эпический полет фантазии, сколько отзвук далекой истории, поскольку исторические киммерийцы (а источники так именуют и скифов) совершали походы со степного юга России в Ассирию, Закавказье, Малую Азию через черноморское и каспийское побережья Кавказа (*Hdt*. I. 103–104), когда и могли происходить их столкновения с местным населением. Аналогичным образом историческую подоплеку имеет и рассказ Страбона о войне амазонок с гаргарейцами, фракийцами, евбейцами. Придя на Северный Кавказ, эти фракийцы по своему обыкновению прозвало в своих сказаниях амазонками местное население с его рудиментарными чертами матриархата и женщинами-воинами. Военные столкновения пришлых фракийцев с северокавказским населением и нашли отражение в рассмотренном рассказе Страбона.

Литература

Абаев В. И. Избранные труды. Владикавказ, 1990. Т. 1.

Акопян А. А. Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ереван, 1987.

Джаукян Г. Б. Фракийцы в Армении // Античная балканистика. Предварительные материалы к международному симпозиуму. М., 1984.

Нарты. Кабардинский эпос. М., 1957.

Нарты. Эпос осетинского народа. М., 1957а.

Откупщиков Ю. В. Догреческий субстрат. Л., 1988.

Сказания о нартах. Осетинский эпос. Цхинвали, 1981.

Тревер К. В. Очерки по истории и культуре кавказской Албании. М.; Л., 1959.

Яйленко В. П. Очерки этнической, политической и культурной истории Скифии VIII–III вв. до н. э. М., 2013.

Яйленко В. П. Фрако-дакийская и иллирийская топонимика Северного Причерноморья (Сарматии и Скифии) // Древности Боспора. М., 2014. Т. 18.

Яйленко В. П. Три историко-ономастических фракийско-скифских очерка: алазоны, амазонки, Эксампей // Боспорские исследования. Керчь, 2016. Т. 32 (в печати).

Cavaignac E. Hépat de Comana et les amazones // Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. 1950. Bd. I. Hft. 1.

Leonhard W. Hettiter und Amazonen. B.; Lpz., 1911.

Pape W., Benseler G. E. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig, 1884.

Werner J. Das Kolchische und das Thrakische // Klio. 1981. Bd. 63.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Балахванцев Арчил Савелич – к. и. н., н. с. Отдела истории и культуры Древнего Востока ИВ РАН. E-mail: balakhvantsev@gmail.com

Брилева Ольга Александровна – к. и. н., н. с. Государственного музея искусств народов Востока. E-mail: helga_brileva@mail.ru

Вальчак Сергей Борисович – к. и. н., н. с. Отдела скифо-сарматской археологии ИА РАН. E-mail: valchaks@yandex.ru

Вахтина Марина Юрьевна – к. и. н., с. н. с. Отдела истории античной культуры ИИМК РАН. E-mail: vakhtina@rambler.ru

Вертиенко Анна Владимировна – к. и. н., н. с. Отдела Евразийской степи ИВ им. А. Е. Крымского НАН Украины. E-mail: vertana7@mail.ru

Геюшева Тукезбан Низами гызы – доктор философии по истории, в. н. с. ИАЭ НАН Азербайджана. E-mail: goyushova72@mail.ru

Дараган Марина Николаевна – к. и. н., с. н. с. Отдела археологии раннего железного века ИА НАН Украины. E-mail: darmar@ukr.net

Демиденко Сергей Викторович – к. и. н., с. н. с. Отдела скифо-сарматской археологии ИА РАН. E-mail: svdemidenko@hotmail.com

Джопуа Аркадий Иванович – к. и. н., с. н. с. Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулия. E-mail: arkadi100@rambler.ru

Ильюков Леонид Сергеевич – к. и. н., с. н. с. ЮНЦ РАН. E-mail: Ilykov@ssc-ras.ru

Кадиева Анна Анатольевна – н. с. Отдела археологических памятников ГИМ. E-mail: adelgeida85@mail.ru

Канторович Анатолий Робертович – д. и. н., зав. кафедрой археологии исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. E-mail: kantorovich@mail.ru

Кашуба Майя Тарасовна – к. и. н., чл.-корр. Германского археологического института, с. н. с. Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН. E-mail: mirra-k@yandex.ru

Ковалевская Вера Борисовна – д. и. н., в. н. с. Отдела теории и методики ИА РАН. E-mail: ver.kov@mail.ru

Кузнецова Татьяна Михайловна – к. и. н., с. н. с. Отдела скифо-сарматской археологии ИА РАН. E-mail: mamulya-kuznecova@yandex.ru

Кулланда Сергей Всеволодович – к. и. н., с. н. с. Отдела истории и культуры Древнего Востока ИВ РАН. E-mail: s.v.kullanda@gmail.com

Логинова Екатерина Юрьевна – лаборант Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа. E-mail: loginova213@gmail.com

Лукьяшко Сергей Иванович – д. и. н., зав. лаб. археологических исследований ЮНЦ РАН. E-mail: sciphica@ssc-ras.ru

Магомедов Рабадан Гаджиевич – к. и. н., с. н. с. Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. E-mail: mag-rabadan@yandex.ru

Маслов Владимир Евгеньевич – к. и. н., н. с. Отдела скифо-сарматской археологии ИА РАН. E-mail: maslovlad@mail.ru

Махортых Сергей Владимирович – д. и. н., в. н. с. Отдела раннего железного века ИА НАН Украины. E-mail: makhortykh@yahoo.com

Медведская Инна Николаевна – д. и. н., в. н. с. Отдела Древнего Востока ИВР РАН. E-mail: orinst@mail.ru

Нюшков Валентин Александрович – к. и. н., с. н. с. Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулия. E-mail: valenti74@yandex.ru

Папуашвили Реваз Иосифович – к. и. н., с. н. с. Центра Археологии Национального Музея Грузии. E-mail: revazpapuashvili@yahoo.com

Переводчикова Елена Владимировна – к. и. н., независимый исследователь. E-mail: perevelena@yandex.ru

Пирцхалава Марина Северьяновна – к. и. н., с. н. с. Центра Археологии Национального Музея Грузии. E-mail: marinepircxalava@yahoo.com

Рябкова Татьяна Владимировна – к. и. н., с. н. с. Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа. E-mail: ryabkova-tatyana@mail.ru

Симонян Акоп Ервандович – профессор, к. и. н., зам. директора Научно-исследовательского Центра историко-культурного наследия при Министерстве Культуры Армении. E-mail: haksimon@gmail.com

Скаков Александр Юрьевич – к. и. н., с. н. с. Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья ИВ РАН. E-mail: skakov09@gmail.com

Чвырь Людмила Анатольевна – д. и. н., г. н. с. Отдела истории и культуры Древнего Востока ИВ РАН. E-mail: lchvyr@yandex.ru

Чугунов Константин Владимирович – с. н. с. Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа. E-mail: chugunovk@mail.ru

Чшиев Владимир [Хасан] Таймуразович – с. н. с. Института Истории и Археологии РСО – Алания. E-mail: hacht@mail.ru

Эрлих Владимир Роальдович – д. и. н., г. н. с. Государственного музея искусств народов Востока. E-mail: verlikh@bk.ru

Яйленко Валерий Петрович – д. и. н., профессор МПГУ. E-mail: valeryjailenko@gmail.com

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМА – Античный мир и археология. Саратов

АО – Археологические открытия. М.

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л., СПб.

ВГМГ – Вестник Государственного музея Грузии. Тбилиси

ВДИ – Вестник Древней истории. М.

ГАИМК – Государственная Академия Истории Материальной Культуры. Л.

ГИМ – Государственный исторический музей

ЕГУ – Ереванский государственный университет

ИАБНО – Известия Абхазского научного общества. Сухуми

ИАК – Известия Императорской археологической комиссии. СПб.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии. М.

КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Л.

ЛГУ – Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова. Л.

МАР – Материалы и исследования по археологии России

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М. – Л.

МИАР – Материалы и исследования по археологии России. М.

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь

МАК – Материалы по археологии Кавказа. Москва

МКА – Материальная культура Азербайджана. Баку

МИСК – Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь

НИЦИКН – Научно-исследовательский Центр Историко-культурного Наследия при Министерстве культуры РА

ОАВЕС ГЭ – Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа. СПб.

ОАК – Отчеты Императорской археологической комиссии. СПб.

ПАИ – Полевые археологические исследования. Тбилиси

ПАЗ – Полтавський археологічний збірник. Полтава

ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры. М. – Магнитогорск

РА – Российская археология. М.

РАЕ – Российский Археологический ежегодник. СПб.

РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд. М.

СА – Советская археология. М.

САИ – Свод археологических источников. М.

СОГОМИАЛ – Северо-Осетинский государственный объединенный музей истории, архитектуры и литературы

ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа. СПб.

ХАЭЭ – Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция

ANES – Ancient Near Eastern Studies. Louvain

AA – Archäologischer Anzeiger. Berlin

BAVA – Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Archäologie. München

BBV – Berliner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte. Berlin

BIWA – Borger R. Beiträge zum Inschriften-werk Assurbanipals. Wiesbaden, 1996

BiOr – Bibliotheca Orientalis. Leiden

BSOAS – Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London

CAD – The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago. Chicago, 1961. Vol. 21

CAH – The Cambridge Ancient History. Cambridge

FGrH – Fragmente der griechischen Historiker / Hrsg. von F. Jacoby. Berlin–Leiden, 1923

HSCP – Harvard Studies in Classical Philology. Harvard

IA – Iranica Antiqua. Leiden

IEJ – Israel Exploration Journal. Jerusalem

JAOS – Journal of the American Oriental Society. Ann Arbor

JIES – The Journal of Indo-European Studies. Hattiesburg

KBo – Keilschrifttexte aus Boghazköi. Leipzig und Berlin

NCED – S.L. Nikolayev, S.A. Starostin. A North Caucasian Etymological Dictionary. Edited by S.A. Starostin. Moscow, 1994

PBF – Prähistorische Bronzefunde. München/Stuttgart

ZfN – Zeitschrift für Numismatik. Berlin

СОДЕРЖАНИЕ

Чвырь Л. А. М. Н. Погребова: монография и её автор (антропология академической жизни) 5
Список работ М. Н. Погребовой 10
Балахванцев А. С. Абсолютная хронология архаической Скифии: восточные реперы 15
Брилева О. А. Образ всадника и всадницы в антропоморфной пластике Кавказа 25
Вальчак С. Б. Предскифская археология Восточной Европы и некоторые памятники Закавказья 28
Вахтина М. Ю., Кашуба М. Т. Раннескифские зеркала с боковой ручкой в Северном Причерноморье: греческое или местное производство? 42
Вертиенко А. В. «Лук Митры»: информативность авестийских источников для археологических исследований 49
Геюшева Т. Н. Бронзовый пояс из Кедабека 55
Дараган М. Н. О раннескифском колчанном наборе из погребения 1, кургана 4 у с. Гладковщина 62
Джопуа А. И., Нюшков В. А. Скифы и древняя Абхазия. К проблеме этнокультурных связей 76
Ильюков Л. С. Крестовидные бляхи раннего железного века из степей Восточной Европы 80
Кадиева А. А., Демиденко С. В. Произведения пластики малых форм эпохи раннего железного века из могильника Заюково-3 (Гунделен) (Кабардино-Балкария) 85
Канторович А. Р. Образ лошади в восточноевропейском скифском зверином стиле 89
Ковалевская В. Б. Кони Ближнего Востока (III–I тыс. до н. э.) 115
Кузнецова Т. М. Келермесский могильник и система скифской хронологии архаического периода 124
Кулланда С. В. Кавказ и сопредельные регионы по лингвистическим данным (III–I тыс. до н.э.) 135
Логинова Е. Ю. Урартский (?) сосуд из раскопок Н. И. Веселовского на Кубани 141
Лукьяшко С. И. Скифские луки 149
Магомедов Р. Г., Эрлих В. Р. Луткунский клад киммерийского времени из Южного Дагестана (предварительное сообщение) 155
Маслов В. Е. Раннескифская история и Геродот 162
Махортых С. В. Пронизи для перекрестных ремней из северокавказских памятников VII–VI вв. до н. э 171
Медведская И. Н. К вопросу о становлении мидийской культуры 186
Папуашвили Р. И., Балахванцев А. С. Биметаллические клевцы из могильников Колхиды (Эргета II, Цаиши) 199
Переводчикова Е. В. «Визуальный фольклор», lingua franca и происхождение скифского звериного стиля 207
Пирцхалава М. С. Костяная бутероль из поселения Трелигореби (Грузия) 211
Рябкова Т. В. Шаровидные навершия с прорезными бубенцами из раннескифских памятников Закубанья 215
Симонян А. Е. Курганы аристократии эпохи поздней бронзы некрополя Верин Навер 222
Скаков А. Ю. Обзор новых находок кобано-колхидских орнаментированных топоров 229
Чугунов К. В. Торевтика азиатских номадов и Древний Восток: к вопросу об одном из компонентов искусства Аржана-2 242
Чшиев В. [Х.] Т. Кавказско-северопричерноморские связи в эпоху поздней бронзы — раннего железа (по новым материалам кобанских памятников Северной Осетии — Алании) 248
Яйленко В. П. Амазонки Страбона на Северном Кавказе 252
Сведения об авторах 257
Список сокращений 259

CONTENTS

Chvyr L.A. M.N. Pogrebova: work and her author (anthropology of academic life) 5
M.N. Pogrebova's publications 10
Balakhvantsev A.S. The Absolute Chronology of Archaic Scythia: Eastern benchmarks 15
Brileva O.A. Type of bronze figures of horsemen and horsewomen in anthropomorphic sculpture of the Caucasus 25
Vakhtina M.Ju., Kashuba M.T. Early Scythian Mirrors with Side Handles in the North Black Sea Region: Greek or Local Production? 28
Valchak S.B. Prescythian archeology of Eastern Europe and some archaeological sites of Transcaucasia 42
Vertiienko H.V. Bow of Mithra: Informativity of the Avestan Materials for Archaeological Researches 49
Goyushova T.N. A bronze belt found at Gadabey 55
Daragan M.N. An early Scythian quiver from Burial 1 of Kurgan 4 near Gladkovschina 62
Jopua A.I., Nyushkov V.A. Scythians and ancient Abkhazia. On the problem of ethno-cultural ties 76
Ilyukov L.S. Cross plaques of early iron age of Eastern Europe 80
Kadieva A.A., Demidenko S.V. The works of sculpture of small forms of the early Iron Age from necropolis Zayukovo-3 (Gundelen) in Kabardino-Balkaria (preliminary publication) 85
Kantorovich A.R. Image of horse in the East European Scythian animal style 89
Kovalevskaja V.B. Horses of the Near East in the IIIrd — Ist millennia BC 115
Kuznetsova T.M. Kelermesskaya Burial Ground and the System of the Scythian Chronology of Archaic Period 124
Kullanda S.V. The Caucasus and the adjacent regions in the IIIrd — Ist millennia BC from linguistic evidence 135
Loginova E.Iu. Urartian (?) vessel from N.I. Veselovsky excavation in the Kuban River region 141
Loukjashko S.I. Scythian bows 149
Magomedov R.G., Erlikh V.R. The Lutkun Hoard of Cimmerian epoch from Southern Dagestan: An interim report 155
Makhortykh S.V. Harness fittings from the North Caucasian sites of VII–VI centuries BC 162
Maslov V.E. Early Scythian history and Herodotus 171
Medvedskaya I.N. On the Formation of Median Culture 186
Papuashvili R.I., Balakhvantsev A.S. Bimetallic Pickaxes from Colchidian Necropolis (Ergeta II, Tsaishi) 199
Perevodchikova E.V. «Visual folk-lore», lingua franca and the genesis of Scythian Animal Style 207
Pirtskhalava M.S. A bouterolle from the settlement of Treligorebi 211
Riabkova. T.V. Rattle pole-tops from Early Scythian monuments of the Kuban region 215
Simonyan H.Ye. The Kurgans of Aristocracy of the Late Bronze Age Necropolis of Verin Naver 222
Skakov A.Iu. Overview of new findings on Coban-Colchidian ornamented axes 229
Chugunov K.V. Toreutics of Asian Nomads and the Ancient East. One of the Components of Art of Arzhan-2 242
Chshiev V. [H.] T. The Caucasian-Pontic relationships in the Late Bronze–Early Iron Age (on the new materials from Koban sites of Northern Ossetia — Alania) 248
Yailenko V.P. Strabo's Amazons of the North Caucasus 252
The Authors 257
Abbreviations 259

Научное издание

КАВКАЗ И СТЕПЬ НА РУБЕЖЕ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Материалы международной научной конференции, посвященной памяти Марии Николаевны Погребовой (Москва, 25–27 апреля 2016 г.)

Ответственные редакторы ***А. С. Балахванцев, С. В. Кулланда***

Обработка иллюстраций, оформление и вёрстка ***А. Н. Барыкин***

Издательство Института востоковедения РАН
107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12
Тел./факс: (495) 621-18-84, e-mail: info@ivran.ru

Подписано в печать 08.08.2016 г.
Формат 60 × 90 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Условн. печ. л. 38.
Тираж 300 экз. Заказ № ____

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор».
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpk.ru, e-mail: marketing@chpk.ru, тел. 8 (495) 988-63-87